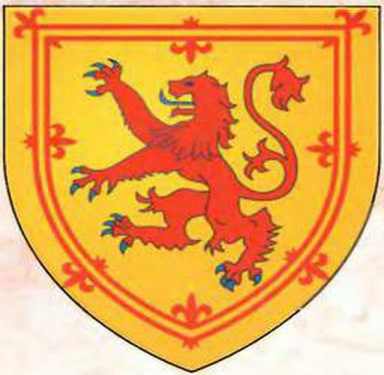
2000 ЛЕТ ИСТОРИИ СТРАНЫ
ОТ УЧАСТНИКОВ
И ОЧЕВИДЦЕВ СОБЫТИЙ

ШОТЛАНДИЯ



АВТОБИОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
РОЗМАРИ ГОРИНГ

ЭКСМО

Шотландия. Автобиография

Розмари Горинг, Корнелий Тацит, Жан Фруассар, Уильям Драммонд, Джеймс Робертсон, Даниель Дефо, Сэмюэл Джонсон, Давид Юм, Адам Смит, Вальтер Скотт, Роберт Луис Стивенсон, Роберт Оуэн, Дэвид Ливингстон, Артур Конан Дойл, Кеннет Грэм, Уинстон Черчилль, Мюриэл Спарк, Эдвин Мюир, Уильям Бойд, Мюриэл Грей

Аннотация
Шотландия. Автобиография
Р. Горинг. Предисловие
Открытие Скара-Брэй. Профессор Вир Гордон Чайлд
Агрикола изучает побережье Шотландии, ок. 80 года. Корнелий Тацит
Смерть святого Колумбы, 597 год. Адамнан
Вторжение викингов, 870 год. Матвей Парижский
Сражение между саксами и северянами, 937 год.

Англосаксонская хроника
Король Скотии оскорбляет короля Англии, ок. 971–975 года. Уильям Мальмсберийский
Английская мода, XI столетие. «Шотландский хроникон»
Инвектива против скоттов, XI столетие. Аилред из Риво
Пленение Уильяма I англичанами, 1174 год. Уильям Ньюбургский
Наставления клиру, XIII век. Шотландское церковное уложение
Религиозные обители, 1207 год. Жерваз Кентерберийский
Сожжение епископа, 1222 год. Анналы Дунстейбла
Коррупция в церкви, 1271 год. Хроника Ланнеркоста
Смерть Александра III, 19 марта 1286 года. Хроника Ланнеркоста
Гибель Норвежской девы, 26 сентября 1290 года. Народная баллада
Возвышение и падение Уильяма Уоллеса, 1297–1305 годы. Слепой Гарри
Казнь Уильяма Уоллеса, 23 августа 1305 года. Анонимный источник
Битва при Бэннокберне, 23–24 июня 1314 года.

Джон Барбор
Битва при Бэннокберне: английский взгляд, 23–24 июня 1314 года. Роберт Бастон
Арбротская декларация, 6 апреля 1320 года
Эпитафия Роберту Брюсу, 1329 год. Уолтер Боуэр
Эпидемия птичьего гриппа, 1344 год. Джон Фордун
Черная смерть, 1350 год. Джон Фордун
Старый союз, 1385 год. Жан Фруассар
Акты парламента
Убийство короля Джеймса (Иакова) I, 20 февраля 1437 года. Из воспоминаний фрейлины королевы Джоанны
Битва при Флоддене, 9 сентября 1513 года. Томас Рутолл
Похвала овсяным лепешкам, 1521 год. Джон Мейджор
Сожжение Джорджа Уишарта, 1 марта 1546 года. Джон Нокс
Убийство кардинала Дэвида Битона, 29 мая 1546 года. Джон Нокс
Джон Нокс извиняется перед королевой Елизаветой, 1559 год. Джон Нокс
Мария Шотландская прибывает в страну, 19 августа 1561 года. Джон Нокс
Мария Шотландская просит о помощи королеву

Елизавету, 1 мая 1568 года. Мария Шотландская
Закон против роскоши, 1581 год
Обычаи горцев, 1582 год. Джордж Бьюкенен
Плач Марии Шотландской на казни, 8 февраля 1587 года. Мария Шотландская
Казнь Марии Шотландской, 8 февраля 1587 года. Роберт Уингфилд
Ведьмы Северного Бервика, 1591 год. «Известия из Шотландии»
Запрет играть на волынках по воскресеньям, 1593 год
Мятеж в грамматической школе, 1595 год. Роберт Биррел
Побег разбойника, 14 апреля 1596 года. Томас Скроуп
Шотландская кухня, 1598 год. Файнс Морисон
Первое празднование Нового года, 1600 год
Союз двух корон, 24 марта 1603 года. Роберт Кэри
Зло табакокурения, 1604 год. Джеймс (Иаков) VI и I
Бен Джонсон в Шотландии, 1618–1619 годы. Уильям Драммонд из Готорндена
Впечатления от Эдинбурга, 6 июня 1634 года. Сэр Уильям Бреретон
Ковенант, 1637 год. Джон Ливингстон
Битва при Дунбаре, 3 сентября 1650 года. Оливер

Кромвель
Плантации в Новом Свете, 1665 год
Убийство архиепископа Шарпа, 3 мая 1679 года. Джеймс Рассел
Битва при Килликрэнки, 27 июля 1689 года. Граф Балкаррес
Резня в Гленко, 13 февраля 1692 года
Гэлы и их острова, 1695 год. Мартин Мартин
Голод, 1696 год. Патрик Уокер
Дарьенская авантюра, 25 декабря 1699 года. Преподобный Арчибальд Стобо
Союз между Англией и Шотландией, 1707 год. Даниель Дефо, городской совет Стерлинга, Джордж Локхарт из Карнуэта
Побег якобита из Тауэра, 23 февраля 1716 года. Уинифред Найтедейл
Манеры, 1720 год. Адам Петри
Последствия парламентской унии, 1723 год. Даниель Дефо
Мятеж Портеуса, 14 апреля 1736 года. Преподобный Александр Карлайл
Битва при Престонпэнсе, 21 сентября 1745 года. Преподобный Александр Карлайл
Битва при Куллодене, 16 апреля 1746 года. Полковник Кер из Градина
После Куллодена, апрель 1746 года. Роберт Форбс

Якобитские сироты, 1746 год. Джон Макдональд
Предрассудки и наказания, 1754–1777 годы. Преподобный Джон Милл
Шотландский театр, 1755 год. Преподобный Александр Карлайл
Шотландец встречается с Вольтером, 24 декабря 1764 года. Джеймс Босуэлл
Новый город, 1767 год. «Шотландский журнал»
Изобретение парового двигателя, 1769 год. Джеймс Уатт
Энциклопедия Британника, 1771 год. Уильям Смелли
Доктор Джонсон прибывает в Шотландию, 14 августа 1773 года. Джеймс Босуэлл
Впечатления от Шотландии, 1773 год. Сэмюел Джонсон
Американская война за независимость, 1776 год. Полковник Арчибальд Кэмпбелл
Богатство наций, март 1776 года. Давид Юм
Кончина Давида Юма, 25 августа 1776 года. Адам Смит
Сахарные плантации на Ямайке, 1784 год. Захария Маколей
Состязание волынщиков, 1784 год. Б. Фоже Сен-Фон
Роберт Бернс получает признание, 1786 год. Генри

Маккензи
Определение возраста Земли, 1788 год. Джеймс Хаттон, Джон Плейфер
Вальтер Скотт знакомится с Робертом Бернсом, 1787 год. Сэр Вальтер Скотт
Оспа, 1791 год. Преподобный Томас Поллок
Двадцать лет перемен, 1792 год. Уильям Крич
Суд над «Чумой Шотландии», 30–31 августа 1793 года. Томас Мюир
Африканская экспедиция, 1796 год. Мунго Парк
Генри Реберн, начало 1800-х годов. Аллан Каннингем
Эмиграция из Хайленда, 1806 год. Джеймс Крэйг
Поэмы Оссиана, 1806 год. Сэр Вальтер Скотт
Строительство маяка Белл-Рок, сентябрь 1807 года. Роберт Стивенсон
Шахтеры, 1808 год. Роберт Бонд
Рождение исторического романа, 1814 год. Генри Кокберн
Битва при Ватерлоо, 18 июня 1815 года. Сержант Диксон
Закон и порядок в Хайленде, 1816–1826 годы. Джозеф Митчелл
Социальный эксперимент, 1816 год. Роберт Оуэн
Выселения в Сазерленде, 1816 год. Дональд Маклауд

Основание газеты «Скотсман», январь 1817 года. Генри Кокберн
Радикалы на площадке для игр, 1819 год. Александр Сомервилл
Посещение Георгом IV Шотландии 14 августа 1822 года. Джон Гибсон Локхарт
Дети-рабочие на фабрике в Данди, 1824 год. Джеймс Майлз
Рецепт хаггиса, 1826 год. Мег Доддс
Поиски сахарной сосны, 1826 год. Дэвид Дуглас
Условия перевозки переселенцев, 1827 год. Стряпчий Хантер
Продажа жены, 1828 год
Сазерленд после «очистки земель», 1828 год. Дональд Маклауд
Слушание дела Берка и Хэра, 24 декабря 1828 года. Уильям Хэр
Визит Мендельсона в Шотландию, 1829 год. Феликс Мендельсон-Бартольди
Воспоминания о жизни Эдинбурга, начало 1800-х годов. Генри Кокберн
Эпидемия холеры, 1832 год. «Гринок эдвертайзер»
Показания угольщиков, 1840 год. Джанет Камминг, Джанет Аллен, Джейн Джонсон, Исабель Хогг, Джейн Пикок Уотсон, Кэтрин Логан, Хэлен

Рид и Маргарет Уотсон
Улицы нечистот, 1842 год. Д-р У. Л. Лори
Раскол в шотландской церкви, 1843 год. Преподобный Маклин
Начала фотографии, 1845 год. Дэвид Октавиус Хилл
Железнодорожная мания, 1847 год. Джозеф Митчелл
Эксперименты с хлороформом, 1847 год. Джеймс Симпсон
Бесчинства в Кайтнессе, 1847 год. «Инвернесский курьер»
Виктория и Альберт в Балморале, 1848 год. Королева Виктория
Эндрю Карнеги и библиотеки, 1853 год. Эндрю Карнеги
Налоговая декларация Томаса Карлейля, 21 ноября 1855 года. Джейн Карлейль
Потрошильщицы рыб, 1859 год. Чарльз Ричард Уэлд
Стервятники, май 1859 года. «Аргайлшир геральд»
«Славное двенадцатое», 1859 год. Чарльз Ричард Уэлд
Эдинбургский детектив за работой, 1861 год. Джеймс Маклеви

Абботсфорд, ловушка для туристов, 1863 год. Эдвард Брэдли
Миссионер посещает Гринок, 1865 год. Уолтер Ганн
Первый в Шотландии футбольный матч, 1868 год. Роберт Парднер
Беспорядки на матче по гольфу в Мусселбурге, 22–23 апреля 1870 года. «Скотсман»
Доктор Ливингстон найден Генри Мортоном Стэнли, ноябрь 1871 года. Дэвид Ливингстон
Изобретение телефона, 1875 год. Александр Грэм Белл
«Шесть пенни в одежке, девять голяком», 1878 год. Джон Лейвери
Кампания Мэри Слессор за спасение младенцев, конец 1870–1880 годы. Мэри Слессор
Сумасшедший дом, 1878 год. Кристиан Уотт
Крушение железнодорожного моста через Тай, 28 декабря 1879 года. Уильям Макгонагалл
Среди обитателей «черных домов», ок. 1880 года. Джон Уилсон
Катастрофа во время рыбной ловли у Аймута, 14 октября 1881 года. Джордж Коллин и Джордж Патерсон
Битва при Брейсе, 18 апреля 1882 года. Александр Гау

«Остров сокровищ», 1882 год. Роберт Луис Стивенсон
Происхождение Шерлока Холмса, 1891 год. Сэр Артур Конан Дойл
Кейр Харди избран первым депутатом парламента от рабочей партии, 3 августа 1892 года. Кейр Харди
Комик «из народа» пытает счастье в Лондоне, март 1900 года. Гарри Лодер
Спуск в шахту в Файфе, 1900 год. Келлог Дерланд
Премьера «Питера Пэна», декабрь 1904 года. Макс Бирбом
Ранние приключения мистера Жабба, май 1907 года. Кеннет Грэм
Принудительное кормление суфражисток, 1909 год. Офицеры медицинской службы тюрем Перта и Барлинни
Жизнь на фронте во Франции, 1915–1918 годы. Дэвид Смит
Забастовка квартиросъемщиков в Глазго, октябрь 1915 года. «Глазго геральд»
Госпиталь на Западном фронте, июль 1916 года. В. К. К. Каллум
Красный Клайдсайд бурлит, 31 января 1919 года. «Стачечный бюллетень»
Затопление германского «Большого флота» у

Скапа-Флоу, 21 июня 1919 года. Джеймс Тейлор
Черчилль накануне поражения, 14 ноября 1922 года. Уинстон Черчилль
Обеспокоенность церкви, 1923 год. Генеральная ассамблея шотландской церкви
Эрик Лидделл завоевывает золото на Олимпиаде, 11 июля 1924 года. «Эдинбург ивнинг ньюс»
Изобретение телевидения, октябрь 1925 года. Джон Лоджи Бэйрд
Рождение мисс Джин Броди, 1929 год. Мюриэл Спарк
Эвакуация Сент-Килды, 29–30 августа 1930 года. «Глазго геральд»
Ореол Бернса потускнел, 1930 год. Кэтрин Карсуэлл
Лохнесское чудовище, 1933 год. Р. Т. Гущ, лейтенант-коммандер Королевского флота (в отставке)
Гувернантка королевы, 1933 год. Мэрион Кроуфорд
Эдинбург и его уличные девки, 1934 год. Эдвин Мюир
Голодная проститутка, 1935 год. Ральф Глассер
Гражданская война в Испании, май 1937 года. Этель Макдональд
Бенни Линч сохраняет «тройную корону», 12 октября 1937 года. «Скотсман»

Марш «оранжистов» в Глазго, 1938 год. Дж. Р. Аллан
Изнасилование, конец 1930-х годов. Айса Порт
Потопление парохода «Арандора стар», 2 июля 1940 года. «Таймс»
Бродячее семейство, 1941 год. Дункан Уильямсон
Авианалет на Клайдбанк, 13 марта 1941 года. «Глазго геральд»
«Отказник» по убеждениям, 1941 год. Норман Маккейг
Рудольф Гесс приземляется в Шотландии, 13 мая 1941 года. «Глазго геральд»
На маневрах с войсками местной обороны, 1943 год. Джордж М. Голл
Военнопленный, 1944–1945 годы. Роберт Гариох
Второй Эдинбургский фестиваль, 1948 год. Тайрон Патри
Похищение Камня судьбы, 25 декабря 1950 года. Иэн Гамильтон
Джимми Макбет, король корнкистеров, 1951 год. Хэмиш Хендерсон
Флодденская битва на футбольном поле, 15 апреля 1961 года. Дэнис Лоу
Петиция женщин, желающих стать священниками шотландской церкви, 26 мая 1963 года. Мэри Ласк

Принц Чарльз и шерри-бренди, 20 июня 1963 года. «Дейли телеграф»
Нагота на Эдинбургском фестивале, сентябрь 1963 года. «Скотсман»
Школа Гордонстоун, 1963 год. Уильям Бойд
Банда из Глазго, 1966 год. Джеймс Патрик
Шотландия побеждает Англию, 13 апреля 1967 года. Джон Рафферти
«Селтик» побеждает в Кубке чемпионов, 25 мая 1967 года. Хью Макилвенни
Националисты получают второе место в парламенте, 17 ноября 1968 года. Уинни Юинг
Тюрьма, ноябрь 1967 года. Джимми Бойл
Трагедия «Айброкс», 2 января 1971 года. «Глазго геральд»
Забастовка на верфях Верхнего Клайдсайда, 18 августа 1971 года. Джимми Рейд
Большой Джин, 1975 год. Джордж Рози
Смерть Хью Макдиармида, 9 сентября 1978 года. Алан Болд
Олимпийское золото Аллана Уэллса, 25 июля 1980 года. «Скотсман»
Папа римский в Шотландии, июнь 1982 года. Крис Баур
Скалолазание, 1980-е годы. Мюриэл Грей
Забастовка шахтеров, март 1984-март 1985 года.

Мик Макгейхи
Признание культурного наследия Глазго, 1986 год. Билли Конолли
Трагедия Локерби, 22 декабря 1988 года. Барклай Макбейн
Овсянка, 1990 год. Джордж Маккей Браун
Победа Шотландии в Большом Шлеме, 17 марта 1990 года. Иэн Андерсон
«На игле», август 1993 года. Кенни Фаркуарсон
«Летучий шотландец» устанавливает мировой рекорд скорости, 17 июля 1993 года. Грэм Обри
Выборы, лишившие Гордона Брауна лидерства, 26 мая 1994 года. «Скотсман»
Джеймс Келмен получает Букеровскую премию, 11 октября 1994 года. Саймон Дженкинс
Бойня в Дунблейне, 13 марта 1996 года. Фордис Максвелл
Овечка Долли, 5 июля 1996 года. Профессор Иэн Уилмут
День, когда похоронили принцессу Диану, 6 сентября 1997 года. Джеймс Робертсон
Шотландский парламент собирается вновь, 12 мая 1999 года. Иэн Белл
Шон Коннери: панорама жизни. Ричард Демарко
Смерть Дональда Дьюара, 11 октября 2000 года. Тревор Роил и Алан Тэйлор

Националисты приходят к власти, 4 мая 2007 года. Алекс Сэлмонд
К. Королев. Шотландия: страницы истории
Персональные благодарности
Источники и разрешения
Избранная библиография

Аннотация

Шотландия всегда находилась в тени могущественной южной соседки Англии, в борьбе с которой на протяжении многих столетий страна пыталась отстоять собственную независимость. Это соседство, ставшее причиной бесчисленных кровопролитных сражений, определило весь ход шотландской истории. И даже сегодня битва продолжается — уже не вооруженная, а экономическая, политическая, спортивная.

Впрочем, борьбой с Англией история Шотландии вовсе не исчерпывается; в ней немало своеобычных ярких и трагических страниц, о которых и рассказывает автобиография этой удивительной страны, одновременно романтической и суровой, сдержанной и праздничной, печальной и веселой.

Шотландия
Автобиография

2000 лет истории страны от участников и очевидцев событий

Под редакцией Розмари Горинг

Прошлое возможно увидеть либо как бесконечные беды и несчастья, либо как беспрерывную вереницу религиозных противоречий и войн, либо восхищаться техническим гением, либо сосредоточиться на великих людях, от исследователей до романистов и предпринимателей. Можно еще более сузить поле зрения, ограничившись интеллектуалами, или трактовать прошлое как историю стоического терпения и безжалостного угнетения.

Разумеется, в истории Шотландии присутствует все вышеперечисленное. Эта антология призвана показать, как появилась и развивалась наша страна. Истинная автобиография Шотландии, пусть безмолвная, скрывается в ее горных формациях и хребтах, в ее вулканических скалах и утесах из песчаника, в ее кернах, названиях, руинах древнейших поселений, где впервые на территории страны зазвучали человеческие голоса.

Тому и Мари

Шотландия мала? Наша многообразная, наша бесконечная Шотландия ***мала****?*
Точно так же участок на склоне холма может заставить глупца вскричать: «Один лишь вереск, и больше ничего!»
Хью Макдайармид

Р. Горинг
Предисловие

В обставленном по-спартански кабинете в северном крыле здания университета Сент-Эндрюс, в дни пребывания у власти в Великобритании Маргарет Тэтчер, можно было найти за работой одного из тех людей, которые творили историю современной Шотландии; он сидел за письменным столом вблизи окна, выходившего на сумрачную бухту, где ветер гнал череду волн. Обычно этот человек носил джинсы и свитер, его волосы словно не знали расчески, а выражение его лица было по-совиному отстраненным, и все же в нем с первого взгляда угадывался острый ум, сочетавшийся с искренним добродушием и мягким голосом. В отличие от премьер-министра Тэтчер, этот человек верил в общество; верил столь страстно, что посвятил свою жизнь поиску бесчисленных свидетельств, способных раскрыть прошлое людей самой разной социальной принадлежности.

Этого человека звали профессор Т. Ч. Смаут; он считается отцом шотландской социально-эко-

номической истории и в 1980 году перебрался из Эдинбурга в Сент-Эндрюс, который благодаря ему приобрел в конце XX столетия репутацию альма-матер современной шотландской исторической науки. Пожалуй, едва ли можно было бы найти лучшее место для изучения прошлого Шотландии, нежели этот городок на скалистом восточном побережье. Немногие места в стране способны сравниться с ним в многообразии и драматизме происходивших в них событий. Неподалеку от кабинета Смаута был некогда повешен, а затем сожжен тихий и добросердечный Джордж Уишарт, на прощание поцеловавший своего палача; всего в нескольких милях от университета раскинулась пустошь, где изменника архиепископа Шарпа выволокли из кареты и затоптали насмерть разъяренные ковенантеры. Джон Нокс в свое время укрывался в замке Сент-Эндрюс, до которого от кабинета Смаута буквально подать рукой, а история гольфа, утвердившегося в обществе в викторианскую эпоху, разворачивалась, так сказать, в двух шагах от здания исторического факультета. Здесь также учился будущий король Уильям Виндзор, вслед за которым в город хлынули толпы папарацци и светловолосых и белозубых искательниц счастья,

а секретная служба в стремлении обезопасить персону принца запечатала все городские канализационные люки.

Целый год в начале 1980-х я была студенткой Т. Ч. Смаута, одной из дюжины тех, кто стремился получить степень по социально-экономической истории — и одной из тех двоих (вторым был юноша из Ливерпуля), кто решил прослушать курс профессора об истоках истории Шотландии. Из курса мы узнали, что хотя историю по большей части пишут те, кто находится у власти, возможно все же узнать и мнение тех, кто был этой власти лишен. Церковные и судебные книги, к примеру, дают редкую возможность заглянуть в жизни простых людей, будь то служанка, осужденная за распутство, муж, обвиненный в убийстве собственной жены, или нищий, которого не желали терпеть ни в одном приходе. Читая строки завещания некоего крестьянина, словно наяву слышишь его голос… Изучая подобный материал, мы, что не удивительно, выходили с лекций по-настоящему заинтригованными. Скажу так: после прослушивания этого курса Шотландия стала восприниматься иначе.

И это было оправданно. Когда в 1969 году Смаут опубликовал свою книгу «История шотландско-

го народа, 1560–1830 гг.», история Шотландии словно открылась нам с новой стороны. Эта работа, глубокая, изобилующая прозрениями и размышлениями, изменила не только подход к историографии, но и взгляды шотландцев на самих себя и наследие предков. Пусть в Шотландии и до Смаута многие обращались к исследованию социально-экономической истории страны, никто из прежних авторов не предпринимал попытку «перекалибровать» эту историю в социальной перспективе, то есть не пытался понять чувства и оценить деяния простых шотландцев, а не только правящей элиты; никто не изучал повседневную жизнь, а не экстравагантные привычки власть предержащих. Смаут принадлежал к исследователям новой волны, захлестнувшей Европу и Америку; в этих работах жизнь маленького человека, жизнь народа, наконец-то обрела свое законное место в истории. Наконец-то на исторической арене появились те, кого можно назвать фундаментом истории любой страны.

В последующие десятилетия многие молодые историки тщательно разыскивали свидетельства, проливающие свет на социальную историю нашей страны, заполняя бесчисленные досадные лакуны, озвучивая умолчания и восполняя упу-

щения. И тот факт, что именно англичанин затеял эту революцию, лишь упрочил влияние Смаута на академическое сообщество. Воспитавший целую плеяду блестящих последователей, среди которых особняком стоит профессор Том Девайн, Смаут вместе с соратниками сделал для шотландцев, пожалуй, больше, нежели представители любой другой науки или даже истеблишмента. Пускай изучение истории вышло из моды в школах, но, как показывают издательские каталоги и рейтинг документальных телепередач, жажда познания прошлого, особенно в социально-экономической перспективе, по-прежнему остается неутоленной. Как, должно быть, отлично известно журналистам, человеческий голос, излагающий собственную историю, ничуть не утратил притягательность.

До книги Смаута, если не считать таких редких исключений, как замечательная работа Г. Дж. Грэма «Общественная жизнь Шотландии в восемнадцатом столетии», шотландская история обычно трактовалась как история королевских домов и правителей — прежде всего Уильяма Уоллеса, королевы Марии и Красавца принца Чарли, как история аристократии, политики, с упоминанием десятка общенациональных

катастроф, сказавшихся на простом народе, например голода конца XVII века или «зачистки» Хайленда, совершенно не затронувшей Низины. Подход основывался на так называемой истории жертв, которую преподавали в школах, словно в надежде, что чем отвратительнее материал, тем привлекательнее он будет для поколения, в котором несправедливо предполагали нулевой интерес к прошлому.

Но чем настойчивее становились требования деволюции, ограниченной автономии, тем яснее оказывалось, что рассказ о прошлом страны как о беспрерывной веренице убийств мало кого устраивает. Люди желали переписать национальную историю в духе американского историка Артура Хермана, который утверждал, что в зените «шотландского Просвещения» шотландцы фактически создали современный мир, предложили миру каркас философской мысли, экономические технологии и научные открытия, за которые охотно ухватились другие нации. Эта «локализованная», «самоориентированная» и «приоритетная» версия истории пользовалась особой популярностью среди националистов — например, среди тех, кто уверял, что сегодня именно шотландцы управляют Великобританией. Многие теперь пользуются

плодами двух, возможно, важнейших изобретений современности, телефоном и телевидением, сделанных шотландцами, да и первые шаги в процессе, призванном изменить мир, то бишь в клонировании, предприняты в окрестностях Эдинбурга, в той части страны, которая прежде была известна только как местонахождение Рослинской часовни, окруженной религиозными предрассудками (последние нашли отражение в романе «Код да Винчи»).

В зависимости от того, какой комплект линз вы выбираете, возможно увидеть прошлое либо как бесконечные беды и несчастья, либо как беспрерывную вереницу религиозных противоречий и войн, либо восхищаться техническим гением, либо сосредоточиться на великих людях, от исследователей до романистов и предпринимателей. Можно еще более сузить поле зрения, ограничившись интеллектуалами, или трактовать прошлое как историю стоического терпения и безжалостного угнетения.

Разумеется, в истории Шотландии присутствует все вышеперечисленное. Эта антология призвана показать, как появилась и развивалась наша страна. Чтобы и без того широкий холст не расползся, мне пришлось исключить из антоло-

гии историю шотландской диаспоры, то есть тех, кто добился успеха в жизни, только покинув родные места (а ведь среди них есть известнейшие люди, например, эколог Джон Мюир и основатель американских ВМС Джон Пол Джонс). Единственным исключением стал филантроп Эндрю Карнеги, чей вклад в создание сети библиотек принес значительную пользу многим поколениям шотландцев. Что касается тех, кто оправлялся за рубеж по профессиональной надобности, будь то солдаты, первооткрыватели, ботаники или миссионеры, их исключать было нельзя, поскольку они сыграли немаловажную роль в создании международного образа Шотландии.

Основная цель этой книги — показать историю глазами тех, кто наблюдал, как она творилась, чтобы создать яркую и поистине живую картину прошлого. Многие из приведенных в книге текстов написаны непосредственно по следам событий или же некоторое время спустя, когда события уже были осмыслены; тем не менее они, конечно, содержат неизбежные преувеличения и ошибки. Надо признать, история открывает перед нами возможность судить, насколько истинным является то или иное свидетельство. Ни один из текстов этой книги не лишен личного от-

ношения к происходящему, однако тяжелее всего определить истинность тех, где рассказчиком выступает записной лжец или человек, привычный к «перекраиванию» истории на собственный лад, а не невольный исказитель. Таков советник королевы Марии сэр Джеймс Мелвилл, который больше рассказывает, как предупреждал королеву относительно благоволения Давиду Риччо, чем вдается в подробности убийства последнего; таков и неприкрытый ура-патриотизм «Таймс» в отчете о затоплении «Звезды Арандоры» в годы Второй мировой, когда якобы ссора между немецкими и итальянскими военнопленными стоила жизни прочим пассажирам.

Несмотря на то что сегодня мы сознаем, сколь богатые пласты истории еще ожидают исследования или таятся в свежеобнаруженных документах, антология, подобная нашей, опирающаяся на повествовательные тексты, вряд ли может использовать эти открытия для ранних периодов истории. В результате для рассказа о многих ранних событиях выбраны тексты комментаторов, к которым на протяжении столетий обращались историки, будь то хроники Аилреда из Риво, Уильяма Мальмеберийского, Уолтера Боуэра или Матвея Парижского; впрочем, там, где

это представлялось возможным, я искала и в них позицию простого человека.

Изучая многие ранние документы и ранние переводы с латыни, сталкиваешься с той трудностью, которую литературный критик Генри Маккензи обнаружил в сочинениях молодого Роберта Бернса, — с едва ли не полной непостижимостью языка шотландцев. Чтобы сделать эти тексты доступными, я перевела их на современный язык. В некоторых ранних документах мы находим удивительно прозрачный язык; это означает, что они были в свое время переведены с латыни.

Истинная автобиография Шотландии, пусть безмолвная, скрывается в ее горных формациях и хребтах, в ее вулканических скалах и утесах из песчаника, в ее кернах, названиях, руинах древнейших поселений, где впервые на территории страны зазвучали человеческие голоса. Руны, вырезанные викингами на Маэс-Хоув, читаются как граффити: «Хермунд с кровавым топором вытесал эти руны», «Ингибьерг — прекраснейшая из дев», «Здесь останавливались искатели Иерусалима». Можно бесконечно размышлять о характерах людей, которые вырезали эти надписи. Но это все же не более чем шепотки прошлого. Подобно

древнейшим руинам, они искушают, однако не могут утолить любопытство.

К тому времени, когда появились хронисты, свидетельства о событиях уже нередко записывали те, кто слышал их из уст детей или внуков очевидцев. До некоторой степени они предлагают лишь упоминание о том или ином факте, обернутое, так сказать, в пелену наслоившихся впечатлений и предубеждений. Порой же и столь ненадежный свидетель, как поэзия, ухитрялась донести до потомков ценные исторические сведения. Баллады шотландской границы, представленные в антологии балладой о сэре Патрике Спенсе, записанной после того, как корабль Норвежской девы затонул в виду побережья Шотландии, отлично выражают чувства и переживания людей той эпохи; если нельзя положиться ни на что другое, можно быть уверенным, что настроения баллад в полной мере соответствуют настроениям в тогдашнем обществе.

Хронисты неизбежно повествовали больше о схватках, чем о домашних событиях, каковые, столь интересующие нас, у них не вызывали и толики любопытства. Поскольку история Шотландии и без того изобилует конфликтами, решавшимися ударом меча или веревкой палача,

я старалась по возможности не включать в антологию такие тексты, иначе лязг стали и скрип виселичной петли были бы попросту оглушительными. То есть в антологии описаны далеко не все сражения и расправы — вовсе нет.

Даже так в книге немало кровавых страниц. Никому не удастся избежать вывода, что шотландская жизнь, будь то в «кукольной» среде Скара-Брэй или во дворце Холируд, была чрезвычайно жестокой. Вдобавок люди, разумеется, более склонны записывать нечто особенное, нежели повседневное. Куда менее вероятно, что они занесут в дневник или упомянут в письме к матери очередной день в саду или за шитьем — допуская, что они умели писать и имели время для писания, — чем поделятся собственными ощущениями в периоды великих потрясений.

Поскольку церковники принадлежали к числу самых образованных (и самых занудных) шотландцев и имели досуг, чтобы присесть и черкнуть пару слов, не удивительно, что события церковной истории записывались многократно и многословно, будь то процессы еретиков и ведьм или Великий разрыв 1843 года. В самом деле, редкие эпизоды нашей истории записаны более подробно, чем тяготы и триумфы ковенантеров; в

ту пору священники с готовностью бередили собственные раны, и потому их дневники и письма читаются как исповеди.

Дурные вести обычно живописуются ярче хороших и, конечно же, порождают куда больше воспоминаний, а потому антологии, подобные нашей, часто рассказывают о мрачных фактах истории. В самом деле, если не знать, что большинство населения на протяжении поколений жило мирной и спокойной жизнью, когда основную угрозу составляли голод, болезни и переутомление (и деторождение для женщин), а вовсе не вторжения захватчиков, тогда большую часть этой антологии составили бы рассказы о почти беспрерывных войнах и вооруженных конфликтах. И это было бы, разумеется, грандиозное искажение исторической истины. По сравнению с Англией, например, средневековые шотландские монархи правили почти без помех — лишь двое из них были убиты (а в Англии — пятеро или шестеро); и до 1939 года шотландцы воевали за рубежом ничуть не меньше, чем дома. Но пока городская и деревенская жизнь текла относительно безмятежно, отдельные люди выживали не менее тяжело, как если бы подвергались постоянным нападениям.

И наиболее очевидно это было в модернизированной, индустриализованной Шотландии. Вплоть до этого времени целые слои населения оставались фактически невидимыми для историка, особенно женщины, дети и те — большинство населения, — кто не был обучен грамоте. В их жизнь удавалось заглянуть, лишь когда ее защищали, когда таких людей вызывали в суд или просто о них упоминали. Так, в начале девятнадцатого столетия, когда инженер Роберт Болд описывал условиях женского труда в шахтах, он составил поразительный и в то же время бесстрастный отчет об увиденном. И, как часто бывало в те времена, его отчет преисполнен назидательности, зато гнев, вызванный страданиями женщин, тщательно спрятан. Но когда, почти тридцать лет спустя, женщины в шахтах попали в историю, их суровые голоса заставили забыть отчет Болда. И даже при этом принудили власти к действию, вполне возможно, не эти хриплые и суровые голоса, а опубликованные вместе с ними карандашные зарисовки условий труда, изображавшие женщин и детей почти по колено в пыли; лампы на лбах, едва рассеивающие мрак в узких туннелях, где люди вынуждены передвигаться ползком… Порой слов недостаточно,

чтобы убедить тех, кто предпочитает оставаться в неведении. В годы вьетнамской войны редакторы с Флит-стрит уяснили, что зрительный образ бьет в цель точнее печатного слова. И как тут не вспомнить, что именно сотрудничество двух шотландцев — Хилла и Адамсона — позволило создать искусство фотопортрета.

Главным принципом отбора текстов для этой антологии была их «читабельность». Будет преувеличением сказать, что я прочитала и отвергла столько же, сколько включила в содержание, но на самом деле преувеличение невелико. Сулившие надежду проспекты нередко оказывались узкими тупиками. Например, весьма многообещающим казалось мне свидетельство протестанта Джорджа Бьюкенена, произнесенное на заседании португальской инквизиции в Лиссабоне. Сколь многие представали перед подобным судом и сумели оправдаться? Но даже с учетом того, что Бьюкенен отстаивал собственную жизнь, сложность приводившихся им теологических доводов делает текст свидетельства практически нечитабельным. В знак уважения памяти этого человека я включила в антологию принадлежащее ему живописное описание горцев из его нелепейшей «Истории Шотландии».

Дневники, которые часто используют для извлечения сведений о тех или иных событиях, также могут разочаровать. Таков, к примеру, чрезвычайно подробный дневник восемнадцатого столетия, который зажиточный крестьянин с Оркнейских островов Патрик Фи вел почти сорок лет. Если вас интересуют перемены климата в ту пору или поголовье овец, поставляемых на рынок, тогда обращайтесь к этому дневнику: «19 апреля 1769 года. Проливной дождь весь день, делать нечего, только засыпал навозом грядки с картошкой». Что же касается подробностей жизни на островах, здесь дневник удивительно молчалив, а людям в нем уделено куда меньше места, чем домашнему скоту. Жена самого Фи, например, упоминается, лишь когда она заболела, и то мимоходом. Более поздние тюремные дневники Джона Бойла полны самолюбования; его первая книга «Чувство свободы» намного сильнее.

Исторические сведения, вполне естественно, отягощены личными взглядами. И почему должно быть иначе? Почему бы не представить историю тем образом, который высвечивает твои действия с наилучшей стороны, пока другие не опубликовали собственные версии? Даже предпо-

ложительно объективные записи, как репортажи в газетах, могут содержать самые безумные искажения. В лучшем случае сообщения журналистов — иногда называемые первыми набросками истории — представляют собой достойную уважения попытку ухватить суть ситуации и поместить ее в контекст, лишенный предрассудков. Хотя их достоверность признается очевидной, все же стоит рассматривать репортажи как современную версию баллад шотландской границы, как яркое, живописное описание событий, включающее в себя не только сухие факты, но и эмоции. Отсюда значительное число газетных репортажей в этой книге, относящихся к XX и XXI столетиям, и многие из них рассказывают о чем-либо не столько содержанием, сколько своим тоном. Абсолютное бесстрастие, как кажется, почти невозможно, даже среди не склонных к сентиментальности репортеров. И оттого изложение лишь выигрывает.

Я признательна тем читателям «Геральд», которые прислали отзывы на публикацию этой книги в твердой обложке и не поленились сопроводить отклики собственноручно написанными впечатлениями о событиях из их повседневной жизни. Лучший из таких рассказов — опубликованный в

антологии отчет «Маневры с ополчением» Джорджа М. Голла.

Книга, подобная этой, не могла быть составлена без учета предыдущих антологий, по пути которых она следует. Из них особенно выделяются три. Первая, во всех отношениях, составлена покойной Агнес Мур Маккензи и называется «Шотландский ежедневник»; это внушительное четырехтомное издание, охватывающее историю страны с прихода римлян и до начала XIX столетия. Оно содержит множество источников, значительную часть которых миссис Маккензи перевела с латыни. Следует также воздать должное антологии «Голоса. 1745–1960», составленной Т. Ч. Смаутом и Сидни Вудом; она касается того периода истории Шотландии, когда в ней важную роль стал играть рабочий класс. И наконец, необходимо упомянуть «Репортажи о Шотландии» Луизы Йомен, ученое и любовное исследование истории страны от времен Агриколы до деволюции.

Я весьма обязана этим и многим другим книгам. Цель антологии, мною составленной, заключается в том, чтобы ввести в оборот новые голоса и новые перспективы, которые позволили бы взглянуть на историю Шотландии с новой точки зрения.

Розмари Горинг, ноябрь 2007 г.

Открытие Скара-Брэй
Профессор Вир Гордон Чайлд

В 1850 году смещение песков на побережье бухты Скайл на Оркнейских островах позволило обнаружить древнее каменное поселение. Однако лишь после нового смещения песков, в 1924 году, начались полномасштабные раскопки. С 1928 года работы возглавил профессор Вир Гордон Чайлд из университета Эдинбурга. Мир с изумлением следил за тем, как откапывали лучше всего сохранившееся неолитическое поселение Европы, пребывавшие в отличном состоянии интерьеры с каменными шкафами и даже ящиками для постелей, кухонной утварью и похожими на украшения каменными бусинами. По подсчетам ученых, это поселение существовало около 600 лет. Были найдены и человеческие останки, показавшие, что, несмотря на низкие дверные проемы и потолки, обитатели этого поселения были вовсе не пигмеями, как первоначально предполагалось, и имели рост в среднем по меньшей мере 5 футов 3 дюйма. В своем описании находок, сделанных на второй год раскопок, профессор Чайлд набросал

живописную картину жизни древних крестьян Скара-Брэй.

Раскопки прошлого года открыли нам общий план уникального комплекса каменных домов и узких крытых улиц, который до недавних пор был погребен под песчаными дюнами в бухте Скайл. Мы сумели заглянуть в домашнее хозяйство тех, кто жил здесь когда-то и в спешке покинул свои дома.

Что касается этого года, мы выяснили кое-что любопытное об иной стороне жизни древнего сообщества. Двери большинства раскопанных домов выходят на узкую, выложенную плитняком улочку, идущую с запада на восток. Мы двинулись вдоль нее в западном направлении. Как и ранее, стало очевидно, что при хорошей погоде жители поселения предпочитали проводить время на крышах своих домов, о чем свидетельствуют многочисленные остатки кухонного мусора, осколки посуды и различных приспособлений. Но выяснилось, что далее улица обрывается.

Ее перегораживали двойные ворота, причем внутренние имели массивный косяк с отверстиями в стенах по обеим сторонам; сюда явно вставлялся запор. Проходя через ворота, человек оказывался на подобии открытой площадки.

Когда мы до нее добрались, эту площадку устилал песок. Под ним обнаружились плиты, которые, в свою очередь, покоились на крупных камнях, аккуратно уложенных на слое голубой глины.

Это место совершенно точно не являлось жилым, здесь отсутствовали очаг и все те диковинные предметы мебели, каковые мы находили в домах. Более того, тут почти не было ни обломков костей, ни пустых раковин, которые древние жители беззастенчиво разбрасывали повсюду. Возможно, вымощенная площадка служила рынком. Как бы то ни было, от нее, не считая улицы, которая нас сюда вывела, отходили четыре прохода.

Один из проходов на западной стороне оказался чем-то наподобие крестообразного портика, некогда накрытого большой плитой. Две поперечины «креста» представляли собой тупики, причем в каждом имелось нечто вроде карниза, на котором стоял уже привычный нам горшок с остатками костей и ракушек — из них древние варили похлебку.

Четвертый проход привел к жилищу нового типа, имевшему форму не грубого квадрата, а вытянутую, будто груша. В центре этого жилища располагался очаг, огонь на котором когда-то

пожрал немало китовой кости: мы нашли следы пепла на полу. Повсюду были разбросаны остатки пищи, прежде всего бесчисленные раковины моллюсков, зато полностью отсутствовала какая-либо обстановка.

Мы решили, что это строение служило своего рода мастерской. В его северном конце нашлись глиняные сосуды, быть может, заготовки деревенского гончара, а на полу мы отыскали почти четыреста кусков кремня. По всей видимости, здесь, сидя у огня, трудился каменотес, и плоды его трудов столь многочисленны и столь хорошо обработаны, что поневоле возникают сомнения, знакомы ли были обитатели поселения с железом или даже бронзой. Они жили в каменном веке, сколь бы поздно тот ни наступил на этих отдаленных островах.

Другая особенность новонайденного жилища заключалась в следующем: несколько камней в стенах и опору вблизи очага украшала резьба. Эта резьба имела характерные следы и очевидно указывала на то, что ее выполняли каменными, а отнюдь не металлическими инструментами. Некоторые из найденных в этом году камней содержат строгие узоры, однако в целом эта резьба настолько произвольна, что ее можно описать

как попытки каменотеса опробовать свежеизготовленные инструменты.

Еще более неожиданные результаты принесло движение в противоположном направлении — многие из домов оказались выстроенными на фундаментах более древних жилищ. Под мощением новонайденной «рыночной площади» мы вынуждены были углубиться на восемь футов, прежде чем достигли нетронутой почвы. Если вычесть фут песка, в поселении нашелся культурный слой глубиной семь футов со следами человеческой деятельности — обломки костей и раковин, фрагменты посуды и осколки инструментов.

На три фута ниже очага в одном из домов мы раскопали остатки древнего строения. Оно представляло собой круглое помещение, перекрытое, похоже, чем-то наподобие свода; внутрь вел узкий проход, напоминавший крытые улицы позднего поселения. Прямо поверх него возвели стену дома.

Аналогичные древние строения наверняка сохранились и под другими домами, за исключением замечательного сооружения, раскопанного в прошлом году. Оно стоит на твердой скале, поверх которой имеется тонкий слой песка. Мате-

риал, полученный в ходе раскопок древнего слоя, полностью согласуется с тем, что было найдено в строениях позднего периода и на крышах и показывает, что более древние остатки — следы жизни ранних поколений того же самого народа. Наличие же песка как под, так и над этим древним слоем свидетельствует о том, что и первое поселение возводили среди дюн.

Любопытная практика перекрытия улиц вне всяких сомнений диктовалась необходимостью защищать входы в дома от песка. В месте, подобном бухте Скайл, открытой ярости северных и западных ветров, чрезвычайно легко проснуться поутру и обнаружить, что вход полностью засыпан, а постоянное откапывание лопатами, изготовленными из плечевых костей быков (именно такими пользовались жители поселения), — занятие весьма утомительное.

Агрикола изучает побережье Шотландии, ок. 80 года
Корнелий Тацит

Будучи наместником Рима в Британии, Агрикола отправил флот на север, чтобы убедиться, что земля, которую ему поручили покорить, в самом деле является островом. Так он открыл Оркнейские острова, описанные его зятем историком Тацитом, который был летописцем экспедиции. Как и для многих других гостей Шотландии, первым открытием стала погода.

Британия — наибольший из известных римлянам островов, с востока по своему положению и по разделяющему их расстоянию ближе всего к Германии, с запада — к Испании, с юга — к Галлии, откуда она даже видна; у северного ее побережья, против которого нет никакой земли, плещется беспредельное открытое море. Исходя из общих ее очертаний, красноречивейшие писатели… сравнили Британию с продолговатым блюдом и обоюдоострой секирой. Таков, действительно, ее облик вплоть до границ Каледонии, из-за чего утвердилась эта молва. Но

для проплывших огромное расстояние вдоль ее изрезанных берегов, образующих длинный выступ, которым кончается суша, Британия как бы суживается клином. Впервые обогнув эту омываемую последним морем оконечность земли, римский флот доказал, что Британия — остров; тогда же им были открыты и покорены дотоле неизвестные острова, прозывающиеся Оркадскими. Уже виднелась и Фула, но было приказано дойти только до этого места, да и зима уже приближалась. Утверждают, что море там неподвижное и очень плотное, вследствие чего трудно грести; да и ветры не поднимают на нем волнения, полагаю, из-за того, что равнины и горы, в которых причина и происхождение бурь, здесь очень редки; к тому же и громада глубокого и безграничного моря медленно и с трудом раскачивается и приходит в движение. Задерживаться на рассмотрении природных свойств Океана и приливов и отливов на нем не входит в задачу настоящего сочинения; я бы только добавил одно: нигде море не властвует так безраздельно, как здесь; оно заставляет множество рек течь то в одну, то в другую сторону; оно не только вспухает и опадает у побережья, но также вливается и прокрадывается в глубь суши и проникает даже

к подножиям горных кряжей и гор, как если б то были его владения.

Кто населял Британию в древнейшие времена, исконные ли ее уроженцы или прибывшие сюда чужестранцы, как обычно у варваров, никому не известно. Внешность же у британцев самая разнообразная, и отсюда обилие всевозможных догадок. Русые волосы и высокий рост обитателей Каледонии говорят об их германском происхождении; смуглые лица силуров, их чаще всего курчавые волосы и места поселения против Испании дают основание предполагать, что они — потомки некогда переправившихся оттуда и осевших на этих землях иберов; живущие в ближайшем соседстве с Галлией похожи на галлов, то ли потому, что все еще сказывается общность происхождения или одинаковый климат в этих расположенных друг против друга странах придает обитателям те же черты. Взвесив все это, можно считать вероятным, что в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров. Из-за приверженности к тем же религиозным верованиям здесь можно увидать такие же священнодействия, как у галлов; да и языки тех и других мало чем отличаются; больше того, британцы так же отважно рвутся навстречу

опасностям и, столкнувшись с ними, столь же малодушно норовят от них уклониться. Правда, в британцах больше упорства и дикости, ибо их еще не укротил длительный мир. Но мы знаем, что и галлы так же славились доблестью, но, с той поры как у них установилось спокойствие и вместе со свободою ими было утрачено мужество, угасла и их воинственность. То же произошло и с теми британцами, которых мы уже давно покорили, тогда как все прочие и ныне остаются такими, какими были когда-то галлы.

Их главная сила — в пеших; впрочем, некоторые народности сражаются и с колесниц. Начальствует возничий; подчиненные ему воины оберегают его от врагов. Прежде британцы повиновались царям; теперь они в подчинении у вождей, которые, преследуя личные цели, вовлекают их в междоусобные распри. И в борьбе против таких сильных народов для нас нет ничего столь же полезного, как их разобщенность. Редко, когда два-три племени объединятся для отражения общей опасности; таким образом, каждое из них сражается в одиночку, а терпят поражение — все. Климат в Британии отвратительный из-за частых дождей и туманов, но жестокой стужи там не бывает. Продолжительность дня больше,

чем в наших краях; ночи светлые и в оконечной части — короткие, так что вечерняя и утренняя заря отделяются лишь небольшим промежутком времени. И если небо не заволокли тучи, то и ночью можно видеть, как утверждают, сияние солнца, и оно там не заходит и не восходит, но перемещается по небосклону[1].

[1] Примечания: 1
Перевод А. С. Бобовича.

Смерть святого Колумбы, 597 год
Адамнан

О жизни святого Колумбы нам известно прежде всего из жизнеописания, составленного его преемником Адамнаном. Эта биография, яркая и эмоциональная, показывает, каким уважением пользовался непоколебимый и все же ценивший мирную жизнь монах и с каким почтением к нему относились. После изгнания из Ольстера в 563 году Колумба обосновался на маленьком островке Айона, где основал монастырь и вместе с соратниками начал обращать в христианство пиктов. Его духовное наследие тщательно сохраняет Сообщество Айоны, экуменическое движение, основанное в 1938 году священником шотландской церкви Джорджем Маклаудом во имя «распространения духовного сострадания и миролюбия» святого Колумбы.

Близилось окончание четвертого года, и по завершении оного истинный провидец узрел неизбежность грядущей кончины, и отправился, в повозке, влекомой лошадью, ибо был он уже дряхл летами, посетить братию в ее трудах, и

случилось это в день в месяце мае… И к тем, кто трудился в тот день на западном берегу острова Айона, обратил он слово свое и сказал так: «В празднование Пасхи Святой, в апреле, недавно минувшем, желал я всем сердцем воссоединиться с Господом Иисусом, даруй Он мне Свое соизволение. Однако, дабы не обернулся светлый праздник скорбью для вас, решил я отложить ненадолго день своего ухода из мира».

Услышав сии печальные слова, монахи преисполнились скорби, и он принялся ободрять их утешительными речами. А по завершении уселся вновь в повозку и обратил свое лицо на восток и благословил сей остров и всех, кто на нем обитает; и с оного дня… даже по сию пору лишены тут коварные аспиды, ядом жалящие, власти над людьми и скотом домашним. Произнеся свое благословение, вернулся святой в монастырь.

По истечении нескольких дней, когда отпраздновали по обычаю день Господень, он возвел очи горе, и лицо сего досточтимого мужа словно преисполнилось света; ведь, как записано, чело просветляется, когда на сердце радостно. Ибо в тот час он единственный узрел ангела Божьего, парящего под сводами часовни…

В конце той же седмицы, то есть в субботний

день, досточтимый и его верный прислужник Диармайт отправились благословлять амбар по соседству. Войдя внутрь и осенив крестом стены и лежавшие на полу две груды зерна, святой рек благодарность и присовокупил такие слова: «Хвалю моих собратьев по обету, что и в год, когда предстоит мне уйти от вас, ваши закрома полны».

Услыхав сии слова, Диармайт-прислужник опечалился зело и молвил: «Отец, ныне ты погружаешь нас в скорбь безмерную, напоминая столь часто о своем уходе».

И отвечал ему святой так: «Есть у меня слова тайные, каковые, если поклянешься никому до моей смерти не пересказывать их, открою я тебе, и слова эти — о моем уходе». И когда прислужник, преклонив колени, поклялся, как желал того святой, сей досточтимый муж продолжил: «В святых книгах день сей зовется Шаббат, что значит покой; и поистине сей день есть Шаббат для меня, ибо это последний мой день в сей юдоли, и сулит он отдых после трудов моих тяжких; и посреди ночи грядущей, ниспосланной Господом, уйду я, как сказано в Писании, по дороге предков. Ибо Господь мой Иисус Христос зовет меня, и посреди ночи, по Его зову, уйду я к Нему. Так открыл мне

Сам Господь…»

Как отзвучали сии горькие слова, заплакал тогда прислужник. И святой утешал его, сколько было сил.

После сего вышел святой из амбара и двинулся обратно в монастырь, но остановился на пути, в том месте, где и поныне высится крест, поставленный в камне у обочины. И отдыхал святой в том месте, утомленный возрастом своим, о коем упоминалось уже, и узрел лошадь белую, послужное животное, приученное доставлять сосуды с молоком из коровника в монастырь; подойдя к святому, лошадь эта, странно сказать, опустила голову на колени ему (верю я, что надоумил ее Господь, Чьей волей всякая живность сотворена и мудростью наделена); и, словно ведая, что хозяин вскоре покинет ее и она больше с ним не свидится, заплакала сия лошадь, и, будто человеческие, закапали слезы на колени святому, и пена на губах животного выступила. И прислужник хотел было отвести в сторонку скорбящего одра, однако святой воспретил ему и молвил: «Позволь же сей скотине терзающейся излить свою скорбь. Пусть и человек ты, душой обладающий, не узнаешь ты о моей смерти более того, что сам я тебе недавно открыл; а сей твари неразумной — ‘Творец пове-

дал, что хозяин вскоре ее покинет». И со словами этими благословил он лошадь, и та печально пошла прочь.

Тогда и святой побрел далее и взобрался на возвышение над монастырем. Встал он на вершине, вскинул обе руки и благословил монастырь, заповедав: «Место сие, пускай мало оно и неприметно, не только владыки шотландские с их людьми, но и правители чужеземных диких народов с людьми, им подвластными, почитать будут безмерно, а особо почитаемым станет оно для святых, даже иной веры».

С этими словами спустился он с холма и вернулся в монастырь и сел в своей келье за псалтырь; и когда дочитал до тридцать третьего псалма, что гласит: «Я взыскал Господа, и Он услышал меня, и от всех опасностей моих избавил меня», молвил тогда святой муж: «Здесь, в конце листа, закончу я чтение; далее пусть Байтин читает…»

Так сказав, отложил он псалтырь и пошел в часовню к вечерней службе, а когда каковая надлежащим образом совершилась, вернулся снова в келью и остаток ночи провел в постели, а ложем ему служила голая скала, подушкой же — камень, коий до сих пор стоит в изголовье его могилы. Так, отдыхая, передал он через прислужника,

единственного, к себе допущенного, последние наказы братии: «Вот мои слова, к вам обращенные, чада мои, и должно промеж вас милосердию быть непритворному; и коли исполните это, как некогда святые отцы, Господь, податель радости, поможет вам, и я, с Его позволения, заступлюсь за вас. И не только что потребно в сей жизни, в изобилии Он подаст, но и блаженство вечное вам уготовано будет, к горним высотам стремящимся…»

Таковы были последние слова досточтимого мужа, ежели передать их кратко, слова странника, завершившего свой томительный путь в сем мире и вознесшегося в небесные выси.

А после того, чуя, что близится час избавления от мук, замолчал святой.

Когда же прозвонил колокол в полночь, встал он поспешно и в часовню путь направил, и бежал почти, так что опередил всех прочих, а потому в одиночестве встал пред алтарем на колени, помолился, а после того простерся ниц. Диармайт-прислужник, в часовню в тот миг войдя, узрел, что вся она вдруг заполнилась ангельским светом; а когда он приблизился, свет исчез; видели же его и другие братья, хоть и издали. И Диармайт, войдя в часовню, молвил скорбно: «Где

ты, отец?» И на ощупь, ибо братья не принесли еще фонари, нашел он святого, на полу простертого пред алтарем, и приподнял того, и голову его положил себе на колени. Тут уж прибежали прочие монахи, все с фонарями, и увидели дни, что их отец умирает, и горько возрыдали.

И, как узнали мы от того, кто был при сем, прежде чем душа его вознеслась, открыл он глаза и оглянулся вокруг с радостью великой и восторгом, ибо увидал, как спешат к нему ангелы.

Тогда Диармайт поднял правую длань святого и благословил ею собравшихся монахов, и сам же досточтимый муж в тот миг рукою повел, и тем он братию дважды благословил, ибо уже не мог ни слова произнести, как душа отлетела. И после сего святого благословения утратил он всякое дыхание жизни.

А когда покинул он телесную оболочку, лицо его все светилось и было радостным от видения ангельского, и казался он не упокоившимся, но живым, лишь крепко спящим.

Вторжение викингов, 870 год
Матвей Парижский

Викинги были чрезвычайно жестоки, но порой и они получали достойный отпор, как при осаде монастыря Колдингем, настоятельницей которого была игуменья Эбба.

Матвей Парижский — монах-бенедиктинец из обители Святого Альбана, один из лучших хронистов средневековой Англии, известный своими познаниями в чужеземных нравах.

В лето Господа нашего 870-е неисчислимая орда данов высадилась в Скотии, и во главе их были Ингвар и Хубба, мужи злокозненные и храбрости непревзойденной. И, желая истребить все земли английские, они убивали юнцов и стариков и потребовали, чтобы матери семейств, монахини и девы были преданы им на поругание.

И когда сии жестокие воители бесчинствовали по всей Англии, Эбба, святая игуменья обители Колдингем, убоялась, что и она, коей доверено было пастырское служение и забота о ближних, окажется во власти похотливых язычников и утратит свою непорочность, вместе с иными

девами, каковых она опекала; и созвала она всех сестер в часовню и обратилась к ним с такими словами: «Прибыли в наши земли худшие из язычников, коим неведома жалость; разоряют они наши края, не щадя ни пола женского, ни возраста малого, жгут церкви и священников убивают, монахинь растлевают и все разрушают, на что только взгляды их падают. И потому умоляю вас внять моему совету; верю я, что милостью Божьей можем мы избежать ярости варваров и сохранить непорочность святую нашу».

И когда все сестры поклялись, что во исполнение своего обета будут они беспрекословно подчиняться решению матери своей, игуменья эта, удивительной храбростью наделенная, подала сестрам пример верности обету, каковой не одни лишь ее приближенные восприняли, но и монахини в последующие века; взяла она острый нож и отрезала себе нос и верхнюю губу, обнажив зубы, так что лик ее стал ужасен. Сестры все как одна восхитились сим памятным деянием и поступили, как их мать.

Когда случилось это, на следующее утро подступили к обители злодеи, чтобы предать поруганию дев непорочных, Господу себя посвятивших, а монастырь разграбить и сжечь дотла. Но едва

узрели они игуменью и прочих сестер, столь жутко изуродованных и кровью обагренных от пят до волос, как поспешили уйти, ибо не в силах они были оставаться там хотя бы миг лишний. А вожаки их велели перед уходом запалить огни и сжечь монастырь вместе со всем, что было в нем, и вместе с монахинями.

И так совершилась казнь нечестивая, а святая игуменья и девы непорочные, ее порукам вверенные, обрели мученичество.

Сражение между саксами и северянами, 937 год
Англосаксонская хроника

Битва при Брунабурге, состоявшаяся в Дамфрисшире, была спровоцирована скоттами, которыми правил Константин II и которые враждовали с королевством Нортумбрия. «Хроника» восторженно описывает разгром «северян», как называли осевших в Англии викингов.

В это лето
Этельстан державный,
кольцедробитель,
и брат его, наследник,
Эдмунд, в битве
добыли славу
и честь всевечную
мечами в сечи

под Брунанбуром:
рубили щитов ограду,
молота потомками

ломали копья
Эадвинда отпрыски...

Сколько скоттов
и морских скитальцев
обреченных пало —
поле темнело
от крови ратников
с утра, покуда,
восстав на востоке,
светило славное

скользило над землями,
светозарный светоч
бога небесного,
рубились благородные,
покуда не успокоились, —
скольких северных
мужей в сраженье
положили копейщики
на щиты, уставших,
и так же скоттов,

сечей пресыщенных;

косили уэссекцы,
конники исконные,
доколе не стемнело,
гоном гнали
врагов ненавистных,
беглых рубили,
сгубили многих
клинками камнеостренными…

вождей же юных
пятеро пало
на поле брани,

клинками упокоенных,
и таких же семеро
ярлов Анлафа,
и ярых мужей без счета,
моряков и скоттов.
Кинулся в бегство
знатный норманн —
нужда его понудила
на груди ладейной
без людей отчалить, —

конь морской по водам
конунга уносит
по взморью мутному,
мужа упасая;
так же и старый
пустился в бегство,
к северу кинулся
Константин державный,
седой воеводитель;
в деле мечебойном

не радость обрел он,
утратил родичей,
приспешники пали
на поле бранном,
сечей унесенные,
и сын потерян
в жестокой стычке —
сталь молодого
ратника изранила;
игрой копейной

не мог хитромыслый

муж похвастать,
седой воеводитель...

Гвоздьями скрепленные
ладьи уносили
дротоносцев норманнов
через воды глубокие...
плыли в Ирландию
корабли побежденных.

...На поле павших
лишь мрачноперый
черный ворон
клюет мертвечину
клювом остренным,
трупы терзает
угрюмокрылый орел
белохвостый,
войностервятник,
со зверем серым,
с волчиной из чащи.

Не случалось большей
сечи доселе

на этой суше,
большего в битве
смертоубийства
клинками сверкающими...[2]

[2] Примечания: 2
Перевод В. Г. Тихомирова.

Король Скотии оскорбляет короля Англии, ок. 971–975 года
Уильям Мальмсберийский

Уильям из Мальмсбери — монах-бенедиктинец из Уилтшира, заведовал монастырской библиотекой, вел хронику событий своего времени и не искал лучшей доли. Рассказ о самонадеянном короле скоттов, которого осадил король Англии, служит отличной иллюстрацией к политике и нравам тех времен.

Более того, как говорят, Эдгар был мал ростом и сложением скуден, но от природы наделен великой силой, так что он охотно бился со всеми, кого считал подверженным гордыне, и опасался лишь, что таковые люди вскоре станут избегать поединков с ним.

Сообщают, что однажды на пиру, где обычно людская глупость проявляет себя ярче, нежели в повседневных делах, Кеннет, король скоттов, шутливо обронил, мол, сколь удивительно, что столько областей подвластны такому коротышке. Остроту эту услыхал королевский шут и позднее бросил ее в лицо Эдгару на другом пиру.

Король тогда сдержал свой гнев и призвал Кеннета к себе, якобы чтобы потолковать о некоей великой тайне; а потом отвел короля скоттов в сторону и вручил ему один из тех мечей, которые были при нем. «А теперь, — молвил он, — когда мы остались наедине, ты можешь испытать мою силу. Ибо я намерен показать тебе, что значит повелевать другими. И не смей отказываться от боя! Ибо не пристало королю быть острым на язык на пиру, а схватки мужской избегать».

Кеннет, смятенный и не в силах произнести ни слова, пал к ногам короля Англии и умолял о прощении за невинную шутку, и сей же час был он прощен.

Английская мода, XI столетие
«Шотландский хроникон»

Вражда между скоттами и англичанами принимала множество обличий. Пожалуй, наименее кровопролитной ее формой были насмешки у которыми автор приводимого ниже стихотворного текста (в прозаическом пересказе), из рода Макгонагаллов, осыпал причуды английской моды; он утверждал, что люди, задумывающиеся о подобном, недостойны считаться мужчинами.

Разнообразие их одежд поистине поразительно.

Одни коротки — так, что короче и быть не может, рукава ползут вверх, стоит руку поднять.

И почему они столь коротки? Времена меняются, и одежды вместе с ними…

Плащи с рукавами до пят, каковые легко трижды обернуть по руке.

Чем не подтирка в отхожем месте? К чему тряпье, с такими-то рукавами?

Увы! Что же кожа так поизносилась?..

На голове у каждого шляпа, точно горшок.

Она перехвачена красной лентой. Волос не видно. И всякого слугу, живущего чтобы служить, не отличишь от благородного.

Если встретишь прекрасную даму, будет за нею тащиться
Платья хвост, как будто за диким зверем.
Беги от нее, если жизнь дорога, этот хвост — ее дар муженьку.

Англичане — точно обезьяны, подражают всем подряд.
Безделье их мучит, вот и предаются они вольности нравов.
Да подарит нам Владыка Сущего царство небесное.

Инвектива против скоттов, XI столетие
Аилред из Риво

Во времена почти беспрерывного кровопролития, от пограничных стычек до полномасштабных войн, англичане и скотты, разумеется, не испытывали друг к другу добрых чувств. Приводимый ниже текст — прекрасный образец полемической прозы, содержащий типичные для той поры обвинения и призванный не только сообщить полезные сведения, но и возбудить ненависть к скоттам.

И вот сие гнусное воинство, более дикое, нежели любая орда язычников, не почитающее ни Бога, ни человека, разорило всю область и убивало всех без разбора, обоего пола, всякого возраста и состояния, уничтожая, грабя и сжигая поместья, церкви и дома простого народа. Они предавали местных мечу или пронзали копьями, не щадили ни раненных, ни женщин в тягости или разрешающихся от бремени, ни младенцев в люльках, ни тех, что припадали к материнской груди или цеплялись за материнские юбки, ни самих матерей,

ни ветхих старцев, ни немощных старух, ни кого другого, отмеченного тем или иным увечьем, где бы их ни находили. И чем ужаснее была смерть, коей они предавали невинных, тем шумнее они радовались…

Говорили даже, что в одном местечке они поубивали множество малых детей, согнав тех заодно, слили их кровь в реку, которую заблаговременно запрудили, и пили эту кровавую воду — нет, не воду, а кровь…

Пленение Уильяма I англичанами, 1174 год
Уильям Ньюбургский

Англичане с трудом верили собственной удаче, когда в их руках оказался король Шотландии Уильям Лев, чьи дерзкие набеги на север Англии держали в страхе всю страну. О пленении короля записал в своей хронике монах-августинец из Йорка, уважаемый историк, продолжавший традиции Беды Достопочтенного.

Пока в северных областях Англии, дела обстояли подобным образом, дворяне короля в графстве Йорк, справедливо недовольные набегами шотландцев, собрались в Ньюкасле-на-Тине и привели с собой много конных. Собрание созвали столь срочно, что пехоту собрать времени не было, и в Йорк они прибыли в пятницу, в шестой день недели, утомленные долгим и тяжелым маршем. Пока они рядили о том, что надлежит сделать, самые осторожные стали поговаривать, что все уже сделано, мол, король шотландцев, услыхав о прибытии войска, отступил, и этого покуда достаточно, учитывая малую численность отрядов, и

небезопасно для них самих и не принесет пользы королю Англии продолжать наступление, иначе их малочисленные отряды столкнутся с ордами варваров и будут пожраны, точно краюха хлеба; мол, у них всего четыре сотни конных, а у врага, по слухам, более восьми тысяч воинов. На это самые нетерпеливые отвечали, что на ненавистных врагов следует напасть немедля, и нельзя заранее отчаиваться, ведь победа всегда будет на стороне тех, кто ратует за правое дело.

В итоге мнение последних восторжествовало (такова была воля Господня, так что сей поход следует приписать скорее Провидению, чем человеческому решению), и дворяне, среди которых главными были Робер де Стютевиль, Ральтф де Гланвиль, Бернар де Бал иол и Уильям де Веси, освеженные ночным отдыхом, выступили рано поутру и устремились вперед, как если бы их подгоняла некая незримая сила. К пяти часам дня они оставили за спиной двадцать четыре мили — такое едва ли возможно для людей, отягощенных доспехами; и пока они двигались, говорят, их покрыло облако столь густого тумана, что они едва различали дорогу. Тогда самые осторожные из них, опасаясь засады, стали говорить, что впереди опасность, и нужно поворачивать

обратно. На это Бернар де Балиол, достойный и отважный воин, ответил: «Пусть тот, кто желает, едет обратно, но я продолжу путь, хотя бы никто не поскакал за мной, ибо не готов покрыть себя несмываемым позором».

Отряды двигались далее, и туман внезапно рассеялся, и они увидели перед собой замок Олнуик, и возрадовались, ибо этот замок мог укрыть войско, паче им придется отступить перед врагом; и вот! король шотландцев всего с шестью десятками воинов обозревал окрестности с холма неподалеку, ведя себя столь привольно, как если бы ничего не боялся, а вся его многочисленная орда вместе с частью конницы разбежалась по округе, грабя и разоряя. Завидев наших воинов, он было решил, что это его люди возвращаются с добычей; когда же он разглядел вымпелы наших вождей, ему стало ясно, что мы отважились на вылазку, какой от нас он никак не ожидал. Однако он не испугался, будучи окружен своим многочисленным, пусть и далеко разошедшимся войском, и даже мысли не держал, что наши скудные отряды сумеют противостоять множеству варваров. И потому он в ярости воздел руки и призвал своих людей к оружию, воскликнув: «Теперь они узнают, каковы настоящие бойцы!»,

и поскакал на врага, а остальные за ним; и наши устремились навстречу и повергли его наземь (конь под ним пал), и захватили почти всех его воинов — ибо те, кто сумел бежать с поля боя, предались в наши руки, едва стало известно, что их король у нас, чтобы разделить с ним плен. Также некоторые дворяне, кого не было рядом с королем, узнав, что произошло, прискакали вскоре в наш лагерь и, прямо говоря, пали в наши руки, считая за честь разделить плен своего господина. Однако Роджер де Моубрей, который был на поле боя, бежал после пленения короля и укрылся в Шотландии.

Наши дворяне возвратились под вечер с победой и своим знатным пленников в Ньюкасл, откуда следующим утром двинулись далее и поместили его под надежной охраной в Ричмонде, намереваясь в ближайшее время передать пленника своему благословенному правителю, королю Англии.

Наставления клиру, XIII век
Шотландское церковное уложение

Наставления относительно благочестия требовались не только мирянам и язычникам, но и церковникам, которые иногда вели себя слишком вольно.

Повелеваем, чтобы приходские священники и викарии, равно как и иные на достойных местах, священнослужители и служки, отличались пристойным образом мыслей и пристойными одеяниями, чтобы не носили одежды красные, зеленые или полосатые, ни одежды, каковые привлекают внимание своей неподобающей укороченностью, чтобы викарии и священники носили надлежащие платья и не пренебрегали тонзурами, и чтобы те, кому надлежит быть образцом для других, не оскорбляли своей наружностью взглядов. А если, предостереженные сими наставлениями, оные все же не повинуются, следует лишать их должности и подвергать церковному суду.

Религиозные обители, 1207 год
Жерваз Кентерберийский

Список религиозных обителей Шотландии, составленный хронистом Жервазом (Гервасием) Кентерберийским, показывает, сколь велико было в стране влияние церкви.

В Лотиане, владении короля шотландцев, имеются:

аббатство Ньюбэттл, Святой Марии, белые монахи;

аббатство Мелроуз, Святой Марии, белые монахи;

аббатство Драйбург, белые каноники;

аббатство Келсо, Святой Марии, серые монахи;

аббатство Колдстрим, черные монахини;

приорство Колдингем, черные монахи;

аббатство Джедбург, черные каноники;

приорство Хаддингтон, белые монахини;

аббатство Эдинбург, черные каноники;

приорство Южный Бервик, белые монахи;

приорство Северный Бервик, черные монахини;

приорство Экклз, белые монахини.

В шотландском графстве Файф имеются:

епископство Сент-Эндрюс, черные каноники и отшельники;

аббатство Святой Троицы в Дунфермлине[3], черные монахи;

аббатство Стерлинг, черные каноники;

приорство Мэй в Рединге, черные монахи;

остров Святого Колумбы, черные каноники;

аббатство Линдорс, монахи Тирона;

приорство Перт, черные монахи;

аббатство Скуна, черные каноники;

аббатство Купар, белые монахи;

приорство Рослин, черные каноники;

аббатство Арброт, монахи Тирона;

епископство Святого Колумбы в Дункелде, черные каноники и отшельники;

епископство Бреклин, отшельники;

епископство Абердин;

епископство Морэй;

приорство Уркварт, черные монахи Дунфермлина;

аббатство Кинлосс, белые монахи;

---

[3] Примечания: 3

Здесь и далее приводятся шотландские варианты имен и названий, которые несколько не соответствуют правилам современного английского языка: так, шотландский Дунфермлин по-английски звучит как Данфермлайн, Дунбар — как Данбар и т. д. — *Примеч. ред.*

епископство Росс, отшельники;

епископство Глазго, мирские каноники;

аббатство Святого Киневина, монахи Тирона;

епископство Уитхорн в Галлоуэе, белые монахи;

епископство Дунблейн, отшельники;

аббатство Айона, отшельники.

Всего — двадцать два.

Сожжение епископа, 1222 год
Анналы Дунстейбла

Меры, к которым прибегали разъяренные дворяне, показывают, с одной стороны, жестокость нравов в средневековой Шотландии, а с другой, как ни удивительно, — присутствовавшее у тех, кто творил неправые дела, ощущение неотвратимости наказания.

В том же году некий епископ в королевстве Шотландия, в епархии Кайтнесс, потребовал от подвластных ему десятину, которую он и граф Кайтнесс пообещали правителю страны. И подкрепил он свое требование королевской печатью и печатью графа.

Но впоследствии граф несправедливо разгневался на него и, ведомый гневом, поскакал к епископу, желая себе долю, которую собрал епископ.

А когда епископ отказался это сделать, граф убил одного из монахов, дабы показать, что не шутит, и ранил до смерти племянника епископа. И епископ, на глазах которого все совершилось, сказал: «Даже если ты убьешь меня, я никогда не

передам тебе то, что принадлежит церкви».

Тогда граф разъярился пуще прежнего и приказал названного епископа привязать к столбу в кухне, запереть наружную дверь и предать дом огню.

И когда весь дом был охвачен пламенем, путы епископа ослабли, и он подбежал к наружной двери, желая выскочить наружу, но граф, ожидавший, покуда дом сгорит, увидев епископа, повелел снова бросить того в огонь, а вместе с ним и тела тех двоих, что были убиты прежде. И три этих мученика за правоту церкви были сожжены, и души их отправились к Господу.

И христианнейший король Шотландии не оставил этакое богопротивное дело безнаказанным, но послал отряд схватить графа.

Но граф прознал об этом и бежал из королевства, и, подобно Каину, скитался на островах в море. А в конце концов заключил такое соглашение с королем: во-первых, что он, его наследники и их вассалы будут платить десятину; что через полгода он доставит к королевскому трону отрубленные головы тех, кто совершил сие преступное деяние. Также он передал королю половину своих владений. Также он отказал часть земель церкви, епископа которой погубил. Еще он по-

клялся совершить пешее паломничество в Рим и подчиниться каре, каковую наложит на него верховный понтифик.

Коррупция в церкви, 1271 год
Хроника Ланнеркоста

Коррупция в средневековой церкви была широко распространена и, судя по всему, существовала повсеместно. Но епископ, о котором идет речь ниже, отличался, по-видимому, особым двуличием даже по меркам своих дней. Яркая и изобилующая подробностями «Хроника Ланнеркоста» была составлена в приорстве Ланнеркост, на границе с Англией, по устным рассказам и записям, и охватывает весь период шотландских войн за независимость.

И в год избрания папы Григория X возник, как передавали, спор в папской курии из-за назначения Уильяма Уишарта в аббатство Сент-Эндрюс, и возражений было столько, что сам глава церкви, изучив сии возражения, постановил письменно и подтвердил печатью святого Петра, что выдвини против него самого хотя бы толику этих обвинений, ему никогда не стать бы папой. В конце концов вмешательством и милостью короля Эдуарда названный Уишарт был назначен на должность по согласию папы. Ради примера

я поспешу упомянуть здесь о том, что сталось позднее. По всему миру распространилось это зло, когда люди, стремясь сделать лучше других, забывают о собственном поведении и, осуждая малые проступки простого народа, сами совершают крупные злодеяния.

Был некий викарий, человек зловредный и погрязший в распутстве, коий, хотя его неоднократно корили за содержание наложниц, не желал порывать с пагубной привычкой. Но когда к нему прибыл епископ, объезжавший епархию, викария было велено отлучить от должности и предать суду прелата. Ошеломленный случившимся, он вернулся домой и, завидев свою наложницу, излил на нее свои горести, приписывая все невзгоды этой женщине. Потом она узнала причину его расстройства и твердо уверилась, что ее непременно изгонят. «Не терзай себя, — ободрила она викария, — я сама справлюсь с епископом».

Поутру, когда епископ спешил в церковь викария, она вышла ему навстречу с пудингом, цыпленком и яйцами, а когда он подошел ближе, приветствовала его как подобает, склонив голову. Когда же прелат спросил, откуда она и куда направляется, она ответила «Милорд, я наложница

викария и тороплюсь к возлюбленной епископа, которая вчера поздно легла, и я желаю ей столько же радости, сколько себе». Услышав это, епископ поспешил далее и, найдя викария, велел тому готовиться к празднику; когда же викарий напомнил, что временно отлучен, епископ вытянул руку и даровал ему прощение грехов. Когда же причастие совершилось, епископ укатил прочь, не проронив более ни слова.

Смерть Александра III, 19 марта 1286 года
Хроника Ланнеркоста

Полный суеверий рассказ о смерти короля Александра (1241–1286) показывает нам человека, волю которого не могли изменить соображения здравого смысла и который навлек на себя гибель — просто потому, что, после вечерних возлияний, не нашел в себе сил отказаться от свидания с возлюбленной.

Когда сели за стол, он (король. — *Ред.)* послал в дар некоему барону свежих миног и просил передать, что без него веселье невесело, ведь сегодня день Страшного Суда. На это барон, поблагодарив за миног, ответил подобающе: «Если сегодня и вправду день Страшного Суда, тогда мы вознесемся на небеса с набитыми животами».

Наконец затянувшийся пир завершился, и король, не уделяя внимания погоде и не желая слушать советов придворных, поспешил к переправе в Куинзферри, чтобы навестить свою возлюбленную Йолету, дочь графа де Дрю, которую не так давно привез из-за моря, к собственной

гибели и великой скорби всего народа. Она проживала тогда в Кингхорне. Многие поговаривали, что, прежде чем она обручилась с королем, эта девица хотела уйти в монастырь, но изменила свое решение по прихоти женского сердца — во зло всему королевству.

Прибыв в деревню у переправы, король услышал от паромщика, что переправляться небезопасно и лучше было бы вернуться, но король спросил этого человека, не боится ли он просто умереть вместе с ним. «Вовсе нет, — отвечал паромщик, — для меня будет честью разделить судьбу сына вашего отца». Король прибыл в Инверкайтинг, и сопровождали его всего три сквайра. Хозяин солеварни, человек достойный и женатый, узнал его по голосу и воскликнул: «Милорд, что вы тут делаете в такую непогоду и в столь поздний час? Сколько раз я убеждал вас, что поздние прогулки не принесут вам пользы? Оставайтесь с нами, мы примем вас, как положено, а утром вы двинетесь дальше». Король рассмеялся: «Не нужно, дай мне пару крестьян, чтобы у нас были проводники».

И стало потом известно, что когда прошли они две мили, проводники из-за темноты сбились с пути, зато лошади, не иначе как чутьем, нашли

твердую почву. Так они разделились, сквайры поехали вправо, а король в конце концов (я опускаю подробности, чтобы история была короче) упал с коня и попрощался со своим королевством в долине Сисара. Разве не о нем сказал когда-то Соломон: «Горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его»?[4] Ныне лежит он, одинокий, в Дунфермлине, в южном нефе. И хотя народ сожалел о его кончине, словно об утрате самого королевства, лишь по щекам тех, кто был поистине близок к нему, сбежали горькие слезинки.

[4] Примечания: 4

Гибель Норвежской девы, 26 сентября 1290 года
Народная баллада

Маргарет, Норвежская дева, дочь Александра III и его супруги, тоже Маргарет, дочери норвежского конунга Эйрика, в возрасте семи лет поплыла в Шотландию, чтобы выйти замуж за принца Эдуарда Английского; ее корабль затонул близ Оркнейских островов. В народной балладе, посвященной этому трагическому событию, ощущается скорбь не столько по юной принцессе, сколько по дворянам, которые ее сопровождали и волей обстоятельств связали с ней свою судьбу.

Сэр Патрик Спенс

«...Корабль мой готов, но где капитан,
Что в море его поведет?»

Тут с места встал дворянин пожилой
И молвил с поклоном так:
«Сэр Патрик Спенс из всех моряков —
Самый отважный моряк».

Король наш письмо написал, к письму
Свою приложил печать
И сэру Патрику срочно его
На берег велел послать.

«К норвежской земле, к норвежской земле!
В путь по седым волнам!
Короля норвежского дочь привезти
Ты должен, сэр Патрик, нам»...

И вот в понедельник они паруса
Поставили на корабле,
А в среду сэр Патрик с командой своей
К норвежской причалил земле...

«Готовьтесь к отъезду, мои молодцы,
Мы завтра с зарею в путь».
«Смотри, капитан! Предвещает пургу
Над морем висящая муть.

Вчера молодую я видел луну
Со старой луной на руках.
Мы на море можем попасть в беду, —
Мне душу тревожит страх».

Проплыли милю они и две,
Проплыли три мили сполна;
Вдруг ветер завыл, потемнел океан,
И бурно вскипела волна.

Сломался якорь, и мачты все
Треснули вмиг пополам,
И ветер мокрым бичом хлестал
Корабль по его бокам…

Сэр Патрик и шага ступить не успел, —
Корабль ударило в бок,
И вот в пробоину ринулся вдруг
Морской соленый поток…

Носилось немало матросских перин
По белой пене морской,
Немало сынов шотландских дворян,
Увы, не вернулось домой.

Ломала белые руки свои
Не одна невеста и мать;
Своих женихов и своих сыновей
Им больше вовек не видать…

От Абердина в полсотне миль,
На дне, зарывшись в песок,
Отважный сэр Патрик Спенс лежит
Со своей командой у ног[5].

[5] Примечания: 5
Перевод О. Б. Румера.

Возвышение и падение Уильяма Уоллеса, 1297–1305 годы
Слепой Гарри

Человек, которого считают отцом шотландского национализма, Уильям Уоллес — один из самых выдающихся людей в истории страны. В юности он сделал себе имя, нападая на оккупантов-англичан, а возглавив сражение с англичанами у моста Стерлинг-Бридж в 1297 году, он не только заручился поддержкой соотечественников, но и заставил многих в Англии пересмотреть отношение к северному соседу. Более полутора веков спустя поэт Слепой Гарри сочинил балладу «Уоллес», в которой изображена полная надежд и завершившаяся трагически жизнь этого отважного и глядевшего далеко вперед человека. Вот отрывок, передающий чувства народа, когда Уоллеса избрали хранителем престола Шотландии.

Когда же ведомо стало: Уоллес биться решил,

С самых дальних окраин народ к нему поспешил,

Чтоб за землю родную в кровавом бою постоять И лордам английским боле обид уже не спускать.

Повел он скоттов отважно, как на последний бой,

Врагов гоня отовсюду, страну повел за собой;

И немало нашлось баронов, что тоже примкнули к нему,

Ибо верили люди лишь ему одному.

Казнь Уильяма Уоллеса, 23 августа 1305 года
Анонимный источник

Избранный хранителем престола Шотландии в отсутствие изгнанного короля Джона Баллиола в 1298 году, Уоллес начал переговоры с европейскими государствами в поисках поддержки своего выступления против короля Англии Эдуарда I. Обеспокоенный этими переговорами, Эдуард двинулся с войском на север и нанес отрядам Уоллеса поражение у Фолкерка. Уоллес бежал во Францию, где безуспешно пытался найти новых союзников. По возвращении в Шотландию его схватили и отвезли в Лондон, где и осудили за измену. Обвинение выглядело несправедливым, поскольку, в отличие от многих шотландских дворян, он никогда не признавал короля Англии своим сюзереном. Казнь Уоллеса, состоявшаяся в августе 1305 года, стала одной из самых жестоких в истории Великобритании. Приводимый текст — перевод с латыни, на которой был составлен отчет о казни.

Было сочтено, что указанный Уильям за открытое выступление против своего господина

короля, за учинение заговора, за желание смерти своему господину, за причиненные разрушения и ослабление власти короны и королевского попечения и за поднятие знамени и развязывание войны против своего господина должен быть переправлен во дворец Вестминстер и далее в лондонский Тауэр, а из лондонского Тауэра в Оллгейт, то бишь провезен через весь город до самого Элмса, и за разбой, убийства и прочие злодеяния, совершенные в королевстве Англия и в области Шотландской, должен быть повешен там, а впоследствии четвертован. А поскольку был он объявлен вне закона и не получил королевского помилования, надлежало его также обезглавить и отсечь ему конечности.

А также за бесчисленные его злодеяния против Господа и Святейшей Церкви, каковые он причинил, сжигая храмы и часовни и оскверняя сосуды, в коих хранились наисвятейшие реликвии, части тела Христова и мощи святых и великомучеников, надлежало сердце, печень и легкие и все прочие органы вышеупомянутого Уильяма, каковой совершил все эти гнусные злодеяния, извлечь и предать огню. А поскольку творил он убийства и преступления не только против короля, но и против народа Англии и Шотландии, надлежало

тело упомянутого Уильяма рассечь и разделить на четыре части, и из этих всех частей голову вывесить на Лондонском мосту в назидание всем, кто переправляется через реку по суше или по воде, и четверть вывесить на виселице в Ньюкасле, а другую в Бервике, а третью в Стерлинге, а четвертую в городе святого Иоанна (Перт. — *Ред.),* дабы видели все и устрашились сей незавидной участи.

Битва при Бэннокберне, 23–24 июня 1314 года
Джон Барбор

Эпическая поэма Барбора «Брюс» славит знаменитую победу шотландцев под командованием Роберта I Брюса над армией короля Эдуарда II при Бэннокберне в дни летнего солнцестояния. Эта победа стала важнейшим событием шотландской истории и нанесла Англии жестокий удар в ходе войн за независимость. Джон Барбор, родившийся в 1320 году, был архидьяконом в Абердине; свою поэму он сочинил в 1375 году, пересказав воспоминания тех, кто сражался вместе с Робертом Брюсом или знал того лично. Поэма преисполнена идеализма, с которым шотландцы защищали свою страну, а ее первая строфа со временем стала едва ли не национальным гимном (стихи приводятся в прозаическом пересказе).

О! Свобода воистину благородна!

Она дарует человеку

Радость и утешение,

И он живет в мире с теми, кто тоже

свободен.
Благородное сердце не ведает покоя,
И радости оно лишено,
Когда у него отнимают свободу;
Тоскует оно по свободе и взыскует ее.
Тому, кто всегда был свободен,
Не понять терзающей грудь ярости,
Не постичь мук того,
Кто обречен на гнусное рабство.
Но если сам он познал такое,
То никогда об этом не забудет;
И свободу будет ценить
Превыше серебра и золота...

Битва при Бэннокберне: английский взгляд, 23–24 июня 1314 года
Роберт Бастон

Король Эдуард II был настолько уверен в неизбежности разгрома шотландцев, что взял с собой на поле битвы монаха-кармелита и поэта Роберта Бастона, дабы тот описал триумф англичан. Когда последние потерпели поражение, Бастон попал в плен и узнал, что его освободят, только если он восславит в стихах торжество шотландцев и унижение англичан. Он сделал то, что ему велели, без недомолвок и экивоков, и его стихотворение оказалось не столько гимном победителю, сколько осуждением жестокостей войны. Отрывок приводится в прозаическом переводе с латыни.

В июне, тринадцатого и четырнадцатого числа,

прибыл я в войско.

Голова Крестителя на знамени, кровавая битва на лугу

близ Стерлинга…

Нет, не привержен я древним ссорам и распрям,

Но сердце мое скорбит по павшим, и слезы из глаз текут.

Кто подаст мне воды, чтобы окропил я мертвых?..

Шотландский король построил свои отряды,

Пехоту и конницу. О, сколь могучими они выглядели!

Слышался голос короля, обращенный к дворянам,

И молвил он слова, воспламенявшие сердца.

Потом проверил своих воинов,

Врагов же счел недостойными: мол, закатится их звезда.

Он взывал к своему войску,

Он потешался над англичанами и говорил,

что им суждено пасть.

Он вел за собой и твердил, что пальцы нужно сжать в кулак,

Чтобы как следует вздуть проклятых саксов.

Народ внимал королю и крепче стискивал оружие,

И готовились все как один победить в этой схватке...

Черный понедельник вновь принес чуму.

Шотландцы ударили, и затрепетал английский флаг.

Ангелы парили над воинами, что яростно сражались,

И в пылу схватки было не различить, где лорд, а где вассал.

Англичане озирались, высматривая грозных скоттов,

А те уже были рядом и стремительно нападали.

Лязг клинков, топот копыт, крики и стоны.

И вот англичане устали и подались назад.

Пусть великаны страшны, но скотты еще страшнее,

И покатились назад недавние повелители.

Бездумный наскок обернулся немалым уроном,

И слезы сполна пролились в английских домах по павшим.

Шотландцы же, ощутив во враге слабину,

Давили и давили, наступали и наступали…

Сколь велико горе, сколько крови и смерти!

Сколько криков и стонов, сколько грома и рева!

Сколько ударов и блоков, сколько ран и увечий!

Сколько хитроумных затей — и сколь нежданен исход!

Вперед и назад, назад и вперед, не ведая пощады!

Кто прав, кто виноват — уже не важно, главное — уцелеть.

Падали те и эти, мечи валились из рук, тела замирали…

Сколько детей в тот день остались без отцов!

Арбротская декларация, 6 апреля 1320 года

Этот лаконичный, бескомпромиссный и, что называется, идущий от сердца текст можно считать краеугольным камнем шотландской политической мысли; более того, на его основе разрабатывались многие последующие документы — в частности, конституция США. Это письмо шотландских баронов, уставших от постоянных попыток южного соседа, то есть Англии, покорить их страну; оно адресовано папе Иоанну XXII, и в нем впервые в истории власть короля предлагается ограничить теми полномочиями, которые готов вручить своем монарху народ. Шотландцы твердо придерживались этого принципа: даже Роберта Брюса недвусмысленно предостерегли, что если он не прислушается к подданным — то есть капитулирует перед англичанами, — от него тут же избавятся.

Мы ведаем, Святейший Отец и Господин, и заключаем из древних преданий и книг, что среди других славных народов наш, шотландский, народ был отмечен многими хвалами. Перешедший

из Великой Скифии через Тирренское море и Геркулесовы Столпы и обитавший долгое время в Иберии меж свирепейших племен, он никогда не мог быть покорен ни одним из них, сколь бы варварскими они ни были. Удалившись, же оттуда спустя тысячу двести лет после перехода израильтян через Красное море, многими победами и неустанными трудами он обрел себе пределы на западе, кои населяет и поныне, изгнав бриттов и совершенно истребив пиктов, и, невзирая на постоянные нападения норвежцев, данов и англичан, всегда сохранял их свободными от всякой повинности, чему свидетельством старинные предания. В королевстве [скоттов] правили сто тринадцать королей из своего монаршего рода без какого-либо чужеземного вмешательства. Их доблести и заслуги, хотя бы они не явствовали из чего-либо иного, ярко воссияли из того, что Царь царей и Господь господствующих Иисус Христос после страстей и Воскресения Своего одними из первых призвал их, населявших крайние пределы земли, к святейшей Своей вере. Утвердить же их в вере сей пожелал Он не кем иным, как Своим первым по призванию апостолом, хотя и по положению вторым или третьим, — именно Андреем, милостивейшим братом святого Петра, коему

Он повелел пребывать всегда их Покровителем. Тщательно учитывая это, Святейшие Отцы, предшественники Ваши, жаловали сие королевство и народ, как достояние брата святого Петра, частыми милостями и многими привилегиями.

Так народ наш под их защитой доныне жил вольно и покойно, когда сей знаменитый государь, король английский Эдуард, отец того, что теперь правит, под личиной друга и союзника потревожил подобно врагу наше королевство и обезглавленный народ, не подозревавший никакого зла и обмана и еще не привычный к войнам и вторжениям. Те несправедливости, убийства, насилия, грабежи, поджоги, заключение в темницу прелатов, сожжение монастырей, разорение и избиение клириков и иные непомерные бесчинства, какие причинил он сему народу, не щадя ничьего возраста, пола, сана и достоинства, никто не мог бы описать и в полной мере осознать, если не испытал этого сам. С помощью Того, Кто излечивает и исцеляет раны, мы освобождены от этих бесчисленных бедствий доблестнейшим государем, королем и господином нашим Робертом, который во имя избавления народа и наследства своего от рук неприятелей с радостью перенес труды и лишения, голод и опасности подобно но-

вому Маккавею и Иисусу Навину. Божественный промысел, а равно законы и обычаи наши, кои мы будем отстаивать до смерти, право наследия и должное наше согласие и утверждение сделали его государем и королем нашим, коему, как благодетелю народа, как по правам его, так к заслугам, мы во всем будем хранить верность ради защиты нашей свободы. Если бы он отступился от начатого дела, захотев нас и королевство наше подчинить английскому королю и англичанам, мы тотчас постарались бы изгнать его, как нашего недруга и губителя прав своих и наших, и избрали бы другого короля, способного нас защищать. Ибо доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в коей мере не покоримся мы английскому владычеству. Ведь не ради славы, богатств или почестей мы сражаемся, но единственно во имя свободы, кою каждый добрый человек утратит лишь вместе с жизнью.

Вот о чем, Досточтимый Отец и Господин, мы смиренно и коленопреклоненно просим Ваше Святейшество со всею настойчивостью. Коль скоро Вы, чистосердечно и благочестивым разумом помыслив, что для Того, Чью службу Вы несете на земле, нет превосходства и различия меж иудеями и греками, шотландцами или ан-

гличанами, призрите отеческим взором на беды и горести, причиненные англичанами нам и Церкви Господней, благоволите наставить и побудить английского короля (коему надлежит довольствоваться тем, что имеет, ибо прежде земли в Англии было довольно для семи или более королей), чтобы он оставил в мире нас, обитающих в скудной Шотландии, далее коей нет обитаемой земли, и не желающих ничего чужого. Мы же ради достижения нашего покоя с готовностью сделаем для него то, что сможем, сохраняя уважение к нашему достоинству…

Эпитафия Роберту Брюсу, 1329 год
Уолтер Боуэр

Через несколько лет после смерти Роберта Брюса (7 июня 1329 года) хронист и поэт Уолтер Боуэр сложил эпитафию этому отважному королю. В поэме Брюс не только сравнивается с величайшими из библейских и мифологических персонажей, но и подробно перечисляются все его свершения, в том числе победа при Бэннокберне, поражение при Байленде и заключенный в 1328 году в Эдинбурге мирный договор — увы, он действовал недолго. Отрывок приводится в прозаическом пересказе.

Роберт Брюс, герой народный, покоится тут;

Отважный и справедливый, прославивший свое имя в боях.

Прекрасный, как Парис, доблестный, как Гектор,

Венценосный воин, Сократ, Платон и Вергилий

в своих речах…

Оплакивая утрату скоттами своих вольностей,

Отбросив праздные забавы, он взялся за меч

и повел нас в бой.

Страдал он от стужи, спал в лощинах,

где прячутся дикие звери,

Не брезговал питаться и желудями…

В деяниях своих полагался он лишь на Христа,

Скрывался в терновнике, пил воду, а не вино.

Бок о бок с верными соратниками он нападал на врага

И так завоевал свой трон.

Перед этим человеком бежали в страхе враги,

А он наносил им жестокие раны,

невзирая на их железные латы.

Он наточил клинок и отважно бросался на противника:

Одни пятились, другие гибли, а вражеский король

обратился в бегство.

И король шотландцев повелел поднять стяг

И сражаться, сражаться, не ведая усталости.

Он наголову разгромил коварного врага

И заставил того поспешно отступить.

Когда же при Байленде снова скотты с врагом сошлись,

Была кровавая сеча, и число павших

многократно умножилось.

Заключили перемирие, но недолгим оно было:

После смерти славного короля все в одночасье переменилось.

Увы нам! Сколь горько мы скорбим!

Обливаемся мы слезами, и повсюду теперь разруха.

А тот, кто был прекрасной розой среди всех королей,

Ныне лежит в земле и стал добычей для червей.

Этот славный король был для нас как золотой браслет,

Как кольцо с самоцветом, сверкающее ярко.

Люди оплакивают его кончину.

Лежит он под землей, лишенный былого величия.

Эпидемия птичьего гриппа, 1344 год
Джон Фордун

В году 1344 пришла хворь столь великая, что пали птицы во множестве, а люди не могли есть птичье мясо и избегали даже смотреть на петуха или на курицу, как если бы те были нечистыми или страдали лепрой; и потому, по вышеназванной причине, уничтожено было почти все поголовье…

Черная смерть, 1350 год
Джон Фордун

Эта жуткая смертоносная болезнь обрушивалась на Европу волнами в XIV и XV столетиях. Шотландия, поскольку она была населена сравнительно скудно, пострадала меньше многих европейских стран, однако и ей не удалось избежать потерь: как сообщалось, погибла почти треть населения.

В году 1350 пришла в королевство Шотландия хворь, и чума между людей разразилась (та самая, что терзала прежде и потом многие части света, если не всю землю), и таковой хвори не было с того самого дня, как был сотворен мир, не слышал о подобном ни один человек, и в книгах об оной не написано, и мудрые умы ее не провидели. И столь суровой оказалась эта хворь безжалостная, что почти треть народа забрала, словно отдавая долг природе. Более того, по воле Божьей зло это обернулось невиданной прежде смертью, когда плоть заболевших ею раздувалась и чернела, и срок земной жизни у таких людей пресекался всего через два дня. И сильнее всего обрушилась она

на людей простых и незнатных, а власть имущие заболевали редко. И люди таково устрашились, что из боязни заразиться сыновья бросали родителей, будто убегая от жуткой лепры или от коварного аспида, и не навещали тех, даже будь они на смертном одре.

Старый союз, 1385 год
Жан Фруассар

Взаимоотношения между Шотландией и Францией далеко не всегда были столь тесными, как утверждает молва. Французский хронист Фруассар передает чувства обеих сторон во время кампании 1385 года, когда небольшой отряд французов высадился в Шотландии, чтобы помочь союзнику в борьбе с Англией.

Скоро по всей Шотландии распространилась весть, что отряд вооруженных французов вот-вот высадится на побережье. Некоторые говорили: «Какого дьявола им надобно? И кто только их звал? Неужто мы и без них с Англией не справимся? До сих пор какой был нам от них прок? Пусть плывут обратно, ибо народа в Шотландии достаточно, чтобы мы свои домашние распри уладили сами, и их подмога нам не нужна. Мы не разбираем их языка, как и они нашего, и договориться мы с ними не сможем. Стоит им высадиться, как они уничтожат все, что мы создали, и причинят нам больше вреда, если мы позволим им остаться, нежели могут причинить англичане…» Таковы

были разговоры скоттов в ожидании прибытия французов: шотландцы тех не уважали и даже ненавидели в глубине сердец, а потому называли всякими непотребными словами, будучи людьми грубыми и простыми.

Однако я должен признать, что, учитывая все эти обстоятельства, не следовало стольким аристократам отправляться в Шотландию; хватило бы и двадцати или тридцати французских рыцарей, к чему был отряд численностью пятьсот, а то и тысячу человек? Причина очевидна. В Шотландии не найти человека благородного: они все как дикари, не желают ни с кем сводить знакомство и слишком завистливы к благополучию других, а также вечно подозревают, что их хотят чего-то лишить — ведь их страна чрезвычайно бедна. Когда англичане двинулись в глубь страны, как делали много раз, пришлось устроить так, чтобы обозы не отставали, иначе им пришлось бы голодать, ибо в той стране невозможно найти что-либо съестное, не прилагая значительных усилий. Там нет ни железа на подковы лошадям, ни кожи для упряжи, седел и узды; все это доставляется из Фландрии по морю, а в самой стране этого нет…

Графы Дуглас и Морэй чаще всего навещали

французские отряды. Эти два человека уделяли французам более внимания, нежели все прочие шотландцы. Хуже всего было то, что французам негде было полнить припасы, ведь когда они хотели купить лошадей, с них вместо ожидаемых десяти флоринов запросили сто шестьдесят, и еще следовало найти тех, кто согласится продать животных за такую цену… Куда бы слуги ни отправлялись за провиантом, им позволяли навьючивать на лошадей столько припасов, сколько те в состоянии увезти, но на обратной дороге на них нападали и безжалостно избивали и грабили, а порой и убивали, и в конце концов никто из слуг уже не отваживался покидать лагерь из страха расстаться с жизнью. Всего за месяц французы потеряли около сотни слуг; и когда отправлялись за провиантом трое или четверо, бывало, что не возвращался ни один — столь жестоко их встречали.

Французы и шотландцы отступали (перед натиском англичан. — ***Ред.)*** той же дорогой, какой шли прежде. Когда прибыли в Низины, они увидели, что весь край разорен; но местные не огорчились и сказали, что скоро построят новые дома и найдут себе скот для пропитания…

Шотландцы говорили, что французы причи-

нили им больше урона, чем англичане; когда их спрашивали, почему, они отвечали: «Они вытоптали наши поля пшеницы, овса и ячменя, потому что шли не по дорогам, а напрямик, и должны заплатить за ущерб, прежде чем покинут Шотландию; и не отыскать им ни корабля, ни моряка, который выйдет в море, пока они не заплатят…»

Когда адмирал вместе с баронами, рыцарями и оруженосцами вернулся в окрестности Эдинбурга, все страдали от голода, потому что нигде не могли купить провизию… И потому многие рыцари и оруженосцы решили покинуть Шотландию и отплыли во Фландрию или в иные края, без еды, коней и оружия, проклиная шотландцев и свое решение высадиться в этой стране. Они говорили, что никогда прежде так не мучились и предлагали королю Франции заключить перемирие с Англией на два или три года, а потом отправиться в Шотландию и полностью ее разорить, ибо нигде нет таких жестокосердных людей, таких отъявленных лжецов и предателей…

Акты парламента

Приводимые ниже официальные документы дают представление о том, что тревожило власти в те времена.

1427 год. Волчьи щенки

По велению короля, с согласия Королевского совета, установлено, что каждый барон в пределах своих владений в соответствующее время года должен посылать слуг на поиски волчьих щенков и убивать оных. И барону надлежит тому, кто убьет щенка и принесет его голову, давать шиллинг. А когда барон приказывает устроить охоту и искать волков, всякий должен повиноваться приказу под страхом штрафа за каждого, кто откажется присоединиться. И надлежит баронам в своих баронствах охотиться на волков четырежды в год или же так часто, как появляются волки в означенных баронствах. А в иное время, кроме как когда объявлена охота, убивать волков возбраняется.

1427 год. Проказа

Повелеваем, чтобы ни один больной проказой отныне не мог вступать в пределы любого поселения в королевстве, кроме как трижды в неделю, а именно по понедельникам, средам и пятницам, с десяти часов утра до двух часов дня; а буде в эти дни проводятся рынки или ярмарки, тогда воспрещается им заходить и в эти дни, и должны искать они пропитания на следующий день. Также воспрещается больным проказой просить подаяния в церкви или на церковном дворе или в любом другом месте поселения, но только в лечебницах и в портах и в прочих местах за пределами поселений.

1436 год. О питии в тавернах

Король и все три сословия постановили, что ни один человек не должен быть замечен в таверне за питием вина, эля или пива до того, как пробьет девять часов утра и прозвенит колокол в означенном поселении; а если найдутся те, кто нарушит сие постановление, олдерменам и бальи (судебным чиновникам. — ***Ред.)*** надлежит заключить таких в королевскую тюрьму, а по

признанию вины должны они будут всякий раз платить за свое непотребство шиллинг.

1447 год. Об упражнениях с оружием

(*Король Джеймс II опасался, что стрельбой из лука стали пренебрегать ради гольфа и футбола.)*

Постановлено и утверждено, что лордам и баронам, духовным и светским, надлежит четырежды в год проводить состязания во владении оружием, а футбол и гольф запрещаются и должны быть искоренены, и что мишени для стрельбы из лука следует установить во дворе каждой церкви, а стрельбы проводить каждое воскресенье. И всякий должен делать не менее шести выстрелов, иначе подлежит он штрафу; и взимать не менее 2 пенсов с того, кто придет на стрельбы в подпитии. И исполняться должно таковое с Рождества по день Святого Михаила… Что же до футбола и гольфа, повелеваем мы запретить сии игры под страхом штрафа.

1471 год. Защита диких птиц

Ради защиты птиц и таковой дичи, каковая пригодна к употреблению в еду, будь то куро-

патки, ржанки, дикие утки и прочая живность, утверждено, что воспрещается разорять их гнезда и забирать яйца или убивать птиц в дни гнездования, когда не могут они летать; также надлежит всем людям разорять гнезда, бить яйца и убивать птенцов хищных птиц.

Что же касается грачей, ворон и прочих хищных птиц, как-то: цапель, канюков и ястребов, каковые истребляют посевы и поголовье диких птиц, как-то: куропаток, ржанок и иных, и поскольку грачи и вороны вьют гнезда в садах, при церквях и в иных местах, сочтено необходимым, чтобы те, кто владеет сими деревьями, мешали им вить гнезда и разоряли построенные и ни в коем случае не позволяли сим птицам выводить птенцов без помех. А где доказано, что таковые гнезда свиты и птенцы вылетели, а гнезда остались на деревьях, в канун Белтейна надлежит передавать такие деревья королю, если только они не могут быть очищены, а с тех, кто владеет этими деревьями, надлежит брать шиллинг штрафа в казну. И указанные хищные птицы подлежат всемерному истреблению любыми доступными средствами, поскольку истребление их пойдет на великую пользу поголовью диких птиц, пригодных к употреблению в пищу.

Убийство короля Джеймса (Иакова) I, 20 февраля 1437 года
Из воспоминаний фрейлины королевы Джоанны

Джеймс, второй сын Роберта III, в юности попал в плен к англичанам и восемнадцать лет провел в заключении в лондонском Тауэре. После освобождения в 1423 году он вернулся в Шотландию вместе с супругой Джоанной, намереваясь восстановить в стране королевскую власть и утихомирить своенравных и могущественных баронов. Тем самым он нажил себе врагов, однако его убийство связано не столько с недовольством знати, сколько с притязаниями на трон детей его отца от второго брака. Короля застали врасплох, когда он находился в королевском охотничьем поместье Блэкфрайарс под Пертом. Рассказ об убийстве представляет собой перевод писца Джона Ширли с латинского оригинала.

И так мы быстро приближаемся к той ночи, в каковую означенный Джеймс Стюарт, король Шотландии, был жестоко и безвинно погублен, и кончину его должен оплакать всякий благород-

ный и добрый муж. После вечерней трапезы и глубоко в первую четверть ночи граф Атолл и Роберт Стюарт были при короле, играли в шахматы за столом, читали книги, пели и играли на волынках и на арфах и предавались иным честным занятиям, каковые доставляют удовольствие…

Король предложил выпить прощальную чашу и расходиться, и все подчинились и удалились. А Роберт Стюарт, как родич короля и его доверенный, уходил последним, и он знал об уготовленной измене и был с заговорщиками заодно, а потому оставил дверь опочивальни незапертой, да еще так покорежил замки и щеколды, что ни один человек не смог бы их закрыть. А око-л о полуночи он положил доски через канаву, что окружала сад, и по этим доскам заговорщики проникли внутрь. Среди них был и сэр Роберт Грэм и другие с ним, всего три сотни человек; король же в ту пору стоял у ложа в ночном платье, в колпаке и в тапочках, стоял перед камином, и шутил с королевой и дамами, что ее сопровождали, то снимая ночное платье, то снова надевая его поверх рубашки. Но вот услыхал он шум снаружи и лязг стали и увидел вооруженных людей с факелами. Он сразу все понял и догадался, что должен там быть рыцарь-изменник и его заклятый враг

сэр Роберт Грэм, а королева и ее дамы бросились к двери и увидели, что та не запирается, а когда попытались ее все же закрыть, то поняли, что замки сломаны. Король велел им отойти от двери и сказал, что с честью примет удар врагов и заговорщиков, и надо попытаться открыть окна, но те были надежно укреплены, а прутья глубоко уходили в камень, и потому проломить окна не удалось. По сей причине король устрашился и, не отыскав иного выхода, шагнул к камину и схватил железные щипцы, которыми поправляли пламя, потом поднял половицу и укрылся под полом в уборной, где не было окон, и лишь у пола имелось небольшое квадратное отверстие, сделанное в стародавние времена, чтобы чистить уборную; этим путем можно было бы убежать, однако король сам три дня назад велел заложить отверстие камнем, потому что во время игры в мяч нередко случалось, что мячи закатывались в эту мерзкую дыру, и потому дыра была заделана.

И не нашлось для короля ни спасения, ни пути бегства, и вынужден был он сражаться. Заговорщики же подступили к дверям с рычагами и топорами, сорвали двери с петель и ворвались внутрь, размахивая мечами, кинжалами и иным грозным оружием. И в суматохе, ими устроенной,

одна придворная дама была ранена в спину, и другие дамы тоже пострадали. И тогда женщины и благородные дамы громко закричали и бросились бежать из страха перед этими доблестными [sic!] и безжалостными убийцами. Те же разбрелись по всему дому и нашли королеву, каковая была в столь ужасном состоянии, что не могла ни говорить, ни пошевелиться; она стояла, точно бессловесное существо, вдруг утратившее разум, и один из заговорщиков ударил ее и мог бы убить, когда бы не один из сыновей сэра Роберта Грэма, который молвил так: «Постыдись, ты поднял руку на королеву! Она лишь женщина. Пойдем искать короля». И тогда королева, едва ли сознавая, что она делает, и почти обезумев от страха, кинулась бежать в исподнем платье, кутаясь на бегу в мантию; а прочие дамы сбились в углу и обливались слезами, издавая громкие и бередящие душу звуки.

И заговорщики искали короля по всему дому, в соседних пристройках, в мусоре, под столами и креслами и в прочих местах; долго они искали короля, но никак не могли найти, потому что никто из них не вспомнил об уборной. Король же, долгое время не слыша их голосов, решил, что они ушли ни с чем, и крикнул придворным

дамам, чтобы те несли простыни и помогли ему обтереться. Женщины по его зову поспешили к половице, что вела к уборной, и открыли ее с немалыми трудами, а когда они это сделали, одна из дам, по имени Элизабет Дуглас, провалилась вниз, к королю. И тут один из заговорщиков, Роберт Чамберс, сказал другим, что раз короля нигде нет, значит он наверняка спрятался в уборной, и прибавил: «Сэры, хватит нам попусту терять время, ибо вполне может быть, что мы ищем не там. Идемте со мной, и я покажу вам, где скрывается король». Ибо этот Роберт Чамберс был прежде доверенным слугой короля и знал, где расположена уборная, а потому он привел других и поднял половицу и заглянул внутрь с факелом и увидел короля и с ним женщину. Тогда он сказал остальным: «Сэры, дичь попалась в ловушку». И тогда один из этих изменников и убийц, по имени сэр Джон Холл, спустился вниз с кинжалом в руке, а король, справедливо опасаясь за свою жизнь, схватил его крепко за плечи и повалил на пол, ибо был король весьма силен. Брат Холла увидел, что король одолел сэра Джона, и тоже спустился вниз, чтобы закончить дело; король же, едва он спустился, схватил его за шею и поверг к своим ногам, поверх тела его брата, так

что он справился с обоими, и потом еще целый месяц по следам на их телах люди могли догадаться, сколь силен был король. Он же боролся, стараясь отнять кинжалы, из-за чего порезал себе все руки. Будь король хоть чем-то вооружен, он наверняка сумел бы победить в конце концов этих подлых изменников, ведь к тому времени королевские слуги и многие горожане прознали о случившемся и уже спешили на подмогу. Однако чуда не случилось. Судьба обернулась против него, и жизнь он сохранить не сумел.

Злобный и подлый предатель сэр Роберт Грэм, увидев, сколь отчаянно сражается король с двумя заговорщиками, каковых он поверг себе под ноги, заметив, что он ослабел и устал, а еще безоружен, тоже спустился вниз и набросился на короля со смертоносным клинком в руке. И тогда король взмолился о пощаде. «Мерзкий тиран! — ответил ему Грэм. — Ты не пощадил никого из моего рода, как не щадил и других, кто того заслуживал, так что и тебе пощады не видать». И король ответил: «Умоляю, ради спасения моей души, позволь мне исповедаться». На что указанный Грэм молвил: «Вот тебе исповедник — мой меч!» С этими словами он нанес удар, и добрый король и правитель пал. А Грэм, видя, что его король и

господин наконец-то мертв, поднялся наружу и не стал осквернять тело. Прочие же заговорщики сказали сэру Роберту: «Мы повинуемся тебе, но если ты сейчас просто уйдешь, то мы убьем тебя своими руками». Тогда сэр Роберт и двое Холлов снова спустились в уборную и накинулись на славного государя и жестоко осквернили его тело. Увы! Сколь горькая кончина постигла доброго и милостивого короля! Как передавали те, кто видел тело, только на груди было шестнадцать ран, а на других частях тела и не сосчитать.

Битва при Флоддене, 9 сентября 1513 года
Томас Рутолл

Джеймс IV верил, что его шурин Генрих VIII не нападет на союзницу шотландцев, Францию; когда же Генрих заявил, что будет воевать с Францией и что Шотландия принадлежит ему, Джеймс выступил с войском к английской границе. Армии встретились у деревеньки Флодден. Несмотря на лучшее вооружение и усталость англичан, шотландцы потерпели поражение. Джеймс погиб, как и многие из его соотечественников; вину за разгром отчасти возлагали на длинные шотландские копья, которые были бесполезны против топоров, а сойтись с англичанами в рукопашнуюшотландцам не позволили английские лучники. Томас Рутолл, епископ Дарэма, присутствовал при битве и позднее направил кардиналу Вулси отчет об увиденном.

В девятый день сего месяца после ужасной битвы король шотландцев с большинством лордов и знатных людей был повержен и пал. В этом сражении милорд канцлер, как и подобает от-

важному, благородному и доблестному воителю, наделенному мудростью, храбростью и опытом, при помощи и поддержке своего сына лорда Говарда, адмирала Англии, выказал себя столь героическим бойцом, что прославил себя не только в этом королевстве, но и за его пределами, и заслуживает всяческой хвалы, славы и благодарности. Это особенно нужно отметить, если вспомнить, сколько было врагов и что у них было целых 17 больших пушек, не говоря уже о малых. И нельзя забывать о силе и ярости шотландцев, которые подкреплялись надежными доспехами, отменным оружием и прочим военным снаряжением, а также о том, что у них в изобилии было еды и вина всякого, хлеба, пива и эля, палаток и шатров, не то что у нас; поверить в это можно, лишь увидев воочию, и наши люди видели и горько завидовали.

Но сравните храбрость и быстроту шотландцев с утомлением и слабостью наших людей, которые дурно питались и не пили ничего, кроме воды целых три дня, да и то не в избытке, а сами с превеликими трудами прошли в тот день, когда состоялась битва, восемь миль по холмам и долинам, неторными и опасными дорогами, спускались по крутым склонам и поднимались

на следующие, и все же дали бой королю шотландскому, каковой стоял лагерем, держа оружие наготове и поджидая наше войско.

И поскольку шотландцы укрепились на холме, ветер дул нам в лица, и солнце светило в глаза, и, если учесть все эти опасности, трудности и препятствия, следует счесть, что победа эта дарована нам Господом и преславным святым Кутбертом, а не силой оружия, пусть в самой сече этой силы было в достатке, как и мужества и доблести.

В этот день пал и король шотландский, и все его лорды, кроме пяти, и большая часть шотландской знати, а всего полегло 10 тысяч шотландцев, хотя некоторые и утверждают, что во всей их стране не сыщется более 15 тысяч человек.

Означенные шотландцы все были в крепких доспехах, кольчугах, со щитами и прочим снаряжением, и стрелы не могли причинить им вред, а когда дошло до столкновения лицом к лицу, они, такие крупные и сильные, не желали падать замертво, даже когда поражали их сразу 4 или 5 дротов или стрел; и все же наши дроты изрядно поумерили их пыл, а топоры лишили шотландцев их длинных копий, на каковые они возлагали особые надежды, а в ближнем бою, пусть шотландцы дрались доблестно и отчаянно,

они не могли мечами отбивать летевшие со всех сторон дроты и стрелы.

В тот день отличились на поле брани многие славные вожди, а лорд Говард напал первым и отважно повел наши передовые части, над которыми веяли стяг святого Кутберта и епископский; пускай шотландцы насмехались над сим стягом и не испытывали перед ним страха, милостью Божьей и радениями святого Кутберта и доблестью вождей и прочих воинов под стягами мы нанесли врагу немалый урон, сами же почти не пострадали, хотя многие были ранены. И потому с великой честью стяг святого Кутберта возвратился в церковь, а с ним принесли и штандарт короля шотландцев, для которого рядом выстроили часовню. И означенный король покоится недалеко от своего штандарта.

И вот что еще: все пушки шотландские захвачены и находятся ныне в Бервике, там же и пленные, каковых немного, ибо наши люди, желая покончить с делом раз и навсегда, не слишком стремились брать пленных, но убивали всех, кто оказывался рядом, будь то король, лорд, епископ, рыцарь, дворянин или простой воин, а также снимали с них доспехи и забирали оружие, так что тела остались лежать нагими на поле,

среди них и тела многих вельмож шотландских, крепких и сытых, и с ними тело самого короля, многократно израненное и нагое, каковое милорд канцлер забрал в Бервик.

И когда наши вожди и воины прославляли себя в битве, случилось нечто невероятное: покуда они бились с врагом, кто-то украл все их пожитки, коней и припасы. Кто это сделал, шотландцы или жители границы, я не могу сказать с уверенностью, по слухам же, это были местные. Молю Бога, чтобы Он покарал виновных, и прибавлю, что по возвращении наши люди были обескуражены сим уроном более, чем храбростью шотландцев; полагаю, если вновь придется выступать сюда, это воспоминание может изрядно подорвать дух.

Похвала овсяным лепешкам, 1521 год
Джон Мейджор

Шотландская кухня произвела такое впечатление на хрониста Джона Мейджора, что он посвятил ей гимн в прозе.

Пшеница зреет не во всякой части острова, по каковой причине простой люд потребляет ячменный и овсяный хлеб. А поскольку многие бритты почему-то стыдятся того, чего ни в коей мере стыдиться не следует, позволю себе кое-что пояснить. Прежде всего так — пусть земля Британии бесплодна, никому из бриттов не пристало сим тяготиться… Подобный хлеб было в обыкновении употреблять у Христа и его апостолов… И Плиний тоже говорит, в тринадцатой книге своего труда, о пропитании из овса, а в Нормандии, близ Аргентолия, есть деревенька Пэн д'Авен, то бишь Овсяный Хлеб. Но мне могут возразить, что это наименование уничижительно, ибо подобная пища не слишком распространена среди галлов. Я же отвечу, что, со своей стороны, охотнее полакомлюсь бриттским хлебом, нежели тем,

что приготовлен из ячменя или из пшеницы. Не припомню, чтобы мне доводилось видеть по ту сторону пролива столь тучных овсяных полей, как в Британии, а люди здешние приготовляют хлеб самым хитроумным способом, каковой можно вообразить. И ниже я о нем расскажу.

Овес выращивают на небогатой почве, а зерно жарят таковым образом. Возводят дом наподобие голубятни, а посреди оного, наискосок от стен, кладут шесть слег по двенадцать футов каждая. Эти слеги покрывают соломой, а на соломе рассыпают зерно. Затем разжигают огонь, тщательно следя за тем, чтобы он не перекинулся на солому или на стены. Так зерно подсушивается, после чего его везут на мельницу, где посредством мельничных жерновов снимают шелуху. Остается мука, сухая и доброкачественная, куда чище той, какую используют кондитеры по всему свету. Из этого подсушенного зерна, каковое по внешнему сходству именуют чечевичной мукой, после помола и выпекают овсяный хлеб.

Простой люд употребляет дрожжи или обходится без оных, и посадки овса раскинулись по всему острову. Лишь попробуйте этот хлеб, и вы наверняка восхититесь его вкусом. Это пища едва ли не всех жителей Уэльса, северной Англии…

и шотландских крестьян; и сила шотландских и английских военных отрядов — в людях, что выросли на такой почве и такой еде. И разве не доказательство сие, что овсяным хлебом не след пренебрегать?

Сожжение Джорджа Уишарта, 1 марта 1546 года
Джон Нокс

Джордж Уишарт, школьный учитель из Ангуса, был обвинен в ереси за то, что рассказывал о греческом Новом Завете, а потому бежал из страны и несколько лет провел в Швейцарии, где и принял веру местных протестантов. По возвращении в Шотландию он принялся проповедовать лютеранское учение об оправдании верой, что привело к его аресту по распоряжению кардинала Битона. Уишарта осудили и приговорили к сжиганию на костре. По рассказам современников, он был человеком незлобивым и весьма располагал к себе; его проповеди вдохновили Джона Нокса. Свое повествование о казни Уишарта Нокс сопроводил подробным описанием убийства кардинала Битона. Эти акты насилия ознаменовали начало шотландской Реформации.

Взойдя на костер, он опустился на колени, потом снова встал и трижды молвил сии слова: «О Спаситель мира, снизойди ко мне; Отец Небесный, Тебе предаю я свой дух». Завершив сию

молитву, повернулся он к народу и произнес такие слова: «Молю вас, братья мои и сестры во Христе, да не усомнитесь вы в Слове Господа, глядя на муки и страдания, мне уготованные. Заклинаю вас, обратитесь к Слову Господа сердцами своими, ищите спасения и терпите муки, как терпел их наш Господь, и обретете вы тогда в Слове сем утешение и спасение. Еще молю я вас, братья мои и сестры, передайте тем, кто прежде слушал меня, чтобы не бросали они трудов праведных и не отказывались от Слова Божьего, каковому я их учил по милости Небес, ибо никакие преследования, ни злоба людская над Ним не властны. И скажите им также, что учение мое — не досужие байки, но заповеди, коим следовать надлежит; и если признано будет, что я чему-то научил, это для меня станет лучшей благодарностью. Но помните вы, и пусть помнят они, что учил я лишь Слову, от Господа идущему и милостью Его мне открытому. Принимаю я смерть не скорбя, но с радостью великой и с разумом ясным. Для того и привели меня сюда, дабы принял я гибель на костре во славу Христову. Взгляните на лицо мое — не увидите вы, чтобы я побледнел. Сего костра погребального я не страшусь и вас молю не страшиться его, не отказываться из страха от

нашей веры; пусть враги способны истребить тела, но истребить дух им не под силу…»

И тогда палач его и мучитель опустился вдруг на колени и сказал: «Сэр, молю, прости меня, ибо не я повинен в твоей смерти». И ему ответил он: «Подойди». А когда палач подошел, поцеловал он того в щеку и молвил: «Вот знак того, что ты прощен. Сердце мое злобы к тебе не питает». После чего возвели его на виселицу и вздернули, а потом сожгли дотла. И люди, что видели воочию смертоубийство праведника сего, не могли сдержать стонов и слез, как если бы узрели они казнь агнца Божия…

Убийство кардинала Дэвида Битона, 29 мая 1546 года
Джон Нокс

Рано утром в субботу, 29 мая, собрались несколько десятков человек на церковном дворе, неподалеку от замка. Вот распахнулись ворота и опустился подъемный мост, чтобы пропустить внутрь повозки с камнем и известью для строительства (ведь сей Вавилон уже почти достроили); первым вошел младший Уильям Киркалди из Грейнджа, а с ним шестеро его людей. И спросили они привратника: «Проснулся ли его милость?», на что тот ответил: «Нет».

И пока Уильям беседовал с привратником, подошел Норман Лесли со своими людьми, а так как их было немного, они без труда проникли внутрь. Едва дошли они до середины двора, как появился Джон Лесли, и с ним четверо. Напуганный привратник хотел было поднять мост, однако Джон, уже ступивший на край, запрыгнул внутрь. И привратника, каковой приготовился защищаться, ударили по голове и забрали у него ключи, а самого скинули в ров; вот так были захвачены

ворота и двор.

Раздались крики; работные люди, коих было более сотни, поспешно сбежали со стен, и их без помех и задержек выпустили наружу. Уильям Киркалди встал у задней двери, опасаясь, что хитрый лис попробует ускользнуть. Остальные же двинулись в покои для благородных и, не причиняя никому вреда, прогнали из замка более пятидесяти человек. Их же самих было всего шестнадцать. Кардинал, пробудившийся от шума, высунулся из окна и спросил сурово, отчего такой крик. Ему ответили, что Норман Лесли захватил замок. Услышав это, кардинал кинулся к задней двери, но увидел часового и вернулся обратно, взял свой двуручный меч и заложил вход сундуками и прочими препятствиями.

Тогда Джон Лесли подошел к двери и велел открывать. Кардинал спросил: «Кто это?», и Джон ответил: «Меня зовут Лесли». Кардинал продолжал выспрашивать: «Это Норман?», и ему сказали: «Нет, это Джон». И кардинал велел привести Нормана — дескать, тот ему друг. Но Джон ответил: «Говори с тем, кто стоит тут, никто другой не придет».

Сопровождали Джона Джеймс Мелвилл, человек, хорошо знакомый с мастером Джорджем

Уишартом, и Питер Кармайкл, крепкий телом. Покуда они ломились в дверь, кардинал успел припрятать в угольях камина шкатулку с золотом. Когда он спросил: «Вы пришли забрать мою жизнь?», и Джон ответил: «Быть может, мы тебя и пощадим». Кардинал сказал: «Нет, поклянись перед Господом, что не убьешь, и тогда я открою». Джон же молвил: «Что не сказано, тому веры нет» и велел подать огня (дверь была весьма крепкой); принесли тлеющие угли и подложили под дверь. Увидев это, кардинал (или его служанка, не скажу точно) отпер дверь; он сидел в кресле и повторял: «Я священник, я священник, вы меня не убьете».

Джон Лесли (как и полагалось по принесенному ранее обету) ударил первым, единожды или дважды, а за ним Питер. Но Джеймс Мелвилл, человек скромный и добросердечный, узрев это, отвлек их в сторону и сказал: «Дело сие, по воле Господа, пускай оно тайное, надлежит совершить беспрекословно», после чего обнажил меч и молвил кардиналу: «Покайся в грехах своих паскудных, а прежде всего в пролитии крови праведника Божьего мастера Джорджа Уишарта, каковой, хотя пожрало его пламя на глазах у всех, требует мести. И мы посланы Богом отомстить тебе. Да будет Господь свидетель, что не нена-

висть к твоей милости, ни жажда твоих богатств, ни страх перед теми кознями, каковые способен ты учинить, не понуждают меня нанести удар, но то лишь, что был ты и остаешься упорствующим врагом Иисуса Христа и Его заповедей». И потом ударил он мечом дважды или трижды; и кардинал замертво пал на пол, успев только произнести напоследок: «Я священник… Горе мне! Все пропало!»

Джон Нокс извиняется перед королевой Елизаветой, 1559 год
Джон Нокс

В своем памфлете «Первый трубный зов против чудовищного правления женского» Джон Нокс утверждал, что женщины не пригодны к управлению государствами. Когда же английская королева Елизавета публично выразила свое неудовольствие этим сочинением, Нокс поспешил оправдаться перед монархиней.

Елизавете, королеве Англии

Эдинбург, 1559 год

Дошло до меня известие о недовольстве Вашего величества, каковое, будучи несправедливым, жестоко и почти непереносимо меня уязвило, ведь совесть моя чиста, и потому не впадаю я в отчаяние, сколь бы велико ни было искушение; Господь свидетель, что никогда не злоумышлял я против Вашего величества и не имел в виду оскорбить ни Вас, ни королевство Ваше; и пусть меня судят люди, Он, Который на небесах и ведает все наши тайные помыслы, дарует мне

прощение.

Не стану отрицать, что написал книгу против узурпации власти и неправедного правления женщин; не стану и отказываться от того, что в этой книге сказано. Однако почему Ваше величество и всякий, кому дороги английские свободы, сочли, что автор сей книги намеревался их оскорбить? Ведь, прежде всего, книга моя ни в коей мере не служит нападкам на Ваше величество, да и ни единое слово в ней не призвано опровергнуть вольности и свободы нашего королевства.

Как могу я быть врагом Вашего величества, попечением которого был я взращен и обучен и коему обязан не менее любого из тех, кто меня обвиняет? И коли уж говорить о Вашем правлении, как могу я не восхищаться им? желать иного? или не благодарить за него Господ а? Оное Ему, в Его вечной доброте, приятно, недаром избавил Он Вас от страданий, даровал Вам величие и искоренил в сей стране идолопоклонство.

Господь свидетель, что я преклоняюсь перед Вашим величеством и безмерно Вас почитаю; молюсь я, чтобы Ваше правление было долгим, мирным и благополучным; и чтобы все мои братья во Христе могли наслаждаться сим миром, какой Вы им ниспослали…

Рассказ Джеймса Мелвилла о том, как он обучался наукам, раскрывает нам, какого поведения и послушания ожидали в те годы от учеников. Племянник знаменитого религиозного реформатора Эндрю Мелвилла, Джеймс Мелвилл впоследствии стал известным ученым, сторонником религиозных реформ, а прославился более всего своей яркой автобиографией.

Мой отец отослал нас с моим единственным и старшим братом Дэвидом (он старше меня почти на полтора года) на обучение к дальнему родственнику, человеку сведущему и доброму, которого с я признательностью называю, — мистеру Уильяму Грэю, священнику в Лоуги-Монтроз. У него была сестра, богобоязненная и честная женщина, которая часто напоминала мне нашу мать и стала для меня поистине второй матерью. В школе с нами обучались многие дети знатных и простых людей из окрестностей, и учили нас грамоте, прилежности и физическим упражнениям.

Так научились мы читать катехизис, псалтырь и Писание, выучили катехизис и псалтырь наизусть, и в школе я впервые осознал (будь благословен, Господи!), что в сердце моем пробуждается Дух, еще когда мне было восемь или девять лет; я молился вечерами, перед сном, а

утром уходил в поля, чтобы в одиночестве повторить молитвы, сладко замирая от непонятных ощущений, чтобы ужасаться божбе и потом сообщать наставнику о тех, кто позволял себе божиться. Мне в память запала та добрая женщина, которая страдала от хвори и потому предавалась чтению и молитвам в постели; я словно лежал в ее комнате и слышал, как она молится.

Мы изучали основы латыни и слова латинского и французского языков, а также правила произношения французских слов. Также мы штудировали «Этимологию» Лилли и отчасти «Синтаксис» Линекера; сюда же следует добавить «Номенклатуру» Хантера, «Малое собрание» Эразма, равно как и отдельные эклоги Вергилия и «Послания» Горация, а еще письма Цицерона Теренцию…

Нас часто выпускали на свежий воздух, и мы учились владеть луком и стрелять из оного, держать клюшку для гольфа, фехтовать палками, а еще бегать, прыгать, плавать, бороться, состязаться друг с другом, причем каждому подбирали пару, как на уроках, так и во время занятий на воздухе.

Счастливая, блаженная пора! Лишь наше небрежение и неблагодарность вынудили Господа

сократить срок обучения, отчасти из-за того, что учеников было слишком много, и наставник стал уставать, отчасти же из-за недуга, каковой Бог, карая за наши грехи и презрение к Его Писанию, наслал на Монтроз, от которого до Лоуги всего две мили; потому учеников распустили, и мы с братом, подробно остальным, вернулись домой.

Я провел в той школе почти пять лет и за это время, припоминаю, услыхал о свадьбе Генриха и Марии, короля и королевы шотландцев; об убийстве сеньора Давида (Риччо. — *Ред.);* о смерти короля в Филдской церкви; о пленении королевы в Карберри и о событиях на Лэнгсайдском поле… Еще я ясно помню, как мы вышли на пустошь, чтобы полюбоваться костром, разожженным на вершине горы в честь дня рождения короля…

Мария Шотландская прибывает в страну, 19 августа 1561 года
Джон Нокс

Возвращение королевы Марии в Шотландию ознаменовало наступление одного из наиболее ярких периодов в политической истории страны. Прибытие Марии описал Джон Нокс, причем текст написан уже после убийства Риччо, и в нем немало язвительных замечаний и воспоминаний.

Девятнадцатого августа 1561 года, между семью и восемью часами утра, Мария, королева шотландцев, прибыла из Франции, вдовая, на двух кораблях… Само небо в миг ее прибытия ясно дало понять, что сулит стране возвращение королевы, а именно — горе, боль, тьму и нечестие. На памяти тех, кто живет ныне, небеса впервые были столь темны и оставались таковыми еще два дня; лил проливной дождь, сам воздух пахнул премерзко, а туман пал такой густой и плотный, что нельзя было разглядеть ничего на расстоянии шага от себя. Солнца не видели целых пять дней. Господь послал нам предостережение, но увы — многие из нас ему не вняли.

Убийство секретаря и, возможно, любовника королевы Марии итальянца Давида Риччо, совершенное супругом королевы лордом Дарили и его друзьями, стало вехой в истории и без того бурного правления Марии Стюарт. Описание жестокого убийства Риччо — а королева в ту пору готовилась разрешиться от бремени — составил один из доверенных советников Марии, дипломат и воин сэр Джеймс Мелвилл, ставший пажом королевы в четырнадцать лет, а позднее назначенный личным советником и постельничим. Наиболее интересны набросанный им портрет Риччо и очевидное всем покровительство Марии итальянцу, вопреки советам сэра Джеймса.

Прибыл к нам, в свите посла Савойи, некий Давид Риччо из Пьемонта, юноша, веселый нравом и хороший музыкант; в распоряжении ее величества уже имелись три певца, и она пожелала четвертого; тогда ее величеству рассказали об этом человеке, который мог бы стать четвертым, и привели его, чтобы он спел с остальными; позднее, когда посол отбыл, он остался в нашей стране и состоял при королеве как певец.

А еще позднее, когда секретарь ее величества уехал во Францию, этот Давид получил сию должность, занял высокое положение и при-

влек внимание ее величества, причем знаки внимания оказывались ему нередко на глазах сановников и когда проходили государственные советы; и потому многие ему завидовали и ненавидели его, и одни сановники глядели с неодобрением, а другие старались не замечать его, когда входили к королеве и видели, как он беседует с ее величеством.

Потому не без некоторого страха пожаловался он мне на все это и попросил моего совета. Я сказал ему, что чужакам нередко завидуют, когда они принимаются вмешиваться в дела другой страны. Еще я сказал, что люди верят, будто он заправляет ныне едва ли не всеми делами, и посоветовал на глазах вельмож оказывать им подобающее уважение и попросить о том же ее величество. Он так и поступил, а позднее сообщил мне, что королева не пожелала что-либо менять. Наблюдая воочию, как крепнет ненависть среди знати к этому Давиду и что ее величество своим упорством его губит, я воспользовался случаем и дал ей тот же совет, какой давал сеньору Давиду, как сказано выше. Ее величество возразила мне, что ни в какие дела он не вмешивается, лишь ведет ее французскую переписку, как и прежний секретарь; и всякий, кто обвиняет его в чем-либо,

должен это осознать, а она никому не позволит указывать ей, как вести повседневные дела. Она поблагодарила меня за мою заботу и пообещала впредь быть осторожнее.

Король, то есть Дарнли, пожалуй, слишком легко согласился на убийство сеньора Давида, каковое подготовили лорды Мортон, Рутвен, Линдсей и прочие, возжелавшие подчинить себе двор и парламент. Король в ту пору был еще очень молод и не слишком опытен в управлении страной. Также считали, что план был известен графу Ленноксу, который имел покои во дворце; а еще графам Атоллу, Босуэллу и Хантли, последние два покинули дворец через окно и бежали к садику, обнесенному неглубоким рвом. Злодейство совершилось в субботу в марте 1565 года (по старому календарю) около шести вечера.

Когда королева села за трапезу в своих покоях, десяток вооруженных мужчин ворвался во двор, прежде чем закрылись ворота и у привратника забрали ключи. И некоторые из них пошли вверх по лестнице, ведомые лордом Рутвеном и Джорджем Дугласом, избранным епископом. Остальные задержались во дворе, размахивали обнаженными клинками и кричали: «Дуглас! Дуглас!». Между тем смеркалось.

Король еще раньше ушел к королеве и стоял у ее кресла, когда лорд Рутвен вошел в покой, не снимая шлема, а Джордж Дуглас следовал за ним вместе с прочими; они действовали решительно, повалили стол, и свечи, блюда и еда попадали на пол. Сеньор Давид прижался к королеве и принялся молить о пощаде; но Джордж Дуглас выхватил у короля кинжал и ударил Давида, и кинжал остался торчать в ране. Сеньор Давид громко закричал, его оттащили от королевы, которая не могла его спасти, ибо убийцы не слушали ни мольбы, ни повелений. Его выволокли из покоев и закололи снаружи, а ее величество все это время держали взаперти.

Мария Шотландская просит о помощи королеву Елизавету, 1 мая 1568 года
Мария Шотландская

После убийства супруга Марии лорда Дарили в 1567 году и скоропостижного выхода замуж за главного подозреваемого в убийстве, графа Босуэлла, всего три месяца спустя, положение королевы изрядно пошатнулось. Она утратила доверие подданных, а после неудавшейся попытки двинуть армию против недовольных аристократов ей оставалось лишь признать поражение. Марию схватили и содержали в плену в Лохлевене, где она вынужденно отреклась от престола в пользу своего сына Джеймса. В канун бегства из заключения Мария написала письмо «драгоценной сестрице» Елизавете.

1 мая 1568 года

Мадам сестрица, медленное течение времени в моем прискорбном заточении и урон, понесенный мною от тех, кого я осыпала милостями, менее печалят меня, нежели невозможность поведать Тебе о моем злосчастии и обо всех тех

ранах, которые наносятся мне со всех сторон; почему, изыскав удобный случай и человека, согласившегося доставить весточку от меня, вверяю я свои мысли сему подателю и молю Тебя верить ему, как если бы я говорила сама.

Помнишь ли Ты, что некогда уверяла меня, будто, если увидишь кольцо, Тобою мне подаренное, то поможешь мне в затруднениях? Тебе ведомо, что мой брат Морэй завладел всем моим достоянием. Те, кто чем-либо владеет, отказываются меня поддержать; Роберт же Мелвин открыто сказал, что не смеет вмешиваться, хотя я считала его драгоценнейшим бриллиантом среди своих сокровищ. По каковой причине я молю Тебя, чтобы Ты, увидав сие кольцо, снизошла к своей доброй сестрице и кузине, и заверяю, что не будет у Тебя родственницы более любящей и близкой в сем мире. Подумай также о том, какой пример подают другим мои дворяне, и о моей судьбе, не как правительницы, но как ничтожнейшей из подданных.

Молю Тебя никому не раскрывать, что я Тебе написала, иначе со мной станут обращаться хуже прежнего; они похваляются, что немедля узнают от своих друзей, если я попытаюсь к Тебе обратиться. Поверь подателю сего письма, как

мне самой. Дай Тебе Боже уберечься от бед, и да дарует Он мне терпение и милость, чтобы мои мольбы дошли до Тебя и чтобы я однажды смогла поведать больше, чем написала, осмелившись потревожить Твой покой.

Из моей тюрьмы в день 1 мая Твоя преданная сестрица и кузина

Мария

Закон против роскоши, 1581 год

У шотландского парламента имелись экономические причины настаивать, чтобы население носило одежды, изготовленные из шотландских материй; однако главной целью этого закона было утверждение статуса: никому, кроме венценосных особ и знати, не позволено носить одеяния из дорогого сукна.

Его королевское величество и парламент сей страны считают великим злоупотреблением со стороны подданных из числа простого люда, что они в подражание его величеству и благородным людям носят дорогие одежды из шелка всех сортов, шерсти, батиста с кружевами и отделкой золотом и серебром, а также шелковые и шерстяные плащи из отрезов, привезенных из других стран, вследствие чего цены на сии ткани выросли настолько, что более невозможно покупать их без того, чтобы не причинить себе тяжких неудобств; учитывая же, что Господь даровал сей стране достаток материалов для производства указанной одежды, буде население станет прилежно трудиться над сим в своих домах, очевидна

причина, по коей столько появилось нищих среди бедняков, каковых надлежит занять полезным трудом во благо страны.

Радея о благополучии страны и народа, постановлено, чтобы никто из подданных его величества ниже достоинством, нежели герцоги, графы, лорды парламента, рыцари или джентльмены с поместьями, не имеющий двух тысяч мерков свободного годового дохода или пятидесяти чалдеров земли, ни же их жены, сыновья или дочери вправе после первого мая следующего года примерять или носить на себе, будь то даже изнанка или отделка, сукна с золотом или серебром, бархата, атласа, дамаста, тафты, равно как и кружев, каймы или шитья золотого, серебряного или шелкового, как и шерсти, батиста или шерстяного сукна, сотканного и привезенного из иных стран под страхом штрафа в пятьдесят фунтов для всякого джентльмена и ста фунтов для всякого йомена за каждый день, в который сам он, его жена, сын или дочь совершает сие преступление. А также постановлено, что бедных надлежит привлекать к труду в сей стране на производстве шерсти, и потому запрещается вывозить из королевства шерсть под страхом конфискации указанной шерсти и всего прочего

движимого имущества отправителей, перевозчиков и владельцев указанного имущества в пользу суверена сей земли.

Обычаи горцев, 1582 год
Джордж Бьюкенен

Ученый, видный протестант и бывший наставник королевы Марии (которую позже обвинил в соучастии в убийстве ее супруга, лорда Дарнли), Джордж Бьюкенен оставил потомкам далеко не безгрешную, но весьма живописную «Историю Шотландии», которая включает следующее описание горцев-хайлендеров.

В своем питании, манере одеваться и вообще во всем домашнем хозяйстве привержены они вековой бережливости. Охота и рыбалка обеспечивают их пропитанием. Они варят дичь в воде, каковую наливают в брюхо животного, ими убитого, а на охоте порой едят сырое мясо, попросту выдавливая из него кровь. Пьют они бульон от сваренного мяса. На пирах они нередко подают сыворотку, выдержанную несколько лет, и пьют ее жадно; сей напиток называют они «бланд», но гораздо чаще утоляют жажду простой водой. Они выпекают подобие хлеба, не слишком неприятного на вкус, из овса и ячменя, потому что иного зерна в сих краях не произрастает, и, благодаря

немалому опыту, наловчились искусно печь пироги. Едят они поутру обыкновенно мало, затем идут на охоту или вовлекаются в иное занятие, частенько оставаясь без пропитания до самого вечера.

Их радуют пестрые одеяния, особенно в полоску, а излюбленные их цвета — багрянец и синь. Их предки носили пледы разнообразных цветов, и многие до сих пор сохранили сей обычай, однако большинство ныне предпочитает темные оттенки, словно в подражание побегам вереска, чтобы, когда приходится целый день лежать в зарослях, выслеживая зверя, одежда тебя не выдала; так, скорее обернутые одеждой, нежели ее носящие, встречают они студенейшие бури и порою даже ложатся спать прямо в снегу.

В своих домах они также ложатся наземь, а полы устилают папоротником или вереском, корнями вниз и листьями вверх. Таким образом устраивают они себе ложа, каковые могут поспорить мягкостью с тончайшей периной, а своим оздоровительным свойством намного последнюю превосходят; вереск ведь, обладающий природной способностью впитывать влагу, вытягивает из тела лишнюю жидкость и восстанавливает здоровье того, кто спит на нем, так

что люди, утомленные ввечеру, утром полны жизненных сил.

Все они не только яростно презирают подушки и одеяла, но и в целом привычны к грубости и скудости, вследствие чего, когда доводится им побывать в иных сторонах, отказываются они от подушек и одеял, заворачиваются в собственные пледы и так ложатся спать, убежденные, что сии поистине варварские удобства вполне скрасят им тяготы жизни.

Плач Марии Шотландской на казни, 8 февраля 1587 года
Мария Шотландская

После бегства Марии из Лохлевена ее войско было разгромлено при Лэнгсайде отрядами регента Морэя, и свергнутая королева бежала в Англию, уповая на защиту «сестрицы». Вместо этого она оказалась в заточении и провела девятнадцать лет в различных «золотых» тюремных клетках, от Карлайла до Фотерингея. Поскольку то обстоятельство, что она по-прежнему жива, создавало угрозу католической реставрации, Елизавета всячески старалась изолировать Марию, но только когда последняя — вольно или невольно — оказалась вовлеченной в заговор с целью убийства Елизаветы, был отдан приказ о казни шотландской королевы. Приводимое ниже письмо Марии к королю Франции Генриху III было написано в ночь перед казнью.

Мсье кузен, бросившись по воле Божьей — за грехи мои, полагаю — в объятия моей венценосной сестры и королевы и проведя в злоключениях почти двадцать лет, ныне я наконец-то осуждена

ею и ее парламентом на смерть; я потребовала назад свои бумаги, каковые они забрали, чтобы изложить свою последнюю волю, и тщательно их изучила, но не нашла ни способ освободиться, ни распоряжения о том, чтобы тело мое переправили, как я того желаю, в Ваши земли, где относились ко мне как подобает, как к королеве, Вашей сестре и Вашему давнему союзнику.

Сегодня после ужина мне огласили приговор, а поутру, в восемь часов, казнят как преступницу. У меня нет привольного досуга, чтобы подробно изложить Вам все случившееся, но буде Вы пожелаете выслушать моего врача и слуг, столь часто мною понапрасну отвергнутых, Вы услышите правду: как я, хвала небесам, презираю смерть и объявляю себя невиновной во всем, что мне приписывают, пускай я на самом деле и нахожусь в их власти. Католическая вера и притязания на корону, каковую вручил мне сам Господь, — вот два главных пункта моего обвинения; и все же они не позволят мне поведать народу, что гибну я за веру, ибо опасаются за крепость собственной; потому-то и забрали у меня моего духовника, хотя он и остался в доме. Я не могу добиться, чтобы его пустили исповедать меня и причастить; мне настойчиво советовали принять последнее

утешение от их священника, какового привезли сюда намеренно. Податель сего письма и его товарищи, почти все — Ваши подданные, засвидетельствуют перед вами, как я держалась в последние часы своей жизни.

Осталось мне лишь попросить у Вас, наихристианнейшего короля и моего кузена и давнего союзника, каковой всегда мне покровительствовал, чтобы Вы доказали свою доброту и выказали христианское милосердие, утишив муки моей совести и облегчив мою душу и совершив то, чего я уже не смогу сделать, а именно — вознаградить моих несчастных слуг, выплатить им все, что причитается, и помолиться за королеву, которая некогда тоже носила титул наихристианнейшей, и которая умрет католичкой, лишенная всякого достояния. Что же до моего сына, я рекомендую его Вам, как он того заслуживает, сама же не могу нести за него ответ. Я отважилась послать Вам два редких камня, полезных для здоровья, желая Вам счастливой и долгой жизни. Примите их как дар от своей любящей сестры, которая умирает, успев восхвалить Вашу доброту. Снова я прошу Вас позаботиться о моих слугах. Прикажите, если будет к тому желание, чтобы отслужили по мне обедню, и в память Иисуса Христа, Кото-

рого я утром, после гибели, буду молить за Вас, позаботьтесь о надлежащих выплатах по моему завещанию.

Среда, два часа пополуночи
Ваша любящая и добрая сестра

Мария

Казнь Марии Шотландской, 8 февраля 1587 года
Роберт Уингфилд

Отчет очевидца о казни Марии в Фотерингее, написанный для лорда Берли, государственного казначея, составлен, вероятно, придворным — и наемным убийцей — Робертом Уингфилдом.

Прежде всего означенная шотландская королева, ведомая двумя чиновниками сэра Амиаса Паулета, тогда как сам шериф шагал впереди, вышла добровольно из своих покоев в зал, где ожидали ее граф Шрусбери и граф Кент, члены трибунала, а также различные рыцари и джентльмены, и там же слуга шотландской королевы, некий Мелвин, опустился перед ней на колени и произнес со слезами, обращаясь к своей госпоже: «Мадам, вести горше мне не доводилось передавать! Как я скажу, что моя королева и добрейшая хозяйка мертва?!» И королева Шотландская, вытирая слезы, отвечала: «Возрадуйся, а не плачь, ибо близок конец бедам Марии Стюарт. Ведомо тебе, Мелвин, что мир сей есть не что иное, как суета сует, и полон невзгод и скорби. Передай же вот что

моим друзьям — что умираю я, храня верность своей вере, и как подобает истинной шотландке и истинной француженке. Пусть Бог простит тех, кто долго желал мне смерти; лишь Он — судия, и лишь Ему ведомы мои тайные помыслы и то, сколь страстно я желала объединить Шотландию и Англию. Расскажи об мне сыну и скажи ему, что я не совершила ничего, что могло бы причинить урон Шотландии. Прощай же, добрый Мелвин». И она поцеловала его и велела молиться за нее.

Потом повернулась она к лордам и сказала, что хотела бы кое о чем попросить. Во-первых, о некоей денежной сумме, каковая известна сэру Амиасу Паулету и каковая должна быть выплачена ее слуге Керлу; еще — чтобы всем ее слугам заплатили все, что она отписала им в своем завещании; и, наконец, чтобы с ними хорошо обращались и отпустили по домам, на родину. «Умоляю вас, милорды, исполнить это».

Ответил ей сэр Амиас Паулет: «Я помню деньги, о которых говорит ваша милость, и вашей милости нет нужды сомневаться в исполнении ее просьб, ибо я исполню их, если то окажется в моей власти».

«Еще, — продолжала она, — есть такая просьба, милорды, чтобы вы позволили моим бедным

слугам присутствовать при казни, чтобы могли передать они другим, что умерла я честной женщиной, сохранившей веру».

И граф Кент, один из членов трибунала, ответил: «Мадам, этого невозможно позволить, ведь велика опасность, что кто-нибудь из них начнет кричать, опечалит вашу милость и нарушит церемонию, о которой мы все договорились, или же попытается отереть вашу кровь, что никак не подобает». На что королева молвила: «Милорд, я клянусь и даю за них свое слово, что они не совершат ничего из перечисленного вами. Бедняжки, им всего лишь хочется попрощаться со мной. И я льщу себя надеждой, что ваша госпожа, королева-девственница, позволит из сострадания к женской участи моим слугам остаться со мной до конца. Я знаю, она не давала вам строгих распоряжений на сей счет, как если бы я была женщиной скромного сословия». И потом, будто опечаленная, прибавила со слезами на глазах: «Вы знаете, что я сестра вашей королеве и веду свой род от Генриха VII, каковой женился на королеве Франции; к тому же я — законная королева Шотландии».

Посему, посовещавшись, решили они все же допустить слуг ее милости, согласно ее просьбе,

и предложили ей выбрать с полдюжины, и она сказала, что из мужчин выбирает Мелвина, своего травника, своего врача и еще одного пожилого слугу, а из женщин тех двух, что обычно ночевали в ее покоях.

После чего двинулась она далее, сопровождаемая двумя людьми сэра Амиаса, Мелвин же нес ее шлейф, а лорды, рыцари и джентльмены шагали следом, шериф же шел впереди; вышли все в большую залу, и губы ее кривились, скорее, от веселья, а не от смертной тоски, и потому она легко вступила на помост, который для нее приготовили — два фута высотой и двенадцать в ширину, с поручнями вдоль краев, весь затянутый черным. Принесли табурет, и она села, а справа от нее сидели графы Шрусбери и Кент, слева же стоял шериф, прямо перед ней — двое палачей; вдоль поручней встали рыцари, джентльмены и прочие.

Когда установилась тишина, королевский трибунал, созванный для казни Марии, королевы Шотландской, открыл мистер Бил, секретарь совета, и произнесло собрание вместе такие слова: «Боже, храни королеву!» Покуда зачитывали обвинение, королева Шотландская хранила молчание, как будто почти не прислушиваясь,

и лицо у нее было столь веселое, как если бы ее величество даровала ей полное прощение; не выказывала она ни страха, ни смятения, ни словом, ни делом, словно не была знакома ни с кем в собрании или не ведала английского языка.

Тогда некий доктор Флетчер, декан Питерборо, встав прямо перед нею, уважительно поклонился и начал читать: «Мадам, ее величайшее королевское величество» и так далее, и повторил это трижды или четырежды, почему она сказала ему: «Мистер декан, я храню верность древней римско-католической вере и готова пролить ради нее свою кровь». И декан ответил: «Мадам, отриньте лживую веру и покайтесь в своих грехах. Вера ваша должна быть лишь в Иисуса Христа, Который пришел нам во спасение». А она все повторяла: «Мистер декан, не утруждайтесь, ибо я столь крепка в вере своей, что готова принять смерть». И, видя ее упорство, графы Шрусбери и Кент сказали, что ежели она не желает слушать причащение из уст декана, то: «Мы будем молиться, ваша милость, чтобы Господь вас вразумил, и чтобы в сердце ваше, хотя бы в последний земной миг, проникла вера в истинное царство небесное, и с тем бы вы и сошли в могилу». А она ответила: «Если вы помолитесь за меня, милорды, я буду

вам признательна, но в молитве к вам не присоединюсь, ибо вера у нас разная».

Тогда лорды махнули декану, и тот опустился на колени на лесенке и начал такую молитву: «Господь милосердный, Отец наш…» И все собрание, кроме королевы Шотландской и ее слуг, повторяло за ним. Королева же сидела на табурете, на шее у нее висел медальон с агнцем Божиим, в руке она держала распятие, а на поясе у нее были четки с золотым крестом, в другой руке — латинская книга. И начала она громким голосом и со слезами на глазах молиться на латыни, а посреди молитвы соскользнула вдруг с табурета и преклонила колени, произнося свои моления; в конце же молитвы декана она, по-прежнему на коленях, помолилась по-английски, чтобы Христос смилостивился над Своей церковью и чтобы окончились ее собственные невзгоды, помолилась за сына и за ее королевское величество, чтобы та была благополучна и прилежно служила Господу. Она призналась, что уповала на волю Божью, искала спасения в крови Христовой, а ныне прольет свою кровь у ног распятия. И граф Кент сказал: «Мадам, примите сердцем Иисуса Христа и отриньте свои заблуждения». Она же, словно не услышав, шагнула вперед,

моля Господа пощадить сей остров и даровать ей самой утешение в горе и прощение. Эту и прочие молитвы творила она по-английски, молвила, что прощает своих врагов, каковые столь долго алкали ее крови, и желает, чтобы они узрели свет истинной веры, а в завершение молитвы взмолилась ко всем святым, дабы те проводили ее к Иисусу Христу; поцеловала распятие и прибавила: «Руки Твои, Иисус, распростерты на кресте; так прими меня в Свои милосердные объятия и прости мне все мои грехи».

Когда закончила она молиться, палачи встали на колени рядом с ее милостью и попросили у нее прощения, на что она ответила: «Прощаю вас от всей души; молю, покончите поскорее с моими бедами». Они же, вместе с двумя ее служанками, помогли ей подняться, после чего стали ее разоблачать; она положила распятие на табурет, а один из палачей снял медальон с агнцем с ее шеи, пусть она и сопротивлялась, и передал одной из служанок, а другому палачу сказал, что вот выгодная вещица на продажу. После чего сняли у нее с пояса четки, а далее она при помощи служанок добровольно стала раздеваться, словно с радостью, и даже поторапливаясь, как если бы устала ждать смерти.

И все то время, пока ее раздевали, выражение лица у нее не менялось, она весело улыбалась и даже молвила, что еще никогда ей не помогали раздеваться такие вот грумы и что никогда прежде она не разоблачалась перед таким собранием.

Наконец осталась она в одной рубашке и нижней юбке, и две женщины, что ей прислуживали, горько зарыдали, принялись креститься и молиться на латыни. Она повернулась к ним, обняла и молвила по-французски: «Ne criez vous, j'ai promis pour vous»[6], а потом перекрестила их и поцеловала, попросила помолиться за нее и возрадоваться, а не плакать, ведь суждено им узреть предел страданий своей госпожи.

Потом, все так же улыбаясь, повернулась к своим слугам, Мелвину и прочим, стоявшим на скамье подле эшафота — из них одни плакали, иногда в голос, а другие крестились и молились на латыни, — и перекрестила их и махнула рукой в знак прощания, попросив молиться за нее вплоть до последнего часа.

После чего одна из служанок поднесла облатку, сложенную тройным углом, поцеловала ее, провела вдоль лица королевы Шотландской и

---

[6] Примечания: 6
«Не плачьте, я — ваша заступница» (*фр.*).

прикрепила к чепцу на ее голове. Потом служанки ушли, а она преклонила колени на подушечке для молитв, весьма решительно и не выказывая и подобия страха, и громко прочла псалом на латыни: «In Te Domine confide…»[7]. Потом ухватилась за колоду, опустила голову, умостила подбородок на колоде, взялась за него обеими руками, каковые, не заметь того палачи, были бы отрублены вместе с головой. Когда ей велели вытянуть руки, она подчинилась и, лежа на эшафоте, тихо воскликнула: «В руки Твои предаюсь, Господи!», три или четыре раза. И один из палачей придерживал ее рукой, а второй нанес топором два удара; она же не издала ни звука и не пошевелила ни единым членом своим; палач же, ровно отрубив голову, если не считать малой зазубрины, поднял эту голову и показал собранию со словами: «Боже, храни королеву».

И когда чепец спал с ее головы, почудилось, будто глядим мы на лицо семидесятилетней старухи, и волосы у нее были короткие и седые, а выражение лица почти не изменилось с того мига, когда она была еще жива, так что лишь немногие запомнят ее в смерти. А еще четверть

[7] Примечания: 7
«На Тебя, Бога, уповаем» (*лат.).*

часа после казни ее губы шевелились.

Мистер декан сказал громко: «Так падут все враги королевы!», а граф Кент подошел к обезглавленному телу, встал над ним и промолвил так, чтобы слышали все: «Таков удел всех врагов королевы и Святого Писания!»

После чего палач, снимая с нее подвязки, углядел ее собачку, каковая забралась перед казнью под одежды хозяйки и не желала вылезать, а потом отказывалась отойти от мертвой госпожи; она легла между телом и отрубленной головой и вся испачкалась в крови, так что ее пришлось унести и отмыть, как и все прочее, на что попала кровь: иное отстирали, иное сожгли, а палачи удалились с платой за содеянное, не взяв ни вещицы из тех, что принадлежали королеве Шотландской. После чего всех выставили из залы, где остались только шериф и его люди, и они унесли тело в покои, где уже ожидали врачи, чтобы его набальзамировать.

Ведьмы Северного Бервика, 1591 год
«Известия из Шотландии»

В 1590 году Джеймс (Иаков) VI и его невеста Анна Датская, как считалось, едва не оказались жертвами ведьминского заговора: ведьмы Северного Бервика якобы намеревались потопить королевский корабль, подняв на море бурю. Королю, который верил, что против него злоумышляют даже придворные, было, вероятно, проще воевать с врагами сверхъестественными, нежели с реальными. Анонимный памфлет «Известия из Шотландии», отрывок которого цитируется, был, скорее всего, опубликован в конце 1591 года, сразу после суда над предполагаемыми ведьмами; предположительно его автор — Джеймс Кармайкл, священник из Хаддингтона, который, видимо, присутствовал на допросах. Это отличный образчик пропаганды, полной суеверий и похоти, и замечательное свидетельство той атмосферы в обществе, в которой любые обвинения в колдовстве немедленно принимались за подтвержденные факты. Некоторые указания

в памфлете явно вымышлены, однако многие взяты из показаний обвиняемых; кроме того, этот памфлет — важнейший письменный источник сведений о методах пыток, самой жуткой из которых были «сапоги». Не удивительно, что добытые пытками показания Джейлис Дункан для судей и публики оказались весьма убедительными.

В городе Траненте в королевстве Шотландия жил некий Дэвид Сетон, который, будучи помощником бальи в означенном городе, имел служанку по имени Джейлис Дункан, каковая приобрела обыкновение тайно уходить из хозяйского дома каждую ночь. Эта Джейлис Дункан оказалась причастной ко всему нехорошему, что происходило в городе и его окрестностях, и за короткий срок учинила много чудесного. Сии обстоятельства, каковые открылись неожиданно, понудили ее хозяина и прочих удивиться, как никогда в жизни, а сама Джейлис творила такое, к чему прежде не была ни в коей мере способна, однако вдруг научилась. И означенный Дэвид Сетон подозревал свою служанку в том, что творит она все это вовсе не по попущению небес, а, скорее, по противоестественному наущению и козням противозаконным.

Посему хозяин служанки стал приглядываться к ней и следить за ней, и вызнавать, каким образом творит она все это, а она не могла ему ответить. Хозяин же, продолжая разыскания, сговорился с прочими горожанами и подверг свою служанку пытке тисками, каковые налагаются на пальцы рук и причиняют жуткую боль, а еще перетягиванием головы веревкой, что не менее жестоко, и все же она не сознавалась. Посему, предполагая, что носит она на теле дьявольскую метку (как положено истинным ведьмам), устроили ей досмотр и отыскали сию метку в ложбинке на шее, и тогда лишь она призналась, что по воле дьявола творила колдовство и иные непотребства и наводила порчу.

После признания была она отправлена в тюрьму, где провела год; и там она обвинила в злокозненном ведьмовстве следующих людей, каковые были немедля схвачены, один за другим: Агнес Сэмпсон, старшую среди всех, из Хаддингтона; Агнес Томпсон из Эдинбурга; доктора Файана, он же Джон Каннингем, школьный учитель из Солтпенса в Лотиане… и многих и многих прочих… из которых часть уже казнена, а остальные ожидают в заточении своей участи, каковую определит его королевское величество…

Вышеозначенная Агнес Сэмпсон, старшая из всех, была схвачена и доставлена в Холируд, где допрашивали ее его королевское величество и цвет шотландского дворянства, однако все увещевания, с коими обращались к ней его королевское величество и совет, оказались напрасными и не заставили ее признаться в чем-либо; она лишь упорно отрицала все обвинения, каковые ей озвучили. Посему постановили отправить ее в тюрьму и там подвергнуть пыткам того рода, каковые позднее сделались повсеместными в этой стране.

При должном расследовании ведьмовства, творимого в Шотландии, выяснилось, что обыкновенно дьявол помечает ведьм своей меткой, и ведьмы признавались, что он лижет их языком в потайных частях тела, прежде чем они переходят к нему в услужение; метка же сия обнаруживается обыкновенно под волосами или там, где ее непросто найти и увидеть даже при обыске и досмотре. И покуда таковая метка не находилась, те, кому предъявлялись обвинения, продолжали отрицать свою причастность. Посему постановлено было сбрить вышеозначенной Агнес Сэмпсон все волосы на всех частях тела, а голову ей перетянуть веревкой согласно обычаю сей страны, и

жестокую эту пытку терпела она почти час, ни в чем не сознаваясь, покуда не отыскали дьявольскую метку на ее тайных органах, после чего она незамедлительно призналась и назвала имена тех, кто предавался непотребствам вместе с нею.

И когда вышеозначенная Агнес Сэмпсон снова предстала перед его королевским величеством и советом и вновь была допрашиваема касательно ведьминских сходок и козней указанных ведьм, она призналась, что в ночь накануне дня Всех Святых собиралась вместе с названными товарками, а также множеством прочих, всего числом до двух сотен, в тайном месте, и там пили они вино, плясали и веселились, и было это в церкви Северного Бервика в Лотиане…

Вышеозначенная Агнес Сэмпсон созналась, что дьявол посещал их сборища в церкви Северного Бервика, принимая обыкновенно облик мужской, и, ежели они задерживались с приходом, подвергал их наказанию, требуя целовать ему заднюю часть в знак покорности, для чего воздвигался на алтарь, и все подчинялись. Совершив же сие богомерзкое действо, поносил он последними словами короля Шотландии и принимал от ведьм клятвы верности, всех выслушивал и удалялся, они же возвращались по домам…

Означенные ведьмы, будучи спрашиваемы, как обращался с ними дьявол, когда посещал их сборища, сознавались, что он принимал их в услужение, они приносили ему клятвы верности, после чего познавал он их плотски, и было это не слишком приятно, из-за того, что холоден его уд, и бывало так множество раз.

Что касается вышеозначенного доктора Файана, иначе Джона Каннингема, расследование его злоумышлений началось по обвинению в сговоре с дьяволом и сотворении колдовских чар. Будучи обвинен по показаниям упомянутой Джейлис Дункан, каковая призналась, что он был писцом на сборищах и единственный из мужчин удостоился одобрения дьявола, указанный доктор был схвачен и заключен в тюрьму и подвергнут пыткам, каковые обыкновенно применялись в таковых случаях и каковым, что сказано выше, были подвергнуты и прочие обвиняемые.

Сперва обвязали ему голову веревкой, но он ни в чем не сознался. После чего принялись увещевать добровольно признаться, однако он отказывался. Наконец подвергли его самой жестокой и безжалостной боли на свете, называемой «сапогами», и после трех применений сей пытки, когда спросили его, признает ли он

свои ковы и прочие преступления, не смог он даже шевельнуть языком. Заподозрив неладное и по признаниям прочих ведьм, заглянули ему под язык и нашли там две булавки, воткнутые в плоть; когда их извлекли, все ведьмы сказали: «Теперь чары сняты» и объяснили, что сии булавки препятствовали ему сознаваться. После чего его немедленно освободили от «сапог» и доставили к королю, где он во всем сознался и добровольно подписал признание, каковое состояло в следующем.

Во-первых, он всегда присутствовал на сборищах ведьм и был писцом для тех, кто служит дьяволу и зовется ведьмами, записывал их клятвы верности и иные слова, каковые диктовал ему сам дьявол…

После показаний означенного доктора Файана, иначе Каннингема, и после того, как, что сказано выше, прочел он свои показания и добровольно их подписал, отвели его по приказу начальника тюрьмы в камеру, где, осознав неправедность путей, коими шел в жизни прежде, отринув прежнюю небогоугодную стезю, признав, что поддался обольщениям и искушениям сатанинским и потому с охотою предавался колдовству и наведению чар, порвал он с дьяволом и прислуж-

никами оного, поклялся отныне вести жизнь христианскую и, будто заново обращенный, принял Господа…

Тем не менее следующей ночью изыскал он способ и похитил ключ от камеры, в коей был заключен, и ночью выбрался наружу и бежал в Солтпенс… О нежданном побеге известили его королевское величество, который повелел провести полное дознание и разослать во все части страны объявления с описанием беглого колдуна. И в итоге сей широкой и стремительной охоты был он снова схвачен, привезен в тюрьму и снова предстал перед его королевским величеством и был допрошен как относительно побега, так и насчет прежних занятий. И сей доктор, вопреки собственному признанию, занесенному в протоколы и собственной его рукой подписанному, осмелился отрицать все, что говорил ранее.

Чтобы перестал он упорствовать и сознался окончательно, подвергли его удивительной пытке, заключавшейся в следующем. Ногти на всех его пальцах отодрали и выдернули приспособлением, каково в Шотландии именуется «туркас», а в Англии называется клещами; и под каждый ноготь ввели по две булавки почти до головок. Несмотря на жестокие мучения, доктор

не издал ни стона и ни в чем не сознался, хотя применялись к нему и иные пытки. Тогда его по приказу его королевского величества вновь поместили в «сапоги» и долго не выпускали, и столь мучительным было испытание, что ноги его были совершенно расплющены, а кости и плоть так размозжены, что кровь и костный мозг лились потоком, и нельзя было их остановить, вследствие чего более не мог он ходить. И, вопреки всем этим жестоким пыткам и невыносимым мукам, отказывался он сознаваться в чем-либо — столь глубоко проник дьявол в его сердце, что он отвергал все, сказанное им прежде, и повторял лишь одно: что все слова, под коими стоит его подпись, были сказаны в страхе перед пытками, каковым его подвергали…

Вышеозначенный доктор Файан был допрошен, обвинен и приговорен по закону к смерти, а после к сожжению согласно уложению сей земли. Посему его посадили в повозку и сперва удушили, после чего незамедлительно кинули тело в разведенный по этому случаю большой костер, каковой разожгли на Замковой скале в городе Эдинбурге в первый день января 1591 года. Остальные ведьмы, коих не казнили, оставлены в тюрьме для дальнейшего расследования и до-

знания по воле его королевского величества.

Запрет играть на волынках по воскресеньям, 1593 год

Отношение властей Шотландии к народным увеселениям прекрасно иллюстрирует приводимый ниже указ.

Пресвитерия Глазго постановляет, что если Мунго Крэйг будет и впредь играть на волынке по воскресеньям, с восхода до заката солнца, в любом месте в пределах пресвитерии, надлежит его немедля подвергнуть отлучению от церкви.

Мятеж в грамматической школе, 1595 год
Роберт Биррел

Житель Эдинбурга Роберт Биррел стал свидетелем кровопролития на улицах города, когда группе учеников грамматической школы отказали в их «законных правах» (в чем именно, не совсем ясно).

Сентября 15 дня Джон Макморран был убит выстрелом из пистоля со стороны школы. Этот Джон Макморран был бальи в то время, а ученики грамматической школы, как было заведено, пришли в городской совет за подтверждением своих прав, в чем им было отказано; и тогда некоторые ученики, сыновья джентльменов, устроили мятеж, пришли ночью и захватили школу, раздобыли себе провизию и воду и древнее огнестрельное оружие и мечи; они укрепили ворота школы и отказывались впустить внутрь наставников и прочих, покуда не возвратят им их права.

Провост, бальи и члены совета, услыхав об этом, приказали Джону Макморрану отправиться в грамматическую школу и восстановить

порядок. Означенный Джон с помощниками поспешил к школе и потребовал отпереть ворота, но ученики отказались. Тогда бальи с помощниками взяли бревно и побежали к задней двери. Один ученик велел им отступить, иначе, мол, клянусь Господом, он выстрелит в них. Бальи счел, что он не посмеет выстрелить, и приказал помощникам таранить дверь. Тогда вперед вышел Уильям Синклер, сын Уильяма Синклера, канцлера Кайтнесса, и высунулся он с пистолем из окна и выстрелил бальи в голову, от чего тот умер. Вскоре после этого собрались у школы все горожане, и означенных мятежников схватили и посадили под замок, однако в скором времени их отпустили, никоим образом не ущемив.

Побег разбойника, 14 апреля 1596 года
Томас Скроуп

Граница между Англией и Шотландией не отличалась спокойствием: здесь процветали насилие, воровство и постоянно вспыхивали конфликты. Некоторые даже полагали, что жители Пограничья — вовсе и не шотландцы, а некий особый народ. В приводимом ниже письме Тайному совету хранитель границы Томас Скроуп, в чьи обязанности входило поддерживать порядок на границе, описывает побег из замка Карлайл печально известного «Кинмонта Вилли», разбойника из прославившегося своими дурными наклонностями рода Армстронгов. Организовал побег Уолтер Скотт из Боклю.

Считаю своим долгом сообщить вам об «отважной попытке», каковую предприняли шотландцы, покушаясь на сей замок ее величества, и прошу довести все изложенное в письме до сведения ее величества. История сия связана с замком, о котором я писал прежде, и свидетелем ее был милорд канцлер, к рассказу коего, чтобы

не быть утомительным, я и перехожу.

«Вчера вечером, под покровом тьмы, прискакал Уолтер Скотт из Хардинга, глава клана Боклю, вместе с пятьюстами всадниками из Боклю и дружками Кинмонта; вооружены они были пиками, кинжалами, топорами и складными лестницами и подобрались к наружному углу замкового двора, где расположены задние ворота. Они быстро и смело подкопались под эти ворота и завладели замковым двором, после чего ворвались в камеру, где находился Уилл из Кинмонта, и увели его, а когда обнаружила их стража, принялись отбиваться и убили двух стражников, ранили несколько слуг и одного надзирателя и бежали прежде, чем их заметила стража внутреннего двора и прежде чем успели поднять прочих.

Стражи, возможно, по причине грозовой ночи, то ли спали, то ли укрылись от непогоды внутри; в итоге это немало облегчило шотландцам исполнение их замысла. Камера, где содержали Кинмонта, считалась надежной, а надзиратели заверяли вдобавок, что он поклялся не сбегать. Я положился на эти заверения и никак не ожидал, что кто-либо осмелится в мирное время штурмовать замок, принадлежащий ее величеству, место столь укрепленное. Если Боклю и вправду

стоял во главе этого набега — а некоторые слуги говорили мне, что слышали, как выкрикивают его имя (истину я поспешу выяснить), — тогда я смиренно молю ее величество обратиться к королю (Шотландии. — *Ред.)* и потребовать у него ответа, что означает это выступление и каково должно быть возмещение: ведь оставлять подобное преступление безнаказанным значит подавать дурной пример… Полагаю, следует примерно покарать зачинщиков этого бессовестного и дерзкого набега».

Шотландская кухня, 1598 год
Файнс Морисон

Ученый путешественник из Линкольншира Файнс Морисон побывал в Малой Азии и Палестине и объездил всю Европу. Ниже он предлагает свой взгляд на шотландские привычки в еде и обиходе.

Что касается их питания. Они едят много красной капусты, но мало свежего мяса, обыкновенно солят баранину и гусятину, из-за чего мне тем более удивительно, что говядину они едят несоленой. Джентльмены меряют свои богатства не доходами и деньгами, а количеством еды, и семьи тут многочисленны, однако питаются в основном зерном и кореньями, а на мясо предпочитают не тратиться. Я был в доме одного рыцаря, у которого множество слуг, все в синих шапках, и ему подавали к столу дичь, а стол при этом на треть был заставлен большими блюдами с овсяной кашей, к коим прилагались маленькие тарелочки с мясом. А когда на стол накрыли, слуги сели вместе с нами, и ели они прежде всего ту самую кашу, потом служанка принесла похлебку. Я не заметил у них никакой гастрономии,

никакой подобающей обстановки, они словно намеренно этим пренебрегают… Они вульгарно питаются овсяными лепешками, но в городах есть и пшеничный хлеб, каковой по большей части покупают придворные, джентльмены и наиболее зажиточные из горожан… Вино они пьют не с сахаром, как англичане, но на праздниках бросают в вино засахаренные плоды… Кровати у них приделаны к стенам и опускаются, как створки буфета, по желанию, а постели они застилают единственной простыней, открытой с боков и сверху, но подшитой снизу, из-за чего она получается как бы двойной…

Первое празднование Нового года, 1600 год

В 1600 году Шотландия наконец приняла европейский календарь, и Новый год стали отмечать 1 января, а не 25 марта. Этот праздник пришелся шотландцам по душе.

Его королевское величество и лорды Тайного совета, сознавая, что во всех иных благоуправляемых странах и землях днем, в каковой начинается год, считается первый день января, обычно называемый Новым годом, и что наше королевство отличается от прочих лишь обыкновением считать годы и дни, и желая, чтобы впредь не было разногласий в этом между владениями его королевского величества и соседними странами, и чтобы везде соблюдался один и тот же закон и обычай, особенно же в определении времен года, наиболее пригодных к тем или иным работам, и чтобы не возникало никаких недоразумений и предрассудков, его королевское величество, по обсуждению с лордами Тайного совета, постановляет, что отныне первым днем года будет считаться первый день января, и настоящий указ

вступает в действие с первого января будущего года, каковым окажется первый день года тысяча и шестисотого от рождества Христова…

Союз двух корон, 24 марта 1603 года
Роберт Кэри

Спустя несколько часов после смерти Елизаветы, королевы Английской, хранитель границы Роберт Кэри выехал из Лондона в Эдинбург, чтобы известить шотландского короля Джеймса VI: отныне он также — король Англии.

Королеве становилось все хуже и хуже… Надежд на исцеление не осталось, потому что она отказывалась от всех снадобий. В среду, двадцать третьего марта, она утратила дар речи. В тот же день она знаками велела собрать совет и приложила руку к голове, когда ее наследником назвали короля Шотландии, и все поняли, что именно этого человека она желает видеть на троне…

Около шести вечера она, снова знаками, велела привести архиепископа и духовника, и я вошел вместе с ними и преклонил колени, а глаза мои наполнились слезами от столь печального зрелища… После я ушел и распорядился известить меня, если сочтено будет, что она умирает, и дал

привратнику монету, чтобы он впустил меня в любое время. Между часом и двумя в ночь на четверг мне передали, что королева скончалась.

В пятницу вечером я вернулся в свой дом в Уитерингтоне и велел своим помощникам продолжать наблюдение за границей, что они и обещали исполнить, а сам велел на следующее утро объявить короля Шотландии королем Англии в Морпете и Олд-вике. Рано утром в субботу я поскакал в Эдинбург и прибыл в Норэм около полудня, рассчитывая застать короля за вечерней трапезой, однако по дороге я упал, а моя лошадь копытом ударила меня по голове, и из раны потекла кровь. Я настолько ослабел, что далее пришлось ехать совсем медленно, так что король уже отправился почивать, когда я постучался в ворота.

Меня быстро впустили и отвели в королевские покои; я преклонил колени и обратился к нему как к правителю Англии, Шотландии, Франции и Ирландии. Он протянул мне руку для поцелуя и тепло меня приветствовал. После он долго выспрашивал о недуге королевы и об ее кончине и справился, привез ли я бумаги от совета. Я сказал, что не привез, и поведал, как едва ускользнул от них (члены совета не хотели, чтобы Кэри

лично извещал Джеймса. — *Ред.).* Но я привез ему кольцо от «прекрасной дамы», каковое, по моему мнению, должно было его убедить. Он взял кольцо, посмотрел на него и сказал: «Этого достаточно. Я верю вашим словам». Потом он препоручил меня заботам милорда Хьюма и строго наказал, чтобы я ни в чем не нуждался. Он послал за врачами, чтобы те меня осмотрели, а когда я поцеловал его руку перед уходом, обратился ко мне со следующими достойными словами: «Я знаю, вы потеряли близкую родственницу и любимую госпожу, но вот вам моя рука — клянусь быть справедливым господином и щедро вознаграждать за честную службу».

Так я расстался с ним и отправился с милордом Хьюмом в отведенные мне покои, где уже было приготовлено все, что требуется человеку, утомленному дорогой. Когда мне забинтовали голову, я сердечно поблагодарил милорда и прочих и лег спать…

Когда было объявлено о кончине королевы, на восточной границе начались беспорядки, слухи о которых дошли и до короля. Я страстно желал лично подавить эти беспорядки, но был настолько слаб, что меня никуда не отпустили; зато я отправил двух своих помощников с наказом

утихомирить мятежи, что в скором времени и было сделано.

Зло табакокурения, 1604 год
Джеймс (Иаков) VI и I

Король Джеймс не любил не только ведьм, но и много чего еще, например, табак. Впрочем, несмотря на королевское неприятие, табакокурение быстро приобрело популярность в обществе, как у мужчин, так и среди женщин.

Должны ли те, кто не желает подражать нравам нашей соседки Франции (и ее якобы первейшего среди королей), и те, кто не выносит испанцев (а его король по величине владений едва ли не превзошел великого императора турок), — должны ли мы, спрашиваю я, предаваться пагубным привычкам дикарей-индейцев, испанских рабов, чуждых нашему миру и заветам Господа? Почему бы иначе нам не ходить голыми, как ходят они? Почему бы не наряжаться в стекляшки, перья и прочие безделицы и не отказаться от золота и драгоценных камней, как они? И почему бы, в конце концов, не отринуть Господа и не начать поклоняться дьяволу, как они?

...И вовсе не только из соображений благоприличия и чистоты за столом, каковой есть

средоточие приличий, чистоты и скромности, люди не должны набивать табаком трубки и выдыхать клубы табачного дыма, заставляя окружающих вдыхать сей вонючий дым, который проникает в блюда и отравляет воздух, из-за чего многие не желают долее пребывать в таком помещении…

Привычка, омерзительная глазу, ненавистная обонянию, вредная для разума, опасная для дыхания… И черный вонючий табачный дым разве не напоминает нам дым стигийский, что поднимается из бездонной пучины?

Бен Джонсон в Шотландии, 1618–1619 годы
Уильям Драммонд из Готорндена

Одна из самых знаменитых литературных встреч в истории — та, что состоялась между выдающимся драматургом Беном Джонсоном и шотландским поэтом-отшельником Уильямом Драммондом. Страдавший от лишнего веса и чрезмерно самоуверенный Джонсон отправился в Шотландию пешком из Лондона летом 1618 года и, по всей вероятности, достиг замка Готорнден, где жил Драммонд, ближе к Рождеству. Причина этого его поступка неизвестна; впрочем, предполагают, что Джонсона отправил в путь король, будто бы поручивший ему составить описание Шотландии. С Драммондом он провел несколько дней, и поэт вел дневник этих встреч. Джонсон отличался весьма саркастическим взглядом на мир и не щадил никого из великих литераторов той эпохи; досталось и молодому хозяину Готорндена: «Он сказал мне, что слишком добр и доверчив и что зачастую скромность делает

из человека глупца», — так записал Драммонд в дневнике.

О Бене Джонсоне и его манерах

1. Он имел намерение сочинить эпическую поэму под названием «Герология», о достопримечательностях сей страны, прославленных по всему свету, и хотел бы посвятить ее сей стране, а текст представить в двустишиях, ибо презирает все прочие строфы.

2. Он посоветовал мне читать Квинтиллиана (каковой, сказал он, выявит все недостатки моих стихов, как если бы был живым слушателем), а еще Горация, Плиния Секунда, Тацита, Ювенала и Марциала, чьи эпиграммы он самолично перевел на английский язык.

3. Его суждение об английских поэтах таково: Сидни заставляет всех говорить так, как говорит сам. Строфы Спенсера его не радуют, как и предмет его сочинений, о чем он подробно написал сэру Уолтеру Рэли… Стихи Донна мирские и полны богохульств, и он как-то посоветовал мистеру Донну писать о Деве Марии, на что тот ответил, что восхваляет образ женщины, а не кого-то конкретного. Донна еще, за то, что не соблюдает размер, следовало бы повесить. Рядом

с самим собой как сочинителем масок он ставит лишь Флетчера и Чапмена. Шекспиру надо бы подучиться…

6. О моих стихах он сказал, что они хороши, особенно «Эпитафия принцу», разве что в них чересчур ощущается школьное прилежание, а это не в духе времени; ведь школьник при обучении подражает греческим и латинским поэтам, а потом должен взрослеть; но что он бы сам с удовольствием написал такое стихотворение, как мой «Пир».

7. Он считает Джон Донна первейшим в мире поэтом в некоторых отношениях; его стих «Странствия души» он выучил наизусть; и говорит, что все свои лучшие стихи Донн написал до того, как ему исполнилось 23 года.

Впечатления от Эдинбурга, 6 июня 1634 года
Сэр Уильям Бреретон

Через пятнадцать лет после того, как Тайный совет постановил сделать город чище, английский пуританин сэр Уильям Бреретон прибыл в Эдинбург — и нисколько не порадовался увиденному. Он приехал в город ближе к ночи «из-за бестолковости грума», а потому был вынужден «спешно и наобум искать ночлег», что может объяснить чрезмерную язвительность его записок. В остальном же неприглядная картина — во многом вина самого города, пренебрегавшего санитарией.

Город стоит на высокой скале, воздух здесь необыкновенно чистый, и жить тут было бы весьма полезно для здоровья, когда бы его жители не были самыми грязными, омерзительными и нечистоплотными людьми на свете. Я не мог войти в дом без того, чтобы не зажать нос; грязное все — дома, комнаты, посуда, белье, еда… Впрочем, это относится прежде всего к простому люду; те, кто занимает высокое положение, чистоплотны,

образованны и отважны. Улица же, по которой вполне можно судить обо всем городе, всегда запружена людьми, потому что на ней находится рынок, и только тут встречаются джентльмены и купцы, а прогуливаться они предпочитают по сухому, хотя здесь весьма часты дожди. При известном желании тут можно отыскать карету; как правило, это кареты знатных господ и дам или епископов…

Нечистоплотность этих людей такова, что одно воспоминание о ней вызывает у меня тошноту, пусть мне в жизни нередко доводилось сталкиваться с подобным: в домах и на кухнях стоит жуткая вонь, да столь крепкая, что ее чувствуешь, едва подойдя к дому; даже моя лошадь частенько воротила морду, и, когда бы я ни заходил в отведенные мне покои в Эдинбурге или ни выходил наружу, я тут же зажимал нос или поспешно нюхал полынь или какое иное пахучее растение.

Свою посуду, я уверен, они никогда не моют, будучи уверенным, что грязь отпадет сама собой; лишь изредка они протирают ее грязными тряпками, каковые окунают в жирную и омерзительную на вид воду. Кувшины, в которых подают воду и вино, настолько грязны, что не хочется даже прикасаться к тому, что из них

наливают. Постельное белье тоже дурное, его стирают ногами местные женщины: они кладут белье в широкие корыта с водой, подбирают юбки выше колен, ступают внутрь и принимаются месить бёлье ногами (а руками им словно запрещено его касаться), покуда оно, по их мнению, не отстирается, после чего белье, каковое выглядит, как наше, которое отправляют в стирку, выглядит все равно грязным и пахнет дымом, а также чем-то еще, и потому, когда я ложился спать, мне пришлось заткнуть и нос, и рот. Входя на кухню, видишь, как они разделывают мясо, вдыхаешь густую вонь, несравнимую даже с вонью от уборной, и этого вполне достаточно, чтобы есть напрочь расхотелось.

Ковенант, 1637 год
Джон Ливингстон

Принятие Национального ковенанта в 1637 году и «Торжественной лиги и ковенанта» в 1643 году — важнейшие события шотландской религиозной и политической истории. Когда король Карл I обязал шотландцев пользоваться Книгой общей молитвы, опасения относительно «англиканизации» Шотландии получили фактическое подтверждение. Это заставило в 1637 году принять новую версию ковенанта 1581 года, из которой следовало, что шотландская церковь отвергает божественное право королей и не потерпит в своем вероучении и культе ни намека на «папскую ересь». По оценкам, ковенант 1637 года подписали более 300 000 человек. Когда их объявили бунтовщиками, ковенантеры стали устраивать службы на свежем воздухе, выставляя часовых, чтобы те высматривали солдат короля. Джон Ливингстон, ревностный ковенантер, страдавший за свои убеждения до конца дней, воевал в составе шотландской армии в ходе гражданской войны в Англии и Ирландии.

Он также входил в посольство, которое отправилось в Голландию к Карлу II для переговоров в 1649 году. Поскольку пресвитерианство получило легальный статус лишь в 1690 году, умер он в изгнании, на чужбине. В приведенном ниже отрывке описывается полное опасностей путешествие Ливингстона в Лондон и отношение к ковенанту в самой Шотландии.

На протяжении лета 1637 года я провел как никогда много богослужений для народа и тайных собраний, в особенности в Ланарке, на западе этой области, и в других местах, в Киркуд-брайте и в пресвитерии Странраэр, когда ожидал прибытия из Ирландии корабля, на котором приплыла моя жена. Тем летом некоторых шотландских священников обвинили в подметных письмах, что они наставляют паству по королевской Книге, и это привело к недовольству по всей стране. Если не считать мятежа в Эдинбурге, каковой устроили при первой проповеди по королевской Книге, истинная реформация в Шотландии началась с двух петиций против этой Книги, одной с запада, а другой из Файфа, которые обе подали совету в Эдинбурге, где они счастливо и сошлись.

После этого 20 сентября появилось множество петиций против Книги из разных областей и

уголков страны, и хотя король отрицал, что число петиций возросло, однако это было не так, а люди требовали уже не только отмены повеления относительно Книги, но и отказа от церемоний в Перте и отмены трибунала; когда же и в том было отказано, стали требовать изгнания епископов, свободных выборов в парламент и созыва Генеральной ассамблеи. Разумеется, на это не согласились, и число недовольных возросло настолько, что к ним теперь относилось едва ли не все население страны; считая, что власти нарушили старый ковенант, в мае 1638 года приняли новый текст ковенанта взамен того, который был несколько раз подтвержден королем и парламентом. Меня незамедлительно послали в Лондон с несколькими копиями нового ковенанта и письмами к нашим друзьям при дворе; чтобы избежать поимки, я надел серый плащ и серую шляпу.

Как-то ночью, в темноте, мы с лошадью оба упали наземь, и я почти четверть часа лежал, будто мертвый… Но Господу угодно было, чтобы я поправился и достиг Феррибрига, откуда день или два спустя прибыл в Лондон. Щека моя и один глаз по-прежнему кровоточили, так что я не отваживался выходить на улицу, но мистер

Элеазар Бортвик согласился доставить письма за меня. Некоторые друзья и иные знатные англичане приходили ко мне, рассказывая, как обстоят дела, и что маркиз Гамильтон просил передать: он будто бы слышал, что королю донесли о моем приезде и что монарх охотно заковал меня в кандалы; посему, опасаясь, что меня перехватят, я отправился домой через Сент-Олбанс.

Я проповедовал в Ланарке, когда как-то в субботу на дневной службе был оглашен ковенант; и могу честно сказать, что за всю свою жизнь, не считая одного дня в церкви Шоттса, я никогда не видел столько людей, осененных Святым Духом. Я видел, как тысяча человек одновременно вскинули руки, и слезы бежали у них по щекам, и по всей нашей стране — в стороне остались лишь ретивые паписты и те, кто держался прелатов, ибо последние их кормили — люди подписывали и одобряли ковенант, наш новый завет с Богом во имя избавления истинной веры от прелатов и церемоний.

Битва при Дунбаре, 3 сентября 1650 года
Оливер Кромвель

В битве при Дунбаре пуритане Кромвеля сражались с войском ковенантеров, возмущенных казнью короля Карла I. Сражение обернулось столь жестокой и бессмысленной резней, что историк Томас Карлейль назвал его Дунбарским избиением. Солдаты Кромвеля утомились, были голодны и занимали куда менее выгодную позицию, однако вожди ковенантеров во главе с генералом Дэвидом Лесли позорно бежали с вершины Дун-Хилл, и это привело к катастрофе. Убитых было не счесть, десять тысяч человек попали в плен и претерпели страшные муки, пока их вели на юг и готовили к высылке из страны. Кромвель написал парламенту на следующий день после битвы.

Досточтимому Уильяму Лентолу, спикеру парламента Англии

Дунбар, 4 сентября 1650 года

Сэр…

Предприняв попытки, каковые были в наших

силах, чтобы сойтись с врагом в трех или четырех милях к западу от Эдинбурга, и каковые оказались безуспешными, и ввиду сокращения запасов провианта мы двинулись к кораблям, чтобы восполнить недостачу провизии. Враг нисколько нас не беспокоил, но отступил в направлении Эдинбурга, за ночь и утро отвел всю свою армию и разместил отряды в позиции, чрезвычайно удобной для того, чтобы воспрепятствовать нам достичь кораблей. Однако Господь лишил его такой возможности. Утро выдалось мрачным и сырым, а мы к тому времени добрались до места, где враг уже не мог перехватить нас на пути, и было это сочтено Промыслом Божиим. Едва пришли мы в упомянутое место, как враг двинулся за нами следом, не имея, очевидно, желания ни ввязаться в бой, ни попытаться все же отрезать нас от кораблей, но просто сопровождая — в надежде, полагаю, что утомление и голод лишат нас сил. Мы же дошли до Мусселбурга, где хранились припасы, и переправили на корабли наших раненых, каковых вместе с больными набралось почти пять сотен.

Обсудив сложившееся положение дел: наши слабости нарастают, а враг пришел следом и расположился на возвышенности — на общем

совете было решено идти к Дунбару и закрепиться в этом городе. Это, как мы полагали, должно заставить врага наконец напасть на нас. Вдобавок размещение гарнизона внутри крепостных стен позволит лучше позаботиться о больных и раненых, а также нам не придется полагаться на милости погоды, чтобы пополнять запасы продовольствия; ведь уже не раз случалось, что корабли с провиантом не могли подойти к берегу — на всем побережье от Бервика до Лейта нет ни единой пристойной гавани. Кроме того, мы ожидали пешего и конного подкрепления из Бервика.

С учетом всего этого в субботу 30 августа мы двинулись из Мусселбурга в Хаддингтон. Когда же мы достигли оного и разместили на позициях передовые отряды конницы и пехоты и часть обоза, появился враг и напал на нашу конницу с тыла, чем вызвал некоторое замешательство; коннице нашей пришлось сражаться со всем вражеским войском, и если бы Господь не попустил, чтобы тучи закрыли луну, вследствие чего мы сумели отступить, сражение было бы проиграно. В итоге же мы отошли без потерь, не считая трех или четырех человек из упомянутого конного отряда, враг же, по нашему мнению, понес из-

рядный урон.

Армия расположилась на сравнительно удобных позициях, а ближе к полуночи враг предпринял штурм на западной окраине Хаддингтона, но по милости Божией мы его отбили. На следующее утро мы вышли на открытое поле на южной стороне Хаддингтона, ибо не считали для себя безопасным нападать на врага, который к тому времени закрепился, но хотели выманить его, чтобы он нападал там, где удобнее нам. Прождали мы четыре или пять часов, однако враг так и не стронулся с места, и тогда мы двинулись, как и предлагалось ранее, к Дунбару.

Преодолев три или четыре мили, увидели мы, как от вражеской армии отделяется конный отряд, а когда наш обоз уже приближался к Дунбару, вся армия врага двигалась за нами следом. Наше отступление и прибывшее к врагу подкрепление в составе трех свежих полков привело к тому, что уверенность врага переросла в самоуверенность. Той ночью, как мы подметили, враг ушел к холмам, чтобы занять позицию между нашим текущим положением и Бервиком. Заняв эту позицию, он поспешил воспользоваться ее преимуществами и выдвинул значительный по численности отряд к проходу у Копперспата, где

десяток легко отобьется от куда более многочисленного противника…

Заняв упомянутую позицию, враг получил следующие преимущества: мы находились совсем близко, причем хорошо сознавали собственные слабости, прежде всего голод; однако мы уповали на Господа, Который одобрял нас и побуждал творить деяния, превосходящие человеческие силы; кроме того, по причине многочисленности врага, его лучшей позиции, его уверенности в себе, по причине нашей слабости и нашего утомления мы словно поднимались на святую гору, над которой парил Господь, и в бесконечной милости Своей сулил Он нам избавление и спасение — и это спасение пришло.

Вечером в понедельник — силы врага были весьма велики, не менее шести тысяч конницы, по нашим прикидкам, и не менее шестнадцати тысяч пехоты, тогда как наши силы, если считать только здоровых, сводились к семи с половиной тысячам пеших и трем с половиной тысячам конных, — так вот, вечером в понедельник враг устремил на наш правый край около двух третей своего левого конного крыла. Их пехота и обоз тоже сдвинулись с места, вынуждая конницу правого крыла прижаться к побережью. Мы за-

ключили, что враг намерен либо напасть, либо разместиться в еще более удобной позиции. Мы с генералом отправились в имение графа Роксбурга и оттуда наблюдали за перемещениями врага, и я сказал, что эти перемещения даруют нам возможность атаковать. На что генерал ответил, что собирался сказать мне то же самое. Возрадовались мы тому, что Господь ниспослал нам обоим одну и ту же мысль, и послали за полковником Монком, чтобы все ему разъяснить, а когда вернулись в лагерь, то созвали и остальных полковников и рассказали им, и они тоже немало обрадовались.

В итоге решили мы следующее: шесть отрядов конницы и три с половиной полка пехоты идут впереди, и командовать ими будут два генерала, комиссар и полковник Монк, а полковники Прайд и Овертон возглавят оставшиеся два отряда конницы, тыловые части пехоты и артиллерию. Время атаки назначили на рассвете, но вмешались некоторые обстоятельства, вследствие чего бой начался лишь в шесть часов утра.

Кличем врага было слово «ковенант», как и в прежние времена, мы же кричали «Господь с нами!» Генерал-майор, генерал Флитвуд, комиссар Уолли и полковник Туистлтон двинули отряды

в бой, враг же расположился на позиции, каковая была весьма удобная для отражения нашей конницы силами пехоты и артиллерии. Прежде чем в дело вступила наша пехота, враг оказал ожесточенное сопротивление, и между нашей и его конницей завязалась рубка. Наша пехота, сдержав натиск вражеской, немного отступила, но быстро оправилась. Мой собственный полк, которым командовали подполковник Гофф и майор Уайт, удачно вошел в схватку и, вдохновляемый Словом Божиим, обрушился на самые крепкие вражеские части. Сие обстоятельство немало изумило неприятеля, а конница наша тем временем, выказав изрядную отвагу и доблесть, опрокинула вражескую и напала на пехоту, каковая, поначалу укрепившись, в конце концов подалась назад перед кличем «Господь с нами!». Могу и просто обязан сказать вот что: как наши офицеры, так и простые солдаты повсеместно сражались с отвагой и мужеством, каковых мне прежде видеть не доводилось. Я знаю, они все молодцы, потому-то и не называю тех, кто отличился особо.

Менее чем за час удалось нам рассеять и опрокинуть лучшие вражеские конные отряды, и вся неприятельская армия пришла в смятение и

кинулась вспять; наши люди пустились в погоню и гнали их почти восемь миль. По нашим подсчетам, на самом поле битвы и в окрестностях лежат около трех тысяч убитых. Пленных взято: из офицеров — список прилагается; из солдат — без малого десять тысяч. Обоз захвачен полностью, и в нем обнаружились изрядные запасы пороха, пуль и провианта. По нашим суждениям, побросали они не менее пятнадцати тысяч мушкетов и всю свою артиллерию — тридцать больших и малых пушек. Я собрал почти две сотни их знамен, каковые Вам и отсылаю. Какие старшие чины их войска погибли, сие еще не установлено, но таковые наверняка были, а многие знатные тяжело ранены — например, полковник Ламсден, лорд Либбертон и прочие. Наши же потери, самому не верится, не превысили и двадцати человек. Ни один офицер не погиб, кроме некоего корнета и майора Руксби, скончавшегося от ран; да и раненых немного. Так, полковник Уолли только порезал запястье, а вот конь под ним пал, дважды застреленный, однако он отыскал другого коня и продолжал погоню…

Плантации в Новом Свете, 1665 год

Обращение к Тайному совету с просьбой отослать на кораблях в Новый Свет нищих и прочий «деклассированный элемент», в частности, цыган и проституток, показывает, каким было мнение части шотландцев не только о маргиналах той поры, но и о плантациях в Новом Свете.

Обращение Джорджа Хатчинсона, эдинбургского купца, от имени своего и своих товарищей, посылающих корабли на Ямайку и Барбадос: «Из стремления всемерно развивать шотландские и английские плантации на Ямайке и Барбадосе ради благополучия родной страны, а также ради того, чтобы освободить родную страну от попрошаек, египтян (цыган. — *Ред.),* назойливых блудниц и воров и прочих злонамеренных и злокозненных личностей, схваченных и осужденных за их преступления, было постановлено указами Совета таковых личностей отсылать на указанные плантации; однако хотя шерифы, мировые судьи и магистраты городов, где промышляют такие личности, исполняют сии указы,

но без вмешательства Совета нередки случаи противодействия купцам в сем богоугодном деле. Посему, рассмотрев обращение купцов, лорды Совета настоящим позволяют означенным купцам переправлять на плантации всех без исключения осужденных, переданных им магистратами, с условием, что оные осужденные прежде предстанут перед лордом-судьей, которому вменяется в обязанность рассмотреть справедливость приговора и соответствие оного законам в отношении бродяг и прочих, дабы не пострадали невиновные».

Убийство архиепископа Шарпа, 3 мая 1679 года
Джеймс Рассел

Джеймс Шарп, архиепископ Сент-Эндрюсский, был жупелом для ковенантеров, которые считали, что при реставрации Стюартов он переметнулся в стан «врагов истинной веры» и принял епископский сан и должность в церковной иерархии. Посему, утверждали они, ему придется заплатить за свои прегрешения. Отчет об убийстве архиепископа оставил Джеймс Рассел, один из убийц. Отрывок начинается с того места, когда заговорщикам сообщают от приближении экипажа Шарпа.

…Когда это стало известно, все девять человек отправились на Магусмюир, в ближайшие холмы, а Эндрю Хендерсон, лучше прочих державшийся в седле, поскакал вперед и приметил карету с вершины холма, остальные же торопились, поскольку карета ехала быстро; когда подъехали к Магусу, Джордж Флеман и Джеймс Рассел зашли в город, и Джеймс спросил у встречного, правда ли это карета епископа. Горожанин испугался и

не ответил, но тут прибежала служанка, крича, что едет епископ, и она вся словно светилась от радости; Джеймс тогда подъехал ближе и увидел епископа, и тогда скинул плащ и воскликнул: «Иуда, получи свое!»

Епископ крикнул вознице, чтобы тот гнал, а Джеймс выстрелил в него и позвал остальных, и они все сбросили плащи, кроме Ратиллета… и пока карета неслась вскачь, сделали они немало выстрелов, а Александр Хендерсон, заметив, что некий Уоллес схватился за карабин, напал на него, повалил наземь и забрал его оружие. Эндрю же Хендерсон обогнал карету и ударил переднюю лошадь саблей по морде, а Джеймс Рассел велел кучеру остановиться, когда же тот не подчинился, то ударил его по лицу и ранил в бок, после чего занялся лошадьми, ухватился за упряжь той, что шла первой, и нанес удар мечом; Джордж Флеман выстрелил в карету, и дочь епископа вытащила пыж, и он ухватил запряженную в карету лошадь за постромки. Джордж Бальфур тоже выстрелил, а Джеймс Рассел взял у Джорджа Флемана клинок, отпустил коня, которого держал, подскочил к дверце и приказал иуде-епископу вылезать.

Епископ отвечал, что в жизни никому не причинил вреда, Джеймс же поклялся перед Гос-

подом, что мстят они не за кого-то по отдельности и не из личных интересов, но потому что он предал церковь, как Иуда, и собственными руками осквернил кровь праведников, пролитую в этих краях, в особенности же в Пентленде… И что пришли они воздать по заслугам, а потому пускай перестанет трястись и выходит; и Джон Бальфур, что сидел на лошади, прибавил: «Сэр, Господь нам свидетель, что не по причине зла, которое вы причинили мне лично, и не из страха перед тем, что можете вы сделать, но лишь потому, что погубили вы столько душ в церкви шотландской и предали саму церковь и стали врагом Иисусу Христу и гонителем Его, а также кровь верных Ему проливали щедро, должны вы умереть!» И выстрелил в карету, а Джеймс Рассел снова велел епископу выходить и готовиться к смерти, суду Господнему и вечным мукам. Епископ же отвечал, что если его пощадят, он всех простит.

Джеймс молвил, что не в его власти прощать, ибо пощады ему все равно не будет, ведь пролил он столько крови, каковая взывает к небесам об отмщении; после чего вонзил в стенку кареты свою ржавую саблю. Джон Бальфур окликнул епископа, и тот сказал, что вышел бы, потому что слышит голос джентльмена, но раз его так или

иначе убьют, зачем ему выходить? Тут еще кто-то напомнил ему о смертном приговоре, оглашенном в Пентленде, и о королевском прощении и вонзил саблю в задник кареты, понуждая епископа выбраться наружу; так он вышел, повалился на колени и воскликнул: «Во имя Господа, пощадите!» И дочь его молила о том же, но им ответили, что они умрут, и предложили покаяться и приготовиться к смерти.

Александр Хендерсон сказал: «Вспомни, сколько жизней ты уже погубил! И наши жизни тоже погублены, так хоть пропадем не зазря!» Епископ, не вставая с колен, пополз по земле, и Джон Бальфур ударил его по лицу, а Эндрю Хендерсон отрубил ему руку, а Джон Бальфур направил на него коня, и распростерся он, будто мертвый; Джеймс Рассел же услышал, как дочь его говорит Уоллесу, что он еще жив, и, бросив разоружать епископскую охрану, подошел ближе, сбил с его головы шляпу и зарубил его.

Тогда дочь епископа стала выкрикивать проклятия и назвала всех кровавыми убийцами, а Джеймс ответил, что они не убийцы, в посланы Господом отомстить, после чего забрал из кареты пару пистолей и сундук, который оказался набит женской одеждой, и спросил, что с этим делать;

ему ответили, что забрать следует лишь документы и оружие, и Эндрю Хендерсон нашел шкатулку с бумагами, каковые забрал, также сумку, где были еще бумаги и Библия с картинками, кошель с десятком монет и какая-то непонятная вещица желтого цвета; и все это они забрали.

Джеймс Рассел собрал захваченное оружие, и когда Уоллес было сунулся возразить, Джеймс ударил его по щеке рукоятью сабли, а потом велел всем вывернуть карманы и нашел кое-какие бумаги и ножи, которые забрал; сообщив остальным, что епископ мертв, Уильям Данзил напоследок вонзил саблю ему в брюхо, так что кишки вылезли наружу, затем перевернул его, обшарил одежду и нашел кинжал и бумаги и все забрал. Джеймс же Рассел велел слугам епископа прибрать своего господина.

Битва при Килликрэнки, 27 июля 1689 года
Граф Балкаррес

Первое по-настоящему значительное якобитское восстание ознаменовало собой начало продолжительного периода попыток Джеймса (Иакова) II и VII и его потомков вернуть себе трон. Узнав об изгнании Джеймса и возведении на престол Вильгельма Оранского у а также о планах правительства разместить гарнизон в Инверлохи, виконт Данди, иначе Джон Грэм из Клэверхауса, собрал своих сторонников и приготовился к обороне. Правительственными отрядами командовал генерал Хью Маккей, и армии сошлись у прохода Килликрэнки в Пертшире. Данди погиб в схватке, и, хотя победа формально осталась за ним, обе стороны понесли серьезные потери. Колин, третий граф Балкаррес, описал битву в письме к низвергнутому королю.

Когда виконт выдвинулся к Атоллу, из Ирландии прибыл генерал-майор Кэннон, который привел с собой около трехсот рекрутов. Это подкрепление сыграло бы свою роль, когда бы не два

обстоятельства, из-за которых прибытие этого отряда принесло не столько пользу, сколько вред. Виконт ожидал от графа Мелфорта настоящего подкрепления, как пеших, так и конных, с амуницией и прочим необходимым снаряжением, в котором имелась немалая потребность (многие из тех, кто последовал за ним, на протяжении недель не видели ни хлеба, ни соли, ни вина и пили одну воду); когда же стало известно, что вместо этого многочисленного подкрепления прибыли всего триста человек, снаряженных едва ли не столь же скудно, сколь были снаряжены сами кланы, это изрядно подорвало боевой дух. Вдобавок были потеряны корабли с провизией, которые везли пиво, сыр и прочее, потому что генерал Кэннон задержал их в Малле, и потому в море их перехватил английский фрегат. Тем не менее, вопреки всем невзгодам, виконт твердо решил укрепиться в замке Блэр и в конце июля двинулся к Атоллу.

Прибыв в замок Блэр, он созвал военный совет, узнав из донесений разведки, что Маккей вошел в узкий проход Килликрэнки. Многие вожди кланов и их помощники предлагали выждать, потому что считали себя недостаточно сильными, и дать генеральное сражение через два дня,

когда подойдет подкрепление. Но виконт убедил их, что лучшей возможности разгромить врага, судя по всему, может и не представиться. У Маккея пока только два конных отряда, зато, если промедлить, к нему прибудут все английские драгуны, которых горцы боялись более всего на свете. Это их сломило, и было решено напасть на Маккея сейчас и не дожидаться, покуда он пополнит свою армию. Маккей же, войдя в проход без малейшего сопротивления, выстроил свое войско, числом более четырех тысяч человек, на равнине; в тылу у него была речка, на дальнем берегу которой он оставил обоз.

Виконт Данди в ночь перед битвой разбил лагерь на пустоши и не преминул убедиться, что перед столь важной схваткой горцы, ныне привычные к миру, не утратили боевого духа своих предков, немало их прославившего. И потому рано поутру, когда все еще спали, он велел трубить тревогу. Горцы немедленно подхватились, побросали пледы, взялись за оружие и кинулись на склон, где выстроились в боевой порядок и застыли в ожидании подхода врага. Увидев это и убедившись, что ни один не отстал, виконт не стал терять времени и двинул свои силы на врага. Когда они подошли к холму, у подножия

которого расположился Маккей, виконт обрадовался: неприятель выстроился в линию и не имел резерва; и виконт уверил своих солдат, что они победят, если будут в точности следовать приказам.

Вражеская позиция заставила его изменить план битвы; он разделил свое войско, числом около двух тысяч, на три части, с глубоким фронтом и большими промежутками между ними, чтобы неприятель не отошел с флангов; ведь Маккей превосходил его числом почти вдвое, и его войско составляли ветераны. Завершив диспозицию, что заняло некоторое время, виконт ближе к полудню дал сигнал начинать. Горцы стойко перенесли неприятельскую стрельбу, а когда приблизились, то кинулись вперед и клинками быстро прорвали строй и напали на неприятельские фланги и тыл, так что в мгновение ока крылья вражеской линии были смяты и побежали. Виконт скакал во главе конного отряда; Ваше величество повелели командовать сим отрядом сэру Уильяму Уоллесу, к великому сожалению графа Дунфермлина и прочих, каковые сочли себя оскорбленными, однако с учетом обстоятельств никто не посмел оспорить его назначение. Виконт послал конницу на вражескую артиллерию, но счел, что сэр

Уильям движется слишком медленно, и приказал поторопиться, однако сэр Уильям замешкался, и тогда граф Дунфермлин и прочие оставили строй и присоединились к виконту, и с ними он захватил пушки прежде, чем подоспели остальные.

Увидев, что пехота смята, а конница бежит, он подъехал к отряду Макдональдов, ставших в резерве, с намерением послать их против полков Гастингса и Левена, которые отступали в полном порядке, ибо на них не нападали; увы, в сей миг был он смертельно ранен шальным выстрелом и упал с коня.

До поры горцы действовали слаженно и в строю, но стоило им добраться до вражеского обоза, как они бросили преследование, что обернулось против нас — Маккей и два упомянутых полка благополучно отступили (впрочем, многие из них были убиты на следующий день людьми Атолла при обратном проходе через Килликрэнки).

Генерал Маккей бежал в Стерлинг, куда добрался с едва ли двумя сотнями людей; на поле битвы потерял он почти две тысячи человек, а почти пять сотен сдались в плен. Победа безоговорочная, но не могу не признать, что делу Вашего величества нанесен грандиозный ущерб

гибелью виконта Данди. Ваши друзья, близко его знавшие, напрасно сомневались, достаточно ли у него воинских талантов, чтобы сражаться. Никто из нас не ведал столь глубоко способности, наклонности и нравы людей, вызвавшихся служить Вам; никто не умел лучше убеждать и уязвлять; он был весьма привлекателен и, не забывая о собственном благе, умел обуздать свои желания и норов, когда того требовала служба Вам, и тем завоевал сердца всех, кто следовал за ним; в итоге же, когда бы не эта несчастливая случайность, он принес бы Вашему величеству столько пользы, что принц Оранский не посмел бы высаживаться в Ирландии, а Ваше величество вновь стали бы полновластным владыкой страны и могли бы беспрепятственно войти в Шотландию, чего искренне желают все Ваши верные друзья.

Резня в Гленко, 13 февраля 1692 года

Страх перед заговором якобитов вынудил Вильгельма Оранского потребовать присяги на верность от всех вождей хайлендерских кланов. Вождь Макдональдов затянул с присягой и пропустил последний день клятвы, каковой был назначен на 1 января 1692 года. Король решил примерно покарать ослушников в назидание прочим, при этом, как показывает переписка тех лет, Макдональды невольно ему подыграли, дав повод, который он искал. Резня в Гленко — тридцать восемь мужчин, сорок женщин и детей, скончавшихся в горах, — всколыхнула всю Британию, и позднее в том же году был опубликован пропагандистский листок, подробно описывавший случившееся и требовавший возмездия — увы, тщетно.

Из писем мастера Стэйра

2 декабря 1691 года (к графу Бредалбейну)

Думаю, кланы Доннеллов и Лохиела нужно искоренить. Маклинов оставим Аргайлу… Лишь

одному Богу ведомо, что лучше — потратить 12 000 фунтов стерлингов на обустройство Хайленда или разорить его; но, раз уж мы решили с ними покончить, нужно истребить их, пока не пришла подмога, на которую они уповают…

3 декабря 1691 года (к подполковнику Гамильтону в Форт-Уильям)

Макдональды попадут в эту ловушку. Это единственный папский клан в королевстве, и потому суровость в их отношении воспримут с одобрением. Сообщите, когда сочтете возможным разобраться с ними в эту студеную зиму, и какие силы потребуются…

11 января 1692 года (к сэру Томасу Ливингстону, поверенному в делах Шотландии)

Вот только что милорд Аргайл сообщил мне, что Гленко не принес присягу, чему я весьма рад, ибо с нашей стороны будет лишь справедливо истребить этих проклятых папистов, худших среди всех горцев…

Из наказов короля

11 января 1692 года (сэру Томасу Ливингстону)

Сим повелеваем, Вильгельм король…

1. Настоящим приказано Вам выдвинуть войска Наши, ныне пребывающие в Инвернессе и

Инверлохи, и выступить против тех хайлендских мятежников, каковые не приняли Нашей милости, обрушить на них огонь и меч и поступить с ними надлежащим образом, сжечь дома их и поселения, уничтожить домашний скот и все имущество, а самих виновных истребить…

4. Если Маккина из Гленко и весь его клан удастся отделить от прочих и примерно покарать, будет это на пользу Нашему королевству…

Письмо шотландского джентльмена своему другу в Лондоне, желающему узнать в подробностях о случившемся в Гленко

Эдинбург, 20 апреля 1692 года

Сэр,

Отчет, который Вы пожелали услышать о том, что на самом деле произошло в Гленко, начинается так. Макиэн Макдональд, лэрд Гленко, где обитала часть Макдональдов, одного из величайших кланов (или племен) севера Шотландии, прибыл с наиболее уважаемыми людьми своего клана к полковнику Хиллу, губернатору Форт-Уильяма в Инверлохи, за несколько дней до истечения срока, назначенного королевским указом, то есть, насколько я помню, до 1 января, и сообщил, что готов принести присягу, которой

требует упомянутый выше указ; и, предавая себя в руки губернатора, рассчитывает на его защиту. Полковник принял его доброжелательно, однако отказался принять у него присягу на том основании, что не имеет права этого делать, и нужно обращаться к шерифу, бальи или городскому магистрату. Макиэн сказал же, что отпущенный срок истекает, а погода нынче дурная, перевалы все в снегу, поэтому он вряд ли успеет добраться вовремя к шерифу или магистрату, и просил у полковника Хилла защиты, каковую ему и обещали — что не будет против него выдвинуто обвинений и что он располагает временем, чтобы обратиться к королю и королевскому совету. Но для надежности стоит (тогда это казалось чрезмерным) отправить послание и самому поспешить в Инверери, главный город Аргайлшира, сэру Коллину Кэмпбеллу из Аракинлиса, шерифу этого графства, и попросить защиты у него, согласно королевскому указу, при условии, что все прочие формальности соблюдены. Сэр Коллин поначалу отказался принять присягу с опозданием на день против указа короля, сказав, что теперь уже она не имеет значения. Однако Макиэн заявил, что в этом нет его вины, что он в указанный срок прибыл к полковнику Хиллу,

не сомневаясь, что тот может принять присягу, но вследствие отказа полковника пришлось ему спешно ехать в Инверери, и он прибыл бы вовремя, когда бы не задержала его в пути погода; даже так, он опоздал всего на день против назначенного срока, и со стороны правительства будет недостойно воспользоваться столь малым опозданием, особенно учитывая, что он приложил все силы, чтобы прибыть вовремя. Услышав все это и угрозу пожаловаться на шерифа за пренебрежение обязанностями, сэр Коллин принял у Макиэна и его сопровождающих присягу; когда же с этим было покончено, Макиэн вернулся домой и жил тихо и мирно под защитой правительства до дня своей гибели.

В последний день января в эту часть гор прибыл отряд из полка Аргайла, причем все было подстроено так, чтобы они выступили против всех, кто не принес присягу. Поскольку казармы в Инверлохи были переполнены, сей отряд разместили в Гленко, как в ближайшем к форту поселении; и солдаты уверяли, что их прислали собирать налоги и подати… Прежде чем они вошли в Гленко, лэрд и его сыновья вышли им навстречу и спросили, пришли ли они как враги или как друзья. Офицер ответил, что как друзья,

и дал слово чести, что не осквернит гостеприимство и не причинит урона; после чего их радушно приняли и предложили наилучшее, что было в поселении. По рассказам солдат, лэрд вел себя поистине по-королевски. Итак, солдаты провели в поселении пятнадцать дней или около того, и держались дружелюбно, так что от них не ожидали никакого зла. В последний день своей жизни Макиэн играл в карты с командиром отряда, капитаном Кэмпбеллом из Гленлиона, причем проиграли они до шести или семи часов вечера, а при расставании вновь обменялись заверениями в дружбе. В тот же день, не ведаю только, прежде или позже этого прощания, капитан Кэмпбелл получил от своего командира майора Дункансона приказ, копию которого прилагаю.

Баллахулис, 12 февраля 1692 года

Сэр,

Настоящим приказываю Вам напасть на мятежников Макдональдов из Гленко и предать мечу всех, кто младше семидесяти лет. Вам следует принять особые меры к тому, чтобы старый лис и его сыновья ни в коем случае не ускользнули; необходимо перекрыть все тропы, чтобы никто не сбежал; начинайте нападение ровно в пять утра, и к тому времени или чуть позже я

присоединюсь к Вам с подкреплением. Если я не подойду к пяти, не ждите меня, но действуйте. Таков приказ короля: во имя блага и безопасности страны искоренить этих мятежников, истребить их племя и род. Проследите, чтобы все было исполнено надлежащим образом, иначе Вас могут счесть непригодным к королевской службе и к исполнению поручений короны и страны. Думаю, Вы не подведете.

Подписываюсь собственноручно

Роберт Дункансон.

Капитану Роберту Кэмпбеллу из Гленлиона, офицеру короля

…Солдаты размещались в домах по трое или пятеро, смотря по тому, сколько мужчин было в семье, которую они должны были вырезать, и приказы свои они получили тайно. Местные приняли их как друзей и сами никакого зла не умышляли и не подозревали, что гости замыслили недоброе. В три часа утра солдаты принялись за свои кровавые дела, захватили врасплох и убили тридцать восемь человек, принявших их под своим кровом. Макиэн погиб в числе первых, и его горько оплакивают. Он был мудрым вождем, отважным и благоразумным; таков же

и лэрд Архинтрикин, человек необыкновенной рассудительности и трезвости суждений, который обратился за защитой к полковнику Хиллу и получил оную тремя месяцами ранее. С ужасом наношу на бумагу слова об убиении восьмилетнего мальчика: он увидел, как поступают солдаты с его домочадцами, и в страхе выбежал из дома, заметил капитана Кэмпбелла, бросился к тому, обхватил его ноги и стал молить о пощаде со слезами на глазах. Мне сообщили, что капитан Кэмпбелл был склонен его пощадить, однако некий Драммонд варварски пронзил мальчика своим кинжалом, и несчастный умер на месте. Пересказ с некоторыми жуткими подробностями сей трагической истории способен бросить в дрожь: как убивали Макиэна, когда он спешно надевал штаны, стоя у ложа и отдавая слугам распоряжения позаботиться о тех, кто оказался убийцей; в тот самый миг, как произнес он эти слова, ему выстрелили в голову, и он повалился на руки жене, которая от скорби и от того, что случилось с нею еще в тот день, сама умерла на следующее утро. Нельзя не прибавить, что большинство этих несчастных убили во сне, и никому из них не позволили помолиться Богу. Впрочем, Провидению было угодно, чтобы ночь

выдалась бурной, и погода воспрепятствовала отряду численностью в 400 человек занять другой выход из долины и подсобить Кэмпбеллу (тем самым несчастные горцы попадали в окружение и все должны были быть истреблены); этот отряд прибыл лишь к девяти часам утра, так что многие успели бежать, и погибли только те, кого зарезали спящими Кэмпбелл и его солдаты, иначе бы все мужчины клана младше семидесяти лет, числом 200, были бы убиты согласно приказу; и сей приказ выполнить было легко, потому что жители поселения не имели под рукой оружия, поскольку, узнав, что в глен идут солдаты, они припрятали свои мечи и мушкеты. Они полагались на заверения в дружбе, но все же не настолько, чтобы совсем остаться без оружия, однако не успели оное достать. Не ведаю, приписать ли это тому, что порой возраст трудно различить, либо ярости солдат, опьяненных пролитой кровью, но погибли и несколько тех, кто был старше семидесяти лет. Еще они подожгли все дома, угнали весь скот в Инверлохи, почти 900 коров, 200 лошадей и великое множество овец и коз, которых поделили среди офицеров. И можете себе представить, сколько горька была участь женщин и детей! Их отцы, мужья и

старшие братья вынуждены были бежать, спасая собственные жизни, а они остались на пепелище, почти без одежды, и лишенные всего имущества, до ближайшего поселения более шести миль, да еще нужно идти через горы, тогда как бушевала пурга, вследствие чего многие из них скончались от холода и голода. Ужасно представлять себе этих несчастных детей и женщин, из которых иные были в тягости, а другие вскармливали младенцев, как они пробираются сквозь снег и ветер по горам, падают в сугробы и наконец замирают без сил, а потом тихо умирают.

Как говорилось в приказе Дункансона капитану Кэмпбеллу, старый лис и его сыновья не должны были спастись, но Господу было угодно, вопреки всем злоумышлениям людским, чтобы два юных сына Макиэна уцелели: случилось так, что младший из них не поверил сладким словам Кэмпбеллов и следил за солдатами пристальнее, нежели его отец и братья, которые поверили заверениям в дружбе и считали себя в безопасности. Сей юноша был уверен, что за лживой улыбкой Кэмпбелла скрывается коварство, и потому, когда все легли спать, он укрылся в укромном уголке и принялся исподтишка наблюдать. Когда после полуночи он заметил нескольких солдат, его по-

дозрения укрепились, так что он разбудил одного своего брата; тот долго отказывался верить, что против них что-либо замышляют, и твердил, что солдаты ничего не затевают, просто, будучи вдали от гарнизона, они расставляют часовых, а из-за непогоды тех, кто несет дозор, приходится часто менять, вот и все. Юноша же повторял: «Надо предупредить отца» и наконец убедил своего брата пойти к Макиэну, который ночевал в помещении по соседству. Словам юноши Макиэн не поверил, но все же позволил сыновьям отправиться на разведку. Они же, зная все потайные места в поселении, укрылись близ караульни, где вместо одного часового нашли восемь или десять солдат, из-за чего исполнились подозрений и подобрались так близко, как только могли, и услышали, как один солдат говорит другому: «Не нравится мне это дело, и знай я заранее, что им прикажут выполнить, я бы отказался сюда идти, да вот беда, один командир знал, что к чему, пока не стало слишком поздно». Еще солдат добавил, что готов сражаться с мужчинами глена, но убивать их во сне ему противно. На что другой ответил: «Вся вина на тех, кто отдает такие приказы, а наше дело — повиноваться офицерам». Услышав эти разговоры, юные горцы поспешили по возможно-

сти тихо вернуться в дом, чтобы сообщить отцу, но когда они подошли ближе, то увидели, что дом вождя окружен, и услышали выстрелы и крики изнутри; будучи безоружными и не в состоянии спасти отца, они решили бежать, дабы в будущем служить своему королю и своей стране и отомстить этим кровожадным убийцам, позору не только страны, но и всего рода людского.

Следует также упомянуть, что двое из тех, кто давал Макиэну слово чести, отказались принимать участие в расправе, за что их посадили под замок в Глазго, где они и оставались еще несколько недель назад; что с ними сталось ныне, я не знаю.

Вот, сэр, в полном соответствии с Вашей просьбой, изложил я описание той ужасной и бесчеловечной резни, какую устроили в Гленко. Вы требуете доказательств истинности этой истории, ибо, как Вы пишете, многие в Англии не верят, что такое возможно, а мерзавцы избегли справедливого суда. Люди считают, что правительство не могло отдать подобного приказа, и, по Вашим словам, никогда не поверят без убедительных доказательств… Чтобы устранить всякие сомнения, скажу, что вскоре в Лондон прибудет полк милорда Аргайла, и вы сможете

спросить у самого Гленлиона, у Драммонда и прочих исполнителей этого гнусного приказа; смею утверждать, что никто из них не будет запираться, ибо они знают, что весть о нечестивом преступлении разошлась уже по всей Шотландии, и нам тут поистине удивительно, что в Англии еще кто-то сомневается. Нет, Гленлион ничего не отрицает, он даже похваляется содеянным и оправдывает себя. В «Королевской кофейне» в Эдинбурге он сказал, что сделал бы это снова, что зарезал бы любого человека в Шотландии или в Англии, не спрашивая, почему, если бы король отдал ему такой приказ, и что именно так надлежит поступать верным подданным; а из достоверных источников мне ведомо, что Гленлион и прочие обратились к Совету за наградой, каковая им была обещана за разорение Гленко в полном соответствии с приказами.

Что ж, достаточно о сем скорбном предмете; если же Вы сочтете, что сказано мало и что нужны иные доказательства, я с удовольствием их предоставлю.

Искренне Ваш…

Гэлы и их острова, 1695 год
Мартин Мартин

Гэл с острова Скай, где он был торговым агентом Маклаудов, Мартин Мартин сочинил увлекательное и яркое «Описание западных островов Шотландии», где с научной для своего времени точки зрения описаны местные жители и их обычаи. Считается, что именно эта книга вдохновила доктора Джонсона на путешествие в Хайленд и по островам; по отзыву Джонсона, «никто не может писать хуже, чем написан отчет Мартина о Гебридах». Разумеется, Мартину недостает джонсоновского остроумия и стиля, однако он лишен свойственных доброму доктору предубеждений, вследствие чего многое замечал.

Остров Льюис

Хвори и целебные средства

Местные жители в большинстве своем румяны; это место почти не ведает эпидемических заболеваний, не считая оспы, каковая случается, но редко, и забирает жизни многих молодых

людей. Еще у детей бывает коклюш, известны лихорадка, расстройство кишечника, дизентерия и западение небного язычка, болезнь госпела, колики и обычный кашель, возникающий от простуды. Самый распространенный способ лечения простуды и плевритов таков: хворому отворяют кровь.

…Когда западает язычок, его обыкновенно вырезают следующим образом. Берут длинное перо, привязывают к нему конский волос, делают петлю и помещают над нижней частью язычка, а потом отрезают все, что ниже волоса, при помощи ножниц; после же больному дают хлеба с сыром, отчего рана заживает. Эта хирургическая операция здесь общепринята, и страждущие после нее исцеляются. Свежие раны тут смазывают мазью из золотарника, валерианы и свежего масла. Болезнь госпела лечат двумя способами: при первом кладут больного на живот, а на спину ему, якобы в нужное место, выливают ведро холодной воды; и это помогает. Второй же способ таков — берут щипцы и раскаляют их на огне докрасна, после чего оголяют больному спину и слегка касаются оной щипцами выше поясницы, отчего больной стремглав выбегает из дома, попрежнему ощущая ожог, и бегает, покуда боль

не утихнет, что случается весьма скоро, и после этого исцеляется.

Виски

На Льюисе изобилие зерна побудило местных варить несколько сортов спиртного, прежде всего виски, а еще *треста-риг,* то есть *живую воду*, каковая перегоняется трижды, и последнюю местные зовут *уишибо бол*, то бишь виски, каковой с первого глотка растекается по всем конечностям. Двух столовых ложек этого напитка вполне достаточно, а ежели увеличить дозу, дыхание может пресечься и жизнь подвергнется опасности. Оба напитка приготовляют из овса.

Остров Харрис

Крысы

Я видел великое множество крыс в деревне Роудил, и эти твари доставляют немалое беспокойство местным жителям, истребляя посевы, проливая молоко, пожирая масло и сыр и т. д. И, вопреки всем усилиям, извести сих тварей долгое время не удавалось. В деревне развели кошек, но положение лишь усугубилось, ибо на одну кошку

приходилось не менее двадцати крыс. Наконец один местный житель, более дальновидный, чем все прочие, нашел способ делать своего кота сильнее: после каждой стычки с крысами он давал животному теплого молока, и так со временем стали поступать и остальные, и в итоге в деревне не осталось ни единой крысы, потому что кошки всех задавили.

Остров Святого Кильды

Один из обитателей этого острова, будучи прибит ветрами к острову Харрис, связался с теми, кто торговал с Глазго, и его уговорили отправиться туда. Он был поражен и продолжительностью пути, и величиной королевств, за каковые посчитал он острова, мимо которых они проплывали; самый протяженный из них был не более двадцати четырех миль в длину, однако все они намного превышали размерами его родной остров.

Прибыв в Глазго, он ощутил себя так, словно очутился в совершенно новом мире, чьи язык, обычаи и прочее были ему неведомы; он не мог себе представить, что кто-то строит из камня такие большие дома, что улицы можно мостить плитняком (он счел, что это — творение природы, ибо ему не приходило в голову, что люди станут

прилагать усилия, чтобы замостить дороги, по которым ходят). Он стоял у двери дома, в котором его поселили, и с восторгом оглядывался по сторонам, а когда мимо прокатила карета, запряженная двумя лошадьми, решил, что животные везут за собой маленький домик, где живут люди; кучера он высмеял за то, что тот сидит так неудобно, ведь разумнее было бы пересесть на лошадь. Колеса кареты и способ передвижения привели его в полное изумление.

Отважившись отправиться на прогулку, он попросил, чтобы его вели за руку. Купец Томас Росс и прочие, кому взбрело в голову привезти этого человека в Глазго, стали спрашивать, нравится ли ему церковь. Он отвечал, что да, скала высокая, но на острове Кильды есть и повыше, но вот пещер прекраснее ему видеть не доводилось: такой образ у него сложился от колонн и арочных сводов церкви. Внутри церкви он еще более поразился и всплеснул руками, не в силах понять, как люди сумели построить этакое чудо. Он не имел понятия, для чего предназначены скамьи, и вообразил, что люди в масках (под каковыми было не разобрать, мужчины это или женщины) вынуждены их носить, поскольку виновны в чем-то дурном, вследствие чего обязаны прятать

лица. Его изумили мушки на женских лицах, каковые он счел волдырями. Еще он озадаченно глядел на подвески, решительно осудил парики, а тем более пудру, и в конце концов отверг все то, что не было в ходу на его родном острове.

Он с изумлением разглядывал все, что было для него внове. Услыхав благовест, он пришел в ужас, ибо решил, что ткань мироздания вот-вот распадется. Он и думать не думал, что в поселении может быть столько людей, сколько их есть в Глазго, и для него осталось великой загадкой, отчего они сговорились жить в такой толчее. Он спрашивал, каким образом эти люди себя прокармливают, а когда увидел большие краюхи хлеба, то никак не мог решить, хлеб это, дерево или камень. Еще его изумляло, откуда берется эль и как оного на всех хватает, поскольку никто на его глазах не пил воду. Он спрашивал, из чего делают нарядную одежду, а когда узнал, что чулки не обязательно спервa разрезать, а затем сшивать, это его тоже изумило. Женскую моду он посчитал глупой, потому что, как он сказал, тонкие одеяния не годятся для любого сколько-нибудь полезного занятия. Заметив женскую ножку, счел он, что форма у нее другая, нежели у мужчины — ведь обувь-то отличается. Он не

одобрил каблуков равно у женщин и у мужчин, а когда увидел подковы на лошадиных копытах, закрепленные гвоздями, то не удержался от смеха и сказал, что ничего нелепее в жизни не видывал. Он тосковал по родному острову и все повторял, как было бы здорово, имейся и там в таком же изобилии эль, бренди, табак и железо.

Голод, 1696 год
Патрик Уокер

В конце семнадцатого столетия семь лет дурной погоды и неурожаев привели к голоду, столь суровому, что пятая часть населения — около 200 000 человек — была вынуждена просить подаяния. В стране свирепствовала смерть. Некоторые верили, что из-за преследований ковенантеров на Шотландию обрушилось проклятие. Иные считали, что шотландцев карают за изгнание Джеймса VII. Общую картину набросал беллетрист Патрик Уокер.

Неслыханные мучения терпели мы на протяжении семи лет, каковых не случалось прежде, и не бывало ранее таких зим и лет, когда бы урожай бывал столь скуден, а жар светила ничто не умеряло, и потому наблюдался немалый падеж домашнего скота, крылатой дичи и даже насекомых, так что едва ли можно было увидеть лягушку или овода; и скот стригли в неурочное время — одни в ноябре и декабре, а иные в январе и феврале. И во многих городах и деревнях смерть собирала свою подать, у людей отнимались руки

и ноги, когда трудились они на стуже и в снегу, и многие просто падали и уже не вставали, а плоды гнили на земле, и не было от них пользы ни человеку, ни зверю, да и цвет у них был нездоровый.

Еды сделалось мало, так что давали два шиллинга за пек зерна, и то еще требовалось оное отыскать. И многие уже спрашивали не где им прикупить серебра, но где найти еды, чтобы выменять на серебро. Я видел, как торговали на рынках, как женщины всплескивали руками и разрывали одежды, восклицая: «Как можем мы вернуться домой, где наши дети умирают от голода? Они не ели мяса уже два дня, и нам нечего им дать».

И по причине того, чтобы мучения сии затянулись надолго, смерть стала делом совершенно обычным, так что живые утомились хоронить умерших, и я видел тела, влекомые на слегах, даже не завернутые в саван, не говоря уже о гробах…

Дарьенская авантюра, 25 декабря 1699 года
Преподобный Арчибальд Стобо

Завершившаяся катастрофой Дарьенская экспедиция — одна из черных вех в экономической и политической истории Шотландии. Она обернулась такими денежными потерями, что страна едва не обанкротилась, и это отчасти способствовало заключению союза с Англией в 1707 году. Шотландская компания торговли с Индиями и Африкой, более известная как Шотландская Дарьенская компания, сулила небывалое процветание, собираясь торговать с Центральной Америкой и Африкой. Набрав 400 000 фунтов стерлингов, что составляло примерно половину доступного капитала в стране, компания основала первое поселение — в Дарьене на побережье Панамы. Пять кораблей высадили на берег 1200 шотландцев в ноябре 1698 года, но уже следующим летом поселенцы бежали, лишившись 300 человек; еще 150 умерли в море на обратном пути. Им пришлось столкнуться с враждебностью испанских колонистов и даже англичан, кото-

рым запретили с ними торговать, а страшнее всего были тропические болезни и недостаток продовольствия. Вскоре после бегства первых поселенцев прибыл второй флот, который привез еду и людское пополнение, а затем подошел и третий флот. На борту «Восходящего солнца», одного из кораблей последнего, находился преподобный Арчибальд Стобо; всего в экспедиции насчитывалось четверо священников. Он покинул Шотландию 20 августа 1699 года и по прибытии в Новый Свет узнал, что слухи о гибели колонии подтвердились и что условия для жизни тут и вправду тяжелые. Впоследствии Стобо сошел с корабля в Каролине и в Шотландию уже не вернулся.

В день 20 октября мы достигли тропиков, и каждому, кто прежде не бывал в тропиках, как заведено у тех, кто плавает в Восточную или Западную Индию, выдали по бутылке бренди и фунт сахара, и многие так перепились, что это прискорбно сказалось на их здоровье. Ноября 9 числа мы увидели землю, что немало нас обрадовало, ибо мы не видели земли уже шесть недель. Это были острова: Антего, коим владели англичане, Монсеррат, им же принадлежащий, Редонда, совершенно ничейный, и Невис, также

английский. Наши советники сочли необходимым с Монсеррата отписаться директорам и друзьям в Шотландии и дать всем знать о том, что с нами пока все благополучно, а поскольку для этого им пришлось сойти на берег, прихватили они с собой несколько бочонков, дабы набрать пресной воды. Губернатор же позволил им наполнить водой всего одну бутылку и сообщил, что ему запрещено оказывать какую бы то ни было помощь шотландской колонии, однако на острове нашлись некие джентльмены, отлично знакомые с нашими офицерами, и последние сошли на берег и привезли апельсины, ром и сахар, а также узнали, что колония покинута, а жители расселились на голландских, французских и английских плантациях, чему никто из нас не поверил.

Миновав эти острова, мы не видели земли до 18 ноября, когда обнаружили землю Карфагинскую, в пятидесяти лигах от Дарьена. Накануне, 17 числа, Господь прибрал к себе мистера Александра Далглиша, каковой скончался от лихорадки. А ночью того же дня мы потеряли в тумане «Малую надежду», и она не объявлялась вплоть до 26 числа. В число 27 (или 29) пути приплыли два индейца на своих каноэ, и мы были к ним весьма

добры и радушны, и они провели у нас ночь, хотя мы их почти не понимали…

В последний день ноября мы вошли в Каледонскую бухту, уповая встретить теплый прием, но жестоко обманулись в своих ожиданиях, ибо колония оказалась и вправду покинутой, а наши соотечественники исчезли. Но промышлением Божиим нашлись в бухте два английских шлюпа, один из Новой Англии, капитан Томас Драммонд, и с ним были несколько соотечественников, каковые приплыли сюда, чтобы встретить нас. Второй шлюп был с Ямайки, и капитан Драммонд встретил его по пути и убедил идти сюда, чтобы поведать нам о гибели колони и о причинах, к ней приведших. Выяснилось, что оставили колонию 20 июня 1699 года. Причины же капитан Драммонд упомянул следующие: 1) страшная болезнь, из-за которой не осталось рабочих рук; 2) нехватка продовольствия; 3) ни весточки из родной Шотландии, ни слова в ответ на письма; 4) угроза нападения испанцев, каковой подвержены и мы сами; 5) распри между советниками, которые обернулись ссорами между колонистами, например, по поводу кораблей; несколько раз предотвращенные, в конце концов они стали непереносимыми. О кораблях же капитан сказал,

что тот, который звался «Снег» (на самом деле «Дельфин». — *Ред.),* затонул у побережья, «Святой Андрей» ушел на Ямайку и был там задержан за долги колонии, «Единорог» и «Каледония» ушли в Новую Англию, причем «Единорог» был более непригоден к плаванию, а «Каледония» же двинулась обратно в Шотландию. Два шлюпа, нас встретившие, были нагружены провиантом, закупленным советниками.

Еще нашлись пятеро с кораблей Джеймисона и Старка, которые поведали, что сталось с их кораблями и командой. Они высадились тут 10 августа 1699 года. Корабль Джеймисона сгорел в бухте, и его остов до сих пор виден. Говорят, пожар устроила блудница, которую Джеймисон привез с собой: она пожаловалась капитану на помощника, который заведовал раздачей масла, бренди и прочего. Джеймисон велел посадить того под замок, и место помощника занял сам капитан, но однажды он напился и уронил горящую свечу на бочонок с бренди; пламя не удавалось погасить, несмотря на все усилия, и так были потеряны корабль и продовольствие, но не люди. Поговаривали, что и корабль Старка едва уцелел. Когда пожар занялся, капитан обрубил канаты и велел править прямо на другое судно, однако то

с превеликим трудом сумело увернуться. Мистер Старк ушел на Ямайку, где офицеры продали колонистов (так говорили) по самой малой цене за сахар и бренди. Вот вкратце и все о тех, кто уплыл перед нами.

Что же касается нас, то на следующий день после нашей высадки, то есть 1 декабря 1699 года, на берегу подняли шотландский флаг, весьма торжественно, с пальбой из пушек, распитием бренди и т. д. После всего советники и офицеры созвали общее собрание, чтобы решить, оставаться ли здесь, и после долгого обсуждения было решено, что мы остаемся и будем обустраиваться. Подсчеты показали, что продовольствия у нас, если отмерять строго, на полгода, и каждому причитается полфунта хлеба, столько же говядины и треть чарки бренди в день, а потому решили отправить корабли на поиски провизии и погрузить на борт всех, кто был непригоден к труду. Весть об уходе кораблей и о том, что они пойдут на Ямайку, побудила некоторых попытаться захватить корабли, чтобы впоследствии использовать их в своих целях. Этот заговор своевременно раскрыли, и одного из зачинщиков повесили 20 декабря. В день его казни на берегу Каледонской бухты священники впервые совершили церковный обряд.

В последний день декабря, выпавший на субботу, мы впервые молились на берегу, а в следующую среду держали пост и возносили хвалу Господу. Если в скором времени не придут депеши из Шотландии, нам придется покинуть поселение, как сделали те, кто приплыл прежде нас, ибо продовольствия у нас меньше, чем мы считали сначала, да и многие оказались обессиленными из-за недугов…

Что же до местности, в которой мы очутились, она весьма удобна для возведения укреплений, но не слишком хороша для плантаций… Участок, на котором построена колония, изобилует невысокими холмами, не считая того места, где стоит форт, и здесь негде сажать семена, ибо земля болотистая, и тут множество крабов, каковые уничтожают все посевы. Вдобавок здешний климат чрезвычайно неблагоприятен. И тут не растут плоды, пригодные к употреблению в пищу, нужно пройти 3 или 4 мили вглубь, к поселениям индейцев. Вот там жить вправду хорошо и в изобилии встречаются плоды, как-то: бананы, картофель и прочие, но нам приходится за них платить вдвое против обычной цены. Край сей богат птицей, дикими кабанами, обезьянами и т. д., но поймать их нелегко, потому что леса

тут весьма густые, и невозможно сквозь них пробраться, если не знать тропок, протоптанных индейцами, а таковые попадаются крайне редко. Вкратце же можно землю сию назвать страной чудес…

Тут нередки грозы с молниями и громом, а когда начинается дождь, то кажется, что на вас пролилась вся влага небесная. Зимой здесь еще можно дышать, но говорят, что с марта до начала декабря непрерывно льет дождь и очень душно…

Что касается местных жителей, они мало примечательны, живут в бедности, сопоставимой с нищетой. Их заботит лишь то, что происходит здесь и сейчас. Они питаются плодами, которые выращивают на своих плантациях… время от времени промышляют птицу или кабанов и пойманную дичь жарят на костре, покуда она не обуглится. Всем этим занимаются мужчины; женщины готовят повседневную еду и прядут, а также делают из древесной коры гамаки для лежания, и эти гамаки растягивают между двумя деревьями. Из одежды у них только то, что на них надето, и то, что они получили от нас, лишь женщины надевают еще фартуки, которые сами же шьют. Местные женщины весьма скромны…

Это люди жадные и завистливые, особенно их привлекает холстина. Говорят они на диковинном языке, который невозможно разобрать. Некоторые звуки в нем настолько причудливые, что ни один разумный человек не сможет их повторить. Наиболее охотно они учатся, а некоторые уже научились, у наших людей дурным повадкам. Если их что-то сердит или злит, они кричат: «Разрази меня гром» или «Ах ты, сукин сын!»

За путешествие умерли почти 160 человек, не считая тех, кто скончался здесь…

В первый день нового года позволено было вынести бочонки со спиртным, и все перепились и пошли гулять по кораблям, и двое свалились за борт, причем один, покуда голова его не скрылась под водой, не переставал божиться и сквернословить.

Союз между Англией и Шотландией, 1707 год
Даниель Дефо, городской совет Стерлинга, Джордж Локхарт из Карнуэта

В период, о котором идет речь, широко распространилось мнение, что кучка богатых шотландцев организовала объединение шотландского и английского парламентов, преследуя собственные цели. И пусть позднее выяснилось, что союз принес немало пользы и даже выгоды и Шотландии, и Англии, это событие получило неоднозначную оценку, а некоторые националисты сожалеют о нем до сих пор. Не подлежит сомнению, что в месяцы, предшествовавшие заключению союза, народное негодование достигло беспрецедентного накала: приводились многочисленные, обоснованные доводы против, кое-где отмечались мятежи, и властям приходилось это учитывать.

Писатель и агент правительства Даниель Дефо был направлен в Шотландию, чтобы изучить настроения в стране. Ему вменялось общаться

с народом и убеждать шотландцев поддержать унию, каковую он сам считал выгодной для обоих королевств. С немалым изумлением он обнаружил, что шотландцы отнюдь не разделяют его воззрений, даже в Эдинбурге.

Я пробыл там недолго, но услышал громкий шум и, выглянув наружу, увидел, что по Хай-стрит движется огромная толпа, и барабанщик впереди, и все они вопят и кричат, что Шотландия должна быть заодно. Никакой унии! Никакой унии! Английские собаки — и тому подобное.

Не могу сказать, что у меня не возникло дурных предчувствий, да и печальная участь г-на де Витта не выходила из головы (этот голландский государственный деятель был растерзан толпой в Гааге. — *Ред.),* особенно когда сия толпа накинулась вдруг на некоего джентльмена, который имел неосторожность сказать что-то, что им не понравилось, прямо под моим окном.

Он отважно защищался и звал на помощь стражу, каковая оказалась неподалеку и с готовностью обнажила клинки и двинулась на толпу. В итоге они спасли джентльмена, а того, кто на него нападал, забрали в тюрьму.

К тому времени уже весь город был охвачен недовольством. В стражников летели угрозы и

камни, а еще толпа затушила все огни, и потому никто не отваживался выходить да улицу, да и в окнах свет не зажигали из опасения, что кто-нибудь швырнет камень.

Петиция от городского совета Стерлинга, возражающая против унии, типична для настроений в шотландском обществе тех лет.

18 ноября 1706 года

ЕГО МИЛОСТИ ИХ ВЕЛИЧЕСТВ ВЫСОКОМУ КОМИССАРУ И ПАРЛАМЕНТУ

нижайшее обращение от провоста, бальи,

городского совета и прочих обитателей города Стерлинг

Обсудив и рассмотрев великое дело объединения двух народов, о котором много говорилось в печати, рассудили мы, что нашей наипрямейшей обязанностью перед сей страной и ее жителями является выражение нашего отношения к сему делу, каковое смеем покорно представить вашей милости и достопочтенному парламенту. Желаем мы истинного мира и дружбы и ненарушимого соседства с Англией… однако полагаем мы, что союз, каковой ныне хотят заключить, ляжет тяжким бременем податей на сию страну, ведь всякие выгоды свободной торговли покуда существуют

лишь на бумаге, да и будут определяться англичанами в парламенте Британии, а последние, если пожелают, смогут изрядно воспрепятствовать нашей торговле, если та покажется им помехой.

Еще союз этот может оказаться разрушительным для наших мануфактур, губительным для нашей веры и церкви, а также для наших прав, законов, свобод и для всего, что мы столь ценим. Почему должны мы подчиняться и повиноваться тем, чьи интересы и чьи принципы, каковых они истово придерживаются, могут привести к тому, что мы и остальные королевские города сей страны лишимся в значительной степени нашего основополагающего права быть представленными в законодательной власти, хотя наше государство одно из старейших в мире, и получится тогда, что наши прославленные патриоты понапрасну проливали в его защиту свою кровь? Наш парламент есть то, что нам дорого, и если его устранить, окажемся мы и вся страна под ярмом, какового не сможем вытерпеть, а роковые последствия этого жутко даже воображать…

Якобит и противник унии Джордж Локхарт описал Эдинбург 1706 года, в последние дни дебатов относительно союза.

В эти дни… Парламентский переулок и внешний двор парламента запружены людьми всякий день, когда собирается парламент, и людей множество, все выкрикивают что-то против унии и бросают весьма вольные упреки тем, кто ратует за ее принятие: комиссара (маркиза Куинсбери. — *Ред.),* когда он шел к зданию, проклинали и бранили в лицо, а герцога Гамильтона (лидер Национальной партии. — *Ред.)* всегда сопровождают бесчисленные добровольные помощники и вообще молодые люди, когда он идет от парламента к аббатству или обратно, и все желают ему бороться за страну и не отступать. А накануне 23 октября три или четыре сотни таких сопровождающих, едва герцог от них ушел, двинулись все вместе к дому сэра Патрика Джонстона (их «ненаглядного» провоста, одного из комиссаров, жарко призывавшего к принятию унии и сидевшего в парламенте рядом с депутатами от Эдинбурга), кидали камни в окна, разломали ворота и ворвались в дом, но его самого не нашли, так как он успел бежать, иначе был бы разорван в клочья.

Оттуда толпа, каковая значительно возросла в численности, пошла по городским улицам, угрожая расправой всем, кто поддерживал унию, и так продолжалось четыре или пять часов; только ближе к трем часам утра отряд стражи был отправлен к воротам Нетерброу-Порт, чтобы отогнать людей и оборонять здание парламента. Нельзя описать в словах, сколь велик был испуг придворных, когда они увидели, что происходит. До сей поры они не верили, или делали вид, что не верят, в недовольство народа унией, но теперь-то убедились и устрашились за собственные жизни, ибо стало ясно, что дело с унией застряло костью в шотландской глотке. Против унии были и молодые, горячие и несдержанные, и старцы, умудренные сединами, и даже солдаты, когда выдвигались к воротам Нетерброу, говорили, как передавали, друг другу: «Почему должны мы разгонять тех, кому дорога наша страна?» и «Пусть у нас есть приказ, мы и сами знаем, что делать». Когда толпу рассеяли, стража разместилась в Парламентском переулке, у Уэйхауса и ворот Нетерброу-Порт, армия же, как пехота, так и конница, пошла маршем к Эдинбургу, и так продолжалось во время всей парламентской сессии: комиссар (будто его вели на виселицу)

каждое утро проходил от здания парламента до Креста (где ожидал его экипаж) между двумя шеренгами мушкетеров и отправлялся оттуда в аббатство, а Конная гвардия окружала карету, а под вечер к ней присоединялась и пехота…

Правительство нисколько этому не радовалось, и потому на следующий день после бесчинств толпы состоялась встреча Тайного совета, на которой было решено стражу не отводить и выпустить прокламацию, запрещающую собрания; отныне все должны были очистить улицы, едва прогремит барабан, а стражникам приказали стрелять в тех, кто не подчинится, и пообещали, что не будут преследовать за убийство… Придворные, снедаемые страхом за свою жизнь, забыли о достоинстве, благородстве и здравом смысле, зато охотно одобряли всевозможные запреты и угрозы… Тем не менее его милость исправно осыпали оскорблениями и проклятиями, стоило ему появиться на улице, а если заседание парламента затягивалось до вечера, и его, и охрану дружно забрасывали камнями… Так что ему частенько приходилось нестись галопом, чтобы не пострадать.

Побег якобита из Тауэра, 23 февраля 1716 года
Уинифред Найтедейл

Якобитское восстание 1715 года, вспыхнувшее вслед за восшествием на престол Георга I, возглавил граф Мар, и восставшие пользовались столь широкой поддержкой в Шотландии, что, казалось, непременно должны победить. Увы, этого не случилось, и даже прежде, чем Старший Претендент успел высадиться в Шотландии, восставшие потерпели разгромное поражение в битве при Шерифмуре 13 ноября: королевские солдаты справились с превосходившим их численностью, но лишенным толкового полководца войском Мара. Одним из побежденных и попавшим в плен был Уильям Максвелл, пятый граф Найтедейл, которого заключили в лондонский Тауэр и собирались казнить 24 февраля 1716 года. В письме к своей сестре супруга графа рассказывает, как придумала хитроумный план спасения, когда узнала, что среди всех узников лишь ее муж лишен права на амнистию.

Я незамедлительно покинула палату лордов

и поспешила в Тауэр, где поведала стражникам, притворяясь радостной и веселой, что принесла узникам добрые вести. Мол, я хочу развеять их страхи, ведь палата приняла обращение в их пользу. Еще я дала стражникам денег, чтобы они выпили за лордов и за его королевское величество; впрочем, сумма была невелика, поскольку я подумала, что если буду слишком уж щедрой, они могут что-то заподозрить, а вот малая толика денег поможет завоевать их расположение — до казни оставалось всего два дня.

На следующее утро я не смогла поехать в Тауэр, потому что мне пришлось улаживать множество дел, однако вечером, когда все было решено и готово, я послала за миссис Миллз, с которой мы делили кров, и поведала ей подробности своего плана по спасению моего мужа, лишенного королевского прощения; это была последняя ночь перед казнью. Я сказала, что у меня все готово и что я рассчитываю на ее помощь, иначе мой муж так и останется в заключении. И велела спешно собираться, ибо у нас совсем нет времени. Также я послала за миссис Морган, которую обычно звали Хилтон; с нею меня познакомила моя милая горничная Эванс, за что я ей весьма признательна. Ей я тоже изложила свой замысел; она была

очень высокой и тонкой в кости, и я попросила ее надеть под плащ еще один, предназначенный для миссис Миллз, которая должна заменить моего мужа. В ту пору миссис Миллз была в положении и потому вполне походила на моего супруга не только ростом, но и комплекцией. Пока мы ехали в экипаже, я не переставала говорить, чтобы у них не возникло соблазна предаться размышлениям. Изумление, с каким они выслушали мой план, побудило их согласиться, а о последствиях они не задумались, чему я была несказанно рада. По прибытии в Тауэр я повела с собой миссис Морган, поскольку правилами дозволялось проводить лишь одного человека. Она пронесла одежду, каковую мы собирались оставить миссис Миллз. Когда она избавилась от своей ноши, я проводила ее обратно к лестнице и по пути громко сказала, что прошу прислать мою служанку, дабы та помогла мне переодеться, и что, если та не спешит, я могу опоздать к вечернему рассмотрению прошений о помиловании. Миссис Морган благополучно вышла, а я спустилась по лестнице навстречу миссис Миллз, каковая из предосторожности прижимала к лицу носовой платок, что вполне естественно для женщины, прибывшей проститься с другом накануне его

казни. Я особо попросила ее войти именно так, чтобы мой муж сумел выйти схожим образом. Ее брови были светлыми, а брови моего супруга — темные и очень густые; но я приготовила краску, чтобы это скрыть. Еще я привезла с собой парик того же цвета, что и волосы миссис Миллз, а мужу намазала лицо белилами и накрасила румянами, чтобы скрыть щетину, сбривать которую не было времени. Все эти средства я припрятала в Тауэре заблаговременно.

Бедные стражники, которые были мне признательны за вчерашнее вознаграждение, позволили нам пройти и бдили не столь тщательно, как обычно; более того, они были убеждены, поскольку я вчера так им сказала, что узники получат помилование. Я велела миссис Миллз снять чепец и надеть другой, который я для нее принесла, и вывела ее из камеры моего мужа, а проходя через соседнее помещение, где присутствовали несколько человек, я со всей заботливостью проговорила: «Моя дорогая миссис Кэтрин, поспешите прислать мне мою горничную, она явно не подозревает, который час, и очевидно забыла, что сегодня слушания о помиловании; если я пропущу заседание, моего мужа ничто не спасет, ведь завтра будет слишком поздно. Поторопите

ее, насколько возможно, я не найду себе места, пока она не придет».

Все в помещении, а это были в основном жены и дочери стражников, наперебой выражали мне сострадание, а часовой предупредительно распахнул перед нами дверь. Проводив миссис Миллз, я вернулась к мужу и принялась его одевать. Я позаботилась, чтобы миссис Миллз уходила в слезах, чтобы мой супруг мог сойти за расстроенную и рыдающую женщину, тем более что платье у них было одинаковым. Когда он почти закончил переодеваться, я увидела, что снаружи темнеет, и испугалась того, что нас может выдать свет свечей, а потому сказала, что пора идти; мы вышли из камеры, он держал меня за руку, а я говорила с ним ласково и утешительно и кляла Эванс, чья небрежность якобы лишала меня последней возможности спасти супруга.

И я сказала: «Моя дорогая миссис Бетти, ради Бога, приведите ее, пожалуйста; вы знаете, где я живу, и если вам дороги наши отношения, сделайте это для меня; не могу передать, как мне тяжело». Стражник отомкнул замок, и мы спустились по лестнице, причем я продолжала умолять «миссис Бетти» о поддержке. Когда мы вышли из дверей, я пустила мужа вперед, опа-

саясь, что часовой углядит его вовсе не женскую походку, и все твердила о том, как «она» может меня выручить.

У подножия лестницы нас встретила милая Эванс, в чьи руки я его и отдала. Я заранее предупредила миссис Миллз, чтобы та ждала поблизости, на случай, если все пройдет гладко. Мой супруг считал, что успех почти невозможен, и его изумление, когда он увидел нас, было таково, что он едва не лишился чувств, однако Эванс его успокоила пожатием руки, не проронив при этом ни слова, и отвезла к своим друзьям, на которых можно было положиться, и те его укрыли в безопасности. Совершив все это, она вернулась и отыскала миссис Миллз, которая к тому времени уже оправилась от удивления. Они вместе поехали домой, подыскали надежное укрытие и переправили моего супруга туда.

Я же, якобы отослав молодую даму с поручением, вынуждена была подняться по лестнице и вернуться в камеру своего супруга, по-прежнему притворяясь, что страшусь опоздать на слушания, так что все вокруг мне сочувствовали. В камере я заговорила с мужем, как если бы он был там, и отвечала на свои вопросы, изо всех сил подражая его голосу. Я ходила по камере, как

если бы мы и вправду разговаривали, пока не сочла, что убедила стражников достаточно и что мне пора позаботиться о себе.

Я открыла дверь и встала так, чтобы в соседнем помещении было слышно мои слова, но чтобы в камеру никто не мог заглянуть. Я пожелала супругу спокойной ночи и прибавила, что, должно быть, случилось нечто невероятное, чтобы Эванс настолько пренебрегла своими обязанностями, ведь она всегда чрезвычайно дотошна и пунктуальна; так что мне необходимо уйти, и если ворота Тауэра будут еще открыты, когда я покончу с делами, то я вернусь, но он может не сомневаться, что я в любом случае окажусь тут с самого утра, едва в Тауэр начнут пускать, и льщу себя надежной, что принесу добрые вести.

Затем, прежде чем закрыть дверь, я накинула щеколду на засов, чтобы камеру можно было открыть лишь изнутри. После чего захлопнула дверь и сказала на выходе слуге, который только что появился, что мой муж просил не тревожить его, поскольку хочет помолиться, а потом он сам позовет, чтобы принесли свечи. Я спустилась по лестнице и окликнула извозчика. Экипажей было несколько, я села в один и поехала домой, где ждала бедная миссис Маккензи, готовая подать

новое прошение о помиловании в случае, если моя затея провалится. Я сказала ей, что никакие прошения нам больше не нужны, ибо мой супруг счастливо покинул Тауэр и сбежал от врагов, но вот где он сейчас, этого я не знаю…

Манеры, 1720 год
Адам Петри

Священнику обладавший досугом, поскольку у него долго не было прихода, Адам Петри составил сборник правил поведения для юношества. Сам он применительно к благопристойному поведению полагал у что «искусство исправляет дурное и помогает довести до совершенства благое, и без него человек непременно бы опустился». Петри относился к манерам весьма серьезно и полагал, как следует из приводимого ниже отрывка, что они могут спасти жизнь — или погубить.

Если некто ночует в поле, не следует к нему приближаться, разве что он ваш знакомый, иначе вас могут заподозрить в том, что вы рылись в его карманах. Если вы проходите мимо того, кто справляет нужду, следует отвернуться и сделать вид, будто вы ничего не заметили. А если удастся пройти иной дорогой, это будет лучше всего.

Если вам предстоит поездка в экипаже, пропустите вперед более знатных, а когда войдете, займите наихудшее место… Если вы собираетесь путешествовать верхом, пусть сначала сядут

в седло те, кто знатнее, а те, кто менее знатен, должны спешиваться первыми, чтобы оказать при необходимости помощь.

В пути держитесь чуть позади тех, кто знатнее; если же вы окажетесь ровней по положению, тогда поезжайте слева, а если в компании трое, тогда позвольте тому, кто более знатен или уважаем, ехать справа. Если предстоит пересекать реку и может возникнуть опасность, поезжайте первым, а после держитесь позади, чтобы не запачкать более знатного.

Подобает не слишком засиживаться с дамами и уходить вскоре после того, как путешествие завершилось — или когда они собираются в путь. Непозволительно, чтобы они ехали чересчур долго и чтобы оставались в одиночестве; и если по пути не встретится никаких домов, тогда следует подыскать место, где они могли бы отдалиться от остальных, ощутив зов природы; прибавлю еще, что о таком говорить вслух не следует, чтобы дамы не краснели. Необходимо использовать такие слова: «Давайте дадим лошадям немного передохнуть» и тому подобные. Я слыхал об одной скромной даме, каковая, путешествуя с человеком невоспитанным, лишилась чувств и жизни…

Не нюхайте то, что собираетесь есть или пить, и весьма грубо принюхиваться к тому, что ест или пьет другой…

Если справятся, что вы предпочитаете, следует отвечать: «На ваш вкус». Если за столом присутствуют дамы, следует предложить им отведать от каждого блюда. Если дама в положении желает чего-либо, нужно потакать ее прихотям (конечно, не чрезмерно), ибо такова природа сего состояния…

Не стучите ножом или вилкой. Весьма грубо чавкать за столом.

Не ломайте хлеб на кусочки, равно как и фрукты и тому подобное, но аккуратно нарезайте. Нож держать в руке все время вовсе не обязательно.

Непристойно набивать рот, ибо таковое поведение более пристало зверю, нежели человеку.

Не подносите обе руки ко рту одновременно. Ничего не бросайте на пол, это невежливо и выдает мужлана…

Не следует очищать яйцо от скорлупы пальцами, это надлежит делать ножом. Также можно очистить яйцо от скорлупы хлебом.

Не облизывайте пальцы и не пачкайте салфетку.

Если вам необходимо высморкаться или

отереть пот с лица, заслонитесь салфеткой от компании и постарайтесь произвести как можно меньше шума. Используйте носовой платок. Высмаркиваться в салфетку или вытирать ею пот совершенно непристойно…

Вытрите рот, прежде чем пить, а когда пьете, задержите дыхание, пока стакан не опустеет. Я видел, как некоторые крошат в напитки хлеб, что, несомненно, не подобает делать в компании, каковая будет пить из того же стакана.

Недостойно в церкви вертеть головой и оглядываться. Это признак беспокойного ума. Также не следует принимать нескромных поз.

Грубо смеяться, спать или перешептываться с кем-либо во время святого таинства или проповеди.

Грубо приходить в церковь в яркой одежде. Скромный наряд наиболее подобает храму Божьему. Я говорю не о том, что люди должны одеваться согласно своему достоинству и положению, но о том, что не следует надевать платье с открытыми плечами или с вырезом или нечто, столь же непристойное.

Невежливо искать недостатки в проповеди и насмехаться над священником. Это не есть признак благочестия или остроумия.

Последствия парламентской унии, 1723 год
Даниель Дефо

Через пятнадцать лет после заключения парламентского союза Даниель Дефо вновь побывал в Шотландии и заключил, что последствия унии корон и парламентской унии далеко не столь благоприятны, как ожидалось. Эту точку зрения иллюстрирует составленное им описание Киркудбрайта.

Я считаю, что упадок всех прибрежных городов, которые очевидно знавали лучшие времена, более всего проистекает из того обстоятельства, что двор и знать перебрались из Шотландии в Англию; ибо когда двор находился здесь, в страну постоянно прибывали чужестранцы, в городах квартировали чужеземные посланники, а потому и знатные люди проживали в своих имениях и тратили деньги дома, покупая домашние товары. Уголь, соль, зерно и рыба обменивались на товары из-за рубежа и продавались за деньги. Они отправляли в Англию холст и иные товары и получали деньги, они строили собственные

мануфактуры, пусть не такие дешевые и добротные, как английские, но все же они обеспечивали народ работой, ибо на них трудились беднейшие из местных. Шерсть, которой у них в изобилии, шла во Францию и приносила твердый доход, свинец поставлялся в Голландию, а домашний скот и овцы — в Англию и обеспечивал приток свыше 100 000 фунтов стерлингов ежегодно.

Когда портовые города вели торговлю, двор блистал, а знать строила прекрасные дома и дворцы, богато обставленные и роскошно отделанные изнутри и снаружи. Внутренний доход был куда значительнее того, что обеспечивали чужеземные товары, и потому они жили в изрядном достатке; теперь же, когда двора нет, знать и джентри проводят большую часть времени в Англии, где обзавелись поместьями. Уния распахнула двери перед английскими мануфактурами и разорила местные, запретила продавать шерсть за рубеж, а дома потребность в ней невелика. Домашний скот везут в Англию и деньги тратятся там же. Шотландия поставляет солдат для английской армии, не получает дохода с набора, как было прежде и как заведено сейчас в Швейцарии и некоторых других странах…

Галлоуэй, как я упоминал ранее, начинается

от моста Дамфрис, а первый город на побережье — это Киркудбрайт, или, как называют его простецы, Киркудбри. Следует признать, что этот город повергает в растерянность любого чужака, в особенности же того, чья обязанность, как моя, — наблюдать.

Город красив, и в то же время в положении городских дел нет ничего красивого. Тут мы имеем гавань без кораблей, порт без торговли, рыбацкие лодки на суше и людей, не занятых делом; а хуже всего то, что они, как мне представляется, и не желают заниматься делом. Мне показалось, что в Киркудбри живут добрые христиане, которые следуют заповедям, знают Библию едва ли не наизусть и довольствуются тем, что имеют. Они обладают всем, что необходимо для торговли, но не испытывают желания торговать. Иными словами, у них нет и подобия стремления к достатку, богатству и процветанию. Здесь протекает чудесная река, судоходная даже для крупных кораблей, здесь есть гавань, глубокая и безопасная, как пруд в парке, ибо в устье ее находится островок Росс, который препятствует буйству западного и северо-западного ветра и разбивает прибой, так что когда на море штормит, в гавани почти всегда спокойно. Но увы! Тут нет ни единого суде-

нышка, какое заслуживало бы названия корабля, и хотя тут отменно ловится лосось, рыбы едва ли не сами выпрыгивают из воды в руки, люди не обращают на них внимания, как если бы эта рыба ничего не стоила. Также тут можно ловить белую рыбу и сельдь, но и эти породы не ловят. Если кратко, все города Северной Британии меня поразили: они так близко к Англии, что просто дико не воспользоваться преимуществами, дарованными самой природой, однако никто ими не пользуется. Можно сказать, что это своего рода домашние Индии, богатство которых ожидает своих покорителей, золотые залежи, еще никем не раскопанные.

Верно, причина этого отчасти очевидна, а именно — бедность; нет денег, чтобы строить корабли, нанимать моряков, покупать рыболовные сети, заготавливать пойманную рыбу или везти ее на рынки, и это не позволяет развивать промышленность и лишает желания что-либо делать вообще. Нам говорили, что бедность порождает лень, и это, безусловно, справедливо; в Киркудбри есть два или три купца, не утративших пыла, они строят для нас корабли и лодки, и местные, что у них трудятся, столь же прилежны и работоспособны, как любые другие люди;

если же кто-то ленится, его быстро заставляют перемениться, и люди ощущают свою выгоду, у них появляются средства на собственные лодки, а купцы покупают рыбу, и чем больше денег, тем охотнее все трудятся. Но торговать без дохода, работать без платы, ловить рыбу только для того, чтобы она сгнила — все равно что требовать работы от безрукого или ходьбы от безногого; так что именно бедность вынуждает всех этих людей бездельничать.

И как у простых людей нет рук (то бишь желания) для работы, так у джентри нет желания торговать; они презирают торговлю, хотя собственные наделы не в состоянии их обеспечить, и не хотят ничем заниматься, предпочитая отправлять сыновей в солдаты (а шотландская пехота нынче, смею сказать, не самая лучшая на свете, судя по отношению к ней офицеров), а не обучать их торговле, или же посылают их в море, поскольку морская служба вполне достойна джентльмена.

Иными словами, простые люди по всей стране не только бедны, но и выглядят таковыми, они словно утратили душевные силы, отказались от всех надежд и уже не уповают стать кем-то большим. Этот народ здравомыслящий, суровый

и религиозный, пожалуй, даже более суровый, чем в остальной Шотландии, не говоря уже об Англии; разговоры тут недолгие и конкретные, собраний не созывают и балов не устраивают, и, в отличие от Англии, на улицах не услышишь божбы или сквернословия, а если вдруг какой мальчишка выбранится, любой джентльмен, оказавшийся рядом, поколотит его тростью; тогда как в Англии нет ничего привычнее уху, нежели жуткие клятвы и богохульства на улицах, причем тешатся этим даже малые дети, каковые едва ли понимают, о чем говорят.

Увы, этого мы никогда, мне кажется, не сможем исправить, а в Шотландии, особенно в этой ее части, ничего исправлять и не нужно.

Мятеж Портеуса, 14 апреля 1736 года
Преподобный Александр Карлайл

В день казни Эндрю Уилсона, контрабандиста, которому весьма сочувствовали в народе (его вина состояла в том, что он ограбил таможенника), на улице Грассмаркет в Эдинбурге расставили вооруженных стражников, опасаясь мятежа. Когда Уилсона повесили, толпа словно обезумела, и капитан Джон Портеус, начальник стражи, велел своим людям стрелять. Около тридцати человек были убиты и ранены, а Портеуса арестовали, судили и приговорили к смерти. В последний миг его помиловали, однако толпа ворвалась в тюрьму Толбут, выволокла Портеуса наружу и устроила самосуд. Александр Карлайл, позднее священник в Инвереске, был в ту пору школьником и наблюдал все случившееся воочию.

Я был свидетелем весьма неординарного события, каковое произошло в феврале или марте (так у автора. — ***Ред.)*** 1736 года, и это было бегство Робертсона, осужденного преступника, из церкви

Толбут в Эдинбурге. В те дни было в обыкновении привозить преступников, приговоренных к смерти, в эту церковь на публичную службу в воскресенье, и священники в своих проповедях особо обращались к ним, что, помимо торжественности обстановки, оказывало немалое воздействие на присутствовавших. Робертсон и Уилсон были контрабандистами, их осудили за ограбление таможни, где хранилась часть их товара; подобное преступление, по мнению публики, в те дни не заслуживало столь сурового наказания. Знакомый привел меня в церковь в воскресенье накануне казни. Мы пришли пораньше, через дверь со стороны Парламентского переулка, чтобы увидеть, как привезут осужденных, и уселись на скамью прямо перед кафедрой. Вскоре после этого через дверь со стороны Толбута ввели осужденных и поставили у скамьи неподалеку. С ними были четверо солдат, Робертсон стоял у начала скамьи, а Уилсон рядом, двое солдат расположились рядом с Уилсом, а еще двое — на скамье за ним.

Зазвонили колокола, двери распахнулись, и люди начали заполнять церковь. Робертсон увидел возможность бежать, внезапно перескочил через скамью и кинулся в проход, который вел к двери в Парламентский переулок; никто не

успел его перехватить, и он исчез; сделать это было тем проще, что всеобщее внимание было приковано к Уилсону, который попытался последовать примеру товарища, однако был схвачен ими, но сопротивлялся долго, так что когда двое стражников наконец побежали за Робертсоном, было уже поздно. Говорили, что Уилсон нарочно схватился со стражниками, чтобы его товарищ успел ускользнуть. Возможно, так и было, однако он явно был не прочь сбежать сам, поскольку я видел, как он поставил ногу на скамью, собираясь прыгнуть, и тут солдаты потянули его назад. Уилсона немедленно вывели из церкви, а о Робертсоне, который проскочил переулок и выбежал на Коугейт, не было с тех пор ничего слышно, покуда он не объявился в Голландии. Это событие вызвало переполох и изрядное сочувствие публики к бедняге, не сумевшему сбежать; вдобавок из них двоих он был приятнее на вид; возможно, это как-то сказалось на последующих событиях, ибо, когда Уилсона несколько недель спустя собрались казнить, пошли слухи о восстании, и городской совет распорядился выставить у места казни городскую стражу.

Был некий капитан Портеус, который за безупречную службу в армии получил пенсию, а

позднее согласился за половину этой суммы возглавить городскую стражу. Этот человек, весьма сведущий и искусный во многом, особенно в гольфе и в поведении, подобающем джентльмену, был принят в общество тех, кто превосходил его знатностью, что преисполнило его высокомерием и усугубило природную раздражительность, так что в Эдинбурге его сильно боялись и ненавидели. Когда настал день казни, слухи о восстании усилились; провост и магистраты (сами по себе не слишком крепкие умом) сочли, что стоит вызвать к месту три или четыре отряда пехотного полка, каковой стоял на Кэнонгейт, и расположить их на Лоунмаркет, улице, которая вела от Толбут к Грассмаркет, дабы напугать толпу. Портеус, разъяренный, как говорили тем, что ему выказали недоверие (дескать, его стража не способна справиться сама), и подогревший свой гнев вином — как было заведено, он обедал между часом и двумя часами дня, — окончательно вышел из себя, когда мимо них с осужденным промаршировали по улице три отряда пехоты.

Окна дома мистера Бейли выходили на северную сторону Грассмаркет, так что его ученики, и я в том числе, сидевшие на втором этаже, в семидесяти или восьмидесяти ярдах от места казни, все

отлично видели; надо признать, я заранее испытывал отвращение, поскольку уже видел казнь в Дамфрисе… и она меня потрясла. Мы расположились у окон, некоторые потом передумали и ушли на лестницу, где окошко было на два фута ниже нашего. На улице, длинной и широкой, собралась огромная толпа. Церемония шла, как ей положено, а Уилсон держался так, как обычно держится человек в его положении. Не было и намека на попытку спасти его, но вскоре после того, как палач исполнил свой долг, на него кто-то напал, как часто случается, и какие-то мерзавцы принялись кидаться камнями и грязью. Но никто не пытался прорваться через цепь стражников и освободить осужденного. В целом, степень насилия вполне соответствовала той, каковая обычно сопровождает подобные действа. Портеус, однако, разгоряченный вином и завистью, приказал страже стрелять, а мушкеты их были заряжены дробью; когда же солдаты попытались отказаться, он жестом велел им не спорить, и лицо его сделалось поистине устрашающим. Они подчинились и выстрелили; но, желая причинить горожанам как можно меньший урон, многие из них задрали стволы, вследствие чего были ранены многие из тех, кто наблюдал из окон; а

один наш соученик погиб на месте у лестничного окна, пораженный в голову... Мы видели, как мужчины и женщины попадали на мостовую, решили сперва, что это они от страха и от того, что все вмиг бросились бежать и толкали друг друга. Но когда толпа рассеялась, мы увидели, что остались лежать убитые и раненые, так что сомнений в случившемся у нас не осталось. Говорят, погибли восемь или девять человек, вдвое больше получили ранения, но точное число так и не установили.

Это беспричинное зверство разъярило людей до крайности, и степень их гнева и горя была очевидна по тому настроению, каковое овладело горожанами. Наш наставник сказал, что предпочел бы развести нас по домам, но не смеет выйти на улицу, чтобы выяснить, безопасно ли это. Я вызвался сходить на разведку, благополучно вышел и вернулся и сообщил, что мы вполне можем добраться до нашего дома на Лоунмаркет...

Завершение этого дела было следующее: Портеуса осудили и приговорили к повешению, но благодаря вмешательству нескольких судей он получил королевское помилование. Магистраты, которые в этом случае, как и в предыдущем, не проявили предусмотрительности, приказали

переправить его в замок, где он был бы в безопасности. Но нашлись люди, отважные и никому не ведомые, которые устроили заговор, чтобы сорвать сей план: они ворвались в тюрьму ночью накануне назначенного дня казни и произвести самосуд. Это произошло ночью, между восемью вечера и двумя часами утра, и все было устроено столь ловко и хитроумно, что они не встретили ни малейшего сопротивления, хотя на Кэнонгейт стояли пять отрядов пехотного полка.

Битва при Престонпэнсе, 21 сентября 1745 года
Преподобный Александр Карлайл

Якобитское восстание 1745 года, которое возглавил Младший Претендент, он же Красавец Принц Чарли, началось весьма успешно. Одним из важнейших его этапов стала битва при Престонпэнсе, когда было разгромлено войско генерала Коупа. Александр Карлайл записался в ополчение и принимал участие в безуспешных попытках горожан защитить Эдинбург от приближавшихся мятежников. Ополченцы не представляли собой угрозы. Их конный отряд обратился в бегство, приняв крики своего товарища, провалившегося в угольную яму, за шум наступающего врага: «Он кричал так громко, что люди, уже двое суток пребывавшие в панике, попросту ускакали прочь». Накануне подхода якобитов эдинбургское ополчение встало лагерем у Престонпэнса в ожидании битвы, а Карлайл заночевал в доме своего отца в этом городке, предвкушая завтрашний день.

Я велел служанке разбудить меня, когда начнет-

ся сражение, и мгновенно погрузился в глубокий сон. Будить меня не пришлось, пусть служанка и не прозевала нужный миг, ибо проснулся я от пушечного выстрела и сразу же принялся одеваться; поскольку у меня не было ни ремня, ни перевязи, одевание не отняло много времени, и я поспешил к отцу… Отец встал еще до рассвета и ушел в церковь. Пока я беседовал с матушкой, он вернулся и сообщил то, о чем я уже догадался — что мы наголову разбиты. Я выбежал в сад, в юго-восточном углу которого имелось возвышение, откуда открывался вид на поле, где и разворачивалось сражение. Даже спустя всего десять или пятнадцать минут после первого выстрела поле было усеяно бегущими людьми, а горцы их преследовали. Многие безнадежно сдавались, однако иные все еще пытались добраться до города. Преследователи, когда видели, что не могут кого-то догнать, попросту стреляли в спины, и я увидел, как двое бегущих упали. Вот показался офицер, в котором я узнал лорда Элко, и лицо его пугало и отвращало яростью, на нем написанной. Он приблизился ко мне и сурово спросил, где найти трактир, а я ответил ему со всем смирением, ничуть не сомневаясь, что, если ему не понравится мой тон, меня угостят пулей.

Бегущие тоже приближались, вместе с преследователями, их стоны и предсмертные вопли было не сравнить с завываниями женщин, которые оплакивали погибших; эти звуки подрывали мужество и лишали силы духа. Вскоре показался герцог Пертский со свитой и спросил, вполне дружелюбно, где дом мистера Чипа, куда приказали поместить раненых офицеров. Зная, что семейство покинуло сей дом, я подробно ответил на вопрос, стараясь не вызвать у собеседника раздражения или, паче того, гнева. Дом мистера Чипа находился совсем близко от того места, где я заночевал.

Мятежная армия наступала тремя отрядами, один из которых двигался прямо на наши пушки, а два других пересекли Морасс у Ситон-хауса, потом один повернул на север к Порт-Ситону, где поле простиралось широко, чтобы зайти нам в тыл, но сбился с пути и схватился с немногочисленной охраной обоза у Кокензи; второй же отряд прошел через поле и на рассвете напал на нас. Выстрелив единожды из пушек, они обнажили клинки, и наши люди побежали. Драгуны полковника Уитни, который был ранен, попытались было контратаковать, но были смяты и поскакали через овраг между Престоном и Бэнктоном к

Долфингтону, до коего было с пол мил и; полковник Гардинер со своим полком тоже предпринял атаку, но за ним двинулись всего одиннадцать человек… Он отважно бился и многократно был ранен, пока его наконец не поверг наземь удар горского клинка. Его перенесли в дом священника в Траненте, где он пролежал почти месяц… Некоторые драгуны бежали до самого Эдинбурга, и один из них целый день простоял у ворот замка, поскольку генерал Гест не пускал его внутрь. Изрядное число драгун сошлось у Долфингтона, там к ним присоединился и Коуп, и, как говорят, лорд Драммонд предложил вернуться и напасть на врага, суля победу, покуда горцы заняты грабежом. Но его красноречие подействовало на них не более, чем юношеский пыл графов Хоума и Лаудона. После короткой передышки они поскакали через Фолсайд-Хилл к Лодеру. Сэр Пейтер Хокер, капитан полка Ли, приложил руку к тому, чтобы прочие сумели уйти: закрепившись у канавы на Транентском лугу, он обстреливал мятежников, покуда те не позволили ему сдаться на его условиях.

Мой отец в это время сильно тревожился, что мятежники могут дурно обойтись со мной, если узнают, что я был ополченцем; поэтому он рас-

порядился оседлать лошадей и сказал мне, что дорога к морю открыта, и мы можем ускользнуть берегом; мы сели на коней, наскоро попрощались с матушкой и младшими детьми и поскакали к морю, стараясь, чтобы нас не заметили. Нам удалось без помех добраться до гавани Порт-Ситон, где пришлось свернуть, поскольку отец приметил вдали отряд горцев, преследовавший несколько обозных повозок, что пытались улизнуть; они настигли повозки и, когда возница первой не подчинился требованию остановиться, попросту его застрелили. Это настолько напугало моего отца, что он немедля развернулся и поскакал обратно. Очутившись снова дома, я поспешил скинуть сапоги, чтобы сойти за человека, который никуда не уезжал. Потом я предложил пойти в дом мистера Чипа и помочь врачам, Каннингему и Троттеру, с первым из которых я был знаком… Войдя в дом, я сказал Каннингему (впоследствии лучшему хирургу Дублина), что пришел помочь, и, хотя я не врач, справлюсь, верно, получше какого-нибудь слуги. Они охотно приняли мою помощь, но я сгодился лишь на то, чтобы найти баул с хирургическими инструментами, без которых они были как без рук. Я с готовностью принялся его разыскивать, а еще

мне придали охранника. Я не ожидал, что на стук в дверь выйдет офицер-горец, которого звали капитан Стюарт. Он выглядел привлекательно, держался строго и вежливо. Он сказал, что подберет мне охранника, и отправил куда-то слугу с посланием. Тем временем я увидел миловидного юного офицера, лежавшего на кресле-качалке и, очевидно, умиравшего. Мне показали ящичек с куском его черепа, около двух пальцев шириной и дюйма полтора в длину. «Он умрет», — сказал я. «Нет, — возразил Каннигем. — Мозг не поврежден, как и другие важные органы; он молод и крепок, и если отыщутся мои инструменты, то за его жизнь опасаться не придется». Этот юноша был капитан Блейк. Тут вернулся посыльный капитана Стюарта, он привел стройного и хорошо одетого горца, вооруженного мушкетом, кинжалом и мечом. Капитан Стюарт отдал ему приказ, и мы отправились на поиски…

Вскоре мы пробрались в Кокензи, где, под защитой своего охранника, я имел возможность разглядеть победителей. В целом они были невысоки ростом и весьма грязны, так что не производили внушительного впечатления. Офицеры, которым меня представили, выглядели, впрочем, и держались, как джентльмены, поскольку я

был послан с гуманной миссией. Меня провели к Лохиелю, блестящему и дружелюбному, и тот приказало солдату немедленно отыскать медицинский баул хирурга драгун. После часа поисков мы вернулись с пустыми руками, да и впоследствии поиски тоже оказались безуспешными. То, что я видел в армии мятежников, убедило меня, что лишь наша собственная слабость и непригодность к войне не позволили нам одержать над ними победу. Да не попустит Господь, чтобы Британия когда-либо снова оказалась во власти этакого недостойного врага; в ту пору горцы были всего-навсего сбродом, но в храбрости им никак не откажешь.

Битва при Куллодене, 16 апреля 1746 года
Полковник Кер из Градина

Битва при Куллодене, в которой армия герцога Камберленда разгромила якобитские силы, ознаменовала конец восстания. Наголову разбитые, сторонники принца Чарльза укрылись в горах, а их недавний вождь затаился в ожидании дня, когда сможет тайком покинуть страну. Роберт Форбс, священник епископальной церкви Шотландии, собрал многочисленные свидетельства о восстании. Разумеется, в этих воспоминаниях много достаточно вольных интерпретаций фактов, да и неточностями они грешат изрядно, однако отчет о битве при Куллодене, составленный полковником Кером, близким к принцу человеком, считается вполне надежным источником. При этом отчет Кера кажется почти скучным применительно к событиям, которые в нем описаны; такова цена, заплаченная за честность и достоверность.

Во вторник, 15 апреля, армия вышла на пустошь, около мили к востоку от Куллоден-хауса,

где и выстроилась в боевом порядке и стала ждать подхода герцога Камберленда. К нам присоединились люди Кеппоха из Форт-Уильяма, а принц, обойдя солдат, с радостью убедился, что люди не утратили боевого духа, несмотря на то, что рацион составлял всего одну лепешку на человека в день, да и в средствах мы были стеснены.

Принц, которому сообщили, что герцог Камберленд остановился в Нэйме и что корабли с продовольствием подойдут под вечер к Инвернессу, созвал военный совет; после жарких споров — хотя не присутствовали ни граф Кромарти, находившийся в плену, о чем, впрочем, не ведали, ни Макферсоны, ни главные из Фрэзеров — было решено выступить и попытаться застать герцога врасплох (до Нэйма было около двенадцати миль).

Мы двинулись между семью и восемью часами вечера; первой колонной командовал лорд Джордж Мюррей, а второй сам принц. Быстро стемнело, поэтому несколько раз мы останавливались, поджидая отставших. Примерно на половине пути лорд Мюррей приказал полковнику Керу, одному из адъютантов принца, скакать в конец колонны и передать офицерам соответствующие распоряжения относительно

плана нападения: сочли, что лучше не стрелять, а взяться за мечи, чтобы враг долее пребывал в неведении.

Когда Кер вернулся в голову колонны, чтобы сообщить лорду Мюррею об исполнении приказа, он увидел, что армия остановилась чуть к востоку от Киравок-хауса, и между офицерами идет спор, следует или нет двигаться далее (до лагеря неприятеля в Нэйме оставалось не более четырех миль) или же лучше вернуться в Куллоден, поскольку темноты оставалось не больше часа, а если не подобраться к противнику до того, как начнет светать, о неожиданном нападении уже говорить не придется, да и неприятель уже успеет вооружиться, поскольку было известно, что Камберленд собирался выступать рано поутру.

Герцог Пертский и его брат, лорд Джон Драммонд, которого прислали опекать принца, вернулись к лорду Мюррею. Лохиель и прочие, которые ехали впереди, прослышали о том, что между колоннами образовался разрыв и его вряд ли удастся сократить до рассвета, а потому решили вернуться в Куллоден, что и было сделано, пусть, как говорят некоторые, и вопреки желанию принца. Возвращались самым коротким путем, мимо церкви в Крое, всего в двух милях от места

остановки, и все же солнце успело взойти прежде, чем передовые части пришли туда, так что стало окончательно ясно — на то, чтобы застать врага врасплох, как предполагалось, рассчитывать не приходилось.

Из Кроя мы двинулись к Куллодену, откуда большинство, как офицеры, так и солдаты, ушли к Инвернессу и в другие места в поисках продовольствия, какового отчаянно не хватало. Принцу с немалыми трудами раздобыли в Куллодене немного хлеба и виски, он немного передохнул после ночного марша — и получил донесение разведки, что враг на подходе; посему тем, кто находился поблизости, приказали вооружиться, а нескольких офицеров отправили в Инвернесс и в соседние поселения, чтобы они отыскали наших фуражиров. Те, кто находился в Куллодене, выдвинулись к пустоши, где к ним присоединились три сотни Фрэзеров, а полковник Кер поехал изучать вражескую диспозицию. Вернувшись, он сообщил принцу и лорду Мюррею, что неприятельская пехота идет тремя колоннами, а конница держится слева, и они способны мгновенно выстроиться в боевой порядок.

Принц приказал построиться двумя линиями, а нашу малочисленную конницу оставил в

тылу на флангах, пушки же велел разместить в первой линии, что было нелегко сделать по причине отсутствия лошадей. Времени выдвигаться на позицию, на которой стояли накануне, уже не было, потому расположились на милю западнее, имея на фланге первой линии скалы; вторая линия встала на положенном расстоянии позади. Разведчики осмотрели скалы, которые спускались к реке Нэйрн, и удостоверились, что лазутчиков врага там нет; чтобы оттуда никто не мог угрожать нашему правому флангу, в скалах разместили два батальона, поручив им также наблюдать за перемещениями неприятеля.

Герцог Камберленд построил свой фронт и приблизился на расстояние пушечного выстрела, после чего остановился и стал располагать свои пушки в передней линии, каковая была шире нашей на обоих флангах; конница же по-прежнему держалась слева, лишь небольшой отряд перебрался на правое крыло.

Едва герцог разместил пушки, они открыли пальбу, на которую ответили наши орудия, а принц ездил вдоль линии и подбадривал людей, а затем подыскал себе удобное местечко (там был убит один из его слуг), чтобы наблюдать за ходом сражения, не сомневаясь, что герцог пойдет в

атаку, поскольку ветер дул нам в лицо, а с неба сыпал густой снег. Здесь необходимо заметить, что не подошли ни те, кого созвал граф Кромарти, ни Макферсоны, ни те две или три тысячи, которые были с нами вчера. Невзирая на это и на то, что пушки Камберленда выкашивали наши ряды, лорд Джордж Мюррей, который командовал правым крылом, послал полковника Кера к принцу узнать, следует ли начинать наступление, и принц ему разрешил.

Поскольку правое крыло выдвинулось далее левого, полковник Кер поскакал налево и передал приказ герцогу Пертскому, который там командовал, наступать, а сам вдоль линии поехал направо, где находился атакованный неприятелем лорд Мюррей с людьми Атолла… каковые сумели с присущей им отвагой (да и вся линия им не уступала в доблести) прорвать линию Камберленда в нескольких местах и захватить две вражеские пушки. Хотя неприятель окружал их с боков и надвигался спереди, они под непрерывным огнем дошли почти на расстояние штыкового удара, а врага не видели из-за дыма, покуда тот не выстрелил. В начале наступления Кэмпбеллы ухитрились разрушить значительную часть укрепления, которое возвели в скалах,

и драгуны герцога пробрались к нам в тыл, а те два батальона, которые поставили вести дозор, ни разу не выстрелили. Когда это открылось — и под огнем вражеской пехоты, — силы принца пришли в совершенное расстройство, из-за чего разгром сделался неизбежным.

Принц отступил вместе с несколькими верными людьми, пересек вброд Нэйрн, дороги между Инвернессом и Коррибрей, никем не преследуемый; позже он расстался со своими спутниками, забрав лишь лошадей Фицджеймса, и двинулся вверх по течению, а прочие поскакали к Рутвену из Баденоха, у которого и провели несколько дней, ожидая ответа на свое письмо принцу; когда же истек назначенный срок ожидания, все разошлись, и каждый отныне стал сам по себе.

После Куллодена, апрель 1746 года
Роберт Форбс

Самая же скорбная страница сей истории еще впереди. Я разумею жестокости и зверства королевских сил, заливших нашу страну кровью после битвы. Не могу точно сказать, сколько дней мертвые тела пролежали на поле, радуя взор безжалостного победителя; но их не позволяли хоронить, покуда трупная вонь не заставила это сделать. Тем временем солдаты, подобные хищникам или стервятникам, рыскали по полю, убивая тех, кто еще не скончался от ран, и лишь в некоторых случаях оказывая помощь, а иначе многие из тех, о ком они таким образом позаботились, могли бы выжить и поправиться. Дом, в который в ходе битвы сносили раненых, они попросту подожгли, и все в нем сгорели заживо, в том числе полковник Орелли, достойный джентльмен, состоявший то ли на французской, то ли на испанской службе.

Некий мистер Шоу, младший Кинрара из Баденоха, оказался в другом таком доме вместе

с прочими ранеными, с ним был и его слуга, который, будучи ранен в руку, мог бы уйти, но предпочел остаться со своим хозяином. Пресвитерианский священник в Петти мистер Лохлан Шоу, будучи двоюродным братом упомянутого Кинрары, добился у герцога Камберленда позволения вызволить своего родича по причине услуг, каковые он оказывал правительству (он отговорил многих своих прихожан от поддержки принца, а еще, как мне говорили, сообщал герцогу обо всех передвижениях принца). В субботу после битвы он отправился туда, где находился его родич, намереваясь забрать того и отвезти к себе, но увидел, как взвод под командой офицера расстреливает раненых горцев, которые укрывались в том доме; подъехав, ближе, он увидел, что среди несчастных — его родич вместе со слугой.

Я спросил, правда ли это, у самого мистера Шоу, и он подтвердил, а также сообщил мне точное число погибших; когда же я спросил, известно ли ему о других подобных случаях, он ответил, что, по его сведениям, таковых было никак не меньше двадцати. В Инвернессе между тем вешали дезертиров, это были те, кому полагалось вступить в армию по закону военного времени; правительство отказывалось помиловать кого-либо

из них под тем предлогом, что нельзя проявлять жалость к врагу. И такую радость доставляли победителям тела на виселицах, что казненных не хоронили, покуда все виселицы не оказались занятыми, так что, как мне сообщали, иногда висели одновременно четырнадцать тел…

Как обращались с пленными, можно судить по тому, что я поведал выше; думаю, никогда прежде не случалось подобных зверств. Несколько дней после битвы люди не отваживались приближаться к пленным или как-то им помогать, и потому они, особенно раненые, пребывали в жутчайшем состоянии. А после того, как их перенесли на корабли, они стали умирать каждый день, и их сбрасывали за борт, точно дохлых псов, причем некоторые, как мне говорили, были еще живы; один сброшенный якобы сумел выплыть и добрался вплавь до Кесска, но за достоверность этого известия я не поручусь. Наилучшее представление об обращении с пленными дает отрывок письма, которое лежит передо мной. Написал его некий Уильям Джек, некогда купец, затем посланник в Элгине, сопровождавший принца и захваченный спустя несколько недель после битвы, а потом доставленный на корабле из Инвернесса в Лондон…

«Господа, сие письмо поведает вам, что я провел в море восемь месяцев и восемь дней, и на протяжении восьми недель мне в день выдавали полфунта и двенадцать унций овсяной муки и бутылку воды… На борту нас было сто двадцать пять человек, погруженных в Инвернессе… В конце июня нас переправили на транспорт, там пленных насчитывалось четыреста пятьдесят душ, и на этом транспорте мы отплыли в Лондон… Наше питание составляли двенадцать унций овса в день. Когда мы наконец сошли на берег, нас насчитывалось всего сорок девять, что было ничуть не удивительно, если вспомнить, как с нами обходились. Нас привязывали веревкой к бушприту, чтобы омыть наши раны, а потом привязывали к мачте и пороли, если наше поведение чем-то не нравилось охранникам, и при этом многие были в таком состоянии, что не могли даже стоять… Оставлю читателям моего письма судить, сколько человек могли выжить при подобном обращении. Спать нам приходилось на досках, всю одежду у нас забрали. Корабль был гружен землей и галькой, и мы копали в грузе ямы и забирались в них, чтобы согреться, и только 1 ноября каждый пленник получил около трех гроссов соломы и мешковину… Не стану более

докучать вам своими воспоминаниями. Ничего более страшного я не видывал…»

Якобитские сироты, 1746 год
Джон Макдональд

Воспоминания сына якобита, погибшего при Куллодене, позволяют составить более полное представление о тех временах. Джон Макдональд был четвертым по старшинству из пяти детей. Когда его мать умерла, отец присоединился к армии принца Чарльза; последнюю весточку от него дети получили из трактира «Гулен инн» в Эдинбурге. Одного ребенка приютила соседская семья, прочие же остались на попечении служанки, которая вскоре сбежала от них вместе со своим возлюбленным.

Моя сестра вбила себе в голову, что должна отправиться в Эдинбург и разыскать нашего отца. Она забрала все деньги, какие смогла найти, это были четырнадцать шотландских фунтов, то есть двадцать три английских шиллинга и четыре пенса; с этим и письмом нашего отца она ушла в Эдинбург в середине сентября 1745 года. Что касается нас всех, вот наша семья: Китти, четырнадцать лет; Дункан, который остался с Бойдами, почти одиннадцать; Дэниел, семь; я,

четыре с половиной; Александр, два с половиной года. Сестра выбрала для ухода лунную ночь, чтобы нас не попытались остановить, и, преодолев пешком девять миль, к завтраку добралась до Инвернесса. Она несла на спине малыша, Дэниел тащил узелок с едой, а я бежал сбоку. Таким вот манером мы достигли Эдинбурга, до которого от Инвернесса сто пятьдесят миль, за два месяца.

В том, что с нами ничего плохого не случилось, налицо Промысел Божий, ибо Господь заботится о чадах Своих, коим не на кого уповать, кроме Него. По пути все удивлялись нашей молодости. Когда деньги закончились, нам пришлось просить подаяние. Одни относились к нам по-доброму, другие, кто был против принца, гнали нас прочь. Одна добрая женщина дала нам мешочек муки, и другие, даже прогонявшие нас, тоже давали еду. Еще она подарила нам деревянную тарелку, в которой сестра готовила похлебку, когда ее пускали в чей-нибудь дом или позволяли испечь овсяных лепешек. Чаще всего питались мы похлебкой и молоком или лепешками с молоком, а порой находились добрые люди, которые угощали нас куском мяса. Если шел дождь, мы оставались на месте и ждали, бывало, по два или три дня. Пусть приходилось попрошайничать, за нас было то

обстоятельство, что одеты мы были просто, но с достоинством, поскольку наш отец никогда на нас не скупился; мы выглядели детьми джентльмена, и это нам изрядно помогало…

Мы не трогались в путь, если с неба лил дождь, а в солнечные дни дурачились и веселились до самого вечера. Если нам не удавалось найти кров для ночлега, сестра укрывала нас пледами, а сверху насыпала веток, которые срезала своим ножом. Когда приходилось переходить вброд ручей или речку, сестра сперва переносила моего младшего брата, потом возвращалась за мной, а последним, держась за ее руку, переходил Дэниел. Однажды, когда она несла на руках Александра, у самого берега она оступилась и повалилась в воду; хорошо, что какой-то мужчина с берега увидел нас и прибежал спасать…

Если в хорошую погоду мы находили озерцо, сестра стирала наши рубашки и чулки, потому что запасных у нас не было. У реки с паромной переправой мы упрашивали паромщика перевезти нас на другой берег. Так мы добрались до Перта, где провели неделю или две. Письмо нашего отца к этому времени настолько истрепалось, что его едва ли можно было прочесть, но некий джентльмен согласился по доброте душевной переписать

его набело. Из Перта мы пошли в Кингхорн, где пробыли несколько дней, прежде чем двинуться к Лейту. Джентльмен, севший вместе с нами в лодку, оплатил наш проезд. А прежде чем мы сошли на берег, тот же джентльмен предложил пассажирам скинуться на питание, и мы получили полкроны. В Лейте мы заглянули в едальню и за пять пенсов наелись хлебом, мясом и похлебкой. (В те дни можно было отлично пообедать и за два пенса.) После еды мы пошли к Эдинбургу, до которого оставалось полторы мили.

Позволь уточнить, читатель, что описанным выше я обязан своей сестре, ибо сам был слишком мал, чтобы все это запомнить. Когда мы шли к Эдинбургу, нас окликнула крестьянка, она спросила сестру, кто мы такие и куда идем. Сестра все ей рассказала. Крестьянка же поведала нам, что принц покинул Эдинбург вместе со своей армией. Услышав это, мы без сил опустились наземь и расплакались, и женщина нас пожалела и отвела к трактиру «Гулен инн». Мистер Гулен и прочие в трактире немало нам удивились. Мистер Гулен нас накормил и сказал сестре, что пристроит нас в работный дом… Моя сестра и слышать не хотела о работном доме, а потому мы поспешно ушли из трактира. Мы дошли до конца Кэнон-

гейт, разглядывая вывески, экипажи и лошадей. В дверях дома по соседству с особняком герцога Куинсберри стояла женщина, которая, завидев детишек в горской одежде, впустила нас внутрь и принялась расспрашивать… Она была вдовой и сдавала комнаты, ее муж, пока не умер, был вождем клана Макдональдов, что обитал недалеко от деревни, в которой мы родились. Женщина позволила нам провести ночь в чулане на старых тюфяках и дала одеяло укрыться…

На следующее утро мы ушли из дома и вернулись только к вечеру, и так продолжалось пять дней… Мы с Дэниелом однажды утром пошли поиграть с соседскими мальчиками, а сестре было не до нас, потому что она присматривала за малышом; так что виделись мы редко. Все было хорошо, покуда не случилось одно происшествие, которое нас разлучило. Графиня Мюррей, имевшая особняк на Кэнонгейт, возвращалась в запряженном шестеркой экипаже, а моя сестра с малышом за спиной переходила улицу, и экипаж задавил их обоих. Сестра и брат закричали от ужаса, люди вокруг завопили: «Стой! Стой!», а графиня Мюррей потеряла сознание. По счастью, когда Китти и Александра поставили на ноги и осмотрели, выяснилось, что они целы, лишь

напуганы. Их отвезли в дом графини и надлежащим образом о них позаботились. Потом леди Мюррей приставила к Александру няню, а некий мистер Вернон, англичанин, дворецкий лорда Мюррея, получивший от своего хозяина немалый достаток, взял сестру в услужение и приодел ее. Так мы расстались с Китти и Александром. Что же до нас с Дэниелом, мы продолжали попрошайничать и играть, скитались по стране, ночевали на сеновалах и в амбарах; в городе же мы спали на лестницах, ведь в Эдинбурге, как и в Париже с Мадридом, многие большие семейства живут на одной лестнице. Свою дверь они закрывают, зато общая дверь всегда нараспашку. В то время бедные дети, каковых после восстания было множество, верили, что врачи приходят по ночам и забирают спящих, а рты им заклеивают пластырем, чтобы они не кричали, а потом расчленяют… Так что когда мы ночевали на лестнице, один спал, а другой нес дозор.

Позднее Джон Макдональд был слугой, ливрейным лакеем и цирюльником, услугами которого пользовалась знать по всей Европе. Он прославился и как первый лондонец, укрывшийся от дождя под зонтом.

Предрассудки и наказания, 1754–1777 годы
Преподобный Джон Милл

Ревностный христианин, шетландский священник Джон Милл вел дневник, в котором о дьяволе рассуждал столь по-свойски, как если бы тот был одним из его прихожан. Второй отрывок из его дневника поистине ужасен.

Я оставил жену в Лервике, покуда дом не приведут в порядок; почему-то я полагал, что женитьба избавит меня от большинства житейских затруднений, но вскоре выяснилось, что это вовсе не так. Стоимость ремонта дома возросла, однако с этим мы справились. Куда тяжелее нам пришлось с напыщенными и вороватыми слугами, которые тащили все, что попадалось под руку, словно были дикарями, а не добрыми христианами. Моя жена, будучи изящного телосложения, не могла вынести этакого поведения со стороны людей, которые словно не боялись ни Господа, ни хозяина. По счастью, отыскался способ распорядиться землей, и я рассчитал всех слуг, кроме одного, из-за чего доход увеличился, а забот стало меньше.

Я также прилагал немалые усилия, чтобы стать своим для паствы, и это привело к благоприятному исходу, хотя и было нелегко. Обстоятельства вынуждали меня бороться с многочисленными суевериями, особенно в отношении причастия, каковое паства моя воспринимала как наделение колдовскими амулетами, дарующими избавление от грехов; и тот довод, что подобное лишь усугубляет их греховность, нисколько не помогал развеять иллюзии. Местные жители не желали меня слушать, пусть даже Господь насмерть поразил молодого парня, который, как говорили, пришел в церковь, хотя сам предавался блуду, и пусть я увещевал прочих внять сему примеру и покаяться в грехах.

Сатана же бесчинствовал и овладел двумя бедными женщинами и одним мужчиной. Одна из этих женщин была глухонемой и никак не отзывалась на все мои слова; когда же знакомая жестами справилась у нее, что сие значит, она ответила, что дьявол запрещает ей говорить, что я и подозревал. Но потом дьявол заговорил ее устами… Он сказал, что я обманул его, на что я назвал его отъявленным негодяем (каков он и есть, разумеется) и прибавил, что никогда и никому не лгал и лгать не намерен. Когда же я

вновь обратился к бедной женщине, он велел мне оставить ее в покое — дескать, она принадлежит ему. Я отвечал, что он не получит никого, покуда душа не окажется проклятой. Когда я молился, он препятствовал мне, но замолкал после нескольких фраз. Бедная женщина наконец оправилась и немало изумилась, когда ей объяснили, что она грубо разговаривала со мной; она не ведала, что ее устами говорил враг рода человеческого. С другой бедной женщиной случилось почти то же самое, и, будучи одержима бесом, она родила дитя, совершенно не испытывая боли.

1777 год

В июне сын мистера Джеймса Спенса из Мид-Йелла, во время школьных занятий в одиночку, хотя ему было всего 7 или 8 лет, взобрался на утес Самберг-Хед за птичьими яйцами, но сорвался и упал в море; тела не нашли, потому что, должно быть, его унесло течением. То, что это случилось в субботу, должно послужить предостережением старым и малым, в особенности же семейству Спенсов, ибо здесь мало почитают заповеди Божьи, в том числе и насчет дня отдохновения от трудов.

Шотландский театр, 1755 год
Преподобный Александр Карлайл

Трагедия Джона Хоума «Дуглас», поставленная в Лондоне в 1756 году и ставшая любимой пьесой актрисы Сары Сиддонс, потрясла публику. Однако слава к Хоуму пришла далеко не сразу. Друг драматурга священник Карлайл вспоминал в автобиографии, как они с Хоумом отправились в Лондон, чтобы показать пьесу импресарио Гаррику. Из рассказа Карлайла создается впечатление, что все прошло на удивление гладко, однако за помощь Хоуму он впоследствии подвергся преследованию со стороны церкви, а Хоум, тоже священник, предстал перед Советом шотландской церкви и был лишен сана.

Шесть или семь священников… выехали снежным февральским утром в направлении Вулерхохеда. Прежде чем добрались до места, мы выяснили, что наш бард не позаботился подобрать подходящее вместилище для своего творения и совершенно не думал о том, каким образом представить его искушенным судьям…

Трагедия лежала в кармане его плаща, в другом кармане помещались чистая сорочка и ночной колпак, словно уравновешивая друг друга, и это, конечно, было небезопасное хранилище. Наш друг… не подумал купить пару баулов, когда мы проезжали Хаддингтон. Мы сочли, что, быть может, Джеймс Ландрет, холостой священник в Симприне и клерк синода, располагает подходящей шкатулкой, ведь он же как-то передает в синод свои записи; единодушно мы свернули с дороги и полмили спустя уже были у Джеймса, какового, поначалу скрыв свои истинные намерения, убедили присоединиться к нам, а потом спросили, неужели он позволит нашему дорогому другу мистеру Хоуму везти рукопись в кармане на протяжении 400 миль. Быть может, продолжали мы, он отдаст мистеру Хоуму свой баул, а в Вулере тот купит собственный. На это мистер Ландрет охотно согласился. Но пока навьючивали пони, ему пришлось выдержать еще одно испытание: Каппл з, у которого, как всегда, не оказалось денег, хотя он тоже был холост и получал вдвое больше Ландрета, увлек последнего в соседнюю комнату и долго с ним о чем-то договаривался, так что мы стали выражать нетерпение. Впоследствии мы узнали, что Каппл з, располагая всего четырьмя

шиллингами, требовал у Ландрета полгинеи, чтобы покрыть дорожные расходы. Честный Джеймс, зная, что Джон Хоум, если не купит собственный баул, вернет ему его собственность, охотно согласился на первую просьбу, но, помня, что Каппл з никогда не возвращает долг, вовсе не желал расставаться с деньгами. Когда же он в конце концов сдался, мы продолжили путь… По счастью, река Твид была спокойной, и мы пересекли ее вброд у замка Норэм; а к четырем часам дня добрались до Вулера, где наскоро перекусили, ибо в те дни это был совсем крохотный городок; впрочем, добрая компания скрашивала нам тяготы пути.

Нас с Хоумом — а мы спали в одной комнате, даже в одной кровати, как было тогда принято — разбудил посреди ночи шум из соседней комнаты, где остановились Лори и Монтейт; мы узнали, что они поссорились и подрались, и первый столкнул второго с кровати. Уладив эту ссору, мы крепко заснули и проспали до самого утра. Позавтракав тем, что было в трактире, мы с Каппл зом, вызвавшиеся сопровождать Хоума еще два дня, поехали с ним на юг, а прочие возвратились в Бервикшир…

Мы с Каппл зом проводили Хоума до Феррихилла, это почти шесть миль, и там заночевали, а

наутро расстались; он двинулся в Лондон, а мы отправились домой. Беднягу Хоума ожидали новые унижения: Гаррик, прочитав пьесу, сказал, что она совершенно непригодна для постановки…

Шотландец встречается с Вольтером, 24 декабря 1764 года
Джеймс Босуэлл

Прославившийся как биограф доктора Джонсона, Джеймс Босуэлл был типичным представителем породы шотландских интеллектуалов. В молодости, жадно впитывая идеи и теории, он странствовал по Европе и однажды сам себя пригласил в дом Вольтера в Фернее.

Я испытывал радостное предвкушение… Землю устилал снежный покров; я жадно обозревал дикую природу и припоминал все великие мысли, какие усвоил из сочинений Вольтера. Прежде всего меня поразила церковь с надписью при входе «Deo derexit Voltaire, MDCCLXI»[8]. Его замок прекрасен. Меня встретили два или три лакея и провели в изысканно обставленную залу. С одним из них я отправил мсье де Вольтеру записку от полковника Констана из Гааги. Слуга вернулся со словами: «Мсье де Вольтер не терпит, когда его беспокоят. Он в постели». Я испугался, что не

[8] Примечания: 8
«Возведена Вольтером в 1761 году» (*лат.*).

увижу его. Тут в залу вошли некие дамы и господа, так что я на время отвлекся. Наконец мсье де Вольтер вышел из своих покоев. Я пристально его разглядывал и осознал, что на портретах он в точности таков же. Он приветствовал меня с тем великолепием, каким французы овладели в полной мере. На нем было небесно-голубое ночное платье с отделкой и парик. Он сел в кресло и за разговором жеманно улыбался. Как выяснилось, оба мы пребывали в растерянности. Мое лицо было «лицом восторженного простака».

Мы заговорили о Шотландии. Он сказал, что изданные в Глазго книги «превосходны». Я ответил: «Там находится и академия художеств, но она не преуспевает. Наша страна не склонна к изящным искусствам». Он ответил весьма непреклонно: «Конечно. Чтобы хорошо рисовать, ноги должны быть в тепле. Тяжело рисовать, когда ноги мерзнут». Другой наверняка бы ударился в пространные рассуждения о причудах нашего климата; мсье де Вольтер выразил то же самое в десятке слов…

Я сказал ему, что мы с мистером Джонсоном намереваемся посетить Гебриды, северные шотландские острова. Он усмехнулся и воскликнул: «Вот как? Что ж, а я останусь тут. Вы не

возражаете?» — «Ни в коем случае». — «Тогда отправляйтесь. Ничего не имею против».

Я спросил, говорит ли он по-английски. Он ответил: «Нет. Чтобы говорить на вашем языке, нужно всовывать язык между зубами, а я потерял все зубы»…

Вчера я вернулся в этот прелестнейший замок. Маг появился незадолго перед обедом. Но вечером он вышел в гостиную в превосходном настроении. Я присел рядом с ним и стал осторожно расспрашивать. Хотел бы я, чтобы и вы могли насладиться полетом его воображения! Он был поистине великолепен и блистал остроумием. Я убедил его произнести несколько слов по-английски, что он проделал с таким изяществом, что я поневоле то и дело восклицал: «Боже мой, изумительно!» Разговаривая на нашем языке, он словно обретал бриттскую душу. Он дерзок, остроумен, наделен юмором, позволяет себе одеваться так, что легко превосходит этим самых комичных персонажей. Он беспрерывно сквернословит, как будто обучился этому в Англии. Вот он промурлыкал балладу, затем отпустил какую-то бессмысленную шутку. Потом принялся рассуждать о нашей конституции, и эти благородные рассуждения из уст прославленного француза

были весьма приятны моему слуху. Наконец мы коснулись веры. Тут он разъярился, и все отправились ужинать. Мы с мсье де Вольтером остались в гостиной, где лежала большая Библия; и если двое смертных способны спорить яростно, у нас вышел именно такой спор. Он ратовал за одно, я же совсем за другое… Я потребовал от него признания, каких убеждений он на самом деле придерживается, и он открыл мне сердце с красноречием, безмерно меня тронувшим. Я не думал, что он способен мыслить подобным образом… Он говорил о своем чувстве — своей любви — к Верховному Существу и о том, что нисколько не желает подчиняться воле Всеведущего. Он сказал, что хотел бы творить добро, уподобляясь Творцу Благого. Иной веры он не придерживается, не тешит свой великий ум фантазиями о бессмертии души. Он сказал, что это возможно, но что ему о том достоверно неведомо. И потому его разум не способен это принять. Я был потрясен, однако усомнился в его искренности и позволил себе воскликнуть: «Вы вправду так думаете? Искренни ли вы со мной?» И он ответил: «Именем Господа — да». А потом человек, чьи трагедии столь часто воспламеняют публику в парижских театрах, прибавил с блеском в глазах: «Я много страдал.

Однако я терпеливо сношу невзгоды — как подобает не христианину, но человеку».

Новый город, 1767 год
«Шотландский журнал»

Сообщение о том, что проект архитектора Джеймса Крэйга по постройке Нового Эдинбурга удостоен премии за лучший городской проект, ознаменовало рождение современного Эдинбурга — и современной Шотландии.

Проект по расширению города Эдинбург начинает приобретать зримые очертания. Двадцатого мая парламентом был принят закон, раздвигающий городские границы; 3 июня магистраты наградили мистера Джеймса Крэйга, архитектора, золотой медалью и моделью города в серебряной шкатулке, признавая его заслуги в составлении проекта нового города; позднее началась разметка площадей; к концу июля магистраты и совет наконец-то одобрили план, и было объявлено, что на протяжении месяца, до 3 августа, противники переустройства могут выдвигать свои претензии, при условии, что таковые будут сопровождаться надлежащими обоснованиями. Уже выкуплены несколько участков, а поскольку возведение моста должно быть закончено в ближайшие два

года, можно предположить, что строительство начнется скоро, так что дома окажутся заселенными, когда мост будет завершен.

Изобретение парового двигателя, 1769 год
Джеймс Уатт

Изобретение, совершенное в 1769 году, когда Уатт чинил весьма примитивную машину Ньюкомена, стало основой промышленной революции, тягловой силой которой выступали железные дороги и пароходы. В конце жизни Уатт оказался вовлечен в многочисленные патентные диспуты, и в письме, адресованном своему другу Джону Робинсону по поводу очередного спора, он вкратце описывает, как было сделано фундаментальное открытие.

Хитфилд, Бирмингем,
24 октября 1796 года
Мой дорогой сэр…

Я был вынужден побеспокоить многих моих друзей в связи с этими треклятыми судебными делами и старался по возможности тревожить лишь тех, кто живет вблизи Лондона, однако ныне эти мерзавцы — Хорнблауэры и прочие — объединились против меня, и потому я вынужден обращаться ко всем, кто выражал готовность

помочь…

Вы увидите из бумаг, приложенных к сему письму, какие возникают возражения и каковы могут быть ответы. Я намерен прислать Вам общий ответ для Вашего правительства, как только будет готова копия. Нужно доказать, что именно я являюсь изобретателем, и что изобретение мое предназначено для сбережения потребления пара и топлива, по патенту 1769 года, и что описание достаточно подробное, чтобы механик, знакомый с устройством машины Ньюкомена, смог создать нечто подобное.

Я не изобретал сие устройство постепенно, оно открылось мне, я полагаю, целиком в те несколько часов 1765 года. Первым шагом стало понимание того, что пар является эластичным телом; 2) воду можно выталкивать через длинную трубку, а воздух — поршнем; 3) поршень также выталкивает воду; 4) для плотности можно использовать вместо воды смазку; 5) пар, а не воздух должен давить на поршень; 6) тогда цилиндр будет нагреваться.

На следующий день я приступил к работе. Кипятильня уже имелась, так что я взял у Тома Гамильтона полость двух дюймов в диаметре и фут длиной (это был цилиндр) и приделал к нему

с обеих сторон трубку, чтобы проводить пар. Еще я сделал оловянный конденсатор из насоса около дюйма в диаметре и двух малых трубок длиной и диаметром в Ув, погруженных в круглый сосуд, каковой у меня имелся. Я поместил цилиндр, привесил к поршню грузило и подал воздух и воду на поршень, каковой был полым; а когда решил, что цилиндр наполнен паром, то потянул поршень, и грузило последовало за ним, к моей несказанной радости, и все это произошло в ближайшие два дня после того, как было сделано изобретение…

Энциклопедия Британника, 1771 год
Уильям Смелли

Эпоха Просвещения обернулась появлением на свет Энциклопедии Британника, свода знаний, расположенных в соответствии с оригинальным принципом, призванного расширить человеческое познание и укрепить интерес к науке. Составленный «обществом шотландских джентльменов», этот свод появился благодаря редактору, эдинбургскому печатнику и издателю Уильяму Смелли. Первый том был опубликован в 1768 году, а трехтомное издание завершилось в 1771 году. Второе издание в десяти томах вышло в 1777–1784 годах. Предисловие Смелли к трехтомному изданию прекрасно отражает взгляды образованных и ученых шотландцев того времени.

Метод расположения сведений в алфавитном порядке в последние годы сделался настолько широко распространенным, что опубликованы словари едва ли не для каждой отрасли наук, и их число продолжает возрастать. Достоинства этого метода очевидны, а одобрение публики

подтверждает его ценность.

Среди изданий такого рода наиболее важны и значимы общие словари искусств и наук. Но, к величайшему сожалению, они из всех возможных словарей менее всего удовлетворительны и менее всего оправдывают свое назначение… Систематическая природа наук не допускает разделения оных и принудительного распределения по различным категориям, однако мы наблюдаем подобное насилие над науками во всех словарях, по сей день опубликованных…

В издании подобного рода науку следует представлять целиком, иначе представление будет иметь весьма малую ценность.

Нелепость и недостатки иного подхода, доныне соблюдаемого, станут очевидны из нижеследующих примеров. Предположим, что нужны некие сведения по сельскому хозяйству. Вы разумно ожидаете, что, обратившись к тому или другому словарю, отыщете искомое, как сулят все предисловия и введения к оным — они же содержат все доступные сведения о науке и литературе, изложенные наиболее удобным и объясненные наиболее простым способом. Что ж, и каково тогда приходится? Мы вынуждены рыскать по алфавиту и изучать множество статей — растения,

почва, навоз, пахота, боронение, плуг, осушение, сев, песок, мел, глина, рвы, канавы, изгороди, пшеница, ячмень, овес, зерновые, семена и пр. Прочитав несколько статей и по-прежнему не сознавая, в каком порядке их следует изучать, вы наталкиваетесь на новые отсылки, и число таковых множится, так что вы словно оказываетесь в лабиринте, не ведая, в какую сторону податься, и если вы счастливо изберете нужный поворот, то все равно будете еще далеки от цели. Думать, что некто способен обрести целое из подобного набора разрозненных сведений, попросту смешно; с тем же основанием вы можете рассчитывать, что обретете представление о здании, давно разрушенном, если вам покажут камни, которые от него остались. А как обстоит дело, кстати, с той областью, каковая трактует здания, то есть с архитектурой? Что ж, после толкования самого слова, в значении которого никто не усомнится, нам предлагаются методы использования сей науки, с какими знаком всякий здравомыслящий человек, а ниже — несколько фраз о происхождении самого слова, которое вряд ли кто-либо затруднится проследить и без помощи словаря. Но ничего не говорится о самом предмете: о том, каковы составные части архитектуры, каковы

способы практического применения. Чтобы окончательно разъярить утомленного читателя, ему советуют изучить сочинения таких-то и таких-то авторов, каковые писали по данному предмету, следовательно, он должен купить эти книги или найти их у друзей, а словарь более ничего предложить не может.

Таковы недостатки прежнего отношения к наукам, а составители словарей столь привержены методу разделения и расчленения, что вместо того чтобы давать цельное представление там, где имеется статья наиболее общего свойства, они старательно и тщательно разбивают ее на множество мелких статей. К примеру, вы хотите узнать историю пчеловодства, понять, как устроена повседневная жизнь пчел и что они делают. Вы ищете слово «Пчела» и читаете: «Насекомое, имеющее много разновидностей. См. APIS». Из следующей статьи становится ясно, что APIS — «в зоологии название четырехкрылых насекомых, с жалом на кончике туловища. См. ПЧЕЛА, РОЙ, УЛЕЙ, МЕД, ВОСК». Что ж, вы идете к слову «РОЙ» и видите: «См. УЛЕЙ», а статья о последнем извещает: «Обиталище пчел. См. ПЧЕЛА». Еще встречаются упоминания о двух или трех разновидностях ульев, причем описа-

ния не приводится, зато сообщается, что одни плетутся из ивняка, другие из соломы, бывают также из дерева и стеклянные, а обычная форма улья — коническая. И далее вы вынуждены изучать такие статьи, как «Роение», «Мед», «Соты», «Воск», причем каждая новая неизменно отсылает вас к предыдущим и к последующим, а в итоге вы, скорее всего, закрываете книгу с чувством разочарования…

Имея целью исправить подобные недостатки и сделать доступным цельное представление о науках, была задумана книга, которая ныне выставляется на суд читателей. Будучи первой попыткой такого рода, и весьма объемной по содержанию, а также потребовавшей немалого труда в подготовке, она сообщает читателям все, что можно узнать по тому или иному предмету во всей его полноте.

Доктор Джонсон прибывает в Шотландию, 14 августа 1773 года

Джеймс Босуэлл

В 1773 году доктор Джонсон наконец согласился с предложением своего ученика Босуэлла посетить Шотландию и отправил письмо с сообщением, что он прибыл туда. Так началось путешествие, знаменитейшее в истории шотландской литературы. Босуэлл немало опасался, что Джонсону его родная страна придется не по нраву.

В субботу, четырнадцатого августа 1773 года, поздно вечером я получил письмо, гласившее, что он разместился на постоялом дворе Бойда, в начале Кэнонгейт. Он шлет мне приветы и так далее, а я искренне обрадовался тому, что наконец-то завлек его в Шотландию. Дружелюбие мистера Скотта (друг Джонсона из Оксфорда. — ***Ред.)*** и его привязанность к нашему Сократу мгновенно расположили меня к нему. Он сказал, что доктор, к несчастью, уже успел получить представление о шотландской нечистоплотности. В ту пору он не пил сброженных напитков и попросил под-

сластить лимонад, а слуга грязными пальцами взял кусок сахара и бросил тот в стакан. Доктор в раздражении выкинул стакан из окна. Скотт прибавил, что и слуге тоже изрядно досталось. Мистер Джонсон говорил мне, что подобное некогда произошло с ним в гостях у одной дамы в Париже. Он оказал мне честь, остановившись под моим кровом. Я искренне сожалел, что не могу предоставить приют также и мистеру Скотту. Мы с мистером Джонсоном прогулялись рука об руку по Хай-стрит до моего дома на Джеймс-Корт. Вечер выдался темным, и я никак не мог предотвратить его знакомство с вечерним городом. Некий покойный баронет, имевший политический вес в начале нынешнего правления, как-то обронил, что «гулять по улицам вечернего и ночного Эдинбурга весьма опасно, прежде всего для обоняния». Прочие опасности преувеличены, благодаря радениям магистратов и городским законам, запретившим выплескивать помои из окон; но поскольку в старом городе множество домов из нескольких этажей, и на каждом живет своя семья, а канализации нет и в помине, вонь на улицах неистребима…

Впечатления от Шотландии, 1773 год
Сэмюел Джонсон

В том году, когда Джонсон и Босуэлл путешествовали по Хайленду и островам, горцы-эмигранты уже уплывали в Америку и в колонии. И все же, пусть Шотландия, ими увиденная, была отчасти новой страной, на которой не могли не сказаться последствия относительно недавнего якобитского восстания, в Хайленде жизнь почти не изменилась.

Дом сложен из камней, тяготеющих своими очертаниями к округлости. Должно быть, его построили там, где не бывает сильного ветра, иначе он развалится, поскольку камни не скреплены цементом; а вода свободно уходит в почву, потому что полом служит голая земля. Стена, обыкновенно около шести футов высотой, немного отклоняется от перпендикуляра внутрь. Потом из подручного материала делают стропила, покрывают их вереском, каковой отлично удерживает тепло, и связывают его молодыми побегами, чтобы ветер не сорвал крышу; края

вязанок придавливают камнями над стеной. Света внутри нет, поскольку нет окон, а дырка в вереске служит для отвода дыма их очага. Эта дыра расположена не прямо над очагом, иначе дождь может залить огонь, посему дым, вполне естественно, сперва заполняет весь дом, а уже потом выходит наружу. Таковы общие принципы строительства домов, в каковых до сих пор обитают эти гордые и могущественные племена. Впрочем, среди хижин не меньше разнообразия, нежели среди дворцов; та, которую мы осматривали, была далеко не беднейшей, ибо делилась на несколько помещений, а ее обитатели владели тем имуществом, какое всегда готов воспевать пасторальный поэт.

Войдя, мы увидели старуху, варившую в котелке козлятину. Она плохо говорила по-английски, однако при нас был переводчик; и она охотно поведал нам об устройстве своего домашнего хозяйства. У нее пятеро детей, из которых еще ни один не отделился. Старший, мальчик тринадцати лет, вместе с ее мужем, которому восемьдесят, ушли валить деревья в лес. Два других сына отправились в Инвернесс покупать еду, то бишь овсяную муку. Мясо она считала дорогим удовольствием и сказала, что по весне,

когда козы приносят приплод и дают молоко, дети вполне могут обойтись без мяса. Она владела шестью козами, а в пристройке рядом с домом я видел множество козлят. Также она разводит домашнюю птицу. У озера мы увидели огород с картофелем и участок земли, на котором лежали четыре доски с двенадцатью снопами ячменя. Все в доме сделано собственными руками, а если что нужно купить, это выменивается на рынке на козлят и цыплят.

С истинно деревенским радушием она пригласила нас сесть и отведать виски. Она религиозна, и хотя до церкви четыре мили, то есть, наверное, восемь английских миль, она ходит туда каждое воскресенье. Мы дали ей шиллинг, а она попросила у нас нюхательного табака, ибо такой табак в Хайленде — роскошь…

На острове Скай я впервые видел броги, грубое подобие обуви, сшитое столь примитивно, что, защищая стопу от камней, они совершенно не предохраняют от воды. Прежде броги делали из шкур, шерстью внутрь, и такие разновидности, по всей видимости, еще используются в отдаленных областях; однако говорят, что они не служат и двух дней. Поскольку жизнь отчасти улучшилась, ныне броги делают из кожи, выдубленной

дубовой корой или корой березы, или же корнем калгана, каковой ввели в употребление лет сорок назад в Ирландии, и парламент той страны даже наградил дубильщика, который придумал эту замену коре. Кожу на Скае пропитывают не слишком хорошо, посему она служит недолго.

Американская война за независимость, 1776 год
Полковник Арчибальд Кэмпбелл

Шотландские солдаты сыграли немаловажную роль в войне за независимость американских колоний. В стране было столько желающих отправиться на войну, что некоторые, отвергнутые рекрутерами, тайком пробирались на корабли. Впрочем, если они ожидали триумфа роялистов, их ожидания не оправдались. Одним из разочарований стала осада Бостона, когда американские «мятежники» во главе с Джорджем Вашингтоном заставили британского генерала Хоува эвакуировать город. Он не удосужился предупредить об этом ожидавшиеся британские корабли. В приводимом ниже письме полковник 71-го Королевского Горного полка описывает, как он и его люди вошли в гавань Бостона, не ведая, что помощи здесь не дождутся.

Сэр,

С прискорбием извещаю, что мне не посчастливилось угодить в руки американцев в гавани Бостона, однако не могу не упомянуть об об-

стоятельствах, каковые сделали мое пленение возможным. При этом я не льщу себя надеждой на оправдание самого себя и моих офицеров. Итак, 16 июня транспорты «Джордж» и «Арабелла» с солдатами 71-го Королевского Горного полка встали у мыса Кейп-Энн, за семь недель преодолев расстояние от Шотландии до Америки; за время пути нам не встретилось ни одного корабля, а посему мы не могли знать о том, что британские войска покинули Бостон. На следующий день мы подошли к устью бостонской гавани и по причине противного ветра вынуждены были маневрировать. Около четырех утра показались четыре шлюпа, которые мы приняли за лоцманские лодки или вооруженные корабли на службе его величества, но это оказались американские приватиры (на каждом по восемь пушек и сорок человек команды). Полчаса спустя два из них приблизились к нам, а к одиннадцати часам подошли и отставшие. Транспорт «Джордж», на борту которого находились мы с майором Мензисом, сто восемьдесят солдат Второго батальона, адъютант, квартирмейстер, два лейтенанта и пять добровольцев, имел всего шесть пушек; «Арабелла», на которой находились капитан Маккензи, два субалтерна, двое добровольцев и восемьдесят

два солдата Первого батальона, несла две пушки. При подобных обстоятельствах я посчитал необходимым для «Арабеллы» держаться впереди «Джорджа», чтобы мы могли использовать свою артиллерию с большим успехом. Два приватира расположились по нашему левому борту и открыли огонь, и канонада с малыми перерывами продолжалась приблизительно до четырех часов дня, когда враг отвалил и встал на якорь в Плимутской гавани. Наши потери к тому времени составляли всего троих, смертельно раненных на борту «Арабеллы». Поскольку приказы предписывали мне высадиться в Бостоне, я посчитал своим долгом идти в гавань, не сомневаясь, что там мы окажемся под защитой форта или же здешней эскадры.

Ближе к ночи мы вновь увидели те четыре шлюпа, с которыми сражались поутру; теперь к ним присоединился еще шестнадцатипушечный бриг… и один шлюп двинулся в нашем направлении. Мы же продолжали идти к берегу, и тут по нам начала стрельбу американская береговая батарея, что стало неожиданностью и дало понять: в Бостоне у нас едва ли много друзей; мы зашли в бухту слишком глубоко, чтобы отступать, особенно учитывая, что ветер стих, а

отлив еще не наступил. После того как оба корабля дважды задели килями дно, мы встали на якорь у острова Джордж, и тут, по нелепой случайности, «Арабелла» наскочила на мель и осталась у нас за кормой, так что на поддержку ее стрелков рассчитывать вряд ли приходилось. Около одиннадцати часов четыре шлюпа бросили якорь прямо перед нами, а еще один встал у нас за кормой. Бриг подошел с правого борта на расстояние около двухсот ярдов, и с него нам приказали спустить британский флаг. Хотя старший помощник, которого поддержали все моряки, бывшие на палубе (отсутствовал лишь капитан), отказался сражаться, я с искренней радостью сообщаю, что не нашлось офицера, унтер-офицера или рядового 71-го полка, которые отказались бы идти в бой. Когда мы отвергли приказ о спуске флага, стрельба между кораблями возобновилась, и, к великому сожалению, после полутора часов перестрелки мы израсходовали все боеприпасы. И тогда, будучи окружены шестью приватирами посреди вражеской гавани, при полном штиле, не имея возможности уйти или хотя бы малейшей надежды на спасение, мы решили сдаться; это было мое решение, я счел своим долгом не жертвовать впустую жизнями доблестных воинов.

В перестрелке погибли майор Мензис и семеро солдат, квартирмейстер и двенадцать нижних чинов были ранены. Майора похоронили с почестями на берегу.

Что касается плена, спешу уверить, что с нами обращаются так, как подобает обращаться с пленными по всем правилам, и мы получаем необходимое попечение от властей Бостона, вследствие чего, сэр, не упомянуть об этом было бы с моей стороны неблагородно. Настоящим также осмелюсь просить, чтобы теперь, когда подробности этого поражения стали известны, предпринять шаги к скорейшему нашему освобождению.

Надежды Кэмпбелла на скорое освобождение не оправдались: он и его офицеры получили свободу лишь в мае 1778 года.

Богатство наций, март 1776 года
Давид Юм

Публикация работы Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» стала вехой в истории экономической и политической мысли. Близкий друг Смита философ Давид Юм одним из первых оценил значение этого труда.

Эдинбург, 1 апреля 1776 года

Прекрасно! Дорогой мистер Смит, я искренне восторгаюсь Вашим произведением, появление которого сбросило с моих плеч бремя забот. Мы, Ваши друзья, и широкая публика с таким нетерпением ожидали издания Вашего сочинения, что изводили себя этим ожиданием, однако ныне все наши тревоги позади. Безусловно, чтение подобного труда требует немалого внимания, а публика обычно не склонна к такому, и потому я испытываю определенные сомнения относительно популярности Вашего сочинения, но оно наделено глубиной мысли, солидностью и достоверностью, а также сопровождается множеством любопытных фактов, посему, полагаю, публика

все же окажет ему должное уважение. Смею сказать, что на содержании книги благотворно сказалось Ваше пребывание в Лондоне. Если бы Вы были сейчас здесь, думаю, мы с Вами нашли бы, о чем поспорить. Мне не кажется, что доход хозяйства сказывается на цене товара, я считаю, что цена определяется количеством товара и спросом. Мне представляется невероятным, чтобы король Франции мог получать 8 процентов от чеканки монет. Никто бы не стал на таких условиях пользоваться предложением герцога Бульонского; куда дешевле и проще было бы сделать заказ в Голландии или в Англии и получить монеты всего за 2 процента. Также и Неккер говорит, что французский король получает лишь 2 процента. Но эти соображения, как и добрая сотня других, подождут личной встречи между нами, каковая, если у Вас нет возражений, я льщу себя надеждой, вскоре состоится, ибо здоровье мое ужасно, и я не могу позволить себе строить планы на отдаленное будущее…

Кончина Давида Юма, 25 августа 1776 года
Адам Смит

Спустя некоторое время после смерти философа Адам Смит написал его издателю Уильяму Страхану о последних неделях жизни Юма. В этом искреннем панегирике Юм предстает человеком чрезвычайно привлекательным и добродушным, однако известно, что его упорство и нежелание признавать иные точки зрения изрядно злили часть шотландских: ученых и аристократов; а потому, как позднее писал Смит: «Совершенно безобидный очерк, посвященный мною памяти мистера Юма, припомнили мне уже десяток раз; он нанес мне куда больше ущерба, нежели я сам причинил британской коммерции».

Киркалди, графство Файф, 9 ноября 1776 года

Досточтимый сэр,

С истинным удовольствием, пускай омраченным светлой печалью, сажусь я за воспоминания о нашем чудесном друге, мистере Юме, в последние его дни среди живых…

Он был столь весел и столь блистал своим привычным остроумием, что, вопреки очевидным свидетельствам, многие люди не могли поверить тому, что он умирает. «Я должен сообщить вашему другу полковнику Эдмондстоуну, — сказал ему однажды доктор Дандас, — что ваше состояние изменилось к лучшему, и это не может не радовать». «Доктор, — отвечал он, — поскольку, полагаю, вы всем говорите только правду, пожалуйста, скажите ему, что я умираю так же быстро, как мои враги, буде таковые отыщутся, и так же легко и весело, как того могли пожелать мои лучшие друзья…»

Твердость убеждений мистера Юма и его стойкость были таковы, что, как хорошо знали его близкие друзья, они не подвергали опасности дружбу, разговаривая с ним или упоминая в письмах о его скорой и неизбежной кончине; ничуть не уязвленный это прямотой, он был, скорее, за нее благодарен и, чувствовал себя польщенным. Мне как-то случилось навестить его, когда он читал письмо, только что полученное, каковое немедля показал мне. Я сказал, что, хотя я вижу, насколько он ослабел, и его наружность несет очевидные признаки недуга, все же он так весел, дух жизни так в нем силен, — что я попросту не

могу не предаваться тщетным надеждам.

Он отвечал: «Ваши надежды безосновательны. В любом возрасте расстройство кишечника, растянувшееся более чем на год, покажется страшным недугом, а в моем возрасте оно смертельно. Ложась в постель вечером, я чувствую себя слабее, чем вставал с нее утром, а когда встаю утром, чувствую себя слабее, нежели накануне вечером. К тому же я отдаю себе отчет, что затронуты некие жизненно важные органы, а потому я неизбежно должен умереть». «Что ж, — сказал я, — если так тому и быть, вы можете утешаться тем, что оставляете своих друзей, в особенности семью своего брата, в большом достатке».

Он сказал, что ощущает это удовлетворение столь остро, что, несколько дней назад читая Лукиановы «Разговоры в царстве мертвых», среди всех поводов, приводимых душами, чтобы не вступать в ладью Харона, себе он не сумел подобрать ни одного подходящего: ему не нужно достраивать дом, у него нет дочери, которой требуется приданое, нет врагов, которым надлежит непременно отомстить. «Не могу представить, — прибавил он, — как я мог бы получить у Харона хотя бы малую отсрочку. Я сделал все, что когда-либо хотел сделать, и не думаю, что наступит

день, когда я смогу более прежнего позаботиться о своих родственниках и друзьях; почему у меня есть все основания быть довольным».

Затем он стал придумывать, что бы мог все-таки сказать Харону, какие найти оправдания, и давать на эти оправдания весьма суровые ответы, подобающие, по его мнению, мрачному лодочнику. «Если хорошенько подумать. — прибавил он, — я бы, пожалуй, сказал ему так: добрый Харон, я очень занят тем, что исправляю ошибки в предыдущем издании своих сочинений. Дай мне немного времени, чтобы я увидел, как воспримет публика эти исправления. А Харон ответил бы, что когда я завершу эти исправления, мне захочется внести новые. И конца подобным оправданиям не предвидится, так что, милый друг, ступай-ка в ладью. Но я стоял бы на своем: дескать, имей терпение, добрый Харон. Я имел удовольствие раскрыть глаза почтенной публике. Если я проживу на несколько лет дольше, то, быть может, увижу наяву, как рухнут былые предрассудки. А Харон разъярился бы и воскликнул: ах ты, негодяй! этого не случится еще сотни лет! Неужто ты полагаешь, что я отпущу тебя на такой срок?! Полезай в ладью немедленно, мелкий ты мошенник!..»

Беседа, о которой я упомянул выше, состоявшаяся в четверг, 6 августа, была предпоследней из тех, какими мы с ним наслаждались. Он ослабел настолько, что его утомляло общение даже с ближайшими друзьями, однако веселости не утратил, равно как и дружелюбия и радушия, и потому, когда бы ни заходил к нему друг, он не мог удержаться от разговоров, вопреки слабости тела. По его собственному желанию я согласился покинуть Эдинбург, где оставался почти исключительно из-за него, и вернулся в дом своей матушки в Киркалди, ожидая, что он, буде понадобится, пошлет за мной; врач, навещавший его чаще других, доктор Блэк, время от времени сообщал мне о состоянии его здоровья.

Двадцать второго августа доктор прислал мне следующее письмо.

«С моего последнего визита мистер Юм ничуть не утратил присутствия духа, хотя и слабеет физически на глазах. Он сидит в постели, раз в день спускается по лестнице, развлекает себя чтением, но редко кого-либо принимает, поскольку обнаружил, что утомляется даже беседой с ближайшими друзьями; по счастью, это его не угнетает, ибо ему неведомы тревоги, нетерпение или дурное расположение духа, и он вполне довольствуется

компанией книг».

На следующий день я получил письмо от мистера Юма, из которого привожу отрывок.

Эдинбург, 23 августа 1776 года

Мой дражайший друг,

Я вынужден воспользоваться помощью племянника, коему диктую это письмо, ибо сегодня я не смог встать… Конец приближается стремительно, прошлой ночью меня одолела лихорадка, которая, как я надеялся, ускорит течение этого утомительного недуга; увы, она как-то незаметно прошла. Я ни в коем случае не хочу, чтобы Вы приезжали, потому что сколько-нибудь продолжительной беседы нам иметь не суждено; доктор Блэк сообщит Вам о том, какие силы еще остались в моем распоряжении.

Три дня спустя пришло письмо от доктора Блэка:

Эдинбург, понедельник, 26 августа 1776 года

Досточтимый сэр,

Вчера около четырех часов дня мистер Юм скончался. Приближение смерти сделалось очевидным в ночь с четверга на пятницу, когда у

него случился общий приступ и он ослабел настолько, что уже не смог подняться с постели. До последнего мгновения он оставался в сознании и почти не испытывал боли. Ни разу он не выразил страдания или гнева, а когда заходила речь о людях, его окружающих, неизменно отзывался о них с добротой и нежностью… Когда он совсем ослабел, ему стало трудно говорить, однако умер он в столь благостном душевном состоянии, что ему остается лишь позавидовать.

Так отошел в мир иной наш замечательный друг, которого мы никогда не забудем; относительно философских воззрений, разумеется, судят по-всякому, одни их одобряют, другие отвергают, случись им совпасть или не совпасть с их собственными взглядами; но вот о личности и нраве покойного мистера Юма можно рассуждать исключительно в превосходных тонах. Если позволительно так выразиться, нравом он был счастливее любого человека на свете. Даже в стесненных обстоятельствах он, побуждаемый к строжайшей бережливости, никогда не чурался благотворительности. Его бережливость зиждилась не на алчности, а на стремлении к независимости. Мягкость натуры сочеталось в нем с твердостью убеждений, остротой ума

и непоколебимостью решений. Он был чрезвычайно приятен в общении, добродушен и дружелюбен, держался всегда ровно и скромно и никогда не выказывал и толики злости в отношении иных, да и того, что зовется язвительностью, в нем не ощущалось. Он никогда не стремился кого-либо унизить, и потому его критика не оскорбляла, а, сколь ни удивительно, ободряла и вдохновляла… Веселость нрава и расположение к другим часто, как мы наблюдаем, перерастают во фривольность и снисходительность, однако для него подобного невозможно представить; он был человеком весьма сведущим, весьма начитанным, мыслил широко и всегда был готов помочь. Скажу прямо, я считал, еще когда он был с нами, и считаю теперь, когда его с нами нет, мистера Юма образцом человека мудрого и добродетельного настолько, насколько сие доступно человеческой природе.

Сахарные плантации на Ямайке, 1784 год
Захария Маколей

Захария Маколей родился в Инверери в семье священника. В четырнадцать лет его отослали в Глазго в ученики к купцу, но вольготная городская жизнь и разгульные друзья из университета Глазго побудили его в шестнадцать лет уплыть в Новый Свет и сделаться клерком на сахарной плантации. Описание условий, в которых он сам и другие белые жили среди рабов, навевает тоску. В отличие от других, Маколей не смог заглушить в себе голос совести и по возвращении в Британию сделался одним из рьяных поборников отмены рабства.

Ближе к концу 1784 года случилось событие, которое в немалой степени определило мой жизненный путь и дало повод к серьезным размышлениям. Я внезапно осознал, что единственной возможностью вырваться из того лабиринта, в который я себя загнал, является отъезд за границу. Я сообщил о своем желании отцу, и было решено, что я попытаю счастья в Восточных

Индиях. (По предложению друга, впрочем, отец отправил меня в Вест-Индию…)

На протяжении плавания до Ямайки у меня было вдоволь времени для размышлений. И я укрепился духом в отношении тех пороков, каковым прежде ощущал себя подвластным. Более всего хлопот доставляла мне дружеская компания, и я твердо вознамерился с этим покончить, и хотя всякое подобное решение, как правило, никогда не исполняется в полной мере, это имело следствием, что я отрекся от чрезмерного употребления спиртного и впоследствии строго соблюдал сей зарок.

В ту пору мне еще не исполнилось семнадцати лет, и, высадившись на Ямайке, я обнаружил, что у меня нет ни денег, ни друга, к которому я мог бы обратиться за помощью. Рекомендательные письма к людям, облеченным властью… были с пренебрежением отвергнуты. Если прежде я тешил себя мечтами о богатстве и почестях, ныне эти мечты рассеялись, однако разочарование не подорвало моих устремлений. Равнодушие со стороны тех, от кого, как мне думалось, я вправе ожидать поддержки, меня, конечно же, задело и разозлило, но я счел при этом, что трудности, неожиданно возникшие, укрепят мой дух, и не

стал унижать себя дальнейшими просьбами о помощи.

Мои тяготы, впрочем, длились недолго. Джентльмены, к которым писал друг отца, ходатайствуя за меня, скоро меня разыскали и выказали преизрядную доброту. Их радениями я получил должность писца, или клерка, на сахарной плантации.

Так началась для меня новая жизнь, в которой едва ли не все противоречило моим убеждениям и вкусам. Работа оказалась утомительной до чрезвычайности, о чем я прежде не имел ни малейшего представления, вдобавок я оказался совершенно не готов к высокомерию, жестокости, злобе и тираническим наклонностям местных надсмотрщиков над рабами. Однако выбирать не приходилось, и я смирил зревший внутри меня гнев, поскольку выбор был прост — смириться или умереть от голода.

Здоровье мое было в порядке, а потому я с напускным весельем исполнял свои обязанности и следил за рабами. Что больше всего меня поначалу угнетало, так это понимание, что благодаря своей должности я невольно оказался свидетелем жестокостей, одно воспоминание о которых по сей день повергает меня в ужас. Я с самого пер-

вого дня беспредельно сочувствовал несчастным рабам, и всякое их наказание воспринималось мною столь остро, как если бы наказывали меня самого.

Но жребий был брошен; отступать было поздно. Я бы с радостью вернулся в Европу, но у меня не было денег на оплату места на судне, и ни к кому на родине я не мог обратиться с просьбой о займе, только к отцу, а скорее умер бы, чем позволил бы себе усугубить хотя бы в малой степени те невзгоды, которые его и без того окружали. Иными словами, в Вест-Индии я был просто обязан терпеть, если не хотел уронить себя в глазах тех, чьим мнением дорожил. Поэтому я постарался как можно скорее избавиться от излишней мягкотелости как от обременительного неудобства — и преуспел в этом паче собственных ожиданий.

Слова Вергилия «Легка дорога в ад» суть яркое и жизнеподобное описание пути морального упадка, на который человек ступает, едва отклонившись от тропы долга. Я вскоре стал утешать себя тем, что долг перед работодателем требует строгого исполнения приказов и не допускает ненужных мук совести, а вот долг перед собой, перед моим отцом и друзьями состоит в том, чтобы преодолеть все препятствия, какие норо-

вит подбросить судьба, а «всякие сантименты» суть глупость, детский лепет и попросту смехотворны.

В 1785 году я написал другу: «Сколь нынче далека моя участь от того, о чем мечталось, я по собственной прихоти обрек себя на полуголодное существование в изнурительном климате! Воздух того острова, должно быть, обладает неким особым свойством, ибо стоит только ступить на берег, как прежний образ мыслей мгновенно изменяется. По всей вероятности, всякий новый человек тут начинает вести себя подобно окружающим. Вы бы сейчас вряд ли узнали своего друга, с которым провели столько часов в милых сердцу краях, доведись Вам увидеть меня в полях тростника, среди едва ли не сотни чернокожих, бранящихся и проклинающих, а над их головами свистит хлыст, и бедолаги жалобно вскрикивают каждый раз при ударе, отчего кажется, будто волей случая ты оказался в адских кругах».

Сия картина, способная шокировать кого угодно, ничуть не была преувеличением; однако мой рассудок к тому времени укрепился, и хотя несколькими месяцами ранее в письме к тому же другу я правдиво описывал ему страдания несчастных негров и их горькую судьбину и при-

знавался в сострадании к ним, теперь я сделался равнодушным, зачерствел душой и не испытывая душевных мучений записывал штрафы и прочие наказания. Впрочем, я установил для себя некие нормы справедливости, каковых все же старался придерживаться.

Но час раскаяния близился. Страшный недуг уже давно подтачивал мое здоровье и едва не свел в могилу. Я почти умер, а мои начальники восприняли эту болезнь с поразительным равнодушием. Что ж, оставалась, как ни удивительно, толика восторженного отношения к жизни, каковая даже в самые черные дни не позволяла мне окончательно расстаться с надеждой на лучшее. Даже мечась в лихорадке на соломенном тюфяке, за занавеской, которую никто не отдергивал, изнемогая в тоске хотя бы по наискромнейшим удобствам, не в силах получить утешения от друга, не имея возможности утолить снедавшую меня жажду, — я сохранял силу духа.

Меня бросает в дрожь, стоит вспомнить, сколь близко я подошел к краю, за которым лишь тьма и вечность. Конечно, доведись мне таки умереть, я бы очутился в тех областях, каковые навеки лишены милосердия, в областях, где даже Господь никого не щадит. Должно быть, самому себе я

виделся веткой, которую вот-вот подожгут… Эти страдания и метания, должен признать, закалили меня, и я исцелился душой, как бывает, когда человек, искренне верующий, читает Библию и сознает, что прежде шел путями, неугодными Богу.

Когда здоровье вернулось ко мне, дела стали налаживаться, появились новые друзья, выражавшие желание помочь в моих начинаниях. Мне стало нравиться тут; более того, я даже начал наслаждаться здешней жизнью.

Держался я, для вест-индского плантатора, скромно и с достоинством, ибо я полагал, что развязность манер, присущая здесь едва ли не каждому, не подобает человеку, какое бы положение он ни занимал. Повадки же мои были теми же самыми, что и у прочих. Я подражал своему окружению, и об этой поре своей жизни мне не хочется ни говорить, ни вспоминать ее. В те дни я нес омерзительную службу наихудшему из хозяев…

Состязание волынщиков, 1784 год
Б. Фоже Сен-Фон

Традиционный шотландский музыкальный инструмент всегда производил сильное впечатление на неподготовленного чужестранца.

Мгновение спустя дверка в углу распахнулась, и, к моему несказанному изумлению, на арену вышел шотландский горец, наигрывая на волынке… Он принялся быстро расхаживать взад и вперед, словно маршируя, и выдувать из своего инструмента пронзительные ноты, терзавшие слух. Он играл нечто наподобие сонаты, разделенной на три части. Смит попросил меня слушать со всем вниманием, а потом поделиться полученным впечатлением.

Но я сразу же понял, что не в состоянии уловить ни мотив, ни композицию. Я видел лишь, как волынщик марширует по арене, и выражение лица у него было под стать музыке. Он прилагал неимоверные усилия, надувал щеки и быстро перебирал пальцами, играя попеременно на разных дудках своего инструмента, а тот оглашал

арену истошными воплями.

Тем не менее со всех сторон раздались аплодисменты. Затем вышел второй музыкант, столь же воинственной наружности, и тоже принялся маршировать…

Выслушав подряд восемь исполнителей, я начал подозревать, что первая часть этой «сонаты» имеет некое отношение к боевым маршам и построениям, вторая же связана с самой кровопролитной битвой, которую музыкант живописал пронзительными звуками и собственными криками. Потом он вдруг содрогнулся, движения его стали такими, как у воина в сражении; руки, голова, туловище, ноги — все двигалось, а волынка звучала воинственно и в то же время как-то смятенно. Эта какофония почему-то привлекла всеобщее внимание. А волынщик внезапно, без всякого предупреждения, перешел к подобию анданте: судороги прекратились, инструмент зазвучал ровно и даже скорбно, как бы оплакивая павших, которых уносят с поля боя. Эта часть заставила прослезиться прекрасных шотландских дам. Однако в целом, должен сказать, музыка показалась мне весьма необычной, грубой, дикой, и впечатление, которое она произвела на меня, совершенно очевидно не совпадало с чувствами

местных жителей; полагаю, следует относиться к этому не как к музыке, а как к историческому наследию…

Все исполнители, которых было немало, играли одну и ту же композицию. Среди них наблюдалось полное равенство: сын лэрда состязался с простым пастухом, часто из того же самого клана, носил то же имя и был облачен в такой же наряд. Предпочтения отдавались исключительно по степени таланта, насколько я мог судить по овациям, которыми награждали некоторых исполнителей. Мне все они показались равно дурными, то есть ни один не играл лучше других; а музыка и сам инструмент почему-то вызвали воспоминания об индейском медвежьем танце…

Роберт Бернс получает признание, 1786 год
Генри Маккензи

Когда в Килмарноке в 1786 году был опубликован первый сборник стихов Бернса, сам поэт был мало известен и добывал средства к жизни тяжелым крестьянским трудом в Эйршире. Вдобавок он страдал от разрыва с возлюбленной и настолько устал от жизни в Шотландии, что подумывал эмигрировать в Вест-Индию. Стихотворения он опубликовал, чтобы заработать денег на проезд. Однако стихи получили признание у широкой публики и у шотландских беллетристов, в том числе у романиста Генри Маккензи, с которым Бернс познакомился, когда приехал в Эдинбург. Маккензи напечатал в своем журнале «Бездельник» восторженную рецензию и тем самым заложил фундамент славы Бернса. Итогом рецензии стал список подписчиков на следующее издание стихов Бернса, опубликованное Уильямом Кричем в следующем году, составивший тридцать восемь страниц.

Не знаю, можно ли упрекать меня в чрезмерной

восторженности и рвении, с какими я представляю читателям молодого поэта с моей родины, с чьими стихотворениями я недавно ознакомился; но если меня не обманывают собственные суждения, я готов назвать его истинным гением. Я имею в виду Роберта Бернса, эйрширского пахаря, чьи стихотворения недавно были опубликованы в городке на западе Шотландии; сам поэт, судя по всему, издавая эту книгу, не преследовал иных целей, кроме как порадовать жителей родного города и обрести толику славы у тех, кто наслышан о его таланте. Надеюсь, не сочтут, что я опережаю события, вынося его творения на суд широкой публики, призывая нацию оценить эти стихи и воздать ему по заслугам, каковые, на мой взгляд, очевидны…

Лишь одно препятствует широкой его славе, а именно — язык, каким написаны стихотворения. Даже в Шотландии провинциальный диалект, введенный в употребление Алланом Рамсеем и подхваченный Бернсом, ныне понимают с трудом, что существенно снижает удовольствие от чтения; в Англии же его не поймут вовсе, а необходимость постоянно обращаться к словарю помешает насладиться слогом.

Некоторые его стихи, те, что серьезнее, впро-

чем, почти английские… Он гениально описывает повседневную жизнь, ловит проявления страстей или воссоздает картины природы. С прозорливостью, подобной шекспировской, он описывает человеческие характеры… словно перекладывая на стихи науку о разуме, когда проще найти правду, нежели отыскать причину. Я весьма далек от того, чтобы сравнивать нашего сельского барда с Шекспиром, но всякий, кому доведется прочесть его светлые и смещные стихи, заметит, сколь мудр и глубок в своих рассуждениях этот вдохновленный небесами пахарь, каким острым взором глядит он, человек низкого положения, на людей и их жизнь…

Бернс наделен фантазией и духом истинного поэта. Честная бедность и независимость души, порой единственные дары музы, ощущаются в каждом его стихотворении. Возможно, я оскорблю его чувства своей попыткой привлечь к стихам этого человека внимание широкой публики. При этом ни в коем случае не следует полагать состояние, в котором он обрел музу, безысходно трагическим; да, он страдал и мучился, и одно или два стихотворения, как сообщили мне его земляки, намекают, что он готов был покинуть родину и искать приюта под солнцем

Вест-Индии, раз уж Шотландия ему в том отказала. Но я уверен, что не составит труда изыскать средства, дабы не допустить такого исхода, и что я оказываю своей стране справедливое уважение, полагая ее способной протянуть руку помощи возросшему в ней поэту… Необходимо воздать по заслугам, исцелить душевные раны, извлечь гения из грозящего ему забвения, поместить его туда, где его увидит весь мир, который он станет услаждать своим слогом; эти усилия окупятся стократ и принесут нам богатство и величие, каковые не измерить деньгами.

Определение возраста Земли, 1788 год
Джеймс Хаттон, Джон Плейфер

Одной из ярчайших звезд эпохи Просвещения был геолог Джеймс Хаттон, чьи исследования доказали, что наш мир гораздо старше, чем считалось (общепринятый возраст планеты составлял 6000 лет). Посвятив доказательству годы упорного труда, высмеиваемый современниками, он показал, что древние скалы постепенно разрушаются, а из их остатков формируются новые массивы. Отчасти он проводил наблюдения, подкрепившие его теорию, на мысе Сиккар-пойнт в Восточном Лотиане. Ниже Хаттон описывает прогулку к этим скалам в сопровождении своего товарища Джона Плейфера и сэра Джеймса Холла. Затем следуют воспоминания Плейфера о той же прогулке.

Хаттон:

Взяв лодку в Дунглассе, мы отправились изучать побережье. У мыса Сиккар-пойнт мы увидели замечательную картину пород, обна-

женных морем. Слой песчаника был наполовину смыт, а то, что сохранилось, во многих местах было испещрено вкраплениями черного сланца. Затем снова шел слой песчаника, содержавший вкрапления сланца. У большинства вкраплений края были острыми, следовательно, они не выветрились и не стерлись…

Плейфер:

На нас, видевших подобное явление впервые, оно произвело незабываемое впечатление. Нам представили наглядное свидетельство, подтверждение самого необычного и важного факта в естественной истории планеты, подкрепившее теоретические рассуждения, которые, будь они сколь угодно убедительными, все же требовали доказательства опытным путем. Мы часто говорили себе, что наилучшим подтверждением того, что горы состоят из разных слоев и что эти слои разделены значительными промежутками времени, было бы увидеть зарождение этих гор собственными глазами. Что ж, мы будто перенеслись в далекое прошлое, когда сланец, на котором мы сейчас стояли, был морским дном, а песчаник едва начал оседать, в форме песка или ила, из вод первобытного океана. Нам представилась еще более далекая эпоха, когда даже древнейшие

из этих скал не стояли прямо, а лежали в горизонтальной плоскости на дне моря, и их еще не потревожила неодолимая сила, каковая разорвала скальное «мощение» земного шара. Причем это захватывающее дух открытие сулило, как ни поразительно, и дальнейшие революционные откровения. Рассудок терялся от столь глубокого проникновения в бездну времени, а мы с восторгом и восхищением внимали философу, раскрывавшему перед нами чудесную историю невообразимо далеких событий, и постепенно сознавали, сколь далеко может зайти разум, намного опередив воображение.

Вальтер Скотт знакомится с Робертом Бернсом, 1787 год
Сэр Вальтер Скотт

Шестнадцатилетним подростком Скотт повстречался с уже прославленным поэтом в эдинбургском доме Аллана Фергюсона, профессора этики и философии. Об этой встрече Скотт вспоминал со свойственными ему обстоятельностью и вниманием к деталям.

Мне было всего пятнадцать лет в 1786–1787 году, когда он впервые появился в Эдинбурге, но я хорошо понимал и чувствовал, какой огромный интерес представляют его стихи, и готов был отдать все на свете, чтобы с ним познакомиться. Но у меня было слишком мало знакомых среди литературного люда и еще меньше — среди знати западных округов, то есть в тех двух кругах, где он больше всего вращался… Все же я его увидел у всеми уважаемого, ныне покойного, профессора Фергюсона, где собралось много известнейших литераторов и ученых…

Разумеется, мы, молодежь, сидели молча, смотрели и слушали. Особенно меня тогда поразило в

Бернсе то впечатление, которое на него произвела гравюра Бенбери, где был изображен мертвый солдат на снегу и рядом с ним — с одной стороны — его несчастный пес, с другой — его вдова с ребенком на руках. Под гравюрой были написаны строки, кончавшиеся так:

Дитя несчастия, крещенное в слезах…

На Бернса очень сильно подействовала эта картина, вернее — те мысли, которые были вызваны ею. У него на глазах заблестели слезы. Он спросил, чьи это стихи, и случайно никто, кроме меня, не вспомнил, что это строки из полузабытой поэмы Лэнг-хорна под малообещающим заглавием «Мировой судья». Я шепнул это одному из знакомых; и он тотчас передал мои слова Бернсу, наградившему меня взглядом и словами, которые хотя и выражали простую вежливость, но и тогда доставили мне чрезвычайную радость и теперь вспоминаются с удовольствием.

Человек он был крепкий, коренастый, держался просто, но без неуклюжести. Это достоинство и простота особенно выигрывали еще и потому, что все знали о его необыкновенном даровании. Портрет Нэйсмита передает его облик, но мне кажется, что он несколько измельчен, словно виден

в перспективе. Думаю, что у него были гораздо более крупные черты лица, чем на портретах.

Если бы мне не было известно, кто он такой, я бы принял его за очень умного фермера старой шотландской закваски, не из этих теперешних землевладельцев, которые держат батраков для тяжкого труда, а за настоящего «доброго хозяина», который сам ходит за плугом. Во всем его облике чувствовался большой ум и проницательность, и только глаза выдавали его поэтическую натуру и темперамент. Большие и темные, они горели (я говорю «горели» в самом буквальном смысле слова), когда он говорил о чем-нибудь с чувством или увлечением. Никогда в жизни я больше не видел таких глаз, хотя и встречался с самыми выдающимися из моих современников. Его речь была свободной и уверенной, но без малейшей самонадеянности. В обществе ученейших мужей своего времени и своего века он выражал свои мысли точно и определенно и вместе с тем без всякой назойливости и самоуверенности, а расходясь с кем-либо во мнениях, он, не колеблясь, защищал свои убеждения твердо, но притом сдержанно и скромно[9].

---

[9] Примечания: 9
Перевод Р. Я. Райт-Ковалевой.

Оспа, 1791 год
Преподобный Томас Поллок

Священник Томас Поллок был поражен поведением своих прихожан в Килвиннинге, графство Эйршир: они не только отказывались делать детям прививки от оспы, но и словно делали все, чтобы дети поскорее заболели.

Этот недуг собирает здесь время от времени свою скорбную жатву. Летом и осенью 1791 года более 90 детей заболели оспой и более половины из них умерли. Коклюш и натуральная оспа нередко свирепствуют одновременно. Когда такое случается, как было в указанные сроки, жатва оспы поистине катастрофическая. Одновременное возникновение обеих болезней, конечно же, можно было бы предотвратить прививанием. Однако пускай повсеместно прививание распространилось и приносит исключительно положительные плоды, тут на него соглашаются от силы две или три семьи. Из невежества и из предрассудков родители, не желая задуматься о последствиях, вместо того чтобы прививать своих детей, являются вместе с ними в дома, где

завелась хворь, причем выбирают время, когда последняя наиболее свирепа. Таким вот образом эта безжалостная и отвратительная болезнь передается из дома в дом, и тысячи бесценных жизней повергаются угрозе. Подобные бессмысленные суеверия, безосновательные и неразумные предрассудки не свойственны только этому приходу; во всех остальных приходах Шотландии большинство местных жителей ведут себя точно так же. Хорошо известно, во всяком случае, клиру, что всякий довод в пользу прививания, сколь бы ни был он убедителен, никак не может поколебать убеждений этих людей. А обязать делать прививки в законодательном порядке, хотя бы всем детям, невозможно, поскольку считается, что это противоречит исконным свободам подданных британской короны и даже общим принципам гуманизма. Но поскольку богатство любой страны, само ее выживание неразрывно связано с численностью населения, что-то безусловно следует предпринять, чтобы обеспечить, насколько это возможно, полное прививание жителей Шотландии.

Двадцать лет перемен, 1792 год
Уильям Крич

«Статистический обзор Шотландии», составленный по итогам опроса, проведенного шотландской церковью во всех приходах, был опубликован в промежутке между 1791 и 1799 годами в двадцати одном томе. В первом издании содержались три письма книготорговца и издателя Уильяма Крича, описывавшего грандиозные перемены в Эдинбурге за последние 20 лет. Ниже приводятся отрывки из этих писем.

В 1763 г. Двухэтажные омнибусы, запряженные тройней, с кучером и форейтором, отправлявшиеся каждый час в Лейт (полторы мили от города) и ходившие с восьми утра до восьми вечера; дорога занимала ровно час. Иных омнибусов в Шотландии не было, не считая того, который раз в месяц выезжал в Лондон, и путешествие на нем занимало от двенадцати до шестнадцати дней.

В 1783 г. Пять или шесть двухэтажных омнибусов ходят в Лейт каждые полчаса, доезжают за 15 минут. Данн, открывший замечательные гостиницы в Новом городе, был первым, кто доехал на

омнибусе до Далкейта (деревня на расстоянии шести миль). Ныне омнибусы, дилижансы и кареты связывают Эдинбург со всеми городами Шотландии, причем во многие из них ходит не один и не два экипажа. В Лондон ежемесячно отправляются шестьдесят почтовых дилижансов, пятнадцать каждую неделю, и дорога до столицы отнимает четыре дня.

В 1763 г. Количество мальчиков в грамматической школе не превышало 200 человек.

В 1783 г. В школе обучаются 500 мальчиков. Она считается самой многолюдной школой Британии.

В 1763 г. Такая профессия, как галантерейщик, неизвестна.

В 1783 г. Профессия галантерейщика (считая торговцев тканями, модисток, шляпников, чулочников, перчаточников и прочих) едва ли не самая распространенная в городе; их число изрядно возросло.

В 1763 г. Профессии парфюмера не существует; цирюльники и мастера париков весьма многочисленны и оказывают услуги виднейшим горожанам; парикмахеров мало, по воскресеньям они причесок почти не делают, потому что это не принято.

В 1783 г. Парфюмеры открыли лавки на главных улицах; некоторые держат медведей, которых со временем убивают, и славят медвежий жир как лучшее средство для смазывания волос; число парикмахеров более чем утроилось, и самый занятой день для них — воскресенье; некий профессор приглашает в академию парикмахерства и читал лекции по этому «благородному и полезному» предмету.

В 1763 г. Служанкам платят от 3 до 4 фунтов в год; они носят скромные красные или синие платья или пледы, подобающие их положению.

В 1783 г. Плата осталась почти такой же; наряды и наружность сильно изменились, ныне служанки одеваются ничуть не хуже своих хозяек двадцать лет назад.

В 1763 г. Чужестранец, приезжающий в Эдинбург, вынужден останавливаться на грязном и тесном постоялом дворе или снимать комнаты. Гостиниц нет и в помине; само слово еще не известно или же понятно лишь тем, кто знаком с французским языком.

В 1783 г. В городе множество гостиниц, дающих приют и кров чужестранцам; тот, кому двадцать лет назад приходилось ютиться в условиях, подходящих разве что извозчику или кучеру, ныне

может разместиться, как принц, и возжелать любую роскошь. Впрочем, надо признать, что гинея подешевела по сравнению с 1763 годом.

В 1763 г. Модно ходить в церковь, люди интересуются религией. Воскресную службу посещают все, независимо от положения в обществе; и считается непристойным появляться на улице во время службы…

В 1783 г. Посещением церкви пренебрегают, прежде всего мужчины. Воскресенье для многих сделалось днем отдыха, а молодым людям ныне позволено гулять хоть весь день. Люди семейные не заставляют домочадцев ходить в церковь вместе с ними. Улицы во время службы полны, по вечерам часто слышны пьяные перебранки и песни, в основном их распевают компании подмастерьев и юнцов.

В 1763 г. В городе пять или шесть борделей, иначе домов с дурной славой, а по улицам под покровом тьмы расхаживают лишь женщины самого низкого положения и самые невежественные. От замка до дворца Холируд (вдоль Королевской Мили) можно пройти в любое время суток и ни разу не быть окликнутым уличной женщиной. Грабежи и карманные кражи неведомы.

В 1783 г. Количество борделей возросло двадцатикратно, а количество женщин, этим зарабатывающих, пожалуй что, стократно. Все городские кварталы и пригороды переполнены служанками порока, и среди них немало совсем молодых, подверженных страстям и оттого потерявших голову или же еще не набравшихся ума; в городе полно грабителей, воров и карманников.

В 1763 г. В лучших семействах дочерей обучают подобающим образом, не только развивая духовно, но и для того, чтобы они постепенно осваивали правила домашнего хозяйствования. Школа шитья и школа выпечки — важнейшие отрасли женского обучения; и юная дама не стыдится пойти на рынок вместе с матерью.

В 1783 г. Дочери многих торговцев проводят утра за туалетом или за перемещением из лавки в лавку. Многие покраснеют, если случайно столкнешься с ними на рынке. Забота о кухне и хозяйстве возложена на домоправительниц; юные дамы коротают тяжкие часы разлуки с увеселениями, почитывая листки из передвижной библиотеки, а также, невзирая на то, есть у них слух или нет, их всех учат музыке, за немалые деньги.

В 1763 г. Юным дамам (даже в одиночку) ничто

не угрожает на улицах города в любое время суток. Никто не посмеет даже заговорить с ними.

В 1783 г. Директриса пансиона сочла необходимым оповестить, что воспитанницам запрещено выходить на улицу без сопровождения.

В 1791 г. Мальчики, из-за дурных примеров дома и еще более худших на улицах, сделались грубыми и нескромными. Они часто посещают таверны, быстро учатся предаваться пороку и разврату, не соблюдают никаких религиозных заповедей. Главная ошибка последних двадцати лет — что мы благодаря образованию поспешили сделать из мальчиков мужчин.

Суд над «Чумой Шотландии», 30–31 августа 1793 года
Томас Мюир

Адвокат из Глазго Томас Мюир вызывал у властей подозрения своими связями с французскими революционерами, а также «подстрекательскими» речами. После посещения Франции в 1793 году его объявили мятежником и по возвращении на родину заключили в тюрьму, сразу по нескольким обвинениям, в том числе: публичное произнесение речей, оскорбляющих короля и конституцию, распространение «вольнодумных» книжиц и памфлетов, наподобие «Прав человека» Томаса Пэйна. Осужденный чрезмерно суровым судьей лордом Брэдфордом, он был приговорен к высылке на четырнадцать лет в Ботани-Бэй, но сумел бежать. Он поселился во Франции, где и скончался в возрасте тридцати четырех лет в 1799 году. На суде Мюир защищал себя с немалым апломбом. Не сомневаясь в исходе процесса, он сказал судьям: «Когда ветра небесные развеют наш прах, бесстрастный глас грядущего опровергнет ваш приговор».

Господа присяжные, давайте этим вечером сбросим маски, давайте поговорим открыто и честно. Я смеюсь над обвинением в развращении умов. Вы и сами знаете, что в этой стране невозможно развратить чей-либо ум, и в глубине души отвергаете это обвинение. Я знаю, из-за чего стою сейчас перед вами, а именно — за то, что всегда последовательно призывал к парламентской реформе, за то, что всегда прилагал значительные усилия добиться равного представительства в палате общин всех наших сословий.

Не позволим прокурору скрежетать зубами во мраке; пусть выйдет и подробно изложит, что побудило его обвинять меня.

Я хочу облегчить ваш жребий, не желаю утомлять судей, хочу спасти вас, господа присяжные, от язвительных насмешек, от печальной необходимости признавать виновным человека, истинная причина предания которого суду до сих пор не раскрыта.

Да, я сознаюсь. Я открыто, честно и искренне выступал в поддержку парламентской реформы, во имя восстановления попранных прав народа. И я не постыжусь изложить вам свои мотивы, ведь они не только говорят сами за себя, но еще их поддерживали и поддерживают многие вели-

кие и достойные люди из числа ушедших в мир иной и живущих поныне. Я настаиваю на равном представительстве сословий в том учреждении, каковое именуется палатой общин, потому что я хочу спасти нашу страну и добиться исполнения нашей конституции.

В чем же заключается величие нашего духа, обильно политого кровью предков, кровью, что текла на полях сражений и проливалась на эшафоте? Я скажу вам: величие нашего духа заключается в разумном сочетании трех могучих сил — короля, лордов и народа. И если одна из этих сил утрачивает свою мощь, тогда и само их сочетание лишается крепости, особенно когда одна из сил превращается в тень себя прежней, если две другие подавляют ее и поглощают. И разве вы не знаете, разве не знает весь мир, что во всех потрясениях минувших лет сильнее всего пострадала третья сила — народ?

Не подлежит сомнению, что ныне представительство народа в палате далеко не такое, как прежде, и не такое, каким, хвала Господу, оно однажды станет. Тот, кто звонит в колокол, завидев угрозу, который сзывает всех, кто способен прийти на помощь, вовсе не является врагом своей стране, тем более врагом конституции, ибо

он радеет о сохранении былого величия.

Таковы мотивы моих действий. Если я и виновен, тогда виновны и многие другие, те, кто ныне наслаждается небесным покоем, те, кем восхищались наши предки, те, кому вы, потомки, возводите статуи. Мне вряд ли позволят перечислить все славные имена, поэтому я просто спрошу, есть ли тут человек, никогда не слышавший о просвещенном Локке? И разве этот благородный мудрец не защищал свободу и, следовательно, права простого человека; разве этот поборник британской конституции, написавший «Трактат об управлении государством»… не настаивал на реформе парламента и более справедливом представительстве в нем народа? Посмеете ли вы вычеркнуть из анналов истории его имя, осквернить его память, признать, что и он занимался развращением умов?..

Но если попытка добиться парламентской реформы — преступление, тогда обвинение должно быть намного шире. Оно должно распространяться и на министров короны, и на попрошаек на улицах. Или вы забыли, что в 1782 году герцог Ричмонд, нынешний главнокомандующий, ревностно отстаивал всеобщее право голоса? Или вам неведомо, что он председательствует в

различных обществах и, подобно мистеру Питту, помогает открывать такие общества по всему королевству? Или вы никогда не читали его знаменитое письмо полковнику Шервину, в котором он рассуждает о необходимости полноценного представительства народа? Или вина определяется ныне веяниями политической моды? Быть может, кто виноват, зависит от времени года, от внешних обстоятельств? Или же патриотизм 1782 года стал преступлением в 1793-м?

Африканская экспедиция, 1796 год
Мунго Парк

Исследователь и врач из пограничного городка Ярроу, Мунго Парк провел восемнадцать месяцев в дебрях Африки: лондонское Африканское общество поручило ему разведать русло реки Нигер. Возвратившись в Британию, этот скромный молодой стоик, которого уже давно считали погибшим, приехал в дом своего шурина рано поутру и, не желая будить родственников, бродил по саду, пока те не проснулись сами. Позднее Парк женился и обзавелся врачебной практикой в Пиблзе, однако желание вернуться в Африку он преодолеть не смог. В ходе второй африканской экспедиции он утонул вместе с кораблем, попав в засаду у порогов Бусса.

Мавры, населяющее северную часть Африки, разделяются на многие независимые племена, из которых самыми страшными почитают тразартских и ильбракенских, живущих на северном берегу Сенегала. Гедингумские, яфнусские и людамарские не столь многочисленные,

воинственны и сильны. Каждое племя мавров управляемо ханом, или царем, имеющим над ними неограниченную власть деспота.

Мавры ведут жизнь пастушескую; в мирное время занимаются скотоводством; пища их одно мясо. Они бывают попеременно или слишком обжорливы, или слишком воздержаны. По причине частых и строгих постов, законом им предписываемых, и по причине многотрудных путешествий, предпринимаемых ими по дикой пустыне, они с удивительным терпением переносят голод и жажду. Но между тем если мавру откроется случай удовольствовать свою жадность, то он терпение свое вознаграждает без всякой умеренности; обыкновенно один мавр съедает против троих европейцев. Мавры земледелием занимаются весьма мало: хлеб, бумажные материи с другими жизненными потребностями получают они от негров, выменивая на каменную соль, добываемую ими в великой своей пустыне…

У мавров воспитание дочерей в совершенном пренебрежении. Женщины у них мало заботятся о моральном своем характере, а мужчины недостаток сей добродетели совсем не вменяют им в порок. Мавры думают, что женщины, в сравнении с ними, имеют другое, не столь благородное

предназначение: думают, что они сотворены только для исполнения воли гордых своих повелителей: чувственные удовольствия почитаются между ими первым достоинством, а рабская покорность первой и необходимой…

Мавры покупают себе одежду у негров — посему жены их платье свое носят с величайшей бережливостью: они вообще наготу свою прикрывают большим куском бумажной материи, которой опоясываются и которую опускают вниз почти до земли… обыкновенный головной убор здешних женщин состоит из бумажной повязки, закрывающей лицо от солнечного жара. Надобно, однако, заметить, что мавританские женщины никогда не выходят с двора, не закутавшись с головы до ног.

Здесь кстати замечу я, что бедственное состояние несчастных негритянок достойно всякого сожаления. С самой темной утренней зари они ходят с большими кожаными мехами, которые называются гирбами, за водою; они возят ее на себе, как скоты, для употребления своих господ и для их лошадей, которых мавры весьма редко позволяют гонять на водопой. По окончании сей работы негритянки толкут пшеницу и приготовляют из нее кушанье, в это время палит их

сверху солнце, снизу — раскалившийся песок, спереди — разожженный огонь. Между делом метут они палатки, бьют масло, короче: делают все, что только можно представить себе трудного; и невзирая на все сии работы, их кормят очень дурно и бьют самым жестоким образом.

Одеяние людамарских мавров почти ни в чем не отлично от одеяния негров. Первые от последних рознятся только тем, что носят на голове отличительный знак последователей Магометовых — из белой бумажной материи чалму…

Во все то время, как был я в Людамаре пленником, не удалось мне увидеть ни одного человека, на котором была бы оспа. Мне сказывали однако, что она здесь по временам свирепствовала. Я слышал, что из земли мавров часто переходила она к южным неграм, и что негры, живущие на берегах Гамбии, прививая себе оспу, получали от нее выздоровление…

Людамар к северу граничит с великой пустыней Сахарскою. Если можно верить всему, что мне наговорили о песчаном море северной Африки, занимающем столь великое пространство, то оно, по сим известиям, должно совсем быть необитаемо; здесь все места бесплодны: бедные кочующие арабы гоняют свой скот даже и туда,

где видят хотя малейший признак прозябения; там, где в некотором изобилии находятся и вода и пастбища, с неописуемой радостью, небольшими отделениями основывают они свои колонии, в которых живут независимо, хотя чрезвычайно скудно, и нимало не боятся тиранской власти варварийских деспотов. Прочая дикая африканская степь совсем безводна; посему в ней никого не увидишь, кроме купцов, очень редко, с великим трудом и опасностью караванами чрез нее проходящих. В некоторых местах сей необозримой пустыни находишь иногда песок, покрытый редкими, иссохшими кустарниками, которые служат для караванов пристанищем и которые для верблюдов бывают самою бедною пищей; устрашенный путешественник вокруг себя ничего более не находит и ничего не видит, кроме открытого неба и неизмеримого песчаного пространства…

Мавры цветом и чертами лица похожи на антильских мулатов; но в физиогномии своей имеют они что-то неприятное. Смотря на лица мавров, кажется, читаешь в них расположение к вероломству и жестокости; всякой раз, когда я со вниманием их рассматривал, невольное беспокойство наполняло мою душу. Взоры их дики;

иностранец, при первом на них взгляде, не может не почесть их за людей безумных…

Вероятно, что до приезда моего большая часть людамарских жителей никогда не видывала белого человека; но все они ужасно ненавидят христиан; все думают, что нет никакого преступления в убийстве европейца. Страдания, претерпленные мною во время моего у них заточения, кажется, всем путешественникам могут послужить самым наставительным уроком, удаляться от стран сего жестокого и вероломного народа[10].

Об открытии верховий Нигера Парк вспоминал:

Я поднял голову и, к моей бесконечной радости, увидел перед собой долгожданную цель своих устремлений — величественный Нигер, искрящийся в лучах утреннего солнца. Он был так же широк, как Темза у Вестминстера, и воды его медленно текли на восток. Я побежал к берегу, напился воды и воздел руки к небу, чтобы от всей души возблагодарить Творца всего сущего, Который увенчал мои усилия этой победой.

---

[10] Примечания: 10
Перевод Г. Покровского.

Генри Реберн, начало 1800-х годов
Аллан Каннингем

Возможно у Генри Реберн — величайший из шотландских художников-портретистов. Рано осиротевший, он начинал как подмастерье ювелирау потом писал миниатюры, и его заметил и взял под опеку Дэвид Мартин, тогдашний модный портретист. Побывав в Италии, Реберн вернулся в Шотландию и постепенно сделался знаменитым. Ниже приводятся отрывки из сборника, составленного викторианским эссеистом Джоном Брауном; этот сборник посвящен жизни и творчеству Реберна.

Аллан Каннингем — друг художника.

Хотя студия его помещалась на Йорк-плейс, жил он в Сент-Бернарде, поблизости от Стоукбриджа, и дом его окнами выходил на залив Лейт — место весьма романтическое. Крутые склоны холмов поросли деревьями, сад при доме выглядел таинственно и прекрасно, а уединенность этого места позволяла ему без помех предаваться размышлениям. Распорядок его дня был строго определен,

словно раз и навсегда. Летом он вставал в семь, завтракал около восьми с женой и детьми, затем отправлялся пешком в просторную студию в доме номер 12 на Йорк-плейс… и к девяти часам принимал первого клиента; на протяжении многих лет в день он принимал не менее трех или даже четырех клиентов. Каждому из них он уделял по полтора часа и редко задерживал клиента более чем на два часа, если только не выяснялось — а такое происходило нередко, — что этот человек наделен неким необыкновенным талантом. Тогда он чувствовал себя счастливым и не отпускал клиента до тех пор, покуда в дверь не стучался следующий.

Чтобы нарисовать голову, ему обычно требовалось четыре или пять сеансов, и он предпочитал изображать именно голову и руки, заявляя, что эти части тела не требуют пристального внимания. Складка драпировки, естественная небрежность, с которой некто набрасывал плащ на плечи — подобные явления интересовали его куда более, нежели человеческая голова, средоточие мыслей и воображения. Он обладал столь глубокой интуицией, что первый сеанс редко завершался без того, чтобы он составил себе полное представление о характере и склонностях

клиента. Он никогда не рисовал мелом, но сразу брался за кисть…

Лоб, подбородок, нос и губы наносились на холст первыми. Он всегда рисовал стоя и никогда не использовал опору для руки; у него был столь острый глаз и столь крепкие нервы, что самые изящные штрихи наносил он почти механическими движениями, ничуть не полагаясь на различные приспособления, лишь мановением руки. В студии он обыкновенно оставался до пяти, после чего возвращался домой и в шесть часов ужинал…

Один из клиентов художника вспоминал:

Он произнес несколько слов в привычной дружелюбной манере — должно быть, чтобы ободрить меня; затем усадил меня в кресло на помосте у дальней стены студии, придал мне нужную позу, взял в руки палитру и подошел к холсту. Убедившись, что все в порядке, он взмахнул кистью, отступил на несколько шагов, продолжая смотреть на меня, и остановился, почти уперевшись спиной в противоположную стену; так он простоял с минуту, потом вернулся к холсту и, не глядя на меня, принялся работать кистью. Затем снова отошел подальше, еще минуту разглядывал меня, торопливо подскочил к

мольберту и вновь заводил кистью.

Мне доводилось позировать другим художникам, и они вели себя совершенно иначе — тщательно вырисовывали черновики мелом, измеряли пропорции, ставили мольберты почти вплотную и не отрывали взгляда от моего лица, насыщая наброски цветом. Так они добивались сходства в мельчайших подробностях; Реберн же отлично передавал выражение, настроение. Другие делали аккуратные штрихи, а он работал широкими мазками; они выявляли человека — а он показывал душу.

Эмиграция из Хайленда, 1806 год
Джеймс Крэйг

Разделе «Статистическом обозрении Шотландии» за 1805 год, посвященный приходу Страхур, дает представление об официальной позиции по отношению к горцам-хайлендерам: «Если обстоятельства вынуждают горца покинуть тот малый круг, в котором он вращался с детства, он может уехать сколь угодно далеко. Иной приход, поселение на территории другого клана — подобное для него равносильно изгнанию; поэтому, если обстоятельства вынуждают к переменам, он скорее пересечет Атлантику, нежели переселится в соседнюю долину». В том же году граф Селкерк, собиравшийся основать колонию в Канаде, напечатал памфлет, восхвалявший прелести эмиграции; граф также задавался риторическим вопросом: если горцев уже лишили исконных земель, «почему они столь жарко сопротивляются тем, кто желает им блага?» Подобная позиция возмутила адвоката Джеймса Крэйга, и тот опубликовал в «Эдинбург геральд» несколько открытых писем графу.

Будучи привязан к стране, меня взрастившей, не могу не высказаться по поводу этого сочинения, десять из двенадцати глав которого призваны развеять опасения, каковые вызывает предлагаемая эмиграция и у самого бесстрастного хайлендера. Да, дома далеко не все гладко, жизнь здесь мрачна и полна забот, однако дом есть дом, представление о доме не ограничивается, вопреки утверждениям графа Селкерка, независимостью, безопасностью, дружеским общением и прочими ценностями горцев, каковые его милость сулит эмигрантам. Он обращается к крестьянам с такими словами: «Покидайте свои дома, покидайте страну, которой вы более не нужны, ведь здесь у вас есть кусок хлеба, но ради этого куска вас принуждают отказаться от всего, что вам дорого. Поэтому уезжайте, эмигрируйте; и если вы выберете колонию, которую я намерен основать, и расчистите несколько акров канадского леса, вы будете благополучны и счастливы так, как и не снилось вашим отцам». Также он обращается к законодательной власти и говорит: «Поощряйте эмиграцию, избавьте себя от этих беспокойных горцев, освободите горы, отошлите кланы в чужие земли, и там они проникнутся любовью к родине, их отвергнувшей». Такова, по

моему мнению, суть сочинения его милости; и пусть он приукрашивает суровую действительность различными красочными сравнениями и убедительными доводами, главная и единственная его цель — сделать эмиграцию более привлекательной для народа и менее обременительной для правительства…

Я не стану, учитывая нынешнее положение дел в Европе, говорить об отчаянии и унынии, однако не могу не посоветовать нашему поборнику эмиграции присмотреться к нашей армии, к потребностям нашего флота; изучить спрос на местном рынке труда и потребности наших промышленников, механиков и фермеров, прежде чем предаваться пустопорожним фантазиям об эмиграции; я советую вспомнить о сотнях акров пустующих земель, прежде чем рассуждать о сокращении и без того малочисленного населения; а еще я с удовольствием напоминаю, что до выхода в свет сочинения лорда Селкерка философы в один голос утверждали: сила нашей страны — в ее жителях, ее крестьянстве, а значит (и этим я не хочу ущемить ничьи чувства) и в ее хайлендерах…

Граф говорит, что горцев, столь ленивых и не желающих трудиться дома, переселят в колонию

его светлости не раньше, чем они сделаются предприимчивыми, трудолюбивыми работниками и приобретут воинский опыт. Получается, что эмиграция предполагает полное перерождение человека, и лишь ее посредством последний лишается наследственных пороков, каковые преобразуются в свои противоположности…

Его милость доказывает, что для хайлендера всякая перемена пейзажа уже есть эмиграция, что пересечение Клайда для него равносильно пересечению океана, что Глазго и Пэйсли для него столь же чуждые земли, как и побережье Лабрадора или Сент-Джона. Чтобы быть счастливым, горцу нужна своя земля, а чтобы получить эту землю, ему нужно эмигрировать… Я бы очень хотел, чтобы его милость и те, кто с ним заодно, задали себе простой вопрос: учитывая особенности климата в Хайленде, не проще ли горцу перебраться в «Глазго и Пэйсли», чем в поселения американских индейцев? И даже если допустить, что обычаи и повадки в Ланарке или Ренфрю могут поначалу удивить уроженца Аргайла или Инвернесса, неужели эти обычаи и повадки шотландцу усвоить затруднительнее, нежели традиции тех, кто обитает на берегах Миссисипи и Ориноко?..

Поэмы Оссиана, 1806 год
Сэр Вальтер Скотт

Литературная Европа с восторгом встретила публикацию переводов древних эпических поэм, которые молодой шотландский учитель и поэт Джеймс Макферсон, по его собственному утверждению, отыскал в хайлендской глубинке; эти поэмы якобы сочинил гэльский бард Оссиан. Романтические и весьма эмоциональные, эти поэмы обрели широкую популярность и были переведены на многие языки. Первым усомнился в их подлинности Сэмюел Джонсон, а уже после смерти Макферсона, в 1805 году было опубликовано заключение, что эти поэмы сочинил сам Макферсон, опираясь на обрывки гэльских сказаний. При этом заключение воздавало должное литературному мастерству Макферсона. Сэр Вальтер Скотт изложил свои взгляды на дискуссию в письме писательнице Анне Сьюард.

…Что же касается упомянутого грандиозного спора, я не был бы шотландцем, если бы в своих исследованиях не обратил внимания ни эти сочинения, и действительно некоторое время у меня

на столе лежали двадцать или тридцать оригинальных текстов Оссиановых поэм. Я, разумеется, допускал, что они пострадали в переводе, а также что на состоянии сказаний, собранных ныне, не могли не сказаться те перемены, которым подвергся Хайленд после того, как там побывал Макферсон, однако по зрелом размышлении все же пришел к выводу, что значительная часть английского Оссиана представляет собой сочинения самого Макферсона и что его предисловия и изыскания есть не что иное, как обоснование подделки…

Хайлендерское общество недавно приступило к изучению, точнее, к собиранию материалов для установления подлинности Оссиановых поэм. Исследования показали, что оригиналов этих поэм, в обиходном значении слова «оригинал», попросту не существует. Древнейшие сказание, каковое удалось разыскать, — это, судя по всему, предание о Дартуле, однако оно и сюжетом, и стилем принципиально отличается от поэмы Макферсона, при этом являясь прекрасным образчиком кельтской поэзии, каковой необходимо сохранить для потомства; и как может быть иначе, если мы отлично знаем, что еще пятьдесят лет назад в Хайленде проживали поэты, в роду

которых поэтическое творчество передавалось по наследству? Возможно предположить, что среди сотен тех, кто наследовал друг другу на протяжении поколений, да еще в стране, пейзажи и обычаи которой питают воображение и бесконечно разнообразят творчество, обязательно были те, кто достиг совершенства в своем искусстве. Разыскивая ранние образцы кельтской музы и сохраняя их от забвения вместе со всеми теми любопытными сведениями, которые они содержат, наши антиквары, по моему скромному суждению, сделают намного больше для своей страны, чем если бы они продолжали свою погоню за фантастической химерой…

Строительство маяка Белл-Рок, сентябрь 1807 года
Роберт Стивенсон

Семейство Стивенсонов, из которого впоследствии вышел писатель Роберт Луис, стало пионерами строительства современных маяков, благодаря чему сделалось одним из самых влиятельных в стране. Среди ранних сооружений Стивенсонов — маяк Белл-Рок, великолепный образец промышленной архитектуры. Скала Белл-Рок, в одиннадцати милях к юго-востоку от Арброта, представляла собой, по словам Роберта Стивенсона, «полузатопленный утес… расположенный таким образом, что он издавна внушал страх морякам у восточного побережья Шотландии». Из-за отдаленности скалы работы возможно было вести только во время отлива, по несколько часов в день. Строителям пришлось столкнуться с немалыми трудностями и опасностями, а страшнее всего было, когда море унесло от причала катер «Смитон», увлекший за собой и лодку (всего в распоряжении строителей было три лодки).

В этих суровых обстоятельствах он разрывался между надеждой и отчаянием… Люди остались на полузатопленной скале посреди моря, а приближавшийся прилив грозил полностью затопить этот одинокий камень. Тем утром на скале находились тридцать два человека, располагавшие всего двумя лодками, вместимость которых даже в ясную и спокойную погоду не превышала двадцати четырех человек; а чтобы лодки могли выдержать сильный ветер и бурное море, в них нельзя было сажать более восьми человек в каждую, так что не менее половины из нас оставались без мест. Учитывая все это, автор этих строк отважился отправить одну лодку ловить «Смитон» и по возможности привести помощь; строители немедленно зароптали, так как каждому хотелось оказаться на борту в числе восьми избранных и плыть к суше, а «Смитон» с экипажем предоставить его собственной участи. Разумеется, вспыхнул спор, и если вспомнить, что люди отчаянно опасались за свои жизни, трудно сказать, чем бы он мог завершиться. Автору этих строк позднее сообщили, что компания мастеровых была готова отобрать у нас одну из лодок силой.

Что касается печального жребия «Смитона»,

о том некоторое время было известно лишь автору этих строк и лоцману, который отошел на дальний край скалы и внимательно следил за движениями судна. Покуда мастеровые трудились, кто на корточках, кто на коленях, вырубая в скале отверстия и устанавливая перемычки, покуда стучали молотки и продолжал работать кузнец, положение выглядело не столь жутким. Когда же вода начала подниматься и достигла тех, кто трудился внизу, то огонь в кузнице оказался погашен раньше обычного, дым прекратил застилать глаза, и нашим взглядам открылись окрестности — пространство ярившейся воды и далекая суша. Проработав около трех часов, люди привычно двинулись к лодкам за куртками и теплыми штанами и с изумлением увидели вместо трех лодок всего две, поскольку третью увлек за собой «Смитон».

Никто не проронил ни слова, однако все наверняка принялись подсчитывать про себя, сколько людей на скале, и озабоченно переглядываться. Лоцман, сознавая, что пропажу катера с лодкой можно поставить ему в вину, держался поодаль. В этот миг автор этих сток стоял на возвышении и наблюдал за движением «Смитона», немало удивленный тем, что экипаж не удосужился об-

рубить концы и освободить лодку, тащившуюся на буксире и замедлявшую ход, а также и тем, что никто не пытался вернуть управление судном и поспешить нам на выручку. Рабочие пристально глядели на меня, время от времени косились на катер, по-прежнему болтавшийся в море. Все это происходило в полнейшей тишине, в сочетании с которой тоска, читавшаяся в глазах людей, делала зрелище незабываемым.

Автор этих строк обдумывал всевозможные варианты — исходя из того, что люди будут ему подчиняться; быть может, размышлял он, стоит рассадить всех в оставшиеся лодки и отчалить, а «Смитон» сумеет их подобрать? И он уже собрался известить рабочих о своем плане и предложить, чтобы, с учетом грозящей опасности, все они сняли верхнюю одежду, когда верхушка скалы окажется под водой. Морякам же следует выкинуть из лодок все лишнее, и тогда все, кто поместится, сядут в лодки, а прочие поплывут рядом, держась за планшир, и лодки пойдут на веслах в направлении «Смитона», поскольку маяк от катера находился на подветренной стороне.

Но когда он попытался заговорить, то не смог вымолвить ни слова — во рту пересохло, и язык отказывался слушаться. Тогда он повернулся,

зачерпнул морской воды из лужицы у ног и смочил губы, что принесло облегчение. И каков же был его восторг, когда, выпрямляясь, он услышал чей-то крик: «Лодка, лодка!» и увидел невдалеке большую лодку, державшую курс на скалу. Все, кто был на утесе, оживились и возбужденно загомонили. Нашим спасителем оказался Джеймс Спинк, лоцман из Арброта; выяснилось, что он некоторое время наблюдал за «Смитоном» и предполагал, по погодным условиям, что все строители на борту катера, пока не подвел свое судно поближе и не разглядел людей на скале; впрочем, полагая, что его вмешательство не требуется, он бросил якорь и принялся рыбачить, ожидая, как обычно, что мы дадим ему сигнал вести нас в гавань — его лодка была слишком крупной, чтобы приближаться к скале без риска напороться на камни…

Когда обстоятельства счастливо переменились, шестнадцать мастеровых в два приема перевезли на лодку… за ними последовали вторые шестнадцать человек. Потом мы взяли на буксир свои лодки, и всякий был безмерно рад покинуть Белл-Рок тем утром, пусть нас ожидал долгий и опасный переход к гавани, ведь ветер к тому времени изрядно усилился, а море вспенилось и

катило валы...

Шахтеры, 1808 год
Роберт Бонд

Болд, инженер и торговый агент графа Мара, написал научный трактат о горном деле, в приложении к которому простым слогом изложил свое впечатление об условиях работы в шахтах. Несмотря на леденящее кровь описание, лишь постановление правительства от 1840 года запретило использование в шахтах женского и детского труда.

...Мы посчитали возможным вынести на общественное рассмотрение условия труда той группы населения, каковая непосредственно связана с добычей угля и каковая трудится поистине в рабских условиях, подобные которым едва ли наличествовали в самые темные эпохи варварства. Эту группу составляют женщины, выносящие уголь в шахтах Шотландии... Они не только относят уголь из забоя на поверхность, но и затаскивают его на самый верх угольных куч, как было заведено исстари, и просто удивительно, что подобный обычай сохранился до наших дней, вопреки всем усовершенствованиям.

В Англии о таком не слыхивали, да и в окрестностях Глазго этот обычай уже изжит… Однако достоверно известно, что, хотя сей труд тяжек и утомителен, находятся молодые женщины, не испытывающие к нему отвращения, веселые и легкомысленные, будто светские дамы, и если бы им представилась возможность выбирать род занятий, они все равно выбрали бы именно эту работу; посему винить хозяев и мужей не следует. Однако сам обычай, безусловно, является тягостным и дурным пережитком.

Поскольку же подобным трудом промышляют не только молодые женщины, но и матери семейств, сей обычай подлежит запрещению, пусть сами они воспринимают работу, нисколько не жалуясь…

В тех шахтах, где используют не лошадей, а людей, шахтер уходит на работу около одиннадцати вечера (сопровождаемый сыновьями, если они достигли соответствующего возраста), когда остальное человечество отходит ко сну. Сначала нужно подготовить уголь к перевозке, вырубив его из пласта. Спустя приблизительно три часа, жена шахтера (в компании дочерей, если те уже довольно выросли) спускается в забой; младенцев несут на руках, завернув в одеяла, и оставляют на

попечение старухи, каковая за небольшую плату присматривает за тремя-четырьмя детьми и, в отсутствие матерей, кормит их элем или виски, разбавленным водой. Детей постарше оставляют под присмотром соседей, и поистине удивительно, что в таких условиях они все же вырастают…

Мать, избавившись таким образом от младших детей, спускается в забой вместе со старшими дочерьми, и каждая принимается складывать в принесенную с собой корзину куски угля; вес набирается такой, что часто эту корзину на женские спины поднимают двое мужчин; девочкам делают некоторое послабление. Мать идет первой, держа в зубах зажженную свечу, дочери следуют за ней, и так они доходят до дна колодца и начинают медленно взбираться по лесенке, время от времени останавливаясь перевести дыхание, пока наконец не выбираются наружу и не выгружают уголь; так они спускаются и поднимаются восемь или десять часов почти без отдыха. Часто можно видеть, как они, поднимаясь наверх, плачут от усталости, однако, едва освободив корзины, обретают былую веселость и снова спускаются вниз, что-то напевая.

Объем работы, выполняемый в шахте крепкой женщиной, не может не поражать. К примеру, мы

видели женщину, которая за упомянутый выше срок смены поднимала груз весом не менее 170 фунтов, проходила вверх по забою не менее 150 ярдов, затем поднималась по лесенке длиной 117 футов и затаскивала корзину на высоту 20 ярдов от земли. И все это она делала не менее двадцати четырех раз за день… Иными словами, всего за сутки женщина поднимает на поверхность 4080 фунтов угля, то есть 3600 английских фунтов, а нередко случалось и так, что этот вес достигал двух тонн. Платят же за такую работу всего восемь пенсов в день!..

Угольщик, вместе с женой и детьми, завершив труды, возвращается домой, где их не ожидает никаких удобств; одежда мокрая и покрыта грязью, башмаки едва держатся, и не удивительно поэтому, что они часто болеют, ведь стужа выхолаживает их тела.

Придя домой, где тоскливо и мрачно, огонь, как правило, в очаге не горит, а кухонная утварь жирная и немытая, женщина, ведомая инстинктом, сразу бежит за оставленным на попечение младенцем и начинает укачивать его, даже не сняв грязную одежду.

Из-за того, что мать вынуждена столько времени проводить в шахте, дети не получают

надлежащего воспитания, а домашние дела забрасываются, что никоим образом не способствует семейному счастью. Допускают, что именно по причине такого образа жизни инфекционные болезни куда чаще поражают детей шахтеров, нежели детей любых других групп населения; в один год число смертей превысило число родившихся. Загляните в их дома; вы без труда увидите подтверждение сказанному.

Этот же образ жизни побуждает их бездумно тратить заработанные деньги. Посему они постоянно испытывают нужду. Не приходится сомневаться, что есть и исключения из этого правила; однако и то, о чем упомянуто, далеко не редкость…

Помимо жен и дочерей угольщиков, есть и другие женщины, которые трудятся на шахтах, и это женщины, не состоящие ни в каком родстве с теми, кто их нанимает. Они поступают в распоряжение десятника, и тот приставляет их выносить уголь за любым шахтером, кому это понадобится, так что, бывает, они каждый день меняют добытчика; это самое настоящее рабство, а поскольку шахтер по характеру своего труда предрасположен к злобе и раздражительности, он нередко наваливает в корзины, носимые этими женщи-

нами, столько угля, что можно сломить не только дух, но и хребет любому живому существу.

Эти женщины вполне осознают тяготы своего положения, поскольку те очевидны, в особенности тем, кому доводилось путешествовать под землей. И все же мы приведем один показательный пример.

Из одной шахты вышла замужняя женщина. Она пошатывалась под весом корзины, ее руки дрожали, и колени грозили вот-вот подломиться. Поднявшись наверх, она сказала самым жалобным тоном: «Сэр, какая ж это тяжкая доля! Жаль, что Господь не попустил, чтоб первая женщина, взявшаяся носить уголь, сломала себе спину. Тогда никто бы за это снова не взялся».

Рождение исторического романа, 1814 год
Генри Кокберн

Сэр Вальтер Скотт поначалу публиковал свои исторические романы анонимно, опасаясь, что они повредят его репутации законоведа и поэта. Цикл «Уэверли», литературу нового типа, публика приняла очень тепло, ибо в нем увлекательный сюжет рыцарских романов сочетался с многочисленными историческими сведениями. Критики утверждали, что эти романы искажают факты и «бесстыдно творят мифы», однако этот жанр постепенно утвердился в литературе. Адвокат Генри Кокберн рассуждал о возбуждении в обществе, вызванном выходом первого романа Скотта; пройдет еще десять лет — и сэр Вальтер признает свое авторство (впрочем, к тому времени уже все об этом знали).

Неожиданность новизны, изобилие персонажей, шотландский язык, шотландские пейзажи, шотландские мужчины и женщины, простота и ясность стиля, наглядность и живость описаний — все это поражает нас, будто молния, и

наполняет сердца восторгом. Хотелось бы мне вновь испытать те чувства, которые вызвал выход из печати первого из двух эдинбургских романов. Если сокрытие истинного имени авторства задумывалось как способ дополнить их таинственность и очарование, затея полностью удалась. Рассуждений и размышлений, кивков и домыслов, утверждений и отрицаний было не счесть, об этом говорили в компаниях, и даже разговор двух людей на улице не обходился без догадок по этому поводу. Доказывали, приводя в обоснование тысячи доводов, что автор — старый Генри Маккензи, или Джордж Крэнсторм, или Уильям Эрскин, или Джеффри или же, прежде всего, Томас Скотт, брат Вальтера, полковой казначей, тогда находившийся в Канаде. Однако «Великий Никто», как именовал себя истинный автор, принимал все необходимые меры к тому, чтобы скрыть свою личность, и доходило до того, что в его присутствии над загадкой потешались не только его друзья, но и он сам…

Битва при Ватерлоо, 18 июня 1815 года
Сержант Диксон

Участие Шотландского Грейского полка в битве при Ватерлоо в значительной степени обеспечило победу британцев. Когда перед полком собралась едва ли не вся французская армия, шотландцы выступили навстречу врагу. Наполеон, восхищенный их мужеством, был уверен, что покончит с ними за полчаса. Отступая же с поля боя некоторое время спустя, он сказал: «Как же дерутся эти треклятые шотландцы!» Ниже приводятся воспоминания о бое главного сержанта Диксона, написанные почти сорок лет спустя.

Мы едва успели занять позиции, как началась пушечная пальба, и мы увидели, что хайлендеры движутся вдоль дороги справа… Вскоре после этого генерал сэр Уильям Понсонби подъехал к нам, и с ним был его адъютант Де Лейси Эванс. Он приказал нам выдвинуться на расстояние пятидесяти ярдов от дороги. Я словно воочию вижу его — в длинном плаще и в треуголке он наблюдает за сражением с холма. С нашей новой позиции

мы видели, как три отряда хайлендеров, численностью всего в тысячу человек, отважно палят в наступающие орды французов… Потом я увидел бригадира сэра Дениса Пэка, который повернулся к полку Гордона и крикнул: «Девяносто второй, в атаку! Самое время наступать!» Хайлендеры, которые начали день, пропев перед едой свои воинственные песни, немедля двинулись с примкнутыми штыками через изгородь в сторону кустов, которыми порос склон. На бегу они издавали оглушительные вопли, потом остановились ярдах в двадцати от французов и дали залп.

В этот миг наш генерал и его адъютант отъехали вправо, и вдруг я увидел, что Де Лейси Эванс машет шляпой; тут же наш полковник Инглис Гамильтон воскликнул: «Вперед, ребята, в атаку!» Воздев шпагу, он поскакал прямо на изгородь, которую его конь величественно перепрыгнул. Мы издали дружный клич, тоже замахали клинками и последовали за ним. Я вонзил шпоры в бока моего доброго Таратора, и мы помчались, как ветер…

Всех нас переполняла радость битвы, и мы пересекли дорогу с криками: «Ура, Девяносто второй! Шотландия навсегда!», ибо среди дыма и канонады слышались звуки волынок, и я увидел

на возвышении своего старинного друга майора Кэмерона, который, не обращая внимания на стрельбу, выдувал мотив «Джонни Коуп»…

Сомкнув ряды на склоне холма, мы увидели перья на боннетах хайлендеров и услышали, как офицеры приказывают им отступить для перегруппировки.

Они все были из Гордонов и, когда мы пробегали мимо, крикнули нам: «Давайте, Серые! Шотландия навсегда!» Моя кровь словно воспламенилась, и я крепче стиснул саблю. Многие хайлендеры хватались за наши стремена и, упоенные битвой, бежали рядом с нами на врага. Французы что-то истошно вопили. Именно тогда я впервые увидел француза вблизи. Молодой офицерик попытался ударить меня клинком, но я парировал удар и ранил его в руку, а в следующий миг мы уже очутились среди них. Дым был таким густым, что видно было не далее пяти ярдов…

Французы дрались, как тигры. Раненые стреляли в нас, когда мы проносились мимо… Потом те, кто был в первых рядах, принялись молить о пощаде, бросать ружья и снимать портупеи. Гордоны тогда обрушились на французский тыл. Я очутился впереди, ибо многие наши уже пали…

Мы вырвались на открытое пространство с ред-

кими кустами, и тут я увидел сержанта Юарта, с пятью или шестью пехотинцами, яростно рубившего налево и направо… Я едва успел отвести штык, который грозил вонзиться в горло доблестному сержанту… Едва ли не голыми руками Юарт захватил орла Сорок девятого французского полка, познавшего сладость побед под Аустерлицем и Иеной. Мы крикнули: «Отлично, парень!» и, дождавшись остальных, устремились далее…

Нас встретили огнем, и мы вновь оказались в окружении тысяч французов. На нас напала вторая линия, каковую составляли сплошь фузилеры… Мы немедля пошли в рукопашную и вскоре добились своего, вражеские батальоны словно расступились, пропуская нас, и вот так вышло, что всего пять минут спустя орды французов остались у нас за спиной.

Мы достигли подножия холма. Там было мокро и скользко. Подбадривая друг друга, мы двинулись к батареям, что занимали гребень справа и причинили нам немалый урон. Местность была неровной, и движение замедлилось, особенно когда мы вылетели на вспаханное поле, и наши лошади оказались по бабки в сырой земле. И мой добрый конь изрядно утомился, но все же мы не останавливались.

В этот миг полковник Гамильтон воскликнул: «На пушки!» и помчался, точно ветер, к холму, где размещалась зловредная батарея, выкосившая немало хайлендеров. Увы, мы видели своего полковника в последний раз! После боя нашли его тело с отрубленными руками. Карманы мундира были пусты…

Добравшись до пушек, мы отомстили французам сполна. Какая славная резня! Мы зарубили пушкарей, захватили лошадей, обрубили постромки. Французы кричали: «Дьявол!» и шипели сквозь зубы, когда моя сабля поражала очередную жертву. Нам достались пятнадцать пушек. Возницы сидели верхом и горько рыдали, но мы их не тронули, ведь они были совсем еще мальчишки.

Таратор разъярился, кусал и бил копытами все, что оказывалось рядом. В него словно вселился бес. Я потерял плюмаж во время второй схватки, точнее сказать, его сбила шальная пуля. Французская пехота в беспорядке бежала прочь. Кто-то крикнул мне, что надо спешиться, ибо мой конь тяжело ранен. Я спрыгнул наземь, и в тот же миг конь повалился замертво. Я ухватил поводья какой-то французской лошади, вскочил в седло и поскакал дальше…

Вообразите мое изумление, когда внизу, там,

где мы только что прошли, появились два эскадрона кирасир, а слева от них выдвинулся полк стрелков. Что это было за зрелище! Кирасиры в сверкающих кирасах и шлемах, на крепких черных конях с синими попонами на спинах, неслись на меня, и земля летела из-под копыт, а фанфары трубили сигнал к атаке; сверху же стреляли из ружей и пушек.

Повсюду залязгала сталь, слышались крики, ржание и стоны. Что нам было делать? За спиной у нас появились французские пехотинцы в меховых шапках, а путь к спасению преграждала вражеская кавалерия. Офицеров поблизости не было, и потому мы переглянулись и бросились прямиком на врага, доверившись Провидению. Нас было с полдюжины Серых и около десятка королевских стрелков. Все мы кричали: «Вперед, парни, покажем им!» и, пришпорив коней, устремились на пехоту.

Но у нас не было ни единого шанса… Мы столкнулись с грохотом, лошади начали вставать на дыбы, кусаться и громко ржать, потом некоторые из нас попадали на землю, и я видел, как они пытаются руками отбиваться от штыков…

Я снова упал, ибо неприятель подстрелил и моего нового коня, и я решил, что все, отвоевался.

Мы как раз находились на вспаханном поле, и тут моим глазам предстало зрелище, которое я никогда не забуду. Неподалеку лежал отважный генерал Понсонби, рядом со своей лошадкой. Его длинный подбитый мехом плащ откинуло ветром, и в его руке я разглядел миниатюрный портрет дамы; за ним лежал бригадный майор Серых Рейнольдс… Мое сердце исполнилось скорби, но я не стал предаваться сетованиям, ибо не мог себе этого позволить. В этот миг я увидел направлявшийся к нам эскадрон английских драгун. Французы почему-то вдруг подались, и мгновения спустя мы были спасены! Драгуны крикнули «ура» и обрушились на врага…

Как я дошел до нашей линии, мне не вспомнить, и вообще следующее, что мне вспоминается, — я лежу вместе с другими ранеными далеко за линией передовых постов. Мне сказали, что третья лошадь, мною пойманная, была столь изранена, что пала, едва я попытался на нее взобраться. Как ни удивительно, Таратор уцелел, нашел дорогу обратно и дожидался меня на наших позициях… Из тех трехсот Серых, что полчаса назад поскакали в атаку, выжили не более пятидесяти…

Лишь намного позднее мы узнали, что именно совершили в тот день, ведь человек, который

сражается на поле, мало что видит, кроме своего штыка или клинка. Мы расстроили три колонны численностью пятнадцать тысяч человек, захватили двух имперских орлов и вывели из строя более сорока вражеских пушек! Кроме того, мы взяли в плен почти три тысячи неприятельских солдат и, изможденные, пробились обратно к своим, невзирая на несколько свежих эскадронов противника…

Закон и порядок в Хайленде, 1816–1826 годы
Джозеф Митчелл

Джозеф Митчелл родился в 1803 году в Форресе и, как и его отец, работал на великого инженера Томаса Телфорда. Позднее он стал суперинтендантом Королевских дорог, мостов и железных дорог и оставил воспоминания, в которых описал Инвернесс и Хайленлд времен своей юности.

Публичные казни

Палач был одновременно человеком уважаемым и тем, кого боялись. В ту пору это место занимал человек, которого осудили за кражу овец, что считалось серьезнейшим преступлением, однако помиловали при условии, что он займет должность палача, весьма непопулярную в народе. Предыдущего палача Тейлора забила насмерть недовольная толпа. Должность эта вовсе не была синекурой, поскольку повешения в каждом приходе проводились ежегодно, в апреле и в августе. Этот человек, однако, был весьма зажиточным, имел красивый дом, доход в 60

фунтов в год и располагал некоторой властью над торговлей рыбой и мукой. Он «звонил в колокол», когда доставляли рыбу, и получал по селедке с каждого рыбака и пригоршню муки с каждого мешка.

Законы были весьма суровыми. Самыми тяжкими преступлениями считались воровство, угон чужих овец и убийство. От осуждения до исполнения приговора обычно проходило шесть недель, что усугубляло мучения осужденных. Казни проводились с большой помпой. Виселицу возводили на лугу Лонгман на побережье, в двух милях от города. Там же ставили помост двенадцати футов высотой, на котором стояли священники и магистраты.

Если я правильно помню, процессия от тюрьмы до места казни представляла собой жуткое зрелище. Для охраны осужденных обычно вызывали солдат из Форт-Джорджа. Первыми шли офицеры городской стражи в красных мундирах и с алебардами, следом магистраты и советники. Затем вели преступника, с ним рядом шагали один или два священника. Он был одет в белую рубаху с открытым воротом, на шее болталась веревочная петля, другой конец которой держал палач, шагавший позади. Далее шли почтенные горожане.

Солдаты выстраивались двумя шеренгами по обе стороны. Некоторые преступники впадали в отчаяние и громко молились, а священники присоединяли к их молитвам собственные. Когда человека вешали за угон овец (что случалось часто), было очень грустно видеть его рыдающих родичей, бедных и невежественных людей.

Безумцы

На севере не было ни единого приюта для умалишенных, и потому по улицам бродили четверо или пятеро этих несчастных созданий, над которыми издевались мальчишки. Одного человека много лет держали в тюрьме за то, что он якобы совершил убийство в припадке безумия и был осужден на пожизненное заключение. Его посадили в камеру с крохотным оконцем для света и воздуха, с соломенным тюфяком в качестве постели и с хлебом и водой в качестве пищи. Он провел в тюрьме много лет, и общество ничуть о нем не вспоминало, а в 1816 году его перевели в приют в Данди, где он спустя несколько лет и умер. Нас, детей, пугали, что если мы не будем хорошо себя вести, нас отдадут «Трохтеру» — так прозвали этого человека, ибо по-гэльски это слово означает «убийца». Он имел обыкновение

пронзительным и гнусавым голосом, который был слышен издалека, завывать, бродя по улицам: «Тигерна нан грае дин трохейр орм», что в переводе означает: «Господи Боже, сжалься надо мной». Люди настолько привыкли к этим завываниям, что не обращали на них внимания; но посреди ночи, когда вокруг было тихо, эти вопли пугали до полусмерти.

Виски

Хайлендеры как будто обожали эту тайную торговлю, сопряженную с немалым риском, и вели эту торговлю при полном сочувствии окружающих. В ней ощущался некий налет романтики. Вискикурню обычно размещали в каком-нибудь уединенном местечке, в ущелье или в пещере, причем прикрывали ветками или строили в лесу, чтобы дым от костра нельзя было увидеть издалека. Вокруг ставили дозорных, трех или четырех мужчин зверского вида, а иногда и женщин с детьми. Я воочию наблюдал подобную сцену, истинное вдохновение для художника.

Производство виски распространилось настолько, что в Инвернессе два или три медника вывесили над лавками вывески с изображением бутылок виски, открыто сообщая о своих заня-

тиях. Припоминаю, как моя матушка пополняла свои запасы виски, притом, что через несколько домов от нас жил акцизный чиновник. Все вокруг утверждали, что виски — единственный напиток, который стоит пить. И хайлендеры словно потешались над правительством…

Как-то утром, когда я отправился перед завтраком в Гленмористон и повернул в направлении этой чудесной долины, я увидел впереди два десятка лошадей хайлендской породы, запряженных попарно, и каждая пара везла по бочонку с виски. Животных сопровождали десять или двенадцать мужчин, некоторые в килтах, боннетах и с пледами, и с большими дубинками в руках. Завидев меня, двое из них остановились и стали ждать, пока я подъеду. Когда я поравнялся с ними, они пристально меня оглядели и сказали: «Доброго утречка, сэр», на что я ответил тем же. Потом один повернулся к другому и произнес по-гэльски: «Не бери в голову, это сын Митчелла, который живет на главной улице».

После чего вновь повернулся ко мне и сказал: «Не хотите глоточек?», а когда я утвердительно кивнул, достал из кармана круглую табакерку, в ту пору распространенную, но без крышки, вместимостью с бокал вина, и наполнил ее виски

из бутылки, которую извлек из другого кармана.

Побеседовав с ними и отведав виски, я двинулся дальше, а мужчины вежливо приложили пальцы к боннетам, желая мне доброго пути. Еще одна сценка для художника, и ныне, пожалуй, такого уже не увидишь.

Почти все вина, прочие спиртные напитки и товары, поставлявшиеся из-за границы в Шотландию, привозили в основном контрабандой из Голландии.

Припоминаю, что, когда я навещал родственников на западном побережье, меня привели в пещеру, где грудой были навалены бочонки с иностранным вином. Последний «караван» из Голландии пришел в Морэй в 1825 году, и привел его некий Дональд Маккей, а рыбаки из Кэмпбелтауна ему помогали.

Мне довелось еще, вместе с другом, заглянуть к чиновнику в форте; жил он в доме на пустоши. Когда мы выразили восхищение бренди (и пусть нам было по двадцати одному году, а значит, в спиртном мы разбирались не слишком хорошо), он сказал, что может продать нам по бочонку; мол, это из «каравана», недавно выгруженного в соседней бухте. Его садовник положил в мою повозку два бочонка (выкопанных из-под земли в

саду), и мы с другом торжественно возвратились в Инвернесс, и никакие акцизные чиновники, живущие рядом, нас не пугали.

Социальный эксперимент, 1816 год
Роберт Оуэн

Поселение Новый Ланарк на берегах Клайда стало вехой в истории благотворительности. Это промышленное поселение, где обрабатывали хлопок, построили в 1785 году Дэвид Дейл и Роберт Аркрайт, а широкой известности оно достигло благодаря зятю Дейла Роберту Оуэну, который выкупил Ланарк у тестя в 1800 году. Работа подразумевала кропотливый труд, а потому на фабриках работало много детей, но, в отличие от большинства других мест, здесь за детьми присматривали, заботились о них и старались дать им начальное образование. Оуэн также увеличил минимальный возраст, с которого детей брали на работу, с шести до десяти лет. Его считали «принцем филантропов», и многие приезжали в Ланарк, чтобы воочию увидеть плоды его деятельности. Ниже приводится протокол выступления Оуэна в парламентской комиссии.

...Мои принципы и весь план представлены теперь полностью публике. Если в первых име-

ется какая-нибудь ошибка или если последний покажется непрактичным, то мне должны на это указать. Если, однако, при его рассмотрении окажется, что план в основном правилен, легко осуществим и может помочь бедным и безработным из трудящихся классов в их тяжелых страданиях и в их унижении, то лица, желающие улучшить положение низших классов, должны безотлагательно употребить все усилия для его осуществления. Нельзя допускать, чтобы бесполезно прошел еще один год в больших и ненужных страданиях и в деморализации вследствие недостатка здоровой пищи, отсутствия правильного воспитания и обучения.

В(опрос). Являетесь ли вы главным собственником предприятий и поселка в Новом Ланарке и принадлежит ли вам одному руководство и управление ими?

О(твет). Да…

В. Каково население Нового Ланарка?

О. Оно состоит главным образом из работников фабрики хлопчатобумажной пряжи; но имеются также литейщики железа и меди, кузнецы, работающие над железом и оловом, мастера хлопчатобумажного производства, токари по дереву и металлу, пильщики, плотники, каменщики,

кровельщики, маляры, стекольщики, портные, сапожники, мясники, пекари, лавочники, фермеры, сельскохозяйственные рабочие, врачи, церковнослужители, руководители юношества, управляющие разными частями, как мужчины, так и женщины, приказчики и полицейские, что составляет смешанное общество из всякого рода трудящихся и рабочих.

В. Был ли у вас какой-нибудь опыт работы среди трудящихся до того, как вы взяли на себя управление предприятиями в Новом Ланарке?

О. Да, я управлял большими фабричными предприятиями в Манчестере и по соседству с ним в течение предшествующих 8 лет, причем на этих предприятиях было занято много мужчин, женщин и детей.

В. Какова была ваша главная задача в течение тех лет, когда под вашим надзором и управлением находилось столько людей?

О. Найти способы, посредством которых можно было бы улучшить условия жизни бедных и рабочих классов с пользой для предпринимателей.

В. К какому заключению вы пришли теперь по этому вопросу?

О. Что положение этих классов можно с легкостью значительно улучшить, а их природные

силы можно использовать с гораздо большей пользой для них самих и для общества в целом, не причиняя никакого вреда ни одному классу в совокупности и ни единому человеку в отдельности.

В. Удалось ли вам в целом улучшить условия жизни и моральные навыки людей, находившихся на вашем попечении?

О. Да, и притом с меньшим количеством неудач, чем я предполагал первоначально, учитывая препятствия, которые я встретил, и возможности, которыми обладал для их преодоления.

В. Каковы были эти препятствия?

О. Невежество и неправильное воспитание народа, что создало у него привычку к пьянству, воровству, лжи и неряшеству, враждебность к чужим интересам, групповые инстинкты, сильные национальные предрассудки, как политические, так и религиозные, в отношении всякой попытки со стороны посторонних лиц улучшить его положение; к этому надо прибавить вредный для здоровья характер его труда.

В. Каким принципом вы руководствовались при устранении этих препятствий?

О. Только принципом предупреждения зла. Вместо того чтобы терять время и силы, изу-

чая влияние на разных людей обстоятельств во всем их бесконечном разнообразии, я терпеливо изучал причины, а не следствия, и прилагал все усилия для устранения указанных причин. Действуя таким образом, я обнаружил, что с одинаковой затратой времени и сил можно при системе предупреждения зла достичь гораздо больших результатов, чем при системе принуждения и наказания. Например, в случае привычного пьянства мне казалось бесполезным убеждать людей, привыкших опьяняться, чтобы они отказались от этой привычки, пока они окружены условиями, постоянно побуждающими их оставаться верными своему пороку. Первый шаг, который я сделал в этом случае, заключался в попытке убедить людей, пока они еще трезвы, в выгодах, которые они извлекут из отказа от пьянства; когда эта попытка делалась в мягком тоне и доброжелательном духе, то цель ее всегда легко достигалась. Следующий шаг заключался в устранении искушения, и тогда исчезало само зло со всеми его бесчисленными и гибельными последствиями. Весь этот процесс, если его понять, чрезвычайно прост и может быть в полной мере легко осуществлен на практике людьми, обладающими самыми обыкновенными способностями;

при этом состояние общества быстро улучшится без всякого попятного движения. Но пока будут господствовать понятия, воздействующие до сего времени на человечество, и пока они будут служить основой поведения общества, оно не сумеет основательно и прочно совершенствоваться…

В. Так как вы сосредоточили свое внимание на страданиях бедных и трудящихся классов, то скажите, какими причинами вы их объясняете?

О. Неправильным использованием имеющихся в стране как естественных, так и искусственных производительных сил, не согласованных с потребностями в продукции и спросом на нее. Значительная часть нашей естественной производственной мощи, заключающейся в физических и умственных силах человека, оказывается теперь не только не производительной, но составляет тяжелое бремя для страны, причем действующая система быстро деморализует население; в то же время значительная часть наших искусственных или механических средств производства используется для производства такой продукции, которая представляет мало реальной ценности для общества; вместе с тем эти производительные силы создают бесчисленные, тяжелые беды как для лиц, занятых производством, так

и для значительной части общества вообще, а отсюда и для всего населения в целом…

В. Можно ли, например, бедных и трудящихся соединить вместе для искреннего сотрудничества в общих целях, принимая во внимание то, что известно о положении в работных домах и в домах трудолюбия?

О. Эти общеизвестные отрицательные явления должны были естественно возникнуть при том воспитании, которое получают бедные, и при том устройстве, которое имеют даже лучшие из указанных учреждений. Прежде всего бедняки сейчас крайне невежественны, и, когда их соединяют вместе под одной кровлей, они, все время находясь в соприкосновении друг с другом, остаются чужды всякому принципу объединения. Вследствие приобретенных ими дурных навыков и отсутствия правильного воспитания они не понимают, что каждый заинтересован в счастье другого. При теперешнем устройстве этих домов нет возможности устранить дурные привычки и дать должное воспитание бедным.

Работные дома и дома трудолюбия созданы людьми, которые мало знали человеческую природу и были незнакомы с истинными принципами политической экономии. Но создание этих

сельскохозяйственных и фабричных поселков может привести к очень важным результатам; большинство условий, вызывающих протест обитателей домов трудолюбия, будет устранено, и тогда создастся обстановка для объединения людей в добрых чувствах и в единых интересах…

В. Не следует ли опасаться, что предлагаемое вами устройство поведет к скучному единообразию характеров, будет подавлять таланты и лишит человечество надежд на дальнейшее совершенствование?

О. Мне кажется, что произойдет как раз обратное; возможности, предоставляемые этими учреждениями, будут содействовать совершенствованию лучших сторон человеческого характера; жители будут получать такое образование, которое они не смогли бы получить в других условиях, у них будет много свободного времени, при отсутствии всяких забот, для развития своих естественных наклонностей…

Когда мрак, окутывающий сейчас общество, до некоторой степени рассеется, люди, хотя бы частично, оценят преимущества, даваемые этими новыми поселками. Тогда таланты не только не будут подавляться, но, напротив, получат всяческую поддержку для неограниченного сво-

бодного развития с величайшей пользой для человечества...[11]

[11] Примечания: 11
Перевод С. Фейгиной.

Выселения в Сазерленде, 1816 год
Дональд Маклауд

В истории Шотландии немного эпизодов, столь же печально известных, как принудительное выселение горцев из Хайленда. Дональд Маклауд, житель области Сазерленд, был очевидцем отчаянного и порой жестокого сопротивления крофтеров (мелких фермеров. — Ред.), которое началось в конце XVIII столетия и продолжалось вплоть до середины XIX века. Сама область Сазерленд пользовалась дурной славой по причине плохого обращения с фермерами, особенно отличался в этом отношении Патрик Селлару при имени которого некоторые женщины «лишались чувств». Рассказ Маклауда начинается вскоре после того, как фермеры получили приказ о выселении.

Через месяц после того, как агенты разослали этот приказ, и за тринадцать дней до наступления мая началось разорение. Первым шагом стали поджоги домов в отдаленных районах — в приходах Фарр, Рогарт, Голспи и по всему приходу Килдонан. Я воочию наблюдал, как все проис-

ходило. Беда обрушилась на людей совершенно неожиданно. В каждый приход выдвинулись многочисленные отряды, которые немедля приступили к своему черному делу, так что вскоре в округе оказались сожженными не менее трех сотен домов.

Всех охватило смятение; поджигатели не давали людям времени собраться, даже больных и немощных приходилось буквально вытаскивать из огня, а уже потом пытаться спасти хоть что-то ценное из имущества. Плач женщин и детей, рев перепуганного домашнего скота, сгоняемого в дыму и копоти пастушьими собаками — таково было это зрелище, не поддающееся описанию; чтобы поверить происходившему, следовало видеть все собственными глазами.

Плотное облако дыма накрыло округу и протянулось в сторону моря, а по ночам взору представало не менее страшное зрелище — все дома в поселении, охваченные пламенем. Я поднялся на холм около одиннадцати вечера и насчитал двести пятьдесят домов, объятых огнем; многие из хозяев этих домов приходились мне родственниками и всех я достаточно хорошо знал, но разглядеть с холма, чьи именно дома горят, не представлялось возможным. Пожары продол-

жались шесть дней, пока все без исключения дома не превратились в дымящиеся пепелища. В один из этих дней некая лодка, подходя к берегу, сбилась с курса из-за густого дыма, однако ночью благополучно пристала, ориентируясь на пламя.

Описывать страдания обездоленных людей можно бесконечно, как и вспоминать о том, какие муки претерпевали семьи, какие невзгоды выпали на их долю, какими недугами после этих событий оказались поражены многие и многие из крофтеров. Приведу лишь несколько примеров. Еще когда продолжались пожары, прибыл маленький торговый шлюп, и, когда он разгрузился, шкипер согласился отвезти в Кайтнесс столько людей, сколько сможет взять на борт. В итоге на шлюп взошли около двадцати семей, заполнив собой все свободное пространство и каждую щель. Бездетные и пожилые, мужчины и женщины, здоровые и недужные, с остатками имущества сгрудились на палубе, желая поскорее уплыть отсюда.

Многие из этих людей никогда прежде не выходили в море, и когда они начали страдать от морской болезни, произошло нечто, во что почти невозможно поверить. На море разыгрался шторм, задул сильный ветер, так что вместо дня

или двух, как обычно, они плыли до Кайтнесса девять дней. И все это время несчастные люди, лишенные самого необходимого, либо укрывались в трюме среди рвоты и экскрементов, либо лежали без сил на палубе. Не удивительно, что многие из них вскоре умерли, а те, кто уцелел, по сей день ощущают последствия этого вояжа.

В то же время в стране началась эпидемия тифа, и многих больных их родные и друзья выносили прямо из подожженных домов. Среди прочих был юноша по имени Дональд Маккей из Грамбмора, которого выгнали из родительского дома; он подчинился, будучи снедаем лихорадкой, и, почти голый, укрылся в кустах неподалеку, где и пролежал неизвестно как долго; дом же сгорел вместе со всем имуществом. Роберт Маккей, вся семья которого была больна, вынужден был пронести двоих своих дочерей на спине без малого двадцать пять миль. Сперва он вынес одну и положил ее на землю, потом вынес вторую, и так нес их попеременно, покуда не добрался до побережья, а там они все вместе взошли на шлюп, о котором говорилось выше.

Старик из того же рода укрылся на заброшенной мельнице и лежал там, не в силах шевельнуться; насколько я помню, там он и умер. У него не было

еды, и он поддерживал свои силы тем, что лизал пыль от помола, а от крыс и прочей живности его защищала верная помощница колли. Некоторых больных, у которых не было родичей или те отсутствовали, приютили друзья, поселили в отдаленной хижине и на некоторый срок предоставили самим себе. Крики этих несчастных рвали сердце: «Неужели вы нас бросите?» Как ни удивительно, поджигатели прошли мимо, не заметив хижины, и так эти люди не пострадали; позднее их перенесли на берег и погрузили на тот же упомянутый выше шлюп.

Джордж Мунро, мельник из Фарра, живший в 400 ярдах от дома священника, имел полный лазарет — шесть или семь больных; когда ему приказали уходить, он с помощью соседей перенес родных в стоявшую неподалеку печь для обжига. Так они переждали пожар, а их дом согрел дотла.

Пожалуй, здесь следует упомянуть о том, что священники, агенты и магистраты наблюдали за происходящим равнодушно и отстраненно. Между тем все эти бесчинства и жестокости творились по их прямому распоряжению. Чудесные и уютные имения этих господ ловили отсветы пожаров, в которых гибли дома их соседей, однако

сами они не выказывали и толики сострадания; никто не предлагал нам утешение или хотя бы медицинскую помощь, и людей увезли прочь, даже не позволив собрать урожай.

Утишить муки обездоленных не могло ничто, это было варварство, подобного которому прежде не ведал земной шар, и крофтеры нередко бросались на клинки солдат, ибо знали, что грядущее не сулит им ничего, кроме голодной смерти. Священники же в своих проповедях говорили, что эти испытания ниспосланы Господом, чтобы люди покаялись в грехах и не угодили в преисподнюю, каковой безусловно заслуживают!

Основание газеты «Скотсман», январь 1817 года
Генри Кокберн

Основание газеты «Скотсман», которая осмеливалась публиковать статьи, противоречившие официальному мнению, ознаменовало наступление новой эры во взаимоотношениях народа и власти. Так зарождалась шотландская журналистика, чем восторгался адвокат Генри Кокберн.

Перемены, происходящие на наших глазах, усугубились событием, знаменательным как самим по себе, так и по своим последствиям. В январе 1817 года увидел свет первый номер газеты «Скотсман». Неизмеримую важность этого события можно понять, лишь если вспомнить, что до появления этой газеты пресса в Эдинбурге находилась в столь жалком состоянии, в каком может только пребывать легальная свободная пресса. Большинство людей, бывавших в Шотландии до 1814 года, наверняка согласятся с допущением, что если бы в Эдинбурге стали тогда печатать респектабельную лондонскую оппозиционную газету, редактора этого издания немедленно

привлекли бы к суду по обвинению в оскорблении величия. И беззаботное существование «Эдинбургского обозрения» ничуть не противоречит этому допущению, поскольку последнее никогда не было оппозиционным, выходило раз в квартал и стоило пять шиллингов, а по-настоящему народные газеты должны стоить дешево, печатать спорные и вызывающие раздражение властей материалы и появляться каждую неделю или каждый день. Когда Джон Картрайт, правительственный реформатор, выступал у нас с лекциями в 1812 году, послушать его приходили многие, но, поскольку он ратовал за всеобщее избирательное право и ежегодное избрание парламента, ни один эдинбургский редактор, пусть им предлагали плату, как за рекламные объявления, не осмелился опубликовать хотя бы краткий отчет об этих лекциях. Редактор, их посетивший, сказал мне, что сам он не согласен с Картрайтом, но лекции хороши и отлично обосновывают все, о чем в них говорится, и он бы с удовольствием их напечатал, но не может пожертвовать своей газетой.

Посему появление легальной оппозиционной газеты было встречено с радостью, и все увидели в этом знак перемен. Пусть она выходит всего раз

в неделю, пусть принимает лишь литературные объявления, скоро у этой газеты будет множество подписчиков. «Скотсман» стремительно обретает зрелость и является нашей лучшей на сегодняшний день газетой. Единственный присущий этому изданию недостаток — чрезмерная тяжеловесность суждений, что, впрочем, естественно для провинциального издания, особенно в Шотландии, где люди суровы нравом и слишком далеки от остального мира, чтобы обрести лоск и такт.

Радикалы на площадке для игр, 1819 год
Александр Сомервилл

Этот самоучка из Восточного Лотиана стал знаменит тем, что во время службы в армии его едва не запороли до смерти. Позднее он стал журналистом. Воспоминания Сомервилла о годах учебы показывают, что в стране, экономика которой находилась в тяжелейшем состоянии, а правительство всерьез опасалось мятежей, политика проникала даже на игровые площадки.

Вернемся к радикалам 1891 года и к слухам, бродившим по школе Бернинoуз относительно того, что «они идут сюда». В газетах того времени часто упоминались «радикалы в обносках», и мальчики, слышавшие, как их отцы читали газеты или обменивались новостями, принесли это прозвище в школу. Кто-то из них однажды предложил сыграть в «отличную игру» на Ил-ярд, лугу с несколькими старыми деревьями: мол, одни из нас будут солдатами, а другие — радикалами. Поскольку к солдатам относились с уважением сыновья богатых фермеров и купцов, заводилы

во всем, они и выбрали себе эту роль, а также позаботились о том, чтобы подобрать компанию радикалов. Последних они отбирали по состоянию одежды, и потому меня тоже произвели в радикалы. В первый день все прошло гладко, не считая того, что мне на голову вместо шляпы нацепили терновый венец, порвали штаны, сорвали все пуговицы с куртки и слегка придушили, отчего разболелась шея. Для потешного радикала, каковым меня назначили, подобное обращение было, пожалуй, чересчур суровым. Более того, меня приговорили к повешению, а вышло так, что я нарядился не в привычную одежду сыновей работников, какую обычно носил. Нет, я нарядился в костюм, перешитый под меня после старшего брата, которому этот наряд подарил его хозяин… Одежда была уже старой, когда я ее надел впервые, к тому же я проносил ее все лето в лесах, выпасая коров, и всю осень, а потому можно вообразить, как она выглядела. Но моя бедная матушка исправно латала прорехи, и я никогда не выходил на люди с дыркой. Матушка пряла шерсть для чулок и лен для сорочек, а мой отец ночью шил чулки, тогда как сестры кроили сорочки, и этими деталями костюма потому я не уступал никому в школе; а оделся так плохо тогда

потому, что подходил к концу второй год договора моего отца с хозяином, и они никак не могли договориться о том, кто и сколько кому должен…

Когда я вернулся домой в тот вечер, моя бедная матушка в изумлении всплеснула руками и спросила: «Что мне делать с этими лохмотьями?» Я разделся, наскоро поужинал и отправился спать, а она села чинить мой наряд… Когда я на следующий день пошел в школу, матушка со слезами на глазах умоляла меня ничего больше не рвать, иначе я разобью ей сердце, а зашивать эти обноски очень утомительно. Однако игра в «солдат и радикалов» продолжалась, и я снова оказался радикалом, на поимку которого бросились большинство солдат. Они видели, как я вынес порку от учителя, не пролив ни слезинки и не издав ни стона, а потому решили, что я способен вынести любую муку; короче говоря, сочли меня орясиной, которая ничего не чувствует. Видели бы они меня тем утром, когда я попрощался с матушкой, когда внутри все кипело от несправедливых обвинений, а сердце разрывалось от жалости! Они бы поняли тогда, что я вовсе не бесчувственный, и, быть может, не стали бы ко мне приставать.

Едва я появился в школе, раздались крики: «А, радикал в обносках!»; солдаты набросились

на меня и натянули шляпу мне на самые глаза. Потом они схватили меня за ноги и поволокли куда-то, обсуждая, повесить меня или обезглавить, как того требует закон для настоящих радикалов. Я отчаянно пытался вырваться, и вчерашние прорехи, столь любовно залатанные матушкой, с треском открылись вновь. Я кое-как приподнял шляпу и увидел кусок ее тульи в руках мальчика, который был в школе главным заводилой, этакий петух в курятнике, и с этого куска свисала заплата, наложенная матушкой. Он был старше меня и умел боксировать; я же никогда не распускал кулаки и даже не слышал о том, что двое людей могут драться *спортивно*, покуда не пошел в эту школу. Также я никогда не слышал о христианских добродетелях долготерпения и прощения применительно к телесным повреждениям и об унижении, которое хуже взбучки; мой отец, многому меня научивший, не мог и предположить, что однажды я полезу в драку… Но для своего возраста я был крепок — и вдобавок изрядно разозлился. Воспоминание о прощальных словах матушки словно превратило меня в великана, и я донельзя изумил заводилу, нанеся ему удар, от которого он опрокинулся на спину, а потом еще поколотил кое-кого из стоявших

вокруг. Да и самому мне тоже досталось, но я отвечал ударом на удар и отбивался, как мог. Кто-то побежал за учителем и сказал тому, что я побил «мастера Такого-то» — этот мальчик был сыном джентльмена, потому его называли «мастером», а я вынужден был довольствоваться прозвищем, каковое заработал своей оборванной одеждой. Благо час был утренний и все ученики присутствовали, нам немедля велели построиться…

Учитель держал наготове розги. Он справился, кто затеял драку, и все указали на меня. Он велел мне вытянуть правую руку, что я и сделал, и ударил по ней розгой со всей силы. Потом велел вытянуть левую руку и по ней ударил тоже, потом снова по правой, потом опять по левой, и так продолжалось до тех пор, покуда я не получил по шесть ударов (мы называли их «поцелуйчиками») по каждой руке. Учитель имел обыкновение привставать на цыпочки, когда замахивался розгами, а затем опускаться на пятки, что добавляло силы его ударам. Видя, что я твердо намерен все вытерпеть, он принялся хлестать меня по тыльным сторонам ладоней. Я спрятал руки за спину, и тогда он зачал охаживать меня розгами по всему телу, раздирая и без того драную одежду; и, изворачиваясь, чтобы избежать

ударов по открытым местам в прорехах, я тем самым плодил и плодил дыры в своем наряде, а учитель хлестал по ним, точно и больно. Потом он погнал меня вперед, продолжая хлестать по телу и по голове, покуда не загнал в дальний конец класса, где громоздилась куча угля. Тут он велел мне сесть и сидеть, покуда он не разрешит встать, и ожидание затянулось до вечера. Между тем день выдался жутко студеный. Старый дом, в котором находилась школа, продувался насквозь, а я сидел дальше всех от очага и ближе всех к двери, каковая закрывалась неплотно, так что в нее постоянно задувал ветер. Он набрасывался на меня так, словно тоже подался в учителя и решил примерно наказать крестьянского мальчишку, новоявленного радикала в обносках…

Посещение Георгом IV Шотландии 14 августа 1822 года
Джон Гибсон Локхарт

Поездка Георга IV в Шотландию была событием громадного значения, по крайней мере для жителей Эдинбурга, которых ошеломило то, как король попытался подражать шотландскому стилю, надев чулки из шотландки и щегольской килт. Организовывал этот визит сэр Вальтер Скотт, чей единственный недостаток, по признанию одного друга, заключался в том, что писатель безгранично восхищался теми, кто стоял выше него на социальной лестнице, и, отправляясь поприветствовать короля на корабле, он сам сел за весла. Писатель и биограф Джон Гибсон Локхарт, увековечивший это событие, приходился Скотту зятем.

Принимая поэта на шканцах, Его Величество потребовал бутылку хайлендского виски и, выпив за его здоровье этот национальный напиток, пожелал, чтобы бокал наполнили и для него. Сэр Вальтер, осушив свой бокал, обратился с просьбой, не снизойдет ли король до того, чтобы

подарить ему стакан, из которого Его Величество только что выпил за его здоровье. Просимое было даровано, и драгоценный сосуд был немедленно завернут и аккуратно помещен в то место, какое сэр Вальтер считал самой безопасной частью своей одежды. И затем он вернулся с королевским даром на Касл-стрит; однако, добравшись до дома, он ничего не сказал о том торжественном и волнующем мгновении, так как обнаружил приехавшего к нему гостя, причем такого, который отличался от его обычных посетителей того времени. Поэт Крабб, которому он был представлен во время последнего визита в Лондон мистером Мюрреем с Албемарл-стрит и который не раз обещал возобновить знакомство при путешествии на север, наконец-то приехал — в разгар суеты, связанной с приготовлениями к королевскому визиту. Несмотря на все препятствия, он нашел готовые для него комнаты, а Скотт, вспотевший и торопливый, едва войдя, заключил многоуважаемого поэта в горячие и братские объятия. Королевский дар был позабыт — просторная пола сюртука, куда тот был уложен и которую до того Скотт осторожно нес перед собой, заняла более привычное для нее положение, — и он сел рядом с Крэббом, и стекло разлетелось на атомы.

Раздавшийся вопль и яростная жестикуляция навели супругу Скотта на вывод, что тот уселся на торчащие ножницы или нечто подобное; но ущерба он почти не понес, разве что разбился вдребезги бокал, из которого он один и пил.

Дети-рабочие на фабрике в Данди, 1824 год
Джеймс Майлз

Джеймс Майлз родился неподалеку от Глазго, он был сыном сапожника, посаженного в тюрьму за убийство. Его мать, жившая почти в крайней нужде, в поисках работы переехала в Данди, и семилетний Джеймс был отправлен работать на фабрику. Условия там были суровыми. Однажды в наказание за допущенную оплошность мальчика выставили в окно, придерживая лишь за ухо. На высоте трех этажей от земли.

Впервые порог прядильной фабрики я переступил во вторник, в месяц «леди Джун». Все вокруг было для меня непривычно и странно. Пыль, грохот, работающие машины, то, как один рабочий свистит и что-то орет другому, громкая непристойная брань, даже из уст самых юных, и отрывистые, властные приказы, которые отдавали те, кто был «облечен малейшей властью», — все это поразило мою юную сельскую душу, ввергнув ее в благоговейный ужас и ошеломление. В то время еще не действовал

законодательный акт о двенадцатичасовом рабочем дне на фабриках, и прядильные предприятия находились тогда на своей вершине как инструмент деморализации и порабощения. Алчные хозяева мануфактур, стремясь одолеть на рынке честных хозяев, требовали, чтобы их машины и рабочие трудились по пятнадцать, а во многих случаях и по семнадцать часов в сутки, а стоило ослабевшим детям заснуть под постоянно звучавшие окрики «Работать! Работать! Работать!», как мастера-надзиратели будили их хлыстами или плетями из толстой кожи, обожженными на концах. В Каролине несчастных рабов бич надсмотрщика никогда не хлестал так много и беспощадно, как в то время мастера на фабриках применяли свои трости и «ремни» к беспомощным фабричным мальчишкам. Когда я оказался на прядильной фабрике, мне было семь лет от роду. Каждое утро я должен был вставать в пять часов, в полшестого начинать работу, в девять был перерыв для завтрака, и в полдесятого — опять за работу, длившуюся до двух часов, когда наступал перерыв на обед, и вновь приходилось браться за работу в полтретьего и трудиться до половины восьмого вечера. Это были номинальные рабочие часы, но на самом деле не точно

установленного рабочего дня не было, мастера и управляющие использовали нас, когда им хотелось. Нередко часы на фабриках утром переводили вперед, а по вечерам — назад, и вместо того, чтобы быть инструментами для измерения времени, их использовали для того, чтобы прикрывать обман и притеснения. Хотя рабочие об этом знали, говорить боялись, и иметь свои часы рабочий тогда опасался, так как не было ничего необычного в увольнении того, кто осмеливался узнать слишком много о науке измерения времени. На фабриках в сельской местности деспотизм был еще ужаснее, чем в Данди. Там мастера часто повязывали молодежь постоянным контрактом, дававшим им более полный контроль над трудом и правами рабочего, чем в том случае, если его требовалось нанимать каждый раз на одну неделю. На одной фабрике поблизости от Данди владелец, жестокий и грубый человек, который по воле случая из своего естественного состояния вдруг вознесся в положение «заурядного богача», практиковал контрактную систему, и у него были лачуги, куда он селил всех своих работников, и мужчин, и женщин. Им дозволялось готовить пищу, спать и жить, как заблагорассудится, на манер кошек с собаками, и над ними не было ни-

какого морального надзора. Его фабрика работала по 17, а часто и по 19 часов в сутки. В довершение всего обходились практически без всяких перерывов на еду, и были наняты женщины, которые варили картошку и разносили ее в корзинах по этажам; и детям приходилось торопливо глотать картофелины в перерывах между увязыванием «концов». На таких обедах, как мне рассказывали, приходилось трудиться до половины десятого вечера, а зачастую и до десяти. Когда же рабочие возвращались в свои хижины, их ужин составляла овсяная мука, заваренная кипятком, — только такое блюдо они могли приготовить на скорую руку, ибо у них не было времени ждать приготовления другой пищи. Затем они падали в постель; но сладкий сон едва закрывал малолетним труженикам веки, погружая в благословенное забытье детские души, как ото сна пробуждал тяжкий стук посоха ночного сторожа в дверь и слова: «Вставайте! Четыре часа!», напоминавшие о том, что они — фабричные дети, беззащитные жертвы монотонного рабского труда. На этой прядильной фабрике, а в действительности на всех подобных фабриках, мальчики и девочки часто засыпали на лестницах и в укромных уголках, и не раз видели, как они во сне ходи-

ли по этажам, с банками «шерстяных прядей» в руках. Обнаружив детей в таком состоянии, начальники били их палкой либо давали пинка, в зависимости от своего настроения. Один бедный паренек, который еще жив и который благодаря силе своего ума, огромному упорству и высокой нравственности пробился в люди и дослужился до торгового служащего в Данди и ныне занимает ответственное положение в одной железнодорожной компании в Англии, какое-то время работал на такой фабрике. Однажды он нес охапку шпулек с одного этажа на другой. Спускаясь по лестнице, он присел на ступеньку передохнуть, поскольку ноги были изранены и опухли от беспрестанного стояния. Через миг его сморил сон. И пока он украдкой наслаждался мгновениями отдыха, мимо проходил мастер. Без всякого предупреждения он влепил мальчику затрещину, буквально оглушив его и свалив с ног. В полусонном состоянии, потрясенный, тот побежал к ровничной машине, к которой его иногда приставляли, и не прошло и пяти минут, как его левую руку затянуло в механизм, и ему раздавило два пальца, так что их пришлось сразу же ампутировать. Бесчувственный мастер никакой компенсации не дал — фактически с него и не

спрашивали о состоянии здоровья рабочих; пострадавшего оставляли умирать, либо от голода, либо от травм, как будет угодно Провидению…

В качестве примеров, описывающих бесчеловечное и жестокое обращение, Майлз приводил выдержки из показаний, данных комитету палаты общин свидетелем, который работал на Дантрумской фабрике.

— Действительно ли чрезмерная работа сопровождалась чрезмерными побоями?

— Да, очень часто их били. Дети не выдерживали работы, а если они допускали малейшую оплошность, их сильно избивали.

— Вы когда-нибудь слышали о ком-то, кто пытался бежать с фабрики?

— Да, две девочки сбежали с фабрики через крышу дома, бросив почти всю свою одежду.

— Что с ними сталось?

— Пока я там был, их так и не вернули.

— Они в конце концов сбежали?

— Да.

— Вам известен кто-то, кто бежал и кого вернули?

— Когда я работал на фабрике, одна молодая женщина семь месяцев просидела в тюрьме Данди за то, что ушла с фабрики, она должна была

отработать потерянное время и причиненные убытки. Однажды меня напугали крики «Убивают!» с нижнего этажа, и когда я спустился туда, она лежала на полу, и мастер таскал ее за волосы и бил ногой в лицо, и текла кровь.

— Это было на Дантрумской фабрике?

— Да.

— Как давно это было?

— Около одиннадцати лет назад.

— Что произошло потом?

— Я понял, что это освобождает ее от обязательств, а когда мастер удалился, я открыл дверь и выпустил женщину, сказав, чтобы она бежала; когда мастер вернулся и хватился ее, то принялся сквернословить и обрушился на меня с руганью, за то что я ее выпустил, и велел мне бежать за нею, но я отказался. Заявил, что поскольку с нею плохо обращались, то я и не подумаю бежать за ней, чтобы вернуть обратно туда, где ей приходится терпеть такие пытки, и по этой причине мы с мастером расстались.

— Ее вернули?

— Нет.

— У нее была возможность получить другую работу?

— Нет, она стала проституткой и была осужде-

на за кражу выездным заседанием суда Перта и выслана на Землю Ван Димена.

— По-вашему, она пыталась как-то иначе выйти из положения, в которое попала, хотела избежать для себя такой судьбы?

— Да, она пыталась несколько раз поступить на службу; но когда они узнавали, что она работала на фабрике, то не хотели иметь с ней ничего общего.

— Как вы думаете, подобная жестокость обращения оказывала свое влияние на то, чтобы подталкивать женщин к предосудительному поведению?

— Несомненно.

Рецепт хаггиса, 1826 год
Мег Доддс

Своего апофеоза шотландская крестьянская кухня достигла в хаггисе — завернутых в овечий рубец рубленых потрохах. На протяжении столетий этот деликатес числился среди блюд Шотландии, но в своем подробнейшем руководстве для хозяек Мег Доддс, строгая владелица гостиницы «Клейкам-инн» возле Пиблса (которую обессмертил Вальтер Скотт в романе «Сент-Ронанские воды»), привела способ его приготовления, который до той поры многие хотя и знали, но получали исключительно в устной форме.

Овечий ливер [легкие, печень и сердце] и рубец, говяжье нутряное сало, лук, овсяная мука, перец, соль, кайенский перец, лимон или уксус.

Тщательно очистить овечий рубец. Надрезать сердце и печень, дав стечь крови, и слегка отварить целиком, при этом конец трахеи положить на край горшка, чтобы выпустить ненужные примеси; через несколько минут после закипания воду можно сменить на свежую. Достаточно

продержать в кипящей воде полчаса; однако половину печени и часть легких забрать, срезав все пленки и не понравившиеся с виду части, и сделать из них фарш, измельчив вместе. Мелко нарезать также фунт хорошего нутряного говяжьего жира и четыре или больше луковиц. Разотрите оставшуюся половину печени. Очистите с дюжину мелких луковиц, ошпарьте их дважды, затем смешайте с остальным фаршем. Приготовьте немного овсяной муки мелкого размола, медленно подсушив у огня несколько часов, пока она не приобретет светло-коричневый цвет и не станет совершенно сухой. Для такого количества мяса в самый раз будет немногим меньше двух чайных чашек муки. Раскатайте фарш на разделочной доске и слегка присыпьте сверху мукой, как следует наперчите, посолите и добавьте кайенского перца, хорошенько перемешайте. Мешок для хаггиса (например, овечий рубец) следует тщательно вычистить и проверить, чтобы не оставалось тонких мест, иначе весь ваш труд пойдет насмарку, когда он лопнет.

Некоторые повара используют два мешка, один в качестве наружного чехла. Положите внутрь мясо, влив с полпинты хорошего говяжьего сока или столько же крепкого бульона, чтобы полу-

чить очень густую кашу. Будьте осторожны и не заполняйте мешок слишком плотно, но оставьте место, чтобы мясо могло разбухнуть; добавьте лимонный сок или немного хорошего уксуса; выдавите воздух и зашейте мешок. Когда он в первый раз набухнет в горшке, то, чтобы он не лопнул, проколите его большой иглой; и пусть блюдо варится — до трех часов, если мешок большой.

Поиски сахарной сосны, 1826 год
Дэвид Дуглас

Дэвид Дуглас — один из самых отважных представителей немногочисленного шотландского воинства «охотников за растениями», сочетавших в себе страсть к ботанике с физической силой и смелостью первооткрывателя. Он родился в Скуне в 1799 году и по поручению Лондонского общества садоводов отправился в Северную Америку, где между 1825 и 1827 годами пешком, на лошади и на каноэ преодолел свыше 10 000 миль. Он был человеком выдающейся выносливости, хотя и признавался, что бывал «раздражен», если ему приходилось спать промокшим и без ужина. Во время перехода через Скалистые горы он собрал образцы таких растений, каклжетсуга тиссолистная (дугласия), которая получила его имя, и ситкинская ель, разведение которой судьбоносным образом изменило в двадцатом столетии облик и экономику шотландского Хайленда. Горя желанием раскрыть тайну семян гигантской сосны, он отправился на ее поиски и не успокоился, пока не обнаружил новый вид, Pinus

lambertiana, или сахарную сосну (иначе — Ламберта), самую крупную из известных девяноста шести видов сосен. Жизнь Дугласа таинственным образом оборвалась в Гонолулу в 1834 году — он погиб в ловчей яме для диких быков, что могло быть случайностью, но также и убийством.

25 сентября, 1826 г.

Прошлый вечер был одним из самых страшных в моей жизни, такое мне редко доводилось переживать. Яростный ветер принес сильный дождь, лишив меня всякой возможности развести костер, вдобавок ко всем мучениям ночью мою палатку, к несчастью, повалил ветер, так что до утра я лежал среди папоротников, завернутый в мокрое одеяло и палатку. О сне, разумеется, и речи быть не могло, каждые десять-пятнадцать минут наземь валились громадные деревья, с таким грохотом, будто бы раскалывалась земля… Мои бедные лошади оказались не в силах выдерживать эту ярость бури без моего участия, и в поисках защиты обступили меня, опустив ко мне головы и издавая ржание. К рассвету ливень ослаб, и перед восходом солнца небо расчистилось, но было очень холодно… Выступив в десять часов, по-прежнему дрожа от холода, хотя

у костра я и растерся платком до боли, терпя ее, пока мог… я взял курс южнее, в сторону горного хребта, где надеялся отыскать свою сосну. Лагерь на ночь, оказавшуюся сухой, я разбил днем, пораньше, чтобы просушить остальную одежду. Прошел восемнадцать миль.

Четверг, 26

Погода хмурая и облачная. Когда люди в Англии познакомятся с описаниями моих странствий, они, наверное, могут подумать, что рассказываю я лишь о своих мытарствах. Может, оно и верно, но сейчас я понимаю, что ищу такие объекты, какие не обнаружишь, не приложив труда, без напряжения ума и не рискуя порой собственной жизнью. Свой лагерь я покинул этим утром, едва рассвело, оставив проводника заботиться о лагере и лошадях, пока я не вернулся после вылазки вечером, найдя все, что хотел; тем временем он высушил промокшую бумагу, чего я от него и добивался. Примерно в часе ходьбы от лагеря мне повстречался индеец, обнаружив меня, он взял на изготовку лук и надел себе на левую руку рукав из шкуры енота. Он стоял и готов был защищаться. Поскольку я был глубоко убежден, что подобное отношение вызвано страхом, потому что он

никогда не видел подобного мне существа, то я положил ружье на землю у своих ног и, взмахнув рукой, жестом попросил его подойти, что он с превеликой опаской и сделал. Я убедил его положить лук и стрелы рядом с моим оружием, а затем высек огонь, дал ему закурить и подарил несколько бус. Карандашом я набросал рисунок, изобразив шишку и сосну, которая мне была нужна, и показал ему. Он немедленно указал на холмы милях в пятнадцати-двадцати к югу. Поскольку я захотел направиться в ту сторону, он, по-видимому, с большой готовностью пошел со мной. К середине дня я добрался до своей желанной Pinus (носящей на языке племени ампква название «нателе») и, не теряя времени, приступил к осмотру и сбору ее образцов и семян.

Новые или необычные вещи редко не производят большого впечатления, и чаще всего мы с первого же взгляда склонны переоценивать их; и чтобы я ни думал о том, какие слова мои друзья скажут об этом красивом и очень высоком дереве, я готов утверждать сейчас, что самое большое дерево, которое я сумел отыскать и которое было свалено ветром, имело такие размеры: в трех футах от земли — 57 футов и 9 дюймов в обхвате; в 134 фута от земли — 17 футов 5 дюймов; в

высоту оно достигало 215 футов. Деревья примечательно прямые; кора необычайно гладкая для такого крупного ствола, белесовато- или светло-коричневого цвета; и в огромных количествах источает смолу ярко-янтарного цвета. Крупные деревья бедны ветвями на две трети высоты ствола; ветви отвислые, и с их кончиков свисают шишки, подобные маленьким головкам сахара в продуктовой лавке, и шишки я увидел только на одном, самом высоком дереве, а когда попытался завладеть тремя шишками (большего раздобыть мне не удалось), то едва не расстался с жизнью.

Будучи не в состоянии забраться наверх или срезать шишки, я взял ружье и решил сбить их с ветвей пулей, и тут на выстрелы явились восемь индейцев. Все они были раскрашены красной глиной, вооружены луками, стрелами и копьями с костяными наконечниками и кремневыми ножами, и показались какими угодно, но только не дружественными. Я попытался было объяснить, чего хочу, и они вроде бы удовлетворились и сели покурить, но не раньше, чем, как я успел заметить, один надел на лук тетиву, а другой принялся править свой кремневый нож парой деревянных щипчиков, а потом повесил его на правое запястье, что дало мне достаточно свиде-

тельств об их намерениях.

Спастись бегством я не мог, поэтому без всякого промедления отошел назад на шесть шагов, взвел курок ружья, а затем вытащил из-за пояса один из пистолетов, взяв его в левую руку. Я как мог старался сохранить уверенность в себе и спокойствие, и, возможно, у меня все получилось, так что я простоял минут восемь-десять, глядя на индейцев, и они глядели на меня, не обмениваясь ни единым словом, пока наконец один, который, по-видимому, был у них главным, сделал жест «табак», на что я ответил, чтобы они принесли несколько шишек. Индейцы ушли, и едва только они исчезли из вида, как я подобрал свои три шишки и несколько веточек и поспешно отступил в лагерь, куда добрался уже в сумерках. Индейца, который взял на себя роль моего последнего проводника, я отослал прочь, дабы он не предал меня.

Древесина у сосны красивая и очень тяжелая; листья короткие, по пять, с очень коротким влагалищем ярко-зеленого цвета; из шишек одна — 14½ дюйма длиной, другая — 14, а третья — 13 ½ и все содержат мелкие семена. Незадолго до того шишки собрали индейцы, их обжигают на углях, разделывают на части и вытряхивают семена,

каковые затем сушат возле огня и измельчают в нечто вроде муки, которую иногда употребляют в пищу. Как утомительно тянется ночь, для такого, как я, очутившегося в подобных моим обстоятельствах! Не перекинуться словечком с проводником, ни почитать книгу, постоянное ожидание нападения, вот и сейчас я лежу на траве, положив рядом с собою ружье и записывая эти строки при свете американской свечи — а именно, куска дерева, содержащего смолу.

Условия перевозки переселенцев, 1827 год
Стряпчий Хантер

Массовое переселение, свидетелями которого стали Хайленд и острова, когда широкий размах приняли «очистки земель», оказалось еще болезненнее из-за способа перемещения людей. Сообщение официального представителя, на которого была возложена ответственность за организацию переселения жителей острова Рам, показывает, сколь *мало заботились о переселенцах и условиях их перевозки.*

Если правительство серьезно озабочено, за какую цену возможно отправить переселенцев, то думаю, это можно сделать намного дешевле, чем делается до сих пор… В соответствии с настоящими ценами на фрахт, на остров Кейп-Бретон, или в любое другое место, в Нью-Брансуик или в Новую Шотландию, корабль можно зафрахтовать по 25 шиллингов за тонну; в данное время на каждого взрослого пассажира отводится две тонны, включая и экипаж; но если правительство, для столь короткого рейса, разрешит не

учитывать экипаж, но включит его в расчет сверх того, то будет существенная экономия; и при столь коротком рейсе, капитаны кораблей, кто занимается перевозками эмигрантов и с кем я общался, говорили, что это не будет ни в малейшей степени неудобством. Также есть траты на врача для столь короткого плавания, которые составят весьма значительные дополнительные расходы. Потом нужна провизия, согласно акту парламента, это определенное количество мяса; а если теперь заменить то, что народу Рама разрешено парламентом, и вместо мяса дать овсяную муку, то расходы будут существенно сокращены, к тому же они не привычны к мясу, а питаются овсяной крупой; в действительности же, главным образом, картофелем. Таким образом, по моим подсчетам, расходы на одного взрослого составят 4 фунта 14 шиллингов 6 пенсов. В данных расчетах я исхожу из запаса провизии на двенадцать недель, потому что после высадки у переселенцев должно быть какое-то продовольствие, чтобы они смогли прожить, пока не вырастят урожай.

Продажа жены, 1828 год

Популярные листовки, таблоиды тех дней, продавались торговцами-разносчиками и лоточниками на улицах. Событие, описанное здесь, очевидно наделало столько шума, что о нем стало известно в Ньюкасле, где и был опубликован данный рассказ.

Подробное и полное «Сообщение о продаже женщины», по имени Мэри Макинтош, обвиненной своим мужем в злостном пьянстве, каковая имела место вечером в среду, 16 июля 1828 года, на Грассмаркет в Эдинбурге, с подробным описанием произошедшей впоследствии проклятой битвы.

Минувшим вечером среды, около шести часов, Мэри Макинтош была приведена на Грассмаркет своим мужем, который имел целью ее продажу. Преступление ее состояло в пьянстве и прелюбодеянии. Женщину держали на сплетенной из соломы веревке, обвязав вокруг пояса, а на груди была надпись «Продается с публичных торгов». Поглазеть на это нововведение собралось несколько тысяч зевак. Джон Ф-н, солдат и куз-

нец, начал аукцион, предложив делать ставки за несчастную женщину, но за шумом и громкими криками людей никто не мог ничего расслышать на протяжении десяти минут.

Когда толпа поутихла, народ начал изучать выражение лица женщины; вперед вышел продавец скота из Хайленда и, вытащив кошель, сказал: «Она будет хороша как любовница, я дам за нее десять и еще двенадцать шиллингов». Предложение вызвало немалое радостное оживление в толпе; затем коренастый лудильщик вновь взволновал толпу, сказав, что женщине никогда не видать Хайленда, и потом поставил на нее на шестипенсовик больше. В это время кто-то из биржевых маклеров-свиноторговцев «Килларни», крепко подвыпивший, распахнул рот, точно ворота, и громко заорал: «Я дам на два шиллинга больше, так как она хорошенькая». Сапожник из Ньюри, занимавшийся изготовлением бругов, вышел из трактира, пьяный, как [sic!] 50 кошек в мешке, подошел к человеку из «Килларни» и двинул его кулаком в брюхо, отчего тот упал замертво и пролежал так минут десять, а продаваемая женщина искренне расхохоталась, и крики толпы на сей раз были продолжительнее и беспрерывны. Сапожник, оказавшийся предполагаемым дружком

женщины, подошел к аукционисту и сказал ему, что есть три претендента: он был так взбешен, что одним ударом повалил аукциониста наземь, разбив тому лицо в кровь. В толпе раздались громкие приветственные крики, люди смеялись над рыцарем молотка.

Женщины округи, числом около 700, собравшись и вооружившись камнями, причем некоторые даже кинули их, а другие завернули камни в чулки и носовые платки, устремились в атаку на толпу, нанося удары по всем, кто подворачивался под руку, добравшись наконец до аукциониста, они разодрали и расцарапали тому лицо самым жутким образом, вследствие нанесенного прекрасному полу оскорбления. Одна решительная женщина бросилась на Томаса М'Гайсгана, мужа той женщины, которую выставили на торги, и ударила его камнем. Эта женщина, подлинная героиня и жена подметальщика, выказала громадную храбрость в защите своего пола, и заявила: «Я тебе покажу, если ты вновь выставишь жену на торги, ты, презренный негодяй». Том ответил на ее удар и врезал ей промеж глаз, отчего те стали похожи на октябрьскую капусту. Подметальщик увидел, как ударили его жену, и совершил вылазку со своим мешком и обрез-

ками; женщины приняли сторону метельщика и закричали громкими голосами, обзывая Тома старым хряком, завязалась всеобщая драка, и лишь благодаря вмешательству полиции все остались живы.

После того как восстановилось подобие порядка, толпа успокоилась, а шум стих, муж все же настоял, чтобы его жену продали. Женщину опять выставили на торг, и аукционист объявил, что если его не защитят, он больше не станет вести эти торги. Кто-то из молодых парней закричал, что вести торги тот все равно будет, и аукцион возобновился. Старый отставной матрос выступил вперед, со словами: «Будь проклят мой смоляной топовый фонарь и железки от вант, но она — ладный маленький фрегат и вдобавок с хорошей оснасткой, и я дам за нее на полкроны больше последней ставки». «Продано, — закричала толпа моряку, — ты шустрый малый, и ты должен ее получить»; но когда один фермер-вдовец, падкий до женского пола, поставил за нее два фунта пять шиллингов, то аукционист продал женщину ему. Фермер забрал купленную женщину и увез с собой на лошади, и они отправились восвояси, а простой люд провожал их радостными и одобрительными криками.

Сазерленд после «очистки земель», 1828 год
Дональд Маклауд

Спустя более десяти лет после того, как он был свидетелем жестокой очистки поместья в Сазерленде, Дональд Маклауд вернулся посмотреть на произошедшие перемены.

Спустя много лет, после очень долгого отсутствия, я в 1828 году вновь посетил родные места и побывал на богослужении в приходской церкви, ныне уменьшившейся в размерах и по виду больше похожей теперь на голубятню. Вся паства состояла из восьми пастухов, пришедших вместе со своими собаками, общим числом от двадцати до тридцати, священника, трех членов его семьи и меня самого! Я пришел после первого гимна, но в заключение нам был прочитан 120-й псалом, и мы были захвачены знаменитой мелодией «Бангора», когда пришедшие в возбуждение четвероногие слушатели вскочили на сиденья и подняли инфернальный хоровой вой. Затем хозяева набросились на псов, нанося удары крючковатыми посохами, чем только усугубили

ситуацию; повизгивания и вой продолжались до самого конца службы. Я удалился, размышляя о постыдной сцене и сравнивая ее с тем, что наблюдал прежде, когда эту церковь посещала многочисленная и набожная паства. Какие чувства должны были одолевать почтенного мистера Кэмпбелла, стремящегося наставлять на путь истинный подобных прихожан!

Слушание дела Берка и Хэра, 24 декабря 1828 года
Уильям Хэр

В Эдинбурге, на протяжении года или около того, Уильям Берк, ирландский сапожник, и Уильям Хэр, ирландский землекоп, завлекали в снятое ими в аренду жилье людей и убивали их. Жертвами стали шестнадцать человек. Затем они продавали тела убитых анатому доктору Роберту Ноксу, хирургу Эдинбургского университета. Злодеев погубила их последняя жертва — старая женщина по имени Маджи Догерти, нищенка, известная под разными именами, в там числе Кэмпбелл и М'Гонгал. Она оказалась в их компании и была убита в ночь 31 октября 1828 года. На состоявшемся суде Хэр был свидетелем обвинения, изобличал своих сообщников и даже не получил приговора. Берка же за преступления повесили. Жители Эдинбурга, заполнившие в Рождество зал суда, где шел процесс, настолько были рады отделаться от Берка, что поглазеть на его препарированный труп, который использовали в качестве пособия на двухчасовой лекции хирурга

доктора Монро, пришли 30 000 человек. Позднее с тела Берка была содрана кожа, которую продавали, продубив и нарезав на полоски. Из признаний Хэра становится понятно, что, вероятно, довелось пережить остальным жертвам этой преступной пары.

Вице-председатель Высшего уголовного суда: — Вы осознаете, что вызваны сюда как свидетель по делу, связанному со смертью пожилой женщины, по имени Кэмпбелл или М'Гонгал. Вы понимаете, что сейчас должны говорить лишь о том, что связано с нею?

На этот вопрос свидетель ответил вопросом: «О той старухе, сэр?»

Вице-председатель Высшего уголовного суда: — Да…

Лорд-адвокат: — Как долго вы были знакомы с Уильямом Берком?

— Около года.

— Вы прожили в Шотландии десять лет и жили в Эдинбурге?

— Да.

— Вы женаты, и тут у вас жена?

— Да.

— Когда вы познакомились с подсудимым Берком?

— Около года назад.

— И примерно в то же время вы познакомились с другой подсудимой, Макдугал [Нелли Макдугал, женой Берка]?

— Да.

— Она тогда жила с ним?

— Да.

— Ваше жилище находится рядом с их домом?

— На той же стороне улицы.

— Вы находились 31 октября сего года в пабе, который содержит некий Ример?

— Да.

— Сколько вы выпили?

— С четверть пинты.

— С вами кто-нибудь был?

— Нет.

— Он говорил вам, что у него в доме кто-то есть?

— Да.

— В котором часу все происходило?

— Наверняка не скажу, но день только начался. Он отвел меня в тот дом и велел затаиться, сказал, что в доме старуха, которую он собирается убить, а я посмотрю, что они станут делать; что в доме у него еще есть немного виски; что он привел женщину с улицы; и что он думает, что она для

доктора будет самое то…

— Он употребил слово «убийство»; или вы поняли это из слов «самое то для доктора»?

— Я хотел посмотреть, что они станут делать.

— Он употребил слово «убийство»?

— Нет.

— Вы поняли, что имелось в виду под словами «самое то» для доктора? Вы поняли их смысл?

— Да.

— И какой же?

— То, что он собирался убить ее.

— И что же, вы пошли?

— Да, сэр, я пошел.

— Один?

— Да.

— Вы пошли в дом Берка?

— Да, я пошел в его дом.

— Кого вы там обнаружили?

— Незнакомого мужчину и женщину, Нелли М'Дугал и старуху, — и она стирала свое платье…

— Какого цвета оно было?

— Белое с красноватым отливом и в полоску.

— Вот это похоже на него?

Свидетелю показывают платье.

— Да, это оно.

— Долго ли вы там пробыли?

— Около пяти минут.

— И потом пошли домой?

— Пошел домой.

— После того вы были у миссис Конноуэй?

— Нет, меня там не было до самого вечера.

— Вы знали ту женщину?

— Да.

— Вы вообще были в ее доме тем вечером?

— Да, между восемью и девятью часами.

— Потом вы вернулись к себе домой?

— Да.

— А кто был в доме Конноуэй, когда вы там были?

— Джон Конноуэй и его жена; и там был Уильям Берк, Джон Броган и еще один малый — я не знаю его имени.

— Уильям Берк оставался с вами?

— Он ушел с двумя другими парнями, Броганом и тем вторым, кого я не знаю.

— Кто еще там был?

— Та старая женщина, и Нелли М'Дугал, и еще моя жена.

— Вы выпивали, будучи там?

— Да.

— Вы оставались там допоздна?

— Мы вернулись оттуда между И и 12 часами.

Точнее сказать не могу.

— Куда вы направились?

— Нелли М'Дугал попросила меня и мою жену принести ей выпить.

— И вы оставили старую женщину?

— Да, мы ушли, а старуха осталась сидеть у камина, и там остался и Джон Конноуэй.

— А когда вы находились в доме миссис Берк, тогда пришел Берк?

— Да, и старая женщина вместе с ним.

— Вы еще выпивали?

— Да; в бутылке был виски, и мы всю ее выпили. Мы не дураки выпить.

— И старая женщина тоже?

— Да…

— Тогда вы не предполагали, что с этой старухой может случиться какая-то беда?

— Не тем вечером.

— А потом у вас была какая-то ссора или драка с Берком?

— Он спросил меня, что я тут делаю, в его доме. Я сказал ему, что Нелли М'Дугал попросила меня сходить за выпивкой; и он тогда меня ударил.

— И вы тоже ударили его?

— Да, ударил.

— Была драка?

— Да.

— И старуха присутствовала?

— Да, мы все там были.

— Итак, где находились в это время женщины?

— Они хотели растащить нас.

— Они вмешались в вашу драку, чтобы разнять вас?

— Да; он дважды толкнул меня на кровать, и в последний раз я упал.

— Сколько вы пролежали на кровати?

— Не могу сказать.

Лорд вице-председатель: — Вас дважды толкали на кровать?

— Да.

Лорд-адвокат: — И когда вы дрались, где была та пожилая особа?

— Она сидела у камина и встала и пожелала, чтобы Берк сел, и она сказала, что ей не хочется видеть, как Берк дерется.

— Она убежала?

— Да, она дважды выбегала к дверям и звала полицию.

— Она дважды выбегала на улицу?

— Да.

— Что она кричала?

— То ли «убивают», то ли полицию звала, не

могу сказать, но что-то такое.

— А как получилось, что она оказалась снова с вами?

— Это Нелли М'Дугал привела ее назад.

— Оба раза?

— Да.

— Ее тогда не толкали, не роняли наземь?

— Да, было. Когда мы дрались, я толкнул ее, и она упала, запнувшись о маленькую табуретку.

— А вы продолжали драться, пока она там лежала?

— Да, она приподнялась на локте — встать не могла, была пьяна, — и кричала, чтобы Берк унялся.

Вице-председатель: — Вы имеете в виду, чтобы вы с Берком прекратили драку?

— Да.

Лорд-адвокат: — Он наконец отстал от вас?

— Он перестал после того, как швырнул меня на кровать во второй раз, и я лежал неподвижно.

— Что он делал?

— Постоял немного, потом встал над женщиной, у нее над головой, расставив ноги, и она немного покричала, и он заткнул ей рот.

— Он сам навалился на нее?

— Да, он прижал ее голову грудью.

— Она пыталась закричать, верно?

— Да.

— Она пыталась это сделать не один раз?

— Она еще немного стонала после первого крика.

— Что он делал с ней? Где были его руки?

— Одну руку он положил ей под нос, а другую — сунул под подбородок, ниже рта.

— Он не давал ей дышать, вы это имеете в виду?

— Да.

— Сколько времени он продолжал так делать?

— Я не могу точно сказать, сколько это длилось; десять или пятнадцать минут.

— Он что-нибудь вам говорил, когда все это происходило?

— Нет, он ничего не говорил.

— И потом он встал?

— Да, слез с нее.

— Она тогда казалась мертвой?

— Да, она выглядела чуточку мертвой.

— Она выглядела вполне мертвой?

— Она не шевелилась; я не могу сказать, была она мертва или нет.

— И что он сделал потом?

— Он закрыл ей ладонью рот.

— Сколько времени он продолжал это делать?

— Он держал так руку две-три минуты…

— Что вы делали все это время?

— Я сидел на стуле.

— Что он сделал с телом?

— Он снял с него одежду.

— Куда он ее положил?

— Сунул под кровать.

— Что он сделал с телом?

— Он взял его и бросил в изножье кровати, сложил вдвое и набросил поверх простыню; привязал голову к ногам. Он связал голову и ступни вместе и навалил сверху солому.

— А в то время, как этот человек лежал на жертве, где находились М'Дугал и ваша жена?

— Когда они услышали первые крики, то встали с изножья кровати и ушли за дверь.

— Они обе выбежали в коридор?

— Да.

— Они вновь вернулись, пока все происходило?

— Они не возвращались, пока все не кончилось, и тело не завалили соломой…

— Вы видели кровь?

— Ничего такого я тогда не заметил.

— На полу крови не было?

— Тогда ничего не было.

— Вы не слышали, как эти женщины кричали после того, как вышли в коридор?

— Не обратил внимания.

— В это время никто не входил?

— Нет, никто.

— До того, как женщины убежали, вы видели, как Берк переворачивал жертву или вообще что-то с ней делал?

— Он стоял у ее головы, когда они спрыгнули с кровати.

— Как долго он находился в таком положении, прежде чем женщины ушли?

— С минуту-две, а когда он схватил ее, она испустила крик, и они выбежали вон.

— Никто из них не хватал Берка, не пытался заслонить женщину?

— Нет, ничуть…

— И никто не предпринимал попытки спасти эту женщину или оторвать от нее Берка?

— Нет, насколько я видел…

— А потом Берк ушел?

— Да, Берк ушел.

— Сразу после того, как эта старую женщину сунули в солому?

— Да, он сразу же ушел.

— И долго его не было?

— Около десяти минут.

— Когда женщины вернулись, они что-нибудь говорили? Спрашивали о чем-то?

— Нет.

— А вы что-нибудь говорили?

— Нет.

— Что они сделали потом?

— Они снова вернулись, сели на кровать.

— И никто из них, вернувшись, не поинтересовался женщиной Догерти?

— Нет, ничего не спрашивали.

— Потом, как вы говорите, Берк ушел и вернулся через десять минут, а кто-нибудь с ним пришел?

— Мистер Джонс.

— Это был не мистер Патерсон?

— Это был слуга доктора…

— Вы знали, где живет этот человек?

— Он живет дальше по улице, на другой стороне, в Уэстпорте.

— А когда он вернулся с Берком, что ему сказал Берк?

— Он попросил осмотреть тело, сказал, что оно вполне подойдет; надо найти ящик и положить его туда…

— Он указывал на солому, где лежало тело?

— Да, и он хотел, чтобы тот посмотрел труп; но он на него даже и не взглянул.

Визит Мендельсона в Шотландию, 1829 год
Феликс Мендельсон-Бартольди

Мендельсон побывал в Шотландии во время своего пешего путешествия, в которое отправился вместе со своим другом, поэтом Карлом Клингеманном, и страна поразила воображение композитора и оказала заметное влияние на его творчество. О своих впечатлениях Мендельсон сообщал семье в письмах, которые регулярно отправлял домой. Уже в Англии, через какое-то время после того, как покинул Шотландию, композитор отмечал: «Поскольку Шотландия — место, которое я никогда не забуду, постольку я не способен считать потраченным впустую время, когда чувствовал себя радостным и воодушевленным (а когда бы мной ни владела лень, тогда никогда не бывал радостен), особенно с тех пор, как в моей голове сложились вместе некоторые новые вещи, которые доказали мне, что я уже пережил равнодушие лондонского общества и людей и что я должен вновь начать сочинять...» Результатом стали увертюра

«Гебриды» и «Шотландская» симфония.

Абрахаму Мендельсону-Бартольди

Блэйр-Атолл, 3 августа 1829 г.

Вечер, 3 августа, Хайленд, гостиница у моста через Туммел

Какая дикая буря! Дует штормовой ветер, ревет, свистит снаружи, отчего двери внизу хлопают и гремят распахиваемые ставни, но мы не можем сказать, слышим ли мы шум дождя или это вода от сорванных брызг, поскольку беснуется все. Мы сидим здесь в покое возле пылающего камина, в котором я время от времени помешиваю кочергой, чтобы огонь горел получше. В остальном, комната большая и пустая, по одной из стен сочится вода; сквозь тонкий пол слышны разговоры на половине слуг, эхом отдающиеся внизу; подвыпив, они поют песни и смеются — а еще лают собаки. Две кровати с пурпурными балдахинами, на ногах у нас шерстяные шотландские туфли вместо английских тапочек, чай с медом и картофельными оладьями, узкая винтовая деревянная лестница, по которой горничная приносит виски, гнетущая череда облаков в небе и вопреки всему шуму ветра и воды, вопреки разговорам слуг и громыхающим дверям все кажется притихшим!

Притихшим и очень одиноким. Мне бы хотелось сказать, что тишина звучала громче, чем шум. Вот прямо сейчас сама собой открылась дверь. Это паб в Хайленде. Маленькие мальчики с пледами и голыми коленками и разноцветных беретах, официант в шотландке, старики в завитых париках, все говорят на непонятной мешанине гэльского. Местность просторная и свободная, покрытая густой растительностью, со всех склонов каскадами струятся потоки, бурля под мостами, там — маленькое пшеничное поле, но больше вереска с коричневато-красными цветками, лощины, перевалы, перекрестки дорог; везде прелестная зелень, насыщенно голубая вода — все строгое, печальное и очень одинокое…

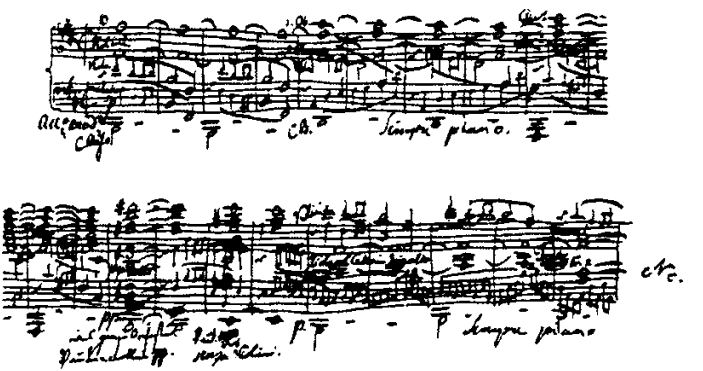
Погода обескураживает. Я придумал свой способ, как ее можно зарисовать, и сегодня, нанеся несколько облаков, нарисовал карандашом серые горы; Клингеманн бодро рифмует, а я, пока идет дождь, завершаю рисунок новыми деталями. Но лучше, чтобы завтра не было дождя, так как по возможности мы собираемся посмотреть Лох-Тай, Кенмор и Киллин. Сегодня день почти осенний. Скоро я все расскажу о сегодняшнем дне; у меня столько всего, что я стану важной особой в доме № 3 по Лейпцигерштрассе… Когда я думаю о том, как этот кусок бумаги понесут в беседку и как вчера у водопада начало письма сдуло из этюдника и понесло вниз по склону на осыпь (впрочем, мы спустились и спасли его), и как только что жена трактирщика пела своему ребенку колыбельную, милую песенку в минорной тональности, и как все это отправится к тебе… И так еще несколько раз все будет ходить туда-сюда. Но когда установится погода, свойственная поздней осени, то я надену куртку для последнего дня путешествия и однажды вечером приду домой. Это будет весело. Но сейчас я по-прежнему в Шотландии, и неистово ревут ветры. Спокойной ночи. Я собираюсь лечь в постель за красными занавесками. Хороших снов.

Феликс М. Б.

Абрахаму Мендельсону-Бартольди

На каком-то из Гебридских островов, 7 августа 1829 г.

Для того, чтобы прояснить, какое необычное настроение овладело мною на Гебридах, вот что со мной случилось:



Глазго, 11 августа

Сколько всего произошло за это время. Самая ужасная морская болезнь, Стаффа, пейзаж, путешествия, люди, все это может описать Клин-

геманн, ибо, во-первых, он, в отличие от меня, не получил сегодня лондонскую почту, поэтому мне пришлось написать несколько писем, и, во-вторых, он не так, как я, измучен головными болями по вечерам, отчего мне даже думать тяжело, не говоря уже о том, чтобы писать. Потом прими во внимание, что уже полночь, и мы целый день путешествовали по Хайленду на лодках, мы переполнены галереями, церквями, потоками, людьми и дымовыми трубами, так что прости меня за краткость. Сегодня продолжать не могу. Кроме того, лучшее, что я могу сообщить, можно найти в написанных выше музыкальных линейках, и я буду только рад поделиться описанием своей болезни, совершенно неподходящей мне сырой погоды и так далее. Посему, пожалуйста, прости меня на этот раз. Я прилежно рисовал, и у Клингеманна прекрасно идут стихи, и мне также кажется, что некоторые из моих рисунков были удачнее обычного. И расходы оказались более умеренными, чем я полагал. Пока мы потратили всего лишь двадцать четыре фунта. Завтра мы собираемся на Лох-Ломонд и Бен-Ломонд, на Лох-Катрин, в Троссакс, Аберфойл, Стирлинг и Ланарк; к концу недели мы вернемся сюда же, и ты получишь отсюда наше последнее общее письмо;

к тому времени моя половина будет получше…

Ф.

Воспоминания о жизни Эдинбурга, начало 1800-х годов
Генри Кокберн

Перу адвоката Генри Кокберна принадлежат одни из наиболее живописных описаний жизни Шотландии, и в частности Эдинбурга, начала и середины девятнадцатого века. В посмертно опубликованных мемуарах он описал всю свою жизнь, нередко отклоняясь от воспоминаний о ней в занимательные рассказы об обычаях, поведении и талантах своих сограждан. Его записи начинаются с детства и оканчиваются неизбежными сетованиями о лучших временах.

Школа в Эдинбурге

Из всех четырех лет моей учебы в школе набралось бы, наверное, дней десять, когда меня хотя бы раз не выпороли. Однако я никогда не входил в класс, не покидал его без ощущения, что вполне пригоден, как по способностям, так и по подготовленности, ко всему; да и не такой большой подвиг быть ограниченным одной лишь латынью, и непременно короткими заданиями,

так как каждый из мальчиков обязан был рифмовать те же самые слова, тем же самым способом. Но меня это доводило до отупения. О, телесная и умственная усталость от того, что по шесть часов в день просиживаешь на одном месте, тупо глядя на страницу, без движения и без мысли, дрожа от неумолимого приближения безжалостного великана. Никаких наград я никогда не получал, а однажды даже провалился на итоговом экзамене в конце года. До меня не доходила красота хоть одного римского слова, мысли или поступка древних римлян; и я даже не предполагал, что от латинского языка есть хоть какой-то прок, иначе как быть источником пытки мальчиков…

Эти шесть школьных лет были потрачены совершенно бесплодно. Традиционное зло самой системы и конкретной школы было слишком велико, и исправить его не по силам даже Адаму; и общая атмосфера в школе была вульгарной и неприятной. Поведению мальчиков была свойственна единственно лишь грубость языка и манер. Мальчик-англичанин был такой редкостью, что над его выговором насмехались в открытую. Ни одной женщины не видели стены школы. Ничто, имевшее явное отношение к культуре, не было в безопасности. Двое учи-

телей проявляли в особенности такую дикость, что любого учителя, поступающего сейчас так, как действовали они тогда ежечасно, наверняка отправили бы на каторгу.

О доблестных попытках предотвратить возвышение Нового города как центра благородного общества

В моей юности центром всех модных танцев, как и вообще всего модного и светского, была Джордж-сквер; в Боклю-Плейс (рядом с юго-восточным углом площади) были построены самые красивые залы, которые на несколько лет совершенно затмили высокомерный Новый город.

Здесь сохранились последние остатки той дисциплины, которая царила в бальных залах предшествующей эпохи. Вдовы, ревнительницы строгого поведения, и почтенные поклонники выступали как распорядители бала и церемониймейстеры и проводили все предварительные приготовления. Ни одной паре не дозволялось танцевать, если у партии не имелся билет с указанием точного места в определенном танце. Если такового билета не было, то с джентльменом или леди обращались как с нарушителем правил и незваным гостем и выводили с бала…

Чай пили в боковых комнатах, и кавалер показал бы себя невнимательным мерзавцем, если после каждого танца не предлагал своей партнерше апельсинового сока; и апельсины и чай, как и все прочее, регламентировались строгими и неукоснительными правилами. Все это исчезло, а залы прекратили свое существование, стоило только недавно возвысившемуся обществу добиться неизбежного господства в Новом городе. Исчезла аристократия из немногих выдающихся личностей и видных семей; и неразумному прошлому не оставалось ничего иного, как вздыхать и предаваться воспоминаниям о доступных немногим элегантных вечерах времен их юности, где и речи не было о равноправии общественных прав, а грубость манер внушала ужас.

Об обедах

Общепринятым часом для обеда было три часа дня. В два часа более принято было обедать в одиночку. Следовательно, не считалось большим отклонением от обычного распорядка, если по воскресеньям семья обедала «между проповедями» — то есть между часом и двумя. С течением времени, но не без стенаний и пророчеств, обеденный час стал четвертым, каковым оставался

несколько лет. Затем он переполз на пять, что, однако, считалось положительно революционным; и за четыре часа, как за «старый добрый час», долгое время упрямо держались ненавистники перемен. Однако даже они были вынуждены уступить. Но отступали они лишь дюйм за дюймом, отчаянно цепляясь за половину пятого. Однако обед «ровно в пять часов» отпраздновал триумф, и это время продолжало быть обычным обеденным часом для благовоспитанных людей с (по-моему) 1806 или 1807 годов до 1820 года. Наконец господство перешло к шестому часу, причем не стало необычным обедать на полчаса позже. До сих пор дальше этого подражание Лондону не простирается, за исключением посвященных шотландскому тетереву или оленю деревенских домов, где представители рода человеческого, зовущиеся спортсменами и презирающие все человечество, кроме самих себя, гордятся тем, что не обедают, покуда здравомыслящий люд не отправится в постель. Таким образом, на моей памяти время для обеда сдвинулось от двух часов до половины седьмого; и всем посягательствам на исходе каждого получасового отрезка регулярно оказывалось сопротивление; и всегда по одной и той же причине — неприятие перемен и зависть

к пышным украшениям.

Об иных днях на скамье

В Эдинбурге у старых судей был обычай, который даже людей их поколения заставлял обычно качать головой. Когда со всей очевидностью было ясно, что заседание продлится значительно позже обычного обеденного часа, то у них «на скамье» всегда было вино и бисквиты. Современные судьи — я имею в виду тех, кого назначили на пост после 1800 года, — никогда не придерживались этой традиции; но для тех, кто принадлежал к предшествующему поколению, а кое-кто из них еще протянул после 1800 года несколько лет, подобное было вполне обычным. Рядом с ними на «скамье» расставлялись черные бутылки крепкого портвейна, а также бокалы, графины с водой, стаканы и бисквиты; причем не делалось ни малейшей попытки все это скрыть. Какое-то время легкая закуска оставалась нетронутой, словно бы ее не замечали, а их светлость будто бы был погружен в свои бумаги. Но спустя недолгое время в стакан наливается немного воды, и, словно бы просто для поддержания сил организма, из стакана отпивается глоток-другой. Потом отваживаются на несколько капель вина,

но только вместе с водой.

Но вот терпению приходит конец, и в бокал наливается до краев одной лишь темной жидкостью; после чего все происходит регулярно, сопровождается довольным чавканьем, вино пьется большими глотками, к громадной зависти пересохших глоток на галерее. Умные терпеливо сносят происходящее, но среди слабых идут разговоры, и весьма откровенные. Нельзя сказать, что господа в горностае бывают вдребезги пьяны, но иногда выпивка определенно оказывает свое влияние. Однако для этих умудренных мужей обычай настолько вошел в привычку, что в действительности вино мало что изменяло в их поведении, по крайней мере, — внешне. Издалека даже непросто было определить, в каком они состоянии; и у всех давно выработалось умение выглядеть вполне рассудительными, даже когда бутылки осушены до дна.

Эпидемия холеры, 1832 год
«Гринок эдвертайзер»

Холера была одним из бичей промышленной эры, ее распространению способствовали жуткие условия жизни, нищета и запущенность перенаселенных и захудалых жилищ. Страшная эпидемия холеры обрушилась на Гринок в 1832 году, тогда умерли около 2000 человек. Все сильнее обеспокоенные врачи стремились понять причины заболевания. Некоторые, по-видимому, были встревожены намного больше прочих.

Имея целью внести свои усилия в то, чтобы разрешить все сомнения относительно заразного или незаразного характера холеры один врач-джентльмен в минувшую среду провел следующий эксперимент. Сразу же после смерти в больнице пациента от холеры он разделся и улегся в ту же кровать, которую за минуту до того занимал умерший, и еще укрылся теми же одеялами. Он провел в постели два с половиной часа, таким образом, максимально рискуя сам подхватить болезнь, если она действительно заразна. На момент проведения своего эксперимента он

пребывал в превосходном состоянии здоровья и вплоть до настоящего часа мы имеем удовольствие заявить, что оно таковым и продолжает оставаться. Целый ряд его собратьев-врачей был настолько убежден в том, что их коллега непременно падет жертвой болезни, что на следующий день в больницу пришли многочисленные запросы о часе его смерти.

(По нашему слабому разумению, сей героический поступок доказывает не более того, что герой истории «отправился в постель» глупцом, да и встал с нее нисколько не умнее — за что ему следует благодарить судьбу. К нашему удивлению, вдобавок нам сообщили, что «он пребывал в превосходном состоянии здоровья», — но этим состоянием, как мы можем представить себе, он прежде всего обязан своему чувству безопасности. Будь он немощен, в силу возраста, или надломлен телесной болезнью, разве предпринял бы он такую попытку? Осмелимся заявить, что нет. Более того, мы не можем позволить себе допустить, чтобы безнаказанно он полагал, будто совершил подвиг, который в действительности уступает разве что попытке броситься в кратер Везувия, имея мало шансов извергнуться обратно целым и невредимым; а поскольку он,

по-видимому, позаботился убрать тело пациента прежде, чем самому лечь под одеяло, то в таком случае проделал лишь половину эксперимента. Однако мы не советуем ему осуществлять другую половину; потому что мы убеждены, что ему следовало бы благоразумно оставить это кому-то из своих мудрых сотоварищей, которые на следующее утро интересовались, жив ли он еще. — *Ред. Дж. А.)*

Показания угольщиков, 1840 год
Джанет Камминг, Джанет Аллен, Джейн Джонсон, Исабель Хогг, Джейн Пикок Уотсон, Кэтрин Логан, Хэлен Рид и Маргарет Уотсон

Доклад Комиссии по детскому труду 1840 года является одним из самых шокирующих документов своего времени. Инспекторы Комиссии, посланные расследовать, как проводятся в жизнь положения целого ряда актов фабричного законодательства по ограничению рабочего времени учеников и детей, решили также проверить условия труда в шахтах. В шахтерских городах девочек пренебрежительно называли «вагонетками для шлака», а мальчики носили прозвище «угольных вагонеток». Тем не менее труд женщин и девочек все равно широко использовался на шахтах, отчасти потому что они сами старались быть полезными с самого юного возраста и оттого раньше начинали работать, а отчасти потому, что готовы были без жалоб ползать по самым неудобным местам. Хотя внимание

Комиссии было сосредоточено на условиях детского труда, благодаря докладу неожиданно были услышаны голоса женщин, а также девушек. Доклад был проиллюстрирован рисунками, показывающими характер работы под землей, и настолько ужаснул общественность, что был принят закон, запретивший отправлять женщин и детей на работу в шахты. Этот закон лишь усугубил отчаяние тех женщин, для которых шахта была единственным источником дохода. Чтобы обойти закон, некоторые переодевались мужчинами; их сотоварищи закрывали на это глаза. Вот несколько комментариев, записанных Комиссией в 1840 году:

Десятник Ормистонской угольной шахты: «Фактически женщины всегда трудились на подъемных или тяжелых работах, и ни с ними, ни с детьми не обращались как с человеческими существами, когда их нанимали на работу. Женщины соглашались работать там, где нельзя было заставить трудиться ни одного мужчину или парня; они работали в плохих штреках, по колено в воде, почти всегда согнувшись вдвое. Будучи беременными, они находились внизу до последнего часа. У них распухали лодыжки и бедра, и они преждевременно сходили в могилу

или, что хуже, влачили, не в состоянии работать, жалкое существование».

Джанет Каммингс, 11 лет, носильщица угля: «Я вхожу в шахту вместе с женщинами в пять и выхожу в пять ночью; работаем всю ночь пятницы и уходим в двенадцать дня. Потолок очень низкий; мне приходится сгибать спину и ноги, а вода часто доходит мне до икр. Нисколько не нравится работа. Меня отец заставляет».

Джанет Аллен, 8 лет, толкает вагонетку: «Это тяжелая работа, просто мучение, лучше было бы развратничать».

Джейн Джонсон: «Мне было семь с половиной лет, когда дядя заставил меня работать на шахте, так как и мать, и отец умерли. В пятнадцать лет я могла переносить два английских центнера, но теперь испытываю слабость от нагрузок. Я была замужем десять лет, у меня четверо детей, и я работала, покуда до родов не оставалось день-два. Многие женщины повредили себе спину и ноги, и меня однажды придавило камнем, и я лишилась пальца».

Исабель Хогг, 53 года, бывшая носильщица угля: «Была замужем тридцать семь лет; в обычае было рано выходить замуж, когда уголь таскали на своих спинах женщины, мы были нужны муж-

чинам. У меня четверо замужних дочерей, и все, пока вынашивали детей, работали внизу. Одна теперь совсем плоха, так как работала беременной, отчего у нее случился выкидыш, и думали, что она не оправится. Народ на шахте страдает больше других — мой добрый муж умер девять лет тому назад, у него был дурной запах изо рта, и он протянул несколько лет, но совершенно не мог работать уже за одиннадцать лет до того, как умер».

Джейн Пикок Уотсон, 40 лет, носильщица угля: «Я работала под землей тридцать три года; замужем двадцать три года, и у меня было девять детей; шестеро еще живы, трое умерли от тифа несколько лет назад, двое родились мертвыми, думаю, из-за тяжелой работы; огромное число женщин рожает мертвых детей… Мне всегда приходилось работать внизу, покуда не приходило время рожать, и я вынуждена была идти домой, и так поступают и остальные женщины. Мы возвращаемся к работе как можно скорее, самое позднее — через десять-двенадцать дней, а многие при нужде и еще раньше».

Кэтрин Логан, 16 лет, перевозчица угля, которую запрягали в вагонетку: «…тащишь спиной вперед, лицом к вагонетке. Веревки и цепи уходят

под землю, это очень тяжелая работа, особенно когда приходится ползти».

Хэлен Рид, 16 лет: «[Я работаю] с пяти утра до шести ночи и перетаскиваю на спине два английских центнера. Работа мне не нравится, но думаю, другой для меня и нет. Под землей случаются разные несчастные случаи. Я сама видела два серьезных. Два года назад в штреке накрыло тринадцать из нас, и мы два дня провели без пищи и света. Около дня мы просидели по горло в воде. Наконец мы выбрались в старую шахту, и нас услышали люди, которые работали выше».

Маргарет Уилсон, 16 лет: «Часто воздух плохой, недавно из-за этого я брата потеряла. Он провалился, я попыталась вытащить его, но воздухом там нельзя было дышать, и мне пришлось уйти».

Улицы нечистот, 1842 год
Д-р У. Л. Лори

Будучи частью доклада Чедвика 1842 года, посвященного исследованию условий жизни бедняков, это сообщение, составленное У. Л. Лори, доктором из Гринока, описывает жизнь в печально известном грязном городе.

Громадная часть поселений бедняков расположена в очень узких и тесных тупиках и переулках, отходящих от основных улиц; эти тупики, как правило, представляют собой глухие «мешки», где нет движения воздуха, пространство между домами настолько узко, что исключает проникновение солнечных лучей к земле. Я бы даже осмелился сказать, что в этих тупиках вообще нет никаких водостоков, ибо там, где я видел сточные канавы, они настолько грязны и замусорены, порождая множество неудобств, что лучше бы их никогда не существовало. В этих тупиках, там, где нет навозных куч, фекальные и прочие отвратительные вещества выбрасывают в сточные канавы перед дверьми или выносят и сваливают на улицу. В домах нет птичьих дворов, но почти

во всех тупиках имеются навозные кучи, за редким исключением, никогда не накрытые; мало какие из выгребных ям вычищаются больше раза-двух в год; большинство опорожняется, только когда они переполняются: к некоторым пристроены уборные, и одной уборной пользовались все по соседству. Люди, как кажется, настолько свыклись со столь невиданным состоянием вещей и настолько утратили чувство пристойности, что не видели в этом никаких неудобств, и в порядке вещей, что когда пробираешься по некоторым из этих задних улиц, легко испачкаться нечистотами.

Позади дома, где у меня врачебный кабинет, в котором я в настоящий миг и нахожусь, есть громадная выгребная яма с пристроенной уборной; насколько мне известно, ее не чистили шесть месяцев; она служит всем по соседству, и исходящие оттуда миазмы столь отвратительны, что я не в состоянии открыть окно. Дом в три этажа высотой, и люди, чтобы избавить себя от забот, выбрасывают нечистоты из окна лестницы, следовательно, огромная их часть попадает в тупик, и тупик не чистится, пока не заполнится выгребная яма: грязь в тупике дорастает почти до подоконника заднего окна лавки, что располо-

жена по фасаду, и малярийная сырость сочится через стены на этаж…

Моим заботам в больнице был вверен один бедняк, шесть месяцев страдавший астмой и признанный неизлечимым, в настоящее время он живет с женой и семью детьми в темной комнате на нижнем этаже, больше подходящей для угольного погреба, чем для человеческого существа; комната освещается через неоткрывающееся окно, размером в два квадратных фута; ширина комнаты составляет всего четыре фута, а длина — восемь. Для всей семьи есть единственная кровать, и тем не менее арендная плата за эту дыру составляет 5 фунтов.

Когда не так давно я проходил через один из самых бедных районов, за мной побежала маленькая девочка, упросившая меня осмотреть ее мать, которую она не могла удержать в постели; ее мать я обнаружил лежащей на жалком соломенном тюфяке, поверх куска ковра, она была в лихорадке и бредила; муж-пьяница умер в больнице от той же болезни. Огонь в камине не горел; кто-то из детей ушел просить милостыню, а двое самых младших ползали по сырому полу; в середине комнаты действительно успела образоваться лужица, так как сточная канава перед

домом засорилась, и влага, протекши под дверь, нашла себе дорогу в центр пола. Все предметы обстановки, которые можно продать, были заложены во время болезни отца для поддержки семьи. Никто из соседей в дом не заходил; дети голодали, и мать умирала без всякого ухода…

Первый вопрос, который я обычно задаю, встречаясь с новым случаем лихорадки, касается жилища больных. Я был поражен числом заболеваний на Маркет-стрит; в этом месте в большинстве случаев больные вскоре заболевали брюшным тифом, и выздоровление их было медленным. Это узкий закоулок; над ним почти нависает крутой склон, поднимающийся в непосредственной близости от улицы; на ней стоят самые жалкие дома, построенные вплотную друг к другу, и войти в жилища можно через мерзкие тупики; вход с фасадной части дома обычно единственный; на этой улице сосредоточены многочисленные центры производства миазмов, думаю, в каждом закоулке я мог бы указать по меньшей мере на один.

На этой улице есть навозная куча, однако для такого названия она чересчур велика. Я не ошибусь в ее размерах, если скажу, что в ней содержится 100 кубических ярдов нечистот, мусора

и грязи, собранных со всех концов города. Ее ни разу не убирали; это товарный запас одного человека, который торгует навозом; он продает его в розницу тележками: ведя дела с покупателями, он придерживается твердого принципа, что чем старее навоз, тем выше цена. У владельца кучи рядом построена большая уборная. Это скопление нечистот выходит на общедоступную улицу; спереди она обнесена стеной; высота стены около 12 футов, и навоз возвышается над нею; из-под стены сочится малярийная влага и сбегает по мостовой. Источаемые этим местом миазмы летом ужасны; к нему примыкает земельный участок с домами в четыре этажа высотой; и летом во всех домах кишат мириады мух; все предметы, употребляемые для еды или питья, должны быть закрыты, а иначе оставленную открытой даже на минуту вещь немедленно облепят мухи, и она окажется непригодной для употребления из-за сильного привкуса дерьма, оставленного мухами. Но на улице есть и еще большая по размерам навозная куча, она не такая высокая, но занимает в два раза большую площадь; а насколько она уходит в глубину, я сказать не могу. Куча примыкает к скотобойне и принадлежит, как я полагаю, городским властям. Это не только вместилище

для отходов и потрохов из бойни, сюда также свозится и сваливается мусор с улицы. Рядом пристроено нечто вроде общественной уборной. В помещении самой бойни (которая примыкает к улице) подолгу не смывается кровь и валяются внутренности, и зацах летом в высшей степени омерзителен… Я считаю, что будет; редким явлением, если в любое время года [здесь] не обнаружишь больного лихорадкой.

Раскол в шотландской церкви, 1843 год
Преподобный Маклин

Недовольство нарастало многие годы, и наконец свыше трети духовенства шотландской церкви (474 из 1203) подписало Акт об отделении, покинуло свои дома и паству и образовало собственную новую церковь, Свободную церковь Шотландии, под руководством Томаса Чалмерса. Ее последователи представляли собой евангелическое течение, и их возмущало дозволенное законом право землевладельцев выбирать священников для церковного прихода, невзирая на желания паствы. Как ниже проясняет священник из Аргайлшира, мистер Маклин, это было время в высшей степени волнующее и тревожное. Отпадающие от церкви священники отказывались от стабильного дохода и теперь зависели от финансовой поддержки новых прихожан. Хотя некоторые диссиденты были смутьянами, многие занимали умеренную и неконфронтационную позицию и к Свободной церкви обратились из принципа. В 1929 году разрыв был преодолен, и в

лоне Свободной церкви остались лишь немногие из самых упрямых и твердолобых.

Когда на нас пала тень того памятного события, раскола, я был довольным жизнью священником в тихом приходе Хайленда. Население не превышало сотни семей… Среди этого приятного поля для пастырских трудов видны стоящие вместе дом священника с садом и церковь с кладбищем. По бокам от них вверх уходят крутые склоны больших холмов; а высокий голубой небосвод словно бы покоится на своих столпах, давая кров пейзажу…

Такими были внешние притягательные черты этого тихого убежища, и не менее мирными и спокойными и еще более подкупающими были отношения между пастырем и прихожанами, начиная от самых высокопоставленных и кончая смиреннейшими и беднейшими. И эти обстоятельства, столь умиротворяющие Ivioe сердце и под стать моим вкусам, вполне подходили моему положению и удовлетворяли мое честолюбие, а из-за многочисленности семейства мы все в буквальном смысле зависели от прихода как единственного средства к существованию, и подвергнуть все опасности, поспешно или по несущественным основаниям (в чем нас иногда

обвиняли), пожертвовать по любому поводу, иначе как из-за неумолимого веления совести, было бы безрассудством, грехом, позором.

Время для подобного решения, по высшему промыслу Божьему, очевидно наступило… С самого начала я не жалел ни сил, ни стараний, на дневных церковных службах по будням проповедями публично наставляя людей по важнейшим и насущным вопросам; но я никогда не смог бы заставить себя действовать частным образом и обращаться к ним лично, и я никогда не спрашивал даже церковных старост, какую сторону они намерены занять в приближающемся расколе… И так случилось, что даже в самый день «Конвокации» я, идя на собрание, не знал хотя бы об одном человеке, готовом сделать шаг, который я сам обязался сделать. Однако самый низкий уровень отлива является поворотной точкой прилива; и с того мига вода потекла в обратную сторону. Известно, как я поступил, и нет сомнений, что я исполнил бы обещанное. Когда я вернулся домой, то все мои старосты прислали письменное заверение… что, случись это, собрание не прервалось бы. Огромная масса людей тоже осталась верна убеждениям… Все теперь дали слово, что, с Божьего благословения, эти принципы пустили

глубокие корни в округе…

Джентльмен, кого я могу назвать вдохновителем и вершителем гонений в Глене, владелец большей половины прихода, призвал меня накануне раскола и спросил, по-видимому, под влиянием событий, нет ли какой альтернативы, а иначе я должен буду «уйти». Ничто, сказал он, и никогда столь не печалило его, как мысль, что ситуация может сложиться именно так. Со всех сторон его поздравляли, что, под моим покровительством, его приход — образцовый, как с точки зрения воспитания, так и в Прочих отношениях, и землевладелец надеялся, что и сам он, *к* его дети будут долго пребывать под благословением моего пастырства. Он с удовольствием говорил и об этом, и еще о мрогом прочем, что я не стану повторять. Но, обнаружив, что в главной цели своего визита он потерпел неудачу, позабыл о них; и начиная с того дня он, когда мы лишились дома, изо всех сил старался, чтобы мы оставались в таком состоянии, а также чтобы и нас заодно выкорчевали из округа как досадную помеху. Однако, если верить его собственным словам, он не мог «найти против нас никаких случаев, за исключением касающихся закона Божьего»…

Я перехожу к периоду раскола, когда мне выпа-

ла честь нести скромную ношу члена Ассамблеи [Высшего церковного суда Шотландии]. Я был настолько уверен в неминуемости этого события, что… перед тем как покинуть дом, продал все имущество и инструменты с церковного участка; и теперь, избавленные от этих вещей, после моего возвращения мы сразу же принялись упаковывать мебель и готовиться к скорейшему переезду. Свою тяжелую работу мы закончили к вечеру воскресенья. На день отдохновения церковь была свободна от проповеди, поскольку я обращался к пастве на лужайке перед домом. Утром в понедельник мы, в конце концов, распрощались с милым уголком и отправились во временное пристанище, милостиво предоставленное нам в соседнем приходе, когда неожиданно (для такого часа) появилась депутация землевладельцев. Они обнаружили меня в опустошенной комнате, в раздумьях обо всем случившемся посреди наводящей уныние мерзости запустения выселенного дома. Без единого слова утешения или сочувствия они направились к своей цели, твердо и неуклонно. И заявили о том, что либо я вообще не проповедую назавтра, либо убираюсь куда-нибудь прочь с глаз долой, чтобы не тревожить чувства священника, который должен служить

в церкви и объявить ее свободной. Судя по этой непритязательной просьбе, они мало заботились о моих чувствах, но определенно выказывали изрядное внимание по отношению к душевному состоянию чужака. Он официально ввел меня в должность, представил прихожанам и все время придерживался наших принципов, хотя ему и пришлось несомненно страдать из-за них, торжественно поклявшись на Ассамблее 1842 года, и на «Конвокации» в том же году; и теперь, изменив себе, именно он оказался тем человеком, которому его враги с удовольствием оказали сомнительную честь нанести «удар милосердия» старому другу!

В те тяжелые времена мы стали свидетелями многих торжественных и трогательных сцен. Я не уверен, однако, но субботнее собрание на лужайке было в моей жизни самым мучительным переживанием. Не только из-за тяжелых обстоятельств, неразрывно связанных с такой встречей и придающих ей глубокий и болезненный интерес, но и потому, что особо позаботились создать у людей впечатление, что если я осмелюсь проповедовать, то будут предприняты меры и наготове констебли, если меня понадобится удалить силой… Не обращая никакого внимания

на угрозы, я считал своим долгом занять свое место; и там, соответственно, в присутствии гонителей, которые продолжали ходить вокруг нас, возвысив голос, что меня было хорошо слышно, и бросая многозначительные взгляды, я провел открытое богослужение с таким эмоциональным подъемом, какого никогда не испытывал; в то время как моя бедная паства, предчувствуя, что в любой миг может случиться недоброе, садилась все теснее и теснее друг к другу, сбиваясь вместе, подобно обеспокоенной стае, когда над нею парит ястреб…

Я не стану останавливаться на «съезде из дома». Наступил понедельник, со всей мрачной атмосферой, сопровождавшей «переезд», подобный нашему. Тем утром привезли почти двадцать тележек — стольких и не надо было, наверное, но не в меньшей степени это было знаком сочувствия и уважения их владельцев. В молчании и в подавленных чувствах, подобно людям, отдающим скорбный и трогательный долг, каждый взял выделенную ему долю disjecta membra нашего жилища, и провожающие выстроились в ряд. Шесть наших детей, самому старшему из которых было всего восемь… заняли места позади; и теперь все было готово, мы погасили огонь

в нашем очаге, бросили последний взгляд на опустевшее жилище… повернули ключ в двери нашего некогда счастливого, но теперь покинутого дома; и длинная процессия печально и медленно двинулась в путь. Сразу же, словно бы по знаку герольда, позади нас раздался прощальный выстрел, словно бы неким очень грозным интердиктом, который, к счастью для меня, не прогремел, как я уже сказал, до воскресенья…

Незадолго до кризиса, не имея никаких надежд обрести в округе приют для своей семьи, я смирился с мыслью, что буду оторван от родных на значительный срок и отделен от них немалым расстоянием, когда один великодушный благодетель, сторонник нашего дела, по доброй воле, передал в мое распоряжение фермерский дом, чудесным образом освободившийся на время. Более того, он передал мне не только дом, но еще и церковь, которую построил для своих арендаторов, живших в окрестности; и они сердечными восклицаниями приветствовали меня как своего пастыря. И это еще не все. В Глене, который до сих пор представлял для меня важнейший интерес, был получен подходящий участок и предприняты шаги к возведению церкви. Мой церковный староста владел небольшим участком земли, со

всех сторон окруженным обширными землями, на которые мы не осмеливались и ногой ступить для служения Богу, даже на заброшенный срубленный вереск; и там, в месте, пробуждающем в памяти милое описание Псалмопевца: «Мы обрели место для Господа… среди лесов», там, пока мы не смогли «войти в дом Его», мы возносили молитвы у ног Его, на зеленой земле, небеса были нашим пологом, и Он, царствующий на них, был нашей надеждой и опорой. Две мои паствы разделяло десять миль, и для их регулярного окормления, на гэльском и на английском, я каждое воскресенье на протяжении двух летних сезонов с радостью путешествовал по двадцать миль и произносил четыре проповеди. Мои слушателе умножались в числе, вместо того чтобы сократиться из-за раскола; в то же время в обоих приходах, связанных с теперешней эрастианской официальной церковью, оставалось всего по горсточке людей.

Начала фотографии, 1845 год
Дэвид Октавиус Хилл

В 1843 году художник Дэвид Октавиус Хилл стал партнером фотографа Роберта Адамсона из Сент-Эндрюса, и они составили весьма влиятельную творческую пару, результат сотрудничества которой — свыше 3800 портретов необычайного качества, по мнению некоторых, продолжающих традиции таких художников, как Генри Реберн. Ниже Хилл описывает члену Королевской Шотландской академии изящных искусств совершенствование техники, которое позволило развиваться и процветать юному искусству фотографии. Он с готовность признает, что новая процедура родилась благодаря общим усилиям, при этом ссылаясь на работу Фокса Тэлбота, который был пионером калотипии, и на Адамсона, каковой опирался на труды ученых из университета Сент-Эндрюса, доктора Дэвида Брюстера и доктора Джона Адамсона.

Дэвиду Робертсу

Инверлейт-плейс, Эдинбург 12 марта 1845 г.

...Я не могу не выразить свою благодарность

за сведения, которые получил от Вас этим утром относительно того, как принято было Вами, Стэнфилдом и важными гостями лорда Нортгемптона портфолио наших калотипий. Ваше лестное мнение разделяют Этти, Аллан, Лейч и многие художники, а также те немногие, кто разбирается в искусстве, и те, кто служат для меня согревающим одеялом, призванным сохранить естественное тепло, после нескольких холодных ведер невежественной критики, которой встретили мое желание поощрить и улучшить эту служанку изящных искусств. Поэтому наиболее приятным и крайне ценным для меня является Ваше со Стэнфилдом горячее одобрение наших трудов. Примите оба мою благодарность…

Искусство является изобретением мистера Фокса Тэлбота, единственного владельца патента, который охватывает только Англию. Около трех лет назад о вышеупомянутом процессе отзывались как о крайне убогом с точки зрения и художественной, и химической. Доктор Адамсон из Сент-Эндрюса — брат моего друга Р. Адамсона, благодаря чьим манипуляциям возникли картины, которые теперь отправлены Вам, заинтересовал процесс мистера Тэлбота, и он занялся им как любитель. Вам известно, сколь ревнивы

некоторые ученые мужи в том, что касается приоритета на изобретения или усовершенствования, посему я entre nous скажу, что, по моему мнению, доктор Адамсон и его брат стали создателями многих элементов процесса, которые превращают его в ценное и практическое искусство. Я полагаю также, что, судя по всему мною виденному, Роберт Адамсон — наиболее успешный манипулятор, которого до сих пор видело искусство, и благодаря неизменному усердию и познаниям в химии, как от него, так и от его брата, можно еще ожидать новых улучшений…

Железнодорожная мания, 1847 год
Джозеф Митчелл

Викторианская промышленная эпоха предлагала выгодные возможности тем, кто обладал деньгами или прозорливостью. Некоторые рискованные предприятия, однако, были не так надежны, как казалось на первый взгляд, и могли привести к катастрофическим последствиям. Инженер Джозеф Митчелл был свидетелем безрассудной влюбленности богатых в железные дороги, которую в 1847 году ожидал горький конец.

В 1845 году вся страна была охвачена настоящей лихорадкой, связанной с прокладкой железных дорог. Безумие продолжилось и в 1846 году. Сколь бы нелепым ни был проект, публика хваталась за него, и каждая акция взлетала в цене; фактически это была настоящая мания, походившая на безумие с мыльным пузырем «Компании Южных морей». Многие тысячи людей, внесшие задаток в 2 фунта 10 шиллингов, рассчитывая получить премиальную надбавку, а затем продать свою

долю, оказывались связаны с долговыми обязательствами на тысячи фунтов, и тот был удачлив, чей план оказался отвергнут парламентом и ликвидирован Временным комитетом.

Помимо спекулянтов, которые, возможно, и вызывают мало сочувствия, тысячи респектабельных людей, считавших железные дороги выгодным вложением сбережений, разорялись из-за колебаний стоимости их собственности, главным образом из-за конкурирующих линий и непоследовательных действий законодательной власти.

В 1847 году наступил крах железных дорог, ставший результатом необдуманных проектов и спекуляций минувших лет, и разорение и смятение прокатились по всей стране.

Директора, сумевшие провести законопроекты, брались за работу, преодолевая многочисленные трудности. Долговые обязательства некоторых достигали размеров личных состояний. Примечательные случаи такого рода имели место на «Каледонской и шотландской центральной» и других северных линиях.

Акционеры подвергались преследованиям за призывы к полному банкротству компаний. Акции не пользовались спросом. Некоторые

железнодорожные компании временно прекращали свою деятельность.

Подрядчики «Каледонской и шотландской центральной», господа Брасси, Маккензи и Стефенсон, которые наняли на работу около 20 000 человек, какое-то время не могли найти средств для зарплаты рабочим; руководивший работами мистер Стефенсон с горя и отчаяния сошел с ума и умер.

«Южная Абердинская железная дорога» вынуждена была приостановить работу, и наш конкурент, «Большая Северо-Шотландская железнодорожная компания», которой удалось провести законопроект, оказалась не в состоянии осуществить план.

Когда образовалась эта компания, вместо выпуска общественных акций учредители большую часть акций распределили между собой, рассчитывая, как и поступали многие, что когда они получат свой закон, акции достигнут максимальной цены, что тогда было в обыкновении. В результате юристы компании отвели им 2130 акций, за которые те внесли 75 850 фунтов. Секретарь отвечал за 25 000 фунтов; агенты в Эдинбурге — за 20 000 фунтов; два других агента — за 15 000 фунтов; а восемь директоров подписались на

акции на сумму в 170 000 фунтов.

По-видимому, вклады были авансированы банками, главным образом «Северо-Шотландским банком»; но, к сожалению, крах произошел раньше, чем реализовались расчеты учредителей.

Затем наступил долгий период упадка денежной активности, поэтому у них не только не было капитала, как я уже отмечал, для проведения работ, но и банки стали испытывать тревогу об авансированных средствах и настаивали на выплатах и залоге.

На несчастных учредителей «Большой Северо-Шотландской железнодорожной», таким образом, обрушилось множество финансовых неприятностей; кое-кто из директоров, как сказано, стали банкротами. Наконец, до того как истекли их полномочия, было принято решение продолжать работы, но ограничиться сорока милями пути между Абердином и Хантли.

На работы были заключены подряды; и с помощью подрядчиков, которые приняли в часть оплаты акции, они, вопреки немалым трудностям, сумели успешно завершить этот отрезок железной дороги, таким образом подарив небольшую надежду северным графствам, что они получат железнодорожное сообщение даже с

Абердином.

Эксперименты с хлороформом, 1847 год
Джеймс Симпсон

Отец гинекологии, Джеймс Симпсон, был необыкновенно одаренной личностью, чьи работы кардинально изменили медицину. Назначенный в 1835 году, в возрасте двадцати четырех лет, профессором кафедры акушерства в Эдинбургском университете, он посвятил себя поискам безопасных для пациентов обезболивающих средств. Его первые эксперименты с серным эфиром не принесли успеха, но в приведенном письме он описывает, как в начале ноября 1847 года он обнаружил эффективное действие хлороформа (которое на самом деле открыл не он) при экспериментах на себе. Использование Симпсоном хлороформа на первых порах подвергалось критике за то, что он якобы вмешивался в промысел Божий по отношению к женщинам, страдающим при родах, но он упорно продолжал применять препарат. Когда в 1853 году он предложил хлороформ королеве Виктории, рожавшей принца Леопольда, этот метод обезболивания получил широкое признание.

Мистеру Уолди

Эдинбург, 14 ноября 1847 г.

Мой дорогой сэр!

[…]

Несколько дней до того, как применил хлороформ, я хранил его в доме, так как, увидев его в виде тяжелой и вроде бы нелетучей жидкости, я перестал на него надеяться и продолжал думать о других веществах.

В первый вечер, когда я с доктором Дунканом и доктором Китом одновременно испытали его, то все оказались «под столом» через минуту или две.

Пишу в большой спешке, поскольку желаю набросать несколько писем.

Не будете ли столь добры, чтобы сказать, какой, по-Вашему, может быть максимальная продажная цена за унцию хлороформа? Дункан и Флокхарт запрашивали по 3 шиллинга за унцию.

Вчера у здешних книготорговцев был большой спрос на памфлеты.

Остаюсь Ваш покорный слуга

Дж. Симпсон

P. S. Кстати, Имлах сказал мне, что доктор П. имеет намерение просветить ваше медицинское

сообщество об «этичности» применения. Мне не терпится примчаться и поколотить его. Когда назначена встреча?

Подлинный вопрос этики заключается в том, «есть ли у практикующего врача какой-либо принцип человечности для оправдания неприменения хлороформа». Полагаю, всякая операция без него всего-навсего пример преднамеренной и самой хладнокровной жестокости.

Бесчинства в Кайтнессе, 1847 год
«Инвернесский курьер»

Фитофтора, страшная болезнь картофеля, не только опустошила Ирландию, но в 1845–1846 годах ударила также и по Шотландии, ввергнув население Хайленда и островов, которое сильно зависело от урожая картофеля, в отчаянное положение. Хотя, по сравнению с Ирландией, число умерших было относительно невелико, тысячи оказались обречены на жалкое прозябание, на нищету и болезни, и трясина долгов не давала покоя целые годы. Для этих несчастных была невыносима сама мысль о том, что из Шотландии вывозится продовольствие. Например, когда в Уике стало широко известно о корабле с грузом зерна, готовящемся отплыть из порта, в городе разразились волнения.

Мы с сожалением вынуждены сказать, что беспорядки, столь распространившиеся на севере, из-за вывоза зерна, вылились в Уике в столкновения между населением и войсками. Во вторник на прошлой неделе две роты 76-го полка, численностью в 104 человека, под коман-

дованием капитана Эванса Гордона, высадились в Аккергилле и в тот же день в походном порядке вступили в Уик… Когда до шерифа Томпсона дошли слухи о намерениях части толпы затопить маленькое судно, с грузом зерна стоящее у причала в Уике, капитан Гордон приказал выставить караул для защиты корабля. Караул состоял из офицера, лейтенанта Бретта, и двадцати солдат. Капитан Гордон сопроводил лейтенанта Бретта на пристань, где уже собралась громадная толпа, проявлявшая самые враждебные и буйные чувства. Чтобы не оказаться окруженными, военные очистили пирс, а затем выстроились в цепь поперек него. В это время группа из моряков и прочих — около двадцати человек —…неожиданно выскочила за спинами солдат с канатом, и, не отодвинься солдаты сразу же к стене, кое-кого из них наверняка сбросили бы в воду… Капитан Гордон переплыл гавань на лодке (проход через пирс был перекрыт плотной толпой) и привел шерифа с армейским подкреплением. Прибыв к причалу, они обнаружили, что дорогу им преграждает внушительная баррикада из больших лодок, и лейтенанту Бретту не удавалось соединиться с ними. Положение этого офицера было крайне опасным. Из разбушевавшейся толпы в

лейтенанта Бретта и его людей летели камни, нередко брошенные с яростью и силой снаряды попадали в солдат. Находившийся с войсками полицейский подсчитал, что на участке между ними и заграждением из лодок (150 ярдов) собралось не менее 2000 человек, сбившихся в сплошную плотную массу мужчин и подростков. Лейтенант Бретт счел необходимым постепенно и понемногу оттеснить толпу перед ним. Силой оружия… По прибытии свежих войск был оглашен закон об охране общественного спокойствия и порядка, и позиция перед преградой была занята. Целый час солдаты были открыты для любого оскорбления, какое можно вообразить. Чего только в них не бросали, плевали, швыряли камни… Затем капитан Гордон получил приказ шерифа Томпсона очистить улицы, что и было произведено силой оружия… Когда несколько захваченных в плен участников беспорядков вели в тюрьму, солдаты подверглись нападению, с холма на них обрушился залп камней, точно град застучавших по солдатскому снаряжению. Несколько человек были серьезно ранены, и от камней пострадали шериф и провост. Потом капитан Гордон приказал стрелять… Ружейный огонь, как мы рады сообщить, не повлек за собой

фатальных последствий. Два человека, мужчина и женщина, были ранены. Известие о стрельбе мгновенно произвело на толпу нужный эффект. Было восстановлено полное спокойствие. Выстрелы, можно сказать, положили конец печальным событиям. Однако, как сообщается, население продолжает питать недобрые чувства, и ничто, помимо угрозы силы, не удерживает его от новых актов насилия и нападений… После этого отряд под командованием капитана Гордона был направлен в Турсо, где было выказано такое же неповиновение властям.

Виктория и Альберт в Балморале, 1848 год
Королева Виктория

Королева Виктория и принц Альберт сразу же почувствовали симпатию к Хайленду, и благодаря им королевская семья установила связи с Шотландией, которые не прерывались последующими поколениями. Королевская чета сняла, а позже и приобрела поместье Балморал, где в 1848 году жила в первый из своих многочисленных визитов. Замок был построен в 1853 году. Поездки в Шотландию были, вероятно, самой счастливой порой в жизни Виктории. После смерти Альберта в 1861 году она находила утешение в воспоминаниях о днях, проведенных с ним в Балморале, и в твердой поддержке слуги Джона Брауна. Он стал ее личным слугой и постоянным спутником и выказал себя таким хорошим другом, что она не обращала внимания на все слухи об их отношениях. В дневнике, который Виктория добросовестно вела с самого детства, она описала особенно памятную вылазку на природу, которую они предприняли за пару лет до кончины Альберта.

7 октября 1859 г.

Завтрак в половину девятого. Без десяти девять мы отправились, по-свойски [в открытом экипаже], с Берти и Алисой и нашими обычными слугами. Ехали по противоположному берегу реки. День выдался очень погожий, обещая стать еще прекрасней, хотя над холмами, куда мы с тревогой и посматривали, небо хмурилось. У Каслтона мы взяли четыре почтовые лошади и направились к Шил-оф-Дерри, в то красивое место, где мы побывали в прошлом году — которое Альберт никогда не видел, — и прибыли туда до одиннадцати. Там, вместе с Кеннеди, Робертсоном и Джемми Смитом были наши пони. На одном везли корзинку с завтраком. После того как плащи и т. д. уложили на пони или их взяли мужчины, мы сели в седла и начали наше «путешествие». Я была «Викторией», Алиса — «Доббинс». Нас вел Джордж Макхарди, пожилой человек, который знал окрестности (и выступал в роли проводника, везя вещи для живших за холмами людей на «животных», которых и содержал для этих целей). Мы проделали (большую часть дороги туда и обратно моего пони вел Браун) по крайней мере мили четыре вверх по Глен-Дерри, очень славной долинке, с остатками

чудного леса, оставив Кэйрн-Дерри справа, а внизу текла Дерри-уотер. Дорога была очень плоха и камениста, разбита скотом, спускающимся на «Ярмарку». В конце ложбины мы перебрались через брод, миновали полосу размякшей земли и повернули налево по неровному, очень крутому, но все же преодолимому подъему к Корри-Этчан, который расположен в очень диком месте, с внушительными скалистыми обрывами, справа была высокая гора с названием Бен-Мэйн, а слева виднелся Кэйрнгорм-Дерри. Когда мы добрались до вершины этого очень крутого подъема (мы взбирались, хотя и почти незаметно, от Дерри-Шил), то оказались у озера с тем же названием, которое напомнило нам Лох-на-Гар и Лох-на-Ниан. Вы смотрите оттуда на другие дикие холмы и лощины — на Бен-А'ан и т. д. Мы поднимались неспешно, но нас окутал такой туман, что мы ничего не видели — даже с трудом можно было разглядеть идущих впереди! Альберт много шел пешком; и было очень холодно. Туман стал гуще; и мы двигались по каменистому, но почти плоскому гребню Бен-Мюих-Вуи, едва понимали, едем ли по ровной земле или по горной вершине. Тем не менее мы с Алисой доехали до самой вершины, докуда мы добрались в несколько минут третье-

го; и здесь, на пронизывающем холодном ветру у пирамиды-кэйрна из камней, мы перекусили.

Как только мы расселись, налетевший порыв ветра разогнал туман, что произвело чудесный эффект, подобный наплывам, — и взглядам открылся грандиозный, самый девственный пейзаж, какой только можно представить. Мы сидели на гребне кэйрна на пикнике, — наши добрые слуги отошли к стоявшим неподалеку пони. Обед закончился, Альберт подбежал с Алисой к краю гребня, чтобы полюбоваться великолепным видом, и послал за мной, чтобы я присоединилась к ним. Я последовала за ними; но не без помощи Гранта, ибо по пути были места с осыпающимися камнями и ступать по ним было трудно. Ветер был ужасно крепким, но вид стоил того, чтобы им полюбоваться. Я не в силах описать всего, но мы видели, где Ди поднимается между горами под названием Уэлл-оф-Ди — Бен-и-Гло — и примыкающие горы, Бен-Врэки — тогда Бен-на-Вурд, — Бен-А'ан и т. д. — и такие великолепные дикие скалы, ущелья и лощины. Это был величественное и торжественное зрелище; такой дикий вид, такое уединенное место — и никого, кроме нас и нашего маленького отряда.

Альберт отправился дальше с детьми, но я

вернулась с Грантом туда, где сидела на кэйрне, так как не могла как следует карабкаться. Вскоре после того мы все пошли пешком и стали высматривать дымчатые топазы, обнаружив несколько небольших. Туман внизу совершенно расчистился, так что мы увидели все красивейшие виды. Бен-Мюих-Вуи имеет в высоту 4297 футов, это одна из самых высоких гор в Шотландии. Мы с Алисой часть пути проехали, спешиваясь там, где было слишком круто. Альберт с Берти все время шли пешком. У меня было с собой немного виски и воды, так как слуги заявляли, что чистая вода будет слишком холодной. Затем мы снова ехали верхом, и Альберт весело беседовал с Грантом. О чем Браун заметил мне с типично хайлендской похвалой: «Очень приятно идти с человеком, который всегда „доволен“». Вчера, говоря о дорогом для Альберта развлечении, когда я заметила, что после неудач он никогда не сердится, Браун сказал: «Все в поместье говорят, что у них никогда не было такого доброго хозяина; я уверен, что у нас одно желание — чтобы он был доволен». Я сказала, что они, несомненно, доставляют ему радость.

К четверти седьмого мы спустились к Шилоф-Дерри, где нашли немного чая, который мы

выпили в «приюте», и около половины седьмого, при свете луны, отправились вновь в путь.

К половине восьмого мы добрались до Каслтона — и после этого стало облачно. Ровно в четверть десятого мы оказались в Балморале, очень довольные и ничуть не уставшие; все было так замечательно организовано и так незаметно, без всякой суеты. Никогда не забуду я этот день и то впечатление, которое произвел на меня тот грандиозный вид; поистине потрясающий и запоминающийся; такое ощущение уединенности!

Эндрю Карнеги и библиотеки, 1853 год
Эндрю Карнеги

Знаменитый филантроп Эндрю Карнеги эмигрировал вместе с семьей из Дунфермлина в Питтсбург в 1848 году, когда ему было 12 лет. Благодаря огромному трудолюбию, самодисциплине и проницательности он составил состояние в сталелитейной промышленности. На родине, как и в Америке, он стал известен благодаря обширной благотворительной деятельности, но больше всего за свои выступления в защиту публичных библиотек, первую из которых он основал в Дунфермлине в 1881 году. (Всего он учредил 2508 библиотек, пожертвовав на них за всю жизнь примерно 350 миллионов долларов.) Подростком он жил в Аллегейни и страдал от нехватки книг. Он обрадовался, когда узнал, что по субботам во второй половине дня работает библиотека — полковник Андерсон, которому принадлежало 400 книг, открыл ее для местных работающих мальчиков. Когда библиотека расширилась и переехала в новое помещение, библиотекарь

попросил Карнеги заплатить вступительный взнос, так как тот больше не был учеником, а получал зарплату как работник телеграфной компании. Карнеги пришел в ярость, вступил в спор и утверждал, что, по его мнению, полковник наверняка хотел, что бы те, кто прежде ходил в библиотеку, продолжали бы читать его книги бесплатно. Он написал в питтсбургскую газету «Диспатч» и одержал победу.

Аллегейни, 9 мая 1853 г.

Господин редактор!

Полагая, что Вы питаете глубокий интерес ко всему, что служит к развитию, направлению и улучшению молодежи этой страны, я обращаю Ваше внимание на следующее. Вы должны помнить, что некоторое время назад мистер Андерсон (джентльмен из этого города) оставил в наследство крупную сумму денег, дабы учредить и поддерживать библиотеку, предназначенную для тех работающих мальчиков и подмастерьев, кто здесь живет. Она успешно работала более года, распространяя среди нас драгоценные семена, и хотя некоторые «упали при дороге… на места каменистые», многие попали на добрую почву. Каждому работающему мальчику разрешали свободно пользоваться библиотекой, только

требовалось поручительство от родителей или опекуна. Но недавно новые директора эту возможность творить добро ограничили, отказав в праве посещать библиотеку в установленные сроки тем мальчикам, которые не овладевают ремеслом и не связаны договором. Я бы скорее подумал, что новые директора неверно поняли устремления щедрого дарителя. Трудно предположить, что он имел в виду не допускать в библиотеку тех мальчиков, кто занят работой в магазинах просто потому, что они не связаны договором.

Работающий Мальчик
хотя и не по договору.

Налоговая декларация Томаса Карлейля, 21 ноября 1855 года
Джейн Карлейль

Брак угрюмого, но выдающегося историка Томаса Карлейля и энергичной Джейн Бейлли Уэлш был единением если не темпераментов, то взглядов. Карлейль прославился как выдающийся историк своего времени, а Джейн выступала как закулисный управляющий, секретарь и хозяйка дома. Ее письма и другие сочинения свидетельствуют о незаурядном таланте бытописателя и остроумии. Ниже она описывает, как от имени мужа вела битву с налоговыми инспекторами в Лондоне.

Мистер К. сказал, что «голос чести, по-видимому, призывает его идти самому». Но либо сей голос не воззвал достаточно громко, либо он не прислушался к этому чародею. Я отправилась в кэбе, чтобы все свое дыхание сохранить для мольбы. Высадившись у дома 30 по Хорнтон-стрит, я обнаружила грязный, смахивающий на частный дом, только на двери была надпись «Налоговая служба». Дверь открыла замызганная

служанка, сказавшая, что инспекторов не будет еще с полчаса, но я могу зайти. В приемной уже собралось с полдесятка человек, среди которых я увидела мужчину, который чистил наши часы, и молодого аптекаря с Чейн-уок. Глядя на остальных, нельзя было даже на миг заподозрить их в том, что они зарабатывают, я бы сказала, хотя бы сотню в год…

— Сначала леди, — заявил клерк, открывая маленькую боковую дверь, и я шагнула в grand peut-etre [великое «может быть»]. Мгновение темноты, когда одну дверь закрыли у меня за спиной, а потом впереди распахнулась другая; и вот я оказалась в полутемной комнате, где за большим столом, заваленным бумагами, сидели трое мужчин. Один держал над раскрытым гроссбухом наготове перо; другой снимал нагар со свечи и, судя по виду, дрожащим рукам и землистому цвету лица, переживал худший период своей жизни. Третий, который явно был петухом на местной навозной куче, восседал как Радамант — Радамант без правосудия.

— Имя, — произнес похожий на ушастую сову индивидуум с пером в руке.

— Карлейль.

— Что?

— Карлейль.

Видя его сомнения, я произнесла фамилию по буквам.

— Ха! — воскликнул Радамант, крупный, с бескровным лицом и надменным видом малый. — Что такое? Почему не пришел сам мистер Карлейль? Разве он не получал письма, с распоряжением о явке? Мистер Карлейль написал какую-то чушь, что он свободен от таких обязательств, и я пожелал, чтобы ему переслали ответ о том, что он должен прийти, как и все прочие.

— Тогда, сэр, — сказала я, — вашим желанием, по-видимому, пренебрегли, поскольку мой муж не получал подобного письма; и мне сказал один из ваших инспекторов, что личное присутствие мистера Карлейля вовсе не обязательно.

— Ха! Ха! Что имел в виду мистер Карлейль, утверждая, что не имеет доходов от своих сочинений, когда он сам определил его в сто пятьдесят фунтов?

— Это значит, сэр, что если кто-то перестает писать, то и ему перестают и платить за его сочинения, и за последние несколько лет мистер Карлейль ничего не опубликовал.

— Ха! Ха! Я ничего в этом не понимаю.

— Я понимаю, — прошептал мне на ухо снимав-

ший нагар инспектор. — Я вполне могу понять, что у литератора не всегда бывают деньги. Что касается меня, я бы скинул, но (он еще больше понизил голос) у меня тут всего один голос, да к тому же не самый главный.

— Вот, — сказала я, вручая Радаманту отчет от «Чапмэна и Холла», — это подтверждает заявление мистера Карлейля.

— И что я должен увидеть? Ха! Нам нужен тут мистер Карлейль, чтобы он присягнул, что это правда, иначе мы не можем поверить.

— Если недостаточно честного слова джентльмена, чья подпись стоит внизу этого листа, то можете привести к присяге меня: я готова в этом поклясться.

— Вы! Как же, вы! Нет, нет! Что нам делать с вашей присягой?

— Но, сэр, я полностью в курсе дел своего мужа, я знаю их лучше, чем он сам.

— В это я всецело верю; но мы не можем с этим ничего поделать, — он с презрением бросил мой документ на стол.

Ушастая сова взял его и принялся рассматривать, пока Радамант ворошил свои бумаги и ворчал о «людях, которые не соблюдают правила»; затем он протянул лист обратно старшему,

неодобрительно промолвив:

— Но, сэр, это совершенно понятное заявление.

— Тогда на что живет мистер Карлейль? Только не говорите мне, что он живет вот на это? — он указал на документ.

— Боже упаси, сэр! Но я здесь не затем, чтобы объяснять, на что живет мистер Карлейль, а только для того, чтобы продекларировать его доходы от литературы за последние три года.

— Истинно так! Так! — пробормотал не самый важный голос возле моего локтя.

— Мистер Карлейль, я полагаю, имеет доходы от земельной собственности?

— О которой, — сказала я заносчиво, так как воспряла духом, — мне, к счастью, не нужно представлять отчет в этом королевстве и в этом совете.

— Вычтите пятьдесят фунтов, скажем, сотню — вычтите сто фунтов, — сказал Радамант ушастой сове. — Если мы запишем на мистера Карлейля сто пятьдесят, то, полагаю, у него нет причин жаловаться. Вот, вы можете идти, у мистера Карлейля нет причин жаловаться.

Уже ввели женщину, пришедшую второй, и мне указали на дверь; но я не могла уйти не сказав, что «во всяком случае, от жалоб толку не

будет, так как не в их власти осуществлять свое решение». Когда я вышла за порог, то первой мыслью было: какое счастье, что сюда не пришел сам мистер Карлейль! Что до остального, то хотя все могло бы обернуться и лучше, я была благодарна, что дела не приняли куда худший оборот.

Потрошильщицы рыб, 1859 год
Чарльз Ричард Уэлд

Английский путешественник Чарльз Ричард Уэлд провел в 1859 году два месяца в Хайленде и составил подробный рассказ о своих впечатлениях. Ниже он описывает встречу с рыбачками в гавани Уика, занятыми в одном из самых прибыльных в стране, но в то же время непостоянном и сезонном промысле.

Покинув гостиницу, мы направили свои стопы в гавань. Уик в любое время года нельзя назвать очаровательным городком; но во время лова сельди он отвратителен. Постоянное население из 6722 душ увеличивается в промысловый сезон до 16 000 человек, а поскольку дома не умножаются в той же пропорции и организация санитарных мер не находится на высоте, то можете представить, что этот грандиозный приток населения вовсе не улучшает внешнего облика Уика.

Но пока мы шагали по пропахшим рыбой улицам, не было ни намека на переполненность населением; главные артерии города были почти безлюдны, и за исключением детишек, там и тут

лепивших куличи из грязи, и старух, дышащих свежим воздухом у открытых дверей, никого не было видно.

Объяснение простое: мужчины отсыпаются, а женщины, как мы вскоре увидим, заняты работой среди гор сельди. Мы минуем множество улиц, обитатели которых погружены в сон, и выходим к гавани, где оказываемся в царстве женщин.

В гавани тесно от рыбачьих лодок, набившихся чуть ли не борт в борт; места нет и для ялика. Теряешься в догадках, как они вообще сюда сумели войти, и в равной мере удивляешься тому, как они выберутся отсюда. Это не торговый порт. Корабли, что заходят в Уик, причаливают в более удобной и просторной гавани Стаксиго, принадлежащей соседней деревне с тем же названием.

Гавань Уика окружена вдоль побережья сотнями сооружений, с виду очень похожих на брошенные после начала строительства деревянные домики, по площади некоторые из них достигают двадцати футов, а стены имеют в высоту всего три фута. Это лохани для потрошения. Вокруг них стоят рядами те, в ком при ближайшем рассмотрении вы в конце концов опознаете женщин, хотя если бы вы не признали их с первого взгляда, то за имеющиеся сомнения относительно

пола вас можно извинить. Все женщины носят странного вида парусиновые одеяния, настолько забрызганные кровью и заляпанные рыбьими внутренностями и чешуей, что они напоминают каких-то животных ихтиологического царства, недавно лишившихся кожи и претерпевающих, вероятно, одно из превращений, о коих идет речь в теоретической книге господина Дарвина «О происхождении видов». И если человек может стать обезьяной или когда-то был китом, то почему бы девице из Кайтнесса не стать селедкой? Здесь, во время рыболовного сезона, процесс превращения протекает непосредственно у вас на глазах. Кожа покрывается чешуей — как при метемпсихозе, и несомненно, для кайтнесской потрошилыцицы не может быть рая, где нет сельди. Я скептически отношусь к русалкам, относя их к созданиям мифической зоологии, но, видя перед собой кайтнесскую потрошилыцицу, вполне можно сказать, что русалки, да и тритоны тоже, существуют.

Но довольно болтовни, и женщины меняют шкуру. Закончив работу, они облачаются в цветастые платья, и вы не узнаете в щеголяющих нарядами девушках, каких встретите вечером, тех существ, покрытых кровью и потрохами, которых видели утром…

Давайте посмотрим за их действиями. Во-первых, пока лодки выгружают свои чешуйчатые сокровища, уложенную в корзины сельдь стараются как можно скорее принести из лодок к лоханям для потрошения. Затем женщины, кого фамильярно называют «потрошилыцицами», набрасываются на селедку, точно хищные птицы, хватают свои жертвы и быстрыми движениями, которые едва способен уловить глаз, избавляют рыбу от внутренностей. Операция, которую девица не столь отталкивающая с виду, как ее товарка, любезно показала специально для меня в замедленном темпе, производится следующим образом. Селедка берется левой рукой, на шее острым коротким ножом ловко делаются два надреза, отверстие получается достаточно большим, чтобы через него извлечь внутренности и печень. Вместе с жабрами потроха отбрасываются в бочку, а рыбина летит в кучу своих выпотрошенных товарок. Я попробовал свои силы в этом с виду простом процессе и даю десять к одному, что первым своим надрезом вы обезглавите селедку. Если этого не случится, то в своих попытках выпотрошить рыбу вы искромсаете сельдь так серьезно, что из-за вас она окажется совершенно недостойной чести быть упакованной вместе с

умело разделанными подругами. И даже если вы мастерски преуспеете в извлечении внутренностей, вероятно, на эти действия потратите немало минут, в то время как уикские потрошильщицы — я сам засекал время — в среднем разделывают за минуту двадцать шесть селедок.

Сельдь несколько раз последовательно перекладывают, перед тем как в конце концов закрыть в бочку. Каждый раз в укладку добавляют побольше соли, а при последней укладке особое внимание уделяют расположению селедок в рядах. Внутренности складывают в бочки и затем продают фермерам на удобрения, по цене в среднем 1 пенс за бочку…

Как можно предположить, в промысловый сезон в Уике господствуют пьянство и распущенность. Многое связано с тем, что мужчины и женщины скучены в одном месте без всякого порядка. Священники жалуются, что, прилагая громадные усилия для поощрения успеха ловцов сельди, мало внимания уделяют поддержке ловцов человеков. Общества трезвости, однако, оказались очень полезны. Несколько лет назад меня уверяли, что во время промысла сельди в день выпивается пятьсот галлонов виски. Теперь же количество выпиваемого спиртного составля-

ет намного меньшую цифру.

Когда погода неблагоприятна и лодки не могут выйти в море, пьянство и клановая рознь толкают на ссоры и потасовки, хотя они редко приобретают размах беспорядков. Однако прошлый год был исключением; стычка, начатая двумя мальчишками, которые поссорились из-за яблока, переросла в ожесточенное столкновение мающихся от безделья рыбаков. Между обитателями Хайленда, Лоуленда и островов вспыхнула застарелая вражда кланов. Блеснули ножи, пролилась кровь, да так быстро, что пришлось зачитать акт о беспорядках и прислать из Эдинбурга солдат, что ввело страну в немалые расходы. Мне случилось быть у сэра Джона Синклера, в Баррок-хаусе, неподалеку от Уика, когда возникли беспорядки, и у меня имелась хорошая возможность услышать рассказы о волнениях. Как обычно, рассказы сильно разнились, но вполне сходились в двух моментах, которые приводили беспристрастного слушателя к выводу, что сильные раздоры между кланами, бурлившие в прошлом, не угасли и по сию пору.

Стервятники, май 1859 года
«Аргайлшир геральд»

Контрабанда, спасение и сбор того, что выброшено морем, в определенных районах Шотландии были неотъемлемой частью жизни. Этот глубоко укоренившийся обычай, который восходил еще к тем временам, когда желанные товары власти впервые обложили налогами и сборами, далек от забавной и романтической деятельности, каковой он нередко изображался, и это было злонамеренное и даже кровавое ремесло. Следующий случай на острове Айлей показывает, как алчные люди падки на дармовщинку и как яростно они защищают то, что достается даром.

Потерпевший кораблекрушение бриг «Мэри-Энн» из Гринока теперь выброшен на берег в заливе Килхоман-бэй на острове Айлей, его быстро разбирают на части, а часть груза плавает на мелководье. До субботы было спасено около 200 ящиков, в которых были бутылки с бренди, виски и джином, и не менее шести бочек бренди, виски и вина; но имели место самые дикие сцены пьянства и насилия, какие только можно вообразить.

Из окрестностей отовсюду сбежались сотни людей, особую прыть проявили рыбаки из Портнахэйвена, явившиеся все до единого. На ящики набрасывались, едва те оказывались на суше, их разбивали, а содержимое уносили и выпивали. Вокруг многие валялись тут и там среди скал, утратив способность передвигаться, а другие тем временем дрались, словно дикари. Присутствовавшие сержант Кеннеди и констебль Чизхолм из полиции графства использовали все имевшиеся в их распоряжении возможности, чтобы прекратить мародерство.

В четверг им удалось установить и поддерживать какой-то порядок, но когда опустилась ночь, местные жители выказали явные признаки недовольства тем, что на берегу вообще есть полиция, и тем более тем, что она не позволяет парню выбить дно винной бочки, чтобы, как он выразился, «все моряки порадовались». На стражей порядка немедленно набросилась толпа, началась рукопашная схватка, продлившаяся с полчаса и окончившаяся поражением полиции, причем вдвоем они противостояли трем-четырем десяткам местных жителей.

Полиция отступила на Куил-фарм — что от места событий отстоит примерно на милю, — и ее

преследовали по пятам примерно 30 местных жителей, издававших дикие вопли. Миссис Симпсон из Куила, завидев состояние дел, впустила полицейских в свой дом и накрепко заперла двери, раздав им к тому же имеющееся оружие. Собравшаяся возле дома толпа поорала какое-то время, но, узнав, что у полицейских есть огнестрельное оружие, разошлась. Все вновь вернулись на берег.

На следующее утро место событий представляло собой еще более ужасное зрелище. На берегу лежало распростертое мертвое тело крупного и сильного мужчины по имени Дональд М'Фейден, рыбака из Портнахэйвена, который считался самым сильным человеком на Айлее; бренди оказался еще сильнее. У него осталась жена и дети. Других, по-видимому, находящихся при смерти, перенесли в близлежащие дома, где для спасения их жизней были применены все доступные средства. Миссис Симпсон, особа очень добрая и человечная, снабдила страждущих всеми лекарствами, какими могла, но на пятнадцать или шестнадцать миль окрест нет ни единого доктора. Мистер Джеймс Симпсон раздобыл гроб для М'Фейдена и организовал похороны в пятницу. Когда уносили труп несчастного, можно было

видеть, как кто-то еще дрался, кто-то продолжал плясать, другие просили выпить, чтобы, по их словам, достойно похоронить человека. В субботу было известно всего об одном умершем, но в понедельник сообщили, что умерли еще двое.

«Славное двенадцатое», 1859 год
Чарльз Ричард Уэлд

Чарльз Ричард Уэлд был типичным представителем богачей, приезжавших в Шотландию в мечтах позабавиться охотой, которую предлагают густо поросшие лесами шотландские поместья. Для многих таких, как он, лучшим временем для поездки в Шотландию было 12 августа — Славное двенадцатое, дата начала сезона охоты на шотландских тетеревов. Для некоторых охота была единственным стимулом к тому, чтобы отправиться на север.

Мы вскочили с кроватей, ощущая прилив бодрости от того факта, что занялась заря 12 августа, героически устремились под душ, который словно стегал наши спины сосульками, покинули ванную комнату красные, как вареные раки, и с кожей, натянутой, как барабан, оделись и сели за завтрак… Для голода тут нет никаких шансов. Ни к чему тратить время на излишне малые порции — мы едим все и оставляем столько объедков, что пришедшей после нас собаке питаться будет нечем…

Теперь наполнить фляжки (я сказал, фляжки? — скорее, бочонки, эти миленькие современные изобретения со стеклянными днищами, сквозь которые виден напиток). Для мучимых жаждой слуг это, несомненно, мучительная придумка, ведь если вы надежно запрете краник, они не смогут даже смочить губы дразнящей жидкостью. Но наши слуги не мучились, поскольку хотя мы привезли из Танбриджа бочоночек редкого горького эля и у нас имелись разнообразные вина и прочие спиртные напитки, мы предпочитали наполнять бочонки чаем с молоком или сахаром, узнав на обширном опыте, что для долгого и утомительного дня охоты этот напиток освежает самым лучшим образом.

Слуги, разумеется, подобного решения не одобряют, потому что ваш слуга-шотландец или, во всяком случае, тот, кто родом из Кайтнесса, еще не приобрел знания, что фунт чая, который можно купить за три шиллинга и шесть пенсов, способен придать намного больше сил, чем галлон виски, который стоит шестнадцать шиллингов. Итак, мы или, скорее, они берут с собой дополнительные фляжки, наполненные горячительным виски, который они пьют с той же беспечностью, как ребенок выпивает чашку

молока. В самом деле, я думаю, чем крепче спиртное, тем больше его ценят.

Догкарты стоят у порога, собаки, после массы хлопот, засунуты в ящики за сиденьями, слуги готовы — не забыто, как мы считаем, ничего, и мы отправляемся на место охоты. Нам предстоит долгая поездка, ибо наши охотничьи угодья находятся возле Броула; отдельные места облавы отстоят на десять миль, самое ближайшее — в четырех. День превосходен; по небу бегут облака, и приятный ветерок задувает с запада. В конце аллеи наш отряд разделяется; каждому желают удачи, и мы устремляемся прочь по поросшей вереском местности… Все дальше и дальше, через обширные заросли, и вот мы выходим к деревушке Дейл. Здесь охотники покидают свои догкарты, и через несколько минут мы оказываемся в краю граусов, шотландских тетеревов…

Как мы и предполагали, наша охота предстает отнюдь не в розовом свете. У вас слабые руки или ноги? Тогда и не думайте охотиться в болотах Броула. Ибо здесь есть «болотины», которые кажутся островами, а в торфяниках можно пропасть бесследно, а потом, в будущих веках, вас откопают, вероятно, как некое ископаемое, как образчик чудного животного, занимающего место того

вида, которое ныне заполняет человек.

Осмелюсь сказать, что нигде, кроме как среди болот Кайтнесса, вы не познаете верности поговорки «в единстве сила». Ибо нигде больше не найдется в таком изобилии этих маленьких оживших диковин, комаров и мошек. И бросьте разговоры об одиночестве на болотах! С чего бы это, ведь каждый квадратный ярд населен миллионом маленьких гарпий, что сосут из вас кровь с поразительной свирепостью и ненасытностью. Откуда они берутся — загадка. Пока вы двигаетесь, ни одного кровососа не видно, но стоит вам остановиться, как вокруг ваших ног словно сгущается кружащийся туман, это облачко поднимается, одновременно разрастаясь, и вот вы с болезненным ощущением понимаете, что оказались в туче гнуса.

А теперь читатель-охотник с нетерпением ожидает, когда же перед ним откроется содержимое наших сумок; ибо оно служит подлинной проверкой качества охотничьих угодий, будь то суша или вода. Что ж, наш предводитель, который аккуратнейшим образом ведет книгу добытой дичи, говорит мне, что наша охота приносит в среднем по пятнадцать пар тетеревов в день на ружье, но помимо граусов в наших ягдташах все-

гда отыщутся бекасы и зайцы, а порой — дикие утки и вальдшнепы. Указанные цифры и вправду выглядят весьма незначительными рядом с теми поразительными сообщениями, какими славятся шотландские газеты, рассказывая о возвращении охотников с подлинного побоища, которое бывает, случается, на отдельных болотах. Но я согласен с Кристофером Нортом и не собираюсь признавать охотничьим угодьем то, что походит на птичий двор, считая, что для обнаружения скрытых богатств потребны умение и добрые собаки…

Разумеется, тетеревов убивают больше, чем мы можем съесть. Большую часть добычи покупает у нас мистер Данбар, но немало мы отсылаем и друзьям в Англию. И возможно, стоит заявить, что, если упаковывать только что подстреленную птицу в ящики по шестнадцать пар, без вереска или ячеек, то они всегда достигают пункта назначения в превосходном состоянии, хотя обычно им предстоит дорога до самого Лондона.

Эдинбургский детектив за работой, 1861 год
Джеймс Маклеви

Местом рождения Шерлока Холмса вполне мог стать и Эдинбург, но в этом городе были свои, очень даже реальные детективы. Джеймс Маклеви, сыщик викторианской эпохи, имел впечатляющий послужной список, отправил на скамью подсудимых многих преступников и без ложной скромности описал свою увлекательную карьеру, опубликовав рассказы о самых интересных делах.

Однажды… уже под вечер, в главное управление, где находились несколько детективов, готовых к любым непредвиденным случаям, пришел крайне взволнованный джентльмен… Он заявил, что утром того же дня вместе с женой покинул свой дом на Хаддингтон-плейс (квартиру), чтобы отправиться за город, где они намеревались прожить какое-то время. Присматривать за детьми и вести домом они поручили надежной служанке, молодой девушке, к которой, из-за ее доброты, набожности и вообще хорошего поведе-

ния, питали безграничное доверие. По какой-то причине, о коей, по-моему, упомянуто не было, джентльмен вернулся днем и, к своему ужасу, обнаружил запертую дверь и никаких следов ключа. Он постучал, но услышал лишь плач и вопли своих детей, всех еще очень маленьких, из которых один только-только был отнят от груди. Даже имея столь весьма красноречивое доказательство того, что происходит нечто нехорошее, он ни в тот миг, ни какое-то время после того, не мог заподозрить в преступлении кроткую Хелен, но, прождав еще немного, он услышал, как кто-то из юных созданий всхлипывает за дверью и кричит, что Нелли давным-давно ушла. И что у них нечего есть. Теперь джентльмен был убежден, что происходит что-то не то, и поспешил сбегать за кузнецом. Они вскрыли замок, и дверь открылась.

Войдя, он увидел необычную картину. Самый младший ребенок лежал в колыбели, едва не ослепнув от плача — глаза опухли, лицо было мокрым от слез. Другой, скорчившись, лежал на полу, охваченный ужасным страхом; третий сидел, с тоской глядя в окно, которое не открывалось, стучал по стеклу и криком звал прохожих, но за прошедшие часы на его вопли никто не

отозвался; двое остальных бегали туда-сюда, не понимая, за чем, а просто повинуясь некоему порыву, который не позволял им успокоиться. Но что было еще более странным, если они испытывали голод, то, несомненно, с жадностью съели бы каравай хлеба, однако хлеб был нетронут, словно бы страх подавил всякое желание что-либо есть, и хотя желудок требовал еды, мышцы рта отказывались подчиняться даже важнейшему инстинкту. Но это было еще не все. Продолжая осматривать дом, одолеваемый подозрениями, слыша возбужденные рыдания и сбивчивые слова сквозь плач бедных маленьких детей, он обнаружил, что бюро, где хранились деньги, взломано кочергой и оттуда украдено шестнадцать фунтов. Теперь он слишком хорошо все понял и, дав детям поесть и вверив их заботам соседа, поспешил в управление. Капитан Стюарт, выслушав странный рассказ, допросил джентльмена обычным порядком.

— Какова девушка из себя?

— Скорее, хорошенькая, лет девятнадцати, темные глаза, орлиный нос, маленький рот и родинка на левой щеке.

— Как она была одета?

Вопрос посложнее — на него легче было бы от-

ветить жене джентльмена. Он едва сумел что-то сказать.

— Никак не вспомню, — ответил джентльмен, — но мне почему-то представляется, что у нее на белой соломенной шляпке были красные ленты. Большего я не скажу; и если бы миссис Б. не заметила этого и не сказала мне днем ранее, что Нелли несколько разряжена (и следовательно, она, наверное, подумала «легкомысленна»), судя по этим ярким красным лентам, я бы не сумел подсказать вам и этой приметы, поскольку слишком мало внимания уделяю подобным вещам.

Капитан Стюарт принял его слова к сведению, и были разосланы несколько полицейских, а я пока сидел и размышлял.

«Всех этих примет вполне достаточно, — думал я, — но девушка уже могла исчезнуть из города». Подойдя к джентльмену, я прошептал (так как хотел, чтобы ответ слышал только я — не то чтобы у меня недоставало веры в такт капитана Стюарта, но порой я обнаруживал, что удобнее действовать по-своему, а докладывать после):

— Девушка из Эдинбурга?

— Нет, — ответил он, также приглушенным тоном, вероятно, понимая мои намерения.

— Тогда откуда она родом? — был мой следующий вопрос.

— Из Глазго.

— Я появлюсь у вас, наверное, утром, — сказал я капитану, чьим доверием пользовался, однако я не желал раскрывать прочим свои замыслы, каковы бы те ни были.

— Очень хорошо, — воскликнул он. — Я надеюсь лишь, что ты поймаешь эту девицу с родинкой.

— И не таких ловили, — сказал я, собираясь уходить. Но мне требовался ответ и на другой вопрос.

— Есть ли у вас какая-то причина предполагать, — продолжил я расспросы, — что девушка подозревает, что вам известно местопребывание ее друзей в Глазго?

— Нет, — ответил джентльмен, — потому что я никогда этого и не знал, и моя жена тоже этого не знает.

— Из какого банка были банкноты?

— Из «Бритиш линен компани».

— Достаточно. — В голове у меня уже зародилась идея, что не составит труда ее отыскать, ведь вообще-то большинство животных, будь то кроты, или беспризорники, или люди (и боль-

шинство женщин), когда их преследуют, ищут свои старые норы и убежища, — и я отправился на розыски. Я знал, что дневной дилижанс в Глазго отбывает в этот самый час и предполагал прийти вовремя; но, прибыв в контору, выяснил, что экипаж отбыл всего несколько минут назад. Я понимал, что не смогу нагнать его пешком, и потому подозвал кэб. Пока он подъезжал, я кое-что выяснил, по-быстрому задав несколько вопросов клерку, — не было ли среди пассажиров молодых девушек, каковы они из себя, и так далее, — и одна подходила под мои приметы, но не по родинке, по темным глазам или по орлиному носу, а по красным лентам.

— Насчет красных лент на шляпке не могу ошибиться, — сказал служащий, — только думаю, девушек было двое — одна внутрь села, другая снаружи.

— Кто-то из девушек платил банкнотами?

— Да, одна из них.

— Дайте взглянуть.

— «Бритиш линен компани», — заметил клерк, протягивая ее мне.

— Та, что платила, сидит снаружи или внутри? — спросил я.

— Снаружи.

— Хорошо, — сказал я и взобрался в кэб. — Теперь, кэбмен, тебе нужно во что бы то ни стало догнать дилижанс на Глазго, даже если придется загнать лошадь, сломать шею себе или ключицу мне.

И кучер, хорошо понимая, кто я такой, рванул с места галопом, да таким бешеным, что гонка едва не выбила меня из размышлений — а думал я не о чем ином, как о проверке всех шляпок, которые я видел на Принсес-стрит; так что я стал, на тот момент, знатоком beau monde, по крайней мере мира шляпок. Короче говоря, мне было очень любопытно определить их размеры, а из сотен расцветок моим любимым цветом был красный. Возчик же столь яростно гнал кэб, что на нас оглядывались все прохожие на улице, но те глаза, что скрывались в тени красных лент, к счастью, не знали, что я делаю все, дабы умалить славу их любимого цвета. Вскоре мы миновали Хэйвэйтс и оказались на проезжей дороге, ведущей в Корсторфайн. Прошло не так много времени, и я разглядел гордо раскачивающийся над дилижансом красный значок, точно так, как и говорил клерк; более того, мне показалось даже, что этот вымпел пробудил амбиции кэбмена, ибо он гнал все быстрее и быстрее, пока наконец экипаж не

остановился, несомненно, потому что возчик был убежден, что у него будет припоздавший пассажир.

— Поторопитесь! — крикнул возчик, пока я вставал и вылезал из кэба. — Одно место у нас есть, но на разговоры нет времени.

— Одно место, — сказал я, глядя на лицо кроткой Нелли, где имелась родинка, и где через мгновение появилось еще кое-что: сначала на щеках расцвел яркий румянец под цвет ее лент, а затем — разлилась бледность под стать ее шляпке. — Скорее, думаю, у вас будет лишнее.

— Нет, акт парламента говорит, что у нас есть право перевозить…

— Но не эту девушку с красными лентами, — сказал я, доставая свою дубинку. — Спускайтесь, мисс Хелен Н. — (Я забыл упомянуть, что узнал имя служанки у ее хозяина.) — Я намерен отвезти вас обратно в город.

Ей того явно не хотелось, и она, по-видимому, намерена была сопротивляться изо всех сил; но пассажиры видя, что она не может сойти по своей воле, заставили ее спуститься силой и передали мне, а я поблагодарил их за хорошенького арестанта. Усадив девушку в кэб, я забрал затем ее сундук и поставил его в кэб рядом с нею. И я

направился прямиком в управление. Капитан Стюарт, припоминая красные ленты и родинку и бросая взгляды на головной убор и лицо девушки, улыбнулся, несмотря на обычный для него серьезный вид. Вскоре мы обнаружили, что кроткая Нелли хочет доказать, как мы, как и ее хозяин, неправы по отношению к ней, ибо она искренне клянется в том, что она не только невиновна в совершении чего-либо противозаконного, но еще и в том, что ее зовут вовсе не Хелен Н., несмотря на ленты, родинку, черные глаза и действительно хорошенький орлиный нос; так что действительно казалось необходимым, чтобы мы убедились, к ее собственному удовлетворению, в том, кто она такая. Обыскав девушку, мы нашли при ней деньги в сумме 15 фунтов и 14 шиллингов — что, добавляя 6 шиллингов за проезд, составляет ровно 16 фунтов, — и полагали, что это избавит ее от сомнений в собственной личности; но даже такого доказательства оказалось недостаточно, и непоколебимая Нелли могла бы и до судного дня оставаться в полнейшем неведении о своем истинном имени, если бы в управление не вызвали мистера Б., и тот не убедил ее, что она именно та самая девушка. И тогда она не только была убеждена, но у нее появилась и причина

не впадать вновь в подобное неведение; ибо в те шесть месяцев, провести которые в тюрьме ей определил суд, она во многом оставалась сама собой, и редко находился тот, кто сбивал бы ее с толку в том, кто она такая, и она не могла сбежать от самой себя, сколь бы к этому ни стремилась.

Абботсфорд, ловушка для туристов, 1863 год
Эдвард Брэдли

В 1811 году сэр Вальтер Скотт купил ферму Картли-Хоул, или Кларти-Хоул, и, дав ей прежнее название тамошней речной переправы, переименовал в Абботсфорд. Он отремонтировал сельский дом, превратив его в пышный особняк, и постарался включить в облик дома как можно больше примет шотландской истории и присущих Шотландии элементов архитектуры. После кончины Скотта в 1832 году поместье в течение нескольких лет сделалось крупным туристическим объектом. Эдвард Брэдли, художник журнала «Панч», подсчитал, во сколько посещение Абботсфорда обойдется туристу.

Абботсфорд — Мекка для туристов, посещающих Шотландию, и в летние месяцы поток паломников непрерывно течет к святилищу Скотта. Расходы каждого, начиная с поездки по железной дороге из Эдинбурга и кончая возвращением в тот же день, составляют не менее тридцати шиллингов; и, следовательно, статистик спосо-

бен оценить доход, который, благодаря «магии имени», должен просочиться через Мелроуз. Экипажи до Абботсфорда являются непременным летним атрибутом в Мелроузе, за что, должно быть, в высшей степени благодарен хозяин гостиницы «Джордж», особенно если по времени поездка приурочена к обеду, а более всего его, верно, радует та жуткая строчка в гостиничном счете, «апартаменты внаем», что, по-видимому, является «существительным „множество“, обозначающим „многие“» курьезные дополнения к обычным потребностям путешественника. Одноконный экипаж до Абботсфорда будет стоить пять шиллингов, из которых восемнадцать пенсов положены возчику и шестнадцать — для дорожной заставы. Прибыв туда, вы узнаете, что высоко ценимый «Путеводитель» Блэка, с некоторой нерешительностью высказывая мнение на столь деликатную тему, отмечает, что в отношении «чаевых, каковые можно заплатить слуге, их размер неизбежно будет разным для принцев и для крестьян, но как справедливую среднюю оплату можно рассматривать сумму в 1 шиллинг для одного человека и 2 шиллинга и 4 пенса для группы не свыше шести человек». Это насмешка. Попробуйте служителю, который

семенит рядом с вами через выставочную анфиладу комнат, дать шиллинг за одного человека или полкроны за группу не больше шести человек и посмотрите, каково будет выражение его лица (чего можно и не заметить) и каково будет его дальнейшее поведение (что более очевидно). ***Experto crede.*** Он едва удовлетворился полукроной, полученной за мою жену и меня самого; но был возмущен семейством французов (с которым мы образовали случайное соединение атомов, неизбежное при составлении «партии» для осмотра комнат) и с презрением отказался от их пожертвования. Вслед за тем последовала сцена, в которой пантомимой разъяснялся диалог и которая завершилась само собой разумеющейся победой служителя и уплатой налога второй стороной. Когда бы в их французских душах не воспылало восхищение прославленным романистом, полученное удовольствие от лицезрения комнат, должно быты, сильно контрастировало с теми горькими чувствами, с какими их инспекторский объезд был прерван принудительным даром этому вымогателю на страже наследия знаменитого писателя.

Миссионер посещает Гринок, 1865 год
Уолтер Ганн

Миссионер Уолтер Ганн исходил множество глухих улочек, стремясь доказать властям, что, вопреки многолетней пропаганде, направленной на улучшение условий жизни неимущих, положение обездоленных по-прежнему остается отчаянным. Район, где он стучался в двери бедняков, был известен под названием «Норы», и известность эта была зловещей. Ошеломленный, Ганн сообщал, что тут «двадцать пользующихся дурной славой домов», но подлинным ужасом, как он показывал, были условия, в каких жили люди. Приводимые им примеры касаются только тех, кто работал на дому, что объясняет, почему все примеры связаны с женщинами.

Случаи, которые мы далее упомянем, — несколько из тысяч, которые предстали нашему взору, но они дают весьма верную оценку явления в целом.

СЛУЧАЙ I. Это старая вдова, которая живет тем, что дробит песчаник, который она добывает у

зданий во время строительства, и она в состоянии переносить от 40 до 50 фунтов. Принеся ношу домой, она принимается за работу, используя обломок железа в качестве песта и осколок крепкого камня в качестве ступы, и превращает ими добытые куски в порошок. Проделав это, она отправляется продавать плоды своего труда, переходя от одной двери к другой; в иные дни продать не удается ничего, а порой за день она получает от ***четырех до шести пенсов,*** что считается хорошей дневной выручкой. Ей шестьдесят лет, однако именно так изо дня в день она зарабатывает себе хлеб.

СЛУЧАЙ II. Здесь мы тоже имеем дело со старой вдовой, которая живет сбором моллюсков и морской капусты. Чтобы добыть их, она встает с первыми лучами солнца и проходит милю за окраину Инверкипа; что составляет расстояние в ***семь*** миль или, считая обратную дорогу, ***четырнадцать*** миль. Собрав добычу, она несет груз домой; или, если готова потерять половину прибыли, платит возчику, чтобы тот отвез ее и ее ношу. Добравшись до дома, она варит моллюсков и моет морскую капусту, потом укладывает все на лоток и идет на набережную, где сидит, пока случайный прохожий не избавит ее от запаса

товара; такое ведение хозяйства приносит ей в день шесть пенсов или шиллинг. Ей под семьдесят; в последний раз мы видели ее, когда она, до нитки промокнув под дождем, только что возвратилась после не принесшей результата вылазки, поскольку море было слишком бурным и не позволило собрать обычную добычу.

СЛУЧАЙ III. Замужняя женщина, чей супруг, подобно сотням прочих, сильно выпивает; она, таким образом, должна работать, чтобы обеспечить себя и своих детей; муж — можем ли мы его так называть? — поскольку вряд ли он заслуживает подобного звания — кстати, тоже получает свою долю. Она зарабатывает тем, что расчесывает паклю…

СЛУЧАЙ IV. Женщина, которая живет тем, что отдает мел для побелки в обмен на тряпье и кости.

СЛУЧАЙ V. Еще одна женщина, которая зарабатывает на жизнь тем, что летом подрезает траву на обочинах, а зимой просеивает песок. В иных случаях некоторые ухитряются кое-как перебиваться нищенством: еду и муку они продают с прибылью в некоторые лавки, где покупают таким образом полученный товар и вновь пускают его в продажу…

Хотя обитатели этого места страшно деградировали и большинство не умеет читать, однако те, кто способен к этому, питают сильную склонность к определенному виду литературы; но отнюдь не к первоклассной. Религиозных изданий не найдешь, однако наиболее распространены «Пенни пост» или «Спортинг ньюс»; если взглянуть с точки зрения беллетристики, то, по-видимому, наибольшей популярностью пользуются «Хафпенни мэгэзин», «Рейнолдс мисэлени», «Дик Терпин» и тому подобные издания.

Хотя не все могут участбовать в таковых развлечениях, однако, как кажется, все ценят изящные искусства, судя по картинкам, что украшают стены домов. На тех, что висят у трудящихся классов, можно видеть изображения скачек, пловцов, бегунов и кулачных бойцов, причем последние пользуются самой большой любовью. Картинки вырезают из «Спортинг ньюс» и прикалывают на стены комнат, во многих случаях, вероятно, не из любви к прекрасному, а больше для того, чтобы укрыться от сквозняков или спрятаться от взоров соседей. В других случаях, однако, ими оклеивают помещения действительно из искреннего восхищения героем картинки или же для того, чтобы нарушить монотонность голой кирпич-

ной стены. Дома явных проституток украшены картинками с более утонченными сюжетами, но, судя по качеству изготовления, они отпечатаны в Германии, и во многих подобных случаях к теме, которой они посвящены, вовсе не следует привлекать внимание, а тем паче развешивать такие картинки по стенам. Изредка случается, что вкусы и пристрастия хозяина бывают развиты в ином направлении. Войдя однажды в один дом, окно которого случайно оказалось открытым, мы немало удивились, увидев снаружи аккуратный ящик, полный земли, со множеством цветов, только-только проклюнувших бутоны. Объект оказался столь примечательным, что мы похвалили женщину за ее влечение к цветам, но испытали разочарование, когда она сказала: «О сэр, это вовсе не цветы, а луковицы, которые мой муж положил сюда на хранение, и лук пустил стрелки».

Первый в Шотландии футбольный матч, 1868 год
Роберт Парднер

Кто знает, как давно в Глазго играют в футбол? Возможно, тысячу лет. Самые ранние документальные свидетельства датируются 1590 годом, но лишь в 1867 году была сформирована первая организованная команда. Она называлась «Куинс парк». Годом позже ее игроки предложили сыграть матч с «Тислом» (не путать с «Патрик Тисл»). Это письмо написано секретарем команды «Куинс парк» и оговаривает условия проведения первой официальной игры между шотландскими командами.

Дорогой сэр,

я должным образом получил Ваше письмо, датированное 25-м числом текущего месяца, в понедельник днем, но так как на вечер в то же время у нас было созвано заседание комитета, ответить раньше у меня не имелось возможности. Теперь меня попросили на комитете принять, от имени нашего клуба, вызов, который Вы столь любезно прислали, за что мы Вас и благодарим,

сыграть с нами товарищеский матч по футболу на нашем поле, в Куин-Парк, в упомянутый Вами час, в субботу, первого числа следующего месяца, по двенадцать игроков с каждой стороны. Мы полагаем, однако, что будет вполне достаточно игры продолжительностью в два часа для установившейся в настоящее время погоды, и надеемся, что это условие вполне Вас устраивает. Мы также предлагаем поменяться воротами, если в течение первого часа ни одна из сторон не забьет голов, а мяч, разумеется, будет выбит [sic] с центра поля той командой, которая первой вводила мяч в игру, так что у обеих сторон будут равные шансы воспользоваться преимуществами погоды и площадки, и это мы полагаем весьма справедливым, и об этом можно договориться на поле перед началом матча. Не будете ли Вы также настолько любезны, чтобы привезти с собой свой мяч, на тот случай, чтобы, если случится какое-то происшествие, не прерывать игру. Надеемся, что погода будет благоприятствовать «Тислу» и «Куинс».

Остаюсь
с искренним уважением,

Подпись:

Роб. Гарднер секр.

Беспорядки на матче по гольфу в Мусселбурге, 22–23 апреля 1870 года
«Скотсман»

В начале своей истории гольф был далек от той респектабельной и буржуазной игры, какой стал с тех дней. Соперником гольфиста из Мусселбурга Уилли Парка, который выиграл первый Открытый чемпионат, был Том Моррис из Сент-Эндрюса, и на протяжении многих лет они сыграли целый ряд матчей-поединков. Мусселбургский матч, описанный ниже, был завершающей из четырех игр, а другие до того были сыграны в Сент-Эндрюсе, Прествике и Норт-Берике. Как говорят, толпа, болевшая за Парка, передвигала мяч Морриса, куда ей хотелось, но за чрезмерные симпатии почитателей расплатиться пришлось их кумиру. Своевольным судьей был издатель Роберт Чамберс, сам страстный игрок в гольф.

22 апреля

Важный матч по гольфу между Томом Морри-сом (Сент-Эндрюс) и Уилли Парком (Мусселбург) за 200 фунтов стерлингов, который вызывал столь живейший интерес на протяжении последних двух недель, к сожалению, был прерван в резуль-тате спора. Эта решающая часть матча имела место вчера на Мусселбургском поле, и, соответ-ственно, два чемпиона появились на площадке в назначенный час. Для демонстрации мастерства игры в гольф погода была самая неблагоприятная. Над полем резкими порывами дул сильный юго-западный ветер, и в течение дня несколько раз случался сильный ливень. Посмотреть игру на площадке собралось около шести или семи тысяч зрителей, и говорят, столь много людей никогда прежде не посещали матчи по гольфу. Достойно сожаления, однако, что зрители вели себя самым постыдным образом. Спокойствие и порядок со-хранялись на площадке на протяжении первых двух туров, но с ростом численности толпы рос-ло и ее волнение за результат, и игроков стали окружать и теснить самым бесцеремонным обра-зом, так что у них едва оставалось место, чтобы свободно действовать клюшками. Судья, мистер

Роберт Чамберс-младший, обратился к зрителям с просьбой соблюдать порядок и отойти подальше от игроков. На какое-то время это подействовало, но поскольку болельщики вновь начали вести себя недисциплинированно, то судья и игроки предприняли действия, которые привели к злосчастному спору, ниже детально описанному.

Принимая во внимание обстоятельства, при которых проходил матч, сама игра была первоклассной. Оба игрока действовали осторожно, особенно на коротких дистанциях, но это только делало матч еще интереснее. В первом туре Парк показал себя в хорошей форме, но Моррис с самого начала лидировал. Последний выиграл четыре лунки, Парк — три, на две они сделали равное число ударов. Во втором туре была продемонстрирована едва ли не великолепная игра — на пять лунок оба потратили равное количество ударов, а по две каждый участник оставил за собой. В третьем туре Парк выиграл три лунки, Моррис — две, еще на четырех они сошлись поровну; и это оставляло их в том же положении к началу последнего тура, каким оно было на старте, — Моррис на протяжении всего матча опережал соперника на одну лунку. На первую лунку финального тура оба потратили равное

число ударов, следующие две выиграл Парк, добившись преимущества в одну во всем матче. Затем оба игрока удалились, чтобы освежиться.

Спустя короткое время Парк показался на той части площадки, где находится метка для первого удара; но спортсмен из Сент-Эндрюса не появлялся, волнение толпы нарастало. Очень быстро выяснилось, что судья решил, что следует отложить розыгрыш оставшихся в матче шести лунок на утро субботы, на одиннадцать часов. Парк возражал, тем более горячо, что с ним не посоветовались, и сказал, что если Моррис не придет и не завершит тур, то он сам так поступит и заявит о своих правах. Моррис подчинился решению рефери, который заявил о причине, побудившей его отложить игру: «Несмотря на все предпринятые усилия, нет никаких практических средств удержать зрителей, причем некоторые своим поведением делают честную игру невозможной». Парк утверждал, что судья обладает правом только разрешать споры относительно мяча, что он не может откладывать игру без согласия обеих сторон и что правила, по которым играется матч, четко указывают, что игра должна завершиться в тот же день. Потому Парк сам доиграл оставшиеся от матча шесть

лунок и послал держателю заклада (мистеру Роберту Даджену) письмо с требованием выигранных денег. Мистер Даджен, как мы понимаем, выплачивать заклад отказался, и сложившаяся ныне ситуация никого не удовлетворяет.

23 апреля

Утром в субботу, в одиннадцать часов, в назначенное мистером Робертом Чамберсом-младшим время для доигрывания шести лунок, оставшихся несыгранными на Мусселбургском поле в большом матче по гольфу между Томом Моррисом и Уилли Парком, у восьмой лунки появились Моррис и несколько зрителей. Присутствовал и Парк, но относительно роли и обязанностей судьи он твердо держался занятой прежде точки зрения, утверждая, что сыграл весь матч в тот же день, согласно правилам, а именно 22 апреля; что ни у кого нет права прерывать игру на середине и останавливать ее; что раз Моррис отказался сыграть последние шесть лунок, когда его позвали, то он, Парк, сыграл их сам последовательно, одержал в матче победу. Соответственно, он отказался играть шесть лунок с Моррисом в субботу утром, если только не будет организован новый матч. Мистер Чамберс велел Моррису выйти на

площадку, что тот и сделал и загнал мяч в шесть лунок от мистера Формана соответственно за 4, 4, 5, 5, 6 и 4 ударов. В заключение болельщики мусселбургского чемпиона громко освистали Морриса, а заодно и судью, который вынес следующее письменное решение на площадке утром:

> «Как судья матча на Мусселбургском поле между Моррисом и Парком, я удостоверяю, что первые тридцать лунок были сыграны 22 апреля и по моему решению оставшиеся шесть лунок были доиграны Моррисом в сегодняшний день. Поэтому я объявляю Морриса победителем.
>
> Подпись:
>
> ***Р. Чамберс-младший — Мусселбург, 22 апреля, 1870 г.»***

Доктор Ливингстон найден Генри Мортоном Стэнли, ноябрь 1871 года
Дэвид Ливингстон

Говорят, за свою жизнь миссионер Дэвид Ливингстон обратил в христианство два народа. Однако не в этом его главное наследие: он — один из самых отважных исследователей всех времен, который не только был первым белым человеком, совершившим путешествие в сердце Африки, но и предпринял свою отважную экспедицию, будучи полностью осведомлен о процветающей там работорговле, отчасти благодаря и ему она была в конце концов запрещена в 1873 году, в год его смерти. Вести дневник у него вошло в привычку, и он, когда у него кончались чернила, заменял их соком растений. Когда подходили к концу запасы писчей бумаги, он использовал для дневника любые клочки бумаги или вносил новые записи поверх старых, что сделало их расшифровку крайне трудным делом. Читать поздние дневники Ливингстона, написанные им в ходе изматывающих и психологически тяжелых экс-

педиций к Великим озерам, довольно тягостно. Оставшись в одиночестве после смерти в 1862 году своей бесстрашной жены Мэри, он очень тяжело болел и совершенно пал духом, и его душевное состояние еще больше ухудшилось из-за племенных раздоров, свидетелем которых он стал. В дни, предшествующие приведенным ниже записям, он дважды едва избежал гибели от копья и при нападении из засады на его отряд. Здесь он рассказывает о событиях, приведших к знаменитой встрече в Уджиджи, на берегу озера Танганьика, с американским журналистом Генри Мортоном Стэнли, которого отправили узнать, что случилось с Ливингстоном и жив ли тот вообще. Приведенные Ливингстоном даты не совпадают с датировкой Стэнли, по словам которого встреча состоялась в ноябре, а не в октябре.

23 сентября 1871 г.

Пройдя через страну со смешанным населением из баруа и багуха, дважды переправились через реку Лонгумбу и приблизились к большому горному массиву, протянувшемуся западнее Танганьики. От владений Мокванивы до озера Танганьики примерно десять больших переходов

по светлому лесу. Народ держится не слишком дружелюбно. Они слишком хорошо знают чужестранцев, чтобы быть к ним доброжелательными. Подобно маньюэма они ловкие торговцы. Очень устал от этого похода из Ньянгве назад, в Уджиджи. В последней части пути у меня было такое ощущение, что я умру на ходу. Чуть ли не каждый шаг причинял боль, пропал аппетит; даже небольшой кусочек мяса вызывает жестокий понос, а подавленное душевное состояние в свою очередь действовало на тело. Все торговцы возвращаются с успехом, только я потерпел неудачу и пережил беспокойство, помехи, поражение, находясь почти у цели, к которой стремился.

3 октября

Пока я оставался в стране маньюэма, я четыре раза перечитал всю Библию.

8 октября

Дорога, покрытая угловатыми кусочками кварца, причиняет боль моим ногам, стиснутым плохо сшитыми французскими туфлями. Как выносят это босые ноги мужчин и женщин, не представляю себе: даже для моих ног, защищенных

обувью, дорога была тяжелой. Идем во второй половине дня по местам, где в это время года мало воды. Пыль, подымаемая на ходу, вызывает офтальмию… Для меня это был первый случай офтальмии в Африке. Вышли к реке Лобумба, которая течет в Танганьику, и прибыли в деревню Ловида. Послал к Касанге, вождю племени гуха, за каноэ. Лонгумба (Логумба), как и Лобумба, берет начало в горах Западного Кабого. Мы слушали сильный шум, напоминающий гром, когда были отсюда еще в двенадцати днях пути. Его приписывают Кабого: будто там есть подземные пещеры, в которые волны устремляются с большим шумом; может быть, Лонгумба вытекает из Танганьики. Далее вниз по течению она переходит в Луассе, а затем в Луамо и впадает в Луалабу. Вся страна имеет уклон в эту сторону, но я слишком болен, чтобы исследовать истоки Луалабы.

23 октября

Вышли на заре и достигли Уджиджи. Меня приветствовали все арабы, и особенно Моэньегере. Я превратился в скелет, но здесь ежедневно бывает рынок, на который приносят всевозможную местную пищу, и я надеялся, что питание и отдых скоро вернут мне силы. Но вечером пришли мои

люди и рассказали, что Шериф распродал все мои товары. Моэньегере подтвердил это, сказав: «Мы протестовали, но он не оставил ни одного ярда из 3000 ярдов коленкора, ни одной нитки бус из 700 фунтов». Это приводит меня в отчаяние. Я предполагал, если мне не удастся набрать людей в Уджиджи, ждать, пока не прибудут люди с побережья, но никогда не думал, что придется ждать, находясь в нищенском положении, и чувствовать себя несчастным. Шериф, очевидно, морально дефективный: явился, совершенно не стыдясь, пожать мне руку и, когда я отказался здороваться с ним, принял недовольный вид. После этого он два раза в день приходил со своим бальгере — «пожеланием удачи», а уходя, заявлял: «Иду помолиться». Наконец я сказал ему, что, будь я араб, ему бы за это воровство отрезали руку и оба уха, он это отлично знает, и мне его пожелания и приветствия не нужны.

24 октября

Шериф распродал мое имущество своим друзьям по низким номинальным ценам. Сеид бин Маджид, порядочный человек, предложил арабам вернуть мое имущество, а у Шерифа забрать его слоновую кость, но они не захотели возвра-

щать товар, хотя и знали, что все это краденое. Христиане поступают иначе, даже те, кто принадлежит к низшим слоям. Оказавшись в нужде, я чувствовал себя как человек, который шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам; но у меня не было надежды, что откуда-нибудь появится священник, или левит, или добрый самаритянин, но однажды утром Сеид бин Маджид сказал мне: «Сегодня первый раз мы вместе и одни; у меня нет товаров, но есть слоновая кость. Прошу тебя, позволь мне продать часть слоновой кости и отдать тебе товары». Это предложение меня ободрило, но я сказал: «Сейчас еще не нужно; потом, попозже». У меня еще оставалось немного товаров для обмена, которые я из предосторожности оставил у Мохамада бин Салеха перед отправлением в страну маньюэма на тот случай, что я буду в крайней нужде, когда вернусь.

И вот, в то время как мое настроение было на самой низкой точке, добрый самаритянин был уже совсем рядом: однажды утром Суси примчался и еле выговорил, задыхаясь: «Англичанин! Я его вижу!» — и ринулся ему навстречу. В голове каравана развевался американский флаг, указывающий на национальность чужестранца. Тюки с товарами, цинковые ванны, громадные чайни-

ки, кастрюли, палатки и т. д. — все это заставило меня подумать: «Это роскошно оснащенный путешественник, не такой, как я, не знающий, что предпринять дальше». (28-е октября) Это был Генри Морленд [sic] Стэнли, корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», посланный Джемсом Гордоном Беннетом-младшим, затратившим на эту экспедицию свыше четырех тысяч фунтов, получить точные сведения о д-ре Ливингстоне, если он жив, а если умер, то доставить его кости на родину. Новости, которые он мог рассказать человеку, уже полных два года не имевшему никаких известий из Европы, заставили меня целиком обратиться в слух. Ужасная судьба, постигшая Францию; успешная прокладка телеграфных кабелей через Атлантический океан; избрание генерала Гранта, смерть доброго лорда Кларедона — моего стойкого друга; доказательство того, что правительство Ее Величества не забыло меня, так как оно ассигновало тысячу фунтов на снабжение моей экспедиции, — все это и многие другие интересные вещи пробудили чувства, дремавшие во мне, когда я был в стране маньюэма. Мой аппетит восстановился; вместо скудной невкусной еды два раза в день я стал есть четыре раза и через неделю ощутил, что окреп.

Я человек сдержанный, даже холодный, каким принято считать нас, островных жителей, но доброта м-ра Беннета, так замечательно претворенная в действие м-ром Стэнли, просто ошеломила меня. Я испытываю чувство глубокой благодарности и в то же время некоторый стыд, так как недостаточно заслуживаю эту щедрость[12].

[12] Примечания: 12
Перевод В. К. Житомирского.

Изобретение телефона, 1875 год
Александр Грэм Белл

Мало какие технические нововведения оказали большее влияние на культуру, чем изобретение телефона Александром Грэмом Беллом. Когда этот человеку чей интерес к изучению голоса первоначально был вызван задачами обучения глухих, совершил свое изменившее мир открытие, он жил в Америке и был профессором физиологии органов речи Бостонского университета. Его работа, направленная на поиск средств передачи речи посредством электронных приборов, продвигалась болезненно медленно и принесла множество разочарований. В первом приведенном здесь письме он пишет своим родителям о состоявшемся у него разговоре с американским физиком, профессором Джозефом Генри, секретарем Смитсоновского института в Вашингтоне, в котором объясняется звуковой отклик, которого Белл добился от пустой электрической катушки. Второе письмо адресовано «Электрической телефонной компании», и в нем ученый рассказывает о своем удивительном изобретении.

Мистеру и миссис Мелвилл Белл Бостон, 18 марта 1875 г.

…Он вскочил, сказав: «Это так? Позвольте мне, мистер Белл, повторить ваши эксперименты и опубликовать их результаты для мира через Смитсоновский институт, признавая, разумеется, за вами приоритет открытий?» Я сказал, что с превеликим удовольствием согласен, и прибавил, что в Вашингтоне у меня имеется аппаратура, и я могу продемонстрировать ему эксперименты в любое время…

Он сказал, что считает это «зародышем великого изобретения», и посоветовал мне самому работать над ним вместо того, чтобы публиковаться. Я сказал, что признаю тот факт, что есть механические трудности… Я добавил, что чувствую, что у меня нет знаний в области электричества, необходимых для преодоления возникших затруднений. Он дал лаконичный ответ: «ОВЛАДЕЙТЕ ИМИ».

Не могу передать, насколько сильно эти два слова ободрили меня…

Владельцам «Электрической телефонной компании» Кенсингтон, 25 марта 1878 г.

…Огромное преимущество, которым он обладает над всеми прочими электрическими приборами, заключается в том, что для обращения с ним не требуется никаких умений… Простота и дешевизна телефона… делает возможным связать дом каждого человека или фабрику с центральной станцией для того, чтобы предоставить привилегию прямой «телефонной связи» с соседями по цене не выше, чем платит за газ или воду.

В настоящее время во всех крупных городах мы имеем прекрасную сеть газопроводов и водопроводов. Основные линии проложены у нас под улицами, ответвлениями соединяясь с различными жилищами, что дает возможность жильцам получать снабжение газом и водой из общих источников.

Вполне понятно, что аналогичным образом кабели телефонных линий можно протянуть под землей или подвесить над головой, соединяя отводные провода с частными домами, конторами, магазинами, фабриками и т. д. и т. п., объединяя их вместе магистральными кабелями как угод-

но, устанавливая прямую связь между любыми двумя точками в городе. Подобный план, хотя и неосуществимый в настоящий момент, будет, я полагаю, результатом представления телефона общественности. И я верю, что в будущем провода соединят правления телефонных компаний в различных городах и человек из одной части страны сможет связаться устно с другим, находящимся вдали от него…

«Шесть пенни в одежке, девять голяком», 1878 год
Джон Лейвери

Джону Лейвери, ученику прославленной Школы искусств для мальчиков в Глазго, суждено было стать одним из самых модных портретистов своего времени, в частности, ему было заказано запечатлеть на холсте государственный визит королевы Виктории на Международную выставку в Глазго в 1888 году. Однако на то, чтобы сделать себе имя, ему потребовался не один год, и ниже он рассказывает, как в начале творческого пути попадал в разные затруднительные ситуации.

В Школе искусств я свел знакомство с товарищем по занятиям, чей отец владел мебельным магазином на острове Айлей. Мактаггарт, великий шотландский художник, в молодости проводил там выставки, и моя картина участвовала в одной из них. Тогда-то, в конце концов, я впервые в жизни увидел свое имя напечатанным в двухстраничном каталоге. Когда открылась выставка, я купил местную газету, «Глазго геральд», «Скотсман» и другие, ожидая увидеть большие статьи,

посвященные выставке, а еще больше надеясь прочитать о том, что открыт новый юный талант, то есть я. Вооружившись полудюжиной газет, я не удержался и не сумел дождаться возвращения в съемное жилье, и тем не менее испытывал стыд от того, что читаю газеты прилюдно, поскольку был уверен, что каждый знает, кто я такой и что ищу в газетах. Я отыскал тихий уголок на заднем дворе и внимательно просмотрел все страницы до единой, не пропустив и рекламу, но так и не найдя никакого упоминания о выставке. Когда не замечают сегодня, это горько, но не настолько, как было тогда…

В те дни в Глазго стало известно о существовании натурщика для художника, а все благодаря рекламным объявлениям в «Геральд», которая принимала к печати всевозможные заявки и обращения. Однажды утром я обнаружил, что у дверей мастерской сидит оборванный босоногий ребенок лет семи-восьми. «Это вам требуется натура, сэр?» «А ты позируешь?» «Ну да, сидела для Раттрея». Ее ответ указывал на осведомленность о профессии, что было удивительно. Мистер Раттрей был ханжеским художником, и я поинтересовался, для чего она позировала. «Ну, позировала для ангела, и он дал мне шесть пенни

за час в одежке и девять голяком».

Она заметно выигрывала при сравнении с той девочкой, которая приходила позировать в образе Маргариты для картины со сценой в саду из «Фауста». Она была жутко расстроена, когда увидела Фауста в оранжерее, которую использовали как гардеробную. Она вылетела оттуда и отказалась и близко к себе его подпускать. Фаустом был гусар, которого я привел из казармы неподалеку. У нее была весьма утонченная внешность, и разговаривала она жеманно и нарочито вежливо. Она больше не захотела позировать, сказав подружкам: «Если бы знала, ни за что бы не пошла».

Однажды днем, когда я сидел за обедом в доме друга, раздался громкий стук в переднюю дверь, и странный голос в прихожей поинтересовался, здесь ли Лейвери. В столовую вошел дюжий хайлендский полицейский, сурово посмотрел на меня и произнес: «Это вы Лейвери?» «Да», — ответил я с некоторой тревогой. «У вас того, все сгибло». Таким тактичным способом он решил сообщить мне известие, что моя мастерская сгорела дотла, а вместе со всеми пожитками в огне исчез и мой первый шедевр, под названием «Лучше любить и потерять».

Не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь был так счастлив. Я был застрахован на 300 фунтов. В то время я не мог заплатить за аренду, давно просроченную, и мой тогдашний натурщик, занятой городской житель, уже устал позировать для своего портрета. На завтрашний день он собирался позировать в последний раз, и я понимал, что мне грозят неприятности, поскольку, возможно, мне так и не удастся закончить работу. Чтобы раздобыть денег на еду, я заложил все, что мог, буквально снял с себя даже рубашку. Мне много сочувствовали, даже люди, которым я не нравился, и было трудно скрывать свою радость при мысли, что я получу 300 фунтов — куда большую сумму денег, чем у меня до того когда-нибудь было.

Кампания Мэри Слессор за спасение младенцев, конец 1870–1880 годы

Мэри Слессор

Мэри Слессор начала трудиться на джутовой фабрике в Данди в возрасте одиннадцати лет, чтобы помогать деньгами своей многочисленной семье, поскольку ее отец был пьяницей. После нескольких лет обучения, проведенных у прядильной машины, она стала миссионеркой и в 1876 году была послана в Нигерию, в Калабар. Оказавшись там, она пришла в ужас от широко распространенных обычаев убивать близнецов сразу после рождения и бросать погибать новорожденных, чьи матери умерли при родах. Члены племени очень восхищались миссионеркой и любили ее, она стала известна как «Мама, которая любит младенцев», и не только потому, что организовала кампанию против жестоких обычаев, но и потому, что усыновляла детей, которых иначе убили бы. Это письмо, написанное детям из воскресной школы в Данди, описывает день, когда в племени приняли решение отказаться от

прежнего жестокого порядка.

Однажды вечером я сидела у себя на веранде и беседовала с детьми, и как раз стемнело, когда мы услышали грохот барабанов и пение приближающихся мужчин. Это было странно, потому что мы находились на клочке земли, заходить куда не имел права никто в городке. Взяв на руки маленьких близнецов, я поспешила наружу, и что, по-вашему, я увидела? Возле ограды стояла толпа мужчин, они распевали и раскачивались. Они громко кричали, что отныне все близнецы и матери близнецов могут жить в городке и что если кто-то убьет близнецов или причинит вред матери, то будет повешен. Если бы вы слышали бывших там матерей, как они смеялись, хлопали в ладоши и выкрикивали: «Сосоньо! Сосоньо!» («Спасибо! Спасибо!»)! Неудивительно, что во всем этом шуме и гаме я отвернулась и отерла слезы радости и благодарности, ибо это был чудесный день для Калабара.

Несколько дней спустя были подписаны договоры, и в то же самое время коронован новый правитель. Матери близнецов в самом деле сидели с нами на помосте впереди всех прочих. Неслыханная прежде вещь. Что это была за картина! Как мне описать ее? Там были тыся-

чи африканцев, и у каждого голос, способный перекричать десяток человек на родине, и все говорили так громко, как могли. Хуже всего были женщины. Я попросила всех прекратить шум. «Мама, — сказал он, — как я могу заткнуть рот женщине?» Советник сказал вождю, что он *должен* установить тишину на время зачитывания договоров, но вождь беспомощно промолвил: «Как я смогу это сделать? Это же женщины — лучше их не замечать», и многих *действительно* не замечали.

Сумасшедший дом, 1878 год
Кристиан Уотт

Кристиан Уотт родилась в 1833 году в семье рыбаков в Бьюкене и оставила запоминающиеся мемуары о своей богатой событиями и непростой жизни, о том времени, когда была пациенткой психиатрической клиники. Она вышла замуж за моряка, который стал рыбаком, у них родилось девять детей, и она смирилась с физически изматывающей жизнью тех, кто зарабатывал на жизнь между землей и морем. Женщину энергичную, с пытливым умом, некоторые считали высокомерной и заносчивой. Она не желала считать, что джентри в каком-то смысле стоят выше нее или прочих людей. В этом рассказе описано, как она изо всех сил старалась свести концы с концами после того, как утонул ее муж, и о том, в какое отчаянное состояние рассудка ввергла ее эта борьба. Гибель мужа стала последней в череде утрат, последовавшей за потерей четырех из семи братьев, матери и отца и двух детей. В следующем отрывке говорится о первом случае ухудшения здоровья, а потом ее объявили душев-

нобольной и поместили навсегда в сумасшедший дом в Абердине, где она провела последние сорок семь лет своей жизни.

Мой старший сын ходил в море, но у меня еще оставалось семь детей, которых нужно было кормить и одевать. От тяжелой работы я выбивалась из сил. Покупая рыбу на Брох-маркет, я не могла конкурировать с торговцами, так как мало что получала для обмена на еду в деревне. Я заболела от забот, не ела, ни спала, у меня не было денег, за исключением денежного пособия сына в 4 шиллинга. Теперь-то я знаю, что мне нужно было обратиться за помощью в церковный приход, но я была слишком горда. Может, оно и неправильно, но именно так нас воспитывали; и продавать свое имущество — унизительное дело.

Эппи Бьюкен, женщина из Сент-Кума, которая жила в Нью-Сент-эт-Бродси, заметила, как я исхудала. Я сказала: «Трудно быть кормильцем семьи». Она дала мне мешок занавесок, которые оказались весьма кстати, потому что я собирала в море все, что годилось нам в пищу. Когда дети ушли в школу, а младший еще спал, я обняла собаку Рейджера и разрыдалась от рвущей душу боли…

Есть время плакать и время смеяться; время

сетовать и время плясать. Так сильно я плакала второй раз в жизни. Как мне не хватало матери, которая также познала скорбь! Шестьдесят лет прошло, и я словно наяву вижу ее, как она, решив перевести дыхание, ставит на насыпь тяжелую плетеную корзину для рыбы. Обоим моим родителям уже ничего не страшно, они за пологом спасения, но когда я потеряла мужа, как же мне хотелось, чтобы они по-прежнему были со мной…

Доктор попросил меня отправиться в Абердинскую королевскую психиатрическую лечебницу. После долгих раздумий я согласилась, так как что-то нужно было ломать. Я очень сильно беспокоилась о своих голодных детях и о том, кто будет за ними присматривать. У моей невестки не было места, а ее матери было больше семидесяти. Моя кузина Мэри сказала, что приглядит за детишками, так как моей дочери Изабелле было всего десять лет, — но она вела дом, стирала и пекла, готовила и отправляла младших в школу чистыми, пока я находилась в сумасшедшем доме. Самой маленькой, Шарлотте, не было еще и двух лет, но худшее уже миновало…

Я села на поезд до Фрейзербурга. Меня провожали кузина Мэри и ее дочь Анни, а еще моя дочь

Изабелла. Это был грустный день в моей жизни. Мы проезжали Кирктун Киркъярд. Высокие дымовые трубы Филорт-хауза виднелись над деревьями, я видела задымленную кухню и залы…

Потом был Корнхилл, на окраинах города Абердина, окруженный большим садом. Форбс, владетель Ньюи, щедро пожертвовал десять тысяч фунтов на строительство новой психиатрической лечебницы. Я вошла в маленькую калитку в высокой гранитной ограде, и меня пропустили внутрь. Сестра, мывшая меня, заметила, что я очень чистая. Мы пошли по бесконечным коридорам, и в каждой секции я замечала, что за нами накрепко закрывали двери, отчего возник страх перед чем-то неведомым. В конце концов, уставшая после долгой дороги, я легла спать.

В пять утра мы умывались к завтраку, который начинался в шесть. Даже муки острого голода не заставили бы меня есть в столовой. Королю и королеве стоило бы прийти и взглянуть на это, так как если раньше вы не отличались смирением, то как только вы это увидите, то сразу присмиреете и станете покорными и будете дорожить добрым здравием и иными счастливыми дарами, какие почерпнете в глубинах своей души. Больные хватают и заглатывают кашу так неопрятно и

неряшливо… Когда я придумывала всякие предлоги, чтобы не ходить на обед, сестра сказала: «Если работаешь на кухне, то можешь там и есть». Главный врач был… человеком добродушным, выказывал неподдельную заинтересованность в лечении больных. Я проговорила с ним около часа, и потом меня устроили работать на кухню. Я не хотела, чтобы кто-то из детей навещал меня тут, потому что детям, пока они маленькие, таких мест лучше не видеть…

Пребывание в сумасшедшем доме накладывает ужасное клеймо… Когда я вернулась домой, то обнаружила, что люди все время пытаются избегать меня, словно прокаженную. Обычно они вели себя так: сначала улыбались и были любезны, а потом находили какой-нибудь предлог, делали вид, что куда-то страшно торопятся. Я ходила по фермам в сельской местности, и стоило людям узнать, что я вернулась из сумасшедшего дома, то во многих местах, едва местные видели мое приближение, у меня перед носом двери захлопывались. Это жуткое ощущение…

И в Филорт-хаузе, и в Стричен-хаузе мне сказали, что за время моего отсутствия клиентов стал обслуживать кто-то другой. Я доходила даже до Нью-Дира, но продать почти ничего не удавалось.

Что за горькое поражение, возвращаться с почти полной, тяжелой корзиной и с тяжелым сердцем! Я понимала, что зарабатывать на хлеб легче не стало, и казалось невозможным, чтобы народ сумел понять тот факт, что умственное расстройство — болезнь…

И вот теперь так много дверей для меня закрылись, и вряд ли стоило ходить по сельской местности, но я продолжала упорно таскаться с корзиной. Хотя я была «слегка не в себе», я была «в основном дееспособна». Казалось, что при сильном умственном напряжении верх берет душевная болезнь. Странная во многих случаях вещь: больной понимает все, что происходит. Я зашла в Уитчил-хауз, как обычно, через черный ход… Я спросила экономку, не нужна ли им рыба, и она сказала: «Надо спросить у госпожи», которую они называли ее светлостью… В Уит-чиле внутри через весь дом, словно улица, проходит длинный коридор. Экономка пошла советоваться с хозяйкой в гардеробную, что была в дальнем конце коридора. Я на цыпочках прошла туда, чтобы узнать ответ леди Андерсон, и он прозвучал достаточно громко, чтобы я услышала все: «Скажи ей, что с тех пор, как она помешалась, нам все поставляет торговец Роузхерти, и ей незачем

больше приходить». Она добавила: «И ни при каких обстоятельствах не угощай ее чаем или еще чем-то, чтобы не поощрять. Мы не можем допустить, чтобы вокруг слонялась сумасшедшая». Я отступила к задней двери. Они ничего не знают и не понимают. Экономка передала слова хозяйки, и я поблагодарила ее учтивой улыбкой, словно бы ничего и не случилось. У меня было огромное желание вернуться и ударить ту женщину.

Крушение железнодорожного моста через Тай, 28 декабря 1879 года
Уильям Макгонагалл

Железнодорожный мост через реку Тай открылся в 1878 году под фанфары, в честь его открытия самозваный лауреат Уильям Макгонагалл из Данди даже сочинил эвлогию. На следующий год, ночью 28 декабря, во время сильного шторма, мост, когда по нему проходил поезду обрушился. Погибли семьдесят пять пассажиров и поездная бригада. Позднее открылось, что инженер Томас Боух неверно рассчитал воздействие ветровой нагрузки, а подрядчик использовал при возведении моста бракованные материалы. Макгонагалл и это событие увековечил в стихах. Хотя изложенные факты неверны, а тон стихотворения оказался непреднамеренно комичен, нельзя усомниться в том, что поэт искренне огорчен случившимся.

О КРУШЕНИИ МОСТА ЧЕРЕЗ ТАЙ

Прекрасный мост через серебристый Тай!
Увы! К прискорбью должен сообщить,
Унесено девяносто жизней, в год 1879,
В минувший день субботы,
Который помнить будут очень долго.

То было в час вечерний, в семь,
И ветер дул со всею мощью,
И ливень яростно хлестал,
И тучи темные как будто злились,
И демон воздуха словно бы сказал:
«Я сдую прочь мост через реку Тай»…
Должно быть, страшная была картина,
Представшая в неверном лунном свете,
Когда Шторм-дьявол хохотал и ревел сердито,
На железнодорожном мосту через серебристый Тай.

О! Злосчастный мост через серебристый Тай!

Теперь я должен завершить свой стих

Миру бесстрашно, без малейшего испуга, поведав,

Что устояли бы твои центральные фермы,

Так сведущие люди, по крайней мере, говорят,

Будь они опорами поддержаны с обеих сторон,

Так сведущие люди, по крайней мере, признают,

Чем крепче мы строим свои дома,

Тем меньше риск для нас погибнуть.

Среди обитателей «черных домов», ок. 1880 года
Джон Уилсон

Школьный инспектор с «большого острова» едва скрывал свое изумление, столкнувшись с тем, в каких условиях живут островитяне на Гебридах.

Льюис

Об основной массе коренных жителей нельзя сказать, что их обычаи являются примерами чистоплотности. Часто дети носят скудную одежду до тех пор, пока она буквально не превращается в лохмотья. Почти все они, и зимой, и летом, ходят с босыми ногами. Обычная картина, если видишь, как женщины перебираются через болотистые участки босиком, тогда как редко встретишь необутого мужчину. При переправе через речку вброд, чтобы избавить мужа от хлопот, связанных со снятием и надеванием заново обуви, жена переносит его через поток в плетеной корзине. Видя такое, я часто желал, чтобы *итиш*, или соломенная веревка, проходящая поперек груди женщины, оборвалась, а недостойная ноша

шлепнулась в воду.

Позвольте мне описать жилище мелкого арендатора на Льюисе, или «черный дом», как его крайне уместно окрестили по меньшей мере с полвека тому назад. Оно состоит из двух рядов каменных стен, промежуток между которых засыпан землей. На высоте в четыре фута обычно произрастает густая трава, причем иногда столь обильно, что я видел, как женщина поднимала ягненка, чтобы он пощипал там зелень. Крышу образуют грубые жерди, покрытые толстым слоем соломы, которую удерживают веревки или мотки из скрученного вереска, прижатые сверху большими камнями, чтобы покрышку не сдуло ветром. Редко можно увидеть дымоходы, через которые мог бы уходить наружу густой дым от торфа. Как правило, в нижней части соломенной крыши имеется отверстие, для удобства домашней птицы. Дым от горящего торфа в очаге, расположенном по центру помещения, проникает сквозь солому, которая со временем приобретает хороший осадок сажи. Каждый год мужчины тщательно сдирают солому, а женщины переносят ее в корзинах на картофельные поля и раскладывают вдоль борозд для подкормки прорастающих клубней. Фермер на Льюисе

скорее согласится терпеть холод, чем расстанется со своей сажей. Это подтверждает и гэльская пословица: «Лучше дым, чем северный ветер».

В различных частях этих «черных домов» находят разом пристанище и домочадцы, и домашний скот, обычно отделенные друг от друга невысокой стенкой. В подобных обстоятельствах нельзя ожидать чистоты и хороших санитарных условий. Для уборки навоза в определенное время года торцевую стену дома сносят. Именно тогда больше всего бывает распространена скарлатина, нередко она уносит целые семьи. Но самое большое отвращение вызывает то, что дети нередко были страшно заражены паразитами. Я видел очень хорошенькую маленькую девочку, которую так одолевали паразиты, что во время чтения она отшвырнула книгу на пол и принялась яростно расчесываться, при этом с обеспокоенным и неуверенным видом посмотрела сначала на меня, а после на учителя, словно не зная, как будет встречено подобное отклонение от норм хорошего поведения.

Бывало, животные сами устраивались в той части дома, где располагался очаг. Однажды после осмотра школы в западной части я зашел в дом арендатора по другую сторону дороги. Когда

я открыл дверь, меня чуть не ослепили клубы дыма. Этим вполне объяснялись частые случаи офтальмии у детей. Войдя, я различил на расстоянии лишь приглушенное свечение огня — в центре помещения на полу горел в очаге торф. Я двинулся в ту сторону и, приблизившись, разглядел возле очага девочку, которая только что вернулась домой из школы. Когда я подошел к ней, то она отступила назад, перешагнув через что-то у ее ног. Я изумился, обнаружив, что это взрослая свинья, которая со всеми удобствами разлеглась возле огня.

Катастрофа во время рыбной ловли у Аймута, 14 октября 1881 года
Джордж Коллин и Джордж Патерсон

В исторических хрониках Шотландии имеется множество сообщений о кораблекрушениях, но несчастный случай, произошедший у Аймута с рыболовными судами в 1881 году, считается одним из самых трагических. Возле бервикширского рыбацкого порта Аймут во время шторма, который газеты сравнивали с тем, что два года назад обрушил мост через Тай, в один день утонули 129 мужчин и мальчиков. Однако только через несколько дней стали ясны масштабы случившегося несчастья и человеческих потерь. Трагедия была еще страшнее оттого, что многие суда утонули на глазах родных несчастных рыбаков, наблюдавших с пирса и с берега.

Джордж Коллин, шкипер «Белой звезды»:

Мы отправились с остальной флотилией в пятницу утром. Мы находились милях в пятнадцати от берега, когда налетел шторм… Первым признаком надвигающегося шторма было то, что

некоторые суда по наветренному борту убавляли паруса. Ураган был огромной силы. Мы оказались неспособны выбрать больше четверти линя, чтобы судно не разбилось о причал. Был сильный туман, ветер принес дождь, и мы не видели ничего дальше 500 ярдов. Вдобавок было очень темно. Мы повернули в сторону Аймута, и рядом с нами шла «Мертл». Мы оба остановились, чтобы попытаться понять, где оказались, и в это время суда находились бортом к ветру.

Было очень темно, и мы оставались в таком положении минут двадцать. Так как положение не прояснилось, то носом суда смотрели на восток. Вот в таком положении огромная волна захлестнула «Белую звезду» и едва не утопила ее. Через десять минут удар обрушился на «Мертл», и она перевернулась. С «Белой звезды» мы видели ее после этого дважды, но из людей на поверхность так никто и не выплыл. Нас отнесло на несколько сотен ярдов. Волнение стало еще сильнее, и мы повернули корабль против волны и в открытое море. Мы наткнулись еще на одно перевернувшееся судно. У него была новая мачта, такелаж с которой плавал рядом. Мы никого не видели.

Как туман разогнало, мы обнаружили, что находимся в пяти милях от гавани, с подветренной

стороны, и поскольку идти против ветра было невозможно, мы подняли балласт из носовой части, чтобы судно лучше могло встречать волну, и решили «идти в море ради наших товарищей в ночь», чем рисковать, оставшись у берега. Ночь была холодной, но на борту у нас была и провизия, и «топливо»; и не было необходимости в том, чтобы оставлять на палубе больше одного человека.

В субботу при свете дня мы подняли паруса и направились к суше, будучи тогда южнее островов Ферн, и двигались к Тайнмуту. На протяжении всей пятницы волны были ужасающей высоты, особенно вечером. Каждая волна выглядела так, словно вот-вот поглотит наше суденышко. Мы видели их гребни высоко над собой, они обрушивались вниз с громким шумом, но наше судно словно бы вело по курсу само Провидение. Когда мы встречались с волнами, то либо благополучно взбирались на волну, либо удивительным, как казалось, образом успевали пройти между двумя валами.

Я опытный моряк, многое повидал на море, но никогда мне не доводилось попадать в такой жестокий шторм, и насколько мне помнится, буря не бушевала так долго и с такой силой. Я бы

сказал, ветер дул двадцать пять часов, прежде чем можно было сказать, что он утих. В открытом море мы провели сорок четыре часа.

Джордж Патерсон, с «Энтерпрайза»:

Мы покинули Аймут около восьми часов утра пятницы и отошли мили на четыре, когда обрушился шквал. Произошло все так, словно ладонью кто хлопнул, вместе с ветром неожиданно упала тьма, и налетел дождь. Мы обрубили канаты и, сумев взять паруса на рифы, держали курс на открытое море, в чем и был наш единственный шанс на спасение. Когда мы были милях в шести от берега, меня смыло за борт, и я подумал, что дела плохи и я пропал, но, сохранив присутствие духа, сумел ухватиться за шкот бизани, когда вода вновь хлынула на судно, и мои товарищи с огромным трудом втащили меня на борт.

Примерно через десять минут на корабль обрушилась еще одна волна, смывшая за борт Джеймса Уиндрама. Спасти его мы не могли никак. Когда волна прошла, море было спокойно минуту-другую, и мы видели, как смело Уиндрам плывет в кильватере корабля, но через две или три минуты силы его истощились, он поник головой и утонул.

Волны по-прежнему были очень высокими,

и все на борту уже оставили всякую надежду когда-нибудь вновь увидеть землю. Мы продолжали держать курс на восток, в открытое море, по возможности подальше от земли, и так шло до четырех часов утра. Тогда мы находились в 30 или 40 милях от маяка острова Ферн. Шторм к тому времени существенно умерил силу, мы развернули судно и рискнули направиться к земле. Нам удалось выдержать шторм, и нас взяло на буксир судно из Норт-Шилдса, куда мы и пришли около двух часов. В таком шторме я никогда больше не бывал, а я ходил в море почти тридцать лет.

Битва при Брейсе, 18 апреля 1882 года
Александр Гау

Шотландские горцы и островитяне, быть может, считают, что попали в плен бесконечных, по-видимому, невзгод и лишений, с которыми они столкнулись в девятнадцатом столетии, но они никогда не утрачивали своего духа. В 1881 году, когда трудности на суше стали усугубляться, фермеры из Брейса на острове Скай потребовали восстановления прав выпаса скота на Бен-Ли, которые за несколько лет до того были вновь закреплены за поместьем Макдональд. Так как протест выражался в том, что они задерживали выплату арендной платы, им было послано предупреждение о выселении. На полицейского из Полтри, который разносил повестки, было совершено нападение, а повестки сожгли. Через несколько дней туда направили пятьдесят полицейских, вменив им в задачу привлечь к суду уклоняющихся от уплаты арендаторов и смутьянов. В отряде сил правопорядка находились несколько журналистов. То, что случилось даль-

ше, получило название битвы при Брейсе, и это столкновение превратилось в местную легенду как один из наиболее значительных эпизодов того, что известно как «война арендаторов». Благодаря шумихе, поднятой газетами, с арестованными обошлись снисходительно и прежние права на выпас были тихо возвращены, хотя и за определенный взнос.

И вот мы здесь… и погода была такой жуткой и суровой, какой на Скае не помнили очень долгое время… Прибыв в окрестности Балменаха, мы обнаружили сборище мужчин, женщин и детей, общим числом за сто человек. Пока мы взбирались на пригорок, они разразились криками, а женщины приветствовали полицейских потоком язвительных насмешек касательно плавания из Глазго…

У подножия крутого утеса, на котором мы стояли, лежала, протянувшись по берегу моря, деревушка Балменах. По этой равнине было разбросано, наверное, десятка два домов. От каждого из них к холму во все лопатки сбегались хозяева. Очевидно, они были застигнуты врасплох… Пока мы смотрели, как толпа взбирается вверх по склону, с других мест собрались еще десятки людей, и теперь они со всех сторон окружили

процессию. Царящая суматоха не поддается описанию. Женщины в заляпанных грязью платьях — до сих пор лил сильный дождь — бросали разъяренные взгляды, кричали во весь голос, изрыгая чудовищные проклятия, самыми страшными клятвами суля отомстить недругам…

Власти сразу приступили к своей неприятной задаче, и в течение двадцати минут пятеро подозреваемых были арестованы. Последовала совершенно не поддающаяся описанию сцена. Женщины, яростно жестикулируя и сыпля проклятиями, громко призывали напасть на полицию. В воздухе замелькали камни, и события начали приобретать столь серьезный оборот, что полицейские достали дубинки и двинулись в наступление. Это стало сигналом для общего нападения. Огромные камни, покинув руки разъяренных мужчин и женщин, омрачили горизонт. Угрожающе взметнулись в воздух большие палки и цепы, удары с силой обрушились на полицию, — бедным пленникам тоже от них досталось.

Нужно было захватить один сложный участок, и как только экспедиция достигла этого опасного места, стало ясно, что оно занято множеством мужчин и женщин, вооруженных камнями и

булыжниками. Продвижение остановилось, и сложившуюся ситуацию обсудили. В конце концов было принято решение попытаться силой прорваться через узкую лощину. К тому времени позади отряда успела скопиться толпа. К проходу устремились в быстром темпе, но с высот обрушился град камней. Наступление было остановлено. Отряд не мог ни двинуться вперед, ни отступить. Две минуты экспедиция стояла без всякой защиты, осыпаемая безжалостным потоком снарядов. Многих задело камнями, были раненые. Ситуация представлялась в высшей степени опасной.

Завопив так, что слышно было, наверное, на две мили окрест, фермеры… бросились на полицейских, каждый из них был вооружен огромными камнями; приблизившись на достаточное расстояние, они метнули свои снаряды с силой, которой ничто не могло противостоять. Настойчивее и ожесточеннее всего нападали женщины… Полиция устремилась в атаку, но толпа отступила едва ли на ярд. Вновь вернувшись, капитан Дональд отдал приказ отбросить завывающую толпу, в то же время порекомендовав шерифам и констеблям, отвечавшим за арестантов, быстро двигаться вперед…

Со всех сторон к колонне стекались сотни, судя по виду, весьма решительно настроенных людей, и дела, похоже, принимали самый серьезный оборот… Раздавались крики и вопли. «Скала! Скала!» — было подхвачено сотнями глоток. Фермеры осознали сильные стороны позиции; были они понятны и констеблям. Последним приказали бежать изо всех сил. Люди заметили движение, и вопли и крики стали еще громче и яростнее прежнего. Отряд достиг поляны в ложбине. Сумеют ли они прорваться? Да! Нет! Синие мундиры продвигались вперед, но их напор вскоре был остановлен. Просто безумие пытаться пробиться через проход. Камни летели градом, скатывали вниз валуны, перед которыми ничто не могло устоять. Огромные камни перелетали через дорогу и с громовым раскатом обрушивались в пропасть.

Был дан приказ вытеснить часть самых непреклонных нападающих, но попытка оказалась безрезультатной. Их не удалось заставить уйти. Тут и там можно было наблюдать, как констебль сгибается под напором точно направленных ударов, теряет опору и скатывается вниз по склону, а вслед ему летят десятки каменных снарядов. Такое положение дел не могло продолжаться.

Старшим должностным лицам тоже уделили долю внимания. Капитану Дональду угодили в колено камнем размером со зрелую репу. Нужен был бросок к проходу, иначе, казалось, не поздоровится и самому шерифу Айвори. Еще раз был дан приказ сдвоить ряды и наступать. Дальше и дальше двигался отряд — шерифы и судебные исполнители, позабыв о своем достоинстве, припустили во все лопатки.

Больше всего представшая глазам сцена волновала тем, что вряд ли и зрителям, и тем, кто прошел через обстрел, когда-либо доведется вновь пережить такое или хотя бы увидеть это еще раз. Продолжая бросок, отряд прорвался сквозь дефиле и победно появился на стороне Портри, однако не обошлось без серьезных ранений…

Казалось, арендаторы пришли в еще большую ярость из-за потери своей позиции и помчались по склону холма, готовясь к новой атаке. Это было последнее усилие. При прочих нападениях полиция вовсю использовала дубинки. Но в этот раз они ответили и дубинками, и камнями. Последствия действительно оказались очень серьезными. На склоне холма можно было видеть десятки окровавленных лиц. У одной женщины,

по имени Мэри Николсон, была страшно разбита голова, и она упала без сознания на дорогу. Когда ее нашли, кровь текла по шее и ушам… Другую женщину, уже довольно преклонных лет, в потасовке на холме сильно толкнули, и она, потеряв равновесие, скатилась далеко вниз, аналогичное случилось с тучным полицейским, и оба в конце концов столкнулись. Бедная пожилая особа была вся в синяках, ее стошнило, и она свалилась без чувств. Очень многие люди получили серьезные ушибы, но, насколько я сумел выяснить, никто не был покалечен…

«Остров сокровищ», 1882 год
Роберт Луис Стивенсон

«Остров сокровищ» — один из самых популярных романов в мире. Его автор, Роберт Луис Стивенсон, пытался зарабатывать на жизнь писательским трудом, когда обстоятельства в конце концов сложились так, что к нему пришел успех, к которому он так долго стремился.

В предопределенный год [1882] я жил у отца и матери в Киннэйрде, около Питлохри [а потом в Каслтоне в Бреймаре]... Задувал сильный ветер, и, соответственно, дождило. Воздух родины был ко мне куда злее, чем людская неблагодарность; и мне пришлось согласиться проводить значительную часть времени в четырех стенах, в доме, печально известном как «домик покойной мисс М'Грегор». И теперь можно лишь удивляться персту судьбы. В домике покойной мисс М'Грегор оказался также и мальчик, приехавший из школы на каникулы, и во многом хотелось «чего-то этакого, скалистого, чтобы встряхнуло душу». У мальчика и мыслей не было о литературе; его недолгое одобрение получило искусство Рафаэля,

и с помощью чернил, пера и коробки акварельных красок за шиллинг он вскоре превратил одну из своих комнат в картинную галерею. Моей непосредственной обязанностью в этой галерее было выступать в качестве хозяина, но порой я давал себе послабление и присоединялся к художнику (если можно так выразиться) за мольбертом и проводил с ним день в великодушном соперничестве, делая живописные наброски. В один из таких дней я нарисовал карту острова; она была старательно и (по-моему) красиво раскрашена; очертания острова невыразимо мне понравились; в ней были бухточки, которые пленяли, подобно сонетам; и с бездумностью обреченного, я украсил свою выдумку надписью «Остров сокровищ»…

Должно быть, не один мальчик помнит, как, лежа головой в траве и глядя на неподдающийся измерению лес, он видел, как в нем появляются и растут войска волшебных существ. Отдавшись воображению, я грезил над своей картой Острова сокровищ, и среди придуманных лесов начали зримо проступать будущие герои книги; и с самых неожиданных сторон их загорелые лица и блестящее оружие возникали передо мной, они появлялись, проходили мимо, сражались и

искали клад на нескольких квадратных дюймах плотного листа. Я знал, что делать дальше, и, положив перед собой бумагу, принялся составлять перечень глав. Как часто я поступал так, и дальше этого ничего не шло! Но на этот раз все, казалось, сулило успех задуманному. Это должна была быть история для мальчишек; ни к чему психология или стилистические изыски; и у меня под боком есть мальчик, который может служить пробным камнем. Женщины исключены. Я был не в состоянии управлять бригом (которым должна быть «Испаньола»), но полагал, что смогу довольствоваться тем, чтобы, не навлекая на себя стыда, перегнать под парусами шхуну. И затем у меня появилась мысль о Джоне Сильвере, из которого я пообещал себе сделать неисчерпаемый кладезь развлечений: взять моего восторженного друга (которого читатель, весьма вероятно, знает и восхищается им так же, как и я), лишить его всех его прекрасных качеств и благородных манер характера, не оставить ничего, только физическую силу, смелость, сообразительность и огромную доброту, и попытаться выразить все это в словах и выражениях культуры грубого морского волка. Подобная психическая хирургия является, по-моему, обычным делом при «созда-

нии персонажа», а в действительности, может быть, и единственным для того способом…

Холодным сентябрьским утром, когда дождь барабанил в окно, я, устроившись у ярко горевшего камина, начал писать «Судового повара» — таким было первоначальное название книги. Я начинал (и заканчивал) много других книг, но не могу припомнить, чтобы хотя бы за одну из них садился с большим чувством радости. И не приходится удивляться, ибо краденое яблочко слаще. Теперь я занят работой над самой мучительной главой. Несомненно, попугай когда-то принадлежал Робинзону Крузо. Несомненно, скелет заимствован у По. Я мало размышлял об этом, это все пустяки и детали: и ни один человек не в состоянии присвоить себе исключительные права на скелеты или уголок говорящих птиц. Частокол, как мне сказали, взят из «Крушения „Великого Океана“». Может быть, мне это ничуть неинтересно. Эти способные писатели откликнулись на обращение поэта:

Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути, —
След, что выведет, быть может,

На дорогу и других...[13]

И я был тем самым другим! Я в долгу перед Вашингтоном Ирвингом, который не дает покоя моей совести, и совершенно заслуженно, поскольку считаю, что редко плагиат заходит дальше. Несколько лет назад мне подвернулась возможность приобрести «Рассказы путешественника», и у меня были мысли об антологии прозаических рассказов, и эта книга захватила и поразила меня; Билли Боне, его сундук, компания в гостинице, весь внутренний дух и изрядная доля существенных подробностей моих первых глав — все оттуда, все было собственностью Вашингтона Ирвинга. Но я об этом даже и не догадывался, когда садился писать у камина, в том состоянии души, которое представлялось мощным приливом обычного вдохновения; или когда день за днем, после обеда, читал вслух в кругу семьи написанное утром. Оно мнилось мне первородным, как грех; казалось, оно принадлежит мне, как мой правый глаз. Я рассчитывал на одного мальчика; но обнаружил, что в слушателях у меня двое. Мой отец, взрослый ребенок в душе, сразу же загорелся этой романтикой, близ-

---

[13] Примечания: 13
Перевод И. А. Бунина.

кой его первоначальной природе… В «Острове сокровищ» он учуял нечто родственное своему воображению; это было совсем в его духе, в его колорите; и он не только с удовольствием слушал дневную главу, но и стал рьяным соучастником и помощником в моих трудах. Когда дело дошло до обыска сундучка Билли Бонса, он, должно быть, лучшую часть дня поспешно составлял опись содержимого, этот перечень предметов я и использовал; название «старому кораблю Флинта», «Морж», было дано по его особой просьбе. И теперь, словно *ex machina*, появляется не кто иной, как доктор Джапп, который подобно переодетому принцу, призван опустить занавес перед покоем и счастьем в последнем акте, ибо он принес в своем кармане не рог и не талисман, а издателя; он и в самом деле получил от моего старого приятеля, мистера Хендерсона, поручение искать новых авторов для журнала «Янг фокс». Даже жестокость объединенного семейства отступила перед крайней мерой навязать нашему гостю искалеченных героев «Судового повара»; в то же самое время мы никакими средствами не могли остановить наши читки, и, соответственно, история вновь была начата с самого начала и торжественно повторена ради доктора Джаппа. С этого момента

я высоко ценю его критические способности; и когда он оставил нас, то увез рукопись в своем чемодане.

И вот все, чтобы я мог продолжать, — благожелательное отношение, помощь, а теперь и данное обещание… Казалось бы, взрослый, опытный литератор способен заняться тем, чтобы выдавать «Остров сокровищ» по многу страниц за день, и не давать погаснуть трубке. Но увы! Это не мой случай. Пятнадцать дней я писал, не отрываясь, и получилось пятнадцать глав; а потом, на первых абзацах шестнадцатой, я постыдно утратил хватку. Уста мои были немы; в груди не имелось ни слова для «Острова сокровищ»; и меня уже ждала корректура начала в «Руке и копье»! Там я занимался правкой, живя по большей части один, гуляя по осенним утрам по росистым пустошам Уэйбриджа, в немалой мере довольный тем, что сделал, и больше, чем способен описать словами, устрашенный тем, что еще предстояло сделать. Мне был тридцать один год; я был главой семьи; я потерял здоровье; я никогда не содержал себя, никогда еще не имел и двухсот фунтов в год; мой отец совсем недавно выкупил и отозвал из продажи книгу, которую сочли неудачной. Не было ли и это очередным и последним фиаско?

Я и в самом деле был близок к отчаянию; но держал рот на замке и, во время поездки в Давос, где провел зиму, обрел решимость обдумать иное и с головой ушел в романы мсье Дю Буагобе. Приехав туда, однажды утром я сел за неприбранный стол, и вот! Роман полился из меня как легкая светская беседа; и на второй волне счастливого трудолюбия, вновь по главе за день, я закончил «Остров сокровищ»…

В должное время «Остров сокровищ» — именно мистер Хендерсон снял первоначальное название, «Судовой повар», — появился в печатном виде, простым середняком, без гравюр и не привлек ни малейшего внимания. Мне было все равно. Мне нравился роман сам по себе, во многом по той же причине, что и моему отцу нравилось начало: это был мой вид колорита. Я также ни в малейшей степени не гордился Джоном Сильвером, и до сего дня скорее изумлялся этому ловкому и внушающему страх искателю приключений. Что оказалось бесконечно более радостным, так это то, что я миновал поворотный пункт; я завершил книгу и написал «Конец» под своей рукописью, чего никогда не случалось со мной после «Пентландского восстания», когда я был шестнадцатилетним мальчиком, еще не

покинувшим стены колледжа. По правде, все оказалось стечением счастливых обстоятельств: не приди доктор Джапп с визитом, не излейся из меня роман с необычайной легкостью, книга, вероятно, была бы отложена в сторону, подобно своим предшественницам, и обходным путем, не будучи оплакана, отправилась бы в огонь. Пуристы могут счесть, что она могла бы быть и лучше. Я так не думаю. Кажется, история доставила немало удовольствия, и она дала (или была средством дать) огонь, еду и вино достойному семейству, к чему я проявлял интерес. Редко приходится говорить, что я имел в виду свой интерес.

Происхождение Шерлока Холмса, 1891 год
Сэр Артур Конан Дойл

Шерлок Холмс, один из самых известных литературных героев, и сделал свободным, и поймал в ловушку своего создателя. Уроженец Эдинбурга, Артур Конан Дойл вспоминал о начале своей карьеры окулиста в Лондоне и о том, как впервые начал заниматься литературой. В будущем карьера писателя принесла ему огромный успех, благодаря счастливой судьбе придуманного детектива.

Каждое утро я отправлялся пешком с Монтегю-плейс, где снимал жилье, в десять доходил до своего врачебного кабинета и просиживал там до трех или четырех часов, и никто не нарушал звонком мое спокойствие. Где найдешь лучшие условия для размышлений или работы? Они были идеальными, и так как столь долго на своей профессиональной стезе я был совершенно безуспешен, то не пренебрегал любой возможностью улучшить свои литературные перспективы. Таким образом, возвращаясь домой к вечернему

чаю, я нес с собой маленькие бумажные снопы, первые плоды большого урожая.

В то время выходили многочисленные ежемесячные журналы, среди которых заметное место занимал «Стрэнд»... Глядя на эти разнообразные журналы с их ничем не связанными рассказами, я вдруг подумал, что один персонаж, который проходит через всю серию, в случае если он привлечет внимание читателя, привяжет этого читателя к определенному журналу. С другой стороны, мне давно казалось, что обычный роман с продолжением может быть журналу скорее помехой, чем источником процветания, так как, раньше или позже, кто-то пропустит один номер и впоследствии утратит к журналу всякий интерес. Очевидно, идеальным компромиссом был бы персонаж, который проходит через все повествование и при этом отдельные выпуски сами по себе являются завершенными произведениями, так что покупатель всегда уверен, что он получит удовольствие от содержимого журнала. Я полагал, что был первым, кто понял это, а «Стрэнд мэгэзин» стал первым, кто воплотил это на практике.

Оглядываясь в поисках главного героя, я решил, что Шерлок Холмс, который уже появлялся в двух

моих маленьких книгах, замечательно подойдет для серии рассказов. Их-то я и начал писать в долгие часы ожидания в своем врачебном кабинете. Грин-хоку Смиту [редактору «Стрэнда»] они сразу же понравились, и он посоветовал мне продолжать. Мои литературные дела взял на себя король агентов, А. П. Уотт, который избавил меня от всех ненавистных торгов и переговоров и уладил все так замечательно, что мое непосредственное беспокойство о деньгах вскоре исчезло. Это было хорошо, потому что ни единый пациент пока еще не переступал порога моей смотровой.

И вновь я оказался на жизненном перепутье, и Провидение, руку которого я признаю на каждом шагу, заставило меня осознать это очень сильнодействующим и неприятным образом. Однажды утром я отправился в обычную утомительную прогулку от своей квартиры, меня охватил ледяной озноб, и я лишь сумел вовремя вернуться, чтобы уберечься от полного коллапса. Это был острый приступ инфлюэнцы, в то время как раз свирепствовавшей во всем своем смертельном размахе. Всего три года назад моя дорогая сестра Аннет, всю жизнь отдавшая заботам о нуждах семьи, умерла от этой болезни в Лиссабоне в тот самый миг, когда мой успех предоставил возмож-

ность избавить ее от долгого служения. Теперь наступил мой черед, и я едва не последовал за ней. Не могу припомнить ни особой боли, ни сильного недомогания, никаких психических переживаний, но неделю я был в огромной опасности и затем обнаружил, что слаб как ребенок и опустошен эмоционально, но разум был кристально ясен. Именно тогда, окинув взглядом свою жизнь, я понял, как глупо растрачивал свои литературные дарования в смотровом кабинете окулиста на Уимпоул-стрит, и в бурном приливе радости преисполнился решимости порвать с этим и положиться отныне на писательские способности. Я вспоминаю, как с удовольствием взял ослабевшей рукой лежавший на одеяле платок и швырнул его к потолку в ликовании. Наконец-то я стану сам себе хозяином. Больше никогда я не буду приспосабливаться к профессиональному платью или стараться кому-то угождать. Я буду свободен, стану жить как хочу и где хочу. Это был один из самых счастливых моментов в моей жизни. На календаре был август 1891 года.

Вскоре я встал на ноги, хромая и опираясь на трость, и с мыслью о том, что если проживу до восьмидесяти лет, то уже знаю в точности, как буду себя тогда чувствовать. Я ходил по агентам,

занимающимся недвижимостью, брал списки пригородных домов, и несколько недель, пока набирался сил, провел в поисках нового жилища. В конце концов я обнаружил подходящий дом, небольшой, но уютный, изолированный, но в то же время в окружении себе подобных. Это был дом номер 12 по Теннисон-роуд в Южном Норвуде. Там мы и поселились, и там я предпринял свои первые попытки жить исключительно благодаря перу. Вскоре стало понятно, что благодаря своим дарованиям я хорошо играю в эту игру и что мне не составит особого труда обеспечить себя достаточным доходом…

Я устроился с надежным другом заниматься подлинным литературным трудом. Трудность ситуации с Холмсом состояла в том, что для каждого рассказа действительно требовался такой же ясно очерченный и оригинальный сюжет, как и для более крупного произведения. Нельзя без труда сочинять сюжеты в таком темпе. Иначе рассказы рискуют оказаться слабыми или сюжет будет разваливаться. И теперь, когда надо мной больше не довлела денежная проблема, которой можно оправдываться, я был настроен решительно, намереваясь всегда писать так хорошо, как только могу, и, следовательно, я не стал бы писать

рассказ о Холмсе, не имея достойного сюжета и без занимающей мой ум задачи, ибо это первое, что необходимо для того, чтобы заинтересовать еще кого-то. Если я сумел дать герою долгую жизнь и если публика считает — и всегда будет считать, — что последний рассказ ничем не хуже первого, то этим я всецело обязан тому, что я никогда, или почти никогда, не вымучиваю рассказ. Некоторые считают, что рассказы становятся слабее, и всю критику лаконично выразил один корнуэльский лодочник, который сказал мне: «Думаю, сэр, когда Холмс упал с той скалы, то он, может, и не убился, но все равно после никогда больше не был тем же самым». Полагаю, однако, что если читатель начнет читать рассказы в обратном порядке, чтобы свежим взглядом увидеть последние по времени рассказы, то согласится с тем, что, хотя общий уровень, возможно, и не самый выдающийся, все же последний рассказ столь же хорош, что и первый.

Кейр Харди избран первым депутатом парламента от рабочей партии, 3 августа 1892 года
Кейр Харди

Бывший шахтер, ставший профсоюзным активистом, уроженец графства Ланарк, Кейр Харди основал первую партию, поставившую целью борьбу за права рабочих. Он безуспешно участвовал в выборах как рабочий кандидат от Мид-Ланарка, но больше ему повезло в Вест-Хэме-Саут, когда после смерти кандидата от либеральной партии он стал первым депутатом парламента от рабочей партии. Его официальное вступление в должность в Вестминстере часть прессы встретила насмешками, понося и унижая этого шотландца из рабочего класса, высмеивая изобретательность, какую потребовалось проявить Харди при основании этой исторической партии. В письме в «Гардиан» несколькими годами позже Харди развеял некоторые из мифов, связанных с тем днем.

«Духовой оркестр», о котором так много говорилось в связи с моим первым появлением в

палате общин в 1892 г. и в который, как мне довелось увидеть на живописной иллюстрации, был включен даже большой барабан, состоял из одного-единственного корнетиста. Факты таковы. Портовые рабочие Вест-Хэма решили, что я, как и другие депутаты, должен отправиться в парламент в «экипаже» и с этой целью даже собрали деньги. Однако когда я отклонил их предложение, они постановили устроить собственную «гулянку». После чего они наняли большую линейку, чтобы та отвезла их в Вестминстер, и с нее они собирались приветствовать меня, когда я буду проходить в ворота, и, добрые честные души, пригласили меня сесть внутрь. Только невежа мог бы сказать им «нет». Трубач имел основания гордиться собой на пути от Кэннинг-Тауна, и обитатели кустарников громко раскричались, когда я пересекал Пэлас-Ярд. Возможно, также в ход пошел и корнет, хотя точно припомнить не могу. Случившееся вовсе не было мною задумано — в действительности, я ничего не знал о том, что готовится, пока меня не попросили занять место. Это было следствием воодушевления, сердечного порыва и энтузиазма моих сторонников, которым я тогда и выразил уважение, точно так же, как выражаю им свое уважение ныне.

Хватит уже о «духовом оркестре».

Заявление, что я расхаживал по залу заседаний палаты в оскорбительном головном уборе, пока не был призван к порядку «страшным тоном» господина спикера Пила, лишено всяких фактических оснований. Я прошел в зал, чтобы принести клятву, беседуя с сэром Чарльзом Кэмероном, тогда одним из членов парламента от города Глазго, который, засунув руки глубоко в карманы брюк, действительно был в шляпе. Он не понял, что это не принято и что замечание спикера обращено к нему, пока я не обратил его внимание на тот факт, что на голове у него шляпа, каковую он сразу же и снял. Моего присутствия оказалось достаточно для некоторых одаренных весьма живым воображением джентльменов в галерее прессы, и на следующий день появились пространные описания того «вызывающего» поведения, как я проигнорировал правила и какой строгий выговор вынес мне господин спикер. Все чистая выдумка! В действительности сам господин спикер Пил, в своем кабинете на следующий день, лично выразил мне свое удивление и сожаление по поводу той несправедливости, какую позволила себе пресса.

Комик «из народа» пытает счастье в Лондоне, март 1900 года
Гарри Лодер

Малоизвестный комик из мюзик-холла, Гарри Лодер, родившийся в Портобелло, возле Эдинбурга, начинал рабочим на мельнице и подручным в шахте, но благодаря упорному тяжелому труду и вере в себя стал одним из самых популярных комических артистов своего времени. Облачившись в пародийный шотландский наряд с клетчатым пледом и в танцевальные хайлендские туфлиу с пастушьей палкой в руках, он выступал с шутливыми и сентиментальными песнями. Особенно живой отклик его юмор шотландских горцев получил у заокеанской общины экспатриантов. Ниже он описывает, как пытался найти работу в Лондоне, как делал первые шаги на том пути, который со временем принес ему широкую международную известность.

На следующее утро, 19 марта 1900 года, я упаковал свой «реквизит» в пару «гладстонских» кожаных саквояжей, взял из «чулка» двадцать фунтов в золотых соверенах, которые мы хра-

нили в потайном месте под кроватью в кухне, поцеловал Нэнс с полдюжины раз и отправился на Центральный вокзал [Глазго], заказав там билет в один конец до Лондона в третьем классе…

Первый вечер я провел в дешевой гостинице на Юстон-роуд. Постель и завтрак стоили три и шесть пенсов — намного больше, чем я обычно платил во время тура по Шотландии, и я решил, что на чем-то придется экономить. Потом я пешком прошел всю дорогу до агентства Кейдла. Эта фирма назначала мне определенные «встречи» в провинции, и я был уверен, что они сумеют устроить представление в Лондоне. Но глава этой фирмы — я забыл его имя, едва он назвался, — только печально улыбнулся, когда я сказал, что хочу получить работу как шотландский комик в том или ином из больших мюзик-холлов Уэст-Энда.

«Гарри, мальчик мой, — сказал он, — и думать об этом нечего. До тебя были здесь один или два артиста, и у них все кончилось полным провалом. Если у тебя есть деньги, то не трать все, а лучше сбереги их для обратной дороги домой».

Начало было совершенно обескураживающим. Но в Лондоне были и другие агенты, сотни агентов, и я решил, что буду заходить в каждое

благословенное место, но не сдамся. Позже днем я встретил старого агента из варьете по имени Уолтер Мунро, с которым я познакомился в Глазго. Я предложил угостить его и подкрепиться. Подобно всем добрым профессионалам, предложение он принял с готовностью, и я заметил, что самое сильное впечатление на него произвел тот факт, что расплатился я золотым совереном. Уолтер показал мне несколько контор, но безрезультатно — агенты ничуть не желали возиться с неприбыльным делом, каким был неизвестный шотландский комик. Под вечер мы, в настроении скорее мрачном, шагали по Стрэнду и наткнулись на мистера Тома Тинсли, директора маленького мюзик-холла, известного как «У Гэтти на дороге». «Дорога» подразумевала прямую оживленную улицу, ведущую на юг от Вестминстерского моста. Тинсли был первым настоящим импресарио, которого я встретил в Лондоне. Мы переместились в паб, и вновь я ради саморекламы «сверкнул» совереном. И вновь широкий жест произвел нужный эффект, Тинсли раскрыл глаза в явном изумлении от этакого богатства шотландского «клоуна». Но стоило мне упомянуть, что я ищу работу, его радушия как не бывало.

«Так не годится, юноша, — уверял он меня, —

мой покровитель у „дороги“ сожрет меня заживо, если я тебя выпущу. Я уже рискнул с одним шотландцем в прошлом году, и тому пришлось спасаться бегством. Ты в чужой стране, и чем раньше ты это поймешь, тем лучше!»

Том заказал еще себе выпивки за мой счет и покинул нас, но, прежде чем уйти, он записал себе мой «городской адрес» (я устроился в комнате на четвертом этаже на Ламбет-роуд за пятнадцать шиллингов в неделю) и сказал, что даст знать, если в следующую неделю-другую что-то выпадет из его программы. Уолтер Мунро отвел меня еще в несколько агентств, но во всех нас встречал тот же самый прием. «Черт возьми, Гарри, — сказал Уолтер Мунро самым своим траурным тоном, — из этого толку не выйдет. Тебя нигде не хотят нанять, и это, похоже, конец». И с этим он отправился восвояси.

Я провел безрадостную ночь в комнатке на Ламбет-роуд, но был на ногах рано и обошел еще больше контор и встретился с еще большим числом антрепренеров. Должно быть, я прошагал миль десять или двенадцать в этих утомительных поисках работы. Но результат повсюду был нулевой — глухая стена противодействия. Когда я добрался до дома, то спросил хозяйку

пансиона: «Не было ли каких писем, записок или телеграмм?» Остановись я и задумайся хоть на минутку, то не стал бы задавать такого дурацкого вопроса, так как за то, что меня ждет какое-то сообщение, был один шанс из миллиона. Моя жена еще не знала моего лондонского адреса, и единственным, кто его записал, был Том Тинсли. К моему удивлению, хозяйка ответила: «Да, в комнате для вас есть телеграмма!» Я стремительно взбежал по лестнице, перескакивая через две ступеньки — будь у меня ноги подлиннее, то я перепрыгивал бы и через три, — ворвался в комнату, и там действительно лежала телеграмма, адресованная Гарри Лодеру, комедийному актеру. Она гласила:

ОДИН ИЗ МОИХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ БОЛЕН. МОЖЕТЕ ВЫСТУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ В ДЕСЯТЬ ЧАСОВ? ОТВЕЧАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО. ТИНСЛИ, «У ГЭТТИ».

Через две минуты я был в бакалейной лавке поблизости и просил разрешения воспользоваться их телефоном. Я был так взволнован, что бакалейщик был вынужден спросить, не умер ли кто. «Нет, — ответил я, — но я только что получил первую в Лондоне работу, и это ужасно важно для меня!» «Что хуже всего в вас, шотландцах, —

холодно заметил бакалейщик, — так это то, что вы всегда принимаете свою работу чертовски серьезно. Но телефон ты найдешь вон там, за тем концом прилавка». Тинели находился у себя в конторе. Я заверил, что буду у него вовремя этим вечером, и долго благодарил за то, что он сдержал обещание. У бакалейщика, который столь великодушно позволил мне позвонить по телефону, я купил на пять пенни коробку лосося, отправился домой и съел все, запив чайником чая и закусив хлебом с маслом. Чувствуя себя вполне жизнерадостно после трапезы, я затеял с самим собой спор, какую песню я спою суровым лондонцам, с которыми я окажусь лицом к лицу этим вечером в «У Гэтти на дороге».

Я провел в гримерной полтора часа, прежде чем должным образом подготовился к выходу на сцену. Громадных трудов потребовал грим. Когда он был закончен и я был готов к выходу, то я обнаружил, что у меня еще остается целых полчаса. Это было ужасно. Я не мог усидеть на месте, не мог спокойно стоять; нервы были напряжены до предела, эмоции хлестали через край. О том, что происходило в следующий час, я помню смутно, все словно в каком-то тумане. Но у меня есть неясные воспоминания, как я выскочил на сцену, как

мой посох стукнул об пол, в нужное время давая знак оркестру, — почти бессознательная привычка, сложившаяся у меня за многие годы, — и как почти в гробовой тишине я начал свою первую песню перед не до конца заполненным залом, как неожиданно услышал один-другой смешок, как под аплодисменты закончил «Тобермори». Опустился занавес. Очевидно, у помощника режиссера давно сложилось впечатление, что для нового исполнителя достаточно и одного номера. Но аплодисменты и смех не смолкали. «Эй, шотландец! Как там тебя? Можешь еще чего-нибудь дать?» — спросил меня помреж. «Да, номер четвертый из моего сборника для оркестра — „Килликрэнки“!» — взволнованно отозвался я. «Килл… Чего?» — спросил помреж. «Да какая разница, — ответил я, торопливо переодеваясь за кулисой, пока мы разговаривали. — Услышите об этом, когда я закончу».

«Возлюбленную» встретили еще лучше, чем «Тобермори». Зрители пришли в восторг от неизвестного шотландца, который заставил их смеяться, и шумно требовали еще одной песни. «Каллиган, позови еще» все-таки оставил их неудовлетворенными, но я и так уже отнял куда больше времени, чем разрешала программа, и

мне оставалось только одно — выйти и сказать благодарственную речь. Я заверил зрителей, что хотя это всего лишь первое мое выступление в Лондоне, последним оно не будет. Мое имя, сказал я, Гарри Лодер, и я прошу их прийти послушать меня, когда они увидят мое имя на афише мюзик-холла в Лондоне.

«Обязательно придем, Гарри, — прозвучал с четвертого ряда партера громкий голос с сильным выговором кокни. — Ты заставил мою старуху смеяться впервые с того дня, как я на ней женился!»

От этого замечания весь зал весело захохотал, и я удалился со сцены самым удачливым исполнителем, вышедшим на замену, какой когда-либо приезжал в Лондон из твердыни Каледонии, суровой и дикой.

Спуск в шахту в Файфе, 1900 год
Келлог Дерланд

В духе антропологического исследования американский писатель Келлог Дерланд провел несколько месяцев в Файфе, среди рабочих-шахтеров Келти. Его описание того, как трудились и жили шахтеры, читается словно откровения путешественника.

Однажды утром бригадир встретил меня внизу у ствола и сказал, что я должен идти на откатку. В шахте откатка считается самой тяжелой работой, так что я с волнением и страхом встретил подобное распоряжение. В длинных стволах, где есть заметный перепад высот, для передвижения вагонеток туда и обратно, вверх и вниз, используется система с бесконечным канатом, на ровных участках, где возможно, груженые вагонетки в длинных сцепках тащат пони. Откатчики толкают вагонетки по забоям, где их наполняют, в главные штольни или стволы, там из них составляют сцепки и отправляют к главному стволу.

На шахте Айткен насчитывалось сорок пони, и были они удивительно сообразительными и

умными животными. Многих привезли из Норвегии. Некоторые, оказавшись в шахте, так всю жизнь и проводили во тьме. Они привыкали к дорогам, по которым ходили, и за короткое время по самым неровным местам принимались бегать рысцой в хорошем темпе, порой срываясь в галоп. Они обучены отпрыгивать в сторону в тот момент, когда у главного ствола их освобождают от вагонеток, чтобы тяжелый груз с грохотом высыпался рядом, и делать это с проворством, а иначе возможна гибель животного, которое на лишний миг замешкается перед тем, как переступить рельсы. Но самое удивительное из всего — научившиеся воровать пони, что демонстрирует их сообразительность: из любви к еде и питью они обучились открывать ящички рабочих и съедать хлеб, джем и сыр; а еще есть умные тихони, которые откупоривают фляжки и выпивают их до последней капли. Когда я впервые услышал эти рассказы, то отнесся к ним со скептицизмом, но прошло совсем немного времени, как я убедился в их правдивости. У одного человека пропал сундучок, и он, осыпая проклятиями своих соседей за то, что они над ним так зло подшутили, отправился домой голодным. На следующее утро заметили, как из стойла вышел пони с пустым

сундучком в зубах, который он потом бросил на то самое место, где минувшим днем жертва оставила свой завтрак.

Та часть шахты, куда направили на откатку, была для меня в новинку — десять минут ходьбы по часто используемому штреку, где из конца в конец громыхали длинные составы вагонеток, пони вели отчаянные мальчишки, для которых было в радость криком предупреждать о себе в самый последний момент, и их пронзительные голоса перекрывали стук копыт и громыхание тяжелых вагонеток. В том месте, где я оставил главный штрек, на меня дохнуло столь жарким воздухом и на миг так мощно, что он показался испорченным. Появился человек, с которым я должен был работать, и я последовал за ним в сторону нарастающего жара и, пройдя около двухсот ярдов, увидел голых по пояс рабочих, по чьим перемазанным всепроникающей угольной пылью телам стекал, оставляя светлые дорожки, пот, отчего шахтеры мало напоминали людей. Дышать приходилось через силу, несмотря на поток воздуха в проходе. Монотонный стук и звяканье кирок по неподатливому углю забивались в уши, и казалось, звуки доносятся из какого-то нереального мира, а в отдалении другие рабочие,

низко согнувшись или опустившись на колени перед непреклонной стеной, атаковали ее грубой силой, походя на странных, проклятых за свои грехи существ; и сквозь зубы у них, с регулярностью машины, вырывалось приглушенное «тс-ст, с-шиш-с-шиш, тс-ст».

Пустая вагонетка весит около пятисот фунтов. С виду она похожа на маленький вагон для перевозки угля. В среднем в нее загружают от полутонны до двенадцати сотен фунтов угля. Для сильного мужчины порядочной загрузкой будет четырнадцать или пятнадцать сотен фунтов.

Я начал свой первый рейс. Сначала совершенно ровная поверхность, затем легкий подъем, еще один короткий горизонтальный участок, потом резкий спуск, хотя и недостаточно резкий, чтобы назвать его крутым, но по этакому уклону вагонетка, если ее не придерживать, покатится с такой быстротой, что слетит с рельсов на первом же небольшом повороте, а их там несколько. Мне понадобилось собрать все свои силы, чтобы преодолеть первый уклон, и с облегчением я почувствовал, как передняя стенка опускается, и вцепился покрепче в заднюю, удерживая вагонетку. Из-за торчащего обломка камня ступня зацепилась за шпалу, и пока я разбирался с но-

гами, вагонетка успела набрать ход. Горячий воздух становился холоднее, пока меня тащило с нарастающей скоростью, все быстрее и быстрее. Я боролся изо всех сил, но тщетно. Вагонетка ехала вперед, я несся огромными скачками, подпрыгивая и спотыкаясь, как безумный; фонарь задуло, не успел я преодолеть двадцать ярдов, и мгновенно промелькнуло ярдов сто шестьдесят или больше; в отчаянии, цепляясь изо всей мочи, болтаясь позади сорвавшейся вагонетки, я был не в состоянии удержать ее на рельсах своим весом. Я знал, если привстану на три четверти своего роста, то с чудовищной силой врежусь в каменный потолок, а если отпущу вагонетку, то неизбежно упаду. Еще страшнее было то, что я не знал, что впереди, и дурно становилось при мысли, что с каждой секундой я приближаюсь к ровному участку, где ходят люди и пони, ездят сцепки; и низкими скачками мы — я и вагонетка — продолжали нестись дальше, пока с радостным трепетом я не обнаружил, что могу ею как-то управлять и чем дальше, тем больше, наконец мне удалось аккуратно прокатить ее через поворот, с таким видом, словно бы весь этот пробег был для меня обычным делом. У меня ныли все мускулы, язык прилип к нёбу куском пересохшей кожи. Ничего

не оставалось, кроме как снова зажечь лампу, встать за пустую вагонетку и с усердием толкать ее обратно в забой. Как одеревенели и как болели от нагрузки ноги! Тяжелое дыхание вырывалось с присвистом, каждая пора кожи превратилась в крохотный родник. С большей решимостью я начал второй рейс, когда, к моему огромному ужасу, повторилась та же самая безрассудная гонка, только все стало еще хуже. Пальцы отказывались сгибаться, конечности не подчинялись, а силы как будто вытекали вместе с потом. Никогда я не узнаю, каким чудом удерживалась на рельсах вагонетка во время этого сумасшедшего, опасного пробега. Жара была мучительной. Дико трясущимися пальцами я схватил фляжку и глотнул чая, неприятно теплого, но освежающего. Губы у меня были точно промокательная бумага.

До сих пор мой напарник, широкоплечий малый, с бицепсами и грудью Геркулеса, не промолвил ни слова, но сейчас, проходя мимо, весело сказал: «Когда кончилась моя первая смена на этой работенке, мне казалось, что я умер».

Премьера «Питера Пэна», декабрь 1904 года
Макс Бирбом

Первое представление «Питера Пэна» состоялось в декабре 1904 года в Лондоне, в театре герцога Йоркского. Спектакль был тепло встречен и критиками, и публикой. За несколько дней поход в театр на эту пьесу стал семейным делом, превратившись в рождественскую традицию, которая продержалась больше века. Писатель и карикатурист Макс Бирбом, выступавший в качестве театрального критика в «Сатедей ревью», считал «Питера Пэна» лучшим произведением Джеймса Барри, хотя почему он называет книгу такой талантливой, он объясняет далеко не самыми лучшими сторонами личности Барри.

«Питер Пэн» или, добавляет мистер Барри, «Мальчик, который никогда не вырастет». И этот мальчик — он сам. Скорее, тот ребенок; поскольку он остановился раньше, чем большинство мужчин, которые так никогда и не достигли зрелости, — остановился во взрослении до того возраста, когда солдаты и паровые машины на-

чинают завладевать душой. Остаться, подобно мистеру Киплингу, мальчиком — явление не такое уж редкое. Но я не знаю никого, кто, как мистер Барри, остался ребенком. Это единственное в своем роде достижение, которое столь многое говорит о последнем сочинении мистера Барри, придавая ему уникальность. И наверняка именно это также делает мистера Барри самым модным драматургом своего времени.

Несомненно, «Питер Пэн» — лучшее, что он до сих пор написал, это книга, в которой, по большей части, непосредственно выразилась личность автора. В ней, наконец, мы видим его талант в полном расцвете; ибо здесь он срывает с себя последние хрупкие остатки видимости зрелости. Было время, когда из-под его «короткого детского платья» выглядывала пара маленьких штанишек, и золотистые локоны были расчесаны на пробор и прилизаны, и он был радостно взволнован отсутствием шепелявости и обстоятельно объяснял романы мистера Мередита и говорил, что они ему очень нравятся, и даже курительную трубку он использовал вовсе не для выдувания мыльных пузырей, а для других целей. Но тогда он, благослови его маленькое сердце, так страдал…

Время прошло, и человека завлекло, понемногу, к тому месту, где оно готово благосклонно принять мистера Барри на его условиях… Теперь, наконец, мы видим в театре герцога Йоркского самую сущность мистера Барри, в чистом ее виде, — ребенок в первобытном состоянии, уверенный в себе, без всякого смущения — ребенок, без стеснения и стыда, какой есть, плещется в своей ванночке и гукает среди брызг…

Наши мечты ближе нам, чем наше детство, и естественно, что «Питер Пэн» будет напоминать скорее о наших мечтах, а не о наших детских фантазиях. Один английский драматург, человек одаренный, воссоздал для нас мечту; но логичность в нем помешала отпустить на волю дикость и непоследовательность, свойственные всякой мечте, кроме самой прекрасной. По сравнению с поведением Питера Пэна поступки Пака правдоподобны, последовательны и логически обоснованы. Встречалось ли когда-либо, кроме как в сказочной стране, подобное буйство нелогичности и абсолютной несерьезности? Как во сне, принимаются без колебаний такие явления, какие происходят, так что в настоящий момент никто не в состоянии осознать ни того, что могло бы предположительно случиться, ни того,

что не произойдет. Как и во сне, не существует причины, почему что-то должно перестать происходить. Какой возможный вывод отсюда неизбежно следует? Единственный возможный вывод приходит со стороны. Солнце светит в окно спальни, или что-то подслушано у двери спальни, или — кто-то из театралов должен успеть на поезд, другой должен идти ужинать. И когда вы, проснувшись, поправляете подушку, желая досмотреть сон, так и тогда, когда вы покидаете театр герцога Йоркского, станете ли вы возмущаться грубым и своевольным окончанием сна, будете ли тщетно пытаться представить себе, какие еще невообразимые события приуготовлены для вас? Для меня теперь было бы неблагодарной задачей описывать для вас происходящее в «Питере Пэне». Нельзя передать магию мечты. Нет большего ужаса за завтраком, чем люди, которые настойчиво пытаются пересказывать свои сны. Лучше сходите в театр герцога Йоркского, там и мечтайте сами.

Для бёспримерной популярности мистера Барри у этого поколения, которое так любит и обожает детей, достаточно было бы и того факта, что он — ребенок. Но у мистера Барри есть и второй ключ. Поскольку он тоже и даже больше

всех прочих обожает детей, то он не перестает изучать их и их смешные и глупые привычки, и он поет над ними тихие сентиментальные песни, и для него даже порой трудно вспоминать, что в мире вообще-то есть горстка взрослых…

Необычно и то, как глубока эта всепоглощающая забота. Она заставляет меня предполагать, что мистер Барри все же, в какой-то степени, вырос. Ибо для ребенка последнее, о чем он будет заботиться, это он сам. Ребенок воспринимает детей как нечто естественное и проходит мимо них к чему-то более важному — чему-то далекому, что в воображении ребенка существует как нечто чудесное и прекрасное… Маленькая девочка не скажет: «Я — маленькая девочка, а это мои куклы, а это мой братик-младенец», а скажет: «Я мама всей этой семьи». Она опекает своих кукол и маленького братика, изливает на них материнскую любовь, тетешкается с ними и… постойте! Так же ведет себя мистер Барри! В конце концов, не буду портить оговорками свою теорию, что мистер Барри так никогда и не вырастет. Он по-прежнему остается ребенком, ребенком во всем. Но некая фея однажды взмахнула над ним волшебной палочкой и превратила его из прелестного маленького мальчика в прелест-

ную маленькую девочку. Кое-кто из критиков удивляется, почему среди персонажей «Питера Пэна» появляется милая маленькая девочка, поименованная в программе «Лиза (Автор пьесы)». Теперь-то мы знаем почему. Мистер Барри просто «играл в символистов».

Ранние приключения мистера Жабба, май 1907 года
Кеннет Грэм

Кеннет Грэм родился в Эдинбурге в 1859 году и рос в Инверари, пока не умерла мать и его не отправили жить к родственникам в Беркшир. Он занимал пост управляющего Банком Англии, когда супруги Грэм отправили своего четырехлетнего сына Алистера вместе с нянькой на лето в Литтлхэмптон, подальше от духоты и жары Лондона. Вероятно, чувствуя вину из-за того, что был вынужден расстаться с сыном, которого он называл Мистер Мыш, Грэм, чтобы как-то загладить ее, за семь недель написал мальчику пятнадцать писем. Именно в этих письмах он впервые начал рассказывать о приключениях мистера Жабба.

11, Дарэм-виллас, Лондон,
10 мая 1907 г.
Мой дорогой Мыш,

Этим письмом на день рождения хочу пожелать тебе долгих и счастливых лет. Как бы мне хотелось, чтобы мы все были вместе, но вскоре

мы снова встретимся и уж тогда ох как будем радоваться. Я послал тебе две книжки с картинками, одну о Братце Кролике, от папы, и еще одну о других зверюшках, от мамы. И мы послали тебе выкрашенную в красный цвет лодку, с мачтой и парусами, чтобы пускать ее в круглом пруду у мельницы, — и мама отослала тебе багор, чтобы цеплять лодку, когда ее надо вытащить на берег. И еще мама отправила тебе какие-то игрушки, играть в песке, и карточную игру. Ты слышал о Жаббе? Разбойники вовсе не захватывали его в плен. Эту отвратительную и нехорошую шутку он сам придумал. Он написал письмо — в письме говорилось, что в дупло дерева нужно положить сто фунтов. И рано утром он вылез из окна и отправился в городок под названием Багглтон и пошел в гостиницу «Красный лев», там встретил группу путешественников, только что приехавшую из Лондона, и пока они завтракали, он пошел на конный двор, нашел их автомобиль и уехал на нем, даже не сказав «Би-би!». И теперь он пропал, и все его ищут, в том числе и полиция. Боюсь, он — плохое невоспитанное животное.

До свидания,

твой любящий папа

Принудительное кормление суфражисток, 1909 год
Офицеры медицинской службы тюрем Перта и Барлинни

Активность суфражисток в Шотландии значительно возросла на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. К 1909 году власти вынуждены были задуматься над вопросом, как быть с их все более беспокойными выступлениями. Представленное ниже письмо инспекторам тюрем Шотландии дает представление, какими методами готовились справляться с протестующими. Несмотря на ужасы тюремного заключения, движение суфражисток достигло своего пика в 1913 году. Среди многочисленных уголовных преступлений, совершаемых едва ли не каждодневно, значились также поджог на ипподроме в Эйре, попытка разбить окна в королевской карете и засада, устроенная на премьер-министра на поле для гольфа в Лоссимуте. Во время Первой мировой войны было достигнуто политическое прекращение огня, а в 1918 году женщины — пусть и лишь с возраста тридцати лет — наконец-то

получили право голоса.

1909 г., 15 ноября *Инспекторам тюрем*

Министр по делам Шотландии обратился с запросом о предоставлении полной информации, касающейся проведения процедуры искусственного кормления. Эти сведения полностью представлены в Докладе офицеров медицинской службы тюрем Перта и Барлинни, и их опыт, а также опыт офицеров медицинской службы психиатрических клиник и прочих учреждений можно резюмировать следующим образом:

Используются три способа: 1) при помощи поильника; 2) посредством пищеводного катетера; 3) посредством носовой трубки.

1) Кормление при помощи поильника заключается в помещении носика поильника между зубов и вливании содержимого в рот пациента. Если заключенные оказывают сопротивление, то данный метод сопряжен со значительным риском нанести им травму.

2) Для кормления посредством пищеводного катетера необходим полный и тщательный контроль движений пациента, и для достижения этой цели может потребоваться до пяти ассистентов. Обычно для контроля пациента необходимо

уложить в кровать; один помощник сидит на кровати в изголовье и удерживает пациента, прижав его тело к постели коленями, а голову пациента он прижимает к груди; еще по одному ассистенту необходимо для удержания каждой конечности. Когда пациент находится под контролем, то врач вставляет ему в рот кляп, и ответственность за кляп возлагается в дальнейшем на другого ассистента. Затем офицер медслужбы вставляет катетер, предварительно смазанный маслом или «кастильским мылом», в верхнюю часть глотки, и в силу рефлекса глотка непроизвольно сокращается и конец катетера попадает в желудок пациента. Риск при данном способе кормления заключается во введении катетера в дыхательное горло вместо глотки; но подобное происходит крайне редко, и последствий несчастного случая можно избежать при осмотре после введения, так как если катетер случайно попадет в трахею, через него будут происходить дыхательные движения, в то время как при катетере, находящемся в глотке и желудке, таких движений наблюдаться не будет. Когда врач удостоверится, что катетер должным образом помещен в желудок, он соединяет его с загрузочной воронкой, затем через него вливается небольшое количество теплой воды,

что является дополнительной предосторожностью от попадания катетера в дыхательное горло; когда врач отмечает, что вода попала в желудок, то он приступает к постепенному вводу пищи, которая обычно состоит из разведенного жидкого заварного крема, или процеженной смеси молока и яиц, или бульона. В конце кормления врач вливает через катетер еще немного теплой воды; потом он пережимает катетер, во избежание попадания в него пищи в желудке и извлекает его в таком положении. Операцию следует провести в течение двух-трех минут. Процедура может вызвать дискомфорт, но ничуть не болезненна.

3) При кормлении с помощью трубки через нос прежде всего необходимо предпринять меры контроля пациента, а предварительные действия, в общем, те же самые, за исключением того, что трубка, имеющая диаметр меньший, чем пищеводный катетер, вводится через нос. Преимуществом указанного метода перед пищеводным катетером является возможность обойтись без кляпа, но процедура протекает медленнее из-за узкой трубки и она не избавлена от недостатков, связанных со случайным попаданием трубки в дыхательное горло.

Мне пришло в голову, что с учетом всех обсто-

ятельств кормление посредством поильника не подходит для заключенных, которые преднамеренно сопротивляются искусственному кормлению, так как при этом возможно нанести пациенту значительные повреждения рта.

Что касается кормления через пищевод, то оно сопряжено с недостатками, неотделимыми от насильственного введения кляпа, в связи с чем у заключенного появляется возможность для сопротивления и в результате могут иметь место несчастные случаи, такие, как, например, сломанные зубы и поверхностные ранения рта с кровотечением. Главное же преимущество данного способа заключается в том, что для попадания пищи в желудок требуется сравнительно меньшее время, чем в случае кормления через нос, но эта разница несущественна.

Кормление через нос не связано с какими-либо из этих недостатков или малейшим риском, оно достаточно просто, а его применению мешает порой узость носовых проходов, хотя и редко встречающаяся.

Я, таким образом, придерживаюсь мнения, что в случае, когда избрано искусственное питание, предпочтителен метод кормления через нос. В то же время, понимая, что по своим опасностям

способы кормления через нос и с использованием катетера отличаются незначительно, да и сам риск в обоих случаях невелик, я бы рекомендовал офицеру медицинской службы, если у него есть специфический опыт применения способа кормления через пищеводный катетер, остановить свой выбор именно на этом методе.

Министр по делам Шотландии также поднял вопрос о том, как долго, без угрозы для жизни, заключенный может оставаться без пищи. Здоровый и нормальный человек переносит лишение пищи, при одновременном беспрепятственном потреблении жидкостей, в течение многих дней, без всякой непосредственной опасности для жизни. Однако, когда человек слаб или непривычен к подобным лишениям, то отсутствие еды начнет пагубно сказываться на здоровье уже через несколько дней, и это особенно верно для женщин, обладающих легко возбудимой нервной системой и чрезмерной чувствительностью. В последнем случае также возрастают шансы на ухудшение состояния здоровья, если они, уже потеряв силы из-за отсутствия пищи, подвергнутся эмоциональным потрясениям, с которыми неразрывно связано умственное и физическое сопротивление искусственному кормлению.

Таким образом, я придерживаюсь того мнения, что к искусственному кормлению следует прибегать, когда после последнего принятия пищи прошло от сорока восьми до шестидесяти часов, причем для женщин слабой конституции предпочтительным является срок в сорок восемь часов, а не в шестьдесят.

Было бы целесообразным разослать четкую и ясную инструкцию относительно этих результатов должностным лицам тюрем Его Величества.

Томас Р. Фрейзер
(Подписано)

Жизнь на фронте во Франции, 1915–1918 годы
Дэвид Смит

Когда началась Первая мировая война, Дэвид Смит был четырнадцатилетним учеником маляра в Эдинбурге. Вместе с несколькими друзьями он попытался вступить в армию, но быстро обнаружилось, что он несовершеннолетний. «В глазах общественности мы задиристые петушки, а сами считаем себя Голиафами», — писал он. Ему не удалось записаться в шотландский Сифортский Хайлендский полк, но он предпринял новую попытку, и после того как юноше велели прийти на следующий день и отвечать, что ему девятнадцать, а никак не восемнадцать, ему удалось вступить в армию. В 1915 году Смита отправили во Францию, где он воевал на передовой, пока в 1918 году не попал в плен. Его лихорадочный рассказ об этих годах показывает, сколь несовершенными остаются мемуары. (Примечание: Вся орфография и грамматические несуразности оставлены такими, какими были в исходном рассказе.)

Расстроившись оттого, что не отправился

домой, я успокоился, решив, что либо я увижу конец войны, либо война увидит мой конец, единственный оставшийся вариант — получить ранение или, как называют это солдаты, «билет на родину». Наш месячный отдых закончился, и в феврале 1916 года мы сменили французские части в окопах в местечке с названием Лабарен, где было довольно тихо, только было одно событие, на смену нашему батальону, 5-й Сифортскому, однажды ночью пришел 6-й батальон, а утром немцы взорвали мину, но благодаря меткому огню нашей артиллерии, а был это Эдинбургский Лоулендский, немцы понесли тяжелые потери от нашего 6-го батальона, хотя 6-му пришлось тяжко, через несколько месяцев в этом месте нас перебросили на хребет Вими, там мы подвергались сильным обстрелам, и у нас тоже были большие потери от снарядов и снайперов. В июне 1916 года нас сменили, когда мы провели в окопах 21 день, потом в конце июня нас на машинах перевезли в худшее место за все то время, какое я отслужил во Франции, а именно Хай-Вуд в июле 1916 года. Боже мой! Как мне, восемнадцати летнему и почти год проведшему во Франции, хотелось вернуться домой — думаю, страшный позор держать во Франции мальчишек в таком юном возрасте,

конечно, там были и лучше меня, но так как я пишу свои воспоминания, то они пусть пишут свои. В 1914-м я думал, что я мужчина (в Хай-Вуде в 1916-м я считал себя мальчишкой), а мне лучше быть дома… Дельвиль-Вуд обстреливали ночью и днем как хрен знает что, повсюду валялись мертвые, я в первый раз видел так много мертвых… Чертовски жаркая погода. Дохлые лошади… что за вонь! Нет питьевой воды, а к тому времени я был ординарцем роты при капитане. О, как бы мне хотелось, чтобы меня, как моего приятеля Джока, отправили домой с грыжей, но я не завидую его везению, так как знаю, что ему хотелось быть рядом со мной в Дельвиль-Вуде, знали ли люди на родине истинные факты об этом адском месте, конечно же, нет. Во Франции все с ума сходили, чтобы продолжать, и я был одним из них, ну если я не убью, то меня убьют, так что я тоже стрелял; восемь дней, включая воскресенье, нас обходили и молотили в лесу… Боже мой! Неужели передышки не будет, или у них три восьмичасовых смены, 24 часа напролет, конечно, о том, чтобы поспать, и речи нет, порой мы вообще не знаем отдыха — и страха, желая от Господа, чтобы нас убили, мы сыты этим по горло, наконец мы пошли в атаку, и рады уйти,

убраться из леса, так как лес — прекрасная цель для артиллерии, после еще трех дней атак нас вынуждены были сменить, так как наш батальон совершенно обескровлен, много убито, и на второй день отдыха меня послали в эвакогоспиталь с малаккской лихорадкой, конечно, это в каком-то смысле ниспослано Богом, так как я получил хорошую постель, еду и отдых, хотя в то время батальон был на отдыхе…

В окопы мы попали в ноябре, 12-го в полночь, готовые пойти в атаку 13-го (несчастливое 13 для Джока) на рассвете… День занялся, и мне показалось, что раскололась земля, мины, снаряды и всякие проклятые штуковины летали туда-сюда, а мы шли, Джок, я и сержант Кэмерон, рядом друг с другом. Я увяз в грязи (в этом адском месте грязи было море), но через минуту-две высвободился, и стоило мне выбраться из грязи, как Джока, моего лучшего друга, накрыло разорвавшейся шрапнелью. И что я мог поделать — ничего, для этой работы есть санитары-носильщики, как мне говорили, так что я зашагал дальше, но недолго. Я увидел сержанта Кэмерона — настоящего героя, если герои вообще существуют, но его тело оказалось изрешечено пулями, и как говорили, не видать ему креста Виктории, — теперь для неко-

торых он всего лишь один из «забытых героев», но не для меня.

Теперь я воспользуюсь привилегией написать несколько строк о самом своем дорогом друге, который кого-то, может, и не интересует, но чью память я трепетно храню. После того как я оставил тяжело раненного Джока, меня самого сбило с ног, контузив разрывом снаряда, частично засыпав землей, и когда я очнулся, то находился, хвала Господу, в госпитале, на какое-то время далеко от всего, но я узнал, что мой приятель Джок провалялся 24 часа, пока его не подобрали, он в госпитале во Франции, и так плох, что его отец был вынужден отправиться во Францию, чтобы ухаживать за ним, и после многочисленных операций его выписали с парализованной ногой, отчего он умер в 1920 году. Так закончилась большая дружба, лучше которой и пожелать нельзя.

В батальон я вернулся в середине января 1917 года, и, отсидев свой срок в окопах, мы вернулись на отдых в Абвиль, откуда я отправился в отпуск на родину в Эдинбург. Что за прекрасное чувство, снова оказаться дома, так как весь 1915 год провалялся в грязи и был солдатом, как того и желал, но я понял теперь, что к чему, и мне хватило, и я наделся, что все кончится, пока я буду еще в

отпуске, но, откровенно говоря, я не думал, что войне вообще когда-то будет конец.

Возвращение из отпуска… О, как я чувствовал себя, покидая мать, в доме никого, и с 1914 года я ни разу не видел отца, брата я встретил во Франции, а эти проклятые «цеппелины» начинали пугать ее, часто я думал, если Бог есть, почему он не может прекратить это, и кроме того, я бы сказал, коли они не в состоянии прислушаться к слову Божьему, тогда пусть сами и воюют. «Не убий!». Мы не послушались, поэтому сами и виноваты.

Вернулся из отпуска, опоздав на семь дней. И какое мне дело, что в Лондоне я замечательно провел время с солдатом-канадцем, в те семь дней война была славным делом, и вот я предстал перед командиром, но он сказал: раз ты пойдешь в атаку под Аррасом, то я не стану выносить тебе приговор, чтобы у тебя была возможность искупить; это значило, что меня могут убить, а могут и не убить.

Мне чертовски хотелось, чтобы я опоздал на две недели, но если бы я прибыл вовремя, то у меня все равно был бы тот же шанс, так что разницы никакой… Получив добрую порцию спиртного от офицера, которому я прислуживал, я быстро

уснул, ничуть не заботясь о том, что ждет меня завтра, да и спиртное думало за меня. Час «Ч» — что за адский шум, я прихожу в себя, слышу, как офицер зовет: «Смит», весь из себя джентльмен, держись рядом, так как мне нужно будет передать сообщение, когда получим приказ, по крайней мере, мы наступаем, обычная картина — мертвые, стоны и крики умирающих. Что за чертова жизнь! Да кончится ли эта проклятая война, но мы тащимся вперед, а немцы бегут, улепетывают, и мы достигаем намеченных рубежей, с немногими потерями, учитывая, сколько мы захватили, дальше не идем, так как нет приказа, Бог мой, какую упускаем возможность гнать их дальше, но мы все еще живы, так что черт с ними, немцами, пусть бегут, ночью нас сменили и через несколько дней всех перебросили направо, в место под названием Руон, где мы попали под страшный обстрел, атакуем и контратакуем, нас погнали обратно к каналу, где получаем приказ быстро переправиться на другую сторону. Благодарение Богу, там неглубоко, так как большинство из нас не умеют плавать, но, черт возьми, кто придумал килт! Мне бы сейчас хотелось, чтобы я был в полку, где носят штаны…

Наконец мы добрались до канала Соммы, где

соединились с остальной бригадой, так как Сифортский воевал как арьергард всей бригады. Чертовски хочется, чтобы я был в кавалерии или в автотранспортных частях.

К этому времени я забрал мешок со своим пайком, так как мы поджигали все наши склады и войсковые магазины, чтобы они не попали в лапы немцев.

24 марта, перекусили куском хлеба и выпили «Идеального молока» (сворованного с транспорта, который был подбит снарядом, а возчик и лошади убиты), и на нас снова двинулся немец, здесь мы понесли от него тяжелые потери, и тут мы потеряли нашего последнего офицера. Мы отступили к хребту, и так как у нас не было офицеров, южноафриканский офицер собрал, кого смог; были представлены все полки, его приказ было держаться любой ценой, я гадал, если у этого хлыща тоже есть дом, куда можно вернуться, то он, несомненно, герой, но разве все мы тут не герои? Все солдаты в окопах достойны креста Виктории, но лучше мне вернуться домой, чем получить все эти проклятые медали; велели обороняться, ладно, но у нас нет артиллерии, и как только показались немцы, мы дали им жару, нанеся серьезные потери, но в то же время нас

заметно поубавилось.

День был чертовски жарким, и мы начали слабеть, и из всех дней это было воскресенье, и как бы мне хотелось, чтобы это было обычное школьное воскресенье.

Мы укрылись в воронках, от снарядов еще 1914 года, так как мы теперь отступали, мы лежали в воронках по четверо, по пятеро и т. д., и в воронке, где был я, мы впятером разговаривали, на нас налетели немецкие аэропланы, застучал пулемет, но увы; мы окружены — Боже мой — военнопленные — попасть во Францию в 1915-м и потом оказаться в плену в 1918 году, у меня это в голове с трудом укладывалось, но в плен оказались захвачены тысячи, и когда мы увидели немцев, казалось, их было десятки и сотни тысяч, Россия тогда вышла из войны и все немецкие войска перебросили на наш фронт. Увижу ли я когда-нибудь родные края, узнает ли когда-нибудь мать, не прикончат ли меня — такие мысли промелькнули у меня в голове, я хотел стать солдатом, теперь я солдат, но война, по крайней мере для меня, кончилась. Захвативший меня немец забрал мои наручные часы и несколько фотографий, что у меня были, а еще полкаравая хлеба и баночку джема, что лежали у меня в мешке,

говоря по справедливости, он был вполне неплох, один из немногих, кого я встречал (позднее в лагере военнопленных), кто поделился хлебом и джемом с другими тремя захваченными вместе со мной, и потом он провел нас мимо убитого парня, выглядел тот жутко, разрывная пуля угодила ему в живот. Это была война — а за что, я знать не знаю.

Забастовка квартиросъемщиков в Глазго, октябрь 1915 года *«Глазго геральд»*

Резкий рост арендной платы и угроза выселения за неуплату, имевшие место в Глазго в начале 1915 года, привели к коллективным действиям женщин города, которые сочли необходимым защитить свои жилища, пока их мужчины воюют на фронте. Протестное движение координировала влиятельная Шотландская и кооперативная женская гильдия, оно вылилось в забастовки и марши, на которых несли лозунги «Оборона государства: правительство должно защитить наши жилища от немцев и домовладельцев или народ сам защитит себя». Это возмущение оказалось настолько мощным, что в конце 1915 года был принят Акт об ограничении арендной платы, удовлетворивший протестовавших против ее роста.

28 сентября

Жители большого числа многоквартирных домов в округе Патрик сопротивляются предложению управляющего повысить арендную плату.

Две недели назад они получили сообщения, что квартирная плата будет повышена, и отослали свой протест владельцу домов, заявив, что отклоняют оплату авансом. В ответ съемщикам вручили уведомления о том, чтобы в указанный день они съехали с арендуемых квартир. Прошло несколько митингов съемщиков, и они решили остаться в своих домах. Над дверьми и окнами они вывешивали маленькие флажки «Юнион Джек», также повесили плакат со словами: «Забастовка квартиросъемщиков против роста цен; мы не съезжаем». Вовлечено уже 130 съемщиков, а одно- и двухквартирные дома расположены на Роузвейл-стрит, Хозиер-стрит, Клайд-стрит и Эксетер-драйв. Минувшим вечером около 100 съемщиков переслали домовладельцу почтовым переводом свою арендную плату в прежнем размере…

29 сентября

Отношения между съемщиками и собственником домов в округе Патрик, вовлеченными в «забастовку против повышения платы», зашли в тупик. Как уже вчера объяснялось, 130 квартиросъемщиков отказались платить повышенную аренду, рост которой в большинстве случаев

составляет 1 шиллинг в месяц за арендуемое жилье за 15 фунтов в год. Некоторое время назад протестующим съемщикам были разосланы требования о выселении, с указанием вчерашнего дня, но эти повестки были проигнорированы, и съемщики вновь подтвердили свою решимость не платить повышенную арендную плату и не съезжать из жилищ. В равной мере домовладелец полон решимости добиться выплаты повышенной платы, в противном случае он намерен прибегнуть к помощи сил правопорядка для выселения участников бунта. Он заявил, что обратится в суд шерифа за предписаниями о вывозе имущества из домов. Прежде чем эта процедура завершится, пройдет три или четыре дня.

До вчерашнего дня в выступлениях не замечалось никакого буйства, но когда днем домовладелец зашел в несколько домов, чтобы вернуть почтовые переводы, оформленные по старой ставке аренды и отосланные ему, то встретил крайне враждебный прием. Несколько женщин, громко осыпая его яростной бранью, накинулись на него и погнали по улице, несколько раз ударив мешками с гороховой мукой.

29 октября

Вчера днем, на Мериленд-стрит, в Говане, была предпринята первая попытка при помощи силы добиться исполнения предписаний о выселении, выданных в отношении квартиросъемщиков Глазго, которые участвуют в забастовке против повышения арендной платы. Квартиру тут снимает вдова. Как стало обычным явлением с начала выступлений против роста квартирной платы, когда к дому явились с ордером, там в это время проходила демонстрация «забастовщиков». Пока миссис Барбур из Женской ассоциации жильцов Глазго обращалась к собравшимся, два прибывших представителя шерифа попытались пройти в дом. Как только стало известно, что предполагается выселение жильца, участники демонстрации решили оказать сопротивление. Большинство демонстрантов составляли женщины, и они атаковали представителей власти и их помощников посредством гороховой муки, мела и крупчатки. Женщина, которая возглавляла нападение на одного из офицеров, была задержана. Ее отвели в полицейский участок Гована, но аресту не подвергли.

Между миссис Бабур и офицером состоялись пе-

реговоры, после чего последний без помех вошел в дом. Офицер обратил внимание, что квартиросъемщица больна, и решил не приступать к принудительному исполнению ордера.

Госпиталь на Западном фронте, июль 1916 года
В. К. К. Каллум

Мысль о создании госпиталя, в котором работают одни женщины и который возможно устроить неподалеку от фронта боевых действий, родилась у шотландского хирурга Элси Инглиз, каковая, в числе прочего, организовала три военных госпиталя в Сербии. Она помогла с продвижением идеи и с организацией еще одного замечательного предприятия — состоящая исключительно из женщин, группа шотландских врачей, медсестер, поваров и уборщиц создала на Западном фронте, во французском аббатстве Руамон, госпиталь. Он действовал с 1915 года и до конца войны, но одним из самых серьезных испытаний для него стали первые дни сражения на Сомме, которое началось 1 июля, когда в считанные дни были убиты и ранены десятки тысяч человек. Нижеприведенное свидетельство принадлежит рентгенологу мисс В. К. К. Каллум, и она сама за несколько месяцев до описанных событий получила тяжелое ранение, когда было

торпедировано судно, на котором она плыла.

Первого числа [июля] мы пребывали в волнении, в напряженном ожидании. Началось «Большое наступление» — какие у союзников успехи? Наш госпиталь был освобожден почти полностью, едва ли не до последнего человека. Наше новое отделение неотложной помощи из 80 коек было развернуто в помещении, когда-то таком же большом, как английская приходская церковь, — наша операционная и приемный покой снабжены громадными запасами бинтов и тампонов, корпии, марли и шерсти; наша новая рентгеновская установка была смонтирована и оснащена до последнего провода; наш санитарный транспорт ждал наготове в гараже — достаточно только дать сигнал к выезду. Беспрестанно звучавшая канонада громадных пушек не умолкала на протяжении нескольких дней. В тот день, на рассвете, раздался страшный гром, от него, казалось, содрогнулась сама земля; потом, через несколько часов, грохот стих, и мы снова смогли различить хлопки отдельных пушек. Те из нас, кому довелось быть в госпитале во время наступления в июне 1915 года и более серьезного удара в Артуа 25 сентября, рано легли спать. Если сигнал раздастся ночью, нас всегда

смогут позвать — а мы поспим, пока есть такая возможность. Приехавшие в госпиталь позже удивлялись отсутствию — видимому отсутствию — у нас волнения и нетерпения и прождали событий далеко за полночь.

[Наконец начали прибывать раненые.] Раны у них были ужасные… многие из этих мужчин были ранены — опасно ранены — в двух, трех, четырех и пяти местах. В 90 % случаев за работу уже принялся самый страшный враг хирурга — газовая гангрена. А иначе врачи сумели бы сохранить и жизнь, и конечность… Поэтому раненым немедленно требовалась срочная операция, зачастую — для безотлагательной ампутации. Хирурги не задерживались для того, чтобы выискивать шрапнель или осколки металла: их главной целью было вскрыть и очистить раны или отрезать омертвелую конечность, пока гангрена не добралась до жизненно важных частей тела. Зловоние было очень сильное. У большинства бедолаг дела были очень плохи, чтобы не сказать больше…

[У нас] было мест на 400 человек, и как только все койки были заняты, то ни одна из них не пустовала на протяжении нескольких недель, пока мы неустанно трудились. Наша операцион-

ная почти постоянно была занята, едва хватало времени, чтобы прибраться в предрассветные часы, и проблемой было успеть проветрить рентгенологические кабинеты в те короткие часы рассвета, между окончанием одного рабочего дня и началом следующего. Мы сражались с газовой гангреной, и самым важным фактором было время. Пока хватало физических сил, мы не прекращали работу в операционном отделении. Для нас, кто трудился на своем посту, и для пациентов — страдающих мужчин, лежащих на носилках у рентгеновского кабинета и у операционной, в ожидании своей очереди, это был сущий кошмар: слепящие лампы, отвратительная вонь эфира и хлороформа, фиолетовые искры давно работающих рентгеновских трубок, десятки негативов, которые выхватывали еще мокрыми и уносили в душную операционную прежде, чем их успевали прополоскать в темной комнате. К тревожному волнению о том, удастся ли спасти человеческую жизнь, примешивалось подспудное беспокойство персонала операционной — успеют ли прокипятить нужные хирургические инструменты и перчатки, ведь в таком быстром темпе вносили и клали на стол раненых; хватит ли марли, шерсти и тампонов! А мы еще беспокоились, не вышел ли

срок службы трубок, о том, чтобы в первую очередь обработать пластинки пораженных газовой гангреной, дать снимкам высохнуть, разложить по отдельности для каждого из шести хирургов, проследить, чтобы не унесли по ошибке другие рентгенограммы — так как у нас бывали почти одинаковые снимки, дублировались имена и случалась прочая путаница. И все нужно было делать в страшной спешке, и да еще под конец дня, который и так длился от 10 до 18 часов, и нельзя было допускать ошибок. Не думаю, что за ту первую страшную неделю июля мы потеряли хоть одного пациента потому, что промедлили с диагнозом или операцией. Все потери были из-за того, что раненые слишком поздно попадали в госпиталь.

Красный Клайдсайд бурлит, 31 января 1919 года
«Стачечный бюллетень»

Волнения на промышленных предприятиях, которые вспыхивали во время Первой мировой войны, достигли критической стадии в начале 1919 года. Угроза массовой безработицы, когда сотни заводских рабочих были уволены, а демобилизованные солдаты собирались вернуться по домам, усугубляла опасения и тревоги. Выступившие с призывом к сорокачетырехчасовой рабочей неделе, 40 000 рабочих-судостроителей 27 января объявили забастовку, через день число стачечников удвоилось. 31 января 100 000 бастующих собрались в Глазго на площади Георга, в то время как их лидеры находились на встрече в городском совете, чтобы представить свои доводы правительству. Власти, встревоженные многолюдным народным митингом и страшась, что он выльется в революционные выступления, подобные тем, что недавно сотрясли Россию и Германию, отреагировали слишком остро, и полиция атаковала толпу. К тому времени,

было опубликовано нижеследующее сообщение, в Глазго были срочно переброшены 12 000 английских солдат, 400 армейских грузовиков и шесть танков — для защиты граждан, как утверждали, от пресловутого «большевистского восстания». Когда в город были введены танки, центр Глазго ощетинился пулеметами, а по улицам ходили воинские патрули, то у бастующих не осталось ни малейшего шанса, что им дадут возможность обоснованно изложить свои требования. Вскоре забастовка была разогнана, а вместе с этим пришел конец и надеждам на сокращение рабочей недели.

Впредь 31 января 1919 года будет известно в Глазго как «Кровавая пятница», и вину за преступное нападение на беззащитных рабочих граждане должны возложить на власть. В очередной раз полицию использовали как наймитов, призванных запугать трудящихся. Рабочие этого не забудут.

Беззаконие походило на заранее спланированный показательный урок. Согласно достигнутым в среду договоренностям, депутация Объединенного комитета, в составе [Эммануэля] Шинвелла, [Дэвида] Кирквуда, Нила Маклина, [Гарри] Хопкинса и других делегатов, ждала лорда-провоста

в городском совете, чтобы получить ответ от премьер-министра и министра труда на просьбу его светлости, с которой он сам обратился, о вмешательстве правительства. Пока депутация дожидалась двадцать минут, в это время полиции отдали приказ взять дубинки и силой рассеять толпу забастовщиков, которые стояли на площади Георга, ожидая возвращения депутатов.

Услышав шум столкновения, Шинвелл и Кирквуд выбежали наружу, чтобы помочь восстановить порядок; но полиция не стала их слушать, а набросилась на них, и Кирквуда повалили наземь. Забастовщикам удалось прикрыть Шинвелла и увести его целым и невредимым. Тех, кто призывал к порядку, также избивали дубинками, как и других забастовщиков, которые вели себя спокойно, что лишь доказывает их беззащитность.

Приказ к избиению забастовщиков дубинками перед городским советом был отдан представителями власти преднамеренно, и он не был ничем спровоцирован. Нападение полицейских отличалось крайней жестокостью, дабы их хозяева смогли утолить свою жажду разбитых черепов. Господа, сами опасаясь взяться за свою грязную работу, поручили сделать ее за себя полиции.

Митинг перед городским советом проходил спокойно и дисциплинированно, на нем выступали члены стачечного комитета, все ожидали возвращения депутации после переговоров с лордом-провостом. Шинвелл, перед тем как делегация вошла в городской совет, призвал толпу проявлять выдержку, и его обращение поддержали другие ораторы. Собравшиеся стояли лицом к статуе Гладстона, с которой выступали с речами, и, не поместившись на площади, заняли улицу перед советом, и на этой улице в толпу, при попустительстве полиции, въехало два автомобиля, отчего два человека были сбиты и получили ранения. Это не понравилось забастовщикам, которые обратились к полиции с просьбой перенаправить автотранспорт по другой улице — вполне разумная и обоснованная просьба.

Ответ был таков: полиция атаковала забастовщиков, которые остались на месте, и полиция, после обращения ораторов, отступила. Затем прибыла конная полиция, и двое всадников, демонстрируя вольтижировку, упали вместе с лошадьми, и их неуклюжесть вызвала в толпе смешки. Для полиции этот смех оказался страшным оскорблением ее священного достоинства, и полицейские словно сошли с ума и, дико разма-

хивая дубинками, набросились на беззащитную толпу. Разъяренные люди в форме, не разбирая, лупили всех по головам… Забастовщики, как могли, защищались, руками и кулаками, но, не будучи ничем вооружены, постепенно сдавали назад, отступая в порядке и без паники. Несмотря ни на что, забастовщики держались самоотверженно и благородно, и будь у них хоть какие-то средства для самозащиты, то история могла бы закончиться совершенно по-иному.

Похоже, что происшедшее было заговором с целью силой подавить забастовку. Подобного рода угрозы уже звучали в прессе, принадлежащей владельцам заводов. Затем, в то время как депутация продолжала ждать в здании городского совета, было осуществлено нападение. Поразмыслите над этим.

Затопление германского «Большого флота» у Скапа-Флоу, 21 июня 1919 года
Джеймс Тейлор

В конце Первой мировой войны германский флот «Открытого моря», в составе семидесяти четырех боевых кораблей, был интернирован в бухте Скапа-Флоу на Оркнейских островах, где и ждал итогов переговоров об условиях перемирия. Утром 21 июня, когда корабли с сокращенными экипажами уже провели на якоре полгода, группе из 400 школьников устроили экскурсионную поездку вокруг флота на борту буксира Адмиралтейства под названием «Летящая пустельга». Джеймс Тейлор, которому тогда было пятнадцать лет, вспоминал поразительное зрелище того, как у них на глазах начал тонуть германский флот. Впервые в истории был затоплен разом весь военно-морской флот. Только недавно стало известно, что командующий Имперским ВМФу контр-адмирал Людвиг фон Рейтер, приказ о затоплении отдал по недоразумению.

В конце концов мы оказались лицом к лицу с

германским флотом, и рядом с некоторыми из этих громадных линкоров наше суденышко выглядело смешно и нелепо. [Моряки показывали нам нос.] Наш учитель нервно пытался объяснить, что мы, вероятно, тоже вели себя так же, будь мы военнопленными, на которых глазеет толпа школьников. Мы должны были испытывать жалость к этим несчастным, которые не могут не быть немцами, как мы не можем не быть оркнейцами. Рогнвальд Сент-Клер, который всегда был таким умным, сказал, что жалеет лишь о том, что не захватил свою рогатку… Кое-кто из немцев сидел… играли на губных гармошках…

[И позднее, на виду главных кораблей] внезапно, без всякого предупреждения и почти одновременно, эти громадные корабли начали крениться, на левый или правый борт; какие-то переворачивались, некоторые погружались носом в воду, с кормой, высоко задранной вверх и указывающей на небо; другие быстро уходили в океанскую пучину, и над водой виднелись только мачты и трубы, а из отверстий, с чудовищным шумом и шипением, вырывались пар, масло и воздух, и огромные белые облака водяного пара клубами поднимались у корабельных бортов. К общей какофонии добавлялись мрачное громы-

хание и звяканье цепей, а гигантские корпуса наклонялись, опрокидывались и скользили под воду, которая всасывалась внутрь с чудовищными звуками и громким бульканьем. Гордые корабли медленно исчезали, издавая протяжный затянувшийся вздох.

На поверхности виднелись одни лишь мощные водовороты, в которых все быстрее и быстрее кружились какие-то темные предметы, многие из них затянуло в середину, а потом они погружались вглубь, пропадая из виду. Море превратилось в одно обширное пятно масла, которое постепенно расползалось, словно бы какой-то океанский монстр, смертельно раненный и залегший на морском дне, истекал кровью. И пока мы смотрели, безмолвные и преисполненные благоговейного страха, поверхность моря на мили окрест покрылась лодками и подвесными койками, спасательными поясами и ящиками, рангоутом и обломками дерева. И среди этого мусора сотни людей боролись за жизнь… Внезапно воздух разорвали громкие приветствия — это кричали моряки, выстроившиеся длинными шеренгами на палубе одного из самых больших немецких кораблей. Они прощались с точно таким же кораблем, чьи палубы теперь скрылись

под водой.

Черчилль накануне поражения, 14 ноября 1922 года
Уинстон Черчилль

Будучи членом парламента от Данди, Уинстон Черчилль понимал, что в 1922 году ему предстоит отчаянная борьба за место в палате общин. Считая, что в прессе его травят, вечером накануне выборов он выступил с откровенной речью перед избирателями в Броти-Ферри. В типичной для себя грубоватой манере он обрушился с критикой на Д. С. Томсона, владельца ряда местных газет, который возглавлял двенадцать шотландских изданий, за то, что тот «враждебно относится к свободному выражению мнений». Возмущенное выступление помогло Черчиллю завоевать еще нескольких друзей, но на следующий день у избирательных урн он потерпел поражение от воздержанного в употреблении спиртного дандийского кандидата, мистера Скримджера.

У вас один и тот же человек является владельцем и либеральной, и консервативной газет, выходящих в один и тот же день в одном и том же месте. И вот этот человек, мистер Томсон, левой

рукой продает либеральные мнения, а правой — консервативные… Поразительное зрелище… Если бы подобное поведение было выказано в личной жизни или если бы так поступал политик в жизни общественной, то все мужчины и женщины в стране сказали бы: «Это самое что ни на есть двуличие. Нельзя же верить и в то, и в другое». Что скажут, хотелось бы мне знать, о проповеднике, который проповедует утром католическую веру, пресвитерианство — днем, а вечером обращается к магометанству? Наверняка посчитали бы, что он очень близко подошел к опасной грани, за которой его назовут мошенником. Что сказали бы о политике, который в Шотландии выступает с социалистическими речами, с консервативными — в Англии, а с радикальными — в Уэльсе? Вы бы сказали, что он бесчестен и бессовестен…

И вот утром либерал мистер Томсон со страниц либеральной «Данди эдвертайзер» советует либералам Данди быть осмотрительными и не голосовать за мистера Черчилля, потому что его либерализм не вполне ортодоксален. И вот мистер Томсон, тот же самый мистер Томсон, который проиграл на выборах на пост председателя Консервативной партии, велит либералам быть

осторожными в той избирательной кампании, которую они ведут, предупреждает членов Либеральной ассоциации, что они сбились от пути истинного и что всякая попытка протянуть руку дружбы прогрессивным консерваторам лишь чревата опасностью погубить их политическую душу.

В то же самое время, в тот же самый момент есть и консерватор, «твердолобый» мистер Томсон, который со страниц консервативной «Данди курьер» рекомендует избирателям-консерваторам в Данди поостеречься и не отдать свой голос мистеру Черчиллю, а иначе они рискуют тем, что усилят оппозицию новому консервативному правительству; и у вас один и тот же человек стоит за двумя абсолютно по-разному сервированными блюдами, горячими или холодными, жареными или вареными, неприправленными или сдобренными специями, в зависимости от вкуса, и оба блюда готовил один и тот же повар, на одной и той же кухне. За этими двумя, скажу я, стоит один-единственный индивидуум, существо ограниченное, ожесточенное, неразумное, пожираемое собственным тщеславием, поглощенное собственным мелочным высокомерием и преследуемое изо дня в день, из года в год, своими не

дающими ему покоя «тараканами» в голове.

Обеспокоенность церкви, 1923 год
Генеральная ассамблея шотландской церкви

В истории церкви Шотландии есть и такая позорная страница, когда один из ее комитетов, во главе с его преподобием, доктором Джоном Уайтом — который позднее стал председателем церковного суда пресвитерианской церкви, — выступил за ограничение ирландской иммиграции, призывая ослабить, как они считали, нарастающую волну римского католицизма. Вспышка нетерпимости породила многолетние волнения на религиозной почве в прежде тихих и мирных частях страны. В нижеследующем докладе освещена дискуссия по этому вопросу, состоявшаяся на Генеральной ассамблее шотландской церкви.

Его преподобие Уильям Мэйн из Эдинбурга представил на рассмотрение комитета доклад с предложениями пресвитерии Глазго и синода Глазго и Эйра относительно ирландской иммиграции и закона об образовании (в Шотландии) 1918 года. Доклад, как стоило бы отметить, был

подготовлен преподобным Дунканом Кэмероном из Килсита. В результате изучения вопроса они установили, что страхи и тревоги, выраженные на последнем заседании Генеральной ассамблеи, имеют под собой немалые основания. Невозможно сказать, что приведенные ими факты и заявления так или иначе неточны или преувеличены. Ирландское население в Шотландии за последние сорок лет удвоилось, и за минувшие двадцать лет рост ирландского населения в шесть раз с половиной превышал рост численности шотландского. И вовсе не благодаря большей рождаемости среди ирландцев. Дело отнюдь не в рождаемости; по большей части, если не всецело, это явление обязано эмиграции из Ирландии, и ирландцы обосновываются в тех местах, которые покидают шотландцы. Оба народа не смешиваются. На Западе мы уже наблюдаем политическое влияние иммигрантов. Во многом благодаря тому факту, что в настоящее время в палате общин у них есть люди, которые якобы представляют избирателей в Глазго и на западе, но на самом деле их не представляют. (Аплодисменты.) Избранными членами парламента они стали благодаря тому факту, что в этих районах имеется огромное католическо-ирландское насе-

ление. Поэтому-то подобные люди попадают из этих районов в парламент, становясь в палате общин источником недостойного поведения и скандалов. (Аплодисменты.) Он не опасался прозелитизма римско-католических священников, но растущее католическое население принесло с собой определенную силу, и в выборах школьных советов, в муниципальных и парламентских выборах они удерживали равновесие. О проблеме легко сказать, но намного труднее разрешить ее. Он полагал, однако, что имеется достаточно фактов и цифр, чтобы Генеральная ассамблея сочла необходимым обратиться к правительству, чтобы то назначило расследование состояния дел, которое, говоря без преувеличений, угрожает самой шотландской нации. (Аплодисменты.) Касаясь второй части доклада, мистер Мэйн сказал, когда по закону об образовании 1918 г. католические школы были переданы в ведение органов образования на всей территории, то это оказалось все равно что оставить их всецело под руководством деятелей римско-католической церкви. По названию они были государственными школами. В действительности же они оставались католическими. В любое время дня могло идти религиозное обучение, могли соблюдаться рели-

гиозные установления, хотя согласно закону об образовании от 1872 года преподавание религии должно вестись в начале или в конце обучения в школе. Нужно призвать правительство внести поправки в закон, чтобы право вводить религиозное обучение предоставлялось всем школам, а не только этим школам. Он выносит свое предложение для одобрения.

Его преподобие Дункан Кэмерон из Килсита выступил в поддержку. В сложившихся обстоятельствах, говорил он, существует риск того, что шотландская нация окажется в опасности, а шотландская цивилизация погибнет. Он приводил официальные цифры, которые показывали, что в 1920 году численность шотландцев, уехавших из Клайда в другие части страны, составляет 24 179 человек, в то время как ирландцев уехало 341 человек; в 1921 году шотландцев было 20 810 человек, а ирландцев — 296; и в 1922 году — 22 427 и 219 человек соответственно. С другой стороны, если пойти к секретарю приходского совета в Глазго, то можно узнать, что в общем числе обратившихся с прошением о пособии в прошлый год не меньше чем 60–70 % составляют ирландцы, хотя доля ирландцев в населении Глазго колеблется от 25 % до 30 %. Благотвори-

тельные организации также сообщили бы, что не менее 70 % тех, кто просил о помощи, имели ирландское происхождение.

Пришло время, чтобы народ Шотландии осознал ситуацию. Характер и дух нашей шотландской цивилизации изменяет во многом чуждый, пришлый народ, живущий среди нас, народ с иными идеалами, верой и кровью. Профессор Филлимор написал, что через поколение римско-католическая церковь в Шотландии будет преобладать, причем ее влияние будет даже больше, чем в восточных штатах Америки — а ведь могущество упомянутой церкви в восточных штатах столь велико, что никто из политиков не посмеет сделать ничего такого, что хоть отдаленно ей враждебно. Вероятно, может наступить момент, когда политические партии не пожелают затрагивать этот вопрос, когда люди, занимающие посты в органах власти, будут опасаться что-то говорить, тогда мы и узрим, как страна перейдет в чужие руки. (Аплодисменты.) <…>

Его преподобие доктор Уайт из Глазго отмечал, что проблема очень сложна, но решать ее необходимо — и очень срочно. И это особо чувствуется на западе страны. Выбор не между католицизмом

и протестантством; вопрос в том, как спасать шотландский народ. Наша цивилизация отличается от культуры этих иммигрантов; самый дух наших институтов во многом различен. Проблема в том, как регулировать поток иммигрантов из Ирландии, из Италии, а также евреев, нужно, чтобы они придали новые силы, но не превратились в угрозу — как переплавить эти разнородные элементы в одно неразъемное целое, чтобы они стали шотландцами, а не остались иностранцами. Необходима регуляция эмиграции, как это осуществляется во всех других странах. (Аплодисменты.) Главная цель доклада — поставить перед обществом требующую срочных и неотложных решений проблему и привлечь к ней внимание государственных деятелей…

Его преподобие Дж. У. Маккей из Киллина отметил, что крайне опасно употреблять в этой связи слово «пришлый». Разве подавляющее большинство англичан не является «пришлым» народом? Разве громадное число протестантов Ольстера не является «пришлым» народом? («Нет».) Он согласен, что иммиграцию необходимо регулировать и что в проведении разумного, государственного регулирования состоит во многом решение указанной проблемы. Он протестует против упо-

минаний мистером Мэйном членов либеральной партии в Глазго. (Правильно, правильно!)

Эрик Лидделл завоевывает золото на Олимпиаде, 11 июля 1924 года
«Эдинбург ивнинг ньюс»

На Олимпийских играх 1924 года в Париже уроженец Эдинбурга, легкоатлет Эрик Лидделл, отказался участвовать в беге на 100 метров, хотя в этом виде соревнований он считался фаворитом и самым реальным кандидатом на победу, потому что забеги были назначены на воскресенье, когда он, как верующий христианин, бегать не может. Вместо этого он принял участие в соревнованиях по бегу на 200 и на 400 метров, в первом случае завоевал бронзовую медаль, а на «четырехсотметровке» одержал победу, преодолев дистанцию с поразительной скоростью и побив мировой рекорд с результатом 47,6 секунды. «Секрет моего успеха на 400 метрах, — сказал он, — в том, что первые 200 метров я бежал так быстро, как только мог. Потом, вторые 200 метров, с Божьей помощью, я пробежал еще быстрее». Впоследствии Лидделл стал миссионером в Китае и скончался от опухоли мозга в

лагере для военнопленных в Японии в 1945 году. Об истории его олимпийской победы рассказано в кинофильме «Огненные колесницы» (1981).

Именно Лидделл первым бросился в глаза, когда бегуны миновали первый поворот. Шотландец мчался в поразительном темпе. Он бежал так, словно был охвачен каким-то воодушевлением, словно какой-то демон. И пока он бежал под громовой рев, знатоки терялись в догадках, не сошел ли Лидделл с ума, таким был темп, в котором он устремился вперед со старта. Кричали: «Лидделл!». «Имбах!» — скандировали швейцарцы, «Тейлор!» — раздавалось с мест хорошо натасканной американской клики; звучали кличи: «Батлер!», «Фитч!». Лидделл, опережая всех на ярды, вышел из поворота на финишную прямую и сразу же ускорился еще больше, потому что немного нагонял Фитч. Приблизился и Батлер, и Имбаха нельзя было сбрасывать со счетов. Только на последних пятидесяти метрах будет ясно, побеждает Лидделл или нет. На секунду стало страшно, что он убьет себя — с такой поразительной быстротой он бежал, но, к радости в британском лагере, он был полон жаждой борьбы. Имбах, наверное, ярдах в пятидесяти от ленточки, упал. Оставались лишь Лидделл и

Фитч. Шотландец так рьяно взялся за дело, что американец не сумел удержаться за ним на дистанции, и к финишу Лидделл пришел первым и в одиночку, что, принимая во внимание сильное противодействие, было просто удивительным. Батлер был третьим, за ним — Джонсон, потом — Тейлор, которому не повезло — он споткнулся за ярд или два до финиша.

Изобретение телевидения, октябрь 1925 года
Джон Лоджи Бэйрд

С юных лет Джон Лоджи Бэйрд, сын священника из Хеленсбурга, был неутомимым изобретателем, начав с телефонного коммутатора, который лишил электроснабжения весь Хеленсбург; позднее он провел электрическое освещение в дом священника, до того освещаемый масляными лампами. В 1903 году, когда Бэйрду было около пятнадцати лет, у него впервые появилась идея телевидения, но лишь на четвертом десятке лет у изобретателя нашлось время на эксперименты. До того его самым успешным изобретением были носки с подогревом. Используя найденные на свалке материалы и работая на чердаке в Лондоне, он в конце концов сумел осуществить передачу первых телевизионных изображений.

Несмотря на все старания… мне не удавалось получить сколько-нибудь достаточно света, чтобы заработали имеющиеся фотоэлектрические элементы, и я решил либо изготовить новый элемент, либо отыскать какой-то способ

использовать селективный селеновый элемент. Были известны два устройства, чувствительные к свету: это фотоэлектрический и селеновый элементы. Фотоэлектрический элемент того времени был настолько нечувствителен к свету, что с него нельзя было получить детектируемых сигналов, если только не осветить ячейку непосредственно мощным лучом света. Такой элемент можно использовать, чтобы продемонстрировать разницу между полной темнотой и лучом света, испускаемым мощной дуговой лампой, поэтому было возможно, помещая на пути такого луча простые фигуры, пересылать их тени; но и речи быть не могло о том, чтобы использовать подобный элемент для настоящего телевидения, где чрезвычайно мало всего имеющегося света, как, например, в случае света, отраженного человеческим лицом.

Селеновый элемент был намного более чувствителен, но все писавшие на эту тему авторы соглашались, что имеется непреодолимое препятствие, мешающее его использованию, — временное запаздывание; чтобы получить отклик на свет, требовалось некоторое, хотя и малое время.

Я предпринимал множество попыток для увеличения чувствительности фотоэлектрических

элементов и искал материалы, которые давали бы большую реакцию на свет. Светочувствительность человеческого глаза, согласно Элдриджу, Грину и прочим, определяется пурпурной жидкостью, обнаруживаемой в сетчатке глаза и называющейся зрительным пурпуром или родопсином.

Я решил сделать экспериментальный элемент с использованием этой субстанции и, зайдя в Чаринг-Кросскую офтальмологическую больницу, попросил о встрече с главным хирургом. Я рассказал ему, что мне нужен глаз для некоей исследовательской работы, которую я провожу со зрительным пурпуром. Он подумал, что я врач, и был готов помочь.

«Вы пришли в нужное время, — заметил он. — Я только что удалил глаз, и вы его получите, если присядете и подождете окончания операции».

Мне вручили глаз, завернутый в вату, — ужасная вещь. Я сделал грубую попытку препарировать его бритвой, но отказался от своей затеи и выбросил эту дрянь в канал. Так как мои старания получить чувствительный элемент без временной задержки оказались бесплодными, я решил испытать селеновый элемент и проверить, что можно сделать — если вообще хоть

что-то можно сделать, — чтобы избавиться от запаздывания по времени. Первым делом я попытался использовать прерывистый луч света, пропуская его через зубчатый диск, который действовал как прерыватель света. Временная задержка не станет помехой. Элемент должен будет распознавать разницу только между прерыванием света и отсутствием прерывания. Тогда бы я мог использовать селеновый элемент, но прерыватель света рассекал изображение на грубые полосы, поэтому ничего нельзя было передать, кроме грубых очертаний. Я отказался от прерывателя и сосредоточился на проблеме преодоления запаздывания по времени.

В качестве объекта в своих экспериментальных передачах я использовал голову куклы чревовещателя. На экране она появлялась в виде испещренного полосками расплывчатого пятна. А происходило вот что: когда свет падает на элемент, ток, вместо того, чтобы тотчас же подскочить до полного значения, нарастает медленно и продолжает увеличиваться, пока на ячейку падает свет. Потом, когда свет исчезает, ток не перестает сразу течь, а только прекращает нарастать и начинает ослабевать, и чтобы дойти до нулевого значения, требуется ощутимое время.

Пока я наблюдал за этим эффектом, мне пришло в голову, что можно от него избавиться или уменьшить, если наложить кривую, представляющую скорость изменения тока, на кривую изменения тока со временем.

Введя в схему преобразователь, мне, в сущности, удалось этого добиться. В тот момент, когда свет падал на элемент, должно было произойти изменение от «нет тока» на «ток». И хотя ток должен быть мал, скорость изменения была велика; и в то время, когда ток из нарастающего становился убывающим, скорость изменения должна была быть максимальной, так что я мог получать, когда требовалось, большой скачок вниз и большой скачок вверх. Мой усилитель представлял собой усилитель с батареей постоянного тока (и источник бесконечных забот). Теперь я решил соорудить второй усилитель, соединенный с батареей, но спаренный с преобразователем, так чтобы один усилитель мог бы выдавать мне кривую «время — ток», а второй давал кривую «время — скорость изменения тока». Затем я собирался комбинировать их, пока не скорректирую временную задержку. И я приступил к осуществлению этой задачи. Я был на верном пути.

Денежные средства истощались, положение

становилось отчаянным, и мы уже тратили последние 30 фунтов, когда, наконец, в пятницу первой недели октября 1925 года, все заработало как надо. Изображение кукольной головы само появилось на экране, и мне казалось, что у картинки почти невероятная четкость. Я добился, чего хотел! Я с огромным трудом верил своим глазам, чувствуя, как трепещу от возбуждения.

Я сбежал по короткой лестнице в контору мистера Кросса, схватил за локоть местного рассыльного Уильяма Тэйнтона, затащил наверх по ступеням и поставил его перед передатчиком. Потом я бросился к приемнику — и лишь для того, чтобы увидеть пустой экран. Уильяму не понравились мигающий свет и жужжащие диски, и он отошел в сторону от передатчика. Я дал ему 2 с половиной шиллинга и подтолкнул на нужное место. На этот раз все получилось, и на экране я увидел мигающее, но совершенно узнаваемое изображение лица Уильяма — первое лицо, увиденное по телевизору, — и то его пришлось задобрить двумя с половиной шиллингами за привилегию удостоиться подобной чести.

Рождение мисс Джин Броди, 1929 год
Мюриэл Спарк

Созданная романисткой Мюриэл Спарк школьная учительница мисс Джин Броди превратилась в бессмертный литературный персонаж. Спарк, родившаяся в 1918 году, училась в женской школе Гиллеспи в Эдинбурге и уже тогда была известна в школе как «поэтесса и выдумщица». Она стала одним из лучших писателей своего поколения, большую часть жизни проведя вдали от Шотландии — жила в Африке, в Лондоне, Нью-Йорке, Риме, а в последнее время — в Тоскане. Но Спарк никогда не забывала свою родину и о том, какое влияние она оказала на ее воображение и писательский дар. Ниже она описывает, откуда взялась ее любимая, но зловещая школьная учительница.

Стены нашей классной комнаты до сих пор увешаны нашими собственноручными картинами и рисунками, записями о путешествиях, страницами из «Нэшнл джиографик», изображениями экзотических животных и птиц. Но теперь я перехожу к мисс Кристине Кей, тому

персонажу в поисках автора, чья классная комната была украшена репродукциями старинных картин и полотен эпохи Возрождения, шедевров Леонардо да Винчи, Джотто, фра Филиппо Липпи, Боттичелли. Она позаимствовала их из старшего художественного отделения, которое возглавлял красавец Артур Кулин. У нас были картины голландских мастеров и Коро. А еще — вырезанная из газеты фотография с марширующими по улицам Рима фашистами Муссолини.

Я попала в руки мисс Кей в возрасте одиннадцати лет. Можно было бы сказать, что это она попала мне в руки. Ни она не знала, ни я не подозревала, что она несла в себе семена, из которых возникла будущая мисс Джин Броди, главная героиня моего романа, пьесы, идущей в Уэст-Энде в Лондоне и на Бродвее, кинофильма и телевизионного сериала.

Не знаю точно, почему я выбрала такое имя для мисс Броди. Но недавно я узнала, что Шарлота Рул, та юная американка, которая учила меня, трехлетнюю, читать, была до своего замужества мисс Броди и работала учительницей в школе. Неужели я услышала тогда об этом, и этот факт запечатлелся в моем подсознании?

В каком-то отношении мисс Кей нисколько не

похожа на мисс Броди. В другом отношении она много выше и превосходит свою коллегу. Если бы она встретилась с «мисс Броди», то мисс Кей твердо бы поставила придуманную героиню на место. И все же не нашлось пока ученицы мисс Кей, которая не узнала бы ее, с радостью и с огромным чувством ностальгии, в образе мисс Джин Броди в расцвете лет.

Она немедленно поразила мое воображение. Уже тогда я начала писать о ней. Ее рассказы о путешествиях были захватывающими, фантастическими. Помимо обычных школьных эссе о том, как я провела каникулы, я сочиняла стихи о том, как она проводила свои разнообразные каникулы (в Риме, например, или в Египте, или в Швейцарии). Я думала, что ее жизнь намного интереснее и насыщенней, чем моя, и она ей нравится. Фрэнсис [Нивен] тоже совершенно подпала под ее очарование. В действительности, мы все были ею очарованы, как свидетельствуют многочисленные письма, которые я время от времени получаю от бывших учеников мисс Кей.

Мне всегда нравилось наблюдать за учителями. В нашем большом классе было сорок девочек. Такой многочисленный, в полном составе, класс становится, по существу, настоящим театром:

на сцене, перед сидящими рядами зрителями, выступает единственный актер.

С первых своих дней в школе меня интересовало не то, что говорят на уроках некоторые учителя, больше всего меня занимал их внешний вид, одежда, жесты. В случае мисс Кей меня увлекало и то, и другое. Она была идеальным преподавателем драматического искусства, и неудивительно, что ее реинкарнация, мисс Джин Броди, всегда считалась «хорошей ролью для актрисы».

Не то чтобы мисс Кей переигрывала; на самом деле, она вообще не актерствовала. Она была благочестивой христианкой, глубоко вникала в Библию. И речи быть не могло о романе с учителем рисования или о любовной связи с преподавателем пения, как это произошло в жизни мисс Броди. Но дети быстро постигают существующие возможности: в замечании, сделанном, возможно, в каком-то контексте, не относящемся непосредственно к беседе; во взгляде; в улыбке. Нет, мисс Кей не была в буквальном смысле мисс Броди, но думаю, что у мисс Кей было внутри что-то такое, нечто нереализовавшееся, чтобы она превратилась в придуманный мной персонаж.

Годы и годы спустя, через какое-то время по-

сле публикации «Джин Броди в расцвете лет», Фрэнсис Нивен (ныне Фрэнсис Коувелл), моя дорогая и самая лучшая подруга тех лет, заметила в письме:

«Наверняка на 75 % это мисс Кей? Дорогая мисс Кей! С подстриженными седеющими волосами и с челкой (и с густыми черными усиками!) и с не ведающим сомнений восхищением дуче. Это ее выражение „сливки общества“ — это ее, столько мне открывшие, дополнительные уроки рисования и музыки, которые я до сих пор помню. Это ведь она взяла нас с тобой (мы же были особые ее любимицы? часть пока не возникшего „клана Броди“) на последнее выступление Павловой в театре „Эмпайр“. Кто, как не она, водил нас на послеполуденный чай в „Мак-Виттис“».

Эвакуация Сент-Килды, 29–30 августа 1930 года
«Глазго геральд»

К 1930 году на некогда процветающем острове Сент-Килда оставалось всего тридцать восемь человек, и многие из них были уже стариками. Десятилетия население влачило в тех суровых условиях жалкую жизнь, которая становилась все хуже, и после Первой мировой войны, которая дала немногим возможность одним глазком взглянуть на большой мир, недовольство почти средневековым укладом жизни только ширилось. По мере того как сокращалась численность здоровых и трудоспособных островитян, а урожаев не было, усугублялись и лишения общины, жизнь которой зависела от тех, кто был способен лазать по скалам и ловить глупышей и тупиков, составлявших главный продукт питания на острове. Когда пришло время для окончательной эвакуации, сожалений у покидавших остров почти не было. Многие, не испытывая никаких сентиментальных чувств, продавали алчущим охотникам за сувенирами прялки и кувшины

для масла, эти реликты уникального аванпоста цивилизации. Кто-то из жителей вывесил в окне записку: «Продаются реликвии Сент-Килды. Заходите и спрашивайте».

Обан, 29 августа, пятница

Морщинистый низкорослый мужчина в куртке, застегнутой по горло, на все пуговицы, так что лишь немного виднелся красный шейный платок, и в изрядно заплатанных синих штанах стоял с меланхоличной дворняжкой возле крытого торфом погреба-клейта у подножия Руаивала и напряженно вглядывался в море между мысом Колл и Левенишем, высматривая что-то в восточной части горизонта.

Ниже и впереди него находилась деревенская бухта, или Лох-Хирта, как ее называли некоторые, единственное место, пригодное для высадки на остров… Страж на утесе и промокшая собака дежурили на скале с рассвета, терпеливо и не выказывая усталости. Так поступали многие из жителей острова, но мало кто намеревался выйти на повторную вахту. Дождь налетал вместе с резкими порывами шквалистого ветра, но мужчина продолжал стоять, и влага сверкала на его темных бровях. Белый туман скрывал Левениш, в нем тонули море и небо, а вот человек оставался

на месте.

Жители острова ждали уже два дня. Затем внезапно мужчина выпрямился. Вдалеке на воде, там, где лежит, закутанный в облака, пролив Харрис, неясно обрисовались очертания узкого парохода. Мужчина ожил, слегка стукнул собаку палкой и неуклюже зашагал по уступу, неся новости в деревню.

Его вахта завершилась. Замечено последнее транспортное судно, на котором уплывут островитяне, покидающие дикую вулканическую скалу в Атлантике.

Пока мужчина с собакой, направляясь к деревне, пересекали окруженные канавами пастбища, на волнах между мысами качался корабль «Замок Дунара», в задачу которого входила перевозка овец с холмов и незатейливого имущества населения. Потом за людьми должен будет прийти корабль Адмиралтейства, который и подведет черту под всей историей.

Это было начало конца Сент-Килды как человеческого поселения. Беглые зарисовки с наблюдателем были сделаны в среду. В четверг рыболовное судно «Колокольчик», получившее задачу вывезти всех с острова, пришло из Левениша и бросило якорь возле «Замка Дунары».

Драматичность эвакуации внезапно придало появление военно-морского флота. Запели на палубе сигнальные трубы. Сразу же со шлюпбалок опустили шлюпку. Трех офицеров, сверкавших плетеными галунами, повезли на берег матросы в белых парусиновых одеждах…

Вскоре в бухте началось оживленное движение. Черные плоскодонки Сент-Килды, с захлестывающей доски настила морской водой, странно контрастировали со сверкавшим эмалью и начищенной медью кораблем военного флота.

Все утро между причалом и пароходом курсировали овцы, коровы, шкафы, столы и брезентовые мешки — все это грузили на «Замок Дунара».

Особо примечательна была погрузка косматого хайлендского скота. Большие рыжевато-коричневые животные следовали за лодками на буксире от берега к кораблю, а потом их затаскивали на борт, накинув петлю на рога. Глаза у коров были выпучены, шеи напряженны, животы вздувались.

Не успело утреннее солнце растопить туманы на Конахейре, а стойла между палубами «Замка Дунара» были забиты овцами, горными, черномордыми и всякими кроссбредами, походившими на нубийских козлов, а в трюмы

складывали имущество экономных хозяев…

Последняя черная лодка отвалила незадолго до полудня. На «Замке Дунара» задраили люки, подняли якорь, судно развернулось и запыхтело в сторону выхода из бухты. Протяжные гудки прозвучали последним прощанием, эхом перекатываясь до самой вершины Конахейра.

В дверях двух домиков трепетали белые простыни. У кого-то перехватило горло…

Жители Сент-Килды, последнего островка из опоясанных морем Гебридов, примостившегося на краю великого Атлантического плато, в том месте, где дно океана круто обрывается, уходя на невообразимые глубины, спокойно готовились к отъезду, начиная с понедельника, за четыре дня до этого. Прибытия «Замка Дунара» ожидали примерно вечером в понедельник. Все зависело от погоды…

В деревне начали собирать и упаковывать вещи и имущество… Женщины принимались за работу, когда солнце поднималось над пятнистыми склонами Конахейра. Мужчины отправлялись на Муллак и Карн-Мор, пики гористого острова, вместе с пастухами и собаками с Внешних островов они сгоняли овец, которые нашли себе убежище среди скал и уступов…

В темноте я отправился в гости в один из домиков… Меня приветствовали на гэльском языке, на котором тут говорили, поскольку английским владели посредственно. Через маленькую прихожую, заставленную нагруженными ящиками, я прошел в гостиную.

Обитатели Сент-Килды вовсе не забытый народ, живущий в «черных домах». По меркам большинства островитян, их дома вполне уютны и комфортабельны. Ничто здесь не напоминает лачугу, какую мне довелось однажды видеть на острове Скай, где была такая низкая крыша, что приходилось заползать на четвереньках, и которая тем не менее дала двух столичных полицейских.

Когда я вошел в домик на Сент-Килде, то хозяин и трое его сыновей только что вернулись из негостеприимных холмов, и от них, одетых в синие рыбацкие фуфайки и латаные-перелатаные штаны, в тепле дома валил пар. Одинокая масляная лампа бросала глубокие тени на дощатые стены, оклеенные вырезанными из газет иллюстрациями и литографиями. Возле открытого очага стояла кастрюлька; в ней был ужин семейства: засоленная баранина — обычная у них еда — с овсянкой, подливкой, ячменными лепешками,

а еще особые блюда островитян — засоленный глупыш и жареный тупик, пища народа искуснейших птицеловов.

В углу приткнулась метла из бакланьего крыла, которой подметали каменный пол. Эта метла, как сказала мне мать семейства с Сент-Килды, намного лучше веника из вереска, но она относится к предметам гигиены более поздних дней, так как некогда жители Сент-Килды оставляли мусор на полу своих жилищ и вычищали его раз в год.

Как обычно, за работой женщины разговаривали между собой, мать сидела за прялкой, а дочь 13 лет, с замечательными волосами — что редкость среди обитателей этого острова, — ловко чесала шерсть ручными инструментами.

Вчера утром я проснулся рано — меня разбудила следующая фаза исхода. Сквозь крепкий сон на полу в здании школы… я услышал равномерный топот и быстрый, невнятный говор на гэльском. Обычно по утрам меня будило блеяние полутысячи овец, дожидавшихся погрузки на корабль.

Я встал и выглянул в окно — белый холодный туман проплывал по склонам Ойсевала и расползался клочьями по бухте. Через поле, в сторону школы, примыкавшей к зданиям церкви, шла из деревни вереница жителей Сент-Килды, на

спинах они несли кто ящики, кто мебель… Теперь они были готовы и ждали только «Замок Дунара», и мужчины со склонов Руаивала обозревали горизонт, подобно Кортесу на горной вершине в Дарьене…

Может, «Замок Дунара» придет в этот день, а может, и не придет. Мы ждем паруса, как Робинзон Крузо. А пока ждем, у нас есть уйма времени, когда о многом можно поразмыслить. Мы вот-вот покинем остров, где люди жили со второго века… Пролетит несколько коротких часов, какими исчисляют время на этом острове, где настенным часам, как и всем механическим устройствам, суждена короткая жизнь, и очаги превратятся в холодный камень и люди уйдут и рассеются по незнакомым им местам.

Двое из них, Эван Макдональд и его сестра… никогда прежде не покидали Сент-Килду. Они впервые увидят дороги, лошадей, поезда, но для чего?

Переселение с острова, где были особая жизнь и обычаи, на «большую землю», где правят общепринятые упорядоченность и однообразие, будет благотворным. Больше не надо будет нарезать торф на Муллак-Мор и хранить его в каменных, сложенных без раствора, клейтах. Больше не

нужно будет обитателям Сент-Килды, сбивая босые ноги, бесстрашно взбираться по скалам Конахейра, на головокружительную высоту в 1000 футов над бурным морем, чтобы отыскать глупыша, этого скунса среди птиц, чьи мясо, жир и перья когда-то были так важны для поддержания жизни. Манильские канаты в 60 фатомов будут позабыты и заброшены, так же как просоленные воловьи шкуры и стренги из конского волоса их отцов.

Август уже почти закончился. Молодого глупыша никто не тревожит. Скоро наступит сентябрь, но никто не разорит гнезд неопытных олушей. Парусник совершил последнее плавание в Боререй, где мужчины долгими летними месяцами стригли овец. Женщины перестали заниматься ловлей в силки тупиков и «тэмми норри», чистиков, которые на вид как попугаи, а на вкус — как копченая селедка.

Маслобойка — предмет курьезный, и ручные мельницы ушли к коллекционерам. Теперь и остров Сент-Килда ушел в историческое прошлое. Драма окончена.

Ореол Бернса потускнел, 1930 год
Кэтрин Карсуэлл

Публикация оригинальной биографии Бернса, написанной Кэтрин Карсуэлл и напечатанной несколькими частями в «Дейли рекорд», произвела сенсацию среди членов «Союза Бернса» и почитателей поэта, которые были глубоко оскорблены тем, как автор изобразила поэта — отнюдь не праведником, любителем попоек и разгула и изрядным волокитой.

Этим утром (через газету, на страницах которой печаталась книга) я получила анонимное письмо с вложенной в него пулей, которую мне просили использовать для себя, дабы мир мог стать «светлее, чище и лучше». Итак, со всей очевидностью, веселье началось. О Шотландия, страна моя!

Лохнесское чудовище, 1933 год
Р. Т. Гущ, лейтенант-коммандер Королевского флота (в отставке)

Впервые в печати о лохнесском чудовище было упомянуто в «Жизни святого Колумбы» Адамнана: миссионер якобы убедил злобное морское существо не глотать монаха, товарища Колумбы, а закрыть свои страшные челюсти и уйти с миром. Однако только в 1933 году появилось первое газетное сообщение о чудовище — известие о том, что его видели, опубликовал «Инвернесс курьер», после чего газеты запестрели рассказами о встречах с загадочным животным. Появление чудовища настолько взволновало местных жителей, что власти выставили полицейское оцепление вокруг озера, чтобы никто не пострадал, когда монстр появится вновь. Репортажи привлекли внимание одного увлеченного изучением морской фауны натуралиста-любителя, который считал себя кем-то вроде эксперта по морским змеям. Он провел собственный тщательный анализ фактов и побеседовал с пятьюдесятью одним очевидцем.

Когда я отправился на Север, то решил относиться к лохнесскому «чудовищу» с непредубежденностью, не позволяя омрачать свое отношение сожалением, что множество честных, но заблуждающихся людей подняли (как я полагал) совершенно ненужный шум, приняв гуся за лебедя. Из всех возможных или мыслимых вариантов один сильнее всего запал мне на ум — что придется столкнуться с большим числом свидетельств, утверждающих, что морское животное, в существование которого подавляющее большинство образованных людей не верит, поселилось в пресной воде озера-лоха. И все же, «факты — упрямая вещь...» и только абсолютно ненаучный ум возьмется отвергать заявления о фактах как о невозможных априори, без исследования данных, на которых основаны эти утверждения.

В рамках статьи невозможно дать даже в кратком виде адекватное изложить свидетельств из первых рук, которые я собрал и которые надеюсь опубликовать полностью в скором времени. Но несколько примеров позволяют судить об их характере.

Самая поразительная особенность лохнесского «чудовища», — которая отличает его, по типу, от

всех прочих известных живых существ, — это очень длинная и тонкая шея, каковую оно способно поднимать над водой и весьма значительно. Наблюдения мистера Б. А. Расселла, магистра искусств, школьного учителя в Форт-Огастесе, были проведены 1 октября 1933 года почти в идеальных условиях. Он находился на возвышенности, обращенной к юго-западной оконечности озера, на высоте примерно в 100 футов над уровнем воды. День был ясный и солнечный, поверхность озера — гладкой, как стекло. Дымки не было, и животное наблюдалось на протяжении 12 минут (с 10:10 до 10:22 утра), оно медленно двигалось слева направо на максимальном удалении в 800 ярдов и минимальной — в 700 ярдов.

Очевидец увидел, а впоследствии и зарисовал, маленькую, как у змеи, голову на змеиной, по-лебединому изогнутой шее темного цвета, голова возвышалась над водой на пять футов и изредка поворачивалась из стороны в сторону. Туловища очевидец не разглядел, но по бокам шеи, в той точке, где она уходила в воду, расходилась V-образная рябь. В конце концов тварь медленно погрузилась в воду и исчезла. Как он говорил мне, прежде он не был склонен верить, что какое-то крупное животное (вероятно, большой

тюлень) проникло в озеро, — но он никогда не предполагал, что увидит нечто, имеющее такой «доисторический» облик.

Точно так же голову и шею и изредка проглядывающее тело заметили из «Хафуэй-хауса» в Олсайте, в том числе — мисс Дж. С. Фрейзер и мисс М. Хауден, 22 сентября, около 11 часов утра. В этом случае также (как и почти во всех) условия видимости и т. д. были практически безупречными. Мисс Фрейзер заметила два напоминающих оборку отростка в месте соединения головы с шеей…

Позднее в тот же день тварь видели у Балнафойха, что существенно дальше по озеру в сторону Инвернесса. Тогда скорость животного по поверхности можно оценить в 15 узлов — можно припомнить, что такой же скоростью обладало существо, увиденное моряками на «Дедале» (1848), и то животное, какое заметил в 1893 году капитан Р. Дж. Крингл с парохода «Умфули»…

Большинство очевидцев, однако, наблюдали вовсе не поднятые над водой голову и шею. Гораздо чаще тварь представала в виде большого темного горба, или горбов, движущегося по воде и оставляющего позади значительное волнение, а изредка — и по бокам от себя. Количество гор-

бов варьируется; чаще отмечается один большой горб — похожий на спину дельфина-касатки, за исключением спинного плавника, — но два горба, один крупный, второй, поменьше, впереди, разделенные полосой воды, также видели несколько очевидцев.

На указанное обстоятельство пролили свет свидетельства трех дам — мисс Рэттрей, мисс А. Рэттрей и мисс М. Хэмилтон, магистра искусств, — которые наблюдали тварь у Дореса 24 августа. Оно появилось за кормой рыболовного дрифтера, следуя за ним в сторону Инвернесса, и выглядело чередой пяти темных горбов, причем второй (считая от начала) был значительно крупнее и выше торчал над водой, чем прочие, а четвертый и пятый были несколько короче и ниже первого и третьего. Горбы (которые, как нарисовала мисс Рэттрей, поразительно напоминают животных, увиденных возле Глостера в штате Массачусетс в 1817 г. и в Лох-Хурне в 1872 г.) слегка поднимались и опускались, пребывая в волнообразном движении, а иногда все горбы ровно, не раскачиваясь, погружались или появлялись из воды. В результате порой было видно то пять горбов, то три (два последних скрывались под водой), а изредка на поверхности оставался

только самый большой (второй) горб.

Кстати, общепризнанная теория «школы дельфинов» здесь неприменима; движение совершенно отличалось от этого случая, и никто не видел никаких спинных плавников. Средняя из трех независимых оценок длины линии горбов, в сравнении с дрифтером, дает величину, по меньшей мере, в три четверти длины судна. Как я установил, этим кораблем был «Гранд хэй» из Лоссимута, имеющий в длину 88 футов.

Один очевидец (господин Шоу из Уайтфилда), видевший «одногорбое чудовище», заметил, как под водой и на маленьком расстоянии впереди горба что-то совершало волнообразные движения вверх и вниз, но на поверхности так и не появилось, а другой свидетель (мисс К. Макдональд) наблюдала по сторонам горба постоянные всплески — по-видимому, их производили два объекта, «двигавшиеся, как весла»...

Предварительный анализ моих данных позволяет сделать следующие выводы. «Чудовище» имеет в длину по меньшей мере 50 футов или около того, а максимальный диаметр его туловища примерно 5 метров. Шея и хвост длинные, сужающиеся к концу. Голова сравнительно маленькая, по ширине не больше поперечника шеи, — кото-

рую оно способно поднимать на значительную высоту над водой. Цвет тела, при ярком свете, неопределим, иногда он представляется темно-коричневым или темно-серым. Кожа негладкая, на вид шершавая (но не чешуйчатая). Вдоль спины проходит небольшой гребень, имеющий более темную окраску. Тело кажется в какой-то степени гибким, способным изгибаться как в вертикальной плоскости, так и в боковой. По сторонам головы, там, где она переходит в шею, имеются маленькие отростки, возможно, жабры. Наконец, у него есть по крайней мере два, а возможно, и четыре гребных плавника или ласта.

В целом, несмотря на сторонников теории «выжившего плезиозавра», эти свидетельства и прочие случаи появления «морского змея» наводят меня на мысль, что больше всего «монстр» напоминает чудовищно увеличенную, длинношеюю морскую разновидность обычного тритона. Однако это предмет для исследования квалифицированного зоолога с незашоренным умом.

Во всяком случае, вполне возможно, что в Лох-Нессе водится по крайней мере один экземпляр редчайшего и изученного менее всех живого существа. Если оно не появляется в озере извне

и не покидает его — а так может быть, — то «чудовище» находится там несколько лет; у меня имеются свидетельства из первых рук, что его видели в озере в 1932 и 1931 годах, а также есть рассказы о нескольких появлениях «чудовища» еще раньше. Предположительно, «чудовище» отыскало дорогу в Несс ночью, во время подъема воды, и обрело в озере превосходное убежище от естественных врагов, кашалота и косатки.

Гувернантка королевы, 1933 год
Мэрион Кроуфорд

В возрасте двадцати четырех лет робкая молодая женщина из Килмарнока стала гувернанткой принцессы Елизаветы — известной как Лилибет — и принцессы Маргарет Роуз, живших в доме 145 по Пикадилли. Мэрион Кроуфорд была любимым членом семьи, пока, после отставки, не опубликовала воспоминания о своих юных подопечных. Королевская семья пришла в ярость и порвала с нею все связи. Из своего дома, стоявшего на дороге между Абердином и Балморалом, несчастная Кроуфорд, возможно, видела, как мимо проезжают королевские автомобили, а из пассажиров никто и головы не повернет в ее сторону. Некоторые считают, что опубликовать эту безобидную и полную нежных слов биографию ее уговорил муж, который был сильно обижен тему что ему пришлось несколько лет ждать свадьбы, потому что назначенное время для встречи с невестой не удовлетворяло требованиям королевской семьи. После смерти мужа Кроуфорд попыталась совершить самоубийство. Через несколько лет

она умерла, так и не прощенная своими работодателями.

Я оказалась в совершенно домашней и скромной атмосфере. В этом доме центром всего, несомненно, были детские. Располагались они на верхнем этаже — уютные, солнечные комнаты, выходившие на лестничную площадку под большим стеклянным куполом. Вокруг купола стояло тридцать с лишним игрушечных лошадок, на колесиках и в фут высотой.

«Тут мы устроили для них конюшню», — объяснила Лилибет и показала мне, что у каждой лошадки имелось собственное седло и уздечка, которые сами девочки содержали в безупречной чистоте и регулярно полировали… В конюшнях поддерживался строгий порядок. Со всех лошадок на ночь снимали седла, их нужно было должным образом покормить и напоить. Что бы ни происходило, эта каждодневная обязанность исполнялась неукоснительно. Одержимость игрушечными лошадками продлилась до тех пор, пока важнее не стали настоящие лошади, что случилось несколько лет спустя, но даже тогда о старых друзьях не забывали. Много лет лошадки стояли, выстроившись в ряд, в одном из коридоров Букингемского дворца, и рядом лежала

корзинка с принадлежностями по уходу за ними.

Среди любимых игр Лилибет, в которую она играла много лет, была такая: девочка надевала на меня пару красных вожжей, с бубенчиками на них, и мы так скакали, развозя зелень. За мной ухаживали, ласково похлопывали, кормили из торбы, резко дергая за поводья, останавливали возле воображаемых домов, и Лилибет продавала воображаемую зелень выдуманным покупателям, ведя с ними долгие и задушевные беседы.

Иногда она шептала мне: «Кроуфи, притворись нетерпеливой. Так надо. Ударь пару раз копытом». Так я и била копытом.

Чудесно бывало морозным утром, когда мое дыхание вырывалось облачками пара: «Как у порядочной лошадки», — говаривала довольно Лилибет. Порой она сама превращалась в лошадку, прыгала и скакала вокруг, бочком подступая ко мне, тычась носом в карманы в поисках сахара, издавая убедительное тонкое ржание.

Кроме игрушечных лошадок, в большом мире были и другие четвероногие друзья. Подвода пивовара, запряженная парой превосходных лошадей, нередко останавливалась на Пикадилли прямо у дома, дожидаясь сигнала светофора. Там они и стояли, окутанные облаками пара в зимние

вечера. Маленькие девочки, прижавшись носами к окну детской, с нежностью наблюдали за ними, тревожась, если те опаздывали. Ведь с лошадьми, везущими большую подводу, на мокрой улице всякое может случиться. И усталые маленькие пони, торопившиеся под конец дня по домам, таща тележки уличных торговцев, даже и не думали о том, сколько королевского сочувствия они пробуждают, под взглядами из того окна на верхнем этаже.

Эдинбург и его уличные девки, 1934 год
Эдвин Мюир

В 1934–1935 годах писатель Эдвин Мюир путешествовал по Шотландии, чтобы измерить температуру своей страны, и проделанный анализ привел его к весьма безрадостным и горестным выводам. Вот какие впечатления оставила у него столица.

На расстоянии броска камня от одного конца Принсес-стрит начинается променад совершенно иного свойства. Это Лейтстрит и ее продолжение Лейт-уок — длинный широкий бульвар, с несколькими большими старыми зданиями, которые со временем опустились до статуса многоквартирных домов для рабочего класса. Здесь, вместо уютных кондитерских и вестибюлей роскошных гостиниц Принсес-стрит, вдруг обнаруживаешь себя в окружении кафе с мороженым, пабов, баров, где подают рыбу с жареной картошкой. В одном месте два потока гуляющих сближаются друг с другом до нескольких ярдов; однако они ничуть не смешиваются,

столь сильно ощущение социальной дифференциации, воспитанное городской жизнью. Гуляющие разворачиваются, достигнув некоего невидимого барьера, по-видимому, об этом даже не задумываясь, словно бы все происходит во сне; и если какой-нибудь случайный пешеход, по необходимости или по прихоти, ступит на вражескую территорию, то вскоре, испуганный, поспешит как можно скорее вернуться обратно. Единственный класс, который стоит выше этого запрета, — проститутки. Как пролетариат, они живут в самых бедных районах, но главное место их промысла — Принсес-стрит, и она для них престижна и знакома, как служебный адрес. Но, по-видимому, их занятие остается единственным в современном обществе, которое служит всеобщим растворителем всяких социальных разграничений; и в действительности это объясняется тем, что они молчаливо поставлены вне всего общества, в котором постоянно действует закон классовой принадлежности. Обычная толпа, не имеющая этой власти бесклассовости, разворачивается, дойдя до определенной точки. Средние классы, верхние и нижние, светские люди, богатые бездельники, служащие контор и банков, коммивояжеры, студенты слоняются

по Принсес-стрит, потому что, не осознавая того, считают эту улицу неким заповедником, где они могут чувствовать себя совершенно непринужденно и беззаботно и куда никто не посмеет вторгнуться. И этот расчет оправдывается. Они изолированы там столь же хорошо, как если бы находились за запертыми дверьми.

Голодная проститутка, 1935 год
Ральф Глассер

Ральф Глассер рос в еврейском квартале Горбалз, в годы между Первой и Второй мировыми войнами, и в четырнадцать лет пошел работать на фабрику одежды. По вечерам он многие годы учился и сумел получить стипендию в Оксфордском университете. Впоследствии он стал психологом, экономистом и видным мемуаристом. В этих воспоминаниях он рассказывает о разговоре, что произошел у него с товарищем, с которым они вместе работали на фабрике. Однажды вечером они возвращались домой пешком через Солтмаркет; этот район был особенно безлюден, плохо освещен и славился тем, что его облюбовали проститутки.

Как-то очень поздно вечером, около десяти часов, мы шли домой с фабрики по погруженным в тишину улицам. Что-то в его [Алека] настроении навело на мысль, что ему хочется поговорить.

Я сказал:

— У тебя когда-нибудь было с одной из них?

— Да, несколько раз, — отозвался он с напуск-

ным безразличием, — когда в моей норе совсем херово было. Тады была моя первая шлюха, мне тады пятнадцать было. Тока щас вот об ней подумал! А ваще-то я много о ней вспоминал. С ней я тады впервой как надыть потрахался! — Он помолчал. — Но не в том причина. Она была… даж не знаю, как те сказать-то. Она была вся такая горячая, все понимала, ну, настоящая была. Она так хотела, штоб мне хорошо было! С ней мне было как ни с кем больше. Никогда ее не забуду. Никогда. Така милашка, худое личико, с рыжими волосами, бледненькая, дрожала на холоду, в тонком пальтишке и юбке. Чуток постарше меня была, где-то лет двадцать пять. А еще с колечком обручальным.

Он вытянул вперед губы:

— Это был день зарплаты, снег валил, холодно, я шел с фабрики, поздно вечером, устал, как собака. И с чего, стал-быть, по Солтмаркету пошел, не помню. Иду, ни о чем таком и не думаю. Вдруг рядом эта милашка, хвать за руку и грит: «Пшли, покажу чего интересного!» Ну и затягивает в большую темную арку, и не успел ниче понять, как она руку мою себе под юбку сует… Иисусе, как щас это чувствую! А потом гладит и не останавливается! Никакого стыда! А сама грит, тихо так

и нежно: «Не волнуйся. Я подожду. Тебе со мной хорошо будет». Потом крепко обнимает меня, целует, будто взаправду хочет. А через минуту вздрагивает и грит: «Ах, как тут холодно! И мне есть хочется. Дай мне шестипенсик, и я схожу куплю пакет рыбы с картошкой».

Он фыркнул.

— Коль шлюха такое скажет, не верь! Не вернется! Но я-то пацан был. И она была со мной добра и ласкова. Да и с виду ей чего пожрать надо было. Ну и дал целый шиллинг. А матери сказал бы, что посеял по дороге домой. Ну и не особо соврал бы. Она взяла шиллинг, схватила точно это золотой соверен был. И грит: «Ты подожди тута, передохни. Я мигом».

И с этим ушла, а я остался стоять столбом, один, гадая, че дальше будет. И чувство такое, что этот свет впервой увидел. Ну, многое впервой видишь. Думал, как ходит тут, голодная, в Богом забытом месте, а кругом кучи лошадиного дерьма, снег еще белый лежит. Пустота и одиночество. И что за горе в такое время шлюху из дома гонит. И в каком она отчаянии. Подцепила пацана, выудила у него шиллинг — на пакет рыбы с картошкой, да пенни на газ, да на пинту молока! И она для меня ниче не значит, и я для нее — ничего. А через

миг — мысля: «Не-а. Не так! Что-то во мне есть. Не было бы, с чего тогда волноваться! Это что-то значит!» Ну и дрожать начал, стоя там под аркой, холод от мостовой по ногам стал пробираться. Одного хотел, штоб ее теплое тело вновь ко мне прижалось, все такое мягкое, никаких слов не надыть, просто штоб рядом со мной была. Ну и начал гадать, есть ли разница — ее трахать или с сестрой перепихнуться.

Наверное, я не должен был испытывать шок, но я был потрясен и, должно быть, как-то выдал свое потрясение или, по крайней мере, удивление, возможно, чуть сбившись с шага или вопросительно склонив голову, потому что он изумленно посмотрел на меня.

— Так ты, видать, еще и ни с кем?..

Я покачал головой, не уверенный, какие слова тут уместны.

— Да брось! — сказал он, не веря мне. — Неужели сестры не показали тебе, что к чему? Да я поставлю сто против одного, что ты ни одного парня не найдешь, кто не ходил бы к старшей сестре, кто б с ней не был! Да когда много-много раз спят в одной и той же кровати, ночь за ночью! Так у тебя и вправду ничего не было? И не гри, что тебе все равно!

— Нет. В самом деле это правда. — Я пытался найти какое-то оправдание. — Может, потому, что они намного меня старше.

Большинство родителей в Горбалз, стараясь внушить общепринятые запреты, сражались с противником, имеющим такой подавляющий перевес, что одолеть его невозможно. После определенного возраста мальчикам и девочкам даже раздеваться в присутствии другу друга не разрешали, но в большинстве семей им приходилось спать если не в одной и той же кровати, то в одной и той же комнате, так что эти законы оказались никому не нужными, «мертвыми буквами»…

Алекс недолго помолчал.

— Лады, может, оно и так. — Он выбросил это из головы. — В любом случае, моя-то сестра несколько лет со мной баловалась. С моим-то малышом она игралась в нашей кровати, когда у меня и волос еще не было. А как куст вырос, так снова начала, в свою целку засунула…

Воспоминания взволновали его:

— Боже, что за ночка то была! Гадали, че за большое кровавое пятно у нас в кровати. Хотя как она впервые его увидела, то так обрадовалась! Не, просто не в себе была, точно надралась. Не мог понять, че это с ней…

Ну, после решили, штоб она прикинулась, будто у нее месячные невовремя! До сего дня не уверен, поверила ли ей мать! До сих пор ничего не сказала. Опосля сестра заставляла меня ее трахать раз за разом, иногда почти каждую ночь! Но это все неправильный перепих, она никогда не позволяла в нее кончать. Она всегда знала, когда дойдет до нужного момента, и меня отталкивала. Ну, перестала она это, когда ей было около шестнадцати. У меня была мысля, что отец Милан, увидев, что я уже совсем большой парень, однажды с ней пошептался на исповеди и сказанул, что это плохо для ее бессмертной души! Да и мне то же сказал. Откель узнал, сам догадайся. Попы, чтоб их! До всего-то им дело есть, везде сунуться надо.

Я терялся в догадках, не свернет ли он на знакомую тему, непристойные разговоры о священниках и прихожанках. Но не на этот раз. Давняя случайная встреча на Солтмаркет все эти годы сияла в нем, глубоко запав в память и душу, и ему хотелось выговориться.

— Ну, как я грил, стою я там в арке, мерзну. Снова снег пошел. Ни души вокруг. Той ночью, видать, все шлюхи по домам остались. Ну и начинаю думать, а вернется ли она. А потом слышу

быстрые шаги, приглушенно так, из-за снега. И чую запах картошки и уксуса, а через миг она ко мне прижимается в темноте. Дрожит и трется, штоб потеплее было. И знаешь что? Она ни крошки не съела, пока ко мне не вернулась. Только тогда начала есть, и, видать, очень голодна была, так как ела рыбу и картошку, словно несколько дней ничего не жрала. А когда почти доела, встала рядом, наклонилась ко мне и стала кусочки мне по одному в рот класть, пока мы пакет не прикончили…

Несколько минут мы прошагали в молчании, и я подумал, что он больше ничего не расскажет. Но он не мог не поделиться и, в конце концов, тихо и мрачно промолвил:

— Ну, как она и грила, с ней было хорошо. Она мне много чего показала. Да, много всякого. А потом она кончила! Правда-правда. Шлюхи обычно просто притворяются, что кончают, чтоб ты себя ого-го считал. И штоб ты верил, будто они с душой этим занимаются, а не о газовом счетчике думают! В общем, я такого больше никогда не чувствовал. У меня на душе так было… не знаю, как об этом сказать… У меня сердце готово было разорваться, а потом она притихла, повисла на мне, вся такая обмякшая, и сказала: «Подними

меня, дорогой, я встать не могу».

Все это было сказано с такой печалью… Может, он изливал душу, рассказывая о давным-давно утраченной любви. Его молчание могло быть трауром, скорбью, данью уважения, воспоминанием об утраченном даре невинности и откровения…

— Ты с ней еще встречался? — спросил я.

— Что ты сказал?

Он ушел вновь в свои грезы.

— Ты когда-нибудь потом видел эту шлюху?

— Видел ли? Я бы все отдал, штоб навсегда рядом с ней остаться! — потоком вырвались у него слова. Он остановился и посмотрел на меня, удивляясь самому себе… — Никогда больше с ней не трахался, коль ты об этом. Но я ее много раз потом видел. Она тогда рядом с нами жила! Замужем, с двумя детьми. Муж пьянствовал, постоянно ее бил. У нее так часто были глаза подбиты, что она работать не могла. Зарабатывала она тем, что петли прометывала. У них всегда зрение портится, но если фингалы ставить, то и хорошее зрение доконать легко! Она больше нитку не видела, чтоб в иголку вдеть. Только подумай, будь у нее зрение получше, то она тем вечером меня бы узнала. И может, тогда бы за руку не схватила, в покое оставила? А так, она была голодна и мерзла

на холоде и что тут скажешь? Ей нужен был тот шиллинг.

Гражданская война в Испании, май 1937 года
Этель Макдональд

Анархистка из Беллшилла в Глазго, города, знаменитого тем, что здесь выросли многие убежденные приверженцы левых политических взглядов, Этель Макдональд влилась в поток иностранцев, из чувства солидарности отправившихся в Испанию, чтобы принять участие в гражданской войне на стороне республиканцев, хотя, приехав туда, она не знала по-испански почти ни слова. Перед отъездом она призывала британских рабочих не мешкая выступить против «не вызывающей сомнений отправки в Испанию на помощь Франко немецких и итальянских войск». Ниже она описывает вспышку насилия в Барселоне, ставшую известной как «Майские события», когда коммунисты повернули оружие против анархистов. Вскоре после этого Макдональд за свою активность ненадолго попала в тюрьму, а потом ее, утратившую многие иллюзии, под конвоем отправили обратно в Британию. Ее деятельность снискала ей прозви-

ще «Шотландский Алый Первоцвет».

О новостях мы с Дженни узнали, когда после обеда пили кофе в маленьком анархистском ресторане недалеко от нашей штаб-квартиры на Виа Дуррути. Посыльный рассказал нам, что для нападения в тихий час сиесты, когда закрыты лавки и конторы, было использовано три грузовика полицейских. Они без помех захватили первый этаж (телефонной станции), наши товарищи в здании забаррикадировали лестницы и отбросили их пулеметным огнем, не позволив развить атаку.

Немедленно снаружи здания собралась толпа, и улицы заполнились встревоженными мужчинами и женщинами. Внезапно раздался клич: «На баррикады! На баррикады!» Крик эхом прокатился по улицам, и через короткое время по всему городу началась стрельба.

Похоже, полиция воспользовалась мешками с песком и кирпичами, первоначально предназначенными для отражения Нападения франкистов, и возвела укрытия вокруг всех районрв, находящихся под контролем правительства. Напротив каждой их баррикады наши товарищи-анархисты, разобрав мостовую, сложили из камней свои баррикады.

Мы с Дженни спешили в нашу штаб-квартиру, а мимо нас пробегали группы мужчин и женщин, с винтовками в руках, они торопились на свои места на баррикадах или на позиции в контролируемых нами зданиях. Шум дорожного движения стих, и раздавались только хлопки выстрелов, слышались ожесточенные перестрелки и завывание сирен карет «скорой помощи», выехавших из больниц и возвращающихся обратно.

Наша штаб-квартира готовилась к атаке. Пока мужчины закладывали окна и дверные проемы, женщины таскали ящики с патронами. Были установлены пулеметы, и мы ждали неминуемого, как мы понимали, нападения. Тем вечером мы с Дженни вернулись в нашу гостиницу, «Орьенте». Не без труда, но нам пришлось быть очень осторожными. На самом деле, когда мы вышли, стрельба затихла, но каждые несколько ярдов мы останавливались и хватались за оружие.

На следующее утро мы решили, что наше место — рядом с товарищами в штабе, и в семь часов мы туда отправились. В этот час испанские женщины идут на рынок и, зная об этом, обе стороны были осторожны и прекращали стрелять, пропуская своих кормилиц.

Мы смешались с этими женщинами, неко-

торые из них несли в руках маленькие белые флаги. Нам приходилось красться вдоль улиц, прижимаясь к стенам. На каждом углу тех улиц, где, как известно, были возведены баррикады, кто-то из женщин принимался размахивать белым флагом.

По этому сигналу стрельба прекращалась, и мы торопливо перебегали дальше. Иногда, впрочем, стрельбу вели поверх наших голов (целились по окнам домов), и нам на головы потоком сыпалась штукатурка. За каждым деревом и фонарным столбом прятался солдат той или другой стороны, и они хмуро смотрели на нас или улыбались, махали нам руками.

Таким путем, по всяким закоулкам, мы в конце концов добрались до Виа Дуррути, где, ожидая затишья, разговорились с одним товарищем. Через пять минут, выглянув в окно штаба, мы увидели, как он упал, тяжело раненный. Оказавшись внутри, мы поднялись на крышу, чтобы оглядеться, если оттуда вообще удастся что-то увидеть. Стоило нам высунуть головы, как загремели выстрелы, заставившие нас быстро пригнуться, и мы, упав на живот, уползли обратно в укрытие.

К тому времени на Виа Дуррути нельзя было и носу высунуть. Чуть дальше по улице находился

полицейский участок. Глядя на него из заложенного окна, мы заметили дымки из каждого окна — все равно что картинка из фильма о Диком Западе. Так же выглядело и другое правительственное здание на другой от нас стороне улицы.

Весь день мы занимались тем, что набивали обоймы для солдат и готовили для них еду. Пока они ели, мы поняли, что еды у нас не так много и им нужно отдать все, что у нас есть, а сами мы можем попробовать поесть в маленьком ресторанчике, который находился в нескольких кварталах отсюда и который оставался открытым для нас.

Он был в том районе, который контролировали мы. И все же странно было видеть, как мужчины откладывали оружие, пробирались через эти несколько улиц, перекусывали и потом возвращались обратно и снова принимались стрелять. Если бы они взяли с собой оружие, то рисковали быть остановленными полицейскими, которые могли прорваться сюда.

Так мы и прожили следующие три дня. Мы не могли вернуться обратно в гостиницу, так что на ночь раскладывали тюфяки под окнами наших комнат (это самое безопасное место в комнате) и пытались хоть немного поспать.

Наступавшее в семь утра затишье в перестрелках мы всегда использовали для того, чтобы немного пройтись. Мы проходили мимо полицейского участка или мимо другого правительственного здания, чтобы поглядеть, не удастся ли заметить что-нибудь важное.

Разумеется, каждые несколько минут нас останавливали, но так как у нас не было оружия и мы были женщинами, нас пропускали дальше. У баррикад мы видели, что солдаты и полицейские, вынеся из близлежащих домов мягкие кресла, удобно в них устроились — бойцы перекуривали, пока вновь не пришло время для перестрелки. Казалось, они все воспринимают совершенно спокойно. Иногда нам удавалось разжиться у них едой.

Во время этих прогулок к баррикадам нам приходилось подбираться, пригибаясь к самой земле. Если бы над баррикадой показалась чья-то голова, это стало бы сигналом к началу новой перестрелки. Из своих окон мы видели, как наши враги расстреляли автомобиль. Мы не знали, кто в нем ехал. На самом деле из машины сумели выбраться три человека, они спрятались в дверном проеме, оказавшись прижатыми огнем.

Один стал стрелять, чтобы отвлечь внимание

от других, и мы послали на помощь броневик, чтобы их вывезти. Когда броневик остановился, в него бросили гранату и один товарищ был ранен, но тех людей мы спасли. В другом случае из подбитой машины вытащили двенадцать товарищей. Когда к ним попыталась проехать «скорая помощь», то людям в ней приказали вернуться и сказали, что если они приедут снова, то по ним откроют огонь. Наши товарищи не хотели убивать людей, и они по возможности старались не стрелять. Они не атаковали, ограничившись только обороной.

Между баррикадами лежали убитые и раненые. Поврежденные автомобили стояли на всех улицах. В окнах едва ли уцелело хоть одно стекло, все фонари были разбиты. Стены повреждены гранатами, испещрены осколками и пулями. За эти три дня погибли 300 наших товарищей, и я не имею представления, сколько было раненых. Как только затихала стрельба, жены и матери спешили на улицы, выискивая своих любимых, мужей и сыновей. Некоторые, прослышав, что те ранены, бросались то в один госпиталь, в другой. На улицах было полно охваченных страхом и обезумевших женщин.

Бенни Линч сохраняет «тройную корону», 12 октября 1937 года *«Скотсман»*

В истории шотландского спорта Бенни Линч, боксер из Глазго, был одним из самых талантливых спортсменов, но в то же время оказался и очень трагической фигурой. Первым из шотландцев он завоевал звание чемпиона мира и оставался бесспорным чемпионом с 1937 по 1938 год. Однако следующий матч стал для него одним из последних мгновений славы. Затем его жизнь пошла под откос, и он попадал на первые страницы газет не благодаря мастерству бойца, а из-за личных проблем, в том числе и вызванных сильным пьянством. И тем не менее за свою спортивную карьеру он одержал восемьдесят две победы в 110 боях — поразительный результат. Линч умер в 1946 году, в возрасте тридцати трех лет.

Прошлым вечером в Шоуфилд-Парке, в бою против Питера Кейна (Ливерпуль) Бенни Линч (Глазго) успешно защитил свои титулы чемпиона мира, Европы и Великобритании по боксу в наилегчайшем весе, причем шотландец выиграл

нокаутом в 13-м раунде.

Схватка протекала в бешеном темпе, но, начиная с шестого раунда, было очевидно, что преимущество на стороне чемпиона.

Великому бою предшествовала немалая борьба за пределами ринга. Безобразных сцен удалось избежать только благодаря радостному настрою тех тысяч людей, кто требовал пропустить их, и благожелательному обращению с ними десятков полицейских, пеших и конных. Входов для прохода обладателей билетов было недостаточно, и когда люди прошли за первые барьеры, то обнаружили, что к самому рингу они попасть не могут.

Для умиротворения обладателей билетов на ближайшие к рингу места была призвана полиция, так как меньшинство из них принялись угрожать должностным лицам, обвиняя их в неспособности обеспечить свободный проход. Многие обладатели дорогих билетов бросились к единственному, по-видимому, имеющемуся входу — ведущему к самым дешевым местам площадки, — и, в разгар всей этой суматохи, прибыл Питер Кейн, вместе со своей невестой, мисс Маргарет Данн. В сутолоке они разделились, и мисс Данн оказалась среди тех, кто остался с краю огромной толпы.

В одной из «народных» частей площадки были сорваны ограждения, и полицейского, бросившегося на брешь, сбили с ног.

Во многих случаях, чтобы пробраться через главный вход и людскую толчею, обладателям билетов на первые ряды у ринга понадобилось свыше полутора часов. К тому же ожидать начала боя пришлось под проливным дождем, и земля под ногами быстро превратилась в раскисшую грязь…

Бой, в котором было немало сенсационных эпизодов, наверняка должен занять место среди самых замечательных матчей за титул чемпиона, которые когда-либо происходили в мире. Первые раунды были особенно великолепны, подобного бокса, энергичных и мощных ударов и скорости ведения боя в Шотландии не видели.

Линч показал себя великим чемпионом и уверенным бойцом, и Кейн предстал почти равным ему соперником, который устоял под страшными ударами и до нокаута раз за разом устремлялся в бой. Но чемпион все время оказывался сильнее и, не считая одного плохо проведенного раунда, превосходил своего противника с самого первого удара гонга.

И первый же удар в бою стал первой сенсацией.

Оба боксера устремились из своих углов друг на друга, и Линч, как неоднократно поступал на протяжении всего боя, нанес противнику прямой удар, потом потряс его правым свингом, а потом столь стремительно последовал убийственный хук слева, что Кейн отлетел на рефери и повалился на пол.

Просто непостижимо, как, встретив столь ужасающий натиск, ланкаширский боксер выстоял в первых раундах. Но он не только выстоял, но и умно боксировал и сумел обменяться ударами — и этот обмен был среди лучших, какие видели в матчах за титул. На протяжении трех раундов чемпион и претендент вели бой в очень быстром темпе, без удержаний и клинчей, а когда темп спадал, то они обменивались мощными ударами.

Тем не менее Линч был совершенно уверен в своих силах. С того момента, как он ступил на ринг, в его подготовленности и выносливости не было ни малейших сомнений. Это был тот же, прежний Линч. Когда Кейн радостно чуть улыбался в ответ на приветственные крики своих болельщиков, лицо его казалось несколько искаженным от нервного возбуждения.

Поразительно, но каждый раунд Линч всегда

ухитрялся начинать первым ударом, и только в седьмом раунде, когда Кейн провел самый великолепный для себя обмен ударами, у чемпиона возникли настоящие затруднения. Плохой отрезок, однако, доказал, что Линч по-прежнему владеет более мощным прямым, и после этого были моменты, когда он не только, как казалось, шел на риск, но и намеренно заманивал противника, открываясь. Это было удивительное представление обоих боксеров, кульминацией которого в действительности стал двенадцатый раунд, когда страшным хуком левой Линч подвел черту. Кейн остался на ногах, но «поплыл» и шатался, инстинктивно избегая нокаута. В своем углу претендент выглядел побитым и в следующем раунде был отправлен на пол, и хотя он встал при счете «семь», продемонстрировав смелость и решительность, после следующего нокаутирующего удара уже не поднялся.

Нельзя назвать имени ни одного из боксеров в наилегчайшем весе, весе «мухи», устоявшего в открытой схватке перед чемпионом, которому в иное время приходилось бороться с собой, но который всегда сокрушал противника быстрыми и мощными «кроссами» (встречными ударами).

В конце Линчу устроили громкую овацию. Пока

он радостно прыгал по рингу, его болельщики гурьбой устремились к площадке, а за ее пределами на улицах выстроились приветствующие победителя толпы.

Марш «оранжистов» в Глазго, 1938 год
Дж. Р. Аллан

Одно из самых противоречивых явлений общественной жизни Шотландии, ежегодный марш «оранжистов», членов протестантского Ордена оранжистов, нередко становилось тем тлеющим угольком, от которого разгорался пожар насилия. Журналист Дж. Р. Аллан с некоторым удивлением взирал на него, а события в Глазго однажды вечером приняли вполне предсказуемый оборот.

Однажды днем в ноябре я прогуливался по Бьюкенен-стрит, около половины пятого. День был обычный: сотни модно одетых женщин ходили по магазинам, поглощенные делами мужчины шли в кафе или возвращались оттуда. Царила атмосфера деловитости, преуспеяния и материального достатка, когда вы чувствуете довольство собой, пока у вас в кармане не переводятся шиллинги. Затем на улице появилась процессия под кроваво-красными флагами, грозно раскачивающимися в свете подернутых туманом фонарей.

Наверное, от этих стягов женщины могли бы с воплями попрятаться в подвалах магазинов, ибо на них были надписи, славящие Москву и предупреждающие о грядущем гневе. «Коммунисты», — полетело слово вдоль мостовой. Но никто не кричал. Люди, несущие флаги, были сломлены безысходным страданием безработицы и не способны на насилие, дабы подкрепить делом грозные лозунги на транспарантах. Дамы в меховых шубах без страха взирали на шествие, поскольку это был не первый шаг к бунту, а очередное торжество законности и порядка. За демонстрантами присматривала дюжина констеблей, и они были рослыми и крупными и вышагивали с таким достоинством и степенством, словно бы сами участвовали в марше. Казалось, безработных ничего не связывает с этими вызывающими лозунгами и знаменами, с этими величественными констеблями, и возможно, они это понимали, так как шагали без всякого воодушевления, внутреннего подъема, словно бы осознавали, что для них нет места в обществе, сколько бы они не выступали против него на демонстрациях. Шествие свернуло на Джордж-сквер. Безработные разошлись или устало побрели по домам, к хлебу и маргарину.

Констебли ослабили ремни и направились в участок, а на их широких плечах покоились, ничего не опасаясь, собственность и привилегии. Еще один обычный день Глазго.

Затем, несколько месяцев спустя, в субботу, около семи часов вечера, я находился в кафе на Аргайл-стрит и смотрел в окно. Я услышал музыку — играли на флейте; потом с Сент-Энок-сквер показалось шествие. Это была группа протестантов, членов Ордена оранжистов, они были в полной форме, с флагами, и возвращались из поездки за город. Они прошли мимо — воинство, имеющее грозный и в то же время смешной вид, как у людей, нашедших хороший повод нарядиться в маскарадные костюмы. Только они исчезли, как раздалась новая музыка и появилась еще одна процессия, на этот раз со стороны Куин-стрит-стейшн. Эти были ирландцы, члены какого-то другого, католического, ордена, они тоже возвращались после проведенного за городом выходного дня, и тоже — грозные и смешные, из-за своих костюмов. «Оранжисты и ирландцы!» — сказали мы себе. Что случится, если их пути случайно пересекутся? Будучи юношами благоразумными и предвкушавшими более приятное времяпровождение, мы за ними

не пошли и не стали проверять своих предположений. Но позднее этим вечером мы встретили человека, который клялся, что видел всё своими глазами. Ирландцы, сказал он, обнаружили перед собой оранжистов и ускорили шаг. Увидев такое, оранжисты замедлили поступь. Находчивые и готовые на риск полицейские развернули оба о гряда и отвели их на боковую улочку, где и оставили разрешать свои разногласия. Через полчаса, когда все участники драки успели как следует надавать друг другу, прибыли отряды полиции. Полицейские отсортировали раненых от запыхавшихся и распределили их по нужным адресам — кого в кареты «скорой помощи», кого — в тюремные фургоны. Такую историю мне рассказали, и я не стану присягать, что все в ней правда до последнего слова. Но такое вполне могло произойти в Глазго, и я сомневаюсь, что подобное могло бы случиться в любом другом городе. Такие инциденты придают дневным и вечерним часам в Глазго свой особый привкус.

Изнасилование, конец 1930-х годов
Айса Порт

Айса Порт осиротела, когда ей было семь лет, и ее воспитывал в Глазго жестокий и грубый дядя. Когда ей, преданному члену Молодежной коммунистической лиги, предложили работу в комитете Объединенного союза шахтеров, она отправилась работать в свое родное графство Файф. Однако будущее, казавшееся таким многообещающим, оказалось разрушено после одного несчастливого вечера.

К сожалению, мне пришлось уйти с работы в комитете Объединенного союза шахтеров в Дунфермлине, потому что на танцах я встретила одного молодого парня. Я узнала, что он не из Файфа, у него ланкаширский выговор, и он начал танцевать со мной. В середине танцев, в перерыве, я ушла, и это был, более или менее, случай… сейчас бы это назвали изнасилованием. Но в те дни это так не называлось. Я сама заварила кашу, из которой выбраться не сумела. И после этого я забеременела. Когда я сходила к врачу, он осмот-

рел меня и сообразил, что мой рассказ — правда и что меня взяли силой. И доктор сказал: «Как же ты боссу расскажешь? Это ведь трудно». Он был врачом миссис Моффет [жены ее начальника]. И он сказал, что сам им расскажет, чтобы мне не пришлось ничего говорить. И вот, вся дрожа, я отправилась в контору ОСШ, в ожидании, что же скажет мистер Моффет. Потом однажды утром он сказал: «Что ж, у меня о тебе плохие новости. Я очень разочарован». Ну, вы понимаете. Он сказал: «Потому что ты нам нравилась, мы были довольны, как ты свою работу выполняешь». Мисс Мортон, бухгалтер, сказал мне: «Мне все равно, если ты будешь работать до того дня, как родится ребенок. Это никого не касается, пока ты делаешь свою работу». Но мистеру Моффету пришлось вынести вопрос на комитет, и они сказали, чтобы я отправлялась домой к друзьям в Кэмбусланг, а когда рожу ребенка, то будут рады моему возвращению и вновь возьмут меня на работу.

И я ушла и уехала в Кэмбусланг. К тому времени я была уже на шестом месяце. И без работы. Потом, конечно, когда стало заметно, деньги платить перестали, и мне пришлось идти в то место, которое называется третейским судом. И пока этого не случилось, денег не было. Ну, я знала, что

по закону считаюсь трудоспособной до восьмого месяца беременности. Они подробно меня расспросили обо всем. И сказали: «А где тот молодой человек?» и «Почему я нахожусь в Кэмбусланге, хотя жила в Файфе?». Я сказала, что друзья у меня есть только в Кэмбусланге. И других нет. Где я родилась? Есть ли у меня родственники? Они очень много расспрашивали о родственниках. У меня нет близких родственников, только двоюродные, а с ними я связей не поддерживаю. И они сказали: «Хорошо, тогда приходите в пятницу». Когда я вернулась в пятницу, они заявили: «Очень жаль, но денег для вас нет. Мы ничего не можем вам дать». Тогда-то я не на шутку разозлилась. Мне очень хотелось выдернуть мужчину из-за конторки. Я сказала: «Послушайте, у меня нет родственников. Меня кормили и одевали чужие люди». Когда я пришла домой к своим друзьям, мне предложили пойти в работный дом, который находился в Гамильтоне, и попроситься туда. Но друзья не позволили этого сделать, чтобы ребенок не родился в работном доме. Так что я осталась с ними, и они содержали меня, пока я не получу своих денег. Я выиграла в третейском суде, вернула свои несколько шиллингов в неделю и смогла с ними расплатиться.

У меня родился ребенок. Это был мальчик. Когда я носила ребенка, то работала неполный день. Однажды, когда я получала пособие по бедности, мне предложили завести судебный процесс против отца ребенка. Ну, так я и поступила, начав дело с адвокатом. Но я не относилась к этому всерьез, так как дело касается судов, ведь обычно вас привлекают к суду — ведь обычно девушка стоит перед судом, а не отец. Вот вы стоите в суде, и ваш моральный облик и все прочее рассматривается в суде, а мне не хотелось заходить так далеко.

Но молодой человек был в Лохгелли, и моя домовладелица, у которой я жила в Лохгелли, рассказала мне о нем, дала мне его адрес, и я написала туда. Он пришел через Кэмбусланг повидаться со мной. Но тогда я была уже на восьмом месяце. Он вошел и сказал, что женится на мне, как только родится ребенок. И я сказала: «Сейчас или никогда. Если ты не можешь жениться до того, как у меня появится ребенок, то и не надо». И он вышел, и я больше никогда его не видела. Так что до суда я дело не доводила.

Когда родился ребенок, мне пришлось пойти к регистратору, и он предложил повременить с записью ребенка, пока я не приведу отца. Я сказала: «Нет, давайте просто записывайте». Так

что ребенок получил мою фамилию. Ну да, записали его, разумеется, как внебрачного. Я должна была содержать его сама. Я сумела получить работу машинистки на неполный день… Когда я работала, за ребенком присматривала подруга. Она была замужем и готова была усыновить его, потому что в то время детей у нее не было. Но мне совсем не понравилась мысль, что я буду смотреть, как моего ребенка, совсем рядом со мной, растит кто-то другой. Поэтому я отказалась от этой идеи и работала, чтобы содержать его. Деньги, что я получала — пятнадцать шиллингов на себя и три на ребенка. Тогда на три шиллинга даже нельзя было молока ребенку купить, когда он вырос, чтобы из бутылочки есть. Но я сумела раздобыть еще немного шиллингов вдобавок к этим деньгам. Я подала заявку на то, что сейчас назвали бы единовременной выплатой, в социальную службу, чтобы приобрести одежду, чтобы я могла прилично выглядеть и получить работу, потому что когда ищешь работу в офисе, то предполагают, что ты будешь иметь опрятный вид. И вот я подала заявление о помощи. Прежде всего я попросила дополнительное пособие на ребенка. Они сказали, что если я заимею свидетельство, что он получает недостаточно питания, то мне

что-то выделят. И меня завернули. Потом я, конечно, обратилась за средствами на одежду. Один из джентльменов в офисе в Рутерглене, где я подавала заявление, оказался внимателен ко мне, и когда я обратилась с этой просьбой и получила пособие, он помог мне с работой. Он связал меня кое с кем, и я получила работу, которая очень мне помогла. Это был очень добрый человек.

Потопление парохода «Арандора стар», 2 июля 1940 года
«Таймс»

В 1940 году, когда Муссолини объявил войну Англии, города Шотландии стали свидетелями беспорядков и актов насилия, обращенных против итальянцев, которые до той поры не пробуждали никаких враждебных чувств. Вскоре после этого все итальянцы в возрасте от семнадцати до шестидесяти лет были интернированы или высланы из страны. В июле 712 итальянцев отправили из Ливерпуля в Канаду на борту корабля под названием «Арандора стар», который вез 1500 «враждебных иностранцев». Судно было торпедировано немецкой подлодкой, и 450 интернированных итальянцев утонули, большинство из них были лавочниками или работали в кафе. Всего на корабле погибли 805 человек — интернированных, охранников и членов экипажа.

Интервью с теми, кто выжил после гибели лайнера «Арандора стар», который был потоплен немецкой подводной лодкой в Атлантическом океане, свидетельствуют, что, несмотря на воз-

никшую на борту среди немцев и итальянцев недостойную панику, многие человеческие жизни можно было бы спасти.

Когда обезумевшие немцы бросились к спасательным шлюпкам, стараясь опередить итальянцев, в свалке десятки людей были сброшены за борт. Британским солдатам и морякам пришлось тратить драгоценное время, которое можно было посвятить спасательным работам, на то, чтобы силой разделить иностранцев. В действительности, несколько британских матросов ушли на дно вместе с лайнером, когда прилагали отчаянные усилия, чтобы вывести наверх иностранцев.

Враждебность между немцами и итальянцами приобрела такой накал, что, даже высадившись на берег в шотландском порту, они продолжали нападать друг на друга, и их пришлось разместить в отдельных зданиях.

Мартин Вериндер из Ромфорда, 18-летний стюард с «Арандора стар», сказал, что вряд ли хоть кто-нибудь спасся бы, не будь предприняты попытки удержать немцев и итальянцев под контролем.

«Когда они кинулись к лодкам, то каждый думал только о себе, — сказал он, — солдатам и матросам пришлось им угрожать. Я даже видел,

как один немецкий матрос, у которого, как казалось, было намного больше здравого смысла, чем у прочих, схватил винтовку и бил прикладом своих соотечественников. И, сев в шлюпки, интернированные тоже думали лишь о своей шкуре — когда с аэроплана сбросили хлеб и консервы, они жадно хватали их, а несколько человек начали есть так быстро, как могли. Солдатам пришлось отбирать у них еду, чтобы потом разделить поровну.

В последний раз я видел капитана, когда тот спокойно попросил кого-то принести стакан воды. Тот человек принес ему и пальто. Капитан стоял на мостике, отдавая приказы; мостик был защищен колючей проволокой, и когда я смотрел, как он стоит там, то понимал, что капитан никогда не уйдет. Я видел, как корабельный доктор, видимо, раненный в ногу, встал и отсалютовал кораблю и капитану, когда судно быстро и резко перевернулось и за две минуты утонуло. Это было около 7 часов утра. В воздух на 100 футов поднялось облако пара, и водоворот утащил в пучину вместе с кораблем плоты и людей».

Еще один спасенный сказал, что в некоторых шлюпках интернированные, и немцы, и итальянцы, не давали залезать членам команды,

оказавшимся в воде. Когда англичане пытались забраться в шлюпку, раздавались крики: «Тут нет места!», и многих членов экипажа, пытавших влезть в шлюпки, били и отталкивали…

Бродячее семейство, 1941 год
Дункан Уильямсон

Путешественник и автор рассказов Дункан Уильямсон воспитывался совсем в иной атмосфере, чем большинство других детей, и ему очень нравился образ жизни его семьи, но эти отличия сделали его и ему подобных объектом древнего предрассудка. Ниже он вспоминает об эпидемии дифтерии, которая усугубила напряженность между оседлыми жителями деревенской общины и теми, кто склонен к перемене мест.

Жизнь была очень тяжела для нас — бродячего семейства, живущего в поместье герцога Аргайлского в Фэрнисе, в Аргайле, потому что трудно кормить большую семью в такие тяжелые времена. Мы проносились через деревню, по дороге украв у кого — несколько морковок, у кого — несколько яблок. Кое-кто из местных относился к нам с уважением, некоторые не разрешали своим детям играть с нами. Мы тоже местные, но мы — лудильщики, живущие в палатке в лесу Аргайла. И, конечно же, мы, кроме того, делали много хорошего, потому что помогали старикам.

Мы с братьями пилили дрова, собирали на берегу плавник на топливо, вскопали несколько огородов. Если была работка за пенни-другой, мы готовы были ее сделать. Мы делали для людей то, что другие делать отказывались. И заслуживали уважение некоторых стариков там, где жили. Когда кончался вечер, мальчики собирались вместе, мы лазали по деревьям и много чего еще делали, но никому не причиняли вреда, не доставляли хлопот. Но кое-кто в деревне по-настоящему нас ненавидел.

Когда мне стукнуло шесть лет, я стал ходить в маленькую начальную школу в Фэрнисе. Ты шел в школу, с босыми ногами, в обносках местных детей, которые выбросили, а твоя мать подобрала у дверей. И конечно, ты сидишь в классной комнате, а родители детей, которые в школе считаются твоими маленькими друзьями-приятелями, предостерегают их: «Не играйте с детьми лудильщиков, еще подцепите от них какую заразу, вшей принесете!» В школе ты был голодным, очень-очень голодным. Ты даже школьную учительницу слушать не мог, какая разница, о чем она с тобой разговаривает, что она там говорит на уроке, ты очень хочешь есть. Но ты знаешь, вот кончатся уроки и будет великая

отрада. Ты предвкушаешь кое-что особенное: ты отправишься домой, съешь то немногое, чем поделится с тобою мать, что бы это ни было, обычно постное и того очень мало, но мать делится со всеми детьми. Потом ты весь вечер проведешь с бабушкой и родителями. Сказки, сидя у костра, бабушка раскуривает трубку и рассказывает тебе все чудесные сказки. Вот что самое важное, самое главное во всей твоей жизни.

Во всей деревне мы были самыми здоровыми детьми. Мы бегали с босыми ногами. Мы жили как хотели. У нас не было той еды, которую ели деревенские дети, всяких пудингов и сладостей. Нам, считайте, везло, если мы за неделю видели одну-единственную конфету. Но мы охотились. Если у нас не было еды, мы отправлялись на ее поиски, а это означало стащить каких-нибудь овощей из чьего-нибудь огорода, или наловить руками форели в реке, или набрать в море съедобных моллюсков. Так мы обеспечивали себя. Потому что понимали, что наши родители сделать этого для нас не в состоянии. Мама, как могла, пыталась торговать вразнос, но нельзя ждать от мамы, что она отправится на склон холма и убьет зайца или кролика. И мама не будет ловить в реке рыбу. И так, с возраста пя-

ти-шести-семи лет ты становишься личностью, взрослеешь раньше, чем тебе исполнится хотя бы десять лет. И значит, ты уже достаточно опытен, чтобы помогать растить и воспитывать в семейном кругу своих младших братьев и сестер. Ты можешь вносить свой вклад. Потому что знаешь — иначе у тебя их не будет. Ты же не хочешь видеть, как голодают твои братики и сестрички, так что ты идешь собирать хворост, плавник на берегу, продаешь добычу старушке и приносишь шиллинг матери.

В 1941 году на школу обрушилась эпидемия дифтерии. Тогда Эта болезнь была смертельной. В нынешнее время нужно лишь заплатить по счету врачу. А к тому времени в одну маленькую школу ходило девять детей из наших, все мои братья и сестры вместе. Но так как действительно очень многие дети болели дифтерией, начальную школу закрыли. Теперь мы, босоногие, носились по всей деревне. Нас называли в деревне «маленькими оборванцами». Пятеро наших маленьких деревенских друзей попали в больницу с дифтерией. Двое из моих маленьких приятелей больше оттуда не вернулись.

У моей матери были добрые друзья в деревне, но кое-кто с нами и разговаривать не желал. У

одной такой женщины, миссис Кэмпбелл, было двое маленьких мальчиков. Она была из тех, кто нас, проходя мимо на улице, даже взглядом не удостаивал. Даже корки хлеба нам ни разу не дала. После того как закрыли школу, я, босоногий, шел как-то днем по деревне. Она вышла из своего небольшого домика.

И сказала:

— Привет! Доброе утро!

Я был удивлен, что эта женщина вообще заговорила со мной. Она спросила:

— Как дела?

Я ответил:

— Все хорошо, миссис Кэмпбелл. Со мной все хорошо, просто замечательно.

Она сказала:

— Ты рад? Доволен, что школу закрыли?

Я сказал:

— Ну, школа-то закрыта. Как можем, так и радуемся.

Она спросила:

— Ты голоден?

Я сказал:

— Конечно, я голоден. Мы всегда есть хотим. Мама не может всех нас хорошенько накормить.

Она сказала:

— Хочешь чего-нибудь поесть?

Тогда я не знал — клянусь, это подлинная история, — что обоих ее мальчиков увезли в больницу в Глазго. Она сказала:

— О, у меня есть замечательные яблоки. Хочешь?

Тогда яблоки для меня были громадным удовольствием.

Она сказала:

— Заходи, не бойся! — и впустила в тот дом впервые в моей жизни, провела в спальню младшего сына. И там, у маленькой кровати, стояла тарелка, полная яблок. А мальчика не было. Она взяла с тарелки яблоки и дала их мне, целых три.

Она сказала:

— Ешь, тебе это полезно.

Не знаю, что она пыталась сделать. Я же был совсем юным, всего тринадцать лет. И она пыталась заразить меня дифтерией, потому что увезли двух ее маленьких мальчиков. Потому что никто из детей Бетси Уильямсон дифтерией не заболел. И школа была закрыта на пять недель. И все спрашивали: «А горло у вас не болит?»

Тогда начали задумываться, почему у бродячей семьи дети такие здоровые? И стали поговари-

вать, когда мать ходила по деревне с лотком от двери к двери: «Была Бетси Уильямсон? О, должно быть, у Бетси Уильямсон есть сверхъестественные способности. Должно быть, она травки в лесу собирает или чего-то еще такое и за детьми присматривает». Понимаете, что я имею в виду? А кое-кто стал говорить: «О, она, должно быть, ведьма». После этого все изменилось, и по-прежнему больше никогда не было.

Авианалет на Клайдбанк, 13 марта 1941 года
«Глазго геральд»

По сравнению с английскими городами, пострадавшими от немецких бомбардировок, их ужасы Шотландию практически не затронули, но сильная бомбежка Клайдбанка и Глазго, произошедшая ночью 13 марта 1941 года, дала шотландцам почувствовать, что приходится переносить лондонцам. Авианалет был таким жестоким, что горожане, спасаясь от бомб, бежали в окрестные болота. Без повреждений в Клайдбанке остались всего семь домов, и за одну ночь 35 000 человек остались без крова. В представленном сообщении рассказывается об одном из нескольких случаев, когда попавшие в ловушку люди были в конце концов спасены, хотя некоторые из заживо погребенных под развалинами долго оставались необнаруженными.

Вчера в Глазго живыми были спасены два человека, один из них — полицейский Военного резерва, которые в ночь минувшего четверга оказались погребены под обломками разбомб-

ленного жилого дома.

Полицейский, ослабевший после перенесенных тяжелых испытаний, умер ранним вечером, почти пять часов спустя после того, как был вызволен из-под груды обломков. Второй мужчина, откопанный тем же вечером — почти через восемь часов после налета, — находился в тяжелом состоянии и в настоящее время доставлен в Западную больницу Глазго.

Минувшей ночью была надежда отыскать живой девочку, и спасатели работали со всей возможной быстротой, стремясь обнаружить ее, но тем не менее до самого позднего времени их усилия оставались безрезультатными.

Теми двумя мужчинами, кто был спасен столь примечательным образом и чья стойкость вызвала восхищение у спасателей, были: Фредерик Кларк (32 года), полицейский Военного резерва, и Джон Кормак (22 года).

Когда дом попал под бомбежку, Кормак отдыхал, лежа на кровати. В таком виде его и нашли. Из-под рухнувшей на него большой балки виднелись только лицо и руки. Руки были сложены на груди.

Рабочие-спасатели, обнаружившие Кормака среди обломков, были поражены, когда мужчина

слабо помахал им рукой. Они быстро расчистили к нему проход.

— Может, чашку чаю? — спросил вызванный на место раскопок доктор Маккей у Кормака, пока тот лежал в плену обломков.

— Да, было бы прекрасно, — последовал ответ.

— Я дал ему чаю и немного бренди и сунул в рот сигарету, — рассказал доктор. Замерзнуть Кормак не успел. По-видимому, он лежал в постели, когда обрушился дом, и это уберегло его от смерти от холода.

— Он сам помог нам освободить его, объяснив, как балка его защищает. Кроме того, он рассказал нам, что где-то рядом была еще девочка и что за день до того он с ней разговаривал.

Описывая спасение Кормака, Джек Кофлин, уроженец Дублина, один из членов спасательной команды, сказал:

— У меня было предчувствие, что здесь, в развалинах, есть еще кто-то живой — в том же углу, где раньше днем мы нашли другого мужчину. Я продолжал там работать, и вот, приподняв какие-то доски, увидел лежащего под ними человека. Вид у него был, как у статуи, он лежал на кровати, со сложенными руками. Но через мгновение я понял, что он жив. Мы подозвали других спасателей

и очень скоро сумели вытащить его.

Мистер Д. Барр, дом которого на той же улице был разбомблен и который шел туда, чтобы попытаться спасти хоть что-то из своих вещей, услышал, проходя мимо, как кто-то кричит:

— Тут человек! Живой! Зовите врача и «скорую»!

Мистер Барр сразу побежал за доктором Маккеем, чей кабинет находился неподалеку. Врач тотчас же отправился к разбомбленному жилому дому и, стоя в одной рубашке, ждал, пока спасатели высвободят Кормака. Как только стало возможным добраться до пострадавшего, он стал оказывать ему помощь.

Когда раскопали Кларка, он еще был способен разговаривать. Его переложили на носилки, понесли в поджидавшую карету «скорой помощи», и он сказал своим спасителям:

— Со мной все в порядке.

Перед тем как Кларка отвезли в Западную больницу, он смог выпить чашку чая и съесть бисквит.

После авианалета на прошлой неделе рабочие спасательных команд плечом к плечу вели разборку завалов. Их надежды на то, что попавших в ловушку людей удастся извлечь живыми, слабе-

ли, и вчера утром они были поражены, услышав сквозь обломки стон. Они только что вытащили мертвое тело, когда до их слуха донесся этот голос.

С предельной быстротой они прокопали сквозь завалы обломков и искореженного железа тоннель, а к месту событий уже спешила из ближайшей больницы женщина-врач.

Доктор Энни Томсон, из Отдельной медико-санитарной клиники, была первым человеком, добравшимся до оказавшегося в завалах мужчины. Она проползла по импровизированному тоннелю, имевшему в поперечнике не более 18 дюймов, и сделала пострадавшему укол.

— Больно? — спросила она у него, по-прежнему придавленного тяжестью обломков дома. Она очень удивилась, когда у пострадавшего нашлись силы ответить.

— Нет, — промолвил он.

Пока спасатели решительно, в общем порыве, высвобождали его, приподнимая при помощи домкрата обломки, чтобы вытащить ноги, они обнаружили, что на тело Кларка, по-видимому, упал комод, тем самым защитив его от рухнувших вокруг груд камня и деревянных обломков. Он лежал в коридоре, вытянувшись во весь рост

на упавшей двери, несколькими футов ниже уровня улицы…

Об успешном и нежданном спасении рассказал мистер Норман Мэнсон, плотник, возглавлявший спасательную команду.

— Нам пришлось, — описывал он, — пробивать пол и подлезать снизу, чтобы обнаружить заваленного констебля. По моим оценкам, мы перетащили семь тонн обломков, прежде чем сумели пробиться к нему.

Спасательные операции проходили в два отдельных этапа. Когда к Кларку был пробит тоннель, то выяснилось, что его нельзя высвободить, если не убрать камень, своим весом зажавший под комодом его ногу.

Было очевидно, что попытка убрать этот камень неминуемо вызовет новое обрушение, поэтому было решено прокопать еще один проход, через подвал здания, под то место, где лежит Кларк. Пока пробивали новый тоннель, Кларка закутали в теплые одеяла и обложили бутылками с горячей водой, ему также давали стимуляторы.

Когда закончили рыть нижний тоннель, то, пока комод надежно удерживал рухнувшие сверху обломки, ногу Кларка высвободили. И наконец, через три часа упорной работы, спасатели суме-

ли вытащить на свободу попавшего под завалы человека.

Коллеги в полицейском управлении, где служил Кларк, сказали, что на прошлой неделе он действительно был на ночном дежурстве, но когда произошел налет, то его смена закончилась, и он покинул управление. Он снимал жилье у четы Догерти, которые, вместе с двумя своими дочерьми, как считается, до сих пор находятся под развалинами частично разрушенного здания.

«Отказник» по убеждениям, 1941 год
Норман Маккейг

Поэт и учитель Норман Маккейг отказался от военной службы в силу убеждений, и, не считая недолгих отсидок в тюрьмах Винчестера и Уормвуд-Скрабе, войну провел, работая на ферме и на огороде. Позднее он задавался вопросом, не помешал ли его пацифизм подняться по служебной лестнице. Эта мысль отнюдь не лишила его душевного равновесия.

Действительно, задуматься о вопросах войны и мира и пацифизма меня заставило не что иное, как насилие в мире. Но это никак не связано с тем, что я решил отказаться от военной службы по идейным соображениям. Я вновь и вновь повторяю: я просто не хочу убивать людей, будь то в Абиссинии или где-то еще. Я просто отказываюсь убивать людей: проще не бывает…

В 1930-х огромное количество людей были убеждены, что скоро разразится война — в особенности, как обычно, писатели. У них нюх на такие вещи — а на поэтов и им подобных, как

вы понимаете, смотрят свысока, как на существ нелогичных и т. п. Их мнение нисколько не интересно. И мы были совершенно уверены, что вот-вот начнется война. Но не было писателя, который повлиял бы на меня в этом отношении. На меня никто не повлиял. Я сам принял решение — сознательно решил для себя, когда мне исполнилось двенадцать лет. И никто на меня никогда не влиял, никоим образом, только я сам. Я говорю очень вызывающе, резко и эгоистично, но именно так все и было.

Что ж, меня призвали на военную службу зимой 1941 года, потому что помню, что той зимой навалило много снега. Тогда мне должен был быть 31 год. И я сказал родителям, что, разумеется, не стану никого убивать, и, по-моему, они подумали: «Это шутка». Никто из моих родственников, никто из моих друзей не был пацифистом. И мой отец, наемный раб в аптеке и умный человек, имеющий множество интересов, подумал, когда пришла повестка, что я просто наглый тип. Он был очень встревожен. Он рассердился, вышел из себя. Но так было только в то утро. Где-то через шесть недель оба моих родителя полностью приняли мою точку зрения. Так что, по сравнению со многими другими молодыми

людьми, мне пришлось гораздо проще.

На трибунале я сказал: «Вы не навесите на меня ярлык. Я не отказываюсь воевать по религиозным убеждениям, по политическим мотивам или по какой-то еще, подобной этим, причине. Дело просто в том, что я отказываюсь убивать людей, лишать их жизни». И я сказал: «Я готов поступить на службу в Королевский армейский медицинский корпус или в Красный Крест, или уйти в квакеры. Но я не намерен никого убивать». И так как я сказал, что согласен вступить в Королевский медицинский корпус, меня не смогли сбросить со счетов как стопроцентного отказника. И меня направили в Нестроевой корпус, о котором, по-видимому, никто и не слыхал. В этих тыловых частях служили такие же люди, как я. Нестроевые подразделения были приписаны к саперно-строительным частям, там были капралы, сержанты, капитаны, майоры. Все офицеры и сержантский состав служили в регулярной армии. Но все рядовые, если можно так выразиться, были такими же, как и я.

Ну, когда мне велели отправиться в Илфракум в Девоне, в Инженерный корпус, то я написал командиру и сказал: «Я туда не поеду. Если я вам понадоблюсь, то найдете меня дома. В сере-

дине дня я обычно там». В итоге после полудня явились двое полицейских и отвезли меня в «черном вороне» в полицейский участок на Хай-стрит. Кажется, это была пятница, а по субботам полицейский суд не заседает. Так что в камере я просидел весь уикенд. Под залог меня не выпустили, но полицейские относились ко мне хорошо. Я сказал: «Я не могу уснуть. Нет ли у вас чего-нибудь почитать?» — и полицейский сходил и принес мне с полдюжины газет. Потом, в понедельник, меня привели в полицейский суд, поставили перед судьей, и тот сказал: «Это дело для армии. Ступайте обратно в камеру».

Из Эдинбургского замка прибыли два солдата и отвели меня в замок. Меня посадили — если воспользоваться старомодным словом — на гауптвахту. Там я пробыл несколько дней. Это было самое интересное. Меня посадили в камеру — это ведь тюрьма для военных, — где под арестом сидели множество солдат. Их там держали перед тем, как отправить в военный суд. И большинство из них, по-моему, попало туда за «самоволку», отлучку без разрешения. Там я был единственным пацифистом. И все они знали, что я «отказник». Потому что самым первым они задают такой вопрос: «Из какого ты полка?»

Так или иначе, на гауптвахту явилась с инспекцией «большая шишка» — командующий гарнизоном замка. Кровати у всех были аккуратно заправлены, ботинки выставлены на должном месте. А я свою постель убрал так, будто был дома. И вот он пришел. Нам всем заорали: «Смирно!». Все вскочили, вытянулись. А я — нет. Я как сидел на краешке кровати, так и продолжал сидеть. И вставать не стал. Командир побагровел, принялся вопить и орать на меня. Я сказал: «Вы не понимаете, что я в армии не служу. Я — пацифист. Меня призвали в армию, но я не пошел, потому что я — пацифист. Я отказался идти в армию». Он взорвался, мне показалось, что его вот-вот удар хватит. Но я так и не встал. Остальные солдаты слышали, как с генерал-майором, или кто он там был, так разговаривают, сидя на кровати: «О нет, я не встану. Я же не в армии!», и это им жутко понравилось! Так что мои акции в том жестоком месте разом взлетели. После этого я стал у них «белым паинькой».

Обед в гауптвахте выставляли на стол, и все набрасывались на еду — а я так не хотел или не мог. Они толпились у стола, точно пчелы в улье. И вот из этой плотной массы появляется рука того «крутого парня» — а он и в самом деле тот

еще бандит был — и протягивает мне какую-то еду. И этот парень бурчит: «На, приятель, пожуй». И кому говорит, мне — «отказнику»! Да, этот громила собирался опять в Барлинни, по-моему, то ли в шестой, то ли в седьмой раз… И все-таки именно его рука высунулась из той свалки и протянула мне обед: «На, приятель, по· жуй». Он был солдатом, а не «отказником» по убеждениям. Но опять-таки, как вы видите, у них не было на меня никакой злобы, вообще никакой обиды.

Рудольф Гесс приземляется в Шотландии, 13 мая 1941 года *«Глазго геральд»*

Это был один из самых невероятных эпизодов в войне: Рудольф Гесс, заместитель Гитлера и один из ближайших его соратников, покинул Аугсбург и пролетел 1000 миль на своем «мессершмитте» Ме-110, совершив затем аварийную посадку неподалеку от Глазго. После того как было обнаружено его исчезновение, нацистская партия огласила заявление, в котором утверждалось, что Гесс страдает «психическим расстройством» и что есть опасения, будто он стал «жертвой галлюцинаций». Приведенный далее рассказ сельскохозяйственного рабочего наводит на мысль, что Гесс был полностью в своем уме.

На ферму в Ренфрушире уже опустилась темнота, когда там в субботу вечером на парашюте приземлился Гесс. Падение его самолета услышали далеко вокруг. Люди бросились к месту аварии, но близко их не подпускали, держа на безопасном расстоянии, ополченцы отрядов местной обороны, которые и не подозревали, что

первый пойманный ими парашютист — столь высокопоставленная фигура.

Когда Гесс подлетел к району, где предполагал совершить посадку, то его самолет долго кружил в небе, это слышали многие. Вскоре после этого самолет резко спикировал и упал в поле возле фермы. Сам же летчик приземлился на соседнем поле, чуть ли не на пороге дома, где жил сельскохозяйственный рабочий Дэвид Маклин. Он бросился к двери, распахнул ее и обнаружил летчика, который возился с ремнями подвесной системы, избавляясь от парашюта.

В интервью Маклин сказал, что летчик сильно прихрамывал и, по-видимому, при приземлении он вывихнул левую ногу.

— Это был джентльмен до кончиков пальцев, — сказал Маклин. — Могу утверждать это по его манерам и по тому, как говорил. Он сел в мягкое кресло возле камина. Моя мать поднялась с постели, оделась и прошла на кухню поглядеть на нашего необычного гостя.

Когда минувшей ночью состоялся этот визит в дом мистера Маклина и его матери, они только-только услышали новости, что немецкое радио сообщило об исчезновении Гесса.

— Мы гадали, не Гесс ли это, — сказали они. —

На кухне суматоха поднялась, волнение было, когда военные пришли забрать его, но он был самый спокойный, спокойнее всех.

Мистер Маклин сказал, что у немецкого летчика был на шее небольшой шрам. Когда он улыбался, то заметны были несколько золотых зубов. Одежда, видневшаяся из-под летного комбинезона, была хорошего качества, и если верить миссис Маклин, то он носил ботинки из превосходно выделанной тонкой кожи, «как перчатки». На одном запястье у него были золотые часы, а на другой руке золотой компас.

Мистер Маклин не заметил никаких признаков, что летчик страдает галлюцинациями, как про Гесса говорило немецкое радио.

— Он был совершенно невозмутим, хотя и выглядел устало. Говорил как нормальный человек, в здравом уме.

Пилот указал свой возраст — 46 лет.

С парашютом он выбросился совершенно безоружным — и на его самолете не было бомб, а из пушек ни разу не стреляли. Горючего оставалось мало, и так как посадить самолет представлялось невозможным, он решил, что не остается ничего иного, кроме как выпрыгнуть из самолета с парашютом. Машина с ревом рухнула на поле и

разбилась, убив при этом молодого зайца. Летчик пытался сбросить с себя парашют, и его тащило спиной по земле, когда над ним неожиданно возник мистер Дэвид Маклин и спросил: «Кто вы? Что вы тут делаете?»

Не выказывая ни малейшего признака страха или тревоги, не предпринимая попыток сбежать, летчик заговорил с ним почти на безупречном английском языке. «Он сильно прихрамывал. Похоже, он вывихнул левую ногу, когда приземлялся, — рассказал мистер Маклин о происшествии. — Это был джентльмен до кончиков пальцев. Могу утверждать это по его манерам и по тому, как говорил. Он сел в мягкое кресло возле камина. Моя мать поднялась с постели, оделась и прошла на кухню поглядеть на нашего необычного гостя».

— Не желаете ли чашечку чаю? — спросила его миссис Маклин.

— Нет, благодарю вас, — ответил он, — я не пью чай на ночь.

Потом он попросил воды, и два молодых солдата, которых привлек к ферме шум падения самолета, шутливо заметили:

— Мы в Британии пьем пиво.

Гесс ответил:

— О да, в Мюнхене, откуда я родом, тоже пьют много пива.

Обломки самолета, которые разбросаны по полю недалеко от дома сельскохозяйственного рабочего, вчера весь день находились под охраной, и любопытствующих к ним не подпускали.

На маневрах с войсками местной обороны, 1943 год
Джордж М. Голл

Войска местной обороны, первоначально носившие название «добровольцы местной обороны», были образованы в 1940 году. В то время существовала серьезная опасность вторжения в Британию, и надеялись, что эти части, развернутые во всей стране, сумеют задержать наступление вражеских войск, пока не будут подтянуты регулярные британские войска. Их формировали из тех, кто был слишком стар или слишком молод для действительной военной службы, или из тех, кто состоял в запасе. К счастью, энтузиазм и рвение ополченцев возмещали прискорбный недостаток ресурсов. Многие части оснащались сильно устаревшим оружием и снаряжением, а иногда вообще не были вооружены, и в результате эти гражданские и фермерские отряды обходились тем, что было. Хотя вторжения в Британию удалось избежать, войска местной обороны сыграли важную роль и были расформированы лишь в конце 1944 года после

освобождения Франции. Эта масса добровольцев не раз становилась мишенью для беспощадных пародий, из них особо примечателен телевизионный сериал «Папочкина армия», в котором хорошо схвачена «домашность», характерная для некоторых из этих формирований. Как обнаружил подросток Джордж Голл, вопреки всей важности цели, поставленной перед войсками местной обороны, на учениях случалось немало забавного.

Я никогда не служил в местной обороне — я был слишком юн. Но я состоял в УАК (Учебном авиационном корпусе), и когда в нашем подразделении войск местной обороны обнаружилась нехватка связных, меня пригласили помочь им. «Только надень свою форму УАК, и все будет в порядке».

Утро субботы застало меня на пункте сбора, мое снаряжение довершал велосипед. Транспорт находился в одном из грузовиков Макуильяма, велосипеды и прочее. В компании множества людей, по возрасту значительно старше меня, мы отправились на поле боя, которое по плану находилось возле плотины Клаттерингшоуса. Раньше на грузовике возили домашний скот, мы такие называли «телегами-скотовозами», — с

дощатыми бортами, продуваемые насквозь, к тому же имелись явные доказательств того, кем, по нашему предположению, были вчерашние пассажиры.

Когда мы прибыли к плотине, командующий офицер принялся размещать свои высадившиеся с разномастных машин войска: минометный взвод там, пулеметную часть здесь, а моей задачей было находиться рядом с ним и передавать приказы. Командиром был давно ушедший в отставку армейский офицер в высоком звании, дом его находился в нашем округе, но выговор у него был ненашенский, пусть и говорил он со мной исключительно в рамках поставленной задачи.

Нам сказали, что новозеландские части будут атаковать нас со стороны Ньютон-Стюарта, так что мы стали ждать. Со своего наблюдательного пункта на гребне плотины командир обозревал окрестности, пока на западной стороне плотины мы не заметили броневик, спешивший по дороге в сторону Крейгнелла. Так что первым переданным мной сообщением был приказ пулеметному расчету: «Открыть огонь, когда цель окажется в пределах досягаемости». Открытие огня заключалось в том, чтобы навести пулемет и затрясти жестянкой из-под сиропа, куда были насыпаны

мелкие камни. Ответного огня, похоже, не предполагалось; наверное, у противника банки из-под сиропа вышли из строя.

Когда я вернулся на плотину, то на склоне противоположного холма были замечены некоторые признаки активности. Я стал думать, каким тут был пейзаж, когда здесь сражался Роберт Брюс: озера, наверное, не было, просто болото, а деревьев, пожалуй, побольше росло. А он, разглядывая поле битвы, стоял, должно быть, на большом валуне.

Посмотрев вниз с плотины, мы заметили, как передовой отряд местной обороны отступает со своих позиций.

— Эй, вы там! Эй, местная оборона! — кричал командир. — Никто не давал приказа отступать!

— Да вот еще, старого дурня слушаться, — отчетливо долетел до нас оттуда чей-то голос, и они гурьбой, с оружием, так и пошли своей дорогой. За ними по пятам двигались новозеландцы. Это было уже чересчур.

— Эй, вы, новозеландцы! Вы не можете здесь через реку переправляться! Считается, что это бурный поток, мы вроде как должны были шлюзы открыть!

— Да все в порядке, командир, считай, что у нас

с собой оборудование мосты наводить.

И так местную оборону вынудили отступить, погрузиться в свой транспорт и отправиться обратно, но сначала Томми Адамс должен был заминировать туннель, через который собирались проехать машины новозеландцев. Томми в самый раз подходил для этой работы, так как он был бригадиром в карьере и с взрывчаткой обращаться привык. Минами ему послужили несколько старых покрышек, подожженных на дороге.

Грузовик Макуильяма замыкал колонну, отступающую к Нью-Голлоуэю, в нем сидели те же самые люди, плюс велосипед на борту. Похоже, потерь не было. О нет! Оглянувшись, мы увидели, что нас неотрывно преследует новозеландский бронеавтомобиль с открытым верхом. Наш водитель делал, что мог, чтобы оторваться на узкой петляющей дороге, но избежать пленения шансов было мало. Вскоре броневик поравнялся с нами. Нам пришлось остановиться, а иначе грузовик заехал бы в канаву. «Теперь вы пленные!» — прозвучал требовательный голос из бронеавтомобиля. «Да неужели?» — ответил один боец-ополченец. Он влез на самый верх дощатого борта и заглядывал в открытый люк башенки. То-

варищ из местной обороны протянул ему полную лопату вчерашнего навоза. Импровизированный снаряд был нацелен внутрь башенки с убийственной точностью, и наш водитель включил сцепление.

Когда мы посмотрели назад, то увидели, что на дороге стоят и размахивают кулаками трое новозеландцев; но что они говорили, мы не слышали.

Военнопленный, 1944–1945 годы
Роберт Гариох

Поэт Роберт Гариох попал в плен у Тобрука в июне 1944 года, когда служил в штабе 201-й гвардейской моторизованной бригады. Остаток войны он провел в лагерях для военнопленных в Италии и Германии. В представленном рассказе речь идет о том периоде, когда он находился в лагере Кьявари на Итальянской Ривьере.

Погода становилась жаркой, неприятно жаркой. С каждым днем солнце жарило все сильнее, а ночи были теплыми и душными. Хотя одежды у нас почти не было, о прохладе и говорить не приходилось. Воздух наполнился мухами: каждого человека окружало целое облако этих насекомых. Когда мы ели, то пищу приходилось держать закрытой, просовывая руку под ткань, если мы хотели взять кусочек еды. И все равно мух нужно было отгонять от себя, чтобы они в рот не залетали. Такие лагеря, как наш, забитые людьми, должно быть, казались раем, устроенным специально для мух, со всевозможными потными и грязными вещами, на которых они

могли отъедаться и размножаться в громадных количествах. На походной кухне их было море, как и в нашем супе. В каждой капельке оливкового масла, что плавала на поверхности супа, входившего в наш паек, обязательно торчала маленькая муха. Наиболее брезгливым мух приходилось вылавливать, обычно из каждой ложки, что занимало практически весь вечер. Другой подход заключался в том, чтобы зажмуриться и проглотить все за один присест: вероятно, никакого особого вреда мухи и не причинили бы, но неприятна была сама мысль об этих мерзких тварях.

Обычно мы день напролет убивали мух, но, кажется, на их численности это никак не сказывалось, возможно потому, что мы не занимались этим в достаточной мере систематически. Поэтому лагерный комитет по улучшению бытовых условий организовал конкурс «Большая мухобойка». Каждый должен был собирать трупики убитых им врагов в жестянку, и тот, кто представит наибольшее число доказательств своего рвения, получит солидный приз. Мы принялись бить мух кто во что горазд. Мы изготовляли оружие из картонок и деревяшек и с энтузиазмом размахивали вокруг этими приспособлениями.

В поисках добычи нам незачем было далеко ходить; мы просто стояли на месте и раз за разом шлепали по одному и тому же участку освещенной солнцем стены. Один удар зачастую приносил дюжину мух. Мы набивали банку за банкой и относили их в комитет по быту, где отмечалась дневная добыча и где избавлялись от груд мушиных трупиков — а каким образом, мы не интересовались.

Повсюду, дабы поощрить нас к новым достижениям, были развешаны лозунги, призывавшие уничтожать мух, на английском и на африкаанс. На привлекающем своей мрачностью плакате была нарисована соблазнительного вида муха-самка, сидящая на куче яиц, а внизу были выведены цифры, показывающие, какое потомство она способна дать за сезон. Мы хлопали и шлепали, надеясь, что наши жертвы — женского пола. Нашлись среди нас пессимисты, утверждавшие, что все наши старания — пустая трата времени, но через несколько недель усиленного мухобойства показалось, что мух стало не так много, как прежде.

Однако возникла и другая проблема, ставшая источником наших страданий, избежать которых мы, что бы ни предпринимали, были не в состо-

янии. В каждом бараке было много деревянных коек, и в каждой неизменно обитало семейство клопов. Когда погода стала очень жаркой, эти клопы расплодились так стремительно, что от них просто житья не стало. Вся закавыка с этими тварями была в том, что днем они прятались по всем щелям, в стенах и деревянных койках. А как только мерк свет, они вылезали, ведя свою ночную жизнь, а мы от них просто с ума сходили. От каждого укуса на коже возникал волдырь; и были они такими крупными мерзкими тварями, что лишь при одной мысли о них пропадал сон. Когда мы ловили их, нащупав в темноте, то они превращались в грязную и гадкую слизь, издавая отвратительный запах. Мы никак не могли избавиться от них. Должно быть, наши усилия и давали какой-то результат, но клопы по-прежнему отравляли наши ночи.

Избавление от паразитов по утрам стало систематическим и рутинным занятием. Раздобыв тонкие стальные полоски от упаковочных ящиков, мы засовывали их в щели коек, а когда извлекали обратно, то они были измазаны в крови, а во все стороны разбегались клопы. Каждый день мы выносили наружу все детали коек, какие можно было отделить, и тщательно вычищали

все щели: должно быть, мы убили тысячи этих тварей, но все же они размножались быстро и справиться с ними не удавалось. Мы устраивали дни полной очистки, когда полностью разбирали койки и промывали их сильными дезинфицирующими средствами. Нам уже стало казаться, что ночи после таких кампаний всегда бывали худшими из всех. Возможно, клопы стремились компенсировать то, что провели плохой день.

Один человек, с математическим складом ума, из любопытства поставил свою койку в сторонку и подсчитал число клопов, которых он обнаружил в нескольких местах, там, где одна деревянная деталь соединялась с другой. Он выяснил, что в каждом месте в среднем насчитывалось примерно по двадцать пять клопов; а так как в каждой двойной койке-топчане имеется по тысяче тридцать две клопиной щели, то, как он подсчитал, на него с напарником на двоих приходилось три тысячи триста клопов.

Мы даже вытаскивали топчаны наружу и прокаливали все щели, держа над огнем и продувая; но видимого эффекта это не возымело. Потом несколько человек начали выносить наружу свои соломенные тюфяки, решив спать под звездным небом. К сожалению, этого нам делать не

разрешалось, и о таком варианте мы не думали. И карабинеры, обычно совершавшие обход посреди ночи, заставили их вернуться обратно в бараки. Но мы настаивали, протестовали, пока наконец комендант, который, в общем-то, как мог старался нам помочь, не дал желающим дозволение спать снаружи. В минувшую войну комендант сам был военнопленным и относился к нам с определенным сочувствием. Правила не позволяли ему сделать многого, но он использовал любую возможность, чтобы жизнь в лагере была вполне сносной. Поэтому мы покинули бараки, оставив их во владение клопам, и вытащили свои постели наружу. К счастью, клопы, как племя консервативное, остались жить в щелях, как и все их прародители, и не помышляли прятаться в одеялах. Если один-два все же выбирались с нами наружу, то с этими мы разделывались быстро.

Приятно было спать под открытым небом теплыми летними ночами, иногда просыпаясь и глядя на звезды, на те же самые созвездия, на которые, возможно, смотрят на родине мои соотечественники; и казалось, они совсем близко — там, сразу за краем мира, — живут прежней жизнью и думают о нас, по крайней мере, мы на это надеялись. Рано-рано поутру иногда выпадала

роса, и мы просыпались в гуще влажного тумана; но вреда от него не было. В бараки мы уходили только во время авианалетов, когда нам не разрешали находиться вне стен. Мы привыкли к тому, что тогда нас будил сигнал трубы, а все огни в лагере гасили. Потом появлялись карабинеры и загоняли нас внутрь, к клопам. Мы слышали гул пролетающих самолетов, а иногда вдалеке — и разрывы бомб, обычно в направлении Генуи. Как только вновь зажигался свет и звучала труба, мы выходили наружу. Авианалеты становились все чаще и чаще, пока не стали еженощными, так что кое-кто устраивался на ночлег под бараками, где не было видно охране. Впрочем, спать там было не очень удобно; у клопов была привычка падать сквозь щели в полу на спящих, так что большинство из нас предпочитало ночевать под открытым небом и уходить внутрь на время налетов.

Второй Эдинбургский фестиваль, 1948 год
Тайрон Патри

Первый Эдинбургский международный фестиваль был проведен под бурные восторги в 1947 году и оказался тем крайне необходимым лекарством, которое оживило серую и пресную художественную жизнь послевоенной Великобритании. Критика звучала только в отношении одного обстоятельства — мол, недостаточно представлено шотландских работ. Как в числе прочих сказал романист Э. М. Форстер, примечательно отсутствие драматургов Дж. М. Барри и Джеймса Бриди. Поэтому была достигнута договоренность, что к фестивалю 1948 года театральный режиссер Тайрон Гатри выпустит спектакль «Три сословия» по пьесе сэра Дэвида Линдсея, а ее не ставили в Шотландии с шестнадцатого века. По мнению Гатри, она в три раза длиннее «Гамлета»; несомненно, ее постановка — колоссальная задача, как с точки зрения театрального режиссера, так и с точки зрения материально-технического обеспечения. Трудно-

сти, с которыми столкнулся Гатри, он обсуждал с Джеймсом Бриди, который сказал, что знает одного человека, который мог бы помочь подыскать место для постановки.

Несколько недель спустя, за выпивкой, Бриди познакомил меня с Робертом Кемпом. Я помню, как тот вошел, появившись из эдинбургского моросящего дождя, в плотном твидовом пальто, твидовой кепке, которая вышла из моды еще тогда, когда мой отец был мальчишкой, с толстой тростью из ясеневого дерева в руке, куда больше похожий на торговца скотом, чем на писателя. Мы обсудили «Три сословия», сошлись во мнениях и с того мгновения стали лучшими друзьями.

На следующий день под проливным дождем мы отправились подыскивать подходящее место для постановки пьесы. Бриди, Кемп и Уильям Грэм из оргкомитета фестиваля вместе со мной погрузились в предоставленный нам на время муниципалитетом благородного вида старинный «даймлер», за рулем которого сидел благообразный пожилой шофер. Мы побывали в огромных залах и маленьких зальчиках. Залах старинных и современных, залах мирских и церковных, залах на верхних этажах и в подвалах, в танцевальных и лекционных залах, на катках и в пивных.

Дождь продолжал лить. Мы насквозь промокли, и Бриди, как наш доктор-терапевт, посоветовал, исключительно в качестве лекарственного средства, дабы не подхватить простуду, принять порцию «горячительного». Мы заглянули еще в несколько залов и еще несколько раз приняли по стаканчику. Поиски пошли веселее. Бриди и пожилой шофер затянули песню, а наш старинный «даймлер» несся от плавательного бассейна, воду из которого, как нас уверяли, можно без проблем слить и который находился на восточной окраине города, к центру отдыха с парной баней и прачечной, расположенному в западной части города. Наползала тьма; уличные фонари отражались в лужах. Наши певцы почти исчерпали свой репертуар; у лимузина кончался бензин; Уильям Грэм заснул на потертом сиденье. Я начал остро осознавать, что втянул всех в погоню за химерой. Потом, тоном человека, для которого признать нечто для себя неприятное все равно что нож острый, сказал Кемпу: «Есть еще зал Ассамблеи».

В тот миг я в душе понял, что мы попали в самую точку. Зал этот просторный и квадратный, в готическом стиле, относится примерно к 1850 году. В нем есть глубокие галереи и покатый пол, с уклоном к центру, где, окруженный огра-

дой, стоит трон председателя церковного суда. На креслах — серовато-зеленая обивка; везде бесконечные каменные коридоры. На середине крутого черного подъема — здание возведено на одном из обрывистых уступов Замковой скалы — стоит грозная статуя Джона Нокса. Там еще висят бесчисленные портреты покойных столпов шотландской церкви, в числе прочих, как я впоследствии выяснил, имеется очень неплохая картина работы Харви, на которой изображен мой прадед, проповедующий под открытым небом в Хайленде.

Из прочих никто не считал этот зал особенно подходящим; но на них произвели впечатление моя страстная уверенность и энтузиазм, и мы договорились, что нужно будет спросить церковные власти, возможно ли использовать зал для постановки пьесы. Шотландская церковь, славящаяся своей суровостью, могла недоверчиво отнестись к тому, что в зале Ассамблеи перед сидящими зрителями будут скакать и кувыркаться шуты и самодовольно расхаживать накрашенные женщины. Напротив, никаких затруднений просьба не встретила; никто не предлагал подвергнуть цензуре скабрезные места в тексте, не провозглашал запрета на табак, алкоголь или

гримерные. Было лишь одноединственное условие: нельзя забивать гвозди в трон председателя церковного суда.

Похищение Камня судьбы, 25 декабря 1950 года
Иэн Гамильтон

Со времен Александра III Скунский камень, в народе широко известный как Камень судьбы, играл символическую роль в получении королевской власти. В 1296 году он был вывезен из Скунского аббатства в Пертшире солдатами Эдуарда I и помещен в Вестминстерское аббатство, что породило у шотландцев чувство национальной обиды и возмущения. Многие мечтали о том, чтобы Камень вновь оказался на своем законном месте в Арбротском аббатстве. В 1996 году, с должными церемониями, он был возвращен в Шотландию, однако героическая попытка вернуть Камень судьбы была предпринята в Рождество 1950 года. Иэн Гамильтон и три его приятеля-студента сумели выкрасть реликвию, но успех их был недолог.

Мы перескочили через ограду, перебежали освещенное место и стояли, прижавшись в отсветах фонарей к сверкающей двери. По крайней мере, действовать придется не в темноте.

Гэвин налег плечом на дверь.

— Фомка! — прошипел он.

Я повернулся к Алану.

— Фомку давай!

— Что? — сказал Алан. — Я думал, ты ее взял.

Сконфуженно я вернулся к машине и вытащил ломик из-под сиденья, куда я его спрятал во время встречи с детективом.

Поначалу дверь произвела на нас некоторое впечатление, поскольку створки закрывались плотно, а щель между ними была закрыта деревянной планкой, от самого верха до низа. Мы страшно боялись шума, и острым концом фомки выковыряли достаточно дерева, чтобы просунуть лапку ломика между двумя створками двери. Потом мы втроем налегли на другой конец фомки, и дверь несколько раз заскрипела. Скрип показался нам выстрелом сигнальной пушки. При каждом скрипе мы ожидали, что вызванная сторожем полицейская машина с сиреной промчится по улице. Пусть приезжает; если мы и проиграем, то проиграем в борьбе.

Теперь я смог просунуть в щель пальцы и нащупать изнутри засов. Он был слабым. Мы сунули ломик под низ двери, и она, вместе с запором, приподнялась над землей. Наша брешь расши-

рилась до трех дюймов. Мы заглянули внутрь аббатства. Никакого сторожа там не было. Никто нас не поджидал.

Мы просунули фомку под замок и втроем, мощным рывком, провернули ломик. Издав громкий треск, дверь распахнулась. Сидевшая в машине Кей услышала раздавшийся треск и вздрогнула, но путь в аббатство был открыт.

Мы прошмыгнули внутрь. Я вернулся и притворил за собой двери. Эту часть я не раз повторял в уме.

Западная часть нефа была тускло освещена, все остальное было погружено в непроглядную темень. В молчании мы торопливо двинулись по трансепту и обнаружили, что дверца в металлической решетке открыта. Мы прокрались внутрь, добрались до капеллы Исповедника. К шагам сторожа мы не прислушивались, так как все равно услышали бы его приближение. По крайней мере, мы сумеем коснуться камня.

Капелла утопала во тьме. В слабом свете моего фонарика ведущие в алтарь стеклянные двери походили на черные простыни, и я торопливо отвел луч в сторону, высветив зеленый мрамор надгробия Эдуарда I, чьих мертвых костей Брюс боялся больше, чем любого живого англичанина.

Двое других парней уже убрали в сторону ограду, отделявшую публику от трона. Камень был перед нами, на высоте груди, в нише под сиденьем Коронационного кресла, установленного на высоте трех футов на каком-то подобии скамьи. Мы осторожно отделили фомкой деревянную планку спереди трона, удерживающую Камень. Дерево иссохло от возраста, оно трескалось и расщеплялось, и я испытал сожаление, поскольку это нам не принадлежало.

Теоретически Камень должен был выскользнуть, но он был очень плотно пригнан и из-за своей тяжести неповоротлив. Я обошел трон сзади и толкнул каменный блок. Камень чуть сдвинулся с места. Цепи по бокам не давали возможности ухватиться за резные боковины трона, и так как мы втроем были охвачены лихорадочным возбуждением, ни у одного из нас не хватало терпения, чтобы держать фонарь. Наконец мы поняли, что грубая сила и непроглядный мрак не помогут сдвинуть камень с места, и решили перевести дух. Потом мы, с новыми силами, взялись за работу: один человек держал фонарь, другой фомкой, как рычагом, поддевал сбоку, а третий толкал сзади. Он двигался. Он скользил вперед. Мы двигали Камень. Английский трон больше

его не удерживает.

Мы истекали потом и тяжело дышали. Он вылезал. С трона упала табличка «Коронационный трон и Камень». Я подхватил ее в воздухе и сунул в карман пальто. Больше она им не понадобится. Камень почти освободился. Еще один, последний толчок.

— Давай! — сказал Гэвин.

Я толкнул сзади. Камень скользнул вперед и оказался между ними. Я бросился на помощь, и мы, пошатываясь, преодолели ярд. Нам пришлось его опустить на пол. Камень был слишком тяжелым.

— Пальто! — сдавленно промолвил Алан.

— У меня самое крепкое, — сказал я.

Да, оно было крепким, но мне хотелось, чтобы мое пальто удостоилось подобной чести. Я вытряхнул фомку из кармана. Вернемся за ней позже. Я содрал с себя пальто и положил его наземь; одно торопливое усилие, и Камень оказался на моем пальто.

Я ухватился за одно из железных колец и сильно потянул. Камень пошел легко — слишком легко для своего веса, и я понял, что произошло нечто жуткое.

— Стойте! — воскликнул я и зажег фонарик.

Не забуду того, что предстало моим глазам в слабом свете: как оказалось, я оттащил кусок Камня от большей его секции, и вторая, малая, часть лежала в страшном разъединении от родительской.

Мне стало плохо. Все теперь стало иначе, и появилась новая задача, не самая приятная. Чем уносить разбитый Камень, лучше завопить и позвать сторожа — пусть починят Камень!

— Мы разбили счастье Шотландии, — в благоговейном ужасе прошептал Алан.

Я посветил фонариком на излом и вдруг заметил, что большая его часть намного темнее, чем тонкая светлая полоса с верхнего краю. В Камне многие годы была трещина, и никто об этом не говорил.

— Нет, не мы! — сказал я. — Это они его разбили. Они обманывали нас и утаивали!

— Кончайте болтать и пошевеливайтесь! — заметил Гэвин.

Я схватил меньший кусок, как футбольный мяч, и открыл дверь алтаря. В дальнем конце нефа по-прежнему дрожал тусклый свет, но от сторожа ни слуху ни духу.

Я торопливо прошагал мимо алтаря, спустился по ступеням и вошел в трансепт. Эта часть Камня

весила примерно сотню фунтов, но я был словно бы на спортивной площадке, какой бы помехой ни была эта тяжесть. Я вышел на свет, льющийся из двери Уголка поэтов, и вновь нырнул во мрак дворика каменщиков. Алан предусмотрительно открыл двери, перед тем как войти в аббатство, так что ничто мне помешало. Кей увидела меня и проехала по улочке навстречу мне. Она открыла дверцу, и я закатил кусок Камня на заднее сиденье.

— Он раскололся, — сказал я. — Давай обратно в укрытие.

Не знаю, что она подумала, но к тому времени, как я вернулся в аббатство, машина снова стояла на прежнем месте в начале улочки.

Дела у остальных двоих шли неплохо. Ступени, ведущие с алтаря вниз, были широкими и невысокими, и преодолеть их особого труда не составило. Мы вцеплялись с разных сторон в пальто и, держа его между собой, тащили вниз, ступенька за ступенькой. Все проходило тихо, слышалось только наше тяжелое дыхание, да изредка кто-то приглушенно кряхтел от натуги. Время от времени раздавался жалобный звук рвущейся ткани, пальто с трудом справлялось с этой тяжестью.

Мы добрались до подножия ступеней и поволокли Камень через неф. Пот слепил глаза, мы задыхались… Вдруг, каким-то чудесным образом, мы очутились у дверей и остановились, переводя дыхание, поскольку совсем выбились из сил.

— Еще один рывок, — сказал Алан. — Теперь нам нельзя проигрывать.

Я открыл дверь, и в тот же миг услышал, как завелся двигатель машины. Автомобиль двинулся по улочке, откуда его хорошо было видно с дороги. Нам все равно еще надо было перетащить Камень через дворик каменщиков. Слишком рано подгонять машину.

— Дура, — сказал я и рванулся мимо ряда навесов к Кей, чтобы заставить ее отогнать машину обратно в укрытие.

Автомобиль стоял возле пролома в заборе. Я открыл дверцу.

— Гони обратно и спрячься, — бросил я отрывисто. — Мы еще не готовы.

Кей холодно посмотрела на меня.

— Меня полисмен видел, — сказала она. — Он идет через дорогу.

Я забрался в машину рядом с ней и бесшумно прикрыл дверцу. Потом потянулся вперед и включил фары. Я старался восстановить дыхание

и вытирал с рук пыль аббатства — о пальто Кей. Я закинул руку на заднее сиденье, нашарил запасную куртку Алана. Осторожно я накинул ее на фрагмент Камня. Потом заключил Кей в объятья.

Мы оба оказались в странной ситуации, однако никто из нас не чувствовал себя смущенным или обеспокоенным. Кей была спокойна и невозмутима, словно бы мы остановились по пути домой с танцев, и пару минут я был так поглощен насущной задачей, что совершенно забыл о полисмене. Для нас это была уже третья бессонная ночь, и я думал, что наши чувства настолько притуплены усталостью, что всякую ситуацию мы будем воспринимать как нормальную. Разум наш был холоден как лед, и мы так крепко обхватили друг друга в темноте и так долго не ослабляли объятий ради нашей главной цели, что не было места ни страху, ни панике.

Перед нами возникла смутная фигура полицейского.

— Что тут происходит? — громко спросил он. Было совершенно ясно, что тут происходит. Мы с Кей отпустили друг друга не раньше, чем дали стражу порядка уйму времени поглазеть на нас.

— Канун Рождества, офицер. Ну, вы же понимаете, — объяснил я.

— Канун Рождества? Как бы не так! — ответил он. — Уже пять часов утра Рождества.

— Ого! — сказал я. — Неужели уже столько времени?

— Это частная собственность. Вам нельзя тут оставаться, — сказал он нам. — И почему это вы проехали вперед, когда меня увидели?

— Я знаю, — промолвил я смиренно. — Я понимаю, что нам тут находиться нельзя. Мы включили фары, чтобы показать вам, что собираемся уезжать.

— Но куда нам деваться? — спросила Кей, кокетливо глядя на него. — На улице так много народу.

Мы объяснили ему, что отправились в поездку из Шотландии, а когда приехали в Лондон, то было уже поздно искать ночлег. Мы сидели и держались за руки, пытаясь создать у него впечатление, что безумно влюблены и даже на миг не хотим расстаться друг с другом, а в гостиницу ехать не хотим.

Он почувствовал к нам симпатию. К моему ужасу, полисмен снял шлем и поставил его на крышу машины. Закурил сигарету и всем своим видом показывал, что уйдет не раньше, чем ее выкурит.

— Там дальше по дороге есть неосвещенная автостоянка, — промолвил он, задумчиво почмокав губами. Мы знали об этой стоянке. Там была запаркована наша вторая машина.

— Ну, не будь нам тут так уютно, — сказала Кей, засовывая голову льву в пасть, — то мы всегда можем сделать так, чтобы вы нас арестовали и предоставили нам кровать в тюрьме.

— Нет-нет! — понимающе промолвил констебль. — В Лондоне сегодня не найдется полисмена, который вас арестует. Никому не хочется в день, когда дарят рождественские подарки, появляться в суде и свидетельствовать против парочек.

Кей сжала мне руку.

— Хорошая ночка для преступления! — сказал я, и мы все рассмеялись.

Все это время я слышал доносящийся из-за забора шорох. Почему бы, скажите на милость, им не затаиться, пока не уйдет полицейский? Выяснилось потом, что они и представления не имели, что мы там полицейского развлекаем, и на все лады костерили и меня, и всех моих предков до десятого колена за то, что я рассиживаюсь в машине, пока им приходится всю работу делать.

Кей тоже услышала шум, и мы втянули кон-

стебля в оживленный разговор. Он нашел в нас великолепную компанию. Впредь каждое его мало-мальски смешное замечание встречалось взрывами громкого хохота, а когда он сподобился на шутку, то мы едва в конвульсиях не забились. Должны же они услышать наш смех и насторожиться.

Из-за забора донесся приглушенный мягкий стук. Констебль замолчал, напрягся, прислушиваясь. Сердце у меня ушло в пятки. Ладонь Кей в моей руке одеревенела. Потом полисмен рассмеялся и сказал:

— Это старик-сторож с лестницы свалился.

Мы с Кей закатились безудержным истерическим смехом — так нам было смешно представить себе, как сторож падает на лестнице. Уж теперь они наверняка нас услышали.

— Поскорей бы шесть часов пробило, — заметил констебль. — Тогда бы мое дежурство кончилось.

Уголком глаза я заметил, как медленно приоткрывается дверца в заборе: Показалось лицо Гэвина, потом его голова и плечи. Вдруг он замер, как громом пораженный. Он заметил полисмена, и губы безмолвно зашевелись в каком-то ругательстве. Дюйм за дюймом он пятился обратно, и дверь за ним затворилась. Полицейский докурил

свою сигарету и нахлобучил шлем.

— А вы лучше езжайте отсюда, — сказал он нам.

— Так и сделаем! — сказал я, утирая со лба капли холодного пота.

— Вы дорогу нам не покажете? — спросила Кей, стараясь увести его подальше отсюда.

— Ну, уж мимо стоянки не проедете, — заметил он, рассказывая нам, куда ехать.

Кей завела двигатель. Хотя слышать ей это будет неприятно, но водитель она и сейчас плохой, однако тем утром она с машиной плохо управлялась с умыслом, а не потому, что водить не умела. Никогда сцепление не включалось так резко; никогда машину так дико не бросало из стороны в сторону. Я оглянулся и помахал констеблю. Как Кей и предполагала, полисмен следовал за нами — он был изумлен таким сумасшедшим стилем вождения, чтобы обращать внимание на что-то другое. Мы добрались до Олд-Пэлас-Ярд, и Кей, прибавив скорость, погнала автомобиль дальше.

Джимми Макбет, король корнкистеров, 1951 год
Хэмиш Хендерсон

Пионер в изучении фольклора, Хэмиш Хендерсон сыграл важнейшую роль в записи, собирании великих шотландских баллад и сохранении балладной традиции Шотландии. В начале 1950-х годов он, автор песен и поэт, начал путешествовать в поисках исполнителей баллад. Позднее его работы попали в архив только что образованной Школы шотландских исследований в Эдинбурге, которую он номинально, хотя и с большим воодушевлением возглавлял. Ниже он описывает одну из первых своих поездок. Корнкистер — исполнитель баллад в «лачужном стиле».

Что такое «лачужный стиль» — образ жизни рабочих на фермах Северо-Запада до Первой мировой войны — Джимми узнал на собственном горьком опыте. В тринадцать лет он бросил школу и на ярмарке в Брандейне нанялся на работу на ферму в приходе Дескфорд, что к югу от Куллена в Баффшире… Самым ярким его воспоминанием о первом годе работы стало жестокое

избиение цепью от телеги за то, что не справился с управлением лошадьми… Неудивительно, что позднее Джимми Макбет отзывался о рабочих на фермах Северо-Запада того времени как «крайне забитых и печальных людях, очень угнетенных и подавленных». Условия, в каких приходилось парням жить и работать, то, чем их кормили (обычно — заваренная кипятком овсяная мука) — обо всем этом горько жалуются и сокрушаются в «лачужных балладах», и когда очень далеко от Северо-Запада Джонни спел слушателям «Друмделги», то о труде на фермах в прежние дни он сумел по-настоящему узнать намного больше, чем способны сообщить сотни правительственных документов и бюрократических докладов.

Начало Первой мировой войны так или иначе дало шанс порвать с этим «тяжким рабским трудом». Джимми вступил в Гордонский полк и воевал в окопах Франции и Фландрии… Демобилизовавшись, он столкнулся с гнетущей перспективой вновь запрячься в ярмо на ферме, но судьба — в облике Джорди Стюарта из Хантли, богатого коммивояжера, — решила иначе. Джорди был ценителем баллад, и именно он заронил в голову Джимми идею, что тот мог бы лучше зарабатывать своим необыкновенным голосом,

обладавшим уникальными низкими тонами, будучи уличным певцом, чем, подчиняясь нужде, вернуться к прозябанию в хибарах на фермах. Джорди не только убедил Джимми, что на этом пути того поджидают слава, деньги и великое вокальное будущее; он также научил его двум-трем десяткам песен, которые благодаря Джимми стали впоследствии знаменитыми, в том числе и лучшим вариантам, которые в настоящее время собраны в сборнике «Идемте, бродяги и торговцы»…

По-настоящему Джимми обретал себя во время ярмарки в Айкее… Когда появлялся Джимми Макбет, он сразу же оказывался в центре оживленной группы рабочих с ферм, которые наперебой просили спеть «Склоны Россшира», «Рви, распарывай», «Шар из Кирримира» и другие красочные песни из его репертуара…

Впоследствии Джимми отремонтирует гостиничный бар в Олд-Дире, и веселье продолжится. Хорошо помню, как увидел его в 1953 году, в расцвете славы — в этом самом баре, вечером ярмарочного дня; один сельскохозяйственный рабочий, Который, очевидно, испытывал к нему сильную привязанность, сидел и внимательно слушал, пока Джимми учил его, куплет за

куплетом, песне «Прекрасные холмы Эрлин». Я чувствовал, что это большая привилегия — быть свидетелем подлинного акта изустной передачи традиции, особенно когда учителем выступает не кто иной, как нынешний «король корнкистеров».

Обычно Джимми пел на «Турра-маркете» (ярмарке грузчиков), и именно в Турриффе мы с Аланом Ломаксом в 1951 году впервые сделали запись его выступления. Тропинка, которая привела нас к Джимми, начало брала у «Лорди» Хэя, бывалого певца «лачужного стиля», с которым я встретился во время прошлой поездки… Мы записали с ним множество песен в гостинице «Коммершиэл» в Турриффе; вдобавок он составил для нас краткую сводку о творческом пути и личности Джимми Макбета и любезно рассказал, где мы, вероятно, можем того отыскать. Как оказалось, в «Норт-Лодже», образцовых меблированных комнатах в Элгине.

На следующий день мы поехали на запад от Турриффа, через Банфф и Бакки. Алан высадил меня возле дома Джесси Мюррея в Бакки и поехал один в Элгин, чтобы забрать Джимми. Джесси, знаменитый исполнитель баллад, был на редкость в хорошей форме, и я едва заметил, как пролетели

два часа, когда вдруг сообразил, что слышу, как к дому подъезжает машина Алана. Через минуту-другую мы с Джесси оба одновременно и впервые увидели Джимми; опередив Алана, он вошел на кухню, и лицо у Джимми сияло, на нем играл румянец, в том числе и от выпивки. Наступила тишина, а потом Алан сказал: «Хэмиш, Джесси!.. Хочу познакомить вас с Джимми Макбетом».

Полчаса спустя мы уже были на пути в Туррифф, и Джимми пел на заднем сиденье автомобиля… Когда он узнал, что мы направляемся в «Турратун», то не был уверен, какой прием там встретит. Когда он был в городе в прошлый раз, местная полиция вышвырнула его из города, настрого велев никогда больше в Туррифе не появляться. Тем не менее Алан уверил его, что это «особый случай» — и это действительно было так, — и Джимми триумфально въехал в город. Вскоре он получил номер — и королевскую выпивку — в лучшей гостинице города.

И Джимми, который никогда не упускал случая заявить, что якобы происходит от того самого Макбета, который «заколол короля Дункана сквозь тюфяк», — а заодно, при должном воодушевлении, и от самой симпатичной из трех сестер-ведьм, — быстро сообразил, что здесь, в

лице двух бродячих фольклористов в «форде-англии», ему явилась сама судьба и что повторное появление (несмотря ни на что) в «Турра-тун» знаменует собой качественное изменение в его творческой карьере, в его более чем плутовской жизни. Те первые записи, сделанные в гостинице «Коммершиэл», означали не что иное, как пересечение в пространстве и во времени старого мира ярмарки в Айкее и нового мира будущего, где на несуществующий пока и в мечтах фестиваль в Киле со всей Британии будут съезжаться сотни юных поклонников, чтобы услышать Флору Макнил, Эвана Макколла, Маргарет Барри, Феликса Дорана, Белл и Алекса Стюартов — и самого Джимми Макбета, ставшего для всех бедных и обездоленных символом и объединяющим фактором.

Флодденская битва на футбольном поле, 15 апреля 1961 года
Дэнис Лоу

Полный разгром шотландской футбольной сборной со счетом 9:3, нанесенный ей англичанами на стадионе «Уэмбли», был самым тяжелым поражением, которое она когда-либо испытывала, и этого унижения шотландцы до сих пор не забыли. Впоследствии вратарь Фрэнк Хаффи эмигрировал в Австралию.

У Англии, когда мы с ними встретились, шла полоса удач. В том же сезоне, раньше, они уже победили Северную Ирландию со счетом 5: 2, выиграли у Люксембурга 9: 0, у Испании — 4: 2 и у Уэльса — 5: 1. В том же духе они продолжили и после игры с нами, нанеся поражение Мексике со счетом 8: 0. Если кажется, что мне не хочется начинать разговор о матче, то те, кто помнит саму игру, вероятно, понимают, почему…

Начало Англией было положено уже через девять минут, это сделал Бобби Робсон. Воинство шотландских горцев впало в безмолвие. По их мнению, не так все должно было быть. В тот день

на «Уэмбли» собралось около 100 000 человек, и шотландцы были, как обычно, самой шумной их частью, но английские болельщики громкими голосами встретили гол Робсона, и атмосфера, и без того напряженная, быстро стала накаляться. И как будто специально, по заказу, Джимми Гривз — ну а кто бы еще? — делает счет 2:0 после 20 минут, а потом, спустя еще 9 минут, вновь поражает ворота. Не знаю, почему еще до перерыва Англия не забила намного больше. Мы пришли сюда за добычей, но счет оставался прежним.

В перерыве в нашей раздевалке не было практически ничего живого. Мы не просто пребывали в полном замешательстве от происходившего на поле, в те минуты мы были буквально «выключены». Вину подсовывали друг другу, точно гранату с выдернутой чекой. Впрочем, мы сумели как-то собраться, и какой-то командный дух все же на время объединил наш лагерь. Мы поняли, что не все потеряно и что мы можем еще отыграться, если постараемся изо всех сил. К тому времени как мы вышли на поле, мы были куда больше заряжены на игру, чем до начала матча.

Второй тайм только-только начался, когда Дэйв Маккей нанес стремительный дальний удар, который заставил Рона Спрингетта, сто-

явшего в английских воротах, ошибиться. Мяч вонзился в сетку, и «Клетчатая армия» в едином порыве вскочила на ноги. Благодаря этому мы обрели немало уверенности в своих силах, и очень скоро Дэви Уилсон забил наш второй мяч, нанеся замечательный удар головой в падении. Англия зашаталась, сцена была готова для одного из самых замечательных реваншей в истории футбола.

Этого не случилось. Англия бросилась на ответный штурм и была вознаграждена свободным ударом возле нашей штрафной. До сего дня нам представляется несправедливым, что Джимми Гривзу дали возможность пробить на несколько ярдов ближе к линии штрафной, чем следовало. Должно быть, судье в глаз какая-то грязь попала, но после этого удара мяч попал к Брайану Дугласу, который сделал счет 4: 2. Мы были крайне разочарованы, потому что гол казался несправедливым.

После этого мы совсем развалились, и Англия полностью взяла контроль над ситуацией в свои руки. За 18 минут до конца Бобби Смит делает счет 5: 2, и даже когда Пэт Куинн отквитал его гол, значения это, как казалось, больше не имело. Менее чем за две минуты Джонни Хейнс забил

дважды, Джимми Гривз сделал хет-трик, а Бобби Робсон поставил точку — 9:3. Этот результат вошел в историю как самый несправедливый с точки зрения шотландцев. Капитана английской команды, Джонни Хейнса, на руках уносили с поля, вратарь англичан Рон Спрингетт торопился проведать новорожденную дочку, а Фрэнк Хаффи рыдал. Думаю, в нашей раздевалке, превратившейся в покойницкую, мы все готовы были расплакаться, но волю слезам дал только Фрэнк. Больше никогда он не играл за Шотландию.

Петиция женщин, желающих стать священниками шотландской церкви, 26 мая 1963 года
Мэри Ласк

Мэри Ласк (позднее — Левинсон), диакониса шотландской церкви, вошла в историю, обратившись в Генеральную ассамблею шотландской церкви с просьбой допустить женщин до посвящения в священнический сан. Хотя в последующем Левинсон и не стала первой женщиной, рукоположенной в сан, она считалась самым влиятельным участником кампании за право женщин занимать любые посты в церкви. По мнению одной газеты, дела Левинсон ставят ее вровень с двумя другими борцами за права женщин, Софией Джекс-Блэк и Нэнси Астор. Свою имеющую революционный характер петицию она представила в пятнадцатиминутной речи на заседании Генеральной ассамблеи. Ее слова были встречены таким воодушевлением, что ассамблее вынуждены были напомнить: аплодисменты в зале собраний не разрешены.

Мне представляется курьезной ситуация, что

от меня, как от женщины, потребовали привести особые доводы, почему меня нужно посвятить в сан; поскольку мое обращение состоит в том, что как человек я могу исполнять все обязанности священника церкви и, следовательно, имею право быть посвященной в конкретный сан в рамках церкви…

Я могла бы указать, что в Священном писании нельзя найти никаких теологических оснований для того, чтобы не позволять женщине иметь сан. Если взять Новый Завет в целом, то очевидно, что женщины принимали участие во всем богослужении, и сам Христос, а затем и его последователи, полностью принимал женщину как человека. Часто считают, что в этом вопросе камнем преткновения является Павел со своими призывами к молчанию. Но несомненно, их следует воспринимать на фоне куда более многочисленных фактов его отношения к женщинам в церкви — как к равным в труде и как к духовным руководителям в молитве и публичной проповеди и богослужении, — и все это основывается на том теологическом основании, что Христос не проводил различия между мужчинами и женщинами.

Разумеется, обряд Искупления во Христе не

противоречит обряду Творения. Разумеется, мужчины остаются мужчинами, а женщины — женщинами, и мы гордимся этим. Не может быть и речи о женщинах, желающих уподобиться мужчинам и взять на себя то, что, как доказано, является мужской функцией. Но меня все равно требуется убедить, что проповедь Слова Божьего — нечто такое, на что способен лишь мужчина; будь я в этом убеждена, то перестала бы сама это делать. Я не в состоянии понять, почему право совершения таинств дано мужчинам исключительно в силу их принадлежности к мужскому полу. И если в случае с женщинами возникают возражения в порядке служения, то мы обязаны напомнить себе, что единственная форма управления, по праву осуществляемая в церкви, зиждется на полномочиях Его служителя, и, несомненно, право на подобные полномочия не может принадлежать исключительно мужскому полу.

Принц Чарльз и шерри-бренди, 20 июня 1963 года
«Дейли телеграф»

На следующий год после того, как принца Чарльза отправили в школу Гордонстоун, он произвел фурор: один журналист застал его в тот момент, когда, во время поездки в Сторноуэй, он заказывал шерри-бренди в общественном месте. Сначала Букингемский дворец официально отрицал случившееся, но позднее был вынужден признать правду.

Частный детектив принца, Дональд Грин, был немедленно уволен с королевской службы, а директор школы наказал принца, понизив его ранг в школе. Впоследствии Чарльз замечал в отношении этих, со всей очевидностью, забавных событий: «Мне казалось, наступил конец света».

Букингемский дворец отказывается от своего опровержения: он покупал шерри-бренди!

Принц Уэльский, которому 14 лет, в понедельник действительно покупал спиртное в коктейль-баре гостиницы в Сторноуэе (Льюис). Вчера Букингемский дворец отказался от

своего опровержения и не отрицает, что, как и сообщалось, принц на самом деле купил себе шерри-бренди за 2 шиллинга 6 пенсов. Мистер Ф. Р. Г. Чью, директор школы Гордонстоун, где учится принц, позднее заявил, что в школе мальчикам запрещено употреблять алкогольные напитки. Он также добавил: «Если после расследования сообщения получат подтверждения, то я рассмотрю вопрос о необходимости применения дисциплинарных мер. В настоящее время я не знаю всех подробностей. По возвращении мальчиков в школу из Сторноуэя я опрошу их». Он отказался говорить, какого рода дисциплинарные меры могут быть приняты.

Нагота на Эдинбургском фестивале, сентябрь 1963 года *«Скотсман»*

В то же самое лето, когда вниманием общественности Великобритании завладел скандал «Профьюмо — Келлер», репутация Эдинбургского фестиваля оказалась подмочена имевшим место вопиющим случаем аморальности: на конференции по драматургии, организованной импресарио Джоном Калдером, на тележке провезли полностью обнаженную женщину. Ситуация, как считали, вышла далеко за рамки хорошего вкуса. Заголовки на первой странице «Скотсмана» подтверждают, что когда в Эдинбурге предлагали провести фестиваль, кое-кто испытывал опасения, что отношение горожан к подобному событию окажется чересчур пуританским. Однако, вопреки осуждению, которому подвергся Калдер за ту конференцию, Эдинбург быстро привык к новой атмосфере художественного эксперимента и провокации и вскоре фактически стал невосприимчивым к подобного рода потрясениям.

Комментируя прошлым вечером неожиданное появление в субботу, на заключительном заседании Драматургической конференции в «Макъюэн-холле» обнаженной женщины, граф Харвуд, художественный руководитель Эдинбургского фестиваля, сказал, что, по его мнению, инцидент лишил фестиваль всякой возможности провести в следующем году еще одну конференцию подобного характера. Сам этот случай он назвал крайне глупой и бессмысленной выходкой.

Из-за имевшего место происшествия закрытие фестиваля сопровождалось взрывом бурного негодования. Эдинбургскую модель Анну Кеселер (19 лет) прокатили по органной галерее за 30 секунд как часть спектакля «театра действия», поставленного Кеннетом Дьюи (21 год), режиссера-авангардиста из Лос-Анджелеса. Это был эпизод из организованной мистером Дьюи «пьесы-хэппенинга», который был призван привлечь зрителей к участию в конференции…

Мистер Джон Калдер, лондонский издатель и организатор конференции по драматургии, считает всю эту затею «очень забавной». Иначе полагает лорд-провост Эдинбурга Дункан М. Уизерстоун. «Это настоящая трагедия, что три

недели блестящего Эдинбургского фестиваля оказались опорочены бессмысленной вульгарностью», — отметил он в обнародованном вчера возмущенном заявлении.

После первого ошеломленного вздоха, последовавшего за появлением обнаженной мисс Кеселер в «Макъюэн-холле», зрителей в дальнейшем поразил вид и музыка волынщика, вышагивавшего по верхнему ярусу. Кто-то повесил на сцене овечий скелет, люди висели на окнах на высоте 70 футов, и все это сопровождалось фоновым шумом записанного на магнитофонную пленку невнятного бормотания зрительного зала.

И, как будто этого было мало, американская киноактриса Кэрролл Бейкер с царственным видом выскользнула из своих норковых мехов цвета апельсина, обнаружив под ними плотно облегающие серебристые тунику и лосины. Затем, без всякой очевидной причины, она спрыгнула со сцены и направилась прочь из зала — но не по проходу, а перепрыгивая через кресла, без всяких «извините меня» или «с вашего разрешения».

Мистер Джон Калдер находился в своем деревенском доме в Кинроссе, когда безмятежность его воскресного утра была нарушена шумными и возмущенными откликами в прессе и заявле-

нием провоста. «Я все видел, — сказал он, — и все было очень хорошо, никакой безвкусицы. Девушку провезли очень быстро, и никто в зале ничего особо разглядеть не сумел бы...»

Мисс Кеселер вчера у себя дома описала свое появление на публике словами «да ну, хиханьки какие-то».

Школа Гордонстоун, 1963 год
Уильям Бойд

Воспоминания литератора Уильяма Бойда о школьных днях в отдаленной школе-интернате Гордонстоун, расположенной у Морей-Ферт, опровергают миф, будто образование в частных школах поставлено намного лучше, чем в обычных средних школах. Оказавшись далеко от Африки, где он родился, компанейский Бойд хорошо ужился с однокашниками, однако нередкие проявления нетерпимости, ханжества и снобизма, грязь и запущенность дортуаров, по всей видимости, оставили у него в душе горечь, обиду и негодование.

Жилые помещения, где обитает обычный ученик нашей частной школы, в лучшем случае функциональны и бездушны, а в худшем — в крайней степени отвратительны. Если бы борсталы, или дома предварительного заключения для малолетних преступников, содержались бы в таком виде, то общественность подняла бы шумный протест. Недавно я побывал в нескольких известных частных школах, и ничего из

увиденного там не вызвало у меня большего огорчения, как дортуары учеников и сама мысль, что на протяжении нескольких лет мне довелось проспать столько ночей в подобных мрачных и нагоняющих тоску условиях.

Думаю, это ретроспективное отвращение. Мальчики-подростки не так сильно озабочены проблемами личной гигиены, не говоря уже об уборке и содержании жилых помещений. Но теперь, когда вспоминаю бетонные и кафельные умывальни и туалеты, выкрашенные в светло-зеленый цвет спальни с грубыми деревянными кроватями, я начинаю по-новому уважать жизнерадостность и стойкость души подростка.

Когда в 1965 году я приехал в школу, в возрасте тринадцати лет, все в здании было проникнуто функциональностью и безликостью… Только в учебных комнатах дозволялось хоть какое-то отступление от общей анонимности, да и то оживляли их почти непременно картинки с женщинами, вырезанные ножницами из рекламных проспектов женского белья и купальников, и украшения эти все равно имели однообразный вид.

Здание было большое, но казалось почему-то каким-то сжатым, странным образом стеснен-

ным. Летом можно было выйти на улицу, но зимой вообще некуда было пойти… Чехарда популярных и слабых директоров и воспитателей. Дисциплина отсутствовала. Новый заведующий энергично брался насаждать власть. Но когда в конце дня он удалялся к себе на квартиру, вновь устанавливался старый режим. Рассадником всех проблем была группа мальчиков в возрасте шестнадцати-семнадцати лет. Они были «плохими» в том смысле, что их не интересовали поощрения со стороны воспитателей. По вечерам они терроризировали младших учеников с такой откровенной жестокостью, что при воспоминании об этом меня бросает в холод. Они бродили по комнатам младших классов, бандами по четверо-пятеро, и избивали того, кто под руку подвернется, вымогали деньги или еду, в поисках развлечений шарили по ящикам и читали чужие письма. Можно было почувствовать себя в шкуре средневекового крестьянина во время Столетней войны: не знаешь, когда явится еще одно войско мародеров, наугад сея смерть и разрушение. Он был сравнительно недолгим, этот период капризного бандитизма, но предоставил мне полный каталог изобретательных жестокостей, порожденных подростковым умом…

Школа наша находилась в Шотландии и была почти во всех отношениях шотландской частной школой, и все же сильный шотландский акцент был позорным клеймом. В действительности, акцент любой местности безжалостно пародировался. Когда люди говорили с отчетливым шотландским выговором, то мы могли издавать резкие горловые звуки или, тряся отвисшей челюстью, по-идиотски бормотали невесть что. Всякий, у кого слышался акцент Мидленда или севера Англии, в ответ получал поток «Э-э ба-а гу-ум». Передразнивать чужой выговор мы все находили бесконечно забавным. Отчасти это было снобизмом, отчасти — самозащитой. У всех учеников частной школы были чрезвычайно враждебные отношения с местным людом, особенно с молодежью. Для нас все местные были «паршивцами», «грубиянами», «плебсом», «крестьянами» и «деревенщинами». Сейчас я поражаюсь при воспоминаниях о том, какую патрицианскую желчь и яд мы изливали, словно аристократы перед лицом надвигающейся революции — курьезная смесь презрения, страха, сознания вины и зависти. В конце концов, они-то жили в настоящем мире, за пределами наших школьных стен, и каким бы чувством превос-

ходства мы не кичились, никуда не денешься от того факта, что они куда свободнее, чем мы — и это очень раздражало. Уверен, и на нас, в свою очередь, смотрели как на отталкивающих, высокомерных, злобных снобов. Суждение отнюдь не резкое.

Мы страстно желали вырваться из школы, но мир снаружи одновременно и соблазнял, и насмехался над нами. В нем было все, от чего в школе нас отучали и что в то же самое время постоянно напоминало об аномалиях и гнете того общества, в котором мы заточены. Предпринимались энергичные попытки к бегству.

Самый легкий способ вырваться из школьного замкнутого мирка — попасть в школьную команду. Поскольку школа находилась так далеко на севере, то для того, чтобы найти достойного противника, приходилось немало путешествовать. Благодаря регби и хоккею можно было два-три раза в семестр съездить в Инвернесс или Абердин, нередко матчи проводились в Данди, Глазго и Эдинбурге. В нашем воображении Эдинбург занимал то место, какое среди поэтов в 1930-х годах было у Берлина. Для нас, жалких и убогих, он неизменно представлялся греховным и пленительным. Если тебя выбирали в команду по

регби, выезжающую в Эдинбург, то это означало несколько счастливых часов в пабах на Тистл-стрит, а отнюдь не напряженное спортивное состязание…

Большой мир был желанным источником контрабанды — порнографии, выпивки, сигарет, — а также, в каком-то смысле, законной добычи. Когда мальчики отправлялись в город, то уровень воровства в магазинах тревожно возрастал. Был один мальчик, за которым в местном универмаге «Вулвортс» следили два работающих в магазине детектива. Он был искусным клептоманом и обычно брал заказы, что принести после своих субботних визитов. Мы бурно радовались своим преступлениям и горячо их обсуждали, передавали из уст в уста легенды о героических кражах: например, о том, как практически дочиста была опустошена сувенирная лавочка в Хайленде, когда рядом высадился целый автобус школьников. О мальчике, который выкопал медные провода на близлежащей авиабазе Королевских ВВС, отчего в какой-то момент, когда он перерубил топором особо важный кабель, отключились все приборы на диспетчерской башне. Прижимая к себе трофеи, мы радостно возвращались в убежище школы. И тем не менее в самой школе

воровство считалось одним из самых серьезных и антиобщественных преступлений — любого вора ждали бы годы суровых порицаний. Два мира, две системы ценностей…

Мы были одержимы сексом. Я знаю, это верно для любого мальчика подросткового возраста, но когда вспоминаю теперь о том, как наши разговоры бесконечно возвращались к этой теме, с каким оживлением и неустанностью они велись, то я, обращаясь к прошлому, кажусь себе вялым и апатичным и в то же время испытываю гнев. Разумеется, мы говорили о сексе — мы обитали в нелепом, причудливом однополом мирке. Где-то там существовал параллельный мир, в котором представители двух полов общались и встречались друг с другом и войти в который нам было запрещено. Неудивительно, что наше любопытство было лихорадочным и глубоким — и разрушительным. Сексуальный апартеид, правилам которого мы обязаны были подчиняться все эти годы, сильно извратил наше отношение к девочкам и женщинам, исказив его самым похотливым образом. Женский пол мы судили по одному критерию — привлекательна девушка сексуально или нет, это если выражаться куда более тактично, чем выражались мы…

Кому приходилось выдерживать основной напор нашего распутного интереса, так это прислуге. Служанками были, по-моему, местные девушки, и все наняты на работу — как было известно по циркулирующим в школе слухам — исключительно благодаря своей уродливости. Роли это не играло. Их встречи с мальчиками, по три раза на дню во время трапезы, характеризовались, с одной стороны, беспрерывными сексуальными шуточками самого непристойного характера. Самые смелые мальчики, улучив момент, на деле приставали к ним — щипали, щупали, обнимали, притискивали. Девушки относились ко всему на удивление терпимо. Никогда не слышал, чтобы кого из мальчиков наказывали из-за жалоб какой-нибудь служанки. Думаю, наше отношение к ним выявляло самые худшие стороны нашей натуры: это была мужская похоть в самом своем отвратительном виде, усугубленная сознательным классовым презрением и почти животными насмешками…

С нашим сексуальным любопытством также был связан и определенный пылкий романтизм, что представляется несколько более занимательным. Никто не желал признаваться, что он — девственник. С молчаливого согласия разговор

о великом дне всегда шел в самых туманных и расплывчатых выражениях — считалось само собой разумеющимся, что все в этом деле были, скажем, вполне опытными и искушенными. Один мальчик допустил ошибку, признавшись, что в возрасте семнадцати лет еще не потерял невинности. Он превратился в посмешище для всей школы. Малышня четырнадцати лет носилась за ним с воплями: «Девственник! Девственник!» К следующему семестру он вернулся с утверждениями, что за каникулы преодолел этот недостаток, но было уже поздно. Главная его ошибка заключалась в том, что он признался — единственный честный человек среди бесстыдных лжецов…

Школьные танцы мало чем отличались от мясной лавки. К тому времени, когда приезжали девочки, все мальчики уже успевали как следует накачаться спиртным. При звуках первого медленного танца они кидались на добычу. Униженными были все. Оперетты Гилберта и Салливана были намного веселее, и внешние приличия все же соблюдались. Мы должны были повторять текст наизусть, и девочек видели регулярно почти целый месяц. Соблюдались ритуалы ухаживания, скорее чопорные и официальные,

образовавшиеся союзы сохранялись какое-то время — целомудренно и скромно: например, часто приглашали на воскресный чай в дом девочки, чтобы познакомиться с ее родителями. Эта более длительная связь обычно пробуждала романтическую часть нашей натуры, и многие из нас влюблялись, так как предмет утешения отвергал всякое физическое сближение. Обычно это происходило и с девочками, и с мальчиками, когда приближались даты выступления — ощущение быстролетящего времени, как у солдат, которым нужно скоро вернуться на фронт. Эти мечтательные встречи выглядели много лучше. Они во многом походили на такие же подростковые влюбленности — милые, волнующие, меланхоличные: недолгий побег в настоящую жизнь. Им пришел конец после выступления, когда вновь были установлены барьеры между школами с раздельным обучением. Единственными жертвами пали Гилберт и Салливан, на моей памяти всегда ужасающие, по той простой причине, что никто из нашего хора так и не запел.

Банда из Глазго, 1966 год
Джеймс Патрик

В 1960-х годах Глазго охватила война банд, заставившая вспомнить о жестокости американских гангстеров. Молодой учитель средней школы задался целью выяснить, что двигало участниками этих банд. Он обратился за помощью к своему ученику Тиму Мэллою, который возглавлял одну из банд, «Новую команду». Тим представил Джеймса Патрика (это вымышленное имя) другим, и учитель провел в банде четыре месяца, с октября 1966 по январь 1967 года.

Чаще всего свою агрессию и ненависть «Новая команда» выплескивала на «Кэлтонских тисков», самую одиозную, по всем статьям, банду Глазго. В начале нашего сотрудничества Тим выражал свое отношение к конкурентам такими словами: «Если кто-нибудь из „тисков“ будет валяться на земле, истекая кровью, я его прикончу, клянусь. Честное слово, я это сделаю». Обычно он произносил подобные слова, едва не срываясь на крик и скрежеща зубами. При этом чуть ли не каждое слово сопровождалось соответствующим жестом;

так, на слове «прикончу» он сделал характерный взмах рукой…

Я увидел самое разное оружие, даже такое, которое по неопытности полагал легендарным, давно вышедшим из употребления. Тесаки, молоты, ножи обыкновенные и мясницкие, крюки, штыки, мачете, опасные бритвы, заточенные гребни для волос — в ход шло буквально все. В чрезвычайных ситуациях хватались за бутылки, подбирали камни и палки. «Беретты», двуствольные пистолеты, мечи, ятаганы, кинжалы и ручные гранаты неоднократно упоминались, но сам я ни разу ничего этого не видел.

Источников поступления оружия тоже было немало. Из дома приносили хлебные ножи, молотки для колки угля и кочерги. Также «бомбили» антикварные лавки и вламывались в их оружейные комнаты. По слухам, однажды члены банды ограбили оружейный магазин… Впрочем, если не считать дома, основным источником поступления оружия была работа. И потому одному из бандитов все завидовали черной завистью — будучи подручным мясника, он имел доступ к самым жутким приспособлениям, которыми исправно снабжал товарищей. И многие ученики школ — о них было известно, что они принадле-

жат к той или иной банде — шли подрабатывать в мясные лавки.

Если немного подробнее, Дуги, парнишка, которого я ни разу не встречал, отличался, по словам других, особой любовью к тесакам. Осужденный за ношение оружия и отсидевший срок, он, едва выйдя на свободу, сразу же купил себе новый тесак и отправился на «ночную прогулку». Он пошел в центр города и выбил по дороге тридцать три окна, а потом его снова арестовали «за нарушение общественного порядка».

«Большой М», которого я называл «Один из наших верзил», придумал такую хитрость, чтобы одурачить полицию. Он обычно пользовался гвоздодером, который заворачивал в плотную бумагу и перевязывал шпагатом: если его останавливали, он говорил, что только что купил инструмент в магазине. Уж не знаю, какой магазин, по его мнению, мог быть открытым в три часа ночи в воскресенье.

Братья Мэллой заслужили почетное прозвище «оруженосцев». Такого прозвища удостаивались крайне редко. Далеко не все расхаживали с оружием постоянно, и даже среди тех, кто его «понашивал», мало кто использовал оружие регулярно, а не от случая к случаю. Тех же, кто по-

стоянно был при оружии и не стеснялся пускать его в ход, как против имущества, так и против людей, именовали «оруженосцами». Мэллои хвастались, чтобы способны обвести вокруг пальца любого полицейского. Тим, к примеру, утверждал, что его остановили как-то ночью, когда у него «при себе было», однако он сумел избежать ареста. Этой ловкости он научился у своих старших братьев, ни один из которых ни разу не попался на ношении оружия. Джон, один из братьев, перед выходом из дома привязывал к запястью короткий нож, а потом опускал сверху рукав. Тим перенял эту привычку, вот разве что вместо ножа он обычно брал свое излюбленное оружие — опасную бритву…

Я спросил Тима, как ему удается скрывать оружие от родителей. У них с Миком была общая комната, дверь в которую постоянно пребывала на запоре («мамаша к нам боится соваться»). Пистолеты и ножи прятали в гардеробе. Билл, старший сын, имел обыкновение ставить свое оружие, молоток для колки угля, у камина, за что однажды и пострадал — как-то субботним вечером, «пьяный в дымину», он влез в окно и напоролся на молоток: его будущий шурин, который в это время «обжимался» в гостиной с одной

из сестер Мэллой, решил, что в дом проник грабитель, схватил молоток и сломал Биллу ногу…

Когда Джек Мартин на рождественских каникулах «ублажил» Марти, лидера банды с Барнс-роуд, «Новая команда» поняла — война отныне идет в открытую. Поскольку, впрочем, банда с Барнс-роуд не отличалась многочисленностью и редко покидала свою территорию, Тим решил, что нападение останется без последствий. И страшно удивился, когда узнал как-то вечером, что банда с Барнс-роуд «вышла в поход» и движется по Мэрихилл-роуд. Паб, в котором сидела «Новая команда», мгновенно опустел; ребята кинулись по домам — за оружием и собирать бойцов. Не знаю, углубились ли банда с Барнс-роуд и их союзники с Ролланд-стрит на территорию «Новой команды» по собственной инициативе или их туда заманили; в любом случае через пятнадцать минут после того, как «вражеский авангард» был замечен, на улицу высыпали бойцы «Новой команды», численностью более сотни человек, вооруженные до зубов. На неприятеля напали сразу со всех сторон, принялись забрасывать камнями и бутылками, а Тим, Дэйв Мэллой и прочие члены «штаба» возглавили нападение. Неприятель с позором бежал. «Улицы почернели

от наших парней, столько их было, — со смешком прокомментировал Тим. — Ты словно лишаешься ума, готов дубасить всех подряд. Лучше не попадаться под горячую руку».

Толстяк Фрай, «мужик с головой», самый красноречивый и хитроумный из членов банды, так описал свои ощущения: «Ну, когда драка на носу, у тебя такое чувство, каакое бывает, когда „рейнджеры“ вколачивают мяч „Селтику“. Сердце начинает колотиться, кажется, тебя вот-вот стошнит; это лучше, чем секс». Другие соглашались с ним: групповая драка была для них всем, секс в их списке приоритетов намного отставал от этого развлечения.

Если учесть, какова была, по слухам, численность банды, список потерь представляется несущественным… Бенни с Барнс-роуд «завалили, как кабана», еще двоих или троих ранили ножами, прежде чем Марти закричал: «Валим отсюда!» Приказ был излишним, поскольку враги и без того уже разбегались, ныряли в закоулки, едва ли не кидались под машины, только бы ускользнуть. Самым жутким во всем этом было само появление нашей банды, которая словно материализовалась из ниоткуда, перепугав прохожих своими речевками; парни надвигались подобно

грозовой туче, и полиция не отваживалась с ними связываться. Когда же к полицейским прибыло подкрепление, «Новая команда» тоже рассеялась, попался лишь Дэйв Мэллой, который остался стоять посреди улицы, требуя, чтобы «гребаные придурки» вернулись и дрались, как положено. Он расшвырял нескольких полисменов; возможно, его поведение объяснялось тем, что он отчаянно стремился восстановить утраченное положение в рядах банды. Гарри Джонстон сказал мне: «Слишком много развелось умников. Мы никогда не бежим от драки. А если кто сдрейфит, ребята его живо вразумят». Бандитская честь требовала ответного вторжения на Барнс-роуд. Я же начал готовить почву для отступления. С меня было достаточно…

Шотландия побеждает Англию, 13 апреля 1967 года
Джон Рафферти

Когда шотландская футбольная сборная переиграла англичан впервые после победы последних на чемпионате мира 1966 года, это событие стало национальным праздником. Эта победа также воодушевила тех, кто критиковал тренера англичан сэра Альфа Рамсея. Выиграли шотландцы со счетом 3:2.

Бобби Браун лучился улыбкой и даже не пытался притвориться равнодушным. И нам это нравилось, ведь победу Шотландии следовало отметить с размахом. Команда Бобби не просто перебегала, а переиграла по всем статьям утомленных мировым чемпионатом ребят сэра Альфа Рамсея, да еще на «Уэмбли», газон которого они не желали покидать прошлым летом. Это, безусловно, тренерская победа, и она знаменует начало долгой и блистательной карьеры.

Он объяснял: «Я говорил ребятам, что нужно взять под контроль центр поля. В Кубке Лиги я допустил ошибку, ослабив середину, понадеялся

на атаку; теперь же я положился на настырность Бремнера, тонкость пасов Бакстера и на нашего новичка Маккаллиога, который проявил себя отлично. Я требовал от него сыграть так, как играл когда-то покойный Джон Уайт: быть связующим звеном между атакой и обороной, и он отменно справился. Он стал открытием матча, а наше преимущество в центре поля обеспечило успех».

Бобби Браун ничуть не преувеличивал. Бакстер, Бремнер и Маккаллиог полностью контролировали середину; и никто не станет рассуждать о простом везении — утром, объявив состав, Браун поведал мне свой план на игру, и команда блестяще этот план выполнила, что и принесло великолепный результат.

Победа доставила немало удовольствия и тем — а таких много, — кому не нравится тактика сэра Альфа Рамсея, благодаря которой Англия выиграла чемпионат мира. Эти люди повторяют, что нельзя играть, уповая лишь на крепкую оборону и случайные контратаки. Ведь в итоге мы получаем скучный, утомительный футбол, и именно в такой футбол играла Англия вплоть до финального матча чемпионата мира — и точно также она сыграла в эту субботу.

Бобби Браун — новый идол тех, кому по душе

атакующий футбол, когда игроки используют все пространство поля, а не запираются у своей штрафной.

Мы преодолели академическую защиту англичан, и стадион в субботу почти обезумел от радости, когда Лоу прекрасным ударом забил первый гол, когда Леннокс издалека вколотил второй; что уж говорить о мгновении, когда новый герой нации Маккаллиог в третий раз поразил ворота англичан!

Два английских гола мы посчитали досадным недоразумением, способным смутить разве что тех, кого в тот день не было на стадионе.

А затем последовала вторая победа при «Уэмбли», о чем мы упоминаем без капли осуждения: воодушевленные шотландцы прорвали полицейский кордон и высыпали на поле, кинулись целовать газон и уносить на память целые куски. А ведь совсем недавно лондонские газеты снисходительно рассуждали о том, что их сборная преподаст урок «нашим футбольным братьям с севера». Эта снисходительность не могла не разъярить и болельщиков, и, конечно же, игроков.

Когда маленький Билли Бремнер сказал мне: «Будет здорово их обыграть», он словно выплюнул эти слова, а яда в них было столько, что хватило

бы отравить десяток английских сборных.

Ночью Вест-Энд словно обезумел, а на проезжую часть Пикадилли то и дело выскакивали буйные от радости шотландцы с национальными флагами. Таксист сказал мне: «Играли бы в своей Шотландии, психи ненормальные». Что с него возьмешь?

«Селтик» побеждает в Кубке чемпионов, 25 мая 1967 года
Хью Макилвенни

Победив миланский «Интер» со счетом 2:1 в Лиссабоне, «Селтик» стал первой британской командой, выигравшей заветный Кубок чемпионов.

Сегодня Лиссабон пусть не до конца, но все же вернулся в португальское владение после самой бурной и восторженной оккупации в истории города.

Кучки болельщиков «Селтика» еще встречаются в самых неожиданных местах, они шумно отстаивают свое право радоваться и праздновать, вопреки наступлению будней, твердо намереваясь веселиться, пока хватит сил. Эти люди, говорящие с типичным произношением Глазго, вываливаются из такси и кафе, оглашают истошными воплями вестибюли благопристойных отелей. Даже среди тех, кто после ночи остался ни с чем, только в помятой одежде, и нашел приют в посольстве Великобритании, все разговоры лишь о магических полутора часах под жарким солнцем на огромном португальском стадионе.

Аэропорт производит впечатление Дюнкерка, но — со счастливым исходом. Все неудобства массовой эвакуации кажутся вполне сносными, если твоя команда одержала величайшую победу в истории британского футбола и завершила сезон коллекцией трофеев, какой не собирал еще ни один клуб в мире. Болельщики славили даже Элленио Эрреру и его побитый «Интер», когда итальянцы покидали Лиссабон накануне вечером. Клич: «Интер!» разносился по залу отлетов, но никто не рисковал ошибиться в национальной принадлежности кричавших.

В таком настроении они, пожалуй, наградили бы аплодисментами и тренера «Рейнджере» Скотта Саймона.

При этом всего минуту спустя те же самые люди уже распевали: «Валите прочь, немытые итальяшки!» Разумеется, и самый упоенный победой болельщик отдавал себе отчет в том, какой ценой она была достигнута. Местная газета «Мундо де-портиво» выразила общие чувства такими словами: «Это было неизбежно. Рано или поздно „Интер“ Эрреры, типичный представитель катеначчо и негативного футбола должен был заплатить за свое нежелание играть в футбол». Португальцы восхищались великолепным

стилем, в котором «Селтик» доминировал на поле весь матч.

Некоторые из нас смели осуждать Эрреру еще два года назад, когда «Интер» выиграл Кубок чемпионов на своем стадионе «Сан-Сиро», на протяжении матча отчаянно отстаивая шаткое преимущество в один гол против «Бенфики» и находясь в численном меньшинстве. Однако Эррера продолжал получать около 30 000 фунтов в год за подавление творчества, фантазии, дерзости и спонтанности, которые и составляют суть футбола. И к нему до сих пор многие относятся с благоговением — они уверены, что статистика его команд оправдывает стерильность тренерского метода. Впрочем, сегодня уже почти все убедились, насколько опасны подобные воззрения. Двенадцатый финал Кубка европейских чемпионов показал, насколько ущербна эта философия в сравнении с «динамическим позитивным мышлением» Джока Стейна. Перед матчем Стейн сказал мне: «„Интер“ будет играть от обороны. Они так привыкли и по-другому не умеют. Но мы уверены, что играть надо по-нашему, а мы всегда атакуем. Не важно, выиграем мы или проиграем, мы хотим, чтобы людям игра запомнилась. Просто участвовать в подобном событии — уже

большая честь, и мы считаем, что это накладывает на нас определенные обязательства. Да, мы профессионалы, но я не кривлю душой, когда говорю, что мы хотим не просто выиграть кубок. Мы хотим победить, играя в настоящий футбол, порадовать всех, кто придет на стадион, чтобы нас запомнили как играющую команду».

Последствия этой тактики и практическое воплощение гения Стейна весь мир наблюдал в четверг. Конечно, в команде собраны отличные игроки, а сама команда не имеет откровенно слабых мест и отменно сбалансирована. Однако даже превознося потрясающую скорость и искусное владение футбольным мастерством, посредством которых был повержен «Интер» — непоколебимое спокойствие Кларка, убийственную точность перехватов в защите, творческую энергию Олда в центре поля, бесконечную и изумительную изобретательность Джонстона, осмысленные прорывы не ведавшего усталости Чалмерса, — даже при всем этом нельзя не признать, что главную роль в победе сыграла самоотверженность футболистов «Селтика». И ничто не символизирует ее более наглядно, чем невероятная игра Геммела. Он почти падал от изнеможения, прежде чем под рев стадиона сравнять счет на 63-й минуте, однако

нашел в себе мужество продолжить матч, и его забеги по левому краю оказались едва ли не решающим фактором в деморализации «Интера».

Геммел наделен той же агрессивной гордостью, тем же презрением к самой мысли о поражении, которые свойственны Олду. Перед матчем Олд решительно оборвал рассуждения о возможных последствиях жары и твердо заявил, что «Селтик» разорвет итальянцев в любом состоянии. Когда его удалось извлечь из восторженной толпы болельщиков, и он побрел в раздевалку, то — обнаженный до пояса, с футболкой «Интера», обмотанной вокруг горла подобием шарфа — вдруг остановился и крикнул Ронни Симпсону, шагавшему впереди: «Эй, Ронни! Кто мы, сынок? Кто мы такие?» Потный, белозубый, он жадно облизнул пересохшие губы — и ответил сам себе, воинственно вскинув кулаки: «Мы — лучшие! Вот мы кто. Лучшие!» Симпсон кинулся к нему, и они добрую минуту простояли обнявшись.

В раздевалке остальные игроки распевали песни болельщиков и пили шампанское из огромного кубка («А ты когда-нибудь так раньше делал?»). Олд наклонился к тренеру Шону Фэллону и спросил с притворной серьезностью: «По-вашему, я был лучшим? Ну скажите, что

это так».

«У них у всех дух Стейна, — заметил мой коллега из Глазго. — В каждом из них его частичка».

Разумеется, подготовка к финалу и сам матч проходили под неусыпным вниманием Стейна. Предостерегал ли он игроков от нахождения на солнце («Я не хочу, чтобы вы даже выглядывали в окна своих номеров; если у кого-то загорит хотя бы палец, он тут же отправится домой») или шутил с репортерами у плавательного бассейна в гостинице в Эшториле, Стейн не упускал из вида ни единой мелочи.

Несмотря на чудовищное напряжение, которое он наверняка испытывал, Стейн не терял своего чувства юмора, которое отлично поддерживало боевой дух команды. В частности, он не упускал случая позубоскалить над «кельтским вторжением» в португальское католичество. «У них с нашего приезда прибавилось народа. На утренние мессы впору продавать билеты. И скамей бы побольше поставить. Как они тут считают? По-моему, получается ничья; или здесь местные всегда выигрывают?»

Тяжело всегда выглядеть веселым и бодрым, и напряжение не могло не сказаться. Это произошло за минуту до конца матча, когда Стейн

бросился в раздевалку, не в силах досмотреть игру до конца. Когда мы нашли его, он бормотал: «Какая игра! Какая игра!» Билл Шенкли, шотландский тренер «Ливерпуля» (и единственный тренер английской команды, посетивший матч), сказал ему, с видом человека, для которого футбол превыше религии: «Джок, ты себя обессмертил».

Пожилой португальский чиновник увлек Стейна в уголок и принялся восхвалять авантюризм «Селтика». «Атакующая игра — это основа футбола. Именно так и следует играть». Стейн похлопал его по плечу и сказал: «Валяйте, дружище, я готов слушать вас всю ночь». А потом, повернувшись к нам, прибавил: «Странно слышать такое о шотландской команде, верно?»

Националисты получают второе место в парламенте, 17 ноября 1968 года
Уинни Юинг

В ноябре 1967 года Уинни Юинг одержала победу на дополнительных выборах в округе Гамильтон и таким образом принесла Шотландской национальной партии второе кресло в Вестминстере. Это событие потрясло политический истеблишмент и ознаменовало новую эру в политике, сделав националистов силой, с которой предстоит считаться. Две недели спустя Юинг поехала в Вестминстер на ночном поезде из Глазго вместе с 300 сторонниками; в три часа утра на перроне в Ньюкасле они развлекали носильщиков импровизированной джигой на платформе.

Были заказаны билеты на ночную поездку 16 ноября 1967 года (возвращение на следующую ночь), чтобы увидеть, как уважаемого члена палаты от Гамильтона приводят к присяге в Вестминстере через две недели после дополнительных выборов. Среди моих спутников были скрипачи, волынщики, аккордеонисты, свистуны

и, конечно, певцы. Единственными, кому достались спальные места, была семья Юинг, в полном составе — я сама, мой муж Стюарт и наши дети Фергус, Аннабел и Терри, в возрасте десяти, семи и трех лет соответственно. Думаю, дети неплохо выспались, но вот что касается остальных, нам было не до сна…

Проводы, как мне позже сказали, напоминали проводы депутатов от «Красного Клайдсайда» в палату общин после выборов 1922 года. Мой отец присутствовал при этом и описывал случившееся много раз. В то время Джимми Макстон взобрался на багажный вагон и заявил: «Не пройдет и полугода, как у нас вновь будет шотландский парламент». На деле это затянулось несколько дольше — фактически на семьдесят семь лет…

Нас переполняли эмоции: гордость, торжество, благодарность всем, кто помог добиться этого замечательного результата в Гамильтоне; вдобавок я ощущала, что вписываю свое имя в историю. И все же самой сильной эмоцией был страх. Выдержу ли я напряжение политической жизни в палате общин? Как скажется на моих детях неизбежное отстранение матери? Поддержат ли меня мои друзья и семья в затруднительном положении, которое непременно возникнет? Смогу ли я

— в силах ли я — соответствовать надеждам всей Шотландии, которые обрели шанс на исполнение благодаря победе в Гамильтоне?..

Наконец поезд достиг вокзала Юстон, и нас встречала многочисленная толпа, а также несколько волынщиков. Меня подняли на плечи Энгус Макгилливрей и Хью Макдональд. Позднее снимок со мною на их плечах обошел весь мир.

Сначала мы отправились в гостиницу «Рембрандт», чтобы привести себя в порядок. Потом поехали в палату общин, чтобы встретиться с моими коллегами, Гвинфором Эвансом, членом парламента от Кармартена, и Алистером Маккензи, членом парламента от Росса и Кромарти. Мы встретились в роскошном кафе. С Гвинфором я познакомилась на кимврской конференции в июле 1967 года. Также мы с ним общались в Абердине в том же году, и он великодушно потратил три дня своего времени, чтобы провести встречи в Глазго, Абердине и Эдинбурге. Что касается конференции, она неожиданно имела печальные последствия. Я подарила Гвинфору ветку белого вереска со словами: «Прежде чем опадут цветы на этой ветви, я окажусь рядом с вами в Вестминстере и буду говорить от имени Шотландии, как вы говорите от имени Уэльса». Нашу встречу сфо-

тографировали и опубликовали снимок в «Санди пост». В то же самое время, о чем я не знала, мой отец почувствовал себя плохо, и его отвезли в клинику Виктория, где ему поставили страшный диагноз — пневмония. К тому времени, когда я вернулась в Шотландию, он уже умер. Медсестра в больнице сказала мне, что показала ему мою с Гвинфором фотографии в «Санди пост», и это был едва ли не последний миг, когда он находился в сознании. Очень жаль, что он не дожил, чтобы увидеть меня в палате общин…

Прежде чем отправиться в палату для принятия присяги, я забрала Стюарта, Бетти Николсон (няню) и детей. Их проводили на галерею, где расположены лучшие места, а меня Гвинфор повлек к бару, и Алистер тоже к нам присоединился. В палате яблоку было негде упасть. Я чрезвычайно волновалась и сильно хотела, чтобы присяга поскорее завершилась. К сожалению — как для меня, так и для страны, — фунт внезапно обесценился, так что спикер не стал объявлять о присяге нового члена парламента; вместо этого он зачитал правительственное сообщение, за чем последовали долгие дебаты. Думаю, мы провели там не менее полутора часов, и я остро ощущала течение времени из-за боли в ногах от новых

тесных туфель…

Наконец спикер вызвал меня. Я вышла вперед и принесла присягу. Потом пожала руку спикеру — это был Хорейс Кинг, — а за моей спиной послышался громкий шум, который я тогда приняла за дружественный ропот, хотя теперь в этом сомневаюсь. Хорейс Кинг был очень доброжелателен, тепло меня приветствовал и сказал, что обеспечит, чтобы ко мне относились с подобающим уважением. Кто-то в шутку крикнул: «Да поцелуйте же ее!», и все рассмеялись, но спикер не послушался. Вот так все и было.

Тюрьма, ноябрь 1967 года
Джимми Бойл

Третьего ноября 1967 года Джимми Бойл был приговорен к пожизненному заключению за убийство, которого он, по его заявлению на суде, не совершал. Один из главных шотландских преступников, родом из Глазго, он сделал громкую карьеру в своем ремесле: воровство, рэкет, гангстерские войны, регулярные сроки в тюрьме. Его автобиография «Чувство свободы», написанная в тюрьме Барлинни и тайно вынесенная наружу для публикации, потрясает честным описанием не только преступной жизни, но и, даже в большей степени, жестоких тюремных условий.

Я лежу на стылом полу в ужасном состоянии. Я плакал той первой ночью, плакали и тело, и глаза. Я настолько разозлился на себя самого и на весь мир, что мои мысли помутились. Внутри меня бушевал неистовый шторм, но любому иуде, заглянувшему в глазок камеры, я показался бы спокойно спящим. Между тем за фасадом спокойствия я словно взорвался на миллион кусочков. По некоторым причинам было очень

важно цепляться за свое «я», заставлять себя терпеть, покуда я не оправлюсь от этого внутреннего шторма. Я был миной замедленного действия, готовой разнести все вдребезги, хватило бы одного-единственного неверного слова, чтобы я устроил невиданный прежде холокост. Это ощущение овладело мною в ту самую минуту, когда огласили приговор. Каким-то чудом мне удалось пережить первую ночь и следующие несколько дней, хотя воспоминания о них весьма туманны.

Пресса уделяла процессу особое внимание, а я старательно пичкал их все тем же дерьмом насчет злодея высшей пробы. Это вроде бы помогало в первую неделю или около того, и корреспонденты распинались, как могли, но потом я понял, что сыт этим по горло. Впервые в моей жизни я устал от собственного имени в газетах, хотя прежде это неизменно доставляло мне удовольствие и наслаждение. Пресса рассуждала о вымогательстве — мол, его следует пресечь раз и навсегда; полицейские взяли под козырек и отправились по пабам Глазго читать лекции клиентам и убеждать их выступить в суде, обещая защиту закона. Ходили слухи, и их перепечатывали, будто некоторые из нас «распяли» одного неплательщика на деревянном полу его дома. Полиция даже выпу-

стила специальное заявление. Но большая часть того, что печатали в газетах, не имела смысла.

Мои надежды в первые несколько дней были на апелляционный суд, и я обратился к тюремным властям: дескать, хочу обжаловать приговор. Я продумал все очень тщательно, поскольку это было мой последний шанс, и я не собирался передавать свою судьбу в чужие руки. На сей раз, обращаясь в суд, я хотел сам говорить за себя…

В тюрьме заключенный должен попросить начальника, чтобы тот разрешил так называемые «апелляционные посещения». Это посещения сверх положенного, чтобы собрать свидетельские показания. Я пошел к начальнику блока и попросил, чтобы ко мне допустили мистера Дэвидсона. Я сказал, что хочу защищать себя сам, а посещение мне требуется, чтобы узнать кое-что поточнее. Он задумался, помешкал, а потом сказал, что даст ответ. Вот так. Я не сдержался. Разве он не понимает, что это значит для меня? Гнев затуманил мне глаза, и я нанес удар, от которого он свалился со стула на пол. Я схватил деревянную чернильницу, но на меня навалились сзади и оттащили в камеру по соседству. Я отломал деревяшку от книжной полки и стоял с ней в руке, пока начальника блока относили в лазарет.

Они выждали некоторое время, чтобы я успокоился, а затем осторожно открыли дверь, причем явились целой толпой. Вертухаи сказали, что все в порядке и новых обвинений мне предъявлять не станут. Я ответил, что память у меня хорошая, а застрял я тут надолго, так что, если кто ко мне прикоснется хотя бы пальцем, я это запомню. Меня поместили в одиночку и оставили в покое, даже ничего не сломав.

Немного позже я услышал лязг тяжелого засова, и дверь распахнулась. Там стояла толпа в цветных комбинезонах, и мне велели раздеться. Я отказался, мол, если хотят драться, то какая разница? Мне сказали, что никто меня бить не будет, просто полиция затребовала мою одежду. Я обдумал это и решил, что они не врут, ведь их и так достаточно, чтобы избить меня и в одежде. Едва я разделся, как один ударил меня кулаком, а другой ногой. Я пытался защищаться, кричал, что они трусы и куски дерьма. Они не обращали внимания на мои крики, но в конце концов ушли, оставив меня в луже крови на полу. Есть кое-что бесконечно унизительное в том, что тебя ожесточенно избивают, когда ты голый. Нагота заставляет ощущать свою беспомощность; и даже при том, что я отбивался, мои удары словно не

причиняли боли тем, кому доставались. Жуткое чувство бессилия. Я лежу на полу, разрываясь от ярости, ненавидя себя за то, что оказался последним глупцом и поверил вертухаям.

Быть осужденным пожизненно означает воспринимать тюрьму совершенно иначе, чем очутившись в ней на короткий срок. Этот опыт, связанный с нападением на начальника блока, показал, что я должен продумать все заново. Для меня было очевидно, что мой образ жизни должен измениться, чтобы я мог выжить в этих джунглях. Конечно, я потерял прежнюю жизнь, но не желание жить. Все мои чувства обострились, мысли разительно переменились. Мне впервые пришло в голову, что мой пожизненный приговор фактически начал действовать в тот день, когда я покинул материнскую утробу. Как ни странно, я нашел новую свободу, какой никогда не испытывал прежде; и это было важно для меня. Я решил, что буду теперь жить в соответствии со своими законами, наплевав на общество и его установления. Люди из этого общества называли меня «животным», «маньяком» и много кем еще. С того дня я полностью отказался от контактов с обществом, которое про себя называл «опасным большинством» и «новыми

нацистами». Кто составляет общество?

Для меня это что-то вроде военизированной организации на балансе правительства, орава глупых и невежественных ублюдков, которым промывают мозги и которые принимают каждое слово власть предержащих как святую истину. С того времени мир перестал меня интересовать Я ненавидел всех и не доверял никому. Мне однозначно дали понять, что эти чувства взаимны; таким образом, все знали, как обстоят дела.

Трагедия «Айброкс», 2 января 1971 года
«Глазго геральд»

Одна из самых страшных катастроф в современной шотландской истории произошла на стадионе «Айброкс» в Глазго незадолго до окончания традиционного новогоднего дерби между «Рейнджере» и «Селтиком». Когда зрители хлынули к выходам, лестница подломилась, и люди посыпались на тех, кто стоял ниже. Шестьдесят шесть человек погибли в давке. Как явствует из приводимого ниже репортажа, прошло некоторое время, прежде чем остальные зрители осознали, что, собственно, случилось.

В ложе прессы все комментировали, как хорошо ведет себя толпа, и думали, что гол «рейнджеров», сравнявших счет на последних секундах, обеспечил зрителей хорошим настроением, гарантируя, что никаких инцидентов не произойдет.

Тут на дальнем конце поля, в северо-восточном углу — сектор 13, — появились четверо или пятеро полицейских, которые всматривались в трибуну. Кто-то сказал: «Видимо, драка». Но это

казалось необъяснимым, поскольку все мы ощущали благодушие толпы после волнительного финала игры.

Затем через поле, залитое светом прожекторов, донеслись крики и вопли. Двое из нас спешно кинулись по винтовой лесенке на трибуну. Мы проталкивались через довольных болельщиков, выскочили на площадку, проскочили через другой выход и помчались через утоптанную траву, по которой всего мгновениями ранее Колин Стейн послал мяч, сравняв счет.

Пустынное поле будило фантазии наподобие этой: «Вот, значит, каково играть на „Айброксе“». Мы до сих пор не догадывались о трагедии.

Даже когда мы достигли дальнего угла, все еще не было никаких признаков катастрофы. Только двоим или троим людям помогали спуститься с трибуны. И лишь когда полиция и медики побежали на трибуну, мы поняли, что произошло нечто страшное.

Установилась напряженная тишина, нарушаемая разве призывами нести носилки. Мы попробовали подняться на трибуну, но всякий раз возвращались, помогая покалеченным зрителям. В желающих помочь недостатка не было.

В конечном счете мы поднялись наверх, и нам

открылся истинный ужас ситуации. Полдюжина безжизненных тел на трибуне. Спасатели спотыкались о мертвых и раненых, вынося все новые и новые жертвы.

Клин пустоты возник на длинном и крутом лестничном пролете, что вел к выходу на Кэйрнли-драйв. Там виднелись искореженные стальные конструкции. Они деформировались под тяжестью рухнувших на них человеческих тел.

Повсюду на ступеньках валялась обувь, сорванная с ног в давке. Дальше ступени были усеяны стонущими людьми. Мы помогли еще одному раненому спуститься с трибуны. Тут появился сэр Дональд Лиддл, лорд-провост, который смотрел игру из ложи почетных гостей. Он поднялся наверх и подошел к обвалившейся лестнице, пытаясь успокоить раненых. Он опустился на колени рядом с человеком, которому под голову в качестве подушки подсунули несколько пивных банок, а сверху набросили куртки и пальто. Этот человек был мертв. Лорд-провост уезжал со стадиона в слезах.

На ступенях командовал сэр Джеймс Робертсон, начальник полиции. Тела были повсюду. Один человек, накрытый курткой с головой, все еще лежал на полпути вниз. Стояла почти полная,

потрясенная тишина. Изредка раздавался звон монет, которые выпадали из карманов жертв, когда тех поднимали.

На поле вереница носилок с телами протянулась от углового флажка до стойки ворот. Санитарные и патрульные машины, сверкая огнями, сновали по беговой дорожке. Мистер Уильям Уодделл, тренер «рейнджеров», и мистер Уильям Торнтон, его помощник, вместе с мистером Джоком Стейном, тренером «Селтика», направляли людей с носилками в раздевалки команд, где развернули временные травмопункты.

Полицейские, врачи и санитары работали отчаянно, увы, зачастую тщетно, стараясь вернуть пострадавших к жизни.

Два часа спустя в секторе 13 остались только чиновники; одну молодую медсестру увели в слезах. Она все повторяла: «Господи, я ничего не могу сделать».

Забастовка на верфях Верхнего Клайдсайда, 18 августа 1971 года
Джимми Рейд

Летом 1971 года и в следующем году верфи Глазго, некогда гордость шотландской промышленности, столкнулись с необходимостью массовых сокращений персонала. Рабочие отказались покидать предприятие. В тот день, когда они объявили об этом, Джимми Рейд, уполномоченный профсоюза, решительно заявил своим сподвижникам: «Никакого хулиганства, никакого вандализма, никакого пьянства; весь мир смотрит на нас». В ближайшие месяцы Рейду предстояло сыграть ведущую роль в защите верфей, хотя в конечном счете все усилия оказались напрасными. Ниже цитируется речь, которую он произнес в Глазго перед 30 000 рабочих, через восемь недель после начала забастовки.

Сегодня говорит Шотландия. Не Шотландия Эдварда Хита, Гордона Кэмпбелла, сэра Алека Дугласа Хоума, прочих лэрдов и их лакеев. Они никогда не представляли Шотландию, настоящую Шотландию, Шотландию рабочих. Никакой

титул, никакой ранг, никакая почесть не сравнятся с привилегией принадлежать к шотландскому рабочему классу.

Вот что я хочу сказать от имени шотландских рабочих нашим братьям и сестрам, которые столь дружно откликнулись на нашу просьбу о помощи и солидарности. Правительство спровоцировало нас выдвинуться на передний край борьбы с увольнениями и закрытием заводов. ОНИ ВЫБРАЛИ НЕ ТЕХ ЛЮДЕЙ. Мы стоим твердо, мы не отступим. Мы готовы сопротивляться самостоятельно, бороться в одиночку.

Но мы не одни.

Уверенный в наших собратьях-рабочих, мы говорим Хиту и его правительству, что они перешагнули черту. Против них весь шотландский рабочий класс… Весь шотландский народ.

Нашлись и те — таких немного, — кто советовал не поддерживать рабочих. Но профсоюзные организаторы решили, что далее молчать нельзя. Слишком долго борьба против увольнений и закрытия предприятий увязала в болоте переговоров. А тем временем рабочие, лишенные средств к существованию, стояли у закрытых дверей, ожидая решения, смогут ли они продолжить работу или им пора идти на биржу труда. И ОТВЕТ

НЕИЗМЕННО ГЛАСИЛ: В ОЧЕРЕДЬ ЗА ПОСОБИЕМ.

На сей раз рабочие и профсоюзные организаторы настроены этого не допустить. На сей раз мы предприняли соответствующее действие и обратились через головы правительства и министерств. Мы обратились к самой высокой власти на этой земле… К ЛЮДЯМ. Уже по всей стране нас поддерживают и сочувствуют нам. Мы прошли через крушение надежд, через отчаяние, через понимание нашей очевидной неспособности влиять на нашу собственную судьбу. Над нами нависла тень увольнения.

Требовалась только искра, чтобы воспламенить общество. Чтобы наши чувства нашли выход. Мы предлагаем рабочим разжечь пламя. Мы наблюдаем извержения не лавы, но рабочего гнева. Гнева простых мужчин и женщин..

Мистер Хит, послушайте! Если вы и ваши коллеги не сможете утолить общественные потребности этих людей, извержение погребет вас под собой. Невероятно, но те, кто заседает на Даунинг-стрит, мыслят так: правительство утратило веру в народ — давайте же сменим народ.

Эдвард Хит, я говорю вам: мы будем бороться, и мы не собираемся меняться. Или изменитесь вы, или мы сменим правительство.

Большой Джин, 1975 год
Джордж Рози

Билли Конолли, грубоватый комик с Клайдсайдских верфей, воплощал собой типичного представителя шотландского рабочего класса с его непритязательным отношением к миру. Прозванный Большим Джином за свое пристрастие к одноименному напитку и могучее телосложение, он быстро приобрел популярность и к середине 1970-х годов стал любимцем лондонской публики.

Есть человек в Глазго по имени Билли Конолли, который создал новое представление о Христе — как о главаре шайке сорвиголов из Глазго. Обычно все разыгрывалось как-то так, в декорациях хорошо известной местной гостиницы. «Дверь открывается… Бах! И вот он грядет, Большой Джин… В длинной хламиде и штиблетах». Это, разумеется, царь царей, мессия, Сын человеческий, одержимый ужасной жаждой. «Это утро творит чудеса. Я валюсь с ног! Налей-ка мне стаканчик. Без шуток, сынок, я валюсь с ног… Выгляни за дверь. Там нет ничего, только мертвяки

бродяг с постелями под мышкой».

Когда начинается Тайная Вечеря, Большой Джин изрекает пророчество. «Один из вас продаст меня… Два больших римских отряда заберут меня отсюда в тюрьму. И я умру после всего одной ночи в тюрьме, такой симпатичный. Зато утром я встану и скажу, все в порядке, парни, я в завязке. А здоровый римлянин войдет в мою камеру и скажет: „Поцелуум меня в задум“».

Это — tour de force, великолепный и балансирующий на грани богохульства скетч, который способен (и регулярно это делает) повергнуть всех христиан, будь то суровые протестанты или набожные католики, в беспрерывный, истерический хохот. При этом весь текст преподносится на резком, бескомпромиссном диалекте Глазго, на колоритном, глубоко народном, варварском жаргоне, который не имеет никакого сходства с рафинированным «шотландским» мюзик-холла!

Версия Тайной Вечери и распятия отчасти объясняет причину удивительного и широкого успеха Конолли. За последний год Билли Конолли стал самым популярным человеком Шотландии, он единственный собирает полные залы пять раз подряда среди его поклонников и дряхлые обитатели трущоб Глазго, и эдинбургские ин-

теллектуалы. Не остается в стороне и огромная шотландская диаспора; в январе были проданы все места в лондонском «Палладиуме», а последняя пластинка Конолли обещает разойтись тиражом свыше 200 000 копий.

В целом Конолли — полная антитеза шотландских комиков, каковые обыкновенно выглядят так: щеголеватые, невысокие, в приличных костюмах, волосы уложены и набриолинены; или же они выступают в пледах, килтах и галстуках-бабочках. Конолли высок и производит внушительное впечатление, у него рыжие волосы, спадающие на плечи, длинная борода, как у сказочного чародея, и он обожает наряжаться в шелк веселых расцветок и кружева. При этом его отличает сценическое высокомерие, свойственное, скажем, ведущему гитаристу популярной рок-группы. На сцене он никогда не халтурит, отдается спектаклю целиком; он отлично двигается, превосходно играет на банджо и прилично — на гитаре, умеет петь и обладает поставленным, пусть и не выдающимся голосом, сам сочиняет песенки и выработал узнаваемый стиль общения с оппонентами: «Найди себе агента, приятель. Чего зазря задницу просиживать?»

Люди платят за то, чтобы послушать его скетчи,

длинные, смешные, грубоватые, кощунственные и варварские, изобилующие сценками и персонажами, словно только что вышедшими с верфей или из городских тупиков. Это замечательный комментарий по поводу тонкостей агрессивной культуры шотландского рабочего класса. Картины мира, населенного бродячими музыкантами-пьянчугами, уличными бойцами, неряшливыми матерями и сопливыми детьми, бездарными учителями, опустившимися учеными, шлюхами, ветеранами верфей и ловкими юнцами. При всем том Конолли весьма доброжелателен и склонен к ностальгии, хотя и не скупится на едкие замечания, колкости, почти прямые оскорбления. У него наметанный глаз на мельчайшие подробности, и он создает продукт отменного качества.

Конолли родился 31 год назад в уважаемой рабочей католической семье. Его отец был механиком, отработал много лет и никогда не сидел на мели, но семейный дом имел всего две комнаты и находился в «правильном месте» в Андертоне. В детстве Конолли вместе с двумя сестрами отца перебрался в доки Патрика… Школа представляла собой обычную публичную школу. «Я ненавидел каждую минуту, проведенную там, — говорит

он. — Обыкновенно я стоял у дверей, покуда меня буквально не затаскивали внутрь, учитель или отец». Вторая школа, Святого Жерара на другом берегу Клайда, была получше. И уже тогда он выказывал склонность к шуткам. «Я всегда был комиком. Шутил направо и налево, сыпал, так сказать, остротами».

Приблизительно в те годы он начал понимать, что хочет стать актером. Он регулярно посещал знаменитые шоу «Пять минут девятого», гремевшие в Глазго и изображавшие едва ли не каждый характерный шотландский типаж. Он вспоминал, как наблюдал за Джимми Логаном, одетым угольщиком и поющим: «Что делать, если уголь вам не нужен?», и думал: «Вот бы и мне так».

По воле случая карьера молодого Конолли начиналась прозаически; он трудился посыльным в книжном магазине и был вскоре уволен за кражу книг. «Ну… Вообще-то я этого не делал». Потом он развозил хлеб, что ему очень нравилось, а в возрасте 16 лет поступил на верфь Стивенса учеником сварщика.

О своих годах на верфях Клайда Конолли говорит так, как какой-нибудь интеллектуал — о золотых деньках в Итоне или Оксфорде или Кембридже. «Я был счастлив там. Просто влюбился,

вот вам крест. Едва ворота закрывались, верфь словно превращалась в крошечный город в городе. Там можно было купить башмаки, сигареты, транзистор, дешевую выпивку. Это было удивительное место…»

По причинам, которые до сих пор не ясны, Конолли вступил и в парашютный полк Территориальной армии. «Звучало красиво, — признается он. — И мне понравился красный берет. Я подумал, Боже, теперь все бабы мои, в таком-то наряде». Удивительно, однако Конолли оказался неплохим парашютистом, совершил 23 прыжка и провел три или четыре года, переезжая с места на место, паля из винтовки и наслаждаясь жизнью. Но радикалистские традиции Клайда давали себя знать, и бессмысленность воинской службы открылась ему в горах Кирения на Кипре. «Мы должны были преследовать рейнджеров Говарда, — вспоминает он. — После приблизительно двух недель поймали одного. Оказалось, он работал на той же самой верфи, что и я. И я сказал себе, Господи, я бы мог отловить его в столовой в любой день! Что, черт возьми, моя задница делает в горах Кирения?..»

На том этапе музыкальные вкусы Конолли были достаточно простыми. «Мне нравились

кантри и вестерны, мне нравился традиционный джаз, ничего необычного». Несколькими годами ранее он купил банджо — ради забавы. «Я только пощипать струнки». Но вышло так, что инструмент его заинтересовал, и позднее он купил и гитару. Кто-то рассказал ему о фольклорном клубе в Клайдбэнке, однажды он пришел туда — и мгновенно ощутил себя своим. «Это было нечто… В самый раз. Все девчонки были похожи на Джоан Баез, а парни ходили с волосами до пола. До сих пор я знал только костюмы, галстуки и короткие стрижки».

Очень скоро он начал петь, и ему так понравилось, что он бросил работу на верфи Стивенса и стал зарабатывать на жизнь пением в клубах и пабах. «Это были места, где быстро учили выступать перед публикой». Держался он естественно и постепенно приобретал известность. Даже отправился в Англию с группой под названием «Скиллет-ликерз», затем с бывшим рок-гитаристом Тэмом Харви организовал группу «Хамблбамс». Позже Конолли встретился с Джерри Рафферти (основателем «Стилерз уилз»), встреча произвела на него большое впечатление, и дуэт превратился в трио. Вскоре (после небольшого скандала) Тэм Харви оставил группу, а Конолли и

Рафферти выпустили несколько довольно успешных пластинок и сделались, пожалуй, самым популярным фолк-дуэтом Шотландии. А потом разошлись. «Джерри был отличным музыкантом, а меня тянуло выступать на сцене. Дальше так продолжаться не могло. Я хотел смешить…»

И вот Конолли собрал пожитки, придумал себе номер — и бездарно провалился, попытавшись выступить в Масселбурге. Тогда он отправился в короткое турне по клубам севера Англии, где и «повзрослел и ощутил вкус развлечений». Следствием этого взросления стало шоу «Конолли из Глазго» в театре «Клоуз» в Глазго, итог совместного творчества Конолли и поэта Тома Бьюкена. Вместе они написали сценарий шоу «Большой Нортен-вэлли», рок-мюзикла в жанре политической сатиры, поставленного на Эдинбургском фестивале 1972 года и тепло встреченного зрителями, а позднее с успехом шедшего на сцене лондонского театра «Янг Уик». Затем были новые успешные турне (включая США), рост популярности благодаря «сарафанному радио», а в начале 1974 года — шоу в «Павильоне Глазго», после чего для Конолли все сложилось как нельзя лучше; отныне он собирал полные театры в каждом городе Шотландии. Продавались пластинки с запися-

ми его выступлений, были переизданы старые альбомы «Хамблбамс», а свежая пластинка «Тебя за это отшлепают» побила все рекорды продаж. Кульминацией, пожалуй, стал январь, когда Конолли выступил в лондонском «Палладиуме», причем билеты на это выступление озолотили спекулянтов, и его проводили пятиминутной овацией…

Как ни странно, ближе всего он ощущает себя к жутким психопатам и убийцам из «Крыла Щелкунчика», знаменитого особого отделения тюрьмы Барлинни. «Слушайте, этих парней осудили. Они сидят там хрен знает сколько времени и будут сидеть до конца своих дней. Они сполна узнали наше правосудие на собственной шкуре, но не сломались. Они точно знают, кто что значит. Это просто здорово. Развеселить таких парней дорогого стоит…»

Конолли умеет выражать невыразимое. Его скетч на тему распятия — тому самый очевидный пример, а есть и другие, например, скетч с лужей блевотины и словами: «Это не восемнадцатая кружка „Гиннеса“, а нарезанная кубиками морковка». Пьяницы в исполнении Конолли не просто забавно ходят и говорят с запинкой; их одежда заляпана рвотой, а штанины намокли

от мочи.

Но это способ, каким шотландцы привыкли напиваться, и такое зрелище для них вполне привычно; именно так их изображает Билли Конолли. Как он сам говорит: «Главное в моей работе — честность. Только и всего».

Смерть Хью Макдиармида, 9 сентября 1978 года
Алан Болд

Когда умер Хью Макдиармид, страна потеряла борца за возрождение национального языка и национальной культуры, побуждавшего других писателей «просыпаться, набираться храбрости и готовиться быть услышанными». Поэт и политический деятель, Макдиармид придерживался весьма радикальных воззрений, которые привели к ренессансу шотландской литературы. Алан Болд, плодовитый писатель, — друг Макдиармида и его биограф.

Кристоферу Мюррею Гриву было восемьдесят шесть лет, когда он умер в клинике «Чалмерс» в Эдинбурге 9 сентября 1978 года. Он пережил не только своих наставников, но и большинство коллег и современников… Он отстаивал идеалы «самоуниверсальности», однако сознавал, что был очевидцем интереснейшего периода истории. У него никогда не возникало желания жить в другую эпоху.

Когда о его кончине объявили в новостях, имя

Грива упоминалось только как настоящее имя «величайшего» современного поэта Шотландии, всемирно известного под псевдонимом, который он принял в 1922 году: Хью Макдиармид. Я помню, как сидел дома и слушал дневные новости. Макдиармид умер, но, будто вопреки фактам, голос поэта звучал по радио. Он умер, но продолжал жить; это было очевидно. Вскоре после новостей в мою дверь постучали. Актер Генри Стэмпер, мой сосед, тоже услышал объявление. «Крис, — сказал Генри, — был великим человеком. Теперь мы узнаем, как его помянут».

В среду, 13 сентября, мы с женой направились на Лэнгхом, вместе с нашим близким другом Тревором Ройлом, в ту пору литературным директором шотландского Совета по культуре и искусству. Выдался дождливый день, над головами собравшихся колыхались зонты. Среди тех, кто прибыл на похороны, было немало знаменитостей, а всего собралось несколько сотен человек. Большинство кланялись гробу, отдавая Макдиармиду последнюю дань уважения.

Когда на кладбище Лэнгхом опустился туман, многие заплакали, не стесняясь слез. Алекс Кларк, агент Макдиармида в предвыборной кампании против сэра Алека Дугласа Хоума, говорил о

политических взглядах Макдиармида: «Вдохновленный русской революцией и марксизмом, он хотел видеть Шотландию социалистической и полагал, что обретение независимости позволит Шотландии привести к социализму остальные части Великобритании». Норман Маккэйг, поэт и один из ближайших друзей Макдиармида, говорил об усопшем как о человеке: «Он проникал в мой разум, словно в чужой город, возглавляя процессию факельщиков, и освещал самые темные закоулки». Маккэйг описывал Макдиармида как «общительного, искреннего, дружелюбного и самого вежливого на свете человека, который не терпел лицемерия и сражался за прямоту».

Волынщик Шеймус Макнейл из Колледжа волынщиков сыграл пиброх «Плач по детям». Валда Грив, вдова покойного, положила на гроб белые розы. Кристофер Мюррей Грив наконец обрел вечный покой в своем родном Лэнгхоме. Но беспокойный дух Хью Макдиармида остался с народом.

После похорон скорбящие отправились на поминки в Лэнгхом. Валда сказала, что ее муж хотел быть похороненным в Макл-Тун, чтобы «те, кто отвергал его, вынуждены были лежать с ним бок о бок». Многие из нас напились, и, поскольку мы

были в Шотландии, начались разговоры, которые постепенно переросли в ожесточенный спор. Норман Маккэйг предсказывал, в стихотворении «После его смерти», что кончина Макдиармида обернется «двухминутными распрями». Несомненно, самому Макдиармиду понравилось бы это выражение.

Олимпийское золото Аллана Уэллса, 25 июля 1980 года *«Скотсман»*

На Олимпийских играх в Москве бывший прыгун в длину, а ныне бегун Аллан Уэллс взял золото в стометровом спринте, выиграл медаль на олимпийской дорожке первым из шотландцев после Эрика Лидделла, который победил в 1924 году.

Накануне вечером на стадионе имени Ленина в Москве Аллан Уэллс превзошел самого себя, выиграв самый напряженный забег на стометровке за последние 28 лет.

Двадцативосьмилетний шотландец, которого все считали фаворитом в беге на 200 метров, ошеломил зрителей, опередив кубинца Сильвио Леонарда, как показал фотофиниш.

Они бежали рядом, и ни Уэллс, ни Леонард не были уверены, кто взял золото, пока гонку не воспроизвели на экране высоко над стадионом. Оба спортсмена показали результат 10,25 секунд.

Диктор, телеоператоры и фотографы приняли было поздравлять кубинца, однако повтор на экране показал, что эдинбургский инженер на

долю секунды опередил своего конкурента.

«Это невероятно, — сказал Уэллс впоследствии. — Я надеялся, что победил, но хотел дождаться повтора, а потом наконец поверил».

Уэллс, обычно столь хладнокровный и собранный, внезапно побежал по дорожке, совершая круг почета, а изумленный Леонард остался в одиночестве, когда операторы поняли свою ошибку и побежали следом за самым быстрым человеком в мире.

Его жена и тренер Марго, сама спринтер международного класса, сказала: «Я думала, что Леонард пришел первым».

Трудность состояла в том, что этих двоих разделяла целая линия, поскольку кубинец бежал по дорожке 1, а Уэллс — по дорожке 8.

«Аллан бежал, никого не видя перед собой, — продолжала Марго. — Да перед ним никого и не было. Но мы все же сделали это, хвала небесам».

Даже в миг славы Уэллс не простил членов судейского комитета, которые заставили его, несмотря на победу в четвертьфинале с британским рекордом (10,11), бежать по последней дорожке.

«Россия — не самое простое место, чтобы победить, — сказал он. — У Леонарда были все

преимущества, поскольку он бежал по внутреннему кругу, а мне не за кем было пристроиться. Я увидел его на последних 20 метрах и тогда понял, что я должен выложиться полностью, чтобы его опередить».

Шотландец, прежде занимавшийся прыжками в длину, а потом перебравшийся в спринт, давно славится своим мощным финишным рывком. Между тем на сей раз дополнительные трудности создавало решение Международной федерации легкой атлетики, запретившее привычный свободный старт и обязавшее использовать электронный стартер.

Несмотря на это, Уэллс четырежды опережал соперников на пути к титулу, который мечтает завоевать каждый спринтер. Он говорит: «Когда я занял место на дорожке, мне пришло в голову, что это должен быть лучший старт в моей жизни. Возможно, рекорда скорости я не поставил, но старт мне определенно удался».

Папа римский в Шотландии, июнь 1982 года
Крис Баур

Первый в истории визит папы римского в Шотландию стал грандиозным событием для католической части населения страны. Папа Иоанн Павел II проповедовал в Эдинбурге и Глазго, и собравшиеся мужественно терпели жару и обезвоживание. Это историческое событие двенадцать лет спустя обернулось присуждением кардинальского сана Томасу Уиннингу, архиепископу Глазго, всего лишь третьему шотландскому кардиналу со времен реформации.

Под палящим летним солнцем вчера днем более 250 000 человек собрались послушать папу римского Иоанна Павла, который произносил проповедь на склоне холма. В эти радостные и торжественные мгновения католическая паства святого Андрея наконец-то воочию узрела преемника святого Петра. Он проповедовал с бесконечной простотой, мягко и убедительно излагал собственную версию священной истории: «Именно Андрей, небесный покровитель

вашей любимой Шотландии, познакомил Петра с Иисусом… Сегодня нас объединяет сверхъестественное братство, и эти узы сильнее уз крови».

Он позволил себе сравнить свое выступление с Нагорной проповедью. Но на самом деле одна вряд ли походила на другую. Он прилетел сюда, к этой толпе, самой многочисленной из всех, что когда-либо собиралась к северу от границы, на огромном вертолете «Сикорски», сделанном в Америке.

Машина прошла низко над деревьями, и за прибытием папы люди следили по гигантскому экрану «Мицубиси», сделанному в Японии. Для тех, впрочем, кто стоял с края — в доброй полумиле от помоста, — даже японский экран не был виден…

В прежние времена никто не сообщал верующим через 100 громкоговорителей, что «святой отец приближается к секторам F21 — F28», а ныне все обстояло именно так, и папу буквально прогнали через 280 секторов, в которых находились верующие.

И волынки не приветствовали Иисуса тысячи лет назад. И скрипки не играли все быстрее и быстрее, пока на мотиве «Кейт Далримпл» не зашлись в безумном ритме.

И не было тысячи священников, каждый под белым с золотом зонтом, гордо шагающих к помосту, благословляя паству, среди которой многие разделись до пояса, поскольку день выдался весьма жарким.

А была ли у них «скорая помощь» на случай сердечных приступов (вчера произошло шесть), или подозрений на аппендицит (вчера отмечены три), или же тепловых ударов и обезвоживания, или неожиданных родов?

Было ли у них хоть что-нибудь из этого?.. Нет и нет. Но разве это имеет значение? Первые христиане стекались на проповедь ради иного. Они приходили услышать своего Учителя, а ныне папа римский говорил о «полном преображении католической жизни в Шотландии» после черных лет четырехвековой давности, когда средневековая церковь оказалась на краю гибели и почти погибла.

Ныне, сказал папа, католики Шотландии «заняли свое законное место в каждой сфере общественной жизни, а некоторые из них наделены самыми важными и престижными постами этой земли...» Папа велел им быть примерными христианами — «мир все еще способен распознать подлинную доброту и подлинное благо».

Затем он обратился к «тому большому семейству верующих в Христа, которое разделяет с католическими братьями и сестрами привилегию быть сыновьями и дочерьми этой древней нации…» А потом, как за день до того случилось в Эдинбурге, его прервали. Прежде чем он сказал: «Да живет и процветает Шотландия», на некоторое время ему пришлось прерваться, ибо люди запели гимн…

Это стало своего рода игрой. Когда гимн стих, и люди вновь увидели папу на огромном экране, накатила новая волна приветствий и песнопений. Он терпеливо ждал, пока все успокоится, а затем, улучив подходящий миг, произнес: «Папа умолк, и вы ныне проповедуете».

Скалолазание, 1980-е годы
Мюриэл Грей

Диктор и писательница Мюриэл Грей, сжимая зубы, покорила свою первую вершину еще подростком, чтобы произвести впечатление на друга. С того дня она увлеклась горами и стала в итоге неожиданным — кто мог ожидать подобного от женщины? — проповедником самого популярного в стране спорта, страсть к которому граничит с одержимостью, а именно — покорения вершин выше 3000 футов. Этот спорт известен также как «Мунро-лазание».

Иногда даже легчайшие из гор одерживают победу. Нет ничего сложного в том, чтобы взойти на Крейг-Мегайд (разве что правильно написать его название), но мне потребовались три попытки, прежде чем я добралась до его вершины.

Лишь в последние годы я научилась использовать прогноз погоды, прежде чем затевать очередной подъем. Миллионы фунтов, израсходованных на спутниковые технологии, кажутся потраченными впустую, когда люди, подобно мне, игнорируют Майкла Фиша, вопящего по

телевидению из-за мешков с песком: «Ради Бога спрячьтесь!», когда мы отправляемся покорять пик Мунро с песней в сердцах.

Именно такое вот безрассудство и не позволяло мне, вопреки упорным попыткам, взойти на Крейг-Мегайд. Первую попытку я предприняла зимой, в то темное и гнетущее время года, когда солнце восходит всего на 20 минут, а затем скатывается к горизонту, и наступают сумерки. Погода в тот день казалась идеальной. Густой снегопад завалил склоны, и они выглядели чрезвычайно привлекательными, а небо было ясным и ярко-синим.

Мы вдвоем вышли из Аберардера в поражающее своей беспечностью время — 11:30 утра… Мы достигли Лохан-Квайр в 3 пополудни, когда солнце начало вспоминать, что его присутствие требуется где-то еще. Простая арифметика подсказывала, что даже если мы достигнем вершины, спускаться придется в темноте, как опоздавшим к началу сеанса зрителям, которые ищут свои места в зале кинотеатра.

Когда мы сидели на берегу озера, перекусывая сухим пайком и решая, кто первым обвинит другого в испорченном дне, от утесов, окружающих озеро, донеслись голоса. Примерно на трети пути

вверх, у зловещего вида ледника, показались двое мужчин, которые неспешно торили дорогу вниз, пользуясь ледорубами и «кошками». Было уже половина четвертого, свет быстро тускнел, и снежная буря, о которой предупреждал проигнорированный синоптик, грозила вот-вот обрушиться на Хайленд. Как-то странно, подумали мы. Может, эти двое собираются заночевать на горе? Может, они из ведущих альпинистов мира и готовятся к гималайской экспедиции, которая требует постоянных ночевок на ледниках? В общем, мы развернулись и побрели домой. К сожалению, они оказались двумя глупцами, которые ничего вокруг не видели, и спасателям пришлось на следующее утро отправиться на их поиски. К счастью, у них обнаружились при себе комплекты выживания, так что они уцелели, хоть и были немного сонными, когда их отыскали.

Я чувствовала себя виноватой после того эпизода. Когда следует сообщать спасателям, что, по вашему мнению, кто-то находится в опасности? В конце концов, если бы те два человека погибли, это было бы на нашей совести, ведь мы их видели и ничего не предприняли. С другой стороны, вообразите сложности, связанные

с полномасштабным поиском кого-то, кто не только не в опасности, но и изрядно набрался, а сигнал побудки ему играет вертолет Королевских ВВС «Си-Кинг», поднимающий винтами клубы снежной пыли… Я побаиваюсь вызывать спасательную команду ради человека на гребне горы; а вдруг это окажется Хэмиш Макиннес, полезший наверх искать потерянную рукавицу?

Такова была первая попытка покорить Кроейг-Мегайд. Вторая, в ветреное воскресенье в октябре, принесла еще большее разочарование. Мы снова проигнорировали прогноз погоды, сложили рюкзаки и двинулись по крутой тропе к Коир-Ардэйр. Тем временем догадливые «мунроисты», лучше нас знакомые со спутниковыми технологиями, предвещавшими погодную депрессию страшнее Рождества в Барлинни, сидели по домам у каминов и лопали тосты с сыром. Мы не собирались отступать и пасовать перед незначительными, как нам казалось, препятствиями. На сей раз я, по крайней мере, миновала озеро и вышла на поле валунов перед вершиной. Это поле отделяет Крейг-Мегайд от другой вершины гор Мунро, Стоб-Пойт-Коир-Ар-дэйр, а также представляет собой своего рода аэродинамическую трубу. Едва мы вышли к склизким валунам, похожие на про-

мокших насквозь мимов, один из нашей группы остановился и сказал: «Пошли обратно».

По крайней мере все мы надеялись, что он сказал именно это. В завываниях бури это прозвучало как: «Ои… о-о-о». Мы вернулись в автомобиле с включенным на полную катушку обогревателем.

Последний промах был человеческой ошибкой. Я положилась на слова своих друзей, что они легко взойдут на Крейг-Мегайд. День был великолепным. Ясное зимнее утро приветствовало нас сверканием снега и мерцанием кристаллов льда. В 9 утра ничто не сулило неприятностей. Теперь-то я понимаю, что тем, кто никогда не ходил в горы, посещение в один день банка, почтового отделения и химчистки может показаться триатлоном. Мои друзья настояли на первой стоянке, едва выйдя из автомобиля. Пришлось подчиниться. К 12:30 мы преодолели березовую рощу и вынуждены были признать поражение. Дружба важнее альпинизма, так что, для их пользы, я сказала, что они молодцы, и мы вернулись к воскресному отдыху с иллюстрированными журналами, кошками, кофе и ковриком у камина. Я бросила прощальный взгляд на утес Коир-Ардэйр, ледяной покров которого искрился в лучах солнца, и пообещала себе, что в следующий раз

все получится.

Забастовка шахтеров, март 1984-март 1985 года
Мик Макгейхи

Шахтерская забастовка 1984–1985 годов ознаменовала закат угольной промышленности Великобритании. По всей стране шахты закрывались, так что вскоре отрасль фактически погибла. Годичная забастовка сопровождалась массовыми пикетами, полицейской агрессией и ухудшением условий жизни. Горняки заручились немалой общественной поддержкой, их отличала высокая солидарность. Тех немногих, кто продолжал работать, считали предателями и не желали слушать их объяснения. Мик Макгейхи, работник шахты Билстон-Глен в Восточном Лотиане, был одним из лидеров забастовщиков.

Я родился в Глазго и переехал в Эдинбург в 1967/68 году, оставил школу в пятнадцать лет, пошел работать в Блистон-Глен… в апреле 1971 года и трудился там тринадцать лет и восемь месяцев, пока меня не уволили во время забастовки…

Начало забастовки обернулось немалыми трудностями, но было интересно — и было правильно.

Особо отмечу нашу солидарность, особенно в первые шесть месяцев; все рабочие стояли друг за друга горой, как и те, кто входил в другие профсоюзы, в особенности SOGAT (Общество графических и смежных отраслей). Не только денежная помощь, но и практическая поддержка поступали от них, в частности, продовольствие, а также туалетные принадлежности и предметы, которыми пользуются женщины. Ведь бастовали не одни мужчины, страдали также их жены, и многие профсоюзы это понимали, а потому собирали и присылали все необходимое.

Помню, что меня за время забастовки арестовывали девять раз; точнее, пять раз задерживали и девять раз предъявляли обвинения, и по четырем осудили… В то время требовалось совсем немного, чтобы тебя уволили. До известной степени любой проступок грозил обернуться вышвыриванием на улицу…

«Отрывание голов» происходило каждую пятницу, и основная проблема состояла в том, что, под конец забастовки, тридцать или сорок человек стояли у ворот Билстон-Глен и других шахт, а ко второму году таких было всего двое или трое. По-настоящему беда коснулась людей после первых шести месяцев забастовки. Мы поняли, что

никто не собирается принимать нас обратно…

Но вплоть до того времени, когда Билстон-Глен закрыли, а это произошло через несколько лет после забастовки, я рассчитывал вернуться на работу. Когда же шахту закрыли, внутри меня словно что-то оборвалось… Я скучал по шахте, скучал по работе. Не по сменам, нет, но по людям, с которыми вместе работал. Даже по предателям. Ну, по некоторым из них.

Признание культурного наследия Глазго, 1986 год
Билли Конолли

Когда в 1986 году Глазго объявили европейской столицей культуры на 1990 год, комик Билли Конолли устроил шоу. Его чувства разделяли многие люди, не просто желавшие признания культурного наследия Глазго, но и мечтавшие о том, чтобы город добился преимущества в вековом соперничестве со столицей, которое обострилось после учреждения Эдинбургского фестиваля.

Мой друг актер рассказал мне однажды, как возвратился домой в Глазго после некоторого успеха в Лондоне и решил посетить итальянское кафе, где нередко бывал в молодости. Владелец кафе, Тони, был на месте, прятался за посудомойкой и кофе-машиной. Он тепло встретил моего друга и, вытирая руки неизменным кухонным полотенцем, спросил, что тот думает о заведении. Мол, сильно ли оно изменилось за то время, пока он завоевывал славу в дальних краях?

Мой друг обвел кафе взглядом и сказал, что все

осталось по-прежнему. За одним-единственным жутким новшеством — картиной во всю стену, демонстрировавшей не встречающееся в природе сочетание цветов. Картина изображала хайлендский пейзаж, озеро с горами, на фоне которых резвились непохожие на себя животные и птицы — орлы, олень, барсуки, фазан и куропатка. Под картиной сидел клиент — больше в кафе никого не было — взъерошенный человечек, который шумно прихлебывал суп и что-то бормотал себе под нос.

Тут владелец задал моему другу вопрос, которого тот опасался. Указав на раскрашенную стену, Тони спросил: «Ну, как вам моя фреска?» Мой друг сумел выдавить: «Э-э, неплохо, Тони, неплохо». Услышав эти слова, поедатель супа так и вскинулся: «Неплохо? Неплохо?! Это, по-вашему, фреска? Господи боже, да Венера Милосская перевернулась бы в гробу, если бы это увидела!»

Лучший образчик художественной критики, какой я когда-либо слышал; потрясающая честность, которой не мешало бы поучиться воскресным приложениям к нашим газетам. И эти слова прозвучали в культурном центре западной цивилизации, в Глазго! Что вы там бормочете, в своих захолустных Лондоне, Бирмингеме, Бри-

столе и Манчестере?

Причина обострения гражданской гордости состоит в том, что, выказав совершенно нетипичную для себя мудрость, Ричард Люс, министр искусства, назначил Глазго центром высокой культуры. Весьма вовремя.

Слишком долго Глазго пребывал в тени Эдинбурга. В умах тех, кто присуждает призы и почести, Эдинбург обладал своего рода привилегией на статус средоточия культурного наследия Шотландии; из-за этого многие жители Глазго точили зуб на столицу.

Глазго, этот город 70 (да, 70!) парков и лужаек, долго негодовал на упоминания о нем как о черной кляксе на теле Европы. Много лет он оставался жертвой кинодокументалистов, которые, когда им недоставало свидетельств о бесчинствах молодежных шаек, терроризирующих невинное население, не упускали случая подкинуть безработным молодым людям монетку-другую, чтобы они изобразили бандитов.

Отрицать бурное прошлое Глазго, конечно, неразумно. Однако мне кажется, что уже пора придать облику города некие положительные черты.

Несколько лет назад Глазго совершил куль-

турный подвиг, отреставрировав Королевский театр — большой викторианский мюзик-холл, который в свое время отдали под телестудию, а потом он вообще сгорел. В отреставрированном театре ныне находится шотландская опера. В мире, поглощенном строительством автостоянок и высотных офисных зданий, это, можно сказать, настоящий шок….

Моя любовь к культуре возникла на самом деле из географической ошибки. Я родился и провел свои детские годы в Патрике, более всего известном, полагаю: футбольным клубом «Патрик Тистл»; это команда несколько сомнительного свойства — мой английский друг, однажды услышав результат матча между «Патрик Тистл» и «Мотеруэллом» (2: 1), сказал: «Господи, я всегда думал, что эту команду называют „Патрик Тистл Ноль“».

У входа в парк Келвингроув в Патрике расположены местная картинная галерея и музей, куда, многие воскресенья подряд, нас с моей сестрой Фло водили для приобщения к культуре (и скольжения по отполированному до блеска полу).

Некто в городском совете Глазго купил картину Сальвадора Дали «Христос святого Иоанна Креста», тем самым вызвав немалый переполох. Я

всегда ощущал признательность к этому человеку, поскольку провел много счастливых часов, разглядывая картину. Это привило мне любовь к Сальвадору Дали и, что более важно, к сюрреализму в искусстве и в жизни в целом, что немало помогло мне в будущем.

В качестве особого поощрения меня каждые пару лет водили в Народный дворец, настоящий фольклорный музей Глазго. Это самый живой музей, который я видел, он посвящен истории Глазго и местному образу жизни, причем вовсе не отрицает юмор этого места. Музей изрядно пострадал по милости прессы и не слишком просвещенных членов городского совета, поскольку очутился в тени своего более богатого кузена, Коллекции Беррела, удобно расположенной в особняке Поллока.

Лично я предпочитаю видеть Коллекцию Беррела в ящиках, в заброшенных складах, в пустующих школах и покинутых церквях. Мой отец имел обыкновение торжественно указывать на такие школы. «Это здание хранит сокровища», — изрекал он, а я мрачно разглядывал закопченный и грязный домишко.

Культура моего Глазго — жизнь, работа, песни и смех. Это — культура города, известного своим

упрямством и рожденного в бедности. Если подобное упрямство вам претит, я советую избегать Глазго.

Это — культура, за которую сражались (и победили) прославленные мужчины и женщины, ныне навечно граждане Глазго.

Это Джайлс Хавергел из Городского театра, Джон Каннингэм и Сэнди Гуди, Аласдейр Грей и Карл Макдугал, Лиз Локхэд, Элспет Кинг, сэр Александр Гибсон и Билл Маккью.

Моя единственная надежда, когда почетная мантия наконец-то возложена на достойные ее плечи, состоит в том, что громкие и пронзительные вопли шотландской прессы рано или поздно окажутся заглушенными голосами более рассудительных членов общества. Время истошных заклинаний и наивных просьб о признании давно миновало. Если вам повезло родиться здесь или вы оказались достаточно умны, чтобы перебраться сюда, тогда можете наслаждаться заслуженным признанием.

Трагедия Локерби, 22 декабря 1988 года
Барклай Макбейн

Когда рейс компании «ПанАм» из Лондона в Нью-Йорк взорвался в небе над маленьким городком Локерби в Пограничье, Шотландия сполна ощутила угрозу международного терроризма. Погибли 259 человек, пассажиры и члены экипажа, сорок домов в Локерби были разрушены, жертвами теракта стали и одиннадцать горожан. Приводимый ниже отчет был составлен на следующий день после того, как самолет рухнул на город.

День напролет жители Локерби идут по Мэйн-стрит к ратуше, где на доске объявлений вывешен список, содержащий имена более 200 человек, друзей, соседей, родственников, знакомых или просто соотечественников.

Не важно, кто кому и кем приходился. Те, кто читал список, и те, чьи имена в нем значились, равно оказались жертвами международного терроризма.

Локерби — милый сельский городок, при-

мыкающий на западе к шоссе А-74, основной транспортной артерии между Шотландией и югом острова. Вчера этот приятный городок содрогнулся от ужаса и стал местом гибели тех, за кого кто-то решил, что они должны погибнуть именно здесь.

Перечисленным в списке повезло. Их эвакуировали из домов, многие из которых вчера при свете солнца выглядели безжизненными остовами, но уже сегодня вновь возвращаются к жизни. Ратуша превратилась во временный морг. Здесь складывают тела погибших пассажиров, членов экипажа и местных жителей. По оценке управления полиции Дамфриса и Гэллоуэя, свыше 150 тел найдено в пределах 10-мильного радиуса.

Вчера утром я отправился к Мэйн-Фарм, чтобы взглянуть через дамбу на руины самолета. Он лежит на боку, как гигантская игрушка, которую выбросил избалованный ребенок. На покореженном фюзеляже словно отпечаталась кровавая рука безжалостного фанатика. Я прошел к ферме, чтобы побеседовать с фермером Джимом Уилсоном. Миновав старое кладбище, я увидел овец, пасущихся в поле по левую руку от меня. И тут мое внимание привлекло нечто, что я поначалу принял за неподвижную, вероятно, мертвую овцу

с глубокой раной в боку. Это оказался человек средних лет. Он был обнажен, рядом из земли торчал штырь с клочьями одежды. Справа от себя я увидел маленький кулек — детское тело, завернутое в саван. По всему холму торчали из земли штыри и виднелись такие же саваны. Жуткое зрелище.

Джим Уилсон разговаривал с почтальоном, стоя на крыльце. Если убрать обгоревший фюзеляж, саваны и штыри, сцену можно было бы назвать идиллической. Мистер Уилсон сказал, что на его земле нашли то ли 50, то ли 60 тел. Многих отыскал он сам. «И не сказать, кому сколько лет. С такой высоты падать, еще бы! Некоторые ударялись о землю с такой силой, что их вполне можно было хоронить в тех ямах, какие они выбили при ударе. Никогда не видел ничего подобного, и не хочу увидеть этакое снова».

Мистер Уилсон прибавил, что большинство погибших были без одежды, разве что в носках. Ему сказали, что одежду с людей сорвало при декомпрессии салона. Одно тело — поистине кошмар! — при падении убило овцу.

Когда самолет рухнул наземь и пропахал чудовищный ров с запада на восток, мистер Уилсон решил было, что началась гроза. Грохот он при-

нял за раскат грома. Когда в доме отключилось электричество, он подумал, что виновата молния. Выйдя наружу, чтобы позвать своего зятя, Кевина Андерсона, который живет по соседству, он понял, что грозы нет и в помине. На проводах линии электропередач висело человеческое тело. Местный врач лишь оглядел участок и вернулся в Локерби, чтобы присматривать за ранеными. Лучано Довези, один из соседей мистера Уилсона, попытался найти пульс у лежавшей неподалеку стюардессы, но пульса уже не было.

На пути в город я пересек поле для гольфа, где нашли еще 60 тел. Новые штыри, новые саваны, новые разрушения. На Карлайл-роуд стекольщики, кровельщики и столяры готовились ремонтировать поврежденные дома. Под их лестницами валялись обломки самолета.

Супруга прежнего председателя совета Локерби сказала мне: «Все ходят, словно не веря глазам. Мир переменился». Мистер Роберт Риддетт, нынешний глава совета, сказал: «Все, с кем я говорил, так или иначе пострадали. Я видел крушение своими глазами и долго был в шоке. Люди бродят как во сне. Просто ужасно. Мы пока до конца не выяснили, сколько всего погибших. А город полностью разрушен».

Мистер Том Корри из Галашилса до 2:30 утра искал свою тетю, 82-летнюю мисс Джин Мюррей. От ее дома на Шервуд-Кресент осталась одна стена. Весь Шервуд-Кресент превратился в усеянную обломками пустошь. Жена мистера Корри Морин сказала, что они не знают, чему верить: одни говорят, что пожилая дама пропала без вести и, скорее всего, погибла, но другие утверждают, что ее эвакуировали.

Овсянка, 1990 год
Джордж Маккей Браун

В течение многих столетий овсянка оставалась одним из основных продуктов питания в Шотландии, однако, как свидетельствует оркнейский поэт Джордж Маккей Браун, даже коренному шотландцу непросто к ней привыкнуть.

Пища вождя скоттов

Овсянка холодным зимним утром — я полагаю, что северяне питали себя овсянкой той или иной разновидности на протяжении столетий. И, конечно, до появления кукурузных хлопьев овсянка была важной частью нашей диеты. Нам в детстве она категорически не нравилась, наряду с фаршем, похлебкой, супом и вареной рыбой; мы терпели, но отнюдь не наслаждались. Единственная пища, доставлявшая удовольствие, — яичница с ветчиной, сосиски, пирожки, в особенности сладкие, шоколад и конфеты.

Пока коровы жевали сено, мы вяло поглощали овсянку, потому что «она полезная»… Мы часто задавались вопросом, я уверен, почему то, что

полезно, такое гадкое на вкус.

Так или иначе, мы выросли из овсянки, во многом благодаря повальному увлечению 1930-х годов кукурузными хлопьями, которое охватило наше поколение подобно пожару в прерии. С одной стороны, в кукурузных хлопьях не было комков. С другой, после них не приходилось отмывать запачканные липкой жижей тарелки. В итоге в последующие десятилетия овсянка оставалась пищей, о которой у нас имелось лишь теоретическое представление. «Здоровая еда, пища вождей скоттов», — даже матери Бернса приходилось убеждать сына в полезности овсянки.

Прошлым летом мне пришлось провести некоторое время в больнице в Абердине. Овсянка неизменно присутствовала в утреннем меню. Должен сказать, я настолько обрадовался порции овсянки в первое утро, что потом заказывал ее едва ли не каждый день. Я даже сказал медсестре: «А овсянка и вправду вкусная…» И когда меня наконец выписали, я всерьез задумался о том, чтобы и дома завести обыкновение есть овсянку по утрам. Три факта удержали меня от этого: необходимость вымачивать крупу, необходимость вылавливать комки и необходимость мыть

тарелку.

На день рождения друг подарил мне маленький горшочек с антипригарным покрытием и две деревянные ложки. Я купил пакет овсянки, и узнал, что вымачивание не требуется. Пять минут ожидания, и на столе тарелка восхитительной горячей каши с холодным молоком. Теперь я ем ее почти каждое утро.

«Как саранча могла пожрать богатый урожай!» Теперь я понимаю, что имел в виду Бернс. И многие древние кельтские барды, возносившие хвалу овсяной каше.

Победа Шотландии в Большом Шлеме, 17 марта 1990 года
Иэн Андерсон

В том, как шотландцы восприняли победу их сборной по регби над англичанами со счетом 13: 7, отчетливо слышны отголоски застарелой вражды.

Вражде и смуте есть конец,
Вожди уходят и князья…[14]

Так писал великий певец империи Редьярд Киплинг. В прежние, блаженные дни прежде всего закаляли характер и прививали ту решительность, каковая необходима для строительства новых площадок в других странах, на игровых площадках Итона, а сегодня эта привилегия доступна и обыкновенным молодым людям из Бата и Бристоля, Глостера и Ноттингема, Лестера и Лондона.

Конечно, они прославили Англию на французской и иной почве. Но на «Мюррейфилд» вчера

---

[14] Примечания: 14
Перевод О. Юрьева.

днем им преподали урок.

Пусть урок быстро выучили, пусть империя готовится нанести ответный удар. Крохотная белая роза Шотландии — которая пахнет столь сладко и бередит сердце — еще некоторое время будет греться в лучах славы, поскольку ее сыновья пожали геройскую жатву и одержали победу в состязании, достойном по накалу, отваге сторон, их доблести и мужеству навсегда войти в анналы спортивной истории.

Предварительный этап продемонстрировал, сколь велико психологическое напряжение. Англия облачилась в форму имперской расцветки в тот мартовский день, смягченный по-весеннему теплым ветром и ярким солнцем, а Шотландия вышла из туннеля степенно и уверенно, отчасти даже зловеще, под певучие аккорды «Цветка Шотландии». Искра была в наличии, оставалось лишь зажечь факел.

Англии выпало начинать, они играли по ветру, и свирепость шотландского нападения застала их врасплох; гости откатились к своей базе под давлением, которого, к несчастью для них, не испытывали на протяжении трех предыдущих игр.

За первые восемь минут Крейг Чалмерс трижды добился успеха, и Шотландия повела в

шесть очков. Более того, английская самоуверенность была серьезно подорвана безукоризненно выбранной и отработанной шотландцами тактикой.

Первый успешный пенальти Чалмерса завершил наполненную событиями четырехминутку, второй был назначен, когда судья Дерек Бивен дал знать рефери Дэвиду Бишопу, что Джефф Пробин сфолил на Дэвиде Соуле. Удар — гол; а с начала игры прошло всего восемь минут.

Шотландская линия действовала без сбоев, Грей, Кронин и Джеффри наглухо закрыли Дули и Экфорда.

Англия сумела собраться к 14-й минуте. Все началось со свалки за мяч, Тиг перехитрил всех и сделал столь хитроумный пас Ричарду Хиллу, а последний изловчился и переадресовал мяч Эндрю; тот ускользнул от Шона Линина и отпасовал Джереми Гаскотту.

Секундная слабина в центре обернулась тем, что Гэвин Гастингс поглядел на Рори Андервуда — и сам рванул по краю, а прикрывавший его Гэри Армстронг опоздал остановить прорыв, и центровой Бата принес Англии первое очко на «Мюррейфилд» с 1980 года.

Начался лучший для англичан отрезок матча,

с многочисленными свалками вблизи зачетной зоны хозяев. Но они так и не смогли забить — подобно валлийцам в матче с Шотландией две недели назад.

В одном из столкновений Дерек Уайт получил травму, которая вынудила его покинуть поле после 27 минут игры; Джон Джеффри перешел на восьмую позицию, а Дерек Тернболл занял место на фланге. Подобная перестановка потребовала от тренера немалого мужества, тем более в такой игре.

Непринужденность, с какой Джеффри занял привычную по клубу позицию в сборной, и его поистине телепатическая связь с Гэри Армстронгом должны были принести плоды, поскольку вторжения Гэвина Гастингса начали беспокоить англичан. Через шесть минут после перерыва Чалмерс забил свой третий пенальти с 40 метров после того, как Экфорд был наказан штрафом.

Если и был момент, когда англичане осознали, что им суждено проиграть, это произошло в начале второго тайма, когда Шотландия с блеском воспользовалась перестановкой.

Джеффри и Армстронг снова устроили кучу, и низкорослый Джед вдруг обнаружил перед собой вездесущего Гэвина Гастингса, которому не

составило труда убежать в прорыв. Этот прорыв разметал всю английскую защиту, а Тони Стрэйнджер, стелясь в перехвате, отлетел в угол поля.

Чалмерс не реализовал штрафной, но это не имело значения, поскольку англичане очевидно развалились, поняв, что их безуспешные попытки спасти игру обречены.

В том, что они на время заставили Шотландию обороняться, немалая заслуга Роба Эндрю и не ведавшего усталости Уилла Карлинга. Не раз и не два капитан, впрочем, упирался в шотландскую оборону, а Андервуд тем временем оказался под плотной опекой лучшего защитника в британском регби — Скотта Гастингса.

Единственное очко Англии во втором тайме заработал со штрафного Саймон Ходжкинсон, и то лишь на 15-й минуте, но надежды англичан перечеркнула железная дисциплина шотландцев и великолепная скорость Гэвина Гастингса.

К финальному свистку некоторые англичане буквально валились с ног, а вот ликующий Джон Джеффри пробежал еще добрых 50 метров.

Так завершилось величайшее регбийное шоу на планете. Так была повержена Англия, и так Шотландия вновь доказала обоснованность своих притязаний. Вражда и смута, по Киплингу,

обернулись победой на «Мюррейфилд». В такой день разве могло регби остаться просто игрой?

«На игле», август 1993 года
Кенни Фаркуарсон

Романист Ирвин Уэлш появился на литературном подиуме в 1993 году, неожиданно возник ниоткуда, с беспощадным, мрачным и все же забавным романом о компании лишенных каких бы то ни было надежд молодых людей; этот роман ознаменовал рождение литературы нового века. Роман произвел впечатление на читателей и породил немало подражаний, куда менее талантливых, чем оригинал. В одном из ранних интервью Уэлш прекрасно описал автора как лишь частично излечившегося наркомана.

Должны ли мы начать с той поры, когда Ирвин Уэлш пел в панк-группе, когда вешал на одежду собачье дерьмо и выкрикивал оскорбления людям в автобусах? Или с его криминального досье, включающего условный приговор за разгром общественного центра на севере Лондона в спровоцированном виски безумии? Или же с его опытов с героином и нынешней приверженности экстази? Или достаточно просто заглянуть в его книгу?

Нужно сказать, что «На игле» — скандальный заголовок для потенциального бестселлера; попробуйте попросить эту книгу в «Уотерстоун» и оцените, какими взглядами вас наградят окружающие. Тем не менее пиар-отдел лондонского издателя Уэлша, «Сикер и Уорбург», развернул шумную рекламную кампанию, беспрецедентную для шотландского автора-дебютанта; они всюду с придыханием сообщают, что книга прекрасна, а сам Ирвин — «очень милый человек». Представитель издательства заявил, что Уэлш сделал для Эдинбурга то же самое, что Джим Келмен для Глазго. Джефф Торрингтон, лауреат премии «Уит-бред», назвал дебютный роман «злобным, но остроумным… Это как плохой день в бедламе». «Литературное обозрение» восхваляет «умилительно мерзкое описание смерти второй половины и того, почему это важно».

Вся эта шумиха обычно ведет к тому, что обладающие чувством собственного достоинства журналисты отходят в сторонку. Но не на сей раз — «На игле» буквально посадил на иглу. Это наихудший кошмар читателя «Санди пост», история жизни наркоманов с неоценимыми советами относительно способов введения героина в гениталии, насчет стеклянных пепельниц как оружия

в пабах и насчет маточных колец с опиумом при диарее. Книга содержит мат, в ней есть душа — и проблеск надежды. Страницы романа населены такими персонажами, как Второй Призер, Ренте, Дохлый, Картошка и Свонни. Вообразите Джима Келмена с чувством юмора и шестью канистрами лагера, и вы получите представление об Уэлше. Роман вызывает отвращение, он забавен, страшен и глубоко человечен. Что важнее, он разрушает миф о том, что единственное достояние шотландской городской культуры заключено в переулке между стадионами «Паркхед» и «Айброкс» с его пабами.

Ирвин Уэлш, в кухне квартиры на втором этаже с видом на залив Лейт, предлагает банку экспортного (13 % сверху бесплатно) и рассказывает о своем приятеле, который предложил включить в книгу глоссарий, чтобы «шикарная публика» поняла такие слова, как «торчать», «поц», «кумар», «корефан», «тянуть резину», «барыга» и «ширяться». «Ни за что, — говорит он. — Терпеть не могу этих отстойных яппи с экземпляром модной книжонки рядом с филофаксом. Последнее, чего я хочу, так видеть, как сволота с Шарлотт-сквер треплется на этом жаргоне, будто со сцены. Хрен им».

Уэлш высок и худощав, темные волосы начинают редеть, они коротко подстрижены и уложены гелем. Он носит черный джемпер, «вареные» синие джинсы и черные башмаки. Его лицо выглядит несколько асимметрично, говорит он ровно, монотонно, почти не разжимая губ. Время от времени он усмехается, что сразу уменьшает его возраст лет на десять, и его глаза сверкают. Мы быстро перебираем жизненные вехи.

Родился в Лейте. Отец был докером, потом торговал коврами. Мать — официантка. Переехали в двухэтажную квартиру в Мюир-хаусе, это местная, эдинбургская жилищная политика. Напился впервые в 14 лет в походе на Арран. На иглу подсел в 17. Работал помощником телемастера. Уехал в Лондон, напившись вдрызг в автобусе, чтобы стать панком. Жил с панками, спал в Грин-парке днем, тусовался с группами наподобие «999», «Челси и бойня», «Собаки в вихре» и «Шатры в ночи». Играл в командах с такими названиями, как «Мандавошки», причем его всегда выгоняли, потому что гитарист из него никудышный. Жил на общих «хатах» и в самовольно занятых помещениях. Кидался камнями в полицию во время пикета в Уоппинге и забастовок шахтеров. Перебивался случайными заработками — мыл посуду,

копал канавы, занимался делопроизводством. Поглощал лошадиные дозы героина, «спида» и алкоголя. Часто попадал в участок. Нашел работу в муниципалитете, женился, перебрался в Кройдон и попытался осесть — сам считает это первым дурным решением в жизни.

«В ту пору я больше волновался за себя, чем когда-либо еще, — говорит он. — Оказалось, что я изрядно промахнулся. Вместо наркотического ада я угодил в преисподнюю пригородной жизни. Для меня это и вправду ад. Я не выношу мирной домашней жизни с садиком, детьми и проживанием в пригороде. Видал ее в гробу. Лучше продавать задницу на вокзале Кингс-Кросс, чем жить такой жизнью. Мерзко и противно, что люди придумали для себя такие ограничения, мол, другого и не надо».

В те дни, с приличной работой по подготовке персонала для местных органов власти, можно было рассчитывать, что он наконец угомонится. «Я стал самым настоящим мистером Работа-с-девяти-до-пяти. Возможно, на выходных начну ходить на рэйв. Мой палец больше не лежит на кнопке самоликвидации — но время от времени я им шевелю, просто чтобы не расслабляться. Может, где-то раз в полгода меня начнет крутить,

и я буду исчезать на несколько дней в лабиринте мест, о существовании которых в Эдинбурге я и не подозревал, а возвращаться буду другим человеком…»

На вопрос, какие у него сегодня отношения с наркотиками, Уэлш задумчиво молчит целых 15 секунд. «Не могу сказать, что у меня было много личных проблем с наркотиками, — произносит он в конечном счете. — Меня ловили на распространении, не на употреблении. В юности не задумываешься о смерти, просто живешь». Он считает, что лицемерно просто разрешать или запрещать наркотики. Героин, говорит он, всегда вызывает проблемы. Если хотите препарат класса А, попробуйте экстази. «Когда пишешь книгу о чем-то подобном, ощущаешь себя вуайеристом из среднего класса, подглядывающим за людьми, которые по-настоящему страдают. Но вряд ли я таков на самом деле. Если спросить обо мне людей из моего прошлого, они скажут: „Нет, он никогда до такого не доходил“. А другие скажут: „Этот ублюдок куда хуже, чем любой персонаж его книги“».

«Летучий шотландец» устанавливает мировой рекорд скорости, 17 июля 1993 года
Грэм Обри

Известный как «Летучий шотландец», сын полицейского из Килмарнока Грэм Обри установил несколько мировых рекордов в велоспорте, причем его карьера складывалась весьма необычно. Сначала он поразил велосипедное сообщество самодельным велосипедом «Олд фэйтфул», который собрал, в частности, из деталей стиральной машины, а затем принялся демонстрировать нетрадиционную технику езды, на многих состязаниях запрещенную. Международную известность он приобрел в июле 1993 года у когда предпринял безуспешную попытку побить мировой рекорд в часовой гонке на треке, принадлежавший Франческо Мозеру. На следующий день Обри совершил новую попытку.

Помню, как шел сквозь толпу, подобно Бутчу Кэссиди, как надевал шлем и отправился на трек. Я старался по возможности молчать и ни с кем не встречаться взглядом, чтобы сохранить

концентрацию. Было почти 9 утра, как мы и договаривались накануне. Я сделал три круга по треку и подкатил к стартеру, который взялся за мое седло, чтобы я не потерял равновесие. В тот миг я не ощущал страха или даже тревоги, руки у меня не потели, дыхание не пресекалось. Вместо этого я чувствовал, что готов к «блицкригу», испытывал высокомерное нетерпение «поскорее начать» и знал, что в этом настроении непременно добьюсь успеха. Вот только мне совершенно не хотелось, чтобы стартер произнес те же самые слова, что и днем раньше. В глубине души я опасался, что рассуждения о величии рекорда или о необходимости правильно дышать прорвут тонкий барьер моей высокомерной агрессии и обернутся ощущением крайнего изнеможения.

Этого следовало избежать любой ценой, и едва стартер раскрыл рот, я его опередил, спросил громко и четко: «Ну что, готов?» Обычно этот вопрос задает сам стартер, так что, должно быть, он несколько растерялся, но быстро пришел в себя и ответил: «Да». Мой настрой был чрезвычайно боевым, я резко стартовал с линии, и это стало неожиданностью для хронометристов, которые замешкались со своими секундомерами.

Я дал себе четыре круга, чтобы войти в нужный

ритм, который не смог поймать накануне. Энди — он подбирает статистику — вчера за ужином предложил опираться на чемпионский график Мозера, и я согласился, поскольку это диктовалось здравым смыслом. По этому графику я уже вырвался вперед и постепенно наращивал преимущество; и чем быстрее я катился, тем громче становился гул на трибунах.

Заезд был ничуть не проще предыдущего, и требовалась полная сосредоточенность, чтобы поддерживать темп и ритм. Битва с черной стрелкой превратилась в сражение с самим собой, ведь усталость накапливалась с каждым кругом. Шумовая поддержка группы и болельщиков была громче, чем вчера, люди расположились вдоль всего трека, и я различал отдельные голоса и слова, которые они выкрикивали. Моя жена Энн и ее мама стояли на краю трибуны, и я мог видеть их, а не только слышать, когда проезжал мимо.

Примерно на половине дистанции ноги словно налились чугуном, начало сказываться изнеможение после вчерашнего. Минуты растягивались в часы, и круг от круга становилось все тяжелее, как если бы я ехал вверх по крутому склону. В голову лезли дурные мысли, мол, как хорошо было бы остановиться и завершить эти издевательства

над собой. Однако я шел на превышение рекорда, а потому продолжал крутить педали — даже если я загоню себя, как лошадь, даже если следующий круг окажется последним. На некоторое время я вообразил себя лошадью, которая скачет и скачет по пути к беспамятству.

Последняя четверть заезда далась мучительно, все онемело — лодыжки, гениталии, руки, лицо и кожа на голове. Каждая мышца на ногах будто горела в огне, и я вынужден был заставлять каждую из них работать, чтобы продолжать крутить педали в подобии ритма. Перед глазами все плыло, хотя я все еще видел линию, а легкие выталкивали воздух, как кузнечные меха. Тем не менее меня грело ощущение рекорда, и когда раздался крик: «Десять минут до финиша!», я понял, что продержусь — преодолею все муки, чтобы достичь вершины.

Адские муки, честное слово; но как раз перед тем, как ноги окончательно отказались меня слушаться, прозвучал самый прекрасный звук в мире. Выстрел из пистолета возвестил, что я превзошел Мозера и теперь официально стал мировым рекордсменом. У меня было около половины минуты, чтобы увеличить расстояние, но мысленно я уже начал праздновать, а на финише

дистанция составила 51 596 км.

Выборы, лишившие Гордона Брауна лидерства, 26 мая 1994 года *«Скотсман»*

Преждевременная кончина Джона Смита, лидера лейбористской партии, в мае 1994 года привела к яростной закулисной борьбе за лидерство. До смерти Смита считалось, что в случае кризиса Тони Блэр уступит своему более опытному товарищу Гордону Брауну и не станет разбивать голоса. Однако спустя несколько часов после смерти Смита Блэр под влиянием жены решил выставить свою кандидатуру. По слухам, Браун в конце концов согласился уступить Блэру за обедом в лондонском ресторане «Гранита» 31 мая. Правда, согласно его биографу Полу Ратледжу, решение было принято накануне, на своего рода политической Тайной Вечере, устроенной Брауном для ближайших друзей и соратников. По словам брата Брауна Джона, определяющую роль сыграла публикация в газете «Скотсман» — та самая, которая приводится ниже: «Гордон сказал мне, что это конец».

Гордон Браун, теневой канцлер, не может

рассчитывать на автоматическую поддержку шотландских членов парламента от лейбористской партии в своих притязаниях на пост лидера лейбористов. Члены парламента выбирают между мистером Брауном и Тони Блэром, теневым министром внутренних дел; об этом можно судить по опросу, проведенному нашей газетой. Неспособность мистер Брауна обеспечить себе подавляющее большинство в центральных округах усугубляет дилемму, стоящую перед двумя близкими друзьями.

В опросе 42 из 48 членов парламента от лейбористской партии 15 человек твердо высказались в пользу мистера Брауна в качестве нового лидера. Шестеро однозначно поддерживают мистера Блэра; что важнее, еще шестеро заявили, что, хотя лояльность побуждает их голосовать за мистера Брауна, они надеются, что сам он уступит пост мистеру Блэру. Несколько парламентариев сообщили, что будут убеждать мистера Брауна отойти в сторонку, поскольку у мистера Блэра неплохие шансы победить на всеобщих выборах. Один из тех, кто пока не определился с решением, сказал: «Мое сердце с Гордоном, но моя голова за Блэра».

Пять членов парламента поддерживают Джона Прескотта, из комитета по занятости,

трое — Робина Кука, из комитета по торговле и промышленности, один — Маргарет Беккет, профсоюзного вожака, а шестеро отказались отвечать… Все, за исключением весьма немногих, предпочли ответ на условиях анонимности, но нетрудно увидеть, что налицо широкий разброс мнений относительно кандидатур.

Значительную поддержку мистеру Брауну традиционно обеспечивает левое крыло. Но некоторые левые, например Джордж Гэллоуэй (Хиллхед) и Джон Макаллион (Восточный Данди), поддерживают мистера Прескотта. Томми Грэм, член парламента от Западного Ренфрю и сторонник мистера Брауна, сказал: «Он — истинный выразитель шотландского социализма… Нет сомнений, что доверие, оказанное народом Джону Смиту, найдет в Гордоне Брауне своего ревнителя и защитника».

За мистера Блэра играют антишотландские настроения среди некоторых английских членов парламента. Как выразился один из них: «У нас был валлийский лидер, шотландский лидер, пора попробовать англичанина». А другой сказал, что пришло время «избавиться от шотландской мафии».

Джеймс Келмен получает Букеровскую премию, 11 октября 1994 года
Саймон Дженкинс

Романист Джеймс Келмен — первый шотландец, получивший престижную премию Букера — за свое гипнотическое, в стиле потока сознания описание жизни слепца из Глазго «Как поздно, как поздно». Голоса членов жюри разделились, Джулия Нойбергер открыто заявила, что не понимает, как такая «невнятная книга» может оказаться победительницей. Журналист Саймон Дженкинс привел множество доводов в поддержку ее позиции.

Присуждение Букеровской премии Джеймсу Келмену — литературный вандализм. «Моя культура и мой язык имеют право на существование, и ни у кого нет власти это отрицать!» Так сказал Джеймс Келмен, лауреат премии 1994 года, на торжественном ужине во вторник. Он удостоился при этом почестей, «положенных гению», от председателя жюри Джона Бэйли, бывшего профессора английской литературы в Оксфорде.

Каждый год я читаю произведение победителя, выражая этим ритуальное почтение богам нашей цивилизации. Иногда чтение возвышает, иногда оно вызывает затруднения. В этом году читать было попросту неприятно. Я рад, что мистер Келмен — культурный плюралист. Это у нас с ним общее. Я тоже верю в право на культуру и язык; в моем случае последний является тем, что он называет «колониальным» английским. Еще я верю вот во что: если начнется война, мой английский будет побеждать, покуда мистер Келмен и жюри Букера находятся во вражеском лагере.

Итак, книга с лирическим названием «Как поздно, как поздно». Однажды я оказался в вагоне для некурящих в поезде до Глазго. Посол этого города ввалился в вагон и плюхнулся напротив меня. Он достал бутылку сидра, скрутил себе сигарету, подался ко мне и рыгнул. «Огонька не найдется, Джимми?» Почти час я высмеивал его, упрекал, успокаивал, тревожась за здоровье проводника-индийца, который, как я знал, должен был вот-вот подойти (и которому хватило мудрости пройти мимо). Мой сильно пахнувший компаньон требовал такого же внимания, как двухлетний ребенок. Он поведал мне историю своей так называемой жизни, угрозами вымогал

деньги, бранился и в конце концов помочился в кресло.

Чтение книги мистера Келмена оказалось схожим опытом. Я отказываюсь играть в его «колонизаторские игры», отвергая книгу без обсуждения. Он вправе переносить на бумагу хаотичные размышления о слепом пьянчуге из Глазго, пусть даже мой знакомец из поезда был куда смешнее, нежели его персонаж. В первой половине книги герой по имени Сэмми враждует с полицией, слепнет в камере, бредет домой, делает себе чай, а потом едет на автобусе в управление полиции, чтобы потребовать компенсацию. Мне совершенно не хочется обманывать ожидания читателей относительно второй половины романа. Достаточно сказать, что Сэмми возвращается из управления, вновь попадает в участок, идет домой, принимает ванну и — редкий момент обуржуазивания — садится в такси.

Сэмми может заслужить мимолетную симпатию, поскольку читатель вынужден перемещаться вместе с ним. Столкновения с социальным работником, соседом, адвокатом и сыном вызывают толику сочувствия. Кое-где может даже возникнуть ощущение «мыльной оперы». Но литературная беспомощность этой книги оче-

видна, вот типичный образчик текста. Даже используя, как принято в газетах, «звездочки», я бы не рискнул предложить сей роман читателям «Таймс», когда бы не боги литературной критики, отметившие данное творение характеристикой «гениального». Вот к чему сводится ныне Букер: «Хуже *** быть не могло. Он был *** готов. Это муть; он в ней плавал. Он достиг предела, он барахтался в *** мути, в *** черном чистилище, где можно только думать. Думать. Это — все, что тут *** доступно. Вы думаете что *** что-то сделали, но не делаете; вы ничего *** не видите, сплошная *** пелена *** бед, ваш *** мозг, ваша *** память — сплошная *** пелена. Вы задаетесь вопросами. Каким образом это *** случилось именно с вами? Он ведь не обычный ***, Сэмми, не обычный ***, ведь будь он обычным ***, такого бы никогда не случилось».

И так далее, абзац за абзацем, с сохранением так называемой авторской пунктуации, на протяжении 374 страниц. Литературный редактор воскресного «Индепендента» предложил дюжину тем для докторской диссертации, насчитав 4000 ругательств в романе. При этом ругательства ничего, черт побери, не выражают, они здесь выступают именно тем, что словарь справедливо

называет «пустым усилителем». Мистер Келмен полностью поглощен бранью. Иногда он ставит ругательства в несколько строк подряд, когда не может придумать ничего другого. Его язык — вовсе не древний шотландский, или английский шотландский, или говор Лоуленда, или диалект Бернса. «Гардиан» назвала его стиль «подлинным голосом Глазго», но это клевета на город. Я бы назвал язык мистера Келмена глазгианским алкогольным с редкими заимствованиями.

Пытаюсь представить смешки жюри премии. «Какой он непосредственный», — умиляется бывший профессор литературы с ангельской улыбкой, когда мистер Келмен блюет на пол. «Он такой милый», — вторит другой судья, обнимая его колени. «Может, это самый настоящий гений?» — лепечет третий. Ругательства мистера Келмена будят острые ощущения и заставляют держаться вместе. Букеровское жюри вообще старается держаться вместе, исключая замечательную Джулию Нойбергер, которая в ужасе бежала от них.

Эта книга — литературный ответ на премию Тернера. Она как пара старых гимнастических тапочек, голова овцы в формалине, вывернутый наизнанку дом. Ею восторгаются те покровители

культуры, те рецензенты беллетристики, которые позаимствовали у художественных критиков манеру славить «концептуальное искусство», некогда подхваченную галереями. Один рассуждает о «подкожной пульсации языка», другой — об «акустике доминирования», третий — о «преднамеренно ограниченной палитре мистера Келмена». Его сравнивают с Прустом, Джойсом, Беккетом и Пинтером. Критик «Таймс» восторгается «Кафкой с берегов Клайда». Дюжина Генри Хиггинсов стоит в очереди, чтобы погладить по головке новую Элизу Дулитл. Мистер Келмен, должен признать, обладает отменным нюхом. Он не пришел на обед, опасаясь спугнуть удачу. А когда учуял перспективу, то появился, в костюме, привлекшем столько же внимания, сколько привлекает наряд Лиз Тэйлор на голливудской премьере. Он отказался от смокинга и предпочел полосатую брючную пару и галстук; думаю, даже друзья никогда ранее не видели его в подобном облачении. И приложил немало усилий, чтобы «выглядеть соответствующе». Двубортный пиджак намеренно расстегнут, что должно было показать свободу мысли. А вот галстук, увы, свидетельствовал об английском культурном доминировании. Но мистер Келмен выкрутился,

расстегнув верхнюю пуговицу и приспустив узел галстука на дюйм. Образчик контролируемого восстания. Глупец у Лира ведал меру своей глупости.

Присуждение Букеровской премии мистеру Келмену — литературный вандализм. Профессор Бэйли, должно быть, знал в глубине души, что найдется добрый десяток более достойных авторов; среди них Брукнер, Мэнтел, Эмис, Макуилльям, Акройд, Кэри, Гор димер, Маунт. Но ни одно имя из этого перечня не вошло даже в шорт-лист. Могу только предположить, что жюри руководствовалось принципом политкорректности. Они увидели в творчестве мистера Келмена апогей отступления от нормы, этакого Джилли Купер городского дна, Барбару Картленд трущоб Глазго. Им захотелось жути. И вот вам белый европеец, приемлемый лишь потому, что играет роль невежественного дикаря. Букер умудрился оскорбить литературу и оказать покровительство дикарю.

Филип Ларкин составил четыре вопроса, которые помогают оценить роман: «Я могу это читать? Верю ли я написанному? Сочувствую ли героям? Готов ли сочувствовать им и впредь?» В этом случае вряд ли кто-либо уйдет далее первого

вопроса Ларкина. Любой глупец может защищать «право» мистера Келмена писать по-английски его собственным способом. Мы живем в свободном мире. Но за что тут вручать Букера? Что за эпидемия поразила нашу литературу?

Бойня в Дунблейне, 13 марта 1996 года
Фордис Максвелл

В истории Шотландии мало событий, столь же трагичных, как бойня, устроенная бывшим скаут-мастером Томасом Гамильтоном в гимнастическом зале школы Дунблейн: он вошел в зал с двумя автоматами в руках — и расстрелял класс пяти- и шестилетних детишек; из двадцати девяти учеников погибли шестнадцать вместе с учительницей. Пресса словно обезумела, но лишь немногим удалось передать чувства от гибели детей точнее, нежели колумнист газеты «Скостман» Фордис Максвелл, чья дочь была убита четырнадцатью годами ранее.

Сотни тысяч слов написаны о Дунблейне. Добавлю к ним свои. Не потому, что мне этого хочется, но потому, что иначе нельзя; надежды на будущее нет, лишь слабое упование на то, что мир все же одумается. Писать об этом тяжело, читать не менее тяжко, и вряд ли кому-то мой очерк доставит удовольствие, менее всего — семьям погибших детей.

Итак, зачем я об этом пишу? Ведь журналисты и комментаторы уже обсудили тему со всех возможных точек зрения, а в воскресенье ей посвятят аналитическую программу. Большинство раскрыли тему хорошо, некоторые — просто замечательно, и лишь некоторые позволили себе «благородную» риторику в духе «око за око»… Независимо от того, сколь удачны были репортажи, все журналисты стоят по другую сторону. Они и семьи, понесшие тяжелую утрату, не знают, что отныне все переменится, для кого-то — навсегда. В это сложно поверить после случившегося, но на самом деле страдание только началось.

Обращение к религии, к консультантам, создание мемориальных фондов и превращение гимнастического зала в храм не помогут. Через несколько недель нынешнее удивительное самообладание сгинет без следа, и они будут страдать даже больше, чем те, кто рыдал и потрясал кулаками на месте.

В последующие месяцы мир продолжит жить, подчеркнутый, потрясенных учителей исцелят специально приглашенные консультанты, а семьи, понесшие утрату, останутся сами по себе. И осознают, что, дабы не лишиться рассудка, даже лучшие друзья и родственники больше не

желают говорить об убийстве. Некоторые станут перебегать на другую сторону дороги, чтобы не общаться, будучи не в силах выносить чувства этих людей. Другие будут их навещать и вести беседы, но старательно будут избегать единственной темы, которая по-настоящему важна для родителей, — смерти их ребенка.

Будут разговоры и маловразумительные рассуждения о всяких компенсациях или фондах, как это было после трагедии на валлийской шахте Эберфан. Даже в самом сплоченном сообществе настает срок, намного скорее, чем ожидают безутешные родители, когда сочувствующие вынуждены заняться собственными делами и проблемами, во многих случаях собственными семейными агониями.

Одни родители станут избегать школу. Другие будут часто ее посещать. Они словно станут жить в двух мирах — в одном их ребенок мертв, а во втором он вот-вот должен прибежать домой с занятий. Такие родители станут ходить к школьным воротам, в надежде, что однажды, однажды их сын или дочь выйдут наружу.

Дома будут крики, плач и ссоры. Другим детям постоянно станут напоминать, что им повезло остаться в живых; пусть потом вы раскаетесь в

своих словах, но они будут произнесены. Труднее всего окажется ждать их домой, сражаясь с паникой, если они задержатся хотя бы на пять минут. Родители не будут винить друг друга, но станут уничтожать сами себя, принимая ответственность за кошмар, в котором повинен лишь тот, кто все устроил.

Комментаторы уже говорят о «примирении» со случившимся. Вчера моя жена Лиз сказала: «Если еще хоть раз услышу о примирении, я сойду с ума. С этим никогда, никогда не получится примириться». Все, что вам остается, до конца дней, — просто пытаться жить, это я могу сказать наверняка, поскольку знаю на собственном опыте: наша дочь Сьюзи была похищена и убита в возрасте 11 лет. Сейчас ей было бы 25.

Я пишу это, потому что должен. Для родителей Дунблейна будущее еще печальнее, чем оно видится им ныне. Приняв это как данность, они смогут с этим жить. Конечно, утешать бесполезно, поскольку ничто вас не утешит. Строго говоря, для понесших утрату не имеет значения, каким был Томас Гамильтон и почему он сделал то, что сделал; для нас не имеет значения, как убийца Сьюзи Роберт Блэк стал гнусным извращенцем.

Важно лишь, что твой ребенок мертв и что

ты никогда с этим не примиришься, в лучшем случае научишься продолжать жить в мире, где даже те, кто думает, что окружен нормальными людьми, обитают в двух плоскостях — веселой и трудолюбивой внешней и наполненной болью внутренней.

Все, что вы можете сделать, — это никогда не забывать, сколько радости дарил вам ребенок в те годы, которые вы провели вместе. И помогать расти его братьям и сестрам. И утешать себя тем, что уцелевшие дети поправляются. И даже забывают…

Овечка Долли, 5 июля 1996 года
Профессор Иэн Уилмут

Первая успешная попытка клонирования из клетки взрослого животного состоялась в Институте Рослин под Эдинбургом. Клонированную овечку дорсетской породы назвали Долли, ее рождение ознаменовало переворот в науке. Сообщение об успехе эксперимента следующей весной привлекло всеобщее внимание, нашло отражение даже в «Симпсонах», фотографии животного печатались на первых полосах газет и обложках журналов. Появление Долли также обеспокоило религиозных деятелей и законодателей, которые опасались, что следующий эксперимент будет поставлен на человеке. Иные полагали, что медицина вот-вот совершит квантовый скачок в своем развитии, произойдет грандиозный прорыв; а самые радикальные начали задаваться вопросом, столь ли ужасна и противоречит ли этике и религии идея клонирования человека. Руководитель исследовательской группы профессор Иэн Уилмут, который получил прозвище «отца овечки Долли», описывает, как протекала бере-

менность и как происходили роды.

В первой серии экспериментов мы использовали клетки девятидневного эмбриона, клетки кожи двадцатишестидневного плода и замороженные клетки вымени. Ультразвук, сделанный через восемь недель, показал, что забеременела лишь треть овец. К нашему большому удивлению и восхищению, однако, одна овца была беременна клоном взрослой клетки. Ультразвук показал нормальное развитие плода. Карен Микок с материнской гордостью записала сканирование на видео и призналась, что испытывает восторг при мысли, что итогом этого невероятного эксперимента может стать живой ягненок.

В тот день, 20 марта 1996 года, мы всерьез задумались о клонировании клетки взрослой особи. Мы с Китом Кэмпбеллом (пионер ядерного трансфера в клонировании. — *Ред.)* нервничали, поскольку многие беременности заканчивались неудачно. В итоге родилась всего одна овечка — Долли. Мы разрывались между предвкушением и тревогой, поскольку знали, что совершим прорыв, если ягненок выживет. Из предыдущих опытов мы выяснили, что многие плоды погибают, порой на поздних стадиях беременности и даже при рождении. Мы беспокоились о Долли, а

принстонский профессор Ли Сильвер тем временем писал популярную книгу по клонированию, в которой подробно объяснял, почему клонирование взрослой особи биологически невозможно.

В мае, приблизительно на 110-й день беременности, четыре плода погибли, все они были клонами эмбрионов. Из 29 эмбрионов, которые мы получили из 277 клеток вымени, всего один плод продолжал развиваться в теле суррогатной матери. Мы постоянно контролировали ее состояние. Всякий раз, когда Джон Брэкен использовал ультразвук, требовалось несколько секунд, чтобы получить цельное изображение. Обычно первым мы видели головку, ноги и ребра. А также шевеление плода. Важнее всего был миг, когда мы увидели бьющееся сердечко. Тогда все мы ощутили облегчение и удовлетворение.

Чтобы гарантировать, что не вмешаются непредвиденные случайности, беременность матери Долли, как и с другими клонами, искусственно затянули. Для большинства британских пород овец средняя продолжительность беременности составляет 147 дней. Опыт подсказывал, что беременность у клонов иногда тянется до 153 дней. Если она затягивается дольше, клоны, как правило, умирают. Роды у овцы, носящей

клона, происходят медленно и вяло, это мы наблюдали и у других животных. Перед родами, в случае нормальной беременности, будущая мать часто покидает стадо и делает себе «гнездо» из травы или соломы в тихом уголке пастбища, это древний инстинкт, защита от хищников. По причинам, которых мы не понимали, «гнездования» у носителей клонов не происходило. Ожидание затягивалось.

Мы делали все, что могли, чтобы обеспечить безопасность овец и клонов, и организовали круглосуточное наблюдение. Мы намеревались дождаться, пока природа возьмет свое, но если бы беременность затянулась свыше 153 дней, мы были готовы спровоцировать рождение инъекцией тех же самых гормонов, которые обычно испускает плод, сообщая, что готов выйти в мир. В «родильном отделении» Рослина царило возбуждение, но куда чаще, чем нам хотелось, рождение завершалось гибелью плода. Однако 5 июля 1996 года все было иначе. В тот день родился здоровый ягненок, которому предстояло стать темой для разговора среди нищих и среди президентов.

Долли появилась на свет в Рослине во второй половине дня. Ее рождение прошло достаточно тихо. Она весила 6,5 килограммов, удивительно

много для обычного ягненка, но не для клона; мы теперь знаем, что результаты ядерного трансфера часто обладают большей массой. Роды принимали местный ветеринар и несколько сотрудников Рослина, во главе с Джоном Брэкеном. Даже при том, что меня часто называют отцом Долли, я оказался старомодным отцом и не присутствовал при ее рождении. Ее рождение вызвало переполох, так что мне пришлось отдать распоряжение, чтобы в «родильной палате» присутствовали только те, кто имел непосредственное отношение к процессу. Сам я ушел копаться в институтском огороде. Овце, рожавшей нашу малышку, вовсе не требовались суматоха и суета, неизбежно создаваемые большим количеством людей…

После рождения я не раздавал сигар и не пошел отмечать это событие в местный паб. Никто не удосужился сфотографировать. И моя жена не могла сказать, что я вернулся домой, приплясывая от радости. И здание института не пачкали восторженными граффити. Творение Долли отняло столько сил, оказалось настолько трудной и утомительной работой, что мы не смогли даже прокричать «Эврика!»

День, когда похоронили принцессу Диану, 6 сентября 1997 года
Джеймс Робертсон

Трагическая гибель принцессы Дианы в парижском туннеле 31 августа 1997 года имела неожиданно большое значение для Шотландии, поскольку выпала на время ожесточенных споров и референдума о деволюции. Некоторые утверждали, что референдум следует отложить из уважения к памяти принцессы; другие говорили, что даже если голосование состоится в срок, его результаты можно опровергнуть, поскольку организаторам требовалось уложиться при подсчете в 100 часов. Романист Джеймс Робертсон зафиксировал политический и эмоциональный настрой населения в день похорон Дианы.

Дверь была приоткрыта. Я увидел через матовое стекло свет лампы. Надежда вспыхнула с новой силой. Я чуть толкнул дверь и шагнул внутрь.

— Вы открыты?

— Да, мы открыты. Конечно, мы открыты, — сказал бармен.

В баре было еще двое мужчин и одна женщина.

Я бродил по улице не меньше получаса, разыскивая паб, который будет работать. На дверях многих висели объявления, извещавшие, что из уважения к принцессе они не откроются до часу, или двух, или пяти. То же самое с магазинами. Я вообразил, как менеджеры и владельцы некоторое время прикидывали, сколько уважения они должны проявить, прежде чем возобновить бизнес. Проехал автобус с несколькими людьми на втором этаже, которые словно торопились вернуться домой до наступления комендантского часа. Автобус ехал быстро: ни потока машин, ни толпы ожидающих на остановках.

Но в баре «Робби» мне сказали: «Конечно, мы открыты». Я облегченно вздохнул, предвкушая стакан эля. Это место показалось мне островком здравого смысла в море безумия.

Один из клиентов произнес: «Еще у нас есть гребаные мультики по телевизору…»

Суббота, 6 сентября 1997 года. Я не собирался становиться частью происходящего, уступать ему. Я злился на то, что от меня ожидали молчания в миг, когда страна, как предполагалось, принимала судьбоносное решение о своем буду-

щем; и это будущее оказалось под угрозой из-за истерики по поводу смерти принцессы-неудачницы, невероятно богатой, молодой и разведенной. Прежде чем начался репортаж по телевизору, я ушел и двинулся по Лейт-Уок, пытаясь найти открытый магазин или паб. Я шел в направлении центра города, но было очевидно, что у меня немного шансов зайти в книжный магазин или примерить пару ботинок. Единственные магазины, которые были открыты, торговали рыбой, да и то их ставни были приспущены. Рыба, подумалось мне, не остается свежей, будь ты сколь угодно знаменит, особенно в субботу. И я вспомнил слова Мэгги Маклебэкит, торговки рыбой из «Антиквара» Скотта, когда она упрекает Джонатана Олдбака за то, что тот пытается сбить цену: «Ты не рыбу покупаешь, а жизнь человеческую».

Джима Фарри из Шотландской футбольной ассоциации облили грязью в прессе из-за того, что он отказаться перенести матч сборной. Ему пришлось в конечном счете поддаться давлению. Ханжи притворились, что оскорблены его вопросом: «Разве мир остановился в эту субботу?» Вопрос их разъярил, прежде всего, потому, что на него имелся очевидный ответ: переполненные с утра супермаркеты и торговые центры свиде-

тельствовали, что после трех они сполна окупят вынужденный простой, а некоторые и вовсе останутся открытыми допоздна. Как ни удивительно, учитывая всеобщее осуждение прессы, я не встретил ни единого человека, который не был бы согласен с Фарри.

Еще один неприкаянный вошел в бар, когда я наполовину опустошил свою пинту, смотря на проделки Дональда Дака вместо похорон Дианы. Он начал рассказывать анекдоты о Диане. Они были не слишком забавными, но мы посмеялись. Я вспомнил таксиста, который ночью прошлого воскресенья сообщил мне об автокатастрофе в Париже. Я глупо произнес: «Шутите?» «Нет, — ответил он, — не шучу. Я, конечно, не роялист, но такими вещами не шутят». В баре «Робби», после семи дней непрерывных разговоров о смерти Дианы, затмившей собой все прочее — Мать Тереза умерла на той же самой неделе и удостоилась мимолетного упоминания, — возникло чувство, будто мы разыграли дурную шутку. Мы оказались горсткой протестующих, а весь наш протест состоял в том, что мы ощущали себя чужаками в чужой стране. Мы выглядели неуместно в нашем собственном мире. Или все же нет?

Я верю, тихое большинство искренне полагало,

что кончина Дианы произошла на другой планете. Впрочем, с такими терминами нужно быть осторожнее; выражение «тихое большинство» употребил Ричард Никсон в 1969 году, когда, чтобы добиться поддержки войны во Вьетнаме, он постарался убедить американцев перед телевизорами, что они честные, храбрые и готовы сражаться за правое дело. Однако, я уверен (и с годами моя уверенность лишь крепнет), что большинству людей в Шотландии остальная часть «нации», ведомая или, по крайней мере, поощряемая недавно избранным лейбористским правительством, казалась попросту рехнувшейся. Мир снова украсился цветами, но чем дальше на север, тем меньше было этих цветов. Возможно, у меня создалось ложное впечатление: подозреваю, значительная часть населения Англии, Уэльса и других областей и правда думала, что мир рухнул. Но ведь у нас проходил референдум; благодаря печальным торжествам мы теряли целую неделю. Увы, без этого было не обойтись: в прессе наверняка найдутся те, кто станет нести ахинею, лишь бы испортить нашу кампанию и выставить нас жестокосердными чудовищами, играющими в политические игры, когда нация — нация! — скорбит.

Однако, возможно, пауза не причинила существенного вреда. В понедельник, когда мир пришел в чувство, я отправился в обход арендуемых квартир и домов в Лейте. У первого подъезда я нажал кнопку домофона, и бесплотный голос сердито вопросил, какого черта мне надо. Когда я объяснил, голос воскликнул: «Хвала небесам! Снова треклятая действительность». Думаю, именно в этот миг во мне словно что-то щелкнуло, и я понял — все будет в порядке.

Шотландский парламент собирается вновь, 12 мая 1999 года
Иэн Белл

Повторное открытие шотландского парламента состоялось спустя 292 года после заключения унии между Шотландией и Англией (1707); в значительной степени это заслуга лейбориста Дональда Дьюара. В течение многих лет дипломатии и споров он всегда придерживался избранного кредо: «Шотландскому парламенту быть». И однажды его мечта осуществилась.

«Шотландский парламент, распущенный 25 марта 1707 года, возобновил свою работу».

Дэвид Стил не скрывал своих чувств. Спустя пять лет после смерти Джона Смита никто этому не удивлялся. Это, сказал сэр Дэвид, председатель первого демократического парламента Шотландии, начало новой эры.

Доктор Уинифред Юинг, шестидесяти девяти лет, «мать парламента», уже напомнила нам, что, как и кем было сделано. В гранитном общем зале в 9:30 утра, обращаясь к полупустой палате, она произнесла простую и все же поразительную

фразу: «Шотландский парламент, распущенный 25 марта 1707 года, возобновляет работу».

История есть память. Этот миг стал торжеством памяти, восстановлением справедливости, подтверждением истины. Шотландская нация, со всем ее коварством, подозрениями, бесчисленными смутами, апатией, неуклюжей конкуренцией и несоизмеримыми надеждами, вспомнила свое прошлое.

Мы встретились майским утром в Эдинбурге, с тридцатью пятью белыми розами и сжатыми кулаками, 129 участников, присягнувших на верность, члены лейбористской партии, почтившие память Джона Смита. Этот ритуал говорил всем, кто желал видеть: вот что мы делаем, это наше по праву, и вот как мы это делаем. Даже персонал носил на форме знак наших надежд: «Шотландский парламент».

Тогда, внезапно, многие оказались едины в своем желании. Сжатым кулаком был Томми Шеридан, подтвердивший от имени шотландской Социалистической партии давнюю приверженность идеалу демократической республики. Белые розы были на отворотах пальто членов шотландской Национальной партии. Власть олицетворяла лейбористская партия Дональ-

да Дьюара, с первым британским «зеленым» парламентарием, демократическими распрями с либеральными демократами и с новыми шотландскими тори. Как бы то ни было, уже проявило себя шотландское многообразие. Ничего подобного раньше не происходило.

Отсюда, возможно, и чувство облегчения. Безотносительно разногласий по договорам и сделкам, какие бы штормы ни сулило грядущее, какие бы ни возникали споры и интриги, парламентарии Шотландии, казалось, едины в радости, в возможности быть просто шотландцами.

Мистер Дьюар вошел во двор Дворца конгрессов и, вопреки обыкновению, не стал позировать фотографам. Алекс Сэлмонд из Национальной партии лучился от счастья. К ланчу тори Дэвид Маклетчи очутился в пабе на Королевской Миле и внимательно слушал, как люди, в этом случае молодежь из Эдинбурга, делятся наболевшим.

Вот кто мы есть, вот что мы делаем. Мистер Сэлмонд говорил от имени всех националистов, когда заявил, прежде чем принести присягу: «Для Национальной партии важнее всего лояльность народу Шотландии и его суверенитет».

Перед этим мистер Дьюар, по примеру доктора Юинг, казалось, почти цитировал сам себя, во

многом творца нового парламента. Либерал-демократ Джим Уоллас взял слово после мистера Сэлмонда и никак не обругал ни монархию, ни верность короне. Потом выступал Деннис Канаван, социалист из Фолкерк-Уэст, которого не смогла утихомирить «новая» лейбористская партия, и сказал, что клянется служить всегда и прежде всего народу Шотландии.

Это повторялось все чаще: почти одна треть демократически избранных парламентариев Шотландии заверила в своей верности принципу суверенитета и лояльности шотландскому народу, а не короне. Мистер Канаван, националисты, «зеленый» Робин Харпер, — все выступали заодно; правда, мистер Шеридан сказал, громко и четко, что приносит присягу и выражает протест.

Вчера демократически избранный социалист слегка изменил предписанную церемонию, восхваляя собственное видение, как он выразился, демократической социалистической республики. Когда он приносил присягу и выражал «безусловную преданность ее королевскому величеству Елизавете, ее наследникам и преемникам, согласно закону», зал вскинул руки с раскрытыми ладонями. В ответ мистер Шеридан

стиснул кулак.

Это старинный знак былой Шотландии вчера совершенно не выглядел чем-то неуместным. Возобновивший работу парламент, несмотря на мебель светлого дерева и компьютеры, процедуры двадцать первого века, пейджеры и мобильные телефоны, представлял собой возрождение старины. Сама идея оказалась неуничтожимой. Шотландская лейбористская партия, выполнившая наказы избирателей с подобающей умеренностью, наконец могла гордиться собой, а националисты из исторического казуса превратились в реальную силу.

День был радостным — и бестолковым. Журналистка Дороти Грэйс Элдер из Глазго растормошила парламентских юристов упоминанием о необходимости пригласить на открытие парламента королеву; шум поднялся такой, что ей пришлось присягать повторно. Фергус и Маргарет Юинг, националисты и супруги-депутаты от Восточного Инвернесса и Морэя, принесли присягу одновременно.

Когда мистер Дьюар вывел своих сторонников в парламенте на Хай-стрит после ланча, выкроив промежуток между зарядами дождя, казалось весьма символическим, что в двадцати ярдах

позади, будто следя, шагал мистер Канаван.

Но о деле никто не забывал. Когда парламентарии принесли присягу и расселись на синих стульях, сэр Дэвид Стил был избран спикером, опередив националиста Джорджа Рейда (восемьдесят два голоса против сорока четырех). Мистер Рейд, друг сэра Дэвида на протяжении более сорока лет, стал одним из заместителей спикера. Шотландия была и остается маленькой страной — и что с того?

Вчера на Королевской Миле изумленные туристы спрашивали, что, собственно, происходит и стоит ли к этому присмотреться. Журналисты желали узнать, достигли ли либерал-демократы и лейбористы соглашения, и если да, то какого именно. Местные жители с застенчивым любопытством наблюдали за возрождением парламента во временном приюте под укоряющим взором статуи Джона Нокса. Если историческое событие можно творить походя, без излишней суеты, это и есть шотландский путь.

На это кое-что намекало. Продуманное и достойное предложение мистера Канавана, чтобы спикера избирали прямым, а не тайным голосованием, например, было отвергнуто. Доктор Юинг нарушила вестминстерские традиции,

обращаясь к парламентариям по именам. В черно-белом коридоре Дворца конгрессов, который незамедлительно превратили в фойе, весело общались между собой политические конкуренты. Отсутствие помпы почти дезориентировало.

Маленький парламент маленькой страны не стремился никого копировать. Отсутствие политтехнологов замечалось уже потому, что они хранили молчание. Да и что они могли сказать в этот день? Многое изменилась в последующие месяцы и годы, однако начинался новый шотландский парламент с честных намерений.

Мистер Дьюар отстаивал собственную веру и воззрения Джона Смита. Мистер Канаван защищал свои принципы, мистер Шеридан — народ, мистер Сэлмонд — новую нацию, мистер Харпер — планету, мистер Маклетчи — унию. Шотландия была представлена мужчинами и женщинами всех возрастов, от 69 до 25 лет. Вдоль по Королевской Миле прибыли в старый город и старую страну новая политика и новая демократия.

Слишком просто ныне быть циничным. Вчера и правду произошло нечто знаменательное, на сей раз не возникло чувство неловкости, зато присутствовало ощущение чистоты намерений.

Процесс поведет нас только туда, куда мы сами

захотим пойти. И на этот раз мы не можем сказать, что уже все видели. Вчера, на мгновение, Эдинбург стал единственным проблеском грядущего мира.

Под софитами белые розы отливали желтизной, и мы никак не могли вспомнить все слова, которые они призваны пробуждать в памяти. И не важно. Цветы были эмблемой националистов, которая в тот день нравилась всем. Хью Макдиармид (Кристофер Мюррей Грив) написал шестьдесят пять лет назад, в другой Шотландии — в той же самой Шотландии:

> *Из многих одна, лишь одна, всегда мне поможет,*
>
> *Шотландии белая роза,*
>
> *Что пахнет и горько, и сладко — и сердце тревожит.*

Шон Коннери: панорама жизни
Ричард Демарко

Шон Коннери, эдинбургский молочник, который стал кинозвездой, сделал себе имя пароли суперагента Джеймса Бонда. Не так давно он стал сплачивающим символом политических устремлений Шотландской национальной партии. Коннери — друг детства художника и импресарио Ричарда Демарко.

Шестьдесят лет назад я знал его как Томми Коннери, он был эдинбургским школьником, на месяц моложе меня самого. Мы родились недалеко друг от друга, в кварталах близ эдинбургского Вест-Энда. Я был старшим из трех сыновей, рожденных моими родителями, Кармино и Элизабет Демарко, известными друзьям как Авто и Сисси. Он был старшим из двух сыновей, рожденных Джозефом и Юфимией Коннери, известных друзьям как Джо и Эффи. Я появился на свет в частном роддоме и был привезен в комфорт нового бунгало моих родителей, со спальней, подготовленной специально для меня, в фешенебельном предместье Рэвелстон, и с няней, чтобы

помочь моей матери оправляться от родов.

Томми Коннери родился в двухкомнатной квартире в одном из многоквартирных домов Фаунтинбриджа, индустриального района рядом с гаванью Юнион-Кэнал. В этой части Эдинбурга остро пахло солодом с пивоварен и резиной с фабрики. Юфимия Коннери принесла новорожденного сына в уют, который обеспечивал верхний ящик спального гардероба.

Коннери прожили в Фаунтинбридже все детство и юность Томми, и этот факт в немалой степени повлиял на Томми Коннери, поскольку он был вынужден преждевременно покинуть школу. Его родители, как и мои собственные, пострадали от экономической депрессии, так что у них не было средств, чтобы отправить сына в старшую школу или нанять ему домашнего учителя.

Нашим отцам приходилось работать допоздна, чтобы им еженедельно платили зарплату; Джозеф Коннери трудился на кооператив в Фаунтинбридже, а мой отец на «Дом Демарко», семейное кафе в парижском стиле в Портобелло. Последнее славилось в те годы, эдинбургская Ривьера, привлекала десятки тысяч людей, приезжавших в Глазго на ярмарки. Среди них был и

подросток Томми Коннери, которого влекли не только общественные бани Портобелло с такой роскошью, как душевые комнаты, но и возможность подзаработать спасателем в открытом плавательном бассейне. Хорошо помню его выразительную фигуру, вышагивающую по бортику бассейна.

Когда мой отец открыл собственный бизнес, кафе «Рэллай», Томми Коннери сделался нашим завсегдатаем, поскольку кафе располагалось на Лотиан-роуд в Эдинбурге, и оттуда было рукой подать до дома его родителей. На третьем году моего обучения в Эдинбургском колледже искусств наша дружба с Томми Коннери окрепла. Мы встретились на занятии, причем он играл требовательную к человеку роль модели, а я был тем самым художником. Он отлично подходил на роль модели благодаря способности долгое время пребывать в неподвижности, из-за чего студенты успевали не просто сделать карандашные наброски, но и пописать маслом.

Моделям запрещалось чрезмерно близко общаться со студентами за обедом, поэтому студенты шли в столовую, а модели питались где-то еще. Томми Коннери решил обеденную проблему так: он приносил с собой сандвичи и бутылку

молока. И как-то угостил меня. Я спросил, почему он постоянно пьет молоко. Он ответил, что молоко помогает справиться с язвой желудка, из-за которой его списали на берег из ВМС.

Мы говорили о том, чего каждый из нас мечтает добиться в жизни. В ту пору, ему едва минуло двадцать, Томми Коннери имел ангела-хранителя в лице Анны Нигл, одной из самых популярных актрис своего времени. Именно она изменила его жизнь и показала, что значит быть актером. Она позволила ему заработать «легкие деньги» (так он сам говорил) и постоять на сцене театра «Эмпайр» с дюжиной других таких же начинающих актеров. От них мало что требовалось. Непременные условия были таковы: рост не менее шести футов и умение притвориться солдатом почетного караула в Букингемском дворце, готовым отдать жизнь за королеву Викторию.

Анна Нигл вместе с супругом, Гербертом Уилкоксом, поставила «мюзикл», вдохновленная собственным фильмом о жизни королевы Виктории. В Эдинбург эту постановку привезли в ходе тура по стране. В каждом городе Анна Нигл набирала местных молодых людей, которым поручалось безмолвно стоять на сцене. Мюзикл назывался «Шестьдесят золотых лет», и когда на-

стала пора покидать Эдинбург, Анна Нигл увезла с собой самого симпатичного из «гвардейцев» — Томми Коннери. Об этом историческом событии я записал в своем дневнике: «Сегодня Томми Коннери покинул Эдинбург, чтобы стать актером». В моих словах было всего понемногу: и сожаления, и восхищения, и даже облегчения — оттого, что Томми наконец-то сбросил с себя обузу, какой была для него жизнь в Фаунтинбридже.

Сожалел я не только потому, что уезжал мой друг, но и потому, что чувствовал: он уже не вернется, ему суждено иное. К моему изумлению и восторгу, он вернулся в Эдинбург, уже актером, с крохотной ролью в спектакле «Южный океан». Он играл роль радиста ВМС США, а еще пел в хоре, исполнявшем «Нет ничего лучше женщин».

Он возвратился еще раз, вскоре после первого визита, со спектаклем, в котором играла восходящая «звездочка» Хизер Сирс, и я был рад увидеть в «Эдинбург ивнинг газетт» фотографию «Шона» Коннери, показывающего партнерше одно из своих любимых мест в городе, в устье реки Олмонд.

Казалось неизбежным, что именно его в скором времени выберут в качестве исполнителя роли Джеймса Бонда, британского шпиона из романов Иэна Флеминга, отлично справляющегося с

темными силами, которые подвергали опасности британский образ жизни. Конечно, я видел каждый фильм, в котором Шон Коннери играл Джеймса Бонда. В тех редких случаях, когда он приезжал в Эдинбург, он заглядывал ко мне в театр «Траверс». В 1966 году родилась «Галерея Демарко», и у нас появилось место для встреч, особенно частых в 1970-х годах, когда Шон пригласил меня на должность директора Шотландского международного фонда образования.

Этот фонд появился потому, что Шон Коннери оказался вовлечен в борьбу клайдсайдских судостроителей за сохранение отрасли. Он сумел подружиться с теми суровыми и упорными людьми, которые стояли во главе профсоюзов судостроителей, подчиненными Джимми Рейду. Актер, игравший Джеймса Бонда, встал восприниматься как сторонник рабочих, когда он снял фильм, изображавший их готовность самостоятельно руководить верфями. Цели фонда определялись весьма просто. Он собирался оказывать поддержку различным проектам, поощряющим инициативных и творческих шотландцев оставаться на родине. Еще фонд намеревался возрождать интерес к Шотландии у шотландцев, осевших в других странах.

В 1980-х годах Мюррей и Барбара Григор, руководство «Ви-ай-зет филмз», сняли фильм о Шоне Коннери в Эдинбурге и другой фильм, продолжительностью один час, для четвертого канала, под названием «Искусство в холодном климате». Второй фильм рассказывал о многих художниках и актерах, причастных к деятельности «Галереи Демарко». Среди них был и Шон Коннери. Последовательность, в которой мы с ним снимались, дала мне возможность поздравить его по поводу почетной докторской степени, присвоенной университетом Сент-Эндрюса; как он смотрелся на кафедре в академическом одеянии! Когда мы разговаривали, мне пришло в голову, что директор средней школы, выгнавший когда-то Томми, должен был дожить до этого дня, когда одного из его бывших учеников называют «доктор Коннери».

Я вижу его одновременно как модель художника в блеске юности, как молодого греческого атлета и как мудрого старого монаха из киноверсии романа Умберто Эко «Имя розы». Я помню тот день, когда он познакомил меня со своей красавицей-матерью, которая, овдовев, поселилась в эдвардианском доме с террасой, купленном сыном подальше от Фаунтинбриджа. Она держалась поистине величаво и очевидно гордилась

достижениями своего сына. Он не мог убедить ее оставить Эдинбург, жила она скромно, никоим образом не завидуя столичному блеску и гламуру.

Эдинбург всегда будет важным местом в жизни самого известного сына Шотландии, и он полностью заслужил честь стать почетным гражданином его родного города; это пример для всякого, желающего оставаться шотландцем и на международной арене.

Смерть Дональда Дьюара, 11 октября 2000 года
Тревор Роил и Алан Тэйлор

Внезапная кончина Дональда Дьюара, отца нового шотландского парламента, лишила страну выдающегося государственного деятеля, который всю свою жизнь посвятил благу Шотландии. Многие восприняли его смерть как личную утрату и опасались за будущее пребывавшего во младенчестве парламента. Те же, кто разделял оптимизм по отношению к родной стране, верили в нарисованную им картину и намеревались приложить все усилия к тому, чтобы она стала явью.

«Теперь я знаю, как чувствует себя лошадь», — заявил Дональд Дьюар в мае прошлого года на торжественном обеде в Глазго, менее чем за неделю до того, как народу Шотландии предстояло выбирать первый парламент страны за 292 года. Он помолчал, чтобы недоумение распространилось по залу, и поставил жирную точку: «В эти дни меня постоянно обхаживают».

Публика, состоявшая из закаленных жизнью

политиков и новых лейбористов, дружно расхохоталась. Дьюар во всей своей красе, комик того же калибра, что и Чик Мюррей, руки бешено двигаются, как «лопасти спятившего комбайна», по выражению одного его приятеля; как ни удивительно, он выступал «на разогреве» у Тони Блэра, своего бывшего соседа по Вестминстеру. Эта черта характера Дьюара редко проявлялась публично. Саркастический, остроумный, лаконичный, невозмутимый, он ухитрялся очаровывать даже самые цинично настроенные аудитории. Его тщеславие, как он сказал однажды, проистекало «из неизлечимой уверенности, что люди меня любят». Это вовсе не было заблуждением; он действительно нравился людям, сам по себе и — не в последнюю очередь — из-за очевидного отвращения к «обхаживанию».

Суть, а не внешний лоск была его приоритетом. В этом смысле он был политиком минувшей эпохи, для которого новая риторика являлась иностранным языком, не заслуживающим изучения. Он предпочитал живое общение с избирателями в Гарскаддене и Эннисленде теледебатам и выступлениям в программе «Утро с Ричардом и Джуди». Он словно всегда опасался «забронзоветь», стать памятником самому себе

(это типичная черта шотландского характера). Он держался своих корней и хранил им верность.

Как широко известно, он никогда не бывал в отпуске. Некоторые его коллеги на прошлой неделе воспользовались парламентскими каникулами, чтобы отдохнуть, а для Дьюара, недавно перенесшего операцию на сердце, это означало новый круг встреч и переговоров. Такой образ жизни подорвал бы здоровье и тех, кто намного моложе и крепче, что уж говорить о 63-летнем политике с хроническим сердечным заболеванием. О нем говорили, что он женат на политике; им владело всепоглощающее желание возродить парламент, и этому он посвятил свою политическую карьеру, соответствуя ожиданиям тех, кто добивался успешного завершения «незаконченного дела». Дональд Дьюар не тешил себя иллюзиями, просто работал, не покладая рук. Тем самым он, возможно, приблизил собственную кончину, заставившую скорбеть нацию и обернувшуюся трагическими и лицемерными заголовками газет, которые всего за несколько дней до его смерти изощрялись в ядовитых нападках.

Ирония момента наверняка бы его восхитила. Никто не ценил более, чем он, шотландскую привычку унижать живых и поклоняться мерт-

вым. Лишь тем вечером, когда шотландский парламент возобновил работу после почти трехсотлетней паузы, он позволил себе насладиться мгновением и бродил по улицам праздновавшего Эдинбурга с горделивой улыбкой на лице, а едва ли не каждый встречный норовил хлопнуть его по спине. «Это была, конечно же, вершина моей жизни, — признавался он позже, — апофеоз карьеры, в которой хватало и взлетов, и горьких падений». Что поразительно, за все эти годы сам он, в общем-то, не изменился.

Поздний и единственный ребенок в семье, он не слишком любил вспоминать детские годы, однако неизменно подчеркивал, что его детство было счастливым, пусть и необычным. Его родители оба страдали от тяжелых болезней: отец, преуспевающий дерматолог в Глазго, подхватил туберкулез, а у матери обнаружили опухоль мозга. Дональд Кэмпбелл Дьюар родился в августе 1937 года, когда по всему земному шару множились предзнаменования большой войны, и в возрасте двух с половиной лет был отправлен в школу-интернат в Пертшире, которой заведовали друзья его родителей. Два года спустя он перебрался южнее, в другой интернат, Беверли, в Боучестер-Бридж близ Хоуика, где

разместили детей, эвакуированных из Лондона. «Помню тесноту, домашних животных в отдельном помещении, особенно черного с белым кролика, — рассказывал он в прошлом году. — Я был искренне уверен, что этот кролик принадлежит мне». Когда ему исполнилось девять, он возвратился в Глазго и пошел в начальную школу Мосспарк, где провел полный страданий год. «Я ощущал себя брошенным, — вспоминал он, — потерянным и несчастным, ведь меня привезли в город, вырвав из уютной, замкнутой сельской среды. Меня нередко дразнили из-за моего акцента, отчасти хоуикского, отчасти попросту неанглийского».

Дьюар, вероятно, ненавидел школу Мосспарк — он вспоминал, что стремглав бежал на автобус в четыре часа дня, «и не только потому, что боялся опоздать»; однако случалось и хорошее. Летом 1945 года, когда пережившая войну Шотландия начала привыкать к дивному новому миру государства всеобщего благоденствия, он с родителями провел первый из немногих незабываемых уикэндов на северо-восток. Остановились на ферме родительских друзей, Алланов, около городка Метлик в Абердиншире. Позднее Дьюара отправили в Академию Глазго, школу, которая

кичилась спортивными достижениями (а к оным Дьюар, подобно Гарри Поттеру, был равнодушен).

Совсем иначе все оказалось в университете Глазго, где он повстречал людей, под влиянием которых оставался до конца своих дней. Прежде всего речь о Джоне Смите, уже политике, но и завсегдатае вечеринок. Его смерть в 1994 году потрясла Дьюара — и заставила работать с удвоенной энергией. Он разделял точку зрения Смита, что мы пришли в этот мир не просто развлекаться. Ими обоими двигало шотландское чувство долга, равно как и мысль, что не бывает привилегий без ответственности.

Это поколение было выдающимся по любым меркам. Помимо Дьюара, Смита и Энгуса Гроссарта, к нему принадлежали Мензис Кэмпбелл, либеральный демократ, Джимми Гордон, ныне лорд Гордоном из Стратблейна, Росс Харпер, адвокат, телеведущий Дональд Маккормак, Кэмерон Мунро, до недавних пор представитель ЕС в Эдинбурге, и Дерри Ирвин, лорд-канцлер, который попортил Дьюару крови, затеяв интрижку с его женой Элисон.

Дьюар получил степень сначала по истории, затем по юриспруденции, что позволяло рассчи-

тывать на обеспеченную жизнь. Но куда важнее для него была атмосфера университета и та роль, которую университет сыграл в превращении робкого «книжного мальчика в очках» в уверенного в себе человека. «Я поступил в университет, совершенно не имея опыта общественной жизни, но все чудесным образом переменилось, и это было здорово. Я вдруг понял, в ходе студенческих диспутов, что способен, оказывается, составлять слова в связные предложения. Эти диспуты сами по себе были не слишком интересны, зато они порождали общение. Те дни были для меня связаны с возникновением грандиозной социальной структуры, пьющей структуры, с обретением социального опыта». Центром притяжения был студенческий союз, где, по словам Дьюара, «можно было перекусить, выпить и найти себе пристанище на ночь, и все такое».

Так и видится на его губах улыбка при этих словах. Пожалуй, немногое представить себе сложнее, чем Дональд Дьюар, рыщущий в поисках женского общества. В университете он заработал прозвище Баклан, из-за своего гигантского аппетита. Это прозвище осталось с ним до конца жизни, как и друзья.

Образ обаятельного чудака рискует затмить

собой человека, ведомого страстным желанием покончить с неравенством и бедностью. Мензис Кэмпбелл был абсолютно прав: Дональд Дьюар и Шотландия созданы друг для друга. С его познаниями в литературе и истории страны, с его уважением к художникам, особенно к «шотландским колористам», Дьюар обладал духом, некогда свойственным всем образованным шотландцам.

Но не только почерпнутые из книг познания обеспечивали пищу для ума (хотя книги загромождали его квартиру в Вест-Энде). Шотландия формировала его характер различными способами. Он вышел из среднего класса Глазго, респектабельность которого, воспетая романистом Гаем Маккроуном, позволила ему получить начальное образование и собрать коллекции Пеплоу, Фергюссона и Мактаггарта; а изучение истории и юриспруденции помогло созреть и оформиться радикальным убеждениям.

Частично его затронула история шотландского лейборизма с ее тотемическими фигурами — Кейром Харди, «Красным Клайдсайдом», Уитли и Макстоном, которые клялись «экспортировать революцию в Вестминстер». Но это влияние слишком очевидно. Вдобавок в Дьюаре всегда ощущался ковенантер, чего не могли

игнорировать даже лучшие друзья: нет, не тот религиозный пыл, который привел фанатиков наподобие Джеймса Ренвика на эшафот, но нечто более взвешенное и продуманное, сродни вере Роберта Бейли, который долго размышлял, прежде чем подписать Национальный Ковенант в 1638 году. В конце 1980-х годов, когда казалось, что деволюция попросту невозможна, Дьюар признался шотландскому историку, что чувствует духовное родство с Бейли, также выпускником университета Глазго. Потребовалось время и переоценка ценностей, чтобы молодой священник из Килвиннинга решил присоединиться к ковенантерам, ибо он сознавал, что тем самым нарушает клятву верности короне. Сердце говорило, что Национальный Ковенант защищает интересы Шотландии и выражает волю народа. Но он также знал, что Ковенант может оказаться угрозой власти короля Карла I. «В шотландской истории красота соседствует с ужасом, — говорил Дьюар. — Мы все это знаем, и наш выбор неизменно труден».

Он не прибавил, что этот выбор встал перед ним самим, когда речь зашла о деволюции, однако тень выбора нависала над всеми разговорами тех лет. Дьюар же твердой рукой ваял собствен-

ное место в истории страны. Из скромности он, несомненно, отказался бы от такой оценки, но все было именно так. «Меня спрашивают, кто я такой, — сказал он в Дублине в конце сентября. — Я — шотландец, гражданин Соединенного Королевства и человек, чрезвычайно заинтересованный в успехе ЕС».

Это была блестящая речь; он блистал эрудицией, поднимал настроение шутками, объяснял доходчиво и обращался к народу в целом. Но тем, кто его слушал, было ясно, что операция на сердце имела серьезные последствия. Он сказал историку Тому Девину, что в последующие несколько месяцев должен будет повторно проанализировать ситуацию, если реальных перемен не произойдет. К сожалению, такой возможности ему не представилось. Но он оставил наследство, которое нельзя проигнорировать. Итогом его жизни можно назвать слова, написанные им собственноручно, слова, составившие его эпитафию: «Шотландскому парламенту быть».

Националисты приходят к власти, 4 мая 2007 года
Алекс Сэлмонд

Через семь лет после смерти Дональда Дьюара шотландский парламент оказался перед своим самым серьезным испытанием в своей недолгой истории, доказавшим, насколько переменчиво настроение общества. Выборы в мае 2007 года сопровождались не только ожесточенным соперничеством, обычным для любых выборов, но и растущим недовольством лейбористами по всей Великобритании.

Выборы пришлись на пору широко распространившегося недовольства премьер-министром Тони Блэром и той ролью, которую лейбористская партия сыграла в вовлечении Великобритании в войну в Ираке. Некоторые комментаторы утверждали, что Шотландская национальная партия (ШНП) добьется преимущества за счет лейбористов. В итоге ШНП победила всего в один голос — 47 мест против 46 у лейбористов. Но и это было колоссальной переменой в политической жизни страны.

Беспрецедентный результат был омрачен грандиозным количеством недействительных избирательных бюллетеней, приблизительно 140 000 экземпляров признали испорченными потому, что, как говорили некоторые, бюллетени были слишком «заковыристыми». В долгосрочной перспективе, однако, — писал историк Том Девин в «Санди геральд», — победа ШНП была вполне ожидаема. «Думаю, избиратели поступили справедливо, предоставив ШНП шанс. Явка избирателей неуклонно снижается… Победа ШНП показывает, сколь сильно в обществе недовольство лейбористами». Анализируя ситуацию с испорченными бюллетенями, он заметил, что «в конечном счете это не имело важного значения».

Не сумев договориться о коалиции с другими партиями, которые возражали против желания ШНП провести референдум о суверенитете, националисты, которым не хватало 18 голосов для большинства в парламенте (всего 129 депутатов), решили сформировать правительство меньшинства. Шестнадцатое мая — важный день в современной шотландской политике: лидер ШНП Алекс Сэлмонд был приведен к присяге в качестве премьер-министра. Излагая

собственную точку зрения на будущее страны, он сказал парламентариям, что хочет создать «новую, существенно более разумную» модель демократии. Двумя неделями ранее, 4 мая, в тревожном ожидании результатов голосования и подтверждения победы ШНП, он размышлял о драматическом и историческом росте популярности национализма.

Думаю, что это намного больше, чем новая Шотландия, изо всех сил пытающаяся родиться. Это — прежде всего изменение в отношении людей к нам, рост уверенности. Это — не просто партийные игры, не просто перемена слагаемых в сумме. Куда больше. И дело не в том, что лейбористы показали худший результат с 1922 года в Шотландии; мы добились наилучшего результата, вот что имеет первостепенную важность.

Восемь лет деволюции обеспечили два явления, которые на первый взгляд представляются очевидно противоречащими друг другу, но если вдуматься, никакого противоречия между ними нет. Во-первых, у людей появилось нетерпение — разочарование в том, что перемены оказались не слишком значительными. А во-вторых, люди убедились, что небо не рухнуло, что кары египетские не постигли нашу отсталую страну, что

урожай по-прежнему собирают, дождь продолжает идти, а небо за тучами голубое.

Иными словами, люди возжаждали дальнейших перемен, удостоверившись, что апокалипсиса, вопреки некоторым уверениям, не произошло. Налицо классический случай возрастающих политических ожиданий. И мы ощущаем нетерпение и делаем вывод, что в настоящее время люди ждут действий; и я намереваюсь действовать.

Тем, кто наблюдал за приходом к власти нового правительства, следует простить восторг, отягощенный тревогой за будущее. Закаленный избирательной кампанией журналист Джордж Рози высказался со страниц «Шотландского книжного обозрения» об «американских горках» конституционной политики: «Держитесь крепче, нас ждет немало ухабов».

К. Королев
Шотландия: страницы истории

Автобиография — жанр отчасти, если можно так выразиться, лукавый: сам выбираешь, о каких событиях в жизни стоит упомянуть, а какие можно, по той или иной причине, опустить — и тем самым вольно или невольно вводишь читателя в заблуждение, рисуя свою жизнь в выгодном для себя свете. Особенно это становится очевидно, когда речь заходит не об автобиографии как таковой, а о квази-автобиографии, например, об автобиографии страны, которая представляет собой свод документальных свидетельств, подобранных и скомпонованных таким образом, чтобы отражать не беспристрастный ход истории, а точку зрения на историю составителя подобной квази-автобиографии. И зачастую при таком подходе о многих значимых событиях в жизни той или иной страны говорится разве что мимоходом — или не говорится вообще, другие освещаются пристрастно, третьи удостаиваются незаслуженно пристального внимания, и в итоге целостная картина жизни страны перед взглядом

читателя так и не возникает. Разумеется, любое воззрение на историю по определению субъективно, однако нельзя забывать о таком «каркасе», как исторический контекст: если какие-либо события, да еще в автобиографии, оказываются вырванными из этого контекста, целостная картина не сложится ни при каких условиях.

Именно поэтому мы сочли возможным сопроводить автобиографию Шотландии, которую вы держите в руках, кратким послесловием, очерчивающим исторический контекст возникновения и развития страны — от древнейших времен (по сохранившимся источникам, письменным и археологическим) до конца XVIII столетия, когда Шотландия сделалась неотъемлемой частью Британской империи.

Древнейшие времена

Первые люди появились на территории нынешней Шотландии в эпоху мезолита, приблизительно за 7000 лет до нашей эры. Это были кочевые группы, которые приходили летом и уходили с приближением зимы. По всей видимости, эти кочевники мигрировали с юга, из будущей Англии или из Ирландии; также возможно, что какая-то их часть приходила из-за Северного

моря, которое в эпоху мезолита представляло собой не море, а обширную болотистую равнину. Одно из древнейших мезолитических поселений обнаружено на острове Рум, другие поселения, более поздние, найдены на островах Оронсэй и Джура. Что касается территории «материковой» Шотландии, раскопки выявили остатки поселений эпохи мезолита в Банхори, графство Абердиншир, и Драйбурге в долине реки Туид.

На рубеже мезолита и неолита, около 4000 года до нашей эры, в Шотландии стали появляться оседлые общины, занимавшиеся не только охотой и собирательством, но и возделыванием земли. В период неолита в поселениях на западном и восточном побережьях Шотландии сформировались культуры, различавшиеся похоронными обрядами: на востоке над усопшими возводили курганы, круглые или вытянутые, а также ставили сложенные из камней пирамидки (***кэйрны***), тогда как на западе кэйрны чаще всего помещали в подземных погребальных камерах; примером подобного захоронения может служить Маэс-Хоув на Оркнейских островах. Что касается условий жизни, люди эпохи неолита строили деревянные и каменные дома, использовали глиняную посуду, употребляли в пищу овец

и коров, рыбу и моллюсков, сажали овес и ячмень; многие свидетельства жизненного уклада неолитических обитателей Шотландии обнаружены при раскопках оркнейского поселения Скара-Брэй. Кроме того, до наших дней сохранились каменные круги и ***хенджи*** (сооружения из поставленных вертикально плит, наподобие знаменитого английского Стоунхенджа); наличие подобных сооружений, которые попросту невозможно было возвести в одиночку, заставляет предположить совместный труд нескольких общин, а поскольку такой труд требует централизованного управления, выдвигались гипотезы о возникновении в эпоху неолита прообразов социальной иерархии, появлении вождей-жрецов и, так сказать, прадруидов.

Около 2000 года до нашей эры на юге и востоке страны, возможно, обосновались пришлые чужаки, получившие прозвище «людей чаш» из-за вошедшей в ту пору в употребление орнаментальной керамики. Впрочем, ныне постепенно утверждается мнение, что «люди чаш» были местными, а переход к новому способу глиноделия объяснялся культурными заимствованиями. Приблизительно в те же годы Шотландии достигла техника обработки бронзы, причем олово для

изготовления бронзы поступало из Корнуолла, тогда как запасы меди в стране были весьма обильны. «Бронзовый» социум существовал в Шотландии почти до наступления христианской эры, однако о нем мало что известно, за исключением того, что именно в эту эпоху в Шотландии сложилось общество кельтов.

Кельты, пикты, римляне

До недавних времен в науке господствовала теория о так называемом «кельтском вторжении» в Шотландию и Уэльс из Ирландии и Галлии (Франция). Однако сегодня все более общепринятым становится мнение, что племена, обитавшие на территории Шотландии, благодаря налаженным торговым связям с центрами культуры полей погребальных урн (Южная Германия и среднее течение Дуная) и гальштаттской культуры (по городищу в Австрии, в 15 км от Зальцбурга), перенимали у жителей материка обычаи и, самое главное, язык — именно «протокельтский» язык, впоследствии разделившийся на множество диалектов, является общим для всех народов, традиционно относимых к кельтам. В частности, шотландские кельты позаимствовали с материка обычай возводить укрепления на холмах; эти

«форты», сложенные из торфа, стали появляться в Шотландии приблизительно с 1000 года до нашей эры. Внутри стен строили круглые дома с крышами из тростника; известны также «озерные дома» (***кранног***) и башни (***брох),*** причем последние характерны исключительно для местности к северу и западу от Большого Глена (вереницы долин протяженностью около 100 км от Инвернесса до Форт-Уильяма).

Именно с этими шотландскими пракельтами, воевавшими на боевых колесницах, сражался римлянин Агрикола. Кстати сказать, римлянам мы обязаны одним из наименований Шотландии, ныне перешедшим в категорию поэтических, — Каледония; историки возводят это наименование к пиктскому племени каледониев, обитавшему на территории нынешней Шотландии, или к пракельтскому слову ***caled*** — «суровый». «Страна суровых людей» римскому владычеству не покорилась, и на границе своих владений, для защиты от набегов из Каледонии, римляне возвели сначала Адрианов вал, между 122 и 126 годами нашей эры, в самом узком месте острова Великобритания — от современного Карлайла до Ньюкасла, а затем, в 142–144 годах, вал Антонина, в 160 км далее на север, от нынешнего Эдинбурга

до залива Ферт-Клайд. Сорок лет спустя натиск местных племен вынудил римлян отступить к Адрианову валу, впоследствии господство римских орлов над современным Лоулендом было восстановлено, однако севернее вала Антонина римляне так и не продвинулись. Не в последнюю очередь из-за ожесточенного сопротивления, которое им оказывали пикты.

Пиктами обычно называют племена, населявшие область к северу от залива Клайд; эти племена образовали два мощных союза, один из которых возглавляли упоминавшиеся выше каледонии, а второй — племя меатов. Римский историк Дион Кассий упоминал об этих племенах как о «двух величайших народах, поглотивших прочие». Пикты, без сомнения, были кельтами и говорили на так называемом P-кельтском языке, родственном языку кельтов Галлии, иначе — на галло-бриттском. «Пиктами» эти племена назвали римляне; само слово означает «разрисованные» и характеризует обыкновение древних шотландцев украшать свои тела татуировками.

Скотты, Дал Риада и «темные века»

Когда в 407 году пала Западная Римская империя, последние легионеры покинули Британию,

и пикты не замедлили этим воспользоваться, хлынув через брошенный Адрианов вал. К концу V столетия пикты властвовали над территорией к северу от Стерлинга и близлежащими островами, однако около 500 года в юго-западном «углу» их владений образовалось королевство Дал Риада, основанное выходцами из Ирландии — скоттами. В следующем столетии «зоны влияния» на территории современной Шотландии («страны скоттов») делились следующим образом: север оставался за пиктами, Дал Риада укрепилась на юго-западе, между пиктами и бриттским королевством Стратклайд, а к югу от реки Туид, на Бамбергской скале, возникло поселение германского племени англов (со временем это поселение стало аванпостом королевства Нортумбрия, покорившего скоттов и южных пиктов в середине VII века). К этому периоду относятся сведения о первом историческом короле пиктов — Бриде, сыне Маэлкона.

Шестое столетие также ознаменовалось утверждением в Шотландии христианства. До обращения в христианство местные жители придерживались друидической ветви язычества, связанной с магизмом и поклонением природе. Одним из первых проповедников христианства

среди кельтов был епископ Герман Осерский, южных пиктов наставляли святые Ниниан и Кентигерн, однако честь обращения язычников принадлежит не им, а святому Колумбе, или Колумкилле, ирландскому монаху, в 563 году основавшему монастырь на острове Айона. В известной степени Колумба для Шотландии сделал то же, что святой Патрик совершил для Ирландии. Из стен монастыря Айона вышло большинство ранних кельтских миссионеров, которые несли слово Божие не только обитателям острова Великобритания, но и жителям континента (так, святой Колумба проповедовал в Галлии и за Рейном). При этом кельтская церковь в обрядности и некоторых идеологических вопросах отказывалась следовать за Римом; в 663 году на соборе в Уитби приверженцы кельтской церкви были осуждены за еретические воззрения, а столетие спустя римская версия доктрины и культа окончательно заняла главенствующее положение. В самой Шотландии утверждение христианства сопровождалось распространением гэльского языка, на котором отправляли богослужение монахи Айоны; можно сказать, гэльский сделался своего рода лингва-франка этой области, изобиловавшей местными диалектами и наречиями.

На протяжении нескольких веков пикты, бритты и скотты жили бок о бок и постоянно враждовали друг с другом. А в IX столетии всем им пришлось столкнуться с общим врагом — «северянами», «данами», проще говоря, викингами. В 795 году викинги разграбили острова Скай и Айона, и последний мало-помалу пришел в запустение. Своей базой они сделали Оркнейские острова, откуда и нападали на «материковую» Шотландию и захватили значительную часть королевства Дал Риада.

Между тем в самой Шотландии — во всяком случае, в ее южной части; о том, что творилось к северу от Большого Глена, практически ничего не известно — постепенно происходило объединение земель. Пиктский король Энгус в 736 году овладел Дунаддом, важнейшей крепостью скоттов, а в 756 году приступом взял Думбартон, столицу бриттов Стратклайда. С того времени пиктами и скоттами нередко правил общий король. В 839 году после гибели в битве с викингами короля Эоганана трон скоттов перешел к Кеннету Макалпину, который четыре года спустя стал и королем пиктов. Именно с него и с основанного им на пиктских землях королевства Альба начинается история шотландских королевских

домов.

Ранние королевские династии

При Кеннете Макалпине и его преемниках в Шотландии установился особый порядок наследования трона: если у пиктов, по свидетельству монаха-историка Беды Достопочтенного, право наследования передавалось по материнской линии, то у скоттов наследника избирали из группы родичей правящего короля по деду или даже прадеду (***дервине***) — в результате королю мог наследовать его брат или племянник, то есть непременно человек уже взрослый, как правило, закаленный в боях и немало повидавший. В целом эта система просуществовала вплоть до XII столетия, когда ее вытеснило привнесенное норманнами право первородства.

Королевство Альба было окружено сильными врагами. Сам Кеннет почти непрерывно с переменным успехом сражался с викингами (после разорения ими религиозного центра Альбы, города Дункелд, Кеннет перенес двор в Скуне, где с 850 года хранился знаменитый коронационный камень — Скунский камень, доставленный с Айоны, а впоследствии захваченный англичанами). При третьем после Кеннета короле из рода

Макалпинов, Дональде II, который принял титул «короля Шотландии, или Ри Альба», викинги основали в Шотландии собственное королевство, состоявшее из Оркнейских, Шетландских и Гебридских островов и Кайтнесса на «большой земле». В 918 году скотты и бритты сумели остановить продвижение викингов в битве при Корбридже, однако всего несколько лет спустя бывшие союзники схватились между собой: король Уэссекса и Мерсии Ательстан в 934 году вторгся в земли скоттов и через три года наголову разгромил противника в битве при Брунабурге. Позднее шотландцы сумели оправиться от поражения и даже вернули себе область Лотиан, часть Лоуленда; при короле Малкольме II южная граница Шотландии (именно так страну отныне называли официально) проходила по реке Туид.

Преемником Малкольма II стал его внучатый племянник Дункан, которого в 1040 году сместил и убил наместник Морэя и тоже внук Малкольма Макбет; именно эту историю творчески переработал У. Шекспир в своей широко известной трагедии. Сам Макбет пал в 1054 году от руки будущего короля Малкольма III Кэнмора. В правление Малкольма у шотландского королевского дома появились права на трон Англии, ибо Малкольм

женился на саксонской принцессе Маргарет, которая вместе с братом бежала от Вильгельма Завоевателя. Впоследствии племянница королевы по имени Матильда вышла замуж за короля Англии Генриха I, и от этих двух бракосочетаний берут начало притязания шотландцев на английский престол.

В правление Дэвида 1(1124–1153) Шотландия начала быстро «онорманниваться» — по всей стране возводились рыцарские замки, а земли передавались в ленные владения; кроме того, в стратегических точках строились королевские замки, вручавшиеся в управление шерифам — чиновникам короля; прежняя система управления, когда король был всего лишь первым среди равных из вождей ***(танов),*** осталась в прошлом. Все большее значение начинали играть города, прежде всего Эдинбург: сам город был основан еще в VI столетии, а Дэвид I перенес туда столицу из Дунфермлина; стремительно развивались и такие города, как Бервик, Роксбург, Стерлинг, Перт и Абердин. Еще при Дэвиде были основаны многие известные по сей день шотландские монастыри и аббатства — Холируд, Келсо, Мелроуз, Джедбург, Драйбург, Кинлосс, что также способствовало укреплению норманнского влияния.

При короле Уильяме I Льве (1165–1214) шотландцы были разгромлены англичанами, сам король попал в плен и принял ленную зависимость от Англии. Это означало, в частности, что шотландская церковь оказалась в подчинении у английской, чего клир Шотландии, гордившийся традицией, которая восходила к святым Ниниану и Колумбе, принять никак не мог. Возникла затяжная распря относительно назначения епископа Сент-Эндрюса, который к тому времени стал религиозным центром страны, и все закончилось тем, что сначала короля, а затем и весь шотландский народ отлучили от церкви. Лишь в 1192 году Рим признал особый статус шотландской церкви, и архиепископам Кентербери и Дарэма, главных епархий Англии, пришлось с этим согласиться.

В правление Александра И, сына Уильяма Льва, начали налаживаться связи с Францией, которым предстояло сыграть значительную роль в истории Шотландии, особенно в период якобитских войн: после смерти первой жены король повторно женился на Мари де Кюси, что привело к ухудшению отношений с Англией. Кроме того, Александр выкупил или отвоевал у Норвегии почти все исконные шотландские острова; он и

скончался в походе на один из островов в 1249 году. Годы правления этого короля и его сына, Александра III, считаются «золотым веком» шотландской истории — население росло, богатство казны и достаток жителей прирастали, число городов существенно увеличилось; при этом следует помнить, что речь идет прежде всего о равнинной Шотландии, где во многом следовали английским обычаям, и знать говорила по-французски, а вот в Хайленде во многом все оставалось по-прежнему — кланы, власть вождей, «честная бедность» и гэльский язык.

Шотландия и Англия

После кончины Александра III шотландский трон два года пустовал, пока велись ожесточенные споры о престолонаследии. Наконец в 1292 году королем был признан Джон Баллиол, дальний потомок Уильяма Льва. Его правление обернулось войной с Англией, финальная сцена которой достойна романа: в замке Брекин с Джона Баллиола прилюдно сорвали королевские одежды и заставили отречься, а Шотландию фактически оккупировали и лишили ее реликвии — Скунского камня, который увезли в Вестминстерское аббатство в Лондоне.

Роберт Брюс, внук одного из претендентов на трон Шотландии, возглавил сопротивление англичанам, за что впоследствии был объявлен национальным героем. В 1297 году в битве при Стерлинг-Бридж английское войско было наголову разбито силами Уильяма Уоллеса и Эндрю Мюррея, «хранителей престола Шотландии». (Впрочем, в следующем году Уоллеса разгромили при Фолкерке, и со временем почти вся равнинная Шотландия оказалась во власти англичан.) В 1306 году Роберта Брюса признали королем; поначалу, будучи не в состоянии противостоять англичанам в открытом бою, он вел своего рода партизанскую войну, а затем, воспользовавшись кончиной английского короля Эдуарда I, перешел в наступление и в марте 1309 года созвал в Сент-Эндрюсе парламент. В 1314 году состоялась битва при Бэннокберне, и англичане потерпели поражение. Шесть лет спустя духовенство и — бароны Шотландии, в ответ на отлучение Брюса от церкви, приняли Арбротскую декларацию, фактически требовавшую признать суверенитет страны.

После смерти Брюса в 1329 году англичане нарушили перемирие и даже посадили на шотландский трон своего ставленника Эдуарда

Баллиола. Вновь началась партизанская война, набеги и стычки снова опустошили Лотиан, а в окрестностях Перта, как сообщают источники, порой доходило до каннибализма. В 1341 году в страну вернулся король Дэвид И, много лет скрывавшийся во Франции; потом ему снова пришлось бежать, и окончательно он возвратился в Шотландию лишь в 1357 году, обязавшись заплатить немалый выкуп за прекращение военных действий с Англией.

Стюарты

Прямая линия от Роберта Брюса оборвалась на Дэвиде II, который не оставил наследника мужского пола. Королем был избран внучатый племянник Брюса, тоже Роберт; до коронации его по заведенному обычаю называли «наместник Роберт» (Robert the Steward), и впоследствии «Steward» превратилось в «Stewart». Так на шотландский трон взошла династия Стюартов. Это случилось в 1371 году.

Несколько лет спустя возобновилась война с Англией, усугубившаяся религиозными разногласиями: во время «авиньонского кризиса», или Великой схизмы 1378 года, англичане поддерживали папу Урбана VI, а шотландцы, как

и французы, — Климента VII. Герцог Ланкастер осадил и сжег Эдинбург, а шотландцы разбили англичан в битве при Оттерберне (1388). Между тем королевская власть в стране все больше слабела: север, то есть Хайленд, фактически отделился и стал «государством в государстве», кланы устраивали набеги на равнинные города; на островах также не прекращались междоусобицы, графы и бароны по всей Шотландии враждовали друг с другом и ни во что не ставили короля. Показательно, что когда Роберт III, преемник Роберта И, скончался в 1406 году, его похоронили в навозной куче. При этом города, как ни удивительно, продолжали богатеть, развивалась и культура, и в 1410 году в Сент-Эндрюсе был основан первый шотландский университет.

Восстановлением закона и порядка страна обязана сыну Роберта III Джеймсу I, который, опираясь на поддержку парламента, отменил все местные законы, арестовал и казнил наиболее непокорных представителей знати, сделал добычу золота и серебра привилегией короны, обложил налогами импортную торговлю и церковь. При этом король стремился упорядочить жизнь подданных вплоть до последней мелочи: так своими указами он запретил играть в футбол,

носить меха всем, кроме наиболее богатых представителей купеческого сословия, и продавать эль в тавернах после девяти вечера. Во многом он в своих нововведениях использовал английский опыт, и это сочли изменой стране: в 1437 году Джеймс был убит заговорщиками, среди которых оказался и его двоюродный дядя.

Более полувека в Шотландии продолжались династические распри, время от времени перераставшие в войны; на одной из таких войн случайно погиб король Джеймс II (ему оторвало ногу шальным ядром), а в ходе другой войны короля Джеймса III временно заключили в тюрьму. Шотландский Ренессанс связан с именем короля Джеймса IV, при дворе которого устраивались рыцарские турниры и пиры, сам король покровительствовал литературе (в частности, назначил придворным поэтом Уильяма Данбара, «шотландского Чосера») и музыке. При этом в глазах остальной Европы Шотландия оставалась «варварской страной». С женитьбой Джеймса на английской принцессе Маргарет Тюдор и вступлением на английский престол Генриха VIII отношения между Шотландией и Англией начали стремительно ухудшаться. Когда в 1511 году Генрих объявил войну Франции, француз-

ский король Людовик XII потребовал от давнего союзника своей страны выступить против англичан. В 1513 году состоялась битва при Флоддене, в которой шотландцы потерпели сокрушительное поражение.

На протяжении всего XVI столетия шотландцы продолжали дружить с французами (в стране было даже два так называемых «французских регентства») и враждовать с англичанами; последние, впрочем, и сами не упускали случая уколоть побольнее северного соседа. Как и прежде, противостояние обостряли религиозные разногласия: Шотландия была верна католической вере, тогда как в Англии прошла реформация, и церковь оказалась подчиненной королю. (При этом реформация назревала и в самой Шотландии, ее ведущими проповедниками были Уильям Уишарт и Джон Нокс, будущий основатель пресвитерианской церкви.) Кульминацией противостояния стало правление королевы Марии, которая предъявила свои права на английский трон. Сумевшая восстановить против себя собственных подданных, королева в 1568 году, как ни поразительно, бежала в Англию, где ее ожидали заключение, казнь — и превращение в легенду.

Марии наследовал ее сын Джеймс VI, которому в скором времени предстояло стать правителем двух королевств, Шотландии и Англии, под именем Иакова I (у королевы Елизаветы Английской не было детей, а Джеймс оказался ближайшим родственником мужского пола). Став королем Шотландии и Англии, Иаков практически не вспоминал о родине: он лишь единожды вернулся в Эдинбург за все время своего правления, передоверив управление страной своему сыну Генри и Тайному совету. К тому времени в Шотландии окончательно сложились три социальные группы, во многом враждебные друг другу — хайлендеры, жители равнинных земель (лоулендеры) и обитатели Пограничья, территории на границе с Англией. Первые до сих пор придерживались клановой системы и вели жизнь «бедную, но честную»; вторые нередко подавались на заработки в города и, по большому счету, представляли собой шотландский пролетариат; объединяла горцев и лоулендеров разве что любовь к волынке. Что касается третьих, они занимали особое положение, говорили на шотландском диалекте английского языка, поддерживали тесные связи с соседними английскими графствами, но при этом периодически

совершали набеги на смежные территории и угоняли скот.

Короля Иакова ныне помнят прежде всего по Библии его имени, иначе авторизованной версии, впервые напечатанной в 1611 году. При этом Иаков, будучи католиком, преследовал пресвитериан, которых в стране становилось все больше. Его сын Карл конфисковал в пользу короны всю церковную собственность и намеревался объединить все конгрегации страны в единое целое, по англиканской модели. В 1637 году увидела свет «Книга общей молитвы» — требник, по которому отныне надлежало молиться единообразно. В Шотландии вспыхнули беспорядки, которые обернулись принятием Национального ковенанта, под которым поставили подписи многие сановники, представители духовенства и богатые горожане. Позднее ковенант разошелся по всей стране и был подписан едва ли не в каждой деревне.

Вскоре в Англии началась гражданская война, а в Шотландии лорд Монтроз подавлял восстание ковенантеров. События тех лет подробно и красочно описаны в таких романах «Певца Шотландии» Вальтера Скотта, как «Легенда о Монтрозе», «Пуритане» и «Эдинбургская тем-

ница».

В 1649 году короля Карла обезглавили в Лондоне по решению парламента. При всей нелюбви шотландцев к Карлу это событие возмутило страну: английский парламент принял решение самостоятельно, даже не известив своих шотландских коллег, а ведь Карл был королем не только Англии, но и Шотландии. Именно это возмущение в скором времени обернулось восстанием якобитов.

Якобитские войны и разорение Хайленда

Карлу как королю Шотландии наследовал его сын Карл И. При этом на несколько лет в Шотландии установилось правление Оливера Кромвеля, лорда-протектора Англии, причем признать его были вынуждены даже хайлендеры, а Карл оставался королем в изгнании. В 1653 году Шотландия и Ирландия вместе с Англией официально вошли в состав Содружества. Семь лет спустя Карл вернул себе трон; пресвитерианство оказалось под запретом, как и гэльский язык, а ковенантеров разрешили убивать без суда и следствия. В 1685 году, после смерти Карла, королем стал Иаков II, он же Джеймс VII.

Новый король безжалостно подавил восстания

Монмута в Англии и лорда Аргайла в Шотландии, а также, будучи ревностным католиком, намеревался назначить на все сколько-нибудь значимые должности в королевстве людей неангликанского вероисповедания и установить абсолютную католическую монархию. Достаточно долго это терпели, рассчитывая, что после смерти Иакова на трон взойдет его дочь, верная протестантизму, но когда у короля родился сын, был устроен заговор, и Иакову пришлось бежать во Францию, а опустевший престол занял приглашенный из Голландии принц Вильгельм Оранский, муж дочери свергнутого короля.

И вновь шотландцы ощутили себя оскорбленными, поскольку англичане снова лишили их короля. В Шотландии оказалось немало сторонников свергнутого монарха, которых стали называть якобитами. Воодушевленные письмами бывшего короля к народу, они сплотились вокруг виконта Данди, возглавившего армию, почти целиком состоявшую из горцев. В 1689 году при деревне Килликрэнки горцы сошлись в битве с правительственными войсками. Данди погиб от случайной пули (существует версия, что он был застрелен своими же солдатами, отомстившими ему таким образом за гонения на ковенантеров),

и его отряды рассеялись.

В 1707 году между Англией и Шотландией была подписана уния, по которой шотландский парламент распускался; отныне все решения принимал парламент Соединенного Королевства. Тем временем сын Иакова II Джеймс Фрэнсис Стюарт, рождение которого привело к заговору против его отца, укрывался во Франции, причем Франция, Испания и папский престол в пику Англии признавали его законным наследником трона. Старший Претендент (такое прозвище он получил позднее) при поддержке французов в 1708 году отплыл к берегам Шотландии с крупным флотом, но из-за погодных условий был вынужден вернуться обратно, а смерть короля Франции Людовика XV лишила его помощи французского двора. Тем не менее в 1715 году в самой Шотландии вспыхнуло восстание за возвращение «Джеймса VIII»; якобиты сразились с силами правительства при Шериффмуре, и ни одной из сторон не удалось одержать победу. В скором времени в Шотландию приплыл сам Старший Претендент, однако ему быстро стало ясно, что дело проиграно, и он поспешно бежал обратно на континент. (Следует упомянуть, что к якобитам примкнул и знаменитый Роб Рой Макгрегор,

которого еще называют «шотландским Робин Гудом».)

Черту под якобитским движением подвело восстание 1745 года. Знаменем этого восстания был сын Старшего Претендента Чарльз Эдуард Стюарт, известный также как Молодой (или Младший) Претендент и Красавец принц Чарли, а на трон собиравшийся взойти под именем Карла III. В июле 1745 года он высадился в Шотландии, сумел заручиться поддержкой кланов и повел горцев на Эдинбург. После взятия столицы армия принца разгромила правительственные войска при Престонпэнсе — необходимо отметить, что значительную часть этих войск составляли жители Лоуленда и Пограничья, то есть не англичане воевали с шотландцами, а шотландцы бились между собой — и двинулась к Лондону. Когда же до Лондона оставался всего один переход, вожди кланов заявили, что устали воевать и хотят вернуться в горы; тем временем с континента возвратилась английская армия, принимавшая участие в войне за австрийское наследство, и «стратегическое отступление» превратилось в повальное бегство. В апреле 1746 года горцы были сметены огнем артиллерии на Куллоденском поле, и принц, посчитав, что его предали, бежал

— сначала на остров Скай, а затем в Рим. Битва при Куллодене, последнее сражение на территории острова Великобритания, завершилась полным фиаско.

После победы правительство приступило к «зачистке» Хайленда, этого постоянного источника недовольства и смут. В результате карательных операций горцев разоружили, кланы оказались под запретом, вне закона объявили как ношение традиционного костюма, так и употребление гэльского языка. Хайлендеров изгоняли из родовых гнезд и вынуждали переселяться на равнины. К концу XVIII столетия Хайленд опустел, а Шотландия вступила в новый этап своей истории — уже как неотъемлемая и «цивилизованная» часть Соединенного Королевства.

Кирилл Королев

Персональные благодарности

Мои искренние благодарности всей семье, друзьям и коллегам, которые помогли мне бесценными советами, в особенности — Крису Долану, Аллану Хантеру, Анджеле Лоринс, Барклаю Макбейну и Хью Макдональду. Сотрудники читального зала и шотландского отдела Эдинбургской центральной библиотеки неизменно оказывали мне помощь, также как работники Национальной библиотеки Шотландии, кафедры истории в Хаддингтоне и Британского музея гольфа. Спасибо также Эндрю Марру за то, что указал мне на книги Агнесс Мур Маккензи; Ричарду Демарко, Джену Леману, Конраду Уилсону, Стюарту Аллану из Национального музея Шотландии и Джеймсу Робертсону — за то, что познакомил меня с Захарией Маколеем. Джуди Мойр, мой редактор, неизменно поддерживала и вдохновляла меня, была неиссякаемым источником идей и здравых советов, а литературный редактор Хэлен Кэмпбелл была утонченно-дотошна. И больше всего я благодарю Аллана Тейлора.

Источники и разрешения

Автор выражает свою искреннюю благодарность за разрешения воспроизвести в этой книге охраняемые авторским правом материалы.

Acts of Parliament («Act against Luxury»), Acts of Parliaments of Scotland, iii, 220, c.18, quoted in *Source Book of Scottish History*, vol. I, ed. W. Croft Dickinson, Gordon Donaldson, Isabel A. Milne (Thomas Nelson and Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

Adamnan («Death of St. Columba»), from Adamnan's *Life of Columba,* quoted in *Early Sources of Scottish History AD 500–1286,* collected and translated by Alan Orr Anderson, vol. I (Paul Watkins, Stamford, 1991).

Ailred of Rievaulx («English Invective against the Scots»), from Richard of Hexham, *De Gestis Stephani,* in *Chronicles of Stephen,* vol. III, quoted in *Scottish Annals from English Chroniclers, AD 500–1286,* collected and translated by Alan Orr Anderson, vol. I (Paul Watkins, Stamford, 1991).

Allan, J. R. («A Glasgow Orange March»), from J. R. Allan, «Sketches for a Portrait of Glasgow», in *Scotland — 1938* (1938), quoted in *Glasgow Observed,* ed. Simon Berry and Hamish Whyte (John Donald,

Edinburgh, 1987).

Anderson, Iain («Scotland Win the Grand Slam»), *Scotland on Sunday,* 18 March 1990. Copyright © The Scotsman Publications Ltd.

Anglo-Saxon Chronicle («Battle between the Saxons and Northmen»), from verse passage MSS, a, b, c, d, s. a. 937, quoted in *Scottish Annals from English Chroniclers, AD 500–1286,* collected and translated by Alan Orr Anderson (Paul Watkins, Stamford, 1991).

Annals of Dunstable («The Burning of a Bishop»), from Annals of Dunstable in *Annales Monastici,* vol. III, quoted in *Scottish Annals from English Chroniclers, AD 500–1286,* collected and translated by Alan Orr Anderson, vol. I (Paul Watkins, Stamford, 1991).

Anonymous («The Death of the Maid of Norway»), Anonymous, from *The Golden Treasury of Scottish Poetry,* ed. Hugh MacDiarmid (Canongate, Edinburgh, 1993).

Anonymous («The Declaration of Arbroath»), The Declaration of Arbroath, translated from Latin by Sir James Fergusson (Edinburgh, 1970), quoted in *Scotland, an Unwon Cause*, by P. H. Scott (Canongate, Edinburgh, 1997).

Anonymous («The Execution of William Wallace»), Anonymous, translated by J. Russell from *Documents lllustrative of Sir William Wallace, His Life and*

Times, ed. Joseph Stevenson, Maitland Club, 1841. Quoted in Louise Yeoman, *Reportage Scotland* (Luath, Edinburgh, 2005).

Anonymous («The Massacre of Glencoe»), by A Gentleman in Scotland, from *Gallienus Redivivus, or Murther Will Out, &c,* 1695, reprint ed. by Ed Edmund Goldsmid (Edinburgh, 1885); letter extracts from *Source Book of Scottish History*, ed. W. Croft Dickinson, Gordon Donaldson, Isabel A. Milne, vol. I (Thomas Neljson and Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

Anonymous («The Murder of James I»), quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. I (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1946).

Anonymous («The North Berwick Witches»), *News from Scotland*, anonymous, c. 1591, quoted in *Witchcraft in Early Modem Scotland*, ed. Lawrence Normand and Gareth Roberts (University of Exeter Press, Exeter, 2000).

Anonymous («The Sale of a Wife»), from National Library of Scotland archive.

The *Argyllshire Herald* («Scavenging»), the *Argyllshire Herald*, 27 May 1859, quoted in Gavin D. Smith, The Scottish Smuggler (Birlinn, Edinburgh, 2003).

Baird, John Logie («The Invention of Television»), from *Television and Me: the Memoirs of John Logie*

Baird, ed. Malcolm Baird (Mereat Press, Edinburgh, 2004). Reprinted with kind permission of the publishers.

Balcarres,
Colin, Earl of («The Battle of Killiecrankie»), *The Earl of Balcarres, Memoirs Touching the Revolution in Scotland, M.DC.LXXXVIII-M.DCXC, e*d. Alexander W. C. Lindsay (Bannatyne Club, Edinburgh, 1841).

Bald, Robert («Conditions in the Mines»), from Robert Bald, *A General View of the Coal-Trade of Scotland, chiefly that of the River Forth and Mid-Lothian, to which is added an inquiry into the condition of these women who carry coals under ground in Scotland* (Edinburgh, 1808).

Barbour, John («The Battle of Bannockburn»), John Barbour, *Barbour's Bruce: «A freedom is a noble thing»*, ed. Matthew P. McDiarmid, James A. C. Stevenson (Scottish Text Society, 1980).

Baston, Robert («The Battle of Bannockburn: an Englishman's View»), from *Metrum de proelio apud Bannockburn*, translated from Robert Baston's Latin by Edwin Morgan (The Scottish Poetry Library with Akros Publications and Mariscat Press, Edinburgh, 2004). Reprinted by permission of the publishers.

Baur, Chris («The Pope Visits Scotland»), the *Scotsman*, 2 June 1982. Copyright © The Scotsman

Publications Ltd.

Beerbohm, Max («The Opening of Peter Pan»), from the *Saturday Review*, 7 January 1905, quoted in Rupert Hart-Davis, *Around Theatres, London* (Granada Publishing Ltd, London, 1953).

Bell, Alexander Graham («The Invention of the Telephone»), from Helen Elmira Waite, *Make ajoyful Sound* (Macrae Smith Company, 1961), quoted in *A Scottish Postbag*, ed. George Bruce and P. H. Scott (W. & R. Chambers, Edinburgh, 1986).

Bell, Ian («The Scottish Parliament Reconvenes»), Ian Bell, in *Whata State! Is Devolution for Scotland the End of Britain*? ed. Alan Taylor (HarperCollins, London, 2000). Copyright © The Scotsman Publications.

Birrel, Robert («Grammar School Mutiny»), Robert BirrePs diary, quoted in *Scottish Diaries and Memoirs, 1550–1746*, ed J. G. Fyfe (Stirling, 1927).

Blind Harry («The Rise and Fall of William Wallace»), Blind Harry, *The Wallace*, ed. Anne McKim (Canongate, Edinburgh, 2003).

Bold, Alan («The Death of Hugh MacDiarmid»), from Alan Bold, *MacDiarmid* (John Murray, London, 1988). Reproduced by permission of the publisher.

Boswell, James («A Scot Meets Voltaire»), from James Boswell, *Boswell on the Grand Tour*, ed. Frederick A. Pottle (1953), quoted in *The Oxford Book of Literary*

Anecdotes, ed. James Sutherland (OUP, Oxford, 1975).

Boswell, James («Dr Johnson Arrives in Scotland»), from James Boswell, *Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson LLD, 1786*, ed. Peter Levi (Folio Society, London, 1990).

Boyd, William («Gordonstoun School»), from William Boyd, *Bamboo: Nonfiction 1978–2004* (Hamish Hamilton, London, 2005). Reprinted with permission by Penguin.

Boyle, Jimmy («Prison»), from Jimmy Boyle, *A Sense of Freedom* (Pan/ Canongate, London/Edinburgh, 1977). Reprinted with permission by Pan Macmillan.

Bradley, Edward («Abbotsford, the Tourist Trap»), from Cuthbert Bede [Bradley's pseudonym], *A Tour in Tartan-Land* (Richard Bentley, London, 1863).

Brereton, Sir William («A Visitor's Impression of Edinburgh»), from Sir William Brereton's account of Edinburgh in 1636, quoted in *Early Travellers in Scotland*, ed. P. Hume Brown (Edinburgh, 1892).

Brown, George Mackay («Porridge»), from George Mackay Brown, *Rockpools and Daffodiis: An Orcadian Diary 1979–1991* (Gordon Wright, Edinburgh, 1992). Copyright © George Mackay Brown 1992. Reprinted with permission by Steve Savage Publishers Ltd.

Buchanan, George («The Habits of Highlanders»), George Buchanan, found in *Early Descriptioris of*

Scotland, from *Rerum Scoticarum Historia, 1582*, trans. James Aikman (Blackie, Fullarton & Co., Edinburgh, 1827).

Campbell, Colonei Archibald («The American Independence War»), from J. P. Maclean, *A Historical Account of the Settlements of Scotch Highlanders in America, prior to the peace of 1783* Gohn Mackay, Cleveland and Glasgow, 1900).

Carey, Robert («The Union of the Crowns»), from *The Stirring World of Robert Carey: Robert Carey's Memoirs, 1577–1625 (www.RippingYams.com*, 2005).

Carlyle, Reverend Alexander («The Porteous Riot», «The Battle of Prestonpans», «Taking a Play to London»), from The *Autobiography of Dr Alexander Carlyle of Inveresk 1722–1805*, ed. John Hili Burton (1990, Thoemmes Antiquarian Books Ltd, Bristol).

Carlyle, Jane («Thomas Carlyle's Tax Return»), from *Letters and Memorials of Jane Welsh Carlyle,* ed. J. A. Froude (1883), quoted in *The Oxford Book of Literary Anecdotes*, ed. James Sutherland (OUP, Oxford, 1975).

Carnegie, Andrew («Andrew Carnegie Shows an Early Interest in Libraries»), from Joseph Frazier Wall, *Andrew Carnegie* (OUP, Oxford, 1970).

Carswell, Catherine («Burns's Halo Is Tarnished»), from letter, 23 September 1930, British Library Add. MS 48 975, no. 174, quoted in *Opening the Doors: The*

Achievement of Catherine Carswell, ed. Carol Anderson (Ramsay Head Press, Edinburgh, 2001).

Childe, Professor Vere Gordon («Discovering Skara Brae»), the *Glasgow Herald,* 17 August 1929.

The Chronicle of Lanercost («Church Corruption» and «The Death of Alexander III»), *Chronicle of Lanercost,* translated by Sir Herbert Maxwell, from *Scottish Historical Review,* vol. VI (Glasgow, 1909).

Churchill, Winston («Churchill on the Eve of Defeat»), quoted in Martin Gilbert, *World in Torment, Winston S. Churchill 1917–1922* (William Heinemann, London, 1975).

Cockburn, Henry («The Historical Novel Is Born», «The Scotsman Is Launched», «Reminiscences of Edinburgh Life»), from Henry Cockburn, *Memorials of His Time* (Robert Grant & Son, Edinburgh, 1856, revised and abridged ed. 1945).

Collin, George («The Eyemouth Fishing Disaster»), the *Scotsman,* 17 October 1881.

Collum, Miss V. C. C. («A Hospital on the Western Front»), quoted in Eileen Crofton, *The Women of Royaumont: A Scottish W omen's Hospital on the Western Front* (Tuckwell Press, Edinburgh, 1997). Extract reproduced by permission of Birlinn Ltd (www.birlinn.co.uk).

Connolly, Billy («Glasgow's Cultural Credentials Are

Recognized»), from Billy Connolly, *«I'm telling ye, we're the Big Yin of arts»,* in the *Sunday Times*, 26 October 1986, quoted in *Glasgow Observed,* ed. Simon Berry and Hamish Whyte (John Donald, Edinburgh, 1987).

Craig, James («Highland Emigration»), from *Eight Letters on the Subject of the Earl of Selkirk's Pamphlet on Highland Emigration, by Amicus (James, Gordon of Craig, advocate), as appeared in one of the Edinburgh Newspapers* (Edinburgh, 1806).

Crawford, Marion («The Queen's Governess»), from Marion Crawford, *The Little Princesses, The Story of the Queen's Childhood, by Her Governess* (Orion, London, 2002).

Creech, William («Twenty Years of Dramatic Change»), from *The First and Second Statistical Accounts of Edinburgh* (West Port Books, Edinburgh, 1998).

Cromwell, Oliver («The Battle of Dunbar»), from *Oliver Cromwell, Cromwell's Letters and Speeches, with elucidation by Thomas Carlyle* (Chapman & Hali, London, 1889–1891).

Gumming, Janet; Allen, Janet; Johnson, Jane; Hogg, Isabel; Watson, Jane Peacock («Testimony of Coal Workers»), from *Children's Employment Commission, 1840*, quoted in Lillian King, *Sair, Sair Work: Women and Mining in Scotland* (Windfall Books, Kelty, 2001).

Cunningham, Allan («Henry Raeburn»), from John Brown, MD, *Horae Subsecivae,* 3rd series (Adam and Charles Black, Edinburgh, 1882).

The *Daily Telegraph* («Prince Charles and the Cherry Brandy»), the *Daily Telegraph*, 20 June 1963.

Defoe, Daniel («The Run-up to the Union of the Scottish and English Parliaments»), from Paul H. Scott, *Daniel Defoe, Defoe in Edinburgh and Other Papers* (Tuckwell Press, Edinburgh, 1995); Stirling Town Council, Perth and Kinross Council Archives, Perth Burgh Records, B 59/34/17/3, quoted in *Modem Scottish History 1707 to the Present* Vol. 5 Major Documents, ed. Anthony Cooke, Ian Donnachie, Ann MacSween, Christopher A. Whatley (Tuckwell Press, Edinburgh, 1998); and George Lockhart of Carnwath, memoir, quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. III (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1949).

Defoe, Daniel («The Aftermath of the Union of Parliaments»), from Daniel Defoe, *A Tour through Scotland, in A Tour through the Whole Island of Great Britain* (London, 1724–1727).

Demarco, Richard («Sean Connery: a Lifetime's Perspective»), by Richard Demarco, a memoir written for this book.

Devine, Professor Тот, quoted in the *Sunday Herald*, 6 May 2002.

Dickson, Sergeant-Major («The Battle of Waterloo»), from «Account by Sergeant-Major Dickson», from *Chambers's Journal*, 6th series, 19 January 1907.

Dods, Meg («The Recipe for Haggis»), from Mistress Margaret Dods of the Cleikum Inn, St Ronans, *The Cook and House wife's Manual* 1826, quoted in F. Marian McNeill, *The Scots Kitchen* (Blackie & Son Ltd, London, 1929).

Douglas, David («The Search for the Sugar Pine»), from *Douglas of the Forests: The North American Journals of David Douglas,* ed. John Davies (Paul Harris Publishing, Edinburgh, 1980).

Doyle, Sir Arthur Conan («The Origins of Sherlock Holmes»), from Arthur Conan Doyle, *Memories & Adventures* (OUP, Oxford, 1989).

Drummond, William of Hawthornden («Ben Jonson Walks to Scotland»), William Drummond of Hawthornden, from R. F. Patterson, *Ben Jonson's Conversations with Drummond of Hawthornden* (Blackie & Son Ltd, London, 1923).

Durland, Kellogg («Down the Mine in Fife»), from Kellogg Durland, *Among the Fife Miners* (Sonnenschein, London, 1904).

The *Edinburgh Evening News* («Eric Liddell Wins Gold at the Olympics»), the *Edinburgh Evening News*, quoted in Sally Magnusson, *The Flying Scotsman*

(Quartet, London, 1981).

Ewing, Winnie («The SNP Take Their Second Seat at Parliament»), from *Stopthe World, The Autobiography of Winnie Ewing, ed.* Michael Russell (Birlinn, Edinburgh, 2004). Extract reproduced by permission of Birlinn Ltd (www.birlinn.co.uk).

Farquharson, Kenny («*Trainspotting*»), *Scotland on Sunday*, 8 August 1993. Copyright © The Scotsman Publications Ltd.

Forbes, Robert («The Aftermath of Culloden»), from Robert Forbes, *Jacobite Memoirs of the Rebellion of 1745*, ed. Robert Chambers (Edinburgh, 1834).

Froissart, Jean («The Auld Alliance»), Froissart's Chronicle, ii, chs. 2, 3, in P. Hume Brown, *Early Travellers in Scotland*, quoted in *Source Book of Scottish History*, vol. I, ed. W. Croft Dickinson, Gordon Donaldson, Isabel A. Milne (Thomas Nelsori and Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

Gall, George M. («On Manoeuvre with the Home Guard»), winning entry in the competition run in the *Herald* for the paperback edition. of *Scotland: The Autobiography.* Published in the *Herald*, December 2007.

Gardner, Robert («The First Scottish Football Match»), quoted in *Glasgow Observedy* ed. Simon Berry and Hamish Whyte (John Donald, Edinburgh,

1987).

Garioch, Robert («Prisoner of War»), from Robert Garioch, *Two Men and a Blanket: A Prisoner of War's Story* (Southside, Edinburgh, 1975).

Gervase of Canterbury («Religious Houses»), from *Mappa Mundi*, vol. II, quoted in *Scottish Annals from English Chroniclers*, collected and translated by Alan Orr Anderson, vol. I (Paul Watkins, Stamford, 1991).

The *Glasgow Herald* («Glasgow Rent Strike», «Sectarian Anxieties», «The Evacuation of St Kilda»), from the *Glasgow Herald*, 28 and 29 September; 29 October 1915; 30 May 1923; 30 August, 1930.

The *Glasgow Herald («The* Clydebank Blitz»; «Rudolf Hess Crash-lands in Scotland»; «The Ibrox Disaster»), from the *Glasgow Herald*, 22 March and 13 May 1941; 3 January 1971. The *Glasgow Herald*, Copyright © Newsquest (Herald & Times).

Glasser, Ralph («The Hungry Prostitute»), from Ralph Glasser, *Growing Up in the Gorbals* (Chatto & Windus, London, 1986). Permission granted by David Higham Associates Limited.

Gould, Lt-Commander R. T., RN (Retired) («The Loch Ness Monster»), The *Times*, 9 December 1933.

Gow, Alexander («The Battle of the Braes»), from the *Dundee Advertiser*, in Donald MacLeod, *Gloomy Memories of the Highlands*, Letter VII, quoted in

Alexander Mackenzie, *The History of the Highland Clearances* (Mereat Press, Edinburgh, 1991).

Grahame, Kenneth («The Early Adventures of Toad»), from Patrick R. Chalmers, *Kenneth Grahame: Life, Letters and Unpublished Work* (Methuen, London, 1933).

Gray, Muriel («Munro-bagging»), from Muriel Gray, *The First Fifty: Munro-bagging without a Beard* (Mainstream, Edinburgh, 1991). Reproduced by permission of the publisher.

The *Greenock Advertiser (*«Cholera Epidemic»), the *Greenock Advertiser,* 9 March 1832.

Gunn, Walter («A Missionary Visits Greenock»), from Walter Gunn, Missionary, *Sketches of the Sanitary and Social Condition of Greenock* (Greenock 1865).

Guthrie, Tyrone («The Second Edinburgh Festival»), from Tyrone Guthrie, *A Life in Theatre* (Columbus, London, 1987). Reproduced by kind permission of the Wylie Agency (UK) Ltd.

Hamilton, Ian («Stealing the Stone of Destiny»), from I. R. Hamilton, *The Taking of the Stone of Destiny* (Lochar, Colonsay, 1991). Reproduced with permission of the author.

Hardie, Keir («Keir Hardie Elected as First Labour MP»), from *Keir Hardie's Speeches and Writings from 1888 to 1915*, 4th edn, ed. Emrys Hughes (Forward

Printing and Publishing Company, Glasgow, 1927).

Hare, William («The Trial of Burke and Hare»), from *Edinburgh Courant*, quoted in *Burke & Hare: the Resurrection Men*, ed. Jacques Barzun (The Scarecrow Press, Metuchen, NJ, 1974).

Henderson, Hamish («Jimmy MacBeath, Kingof the Cornkisters»), from Hamish Henderson, *Alias MacAlias: Writings on Songs, Folk and Literature* (Polygon, Edinburgh, 1992). Extract reproduced by permission of Polygon, an imprint of Birlinn Ltd (www.birlinn.co.uk).

Hili, David Octavius («The Origins of Photography»), from NLS MS Acc. 7967/1, quoted in *A Scottish Postbag*, ed. George Bruce and P. H. Scott (W. & R. Chambers, Edinburgh, 1986).

Hume, David («The Wealth of Nations»), from *The Correspondence of Adam Smith*, ed. Ernest Campbell Mossner and Ian Simpson (Oxford, 1977).

Hunter, A. («Travelling Conditions for Emigrants»), from Testimony of A. Hunter, WS on 10 April 1827, Report of the Select Committee appointed to inquire into the Expediency of encouraging Emigration from the United Kingdom, Parliamentary Papers V 1826–291-2, quoted in *Modem Scottish History, 1707 to the Present: Vol 5, Major Documents*, ed. Anthony Cooke, Ian Donnachie, Ana Macsween, Christopher A.

Whatley (Tuckwell Press, Edinburgh, 1998).

Hutton, James («The Age of the Earth Is Proved by James Hutton»), quoted in Donald B. Mclntyre and Alan McKirdy, *James Hutton: The Founder of Modem Geology* (NMS Publishing, Edinburgh, 2001).

The *Invemess Courier* («Rioting in Caithness»), *Invemess Courier*, 3 March 1847, found in H. Noble, *The Potato Famine in the Highlands, 1846–1849* (pamphlet).

James I, James II and James III («Acts of Parliament»), quoted in *Scotland Before 1700 from Contemporary Documents*, ed. P. Hume Brown (David Douglas, Edinburgh, 1893).

James VI and I («The Evils of Tobacco»), James VI, *Counterblaste to Tobacco*, 1604, quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. II (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1948).

Jenkins, Simon («James Kelman Wins the Booker Prize»), *The Times*, 15 October 1994.

John of Fordun («Bird Flu, or Similar» and «The Black Death»), from John of Fordun, *Chronicle of the Scottish People*, translated from Latin by Felix J. H. Skene, from *Historians of Scotland*, vol. VI (Edinburgh, 1872).

Johnson, Samuel («A Visitor's Impressions of Scotland»), from Samuel Johnson, *Joumey to the*

Western Islands of Scotland (1775), ed. Peter Levi (Folio Society, London, 1990).

Ker of Gradyne, Colonel («The Battle of Culloden»), Colonel Ker of Gradyne quoted in Robert Forbes *Jacobite Memoirs of the Rebellion of 1745*, ed. Robert Chambers (Edinburgh, 1834).

Knox, John («The Burning of George Wishart», «The Murder of Cardinal David Beaton», «John Knox Apologizes to Queen Elizabeth I», «Mary, Queen of Scots, Arrives in Scotland»), from John Knox, *A History of the*

Reformation, vol. II, quoted in *Source Book of Scottish History,* vol. I, ed. W. Croft Dickinson, Gordon Donaldson, Isabel A. Milne (Thomas Nelson & Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

Lauder, Harry («Unknown Comedian Tries His Luck in London»), from Harry Lauder, *Roamin' in the Gloamin'* (1928). Reproduced by kind permission of Elizabeth Hamilton.

Lavery, John («Saxpence in ma claes, ninepence in ma skin»), from Sir John Lavery, *The Life of a Painter* (1940), quoted in *Glasgow Observed,* ed. Simon Berry and Hamish Whyte (John Donald, Edinburgh, 1987).

Law, Denis («The Flodden of Football»), from Denis Law, with Bernard Bale, *The Lawman: an Autobiography* (Andre Deutsch, London, 1999).

Copyright © Denis Law.

Lawrie, Dr W. L. («Streets of Sewage»), from Reports of the Sanitary Condition of the Labouring Population of Scotland (London, 1842).

Levison (nee Lusk), Mary («Petition for Women to Become Ministers in the Church of Scotland»), from Mary Levison, *Wrestling with the Church* (Arthur James, London, 1992).

Livingstone, David («Dr Livingstone Is Found by Henry Morton Stanley»), from *The Last Journals of David Livingstone, in Central Africa, from 1865 to his Death,* Vol II (London, 1880).

Livingstone, John («The National Covenant»), from John Livingstone, *The Diary of a Covenanting Minister 1626–1667* (Wigtown District Museum Service, 1993).

Lockhart, John Gibson («George IV Visits Scotland»), quoted in *The Oxford Book of Literary Anecdotes,* ed. James Sutherland, (OUP, Oxford, 1975).

The Lord Treasurer of England («Border Reivers Defy Capture»), from *Calendarof Border Papers,* ed. Joseph Bain (HM General Register House, Edinburgh, 1894).

Macaulay, Zachary («A Jamaican Sugar Plantation»), from *Life and Letters of Zachary Macaulay,* by his granddaughter Viscountess Knutsford (London, 1900).

McBain, Barclay («The Lockerbie Disaster»), the *Herald*, 23 December 1988. The *Herald*, Copyright © Newsquest (Herald & Times).

MacCaig, Norman («A Conscientious Objector»), quoted in *Voicesfrom War: Personal Recollections of War in Our Century by Scottish Men and Women*, ed. Ian MacDougall (Mereat Press, Edinburgh, 1995). Reprinted by kind permission of the publishers.

Macdonald, Ethel («The Spanish Civil War»), from *Barcelona Bulletin*, quoted in Rhona M. Hodgart, *Ethel MacDonald: Glasgow Woman Anarchist* (Kate Sharpley Library, London, 1995). Reproduced with kind permission of Rhona Hodgart and the publisher.

Macdonald, John («Jacobite Orphans»), from John Macdonald, *Memoirs of an Eighteenth-century Footman* (Century, London, 1985).

McGahey, Mick («The Minere' Strike»), quoted in *Miners 1984–1994: A Decade of Endurance*, ed. Joe Owens (Polygon, Edinburgh, 1994). Reproduced by permission of Polygon, an imprint of Birlinn Ltd (unvw.bir linn.co.uk).

McGonagall, William («The Tay Railway Bridge Disaster»), from William McGonagall, *Poetic Gems* (Duckworth, London, 1989).

Mcllvanney, Hugh («Celtic Win the European Cup»), from Hugh Mcllvanney, *Mcllvanney on Football*

(Mainstream, London, 1994). Copyright © Guardian Newspapers Limited, 1967.

Mackenzie, Henry («Robert Burns Is Hailed as a Genius»), from *The Lounger,* quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. 3 (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1949).

McLean, Reverend («The Disruption of the Church of Scotland»), from Rev. Thomas Brown, *Annals of the Disruption* (Macniven & Wallace, Edinburgh, 1876–1884).

MacLeod, Donald («The Sutherland Clearances» and «Sutherland after the Clearances»), from Donald MacLeod, *Gloomy Memories of the Highlands*, Letter VII, quoted in Alexander Mackenzie, *The History of the Highland Clearances* (Mereat Press, Edinburgh, 1991).

McLevy, James («An Edinburgh Detective at Work»), from James McLevy, *McLevy Retums: Further Disclosures of the Edinburgh Detective* (Mereat Press, Edinburgh, 2002).

Major, John («A Paen to Oatcakes»), from John Major, *A History of Greater Britain as well England as Scotland*, 1521, translated from Latin by Archibald Constable (Scottish History Society, Edinburgh, 1892).

Martin Martin («A GaePs View of the Islands»), from Martin Martin, *A Description of the Western Islands of*

Scotland circa 1695, ed. Donald Monro (Mereat Press, Edinburgh, 1999).

Mary, Queen of Scots («Mary, Queen of Scots, Appeals to Elizabeth I for Help» and «The Morning of Mary, Queen of Scots's Execution»), quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. II (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1948).

Maxwell, Fordyce («The Dunblane Massacre»), Fordyce Maxwell, the *Scotsman*, 16 March 1996. Copyright © The Scotsman Publications Ltd.

Medical Officers of Perth and Barlinnie prisons («Force-feeding Suffragettes»), from National Archives of Scotland, HH5 5/327.

Melville, James («Schooldays»), Memoirs of James Melville, quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. II (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1948).

Melville, Sir James («The Murder of Riccio»), Sir James Melville, quoted in *Scottish Diaries and Memoirs 1550–1746*, ed. J. G. Fyfe (Stirling, 1927).

Mendelssohn, Felix Bartholdy («Mendelssohn Visits Scotland»), from *Felix Mendelssohn: A Life in Letters*, ed. Rudolf Elvers, translated from German by Craig Tomlinson (Fromm International Publishing Corporation, New York, 1986).

Mill,
Reverend John («Superstition and Punishment»),

from *The Diary of the Reverend John Mill, minister of the parishes of Dunrossness, Sadmck and Cunningsburgh in Shetland, 1740–1803* (Edinburgh, 1889).

Mitchell, Joseph («Law and Justice in the Highlands» and «Railway Mania»), from Joseph Mitchell, *Reminiscences of My Life in the Highlands*, vols I and II (London, 1883–1884).

Moryson, Fynes («The Scottish Diet»), Fynes Moryson, in *Early Travellers in Scotland*, ed. P. Hume Brown (David Douglas, Edinburgh, 1891).

Muir, Edwin («Edinburgh and Its Street Girls»), from Edwin Muir, *Scottish Journey* (Mainstream, Edinburgh, 1979). Reprinted with permission by the publisher.

Muir, Thomas («The Trial of „the Pest of Scotland“»), from *The Trial of Thomas Muir, younger, of Huntershill, Before the High Court of Justiciary, at Edinburgh, on the 30th and 31st Days of August, 1793* (London, 1793).

Myles, James («Child Worker in a Dundee Factory»), from James Myles, *Chapters in the Life of a Dundee Factory Boy* (Dundee, 1850).

Nithsdale, the Countess of («A Jacobite Escapes from the Tower of London»), from Genuine Account of the Escape of Lord Nithsdale written by the Countess of Nithsdale, to her sister, Lady Lucy Herbert, Abbess of the Augustine Nuns, of Bruges (National Library of

Scotland, manuscript archive).

Obree, Graeme («The Flying Scotsman breaks the World Hour Re-cord»), from Graeme Obree, *Flying Scotsman, the Graeme Obree Story* (Birlinn, Edinburgh, 2003). Extract reproduced by permission of Birlinn Ltd (www.birlinn.co.uk).

Owen, Robert («An Experiment in Humanity»), from Report of Minutes of Evidence Taken by the Select Committee on the State of the Children Employed in the Manufactories of the United Kingdom (Parliamentary Papers, vol. 3,1816), quoted in *Scottish Voices, 1745–1960*, eds. T. C. Smout and Sydney Wood (William Collins and Sons, London, 1990).

Paris, Matthew («Viking Invaders»), from Matthew Paris, *Chronica Majora*, vol. I, quoted in *Scottish Annals from English Chroniclers, AD 500–1286*, collected and translated by Alan Orr Anderson (Paul Watkins, Stamford, 1991).

Park, Mungo («African Exploration»), from Mungo Park, *Travels in the Interior Districts of Africa* (London, 1799), quoted in *The Oxford Book of Exploration*, ed. Robin Hanbury-Tenison (OUP, Oxford, 1993).

Patrick, James («A Glasgow Gang»), from James Patrick, *A Glasgow Gang Observed* (Eyre Methuen, London, 1973),

Petrie, Reverend Adam («Manners»), from *Rules of*

Good Deportment, or of Good Breeding for the Use of Youth (Edinburgh, 1720), in *The Works of Adam Petrie, the Scotish [sic] Chesterfield* (Edinburgh, 1877).

Playfair, John («The Age of the Earth Is Proved by James Hutton»), quoted in Donald B. Mclntyre and Alan McKirdy, *James Hutton: The Founder of Modem Geology* (NMS Publishing, Edinburgh, 2001).

Pollock, Thomas («Smallpox»), from *The Statistical Account of Scotland 1791–1799:* Vol. VI Ayrshire (parish of Kilwinning), ed. Sir John Sinclair quoted in *Modem Scottish History 1707 to the Present: Vol. 5 Major Documents*, ed. Anthony Cooke, Ian Donnachie, Ann MacSween, Christopher A. Whatley (Tuckwell Press, Edinburgh, 1998).

Porte, Isa («Rape»), quoted in *Voices from the Hunger Marches,* ed. Ian MacDougall (Polygon, Edinburgh, 1990). Extract reproduced by permission of Polygon, an imprint of Birlinn Ltd (www.birlinn.co.uk).

The Presbytery of Glasgow («No Pipe-playing on Sundays»), the Presbytery of Glasgow, Kirk Session of Glasgow, 1573, quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. II (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1948).

Rafferty, John («Scotland Beats the English World Cup Team»), the *Scotsman*, 17 April 1967. Copyright © The Scotsman Publications Ltd.

Register of the Privy Council («The First New Year's Day»), the Privy Council of Scotland, 1599, quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. II (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1948).

Register of the Privy Council («A Good Use for the Plantations»), Register of the Privy Council, 3rd series, ii, quoted in *Source Book of Scottish History*, vol. I, ed. W. Croft Dickinson, Gordon Donaldson, Isabel A. Milne (Thomas Nelson and Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

Reid, Jimmy («The Upper Clydeside Shipyards' Work-in»), from «The UCS Campaign», in Jimmy Reid, *Reflections of a Clyde-Built Man*, ed. Ruth Wishart (Souvenir Press, London, 1976). Reprinted by permission of the publisher.

Robertson, James («The Day They Buried Princess Diana»), an extract from his essay «Six Deaths, Two Funerals, a Wedding and a Divorce», first published in *Scotland into the New Era* (Canongate, Edinburgh, 2000). Reproduced by permission of the author.

Rosie, George («The Big Yin»), George Rosie, «King Billy», in the *Sunday Times*, 23 February 1975.

Rosie, George, quoted in the *Scottish Review of Books*, Vol. 3, No. 2,2007.

Royle, Trevor and Taylor, Alan («The Death of Donald Dewar»), the *Sunday Herald*, 11 October 2000. *Sunday Herald*, Copyright © Newsquest Ltd (Herald

& Times).

Russell, James («Murder of Archbishop Sharp»), in James Kirkton, *Secret and True History of the Church of Scotand*, ed. C. K. Sharpe (Edinburgh, 1817), Appendix: Russell's Account of the Murder of Archbishop Sharp.

Ruthall, Thomas («Battle of Flodden»), from Facsimiles of National MSS [of Great Britain], 11, nos 4 and 5, quoted in *Source Book of Scottish History*, vol. I, ed. W. Croft Dickinson, Gordon Donaldson, Isabel A. Milne (Thomas Nelson and Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

St Fond, B. Faujais («A Bagpipe Competition»), quoted in *The Land Out There, a Scottish Land Anthology*, ed. George Bruce, with Frank Rennie (AUP, Aberdeen, 1991).

Salmond, Alex («The SNP Come to Power»), quoted in the *Sunday Herald*, 6 May 2007.

Scotichronicon («English Fashion»), from Walter Bower, *Scotichronicon*, c. 39, ii, 34–83, quoted in Walter Bower, *A History Book for Scots*, *Selections from* Scotichronicon, ed. D. E. R. Watt (Mereat Press, Edinburgh, 1998). Reprinted by kind permission of the publisher.

The Scots Magazine («The New Town Is Conceived»), from *The Scots Magazine*, August 1767.

The *Scotsman* («Mayhem at Musselburgh Golf Match»), from the *Scotsman*, 23 and 25 April 1870.

The *Scotsman* («Benny Lynch Retains His Triple Crown»; «Nudity at the Edinburgh Festival»; «Scotland Beats the English World Cup Team»; «Allan Wells Wins Olympie Gold»; «The Poli that Put Gordon Brown out of the Leadership Race»), from the *Scotsman*, 13 October, 1937; 9 September 1963; 26 July 1980; 26 May 1994. Copyright © The Scotsman Publications Ltd.

Scott, Sir Walter («Robert Burns Meets Walter Scott»), quoted in *From Scenes Like These: Scottish Anecdotes and Episodes*, ed. David Ross (Birlinn, Edinburgh, 2000).

Scott, Sir Walter («The Ossian Fraud»), from *The Letters of Sir Waiter Scott*, vol. IX, ed. H. J. C. Grierson (London, 1932–1937), quoted in *A Scottish Postbag*, ed. George Bruce and P. H. Scott (W. & R. Chambers, Edinburgh, 1986).

Scottish Ecclesiastical Statutes («Guidelines for the Clergy»), from *Ecclesiae Scoticanae Statuta tam Provincialia quam Synodalia quae Supersunt*, quoted in *Scotland before 1700 from Contemporary Documents*, ed. P. Hume Brown (David Douglas, Edinburgh, 1893).

Simpson,
James («Experimenting with Chloroform»), from J.

Duns, *Memoir of Sir James Y. Simpson, Bart* (Edinburgh, 1873).

Slessor, Mary («Mary Slessor's Campaign to Save Babies»), from W. P. Livingstone, *The White Queen* (Hodder & Stoughton, London, 1931).

Smellie, William (*«TheEncyclopaedia Britannica*»), from *Encyclopaedia Britannica, or, a Dictionary of Arts and Sciences, compiled upon a new plan*, vol. 1, 1773.

Smith, Adam («Death of David Hume»), from *The Correspondence of Adam Smith*, ed. Emest Campbell Mossner and Ian Simpson (Oxford, 1977).

Smith, David («Life at the Front in France»), from «Memories of my life as.a soldier and prisoner of war during the Great War 1914–1918», the unpublished diary of Private David Smith, 5th and 7th Battalions Seaforth Highlanders, National Museums Scotland, M. 1969. 19. Courtesy of the trustees National Museums Scotland.

Somerville,
Alexander («Radicals in the Playground»), from Alexander Somerville, *The Autobiography of a Working Man* (1848).

Spark, Muriel («The Origins of Missjean Brodie»), from Muriel Spark, Curriculum Vitae (Constable, London, 1992). Permission granted by David Higham Associates Limited.

Stevenson, Robert («Building the Bell Rock Lighthouse»), from Robert Stevenson, *An Account of the Bell Rock Lighthouse* (Constable, London, 1824).

Stevenson, Robert Louis («*Treasure Island*»), from Robert Louis Stevenson, «My First Book», in Robert Louis Stevenson, *The Lantem Bearers and other essays*, ed. Jeremy Treglown (Chatto & Windus, London, 1988).

Stobo, Reverend Archibald («The Darien Venture»), Rev. Archibald Stobo, Darien Letters, from the Spencer Collection, Glasgow University Library (Glasgow College Press, 1971).

The Strike Bulletin («Red Clydeside Erupts»), from *The Strike Bulletin, Organ of the 40 Hours Movement,* 1 February 1919.

Tacitus («Agricola Sails around Scotland»), from Tacitus's *Life of Agricola,* quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant* (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1946).

Taylor, James («The Scuttling of the German Grand Fleet at Scapa Flow»), quoted in Dan van der Vat, *The Grand Scuttle: the Sinking of the German Fleet at Scapa Flow in 1919* (Birlinn, Edinburgh, 1997).

The Times («The Sinking of the *Arandora Star*»), *The Times*, 4 and 5 July 1940.

Victoria, Queen («Victoria and Albert at Balmoral»),

from *Queen Victoria*s HighlandJoumals*, ed. David Duff (Webb and Bower, Exeter, 1980).

Walker, Patrick («Famine»), from Patrick Walker, *Biographia Presbyteriana,* ii, quoted in *Source Book of Scottish History*, vol. I, ed. W. Croft Dickinson, Gordon Donaldson, Isabel A. Milne (Thomas Nelson and Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

Watt, Christian («The Mental Asylum»), from *The Christian Watt Papers*, ed. David Fraser (Paul Harris, Edinburgh, 1983).

Watt, James («The Invention of the Steam Engine»), from *Partners in Science: Letters of James Watt and Joseph Black*, ed. Eric Robinson and Douglas MeKie (Constable, London, 1971).

Weld, Charles Richard («Fish Gutters» and «The Glorious Twelfth»), from Charles Richard Weld, *Two Months in the Highlands* (London, 1860).

William of Malmesbury («The King of Scots Insults the English King»), from William of Malmesbury, *Gesta Regum*, vol. I, quoted in *Scottish Annals from English Chroniclers, AD 500–1286*, collected and translated by Alan Orr Anderson, vol. I (Paul Watkins, Stamford, 1991).

William of Newburgh («Capture of William I by the English»), from *Historia Rerum Anglicarum*, in *Chronicles of Stephen*, vol. I, pp. 183–185, quoted in

Scottish Annals from English Chroniclers, collected and translated by Alan Orr Anderson, vol. I (Paul Watkins, Stamford, 1991).

Williamson, Duncan («The Travelling Family»), from Duncan Williamson, *The Horsieman: Memories of a Traveller (*Canongate, Edinburgh, 1994).

Wilmut, Professor Ian («Dolly the Sheep»), from Ian Wilmut and Roger Highfield, *Af ter Dolly: The Uses and Misuses of Human Cloning* (Little, Brown, London, 2006). Reproduced by permission of Little, Brown.

Wilson, John («Among the Residents of Black Houses»), from John Wilson, *Tales and Travels of a School Inspector: In the Highlands and Islands at the End of the Nineteenth Century* (reprinted 1998 and 2006, Acair Ltd, Isle of Lewis).

Wingfield, Robert («The Execution of Mary, Queen of Scots»), in the Hon. Mrs Maxwell Scott, *The Tragedy of Fotheringay* (Edinburgh, 1905), quoted in Agnes Mure Mackenzie, *Scottish Pageant*, vol. II (Oliver & Boyd, Edinburgh, 1948).

Избранная библиография

Anderson, Alan Orr, *Early Sources of Scottish History AD 500–1286,* vol. I (Paul Watkins, Stamford, 1991).

Anderson, Alan Orr, *Scottish Annals from English Chroniclers, AD 500–1286* (Paul Watkins, Stamford, 1991), pp. 71–73.

Baird, Malcolm, ed., *Television and Me: the Memoirs of John Logie Baird* (Mereat Press, Edinburgh, 2004).

Balcarres, Colin, Earl of Balcarres, *Memoirs Touching the Revolution in Scotland* (Bannatyne Club, Edinburgh, 1841).

Bald, Robert, *A General View of the Coal-Trade of Scotland* (Edinburgh, 1808).

Barzun, Jacques, ed., *Burke & Hare: the Resurrection Men* (Scarecrow Press, Metuchen, NJ, 1974).

Bede, Cuthbert, *A Tour in Tartan-Land* (Richard Bentley, London, 1863).

Berry, Simon and Whyte, Hamish, eds., *Glasgow Observed* (John Donald, Edinburgh, 1987).

Bold, Alan, *MacDiarmid: Christopher Munay Grieve, A Cntical Biography* (John Murray, London, 1988).

Boswell, James, *The Journal of a Tour to the Hebrides* (Folio Society, London, 1990).

Bower, Walter, *A History Book for Scots, Selections from «Scotichronicon»,* ed. D. E. R. Watt (Mereat Press, Edinburgh, 1998).

Boyle, Jimmy, *A Sense of Freedom* (Pan and Canongate, London and Edinburgh, 1977).

Brodie, Alexander, ed., *The Scottish Enlightenment, An Anthology* (Canongate, Edinburgh, 1997).

Brown, George Mackay, *Rockpools and Daffodiis: An Orcadian Diary 1979–1991* (Gordon Wright, Edinburgh, 1992).

Brown, Peter Hume, ed., *Scotland before 1700 from Contemporaiy Documents* (David Douglas, Edinburgh, 1893).

Brown, P. Hume, *Early Travellers in Scotland* (David Douglas, Edinburgh, 1891).

Brown, Thomas, ed., *Annals of the Disruption* (Macniven & Wallace, Edinburgh, 1876–1884).

Bruce, George, and Scott, Paul H., eds, *A Scottish Postbag: Eight Centuries of Scottish Letters QN.* & R. Chambers, Edinburgh, 1986).

Buchanan, George, *Rerum Scoticarum Historia, 1582, The History of Scotland*, trans. James Aikman (Blackie, Fullarton & Co., Glasgow, Archibald Fullerton & Co., Edinburgh, 1827).

Burton, John Hili, ed., *The Autobiography of Dr Alexander Carlyle of Inveresk 1722–1803* (London,

1910).

Carey, Robert, *The Stirnng World of Robert Carey, Robert*
Carey's Memoirs, 1577–1625 (www.RippingYams.com, 2005).

Carlyle, Thomas, ed., *Oliver CromwelVs Letters and Speeches* (Chapman & Hali, London, 1847).

Chalmers, Patrick R., ed., *Kenneth Grahame: Life, Letters and Unpublished Work* (Methuen, London, 1933).

Cockburn, Henry Cockburn, Lord, *Memorials of His Time* (1856, revised and abridged edn, R. Grant, Edinburgh, 1945).

Cooke, Anthony, Donnachie, Ian, MacSween, Ann, Whatley, Christopher A., eds, *Modem Scottish History 1707 to the Present: Vol. 5 Major Documents* (Tuckwell Press, Edinburgh, 1998).

Darien Letters, from the Spencer Collection, Glasgow University Library (Glasgow College Press, Glasgow, 1971).

Davies, John, ed., *Douglas of the Forests: The North American Journals of David Douglas* (Paul Harris Publishing, Edinburgh, 1980).

Defoe, Daniel, *A Tour thro' the Whole Island of Great Britain*, 1734 (London, 1734).

Devine, Tom, *Scotland's Empire 1600–1815* (Penguin,

London, 2003).

Devine, Tom, *The Scottish Nation 1700–2000* (Penguin, London, 1999).

Dickinson, W. Croft, Donaldson, Gordon, Milnes, Isabel A., eds, *Source Book of Scottish History,* vol. I (Thomas Nelson and Sons Ltd, Edinburgh, 1958).

Doyle, Sir Arthur Conan, *Memories &Adventures* (OUP, Oxford, 1989).

Dunn, Jane, *Elizabeth and Mary: Cousins, Rivals, Queens* (HarperCollins, London, 2003).

Duns, J., *Memoir of Sir James Y. Simpson, Bart* (Edinburgh, 1873).

Durland, Kellogg, *Among the Fife Miners (Sonnenschein,* London, 1904).

Elvers, Rudolf, ed., *Felix Mendelssohn: A Life in Letters,* trans, from German by Craig Tomlinson (Fromm International Publishing Corporation, New York, 1986).

Ewing, Winnie, *Stop the World: The Autobiography of Winnie Ewing*, ea. Michael Russell (Birlinn, Edinburgh, 2004). /

The First and Second Statistical Accounts of Edinburgh (West Port Books, Edinburgh, 1998).

Forbes, Robert, *Jacobite Memoirs of the Rebellion of 1745*, ed. from the manuscripts of the Late Right Rev. Robert Forbes, A. M. Bishop of the Scottish Episcopal

Church, by Robert Chambers (Edinburgh, 1834).

Fordun, John of, *Chronicle of the Scottish People*, in *Historiam of Scotland,* vol. VI (Edinburgh, 1872).

Fraser, Antonia, *Mary Queen of Scots* (World Books, London, 1970). Fraser, David, ed., *The Christian Watt Papers* (Paul Harris Publishing, Edinburgh, 1983).

Froude, J. A., *Letters and Memorials ofjane Welsh Carlyle Prepared for Publication by Thomas Carlyle* (London, 1883).

Fyfe, J. G., ed., *Scottish Diaries and Memoirs 1550–1746* (Stirling, 1927). Fyfe, J. G., ed., *Scottish Diaries and Memoirs 1746–1843* (Stirling, 1942). Garioch, Robert, *Two Men and a Blanket: A Prisoner of War's Story* (Southside, Edinburgh, 1975).

Glasser, Ralph, *Growing Up in the Gorbals* (Chatto & Windus, London, 1986).

Grierson, H. J. C., *The Letters of Sir Walter Scott*, vol. IX (London, 1932–1937).

Gunn, Walter, *Sketches of the Sanitary and Social Condition of Greenock* (Greenock, 1865).

Hamilton, Ian R., *The Taking of the Stone of Destiny* (Lochar, Colonsay, 1991).

Hughes, Emrys, ed., *Keir Hardie's Speeches and Writings from 1888 to 1915* (Forward Printing and Publishing Company, Glasgow).

Johnson, Samuel, *A Journey to the Western Islands*

of Scotland (Folio Society, London, 1990).

King, Lillian, *Sair, Sair Wark: Women and Mining in Scotland* (Windfall Books, Kelty, 2001).

Knutsford, Viscountess, *Life and Letters of Zachary Macaulay* (London, 1900).

Laing, D., ed., *The Works of John Knox*, vol. VI (Edinburgh, 1895). Lauder, Harry, *Roamin' in the Gloamin'* (London, 1928).

Levison, Mary, *Wrestling with the Church* (Arthur James, London, 1992).

Lindsay, Ann, *Seeds of Blood and Beauty: Scottish Piant Explorers* (Birlinn, Edinburgh, 2005).

Livingstone, David, *The Last Journals of David Livingstone, in Central Africa, from 1863 to his Death*, vol. II (London, 1880).

Macdonald, John, *Memoirs of an Eighteenth-century Footman* (Century, London, 1985).

MacDougall, Ian, ed., *Voices from War: personal recollections of war in our century by Scottish men and women* (Mereat Press, Edinburgh, 1995).

Mcllvanney, Hugh, *Mcllvanney on Football* (Mainstream, Edinburgh, 1994).

Mclntyre, Donald B. and McKirdy, Alan *James Hutton, The Founder of Modern Geology* (NMS Publishing, Edinburgh, 2001).

Mackenzie, Agnes Mure, ed., *Scottish Pageant*, 4 vols

(Oliver & Boyd, Edinburgh & London, 1946–1949).

MacLeod, Donald, *Gloomy Memories of the Highlands* (Mereat Press, Edinburgh, 1991).

McLevy, James, *McLevy: The Edinburgh Detective* (Mereat Press, Edinburgh, 2001).

McLevy, James, *McLevy Retums: Further Disclosures of the Edinburgh Detective* (Mereat Press, Edinburgh, 2002).

McNeill, F. Marian, *The Scots Kitchen* (Blackie & Son Ltd, London, 1929).

Major, John, *A History of Greater Britain as well England as Scotland* (Scottish History Society, Edinburgh, 1892).

Martin, Martin, *A Description of the Western Islands of Scotland circa 1695* (Mereat Press, Edinburgh, 1999).

Maxwell, Sir H., ed., *The Chronicle of Lanercost, in Scottish Historical Review*, vi (Glasgow, 1909).

Mitchell, Joseph, *Reminiscences of My Life in the Highlands*, vols 1 and 2 (Chilworth, London, 1883–1884).

Morton, H. V., *In Scotland Again* (Methuen, London, 1933).

Mossner, Ernest Campbell and Simpson, Ian, eds, *The Correspondence of Adam Smith* (Clarendon Press, Oxford, 1977).

Muir, Edwin, *Scottish Journey* (Flamingo, London, 1935).

Myles, James, *Chapters in the Life of a Dundee Factory Boy* (J. Myles, Dundee, 1850).

Noble, H., *The Potato Famine in the Highlands, 1846–1849* (Highland Environmental Link Project, 1987).

Normand, Lawrence, and Roberts, Gareth, eds, *Witchcraft in Early Modern Scotland* (University of Exeter Press, Exeter, 2000).

Obree, Graeme, *Flying Scotsman: The Graeme Obree Story* (Birlinn, Edinburgh, 2003).

Owens, Joe, ed., *Miners 1984–1994: A Decade of Endurance* (Polygon, Edinburgh, 1994).

Paterson, George, *The Eyemouth Fishing Disastef,* the *Scotsman*, 17 October 1881.

Patrick, James, *A Glasgow Gang Observed* (Eyre Methuen, Londoly, 1973).

Patterson, R. F., *Ben Jonson's Conversations with Drummond of Hawthornden* (Blackie & Son Ltd, London, 1923).

Petrie, Adam, *The Works of Adam Petrie, the Scotish [sic] Chesterfield* (Edinburgh, 1877).

Reid, Jimmy, *Reflections of a Clyde-Built Man,* ed. Ruth Wishart (Souvenir Press, London, 1976).

Robinson, Eric and McKie, Douglas, eds, *Partners in Science: Letters of James Watt and Joseph Black*

(Constable, London, 1971).

Ross, David, *From Scenes Like These: Scottish Anecdotes and Episodes* (Birlinn, Edinburgh, 2000).

Scott, Hon. Mrs Maxwell, *The Tragedy of Fotheringay* (Sands, Edinburgh, 1905).

Scott, Paul H., *Defoe in Edinburgh and Other Papers* (Tuckwell Press, Edinburgh, 1995).

Scott, P. H., *Scotland: An Unwon Cause* (Canongate, Edinburgh, 1997).

Sharpe, C. K., ed., James Kirkton, *Secret and True History of the Church of Scotland* (Edinburgh, 1817).

Smith, Gavid D., *The Scottish Smuggler (*Birlinn, Edinburgh, 2003).

Smout, T. C., *A History of the Scottish People 1560–1830* (Collins, London, 1969).

Smout, T. C., *A Century of the Scottish People 1830–1950* (Collins, London, 1986).

Smout, T. C., and Wood, Sydney, *Scottish Voices, 1745–1960* (Collins, London, 1990).

Somerville, Alexander, *The Autobiography of a Working Man* (London, 1848).

Stevenson, Robert, *An Account of the Bell Rock Lighthouse* (Constable, London, 1824).

Stevenson, Robert Louis, *The Lantern Bearers and other essays*, by RLS, ed. Jeremy Treglown (Chatto & Windus, London, 1988).

The Trial of Thomas Muir younger, of Huntershill, Before the High Court of Justiciary, at Edinburgh, on the 30th and 31st Days of August, 1793 (London, 1793).

Victoria, Queen, *Queen Victoria's Highland Journals*, ed. David Duff (Webb and Bower, Exeter, 1980).

Wall, Joseph Frazier, *Andrew Carnegie* (OUP, New York, 1970).

Weld, Charles Richard, *Two Months in the Highlands* (London, 1860).

Williamson, Duncan, *The Horsieman: Memories of a Traveller* (Canongate, Edinburgh, 1994).

Wilmut, Ian and Highfield, Roger, *After Dolly: The Uses and Misuses of Human Cloning* (Little, Brown, London, 2006).

Wilson, John, *Tales and Travels of a School Inspector: In the Highlands and Islands at the End of the Nineteenth Century* (Acair Ltd, Stornoway, 1998).

Yeoman, Louise, ed., *Reportage Scotland* (Luath Press, Edinburgh, 2000).

Розмари Горинг окончила факультет социально-экономической истории университета Сент-Эндрюс.

Она участвовала в составлении «Биографического словаря Чамберса», работала во многих печатных изданиях, а в настоящее время является литературным редактором газеты «Герольд».

И вот сие гнусное воинство, более дикое, нежели любая орда язычников, не почитающее ни Бога, ни человека, разорило всю область и убивало всех без разбора, обоего пола, всякого возраста и состояния, уничтожая, грабя и сжигая поместья, церкви и дома простого народа. Они предавали местных мечу или пронзали копьями, не щадили ни раненых, ни женщин в тягости или разрешающихся от бремени, ни младенцев в люльках, ни тех, что припадали к материнской груди или цеплялись за материнские юбки, ни самих матерей, ни ветхих старцев, ни немощных старух, ни кого другого, отмеченного тем или иным увечьем, где бы их ни находили. И чем ужаснее была смерть, коей они предавали невинных, тем шумнее они радовались…

Аилред из Риво

Войдя, мы увидели старуху, варившую в котелке козлятину. У нее пятеро детей, из которых еще ни один не отделился. Старший, мальчик тринадцати лет, вместе с ее мужем, которому восемьдесят, ушел валить деревья в лес. Два других сына отправились в Инвернесс покупать еду, то бишь овсяную муку. Мясо она считала дорогим удовольствием и сказала, что по весне, когда козы приносят приплод и дают молоко, дети вполне могут обойтись без мяса. Она владела шестью козами, а в пристройке рядом с домом я видел множество козлят. Также она разводит домашнюю птицу. У озера мы увидели огород с картофелем и участок земли, на котором лежали четыре доски с двенадцатью снопами ячменя. Все в доме сделано собственными руками, а если что нужно купить, это выменивается на рынке на козлят и цыплят.

Сэмюел Джонсон

Овсянка холодным зимним утром — я полагаю, что северяне питали себя ов-

сянкой той или иной разновидности на протяжении столетий. И, конечно, до появления кукурузных хлопьев овсянка была важной частью нашей диеты. Нам в детстве она категорически не нравилась, наряду с фаршем, похлебкой, супом и вареной рыбой; мы терпели, но отнюдь не наслаждались. Единственная пища, доставлявшая удовольствие. — яичница с ветчиной, сосиски, пирожки, в особенности сладкие, шоколад и конфеты.

Пока коровы жевали сено, мы вяло поглощали овсянку, потому что «она полезная»...

Джордж Маккей Браун

Scan By Vitautas & Kali